thank you

Олонхо

Annotation

Венцом словесного искусства якутского народа, его любимым и наиболее характерным видом творчества являются большие героические сказания, называемые олонхо.

- «Олонхо»
  -
  - ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ОЛОНХО
  - ПЕСНЬ ПЕРВАЯ
    - СТИХ 1
    - СТИХ 2
    - СТИХ 3
    - СТИХ 4
    - СТИХ 5
    - СТИХ 6
    - СТИХ 7
    - СТИХ 8
    - СТИХ 9
    - СТИХ 10
    - СТИХ 11
    - СТИХ 12
    - СТИХ 13
    - СТИХ 14
    - СТИХ 15
    - СТИХ 16, ПЕСНЯ СЫНА АБААСЫ
    - СТИХ 17
    - СТИХ 18
  - ПЕСНЬ ВТОРАЯ
    - СТИХ 19
    - СТИХ 20
    - СТИХ 21
    - СТИХ 22
    - СТИХ 23
    - СТИХ 24

- СТИХ 25
- СТИХ 26
- СТИХ 27
- СТИХ 28
- СТИХ 29
- СТИХ 30
- СТИХ 31
- СТИХ 32
- СТИХ 33
- СТИХ 34
- СТИХ 35
- СТИХ 36
- СТИХ 37
- СТИХ 38
- СТИХ 39
- СТИХ 40
- СТИХ 41
- СТИХ 42
- СТИХ 43

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- СТИХ 44
- СТИХ 45
- СТИХ 46
- СТИХ 47
- СТИХ 48
- СТИХ 49
- СТИХ 50
- СТИХ 51
- СТИХ 52
- СТИХ 53
- СТИХ 54
- СТИХ 55
- СТИХ 56
- СТИХ 57
- СТИХ 58
- СТИХ 59
- СТИХ 60

- СТИХ 61
- СТИХ 62
- СТИХ 63
- СТИХ 64
- СТИХ 65
- СТИХ 66
- СТИХ 67
- СТИХ 68
- СТИХ 69
- СТИХ 70
- СТИХ 71
- СТИХ 72
- СТИХ 73

- ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - СТИХ 74
  - СТИХ 75
  - СТИХ 76
  - СТИХ 77
  - СТИХ 78
  - СТИХ 79
  - СТИХ 80
  - СТИХ 81
  - СТИХ 82
  - СТИХ 83
  - СТИХ 84
  - СТИХ 85
  - СТИХ 86
  - СТИХ 87
  - СТИХ 88
  - СТИХ 89
  - СТИХ 90
  - СТИХ 91
  - СТИХ 92
  - СТИХ 93
  - СТИХ 94
  - СТИХ 95
  - СТИХ 96

- СТИХ 97
- СТИХ 98
- СТИХ 99
- СТИХ 100
- СТИХ 101
- СТИХ 102
- СТИХ 103
- СТИХ 104
- СТИХ 105
- СТИХ 106
- СТИХ 107
- СТИХ 108
- СТИХ 109
- СТИХ 110
- СТИХ 111
- СТИХ 112
- СТИХ 113
- СТИХ 114
- СТИХ 115

- ПЕСНЬ ПЯТАЯ
  - СТИХ 116
  - СТИХ 117
  - СТИХ 118
  - СТИХ 119
  - СТИХ 120
  - СТИХ 121
  - СТИХ 122
  - СТИХ 123
  - СТИХ 124
  - СТИХ 125
  - СТИХ 126
  - СТИХ 127
  - СТИХ 128
  - СТИХ 129
  - СТИХ 130
  - СТИХ 131
  - СТИХ 132

- СТИХ 133
- СТИХ 134
- СТИХ 135
- СТИХ 136
- СТИХ 137
- СТИХ 138
- СТИХ 139
- СТИХ 140
- СТИХ 141
- СТИХ 142
- СТИХ 143
- СТИХ 144
- СТИХ 145
- СТИХ 146
- СТИХ 147
- СТИХ 148

- ПЕСНЬ ШЕСТАЯ
  - СТИХ 149
  - СТИХ 150
  - СТИХ 151
  - СТИХ 152
  - СТИХ 153
  - СТИХ 154
  - СТИХ 155
  - СТИХ 156
  - СТИХ 157
  - СТИХ 158
  - СТИХ 159
  - СТИХ 160
  - СТИХ 161
  - СТИХ 162
  - СТИХ 163
  - СТИХ 164
  - СТИХ 165
  - СТИХ 166
  - СТИХ 167
  - СТИХ 168

- СТИХ 169
- СТИХ 170
- СТИХ 171
- СТИХ 172
- СТИХ 173
- СТИХ 174
- СТИХ 175
- СТИХ 176
- СТИХ 177
- СТИХ 178
- СТИХ 179
- СТИХ 180
- СТИХ 181
- СТИХ 182
- СТИХ 183
- СТИХ 184
- СТИХ 185
- СТИХ 186
- СТИХ 187
- СТИХ 188
- СТИХ 189
- СТИХ 190
- СТИХ 191
- СТИХ 192
- СТИХ 193
- СТИХ 194
- СТИХ 195
- СТИХ 196
- СТИХ 197
- СТИХ 198
- СТИХ 199
- СТИХ 200
- СТИХ 201
- СТИХ 202
- СТИХ 203
- СТИХ 204
- СТИХ 205

- СТИХ 206
- СТИХ 207
- СТИХ 208
- СТИХ 209
- СТИХ 210
- СТИХ 211
- СТИХ 212
- СТИХ 213
- СТИХ 214
- СТИХ 215

- ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ
  - СТИХ 216
  - СТИХ 217
  - СТИХ 218
  - СТИХ 219
  - СТИХ 220
  - СТИХ 221
  - СТИХ 222
  - СТИХ 223
  - СТИХ 224
  - СТИХ 225
  - СТИХ 226
  - СТИХ 227
  - СТИХ 228
  - СТИХ 229
  - СТИХ 230
  - СТИХ 231
  - СТИХ 232
  - СТИХ 233
  - СТИХ 234
  - СТИХ 235
  - СТИХ 236
  - СТИХ 237
  - СТИХ 238
  - СТИХ 239
  - СТИХ 240
  - СТИХ 241

- СТИХ 242
- СТИХ 243
- СТИХ 244
- СТИХ 245
- СТИХ 246

- ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ
  - СТИХ 247
  - СТИХ 248
  - СТИХ 249
  - СТИХ 250
  - СТИХ 251
  - СТИХ 252
  - СТИХ 253
  - СТИХ 254
  - СТИХ 255
  - СТИХ 256
  - СТИХ 257
  - СТИХ 258
  - СТИХ 259
  - СТИХ 260
  - СТИХ 261
  - СТИХ 262
  - СТИХ 263
  - СТИХ 264
  - СТИХ 265
  - СТИХ 266
  - СТИХ 267
  - СТИХ 268
  - СТИХ 269
  - СТИХ 270
  - СТИХ 271
  - СТИХ 272
  - СТИХ 273
  - СТИХ 274
  - СТИХ 275
  - СТИХ 276
  - СТИХ 277

- СТИХ 278
- СТИХ 279
- СТИХ 280
- СТИХ 281
- СТИХ 282
- СТИХ 283
- СТИХ 284
- СТИХ 285
- СТИХ 286
- СТИХ 287
- СТИХ 288
- СТИХ 289
- СТИХ 290
- СТИХ 291
- СТИХ 292
- СТИХ 293
- СТИХ 294
- СТИХ 295
- СТИХ 296
- СТИХ 297
- СТИХ 298, МЭНГЮРЮР БЁГЁ
- СТИХ 299
- СТИХ 300
- СТИХ 301
- СТИХ 302
- СТИХ 303
- СТИХ 304
- СТИХ 305
- СТИХ 306
- СТИХ 307
- СТИХ 308
- СТИХ 309
- СТИХ 310
- СТИХ 311
- СТИХ 312
- СТИХ 313, АРСАН ДУОЛАЙ
- СТИХ 314

- СТИХ 315
- СТИХ 316
- СТИХ 317
- СТИХ 318, КЮЭГЕЛДЬИН УДАГАН
- СТИХ 319
- СТИХ 320
- СТИХ 321
- СТИХ 322
- СТИХ 323
- СТИХ 324
- СТИХ 325
- СТИХ 326
- СТИХ 327
- СТИХ 328
- СТИХ 329
- СТИХ 330
- СТИХ 331
- СТИХ 332
- СТИХ 333
- СТИХ 334
- СТИХ 335
- СТИХ 336
- СТИХ 337
- СТИХ 338
- СТИХ 339
- СТИХ 340

«Олонхо»

ThankYou.ru: «Олонхо»

Спасибо, что вы выбрали сайт ThankYou.ru для загрузки лицензионного контента. Спасибо, что вы используете наш способ поддержки людей, которые вас вдохновляют. Не забывайте: чем чаще вы нажимаете кнопку «Благодарю», тем больше прекрасных произведений появляется на свет!

ЯКУТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ОЛОНХО
НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

На обширных пространствах северо-востока России живет немногочисленный народ тюркского происхождения — якуты. По переписи 1970 г. их было всего 296 тыс. человек.

Сегодня среди якутов много ученых, инженеров, врачей, учителей, специалистов с высшим и средним образованием по самым различным отраслям знания и народного хозяйства.

Прошлое же якутов было совершенно другим: этот небольшой народ прошел очень сложный путь исторического развития.

Прежде всего, якуты в отдаленном прошлом не обитали в Якутии. С незапамятных времен небольшими группами прибывали они на нынешнюю свою территорию. Этот процесс, вероятно, усилился в XIII в. и закончился около XIV–XV вв. Считается, что предки якутов до переселения в Якутию жили в северном Прибайкалье и в Приангарье. Неизвестно, как долго они там жили. И жили ли они в более отдаленные времена еще где-нибудь в другом мест**е** Вполне возможно, что далекие предки якутов жили (или распространяли свой ареал) и намного западнее Прибайкалья. Во всяком случае, можно считать определенным: они находились в тесном общении с народами не только Саян, но и Алтая. Легендарные предки якутов — курыканы упоминаются в орхонских надписях VI–VIII вв.

Обычно принято считать, что якуты переселились на свою нынешнюю родину под давлением более сильных соседей. Межплеменные войны, конечно, сыграли большую роль. Именно под давлением соседей слабые племена предков якутов покидали обжитые места. Но, кроме этого, видимо, были и «мирные» причины для постепенного передвижения на север и северо-восток мелких групп лесных охотников и рыболовов. Первыми двинулись, вероятно, самые неимущие слои — в поисках изобильных охотничьих и рыболовных

угодий. Эти первые «переселенцы», должно быть, имели лишь малое количество скота и лошадей или вовсе не имели их. Исторические предания отмечают приход в Якутию не только богатого Омогоя, обладавшего большим количеством скота и людей, но и бедного Эллея, прибывшего в одиночестве. Это вообще был разнородный элемент — не только тюркского, но частично и монгольского происхождения. Они ассимилировали часть местных племен, и спустя века образовался современный якутский народ, называющий себя «саха» и давший свое имя Якутии. Некоторую роль в этногенезе якутов сыграли и русские — через смешанные браки.

Якутский язык сложился на основе тюркского с некоторым элементом монгольского. Частично в нем имеются и корни лексики местных народов Якутии; современный якутский язык имеет много слов, проникших из русского языка или через него. Это понятно: с первых же лет общения с русскими в якутский обычай входило множество предметов и понятий, терминов культуры, ранее неизвестных якутам. Названия их осваивались якутами в своем фонетическом оформлении, и они постепенно входили в словарный состав их языка как «свои слова». Это видно и по олонхо: в нем много слов, вошедших из русского языка, например, «тэриэккэ» (тарелка), «хобордоох» (сковорода), «чааскы» (чашка).

Жили якуты на своей новой родине в очень трудных условиях. Надо было приспосабливаться к страшным климатическим и другим природным условиям, сохранять в этих условиях скот. Их терзали межплеменные стычки, кровная месть.

Этот сложный исторический путь якутского народа отразил его богатейший фольклор. Изустно передаваясь из поколения в поколение, он заменял и литературу, и историю, и семейную хронику, сохранял драгоценные крупицы народного опыта.

Здесь нет возможности хотя бы кратко остановиться и сколько-нибудь пространно рассказать о жанрах якутского фольклора. Упомянем только некоторые из них.

В древних исторических преданиях рассказывается о кровной мести и о межплеменных войнах и распрях, разъедавших народ. В более поздних рассказах (XVIII–XIX вв.) повествуется о невыносимом гнете и произволе диких тойонов, об удалом «благородном разбойнике» Манчары, мстившем баям и грабившем их, а потом

раздававшем награбленное беднякам. Фольклор сохранил нам песни, которые пел якутский народ веками. В длинных бытовых песнях раскрывается повседневная жизнь и быт народа. В этих песнях жизнь людей описывается своеобразно: путем описания «жизни и деятельности» предметов быта (например, веника), рабочего скота и пр. У якутов широко развиты жанры обрядового фольклора, шуточных песен, сказок, анекдотов, пословиц и поговорок, рассказов и преданий о замечательных людях и пр.

Венцом словесного искусства якутского народа, его любимым и наиболее характерным видом творчества являются большие героические сказания, называемые олонхо.

Олонхо — общее название героического эпоса якутов, состоящего из множества больших сказаний. Средний размер их 10–15 тысяч стихотворных строк. Крупные олонхо доходят до 20 и более тысяч стихотворных строк. Путем контаминации различных сюжетов якутские олонхосуты (сказители олонхо) в прошлом создавали еще более крупные олонхо, но они остались незаписанными.

Сейчас никто не знает, сколько было всего олонхо в период наивысшего расцвета его бытования. Здесь более всего уместно сказать: «бесчисленное множество». Подсчет всех одновременно существовавших олонхо крайне затруднен. Дело в том, что любой сюжет из одного олонхо можно более или менее безболезненно перенести в другое. Можно, наоборот, без особого ущерба и сократить, выбросив целые сюжеты или отдельные детали, эпизоды, различные описания.

«Взаимопроникаемость» и возможность сокращения или увеличения объема олонхо без особого ущерба для его содержания и логики развития событий составляют характерную особенность якутского эпоса, как следствие сходства сказаний.

Якутские олонхо — эпос очень древнего происхождения. Истоки их восходят еще к тем временам, когда предки якутов жили на своей прежней родине и тесно общались с древними предками тюрко-монгольских народов Алтая и Саян. Об этом говорит общность сюжета олонхо с сюжетом эпоса этих народов, сходство в строе языка и лексике.

Как указано выше, предки якутов, курыканы, имели общение с древними тюрками в VI–VIII вв. Из исторических преданий якутов и

бурят видно, что последним монгольским племенем, с которым сталкивались якуты (вероятно, в северном Прибайкалье), были буряты. Это могло происходить не позднее XV в. Между этими довольно удаленными датами и надо искать первоначальные истоки олонхо. Учитывая, что в олонхо имеются отзвуки связей с древними тюрками, вполне возможно, что эти «истоки» восходят к концу первого тысячелетия, где-то около VIII–IX вв.

Стадиально якутский эпос относится к позднеродовому периоду. О том, что это эпос родового периода, свидетельствуют, например, мифология олонхо, отражающая патриархально-родовые отношения, пережитки анимистических взглядов, сюжеты (борьба с чудовищами), пережитки общеродового дележа добычи (сохранившиеся в некоторых олонхо), экзогамный брак. Об этом же говорят лук и стрелы как оружие боя и орудие труда (на охоте). А на то, что это эпос позднеродового периода — времени «военной демократии» у тюрко-монгольских народов Сибири указывает характер скотоводческой деятельности героев — преобладание развитого скотоводства, особенно коневодства: богатырь верхом на коне, конь его главный друг и помощник. Наоборот, его противник часто рисуется на быке в санной упряжке или верхом на чудовищном звере. Рыболовство и охота — в тени, на втором плане (герой охотится только в начале своей жизни). Родовое общество фактически разделено на героев (родовых аристократов и вождей) и их челядь — домашних рабов, которые принадлежат к неполноценным членам семьи и общества. Герой — вождь всего своего племени, младшие богатыри ему безусловно подчиняются. Есть признаки начавшегося разделения труда — выделен кузнец и кузнечное ремесло. Кузнецы куют железные предметы труда и боя. О том, что олонхо — эпос позднеродового периода, говорит и довольно высоко развитая и стройная религиозная система. Выделился «олимп» — сонм добрых божеств во главе с Юрюнг Аар Тойоном (Белый Великий Господин). Добрым божеством противостоят злые подземные божества (мир дуалистичен) во главе с Арсан Дуолаем. Его люди — абаасы творят зло и насилие.

Кроме Верхнего мира (небес) и подземного, Нижнего мира, существует Средний мир, т. е. собственно земля. В Среднем мире живут люди, а также духи различных предметов, называемые «иччи». В олонхо каждое живое существо, каждый предмет имеет свой дух

«иччи». Особенно значительна богиня Аан Алахчын Хотун — дух земли. Она обитает в родовом священном древе Аар-Лууп-Мас («Великое Дуб-Дерево»). Богиня земли помогает герою и его людям, ходатайствует перед богами в пользу людей, благословляет идущего в поход героя, вселяет в него силу, дав выпить молоко из своей груди. Герою, находящемуся в походе, очень нужны духи-«иччи» различных мест, горных проходов, рек, морей. Ему приходится их одаривать, чтобы они благополучно пропустили его через свою территорию, не устраивали ему разных помех.

В олонхо описывается изначальная жизнь человека с первого появления его на земле. Человек, появившись на земле, начинает организовывать жизнь на ней, преодолевая различные препятствия, встающие на его пути. Препятствия эти создателям олонхо представляются в виде чудовищ, заполонивших прекрасную страну. Они разрушают ее и уничтожают на ней все живое. Человек должен очистить страну от этих чудовищ и создать на ней изобильную, мирную и счастливую жизнь. Таковы высокие цели, стоящие перед первым человеком. Поэтому им должен быть необыкновенный, чудесный герой с предопределенной свыше судьбой, специально посланный:

Чтоб улусы солнечные
Защитить,
Чтоб людей от гибели
Оградить.

Во всех олонхо первый человек — герой.

Герой и его племя божественного происхождения. Поэтому племя героя называется «айыы-аймага» («родственники божества»). Под именем племени «айыы-аймага» подразумеваются предки якутов — создателей олонхо.

Соответственно своему высокому назначению, герой изображается не только самым сильным, но и красивым, статным. В олонхо внешний облик человека отражает его внутреннее содержание. Поэтому герой Нюргун Боотур Стремительный:

Строен станом, словно копье,
Стремителен, как стрела,
Был он лучшим среди людей,
Сильнейшим среди людей,
Красивейшим среди людей,
Храбрейшим среди людей.
Не было равных ему
В мире богатырей.

Но герой, прежде всего, могущественный богатырь, ведущий смертельную борьбу. Поэтому он рисуется еще величественным и грозным:

Огромен он, как утёс,
Грозен лик у него,
Выпуклый лоб его
Крут и упрям;
Толстые жилы его
Выступают по телу всему;
Бьются, вздуваются жилы его —
Это кровь по жилам бежит.
Впалые у него виски,
Чутко вздрагивают нервы его
Под кожею золотой.
Нос его продолговат,
Нрав у него крутой.

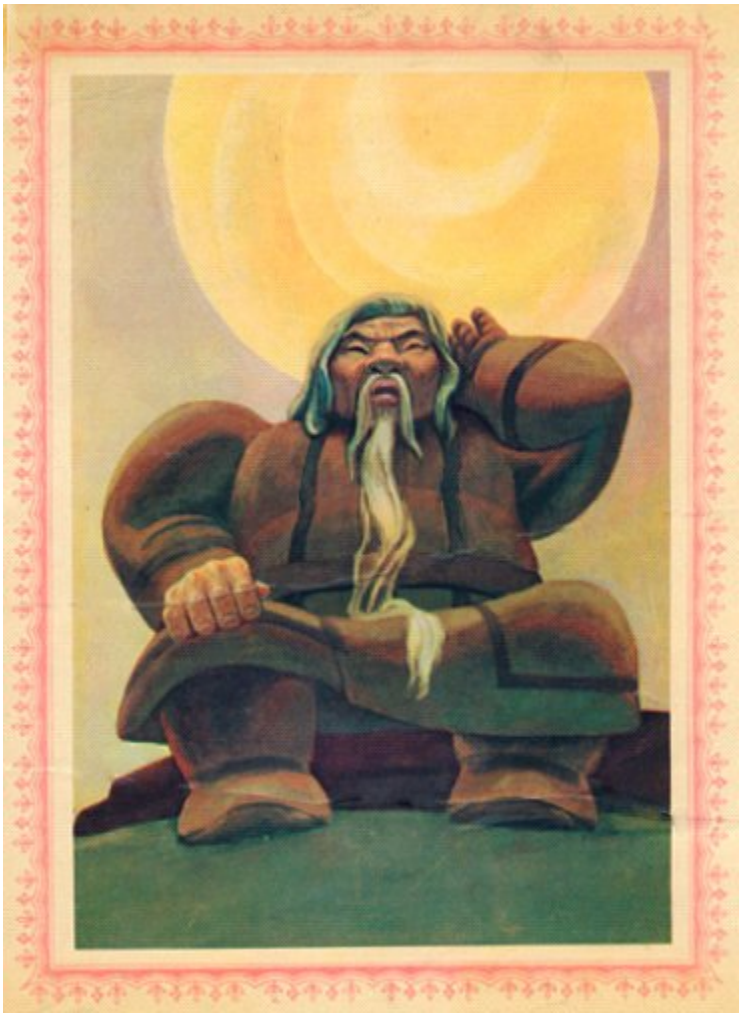
Образы олонхо резко контрастны. Если герой — добрый защитник людей, спасающий всех попавших в беду, то представители племени «абаасы-аймага» (букв.: «родственники черта») рисуются как злые и безобразные чудовища — это однорукие и одноногие циклопы. Они наделены всеми мыслимыми пороками (злобой, жестокостью, похотливостью, нечистоплотностью). Богатыри абаасы нападают на людей, грабят и разрушают их страну, похищают женщин. Похищение женщин в олонхо показывается как символ всех обид, оскорблений и

унижений людей. При всем этом богатыри абаасы носят бесспорные человеческие черты. Отношения их между собой строятся по типу человеческих племенных отношений. Арсан Дуолай носит признаки главы патриархального рода. В ходе событий герои вступают с ними в переговоры. Переговоры эти похожи на переговоры между представителями враждующих племен. Герои с богатырями и шаманками абаасы совершают различные сделки: временно мирятся, дают друг другу клятву не нападать во время перемирия. Иногда герои побежденных ими богатырей абаасы не убивают, а отпускают с миром, взяв слово больше не нападать на людей, или обращают их в рабов. Интересны в этом отношении брачные сделки между побежденными богатырями айыы и могущественными шаманками абаасы — победительницами их. Шаманки абаасы похотливы, кроме того, у них нестерпимо желание выйти замуж за богатыря айыы. Для этого они готовы предать даже родного брата — главного противника героя. Пользуясь этой их слабостью, побежденный ими богатырь айыы дает обманное обещание жениться на шаманке-победительнице и совершает с ней различные сделки против ее брата. Соглашение это шаманка абаасы выполняет, а богатырь айыы нет. Иногда богатыри айыы и абаасы становятся побратимами, что носит, однако, временный характер, так как постоянная дружба и побратимство с абаасы в олонхо считаются невозможными. Все это говорит о том, что в образе богатырей абаасы, пусть в мифологизированном и фантастическом виде, отражены черты реальных древних племен, с которыми некогда воевали предки современных якутов.

Вокруг героев и богатырей абаасы группируются все остальные персонажи олонхо: родители и родственники, добрые и злые божества и духи, шаманы и шаманки, вестники, рабы, «стражи» разных мест и множество других второстепенных персонажей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

СТИХ 1



Осьмикрайняя,
Об осьми ободах,
Бурями обуянная
Земля — всего живущего мать,
Предназначенно-обетованная,
В отдаленных возникла веках.
И оттуда сказание начинать.

Далеко, за дальним хребтом
Давних незапамятных лет,
Где все дальше уходит грань
Грозных, гибельных, бранных лет,
За туманной дальней чертой
Несказанных бедственных лет,
Когда тридцать пять племен,
Населяющих Средний мир,
Тридцать пять улусов людских
Не появились еще на земле;
Задолго до той поры,
Как родился Арсан Дуолай,
Злодействами возмутивший миры,
Что отроду был в преисподней своей
В облезлую доху облачен,
Великан с клыками, как остроги;

Задолго еще до того,
Как отродий своих народила ему
Старуха Ала Буурай,
С деревянной колодкою на ногах
Появившаяся на свет;
В те года, когда тридцать шесть
Порожденных ими родов,
Тридцать шесть имен и племен
Еще были неведомы сыновьям
Солнечного улуса айыы
С поводьями за спиной,
Поддерживаемым силой небес,
Провидящим будущий день;
И задолго до тех времен,
Когда великий Улуу Тойон
И гремящая Куохтуйа Хотун
Еще н**е** жили на хребте
Яростью объятых небес,
Когда еще не породили они
Тридцать девять свирепых племен,
Когда еще не закл**я**ли их
Словами, разящими, словно копье,
Люди из рода айыы-аймага
С поводьями за спиной —
В те времена
Была создана
Изначальная Мать-Земля.

Прикреплена ли она к полосе
Стремительно гладких, белых небес —
Это неведомо нам;
Иль на плавно вертящихся в высоте
Трех небесных ключах
Держится нерушимо она —
Это еще неизвестно нам;
Иль над гибельной бездной глухой,
Сгущенным воздушным смерчем взметена,
Летает на крыльях она —
Это не видно нам;
Или кружится на вертлюге своем
С песней жалобной, словно стон —
Этого не разгадать…

Но ни края нет, ни конца,
Ни пристанища для пловца
Средь пучины неистово грозовой
Моря, дышащего бедой,
Кипящего соленой водой,
Моря гибели, моря Одун,
Бушующего в седловине своей…

Плещет в грохоте грозовом,
Дышит яростью, полыхает огнем
Древнее ложе Земли —
Грозное море Сюнг
С неколебимым дном,
Тучами заваленное кругом,
Кипящее соленой водой,
Мглой закрывающее окоем,
Сонма лютых смертей притон,
Море горечи, море мук,
Убаюканное песнями вьюг,
Берега оковавшее льдом.

С хрустом, свистом
Взлетает красный песок
Над материковой грядой;
Жароцветами прорастает весной
Желтоглинистая земля
С прослойкою золотой;
Пронизанная осокой густой
Белоглинистая земля
С оттаявшею корой,
С поперечной балкой столовых гор,
Где вечен солнечный зной,
В широких уступах глинистых гор,
Объятых клубящейся голубизной,
С высоким гребнем утесистых гор,
Перегородивших простор…

С такой твердынею под пятой,
Нажимай — не колыхнется она!
С такой высоченной хребтиной крутой,
Наступай — не прогнется она!
С широченной основой такой,
Ударяй — не шатнется она! —
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
На шести незыблемых обручах,
Убранная в роскошный наряд,
Обильная щедростью золотой,
Гладкошироκая, в ярком цвету,
С восходяще-пляшущим солнцем своим,
Взлетающим над землей;
С деревами, роняющими листву,
Падающими, умирая;
С шумом убегающих вод,
Убывающих, высыхая;
Расточающимся изобильем полна,
Возрождающимся изобильем полна,
Бурями обуянная —
Зародилась она,
Появилась она —
В незапамятные времена —
Изначальная Мать-Земля…

СТИХ 2

Коль стану я вспоминать,
Как старый олонхосут,
Ногу на ногу положив,
Начинал запев олонхо
На ночлеге — у камелька,
Продолжал рассказ до зари
Про далекие времена,
Как размножились под землей,
Разъяряясь на человеческий род,
Адьараи-абаасы,
Как возник народ уранхай-саха,
Как три мира были заселены…
Коль стану я в лад ему —
Сказителю седому тому,
Как эмисский прославленный Тюмэппий,
По прозванию «Чээбий»,
Стройно сплетать
Словесный узор;

Стану ли стих слагать,
Старому Куохайаануподстать, —

То скороговоркой,
То нараспев —
Так начну я сказанье свое.

На широком нижнем кругу
Восьмислойных, огненно-белых небес,
На вершине трехъярусных
Светлых небес,
В обители полуденных лучей,
Где воздух ласково голубой,
Среди озера — никогда

Не видавшего ни стужи, ни льда,
На престоле, что вырублен целиком
Из молочно-белой скалы,
Нежным зноем дыша,
В сединах белых, как молоко,
В высокой шапке из трех соболей,
Украшенной алмазным пером,
Говорят — восседает он,
Говорят — управляет он,
Белый Юрюнг Аар Тойон.

Подобная сиянию дня,
Подобная блистанью огня,
Солнце затмевающая лицом,
С ланитами светлей серебра,
Играющими румянцем живым,
Как рассветы и вечера,
Адьынга Сиэр Хотун,
Подруга владыки небес,
Супруга — равная блеском ему,
Есть у него, говорят.

Породили они в начале времен
Светлое племя айыы —
Красивых богатырей-сыновей,
Красивых дочерей
С поводьями за спиной.
В улусах солнца они живут,
Стремянные — шаманы у них,
Удаганки — служанки у них,

А в сказаньях седых времен
Прежде слыхали мы,
От предков узнали мы,
Что, кроме рода айыы,
За гранью мятежных небес,

За гранью бурных небес,
Летящих с запада на восток,
В кипящей области бурь
Утвердились в начале времен
Прародители девяти племен
Верхних адьараев-абаасы.
Железными клювами бьет
Пернатая их родня.
Родич их — Бэкийэ Суорун Тойон,
Чья глотка прожорливая, говорят,
В завязку шапки величиной;
Небесный ворон Суор Тойон,
Чье горло алчное, говорят,
В наколенник развязанный шириной…

В том улусе, в бездонной тьме,
Под крышею вихревых небес,
За изгородью с теневой стороны,
За большим загоном с другой стороны,
Необузданно лютая, говорят,
Непомерно огромная,
Гневно строптивая,
Гремящая Куохтуйа Хотун
Хозяйкой сидит, госпожой
На кровавом ложе своем.

Если слово ярко-узорно плести,
Если речь проворно вести,
Должен правду я говорить,
Старых сказочников повторить:
У почтенной старухи такой
Был ли равный ей друг-супруг —
В объятьях ее лежать,
Был ли кто достойный ее —
На ложе кровавом с ней
Любовные утехи делить?
Так об этом рассказывали старики:

Дремлет за тучами исполин
С красным наростом над кадыком
В дюжего дитятю величиной;
Из ороговелого горла его,
Из-под грузного подбородка его
Ниспадает до самой земли
Посох вертящийся огневой…
Если рогатину в семь саженей
В бок, под ребра ему
До основанья всадить —
Хлопая себя по бедру,
Всполошенно вскинется он,
С воплем проснется он,
Грозно воссядет он,
Разгневанно ворча, бормоча,
Великий Улуу Суорун Тойон.
Вот, оказывается, какой
Чудовищный муж-старик
Есть у Куохтуйа Хотун.

После великих древних боев,
Всколебавших до основания твердь
Необъятно гулких небес,
Улуу Тойона бойцы-сыновья,
Отпрыски старухи его,
Заселили весь южный край
Завихряющихся в бездну небес.
Тридцать девять их было родов,
Неуемно свирепых задир,
Возмущавших издревле мир
На небе и на земле.

Если стану подробно повествовать,
Старому Аргунову подстать,
Если увлеченно начну,
Как Табахаров, песню слагать,

Воздавая славу тем племенам,
Называя по именам
Рожденных в облезлой дохе
С деревянными колодками на ногах
Матерых богатырей,
Которых подземный мир
Атаманами своими зовет,
От которых из пропасти Чёркёчёх,
Из бездны Ап-Салбаныкы
Исторглись бесчисленные рои
Пагубно-кровавых смертей,
Коль об этом начну говорить —
Будет такой рассказ:

Если чародейный аркан
О восьмидесяти восьми петлях,
С силою метнув, захлестнуть
На шеях восьмидесяти восьми
Шаманов, оборотней, ведунов,
Кружащихся, как снеговой ураган
Северных ущербных небес,
И швырнуть их разом
В мглистую пасть
Погибельной пропасти той —
Не набьешь утробу ее,
Не обойдешь коварства ее.

Хлопающий бездонным жерлом
Хапса Буурай — сородич такой,
С захлопывающейся крышкой стальной
Нюкэн Буурай — такая родня
Есть, оказывается, у них.

Всей породе Аан Дарасы
Матерью древней была
Старуха Ала Буурай
По имени Аан Дьаасын,

Прославленная хотун-госпожа,
С деревянною колодкою на ногах
Появившаяся на свет.

У почтенной старухи такой
Был ли ей равный друг,
Достойный в объятиях ее лежать,
Достойный взбираться по вечерам
На высокое лоно ее?
Что об этом предание говорит?
Что об этом поют старики?

Ставший корнем всех
Адьарайских племен,
Отцом подземных абаасы,
Нижнего мира тойон-властелин,
Родившийся в облезлой дохе,
С клыками, торчащими, как остроги,
Луогайар Луо Хаан-великан
По имени Арсан Дуолай
Мужем был у старухи Ала Буурай.

СТИХ 3

Далеко, за дальним хребтом
Раздорами обуянных веков,
Когда кровожадные богатыри,
Обитатели бурных небес,
Словно копья молний, резали высь;
Далеко, за дальней чертой
Бушевавших смутой веков,
Когда потомки подземных владык
Рыскали, пасти разъяв;
За пределами сгинувших навсегда
Древних бранных веков,
Когда племена уранхай-саха,
Дети солнечного улуса айыы
Не появились еще на земле,
Тогда, в незапамятные года,
Три враждебных рода богатырей —
Светлые исполины айыы
И враги их — верхние абаасы
И подземные абаасы,
Копьями на лету потрясая,
С воплем сшибались, дрались;
Рогатины всаживали друг в друга,
Рогатинами поддевали друг друга…
Грозовые удары, гром,
Голеней перелом,
Суматоха, переполох
С утра д**о** ночи — день за днем.
Мертвой хваткой за горло душа,
Бедренные кости круша,
Били друг друга в темя и в глаз,
Гнули друг друга до самой земли,
Подымали в воздух, крутя,
Проклиная, стеная, кряхтя,

Поединки по тридцать суток вели,
По темени палицами долбя,
Понапрасну силу губя,
Побить друг друга они не могли;
Хоть жестокосерды были они,
Бессмертны были они.

Незабываемая никогда
Нестихающая разразилась вражда,
Неслыханная беда…
Кованая секира блеснет —
Раскалывается, гремя, небосвод;
Стрела с тетивы слетит —
Молния полоснет…

Западный ветер крепчал,
Завывал, гудел, бушевал,
По девяти смерчей
Подымал, крутил, низвергал.
Из-под западного края небес
Дождь пос**ы**пал, снег повалил.
День не брезжил,
Месяц не светил,
Вставала густая мгла,
Тьма настала, хоть выколи глаз.

Перестали видеть друг друга бойцы,
Стали тьму пустую хватать,
Лягушками шлепаясь на животы,
Жуками торчмя торчать…

Сотрясался высокий свод
Необъятно гулких небес.
Обреченный сонмищу бед,
Средний серо-пятнистый мир,
Завихриваясь в круженье своем,
Захлестнутый морем огня,

Как трясина, зыбиться стал.

Бедственный преисподний мир,
Расплескиваясь, как лохань,
Против движения средней земли
Полетел, закружился, гудя,
Охваченный с четырех сторон
Багрово-синим огнем.
Оттого у него с четырех сторон
Выросли, поднялись
Четыре препоны — стены.

Девятое белое небо,
Объятое голубым огнем,
Расплескиваясь, как вода
В лукошке берестяном,
Обратно движению своему
Выгибаясь, как пятки задок,
От бешеной снеговой пурги,
От мчащейся ледяной шуги
Южным небом, где тучи клубятся,
Где вихри вечно кружатся,
Заслонилось, словно щитом.

С боевыми жилами — что не порвешь,
С кровью, что не прольешь,
С телами — что сталью пронзить нельзя,
С костяками — что сокрушить нельзя,
Дыханьем могучим наделены,
Бессмертьем одарены,
Три великих рода в извечной вражде
Сто веков сраженья вели;
Одолеть друг друга они не могли,
Сильные — изнемогли.

В бесполезной борьбе распалясь,
Как железо в огне, раскалясь,

То и дело стали они
В ледяное море нырять.
И всплывая из глубины,
Журча и сопя,
Дымясь и курясь,
Садились на каменном берегу
Дух немного перевести,
Поостыть на холодном ветру…
Задыхаются — трудно дышать,
Заикаются — слова не могут сказать,
Дыханье спирает у них —
В полдыхания дышат они.
В истоме головы опустив,
В густом тумане, во мгле,
Словно горы огромные, громоздясь,
Словно горн раздувающие мехи,
Будоража вздохами темную даль,
Стали думу думать они:

— Всколебался высокий свод
Необъятно гулких небес!
Всколыхнулся срединный мир!
Взбаламутился, как в лохани вода,
Подземный бедовый мир
От свирепой нашей вражды!

Покамест беды не возросли,
Покамест не треснули кости у нас,
Попробуем — миром поговорим,
Потремся лоб о лоб,
Добром посоветуемся обо всем!
К чему вслепую биться нам?
Не лучше ли помириться нам? —

Притихшие сидели они,
Пришли в себя еле-еле они.
Переглядываясь исподлобья сперва,

Перебрасываться словами пошли,
Понемногу речь повели…

С заостренными пальцами на руках,
Для разбоя рожденные абаасы,
Свирепые племена,
Чей предок Улуу Тойон,
Сговорились между собой:

— Нам от людей айыы
Наших злодейств не скрыть!
Догонять нас будут они,
Притеснять нас будут они…
Волкам с собаками в дружбе не жить;
Поселимся вдали от них! —

И ушли, укрылись они
На южном краю небес,
Где в обратную сторону тучи бегут,
Где ураганы ревут;
Там поселились они.

С меховыми подошвами на ногах,
Неслышно крадущиеся по ночам,
Привыкшие грабить и красть
Адьараи, чей предок Арсан Дуолай,
Сказали друг другу так:

— Богатыри улуса айыы
Будут вечно нас в грабеже уличать,
Будут нас догонять, притеснять.
А в глубоких нюкэнах —
В подземной тьме,
В пропасти Чёркёчёх,
Добраться до нас нелегко.
Мы ограбим их, оберем —
И в подземный мир уйдем, западем…

Бездна трех преисподних темна,
Кровля их на укрепах стальных… —
Так сговорившись, ушли они
В свой бедовый подземный мир.

Старейшины трех великих родов
Стали главарей выбирать,
Неподкупных грозных судей
Для верхних и нижних племен.
Равные властью судьбе —
Владыками трех миров
На вечные времена
Избраны были — Одун Биис,
Чынгыс Хаан
И Дьылга Тойон,
А писарем был приставлен к ним
Чудовищный великан —
Длинный Дьурантай, —
Дескать, если подымется
Тяжба иль спор,
Он дознался бы живо — кто вор,
Кулачищем зачинщику погрозил.

СТИХ 4

А потом исполины айыы —
Те, кого не выдерживает земля,
Решили жизнь основать
В срединном мире земном,
Навсегда устроить его
Немеркнущую судьбу.

— В жертву отданная до сих пор
Жители преисподних бездн —
Силам адьарайских племен,
Налетающим с высоты —
Силам вечно-алчных небес,
Напастям обречена
Разымчивая на расхват,
Беззащитная эта Земля! —
Так рассудили они.

— Неужель, всемогущие мы, —
Всезнающие,
Всевидящие,
Не устроим жизнь по воле своей
В этом срединном мире земном?
Выбрав из трех первозданных родов,
Надобно поселить
Навеки на средней земле
Быстроногих, чья кровь горяча,
Подпоясывающих свой стан,
Тридцать пять племен уранхай-саха —
С поводьями за спиной,
С немеркнущею судьбой,
С продолговатым носом людей,
У которых лицо впереди,
У которых на шее легко

Поворачивается голова,
Чьи суставы гибки, связки крепки,
Чье дыханье, словно туман,
В чьих жилах — живая кровь. —
Так устроить жизнь на земле
Приняли решенье они.

СТИХ 5

Если прямо отсюда идти на восток,
Там, где край лучистых небес —
Пешеходно-слоистых небес
Свешивается к земле,
Словно р**о**вдужная пола;
Где земли конечный рубеж,
Затуманенный синевой,
Загибается вверх, как лыжный носок;
За высокой медной горой,
Где рождается месяц по вечерам,
За серебряною горой,
Откуда солнце встает по утрам,
Где три белых березы растут,
Стройно поставленные, как чэчир,
Матерью природой самой;
В том благословенном краю
Были некогда поселены
Волею верховных владык
Кюн Дьэсегей Тойон
И Кюрё Дьэсегей Хотун,
Дабы там — в раздолье степном,
На приволье том травяном
Развели, расплодили они
Бесчисленные табуны
Белых, длинногривых коней,
Бешено игривых коней,
Чьи округлые копыта тверды,
Чтобы вольно им было пастись
На лугах, у светлой воды.

Если на запад отсюда пойти,
Там, где склоны желтых небес
Свешивают до земли бахрому

Перистых облаков,
Где лежит изобильный край,
Окропленный густой росой,
Словно шитый из кожи жбан,
Клином-швом восходящий вверх;
Там, где девять бурных, могучих рек,
Пробиваясь средь гор и холмов,
Сливаются на просторе степном.
Где восемь еще говорливых рек
Сбегаются шумно в одну реку,
Где семь ручьев из семи лощин
В лиственной зеленой кайме,
Будто за руки ухватясь,
Сходятся в хоровод, —
Владыки айыы поселили там
Великого кузнеца
По имени Куэттээни,
Чтобы он ковал, мастерил
Тридцати пяти племенам
Боевое оружье, ратный доспех,
Копья, секиры, мечи
С закаленным стальным лезвием;
Чтобы он кольчуги вязал,
Чтобы он доспехи ковал,
Чтобы стрелы крылатые мастерил,
Чтоб колчаны ими набил.

На грани трех сопредельных стран,
На кургане сверкающе-ледяном
О железных трех поясах,
С жерлом на вершине крутой,
Огнем подземных глубин
Полыхает горнило его.
Будто рослую, добрых статей
Кобылицу на третьем году —
Бедненькую — ведя в поводу
В преисподнюю — в темный мир,

Где господствуют восемь свирепых родов,
Повалили вдруг на ходу —
И всадили ей острый нож,
И пустили хлынью алую кровь
На блестяще белый снежок, —
Так горит, полыхает алым огнем
Горнило великого кузнеца.

Будто грузно развалистого на ходу
Пороза, шестилетка-быка,
С железным кольцом в носу,
Хватили обухом в широкий лоб —
И с протяжным мычанием, у столба
На колени падает бык, —
Вот такая огромная в кузне той
Звонкая наков**а**льня стоит.
Четырехгранная толща ее,
Сталью крытая наварной,
Не расплющится под ударом любым,
Не расплавится под жаром любым.
Из широких ворсистых шкур
Сорока четырех жеребцов —
Шумно, не умолкая, гудит
Огромный кузнечный мех.
Насажен на длинную рукоять —
На дюжее бревно,
Словно коновязь во дворе богача,
Где много бывает гостей,
Черный молот великого кузнеца
Неумолчно кует, гремит.

Пронзительно резко визжат
Кривые клещи его.
Неистово скрежещет, шипит
Быстрый напильник его.

Есть жена-хозяйка у кузнеца, —

Честь ей от всех и почет;
Отважная духом — зовется она
Уот Кындыалана;
А сам великий кузнец —
С тяжелым дыханием исполин,
Сильный волей,
Нравом крутой.

Вот такого богатыря,
Говоря ему: — Корнем будь
Рода грозного ковачей! —
Поселили на круче горы,
В клокочущем огневом жерле,
В средоточии бедственной, горевой,
Средней серопятнистой земли.

В этом превратном мире земном,
Где невозвратно проходит все,
Где не вечно и зыбко все,
Где беспечные поколенья живых —
Надежды и сил полны —
На увяданье обречены,
На гибель осуждены,
Там — на севере, на берегу
Огнемутного моря Муус-Кудулу,
Где ломает прибой
Припай ледяной,
Хрустя, шелестя шугой,
Где на отмели красный песок,
У истока смерти самой,
В глубокой чаще лесной,
В пещере — откуда весь день
Через дуплистый пень
Клубится кудрявый дым,
Будто поднимает рога
Трехгодовалый олень,
Там был небожителями поселен

Старец-ведун Сээркээн Сэсэн,
Чтобы зорким оком он был,
Гадателем добрым был,
Предсказателем велений судьбы
Тридцати пяти племенам,
Населяющим Средний мир.
У дивного того старика
Длинная до земли борода.
На глыбах каменного плитняка
Пишет он маховым орлиным пером,
Окунает перо в орлиную кровь…

А за волшебным пером
Приставлена смотреть,
Прислужницей верной быть
Проворная девушка-удаган,
Белоликая дочь небес.

Хозяином-духом живого огня,
Хранителем очага
В жилищах племен айыы
В срединном мире земном,
Полосами раскинувшемся широко
С запада на восток,
Поставлен был старец Аан Уххан,
Нареченный Хатан Тэмиэрийэ,
Улуу Тойона старший сын.
Лиственницей питается он,
Смолистой кедровой сосной.
Синее пламя — дыханье его,
Светло-сивый конь у него под седлом.
С виду он похож на стрелу
С вилообразным концом.
Ввысь клубится
Седая его борода,
Весь искрится он и блестит…

У него на боку большая сума,
В ней сухого трута кусок
С копну сенную величиной —
И огниво в суме, и кремень.
Неразлучны с ним
Покровитель жилья —
Дьэдэ Бахсыланы
И хранительница скота,
Коровника добрый дух —
Ньаадьы Ньанханы.
Так с древних времен повелось.
С тех пор любой человек
Из племен уранхай-саха,
Обзаведясь жильем,
Разведя священный огонь,
Славословит, благодарит
Хранителей добрых своих,
Всегда принося им дары
От всего, что есть у него.

Чтобы без числа породил,
В изобилии расплодил
В водах рек, морей и озер
Сверкающие желтою чешуей,
Рассекающие волну,
Неиссякаемые косяки
Многорунных рыбьих пород,
Хозяином всех водоемов земных
Был поставлен старик
Едюгэт Боотур,
Щедрый, тучный,
Искрасна-черный на вид,
С зеленой тинистой бородой,
С рыболовною сетью на дюжем плече,
С кузовом берестяным за спиной.
Обдуваемый ветром сырым
Обширный двор у него,

Обложенные гущей молок
Подводные пастбища у него.
Вот каков был тот исполин —
Водоемов дух-властелин.

А чтобы в бескрайних степях,
А чтобы в дремучих лесах
Разводил, умножал без числа
Разных четвероногих зверей —
Голосистых,
Клыкастых,
Рогатых,
Пушных,
В Среднем мире был поселен
Безбедно щедрый всегда
Курагааччи Сюрюк,
Куралай Бэргэн,
Благословляемый родом людским,
Прославляемый Баай Байанай.

С той поры охотник любой,
Ходящий на двух ногах,
У кого лицо впереди,
Чьи суставы г**и**бки,
Мышцы крепк**и**,
На промысел выходя,
Байаная на помощь зовет:
— Важный дедушка мой, тойон!
Из владений богатых твоих
Навстречу мне выгоняй
Четвероногих зверей
С позвонками в крепкой спине!
Гони их под мой прицел,
Чтобы зверь попал в мою западню,
Чтобы зверь наступил на струну сим**ы**,
Чтобы зверя без промаха бил
Мой надежный лук-самострел!

Об этом молю и кланяюсь я
Трем твоим черным теням!

Там, где высится над землей
Непреодолимый рубеж
Трех издревле враждебных миров,
На узорном склоне теплых небес,
Благословенных восточных небес
Поселили владыки айыы
Схожую с крапчатогрудой тетеркой,
Пленяющую сердца
Сияющей улыбкой своей,
Прекрасную в блеске богатых одежд
Праматерь живого всего
Богиню Иэйэхсит.

Хранительницей жилья,
Дарительницей добра,
Покровительницей чадородья — она
В былых временах прослыла.
Рождением и судьбою людей,
Говорят, управляет она.
Ей сила дана,
Дана благодать
Рожденного охранять,
На счастье благословлять.

— Вот идет она к нам
Сама — наяву
Наша матушка Иэйэхсит! —
Говорили в прежние времена…
— С края неба сходит она,
Простирая щедрую длань,
Поглаживая нежной рукой
Серебристые щеки свои;
Радостно хохоча,
Яркой улыбкой лучась,

Нарядясь в дорогие одежды свои,
Идет она в гости к нам! —
Чтобы крепкими дети росли,
Чтоб они здоровьем цвели,
Чтобы выросли богатыри,
Надо, чтобы полон был дом
Изобилием и добром,
Желтым благом и молоком.
Вот для этого властелины айыы
На приветливом просторе земли,
Где вечное лето цветет,
Под крапчатым склоном крутым
Восточных теплых небес,
Рядом с матерью Иэйэхсит,
В средоточии медном,
В истоке щедрот,
Чэчирами желтыми окружив,
Водворили жить и владеть
Светлую Айыысыт Ньэлбэн,
Почитаемую Айыысыт Хаан.

Дабы размножала она
Беспредельно бездонную для людей
Неисчерпаемую благодать,
Тучное богатство земли,
Чтобы расплодила она
В Среднем мире,
В бескрайней шири его
Бесчисленные стада!

Душу девочек пристрастив
К острой игле и шитью,
Душу мальчиков пристрастив
К стрелам, боевому копью,
Поколенье за поколеньем хранит,
Взращивает Айыысыт.

С той поры все, в чьем доме
Дети растут,
В чьем хлеву коровы мычат,
Айыысыт благодатную чтут,
О помощи заклинают ее,
Дарят ее, угощают ее,
Ставя в честь ей желтый чэчир,
Песни о ней поют.

Прямодушная, чей кроток нрав,
Чья мысль, как мир широка,
Чьи щедрые грудные соски,
Как кумысные кожаные мешки,
Появившаяся на свет
С накинутой легко
На дебелые плечи дохой
Из отборных рысьих мехов,
В высокой шапке из трех соболей,
Украшенной пером,
Назначенная оживить
Нагую земную ширь
Травной зеленью,
Пышной листвой,
Прославленная хотун
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Была в изначальные времена
В Среднем мире поселена.
Дети бесчисленные у нее —
Духи деревьев и трав.

И с тех пор — кто бы ни был он —
В день разлуки с родной страной,
Собираясь в далекий путь,
Покидая родимый кров,
Призывал на помощь Аан Алахчын,
Поклонялся трем ее темным теням,

Благословенья просил у нее.
После этого лишь покидал свой предел,
Уходя в безвестную даль.

СТИХ 6

Теперь расскажем о том,
Как родился Нюргун Боотур.

Прежде рожденья его,
В древние времена
Главари трех великих родов
Сговорились брань прекратить
И такой друг другу дали обет:
На трехсводных ли небесах,
В преисподних ли пропастях —
Где б ни родился
Дерзкий наглец,
Что, силой своей гордясь,
Взбудоражит бегущую твердь
Необъятно гулких небес,
Осмелится пошатнуть
Основу вселенной,
Опорную ось
Кружащихся трех миров,
Обиталище трех родов,
И нарушит святой договор,
То следует этого наглеца
Железной уздой обуздать,
Волшебным арканом связать,
Проклятью тройному предать
И за дерзкое озорство осудить.

У великого Айынга Сиэр Тойона,
Чье дыхание — нежный зной,
Восседающего на вершине самой
Трехъярусных белых небес,
В шапке из трех соболей
С блистающим высоким пером,

И у прекрасной супруги его,
У жены властелина небес —
Подобной ликом своим
Отблеску вечернего солнца,
Подобной видом своим
Блеску восходящего солнца,
Айыы Нуоралдьын Хотун,
Родился сын-богатырь.

Непомерно тяжелое бремя свое
Не под силу ей было носить.
Задолго до девятилунной поры
Из чрева прекрасной хотун,
Расторгнув утробу ее,
Одержимо неистовством бунтовским,
Выкатилось каменное дитя,
Звонко, отрывисто хохоча,
Пронзительно крича:

— Эй вы, черные плуты,
Лукавые псы,
Навыворот мыслящие лжецы,
Объедалы — готовые мир сожрать,
Судьи и господа!
Кого вы вздумали испугать,
Кого обуздать,
Проклятью предать?
Вот пришел я — вам на беду!
По вашему грозному я суду
Вброд, как по мелкой воде, пройду!
Растопчу я, вихрем смету
Племя верхних абаасы,
Раздавлю жилища и очаги
Нижних абаасы,
По ветру развею золой
Солнечный род айыы…
Очень уж разбогатели вы,

Вознеслись, обнаглели вы,
У пешего посох, у конного плеть
Вздумали отбирать?
Потучнели вы, растолстели вы,
Растопырились чересчур,
Видно с жиру взбесились вы!
Ох, и задам я вам!

Я заставлю Верхний надменный мир
Голосить, вопить!
Я заставлю подземный мир
Скрежетать и выть!
Я реветь заставлю
Средний мир! —
Так, ногами суча,
Кулаками стуча,
Каменное кричало дитя.
Услыхав угрозы его,
Недра подземных бездн
Загудели, завыли, дрожа;
Нижний мир от ужаса завопил.

Южный склон превратно бегущих небес
Встревоженно загремел.
Средний, серопятнистый мир
Всколебался весь, заходил,
Растрескался широко…

Встревожились, поднялись
Прародичи трех родов,
Старейшины, главари,
Заговорили они:

— Горе нам, братья!
Досада, беда!
Злые он изрыгает слова!
Из чрева матери выйдя едва,

Угрожает, мошенник, миру всему…
Видно, злобный от роду нрав у него,
Видно, мысли наизворот у него!
Пусть определяет Одун Биис,
Пусть повелевает Чынгыс Хаан,
Пусть решает Дьылга Тойон!
А самим судить не под силу нам,
Судьба не подвластна нам.
Пусть решают те, кому сила дана,
Судят те, кому власть дана! —

Так сговаривались главари
Свирепых южных небес.

И старейшины подземных родов
Совещались между собой:
— Отзовемся ли недобром
Об отпрыске соседей своих?
С тяжелым дыханьем богатыри,
С тяжелым нравом они —
За обиду будут взыскивать с нас.
Пусть великий Одун Биис
Сам судьбу его предрешит!
Тут и мы не останемся в стороне,
Поступим по воле своей… —
Так сговаривались главари
Подземных абаасы.
Вняв речам трех великих родов,
Одун Биис, Чынгыс Хаан, Дьылга Тойон
Изъявили волю свою,
Повелели божественно нежным шести
Удаганкам, ворожеям
Высоких белых небес,
Освятительницам, отгоняющим зло
От восьми двухслойных небес,
Полосато-извилистым вервием,
Чародейным арканом младенца связав,

В преисподнюю сбросить его,
Туда, где древние три
Железные колыбели стоят,
Чтоб решилось — в которую он упадет,
Чтоб в судилище трех колыбелей тех
Определилась его судьба.

Шесть божественно нежных шаманок,
Шесть небесных белых сестер,
Полосато-извилистый взяв
Нервущийся волшебный аркан,
Захлестнули, связав по рукам и ногам,
Яростное каменное дитя
И вздохнули, заклятие произнеся…
Трехслойный серебряный потолок
Высокого дома владыки небес
Чуть не рухнул с крепких опор,
Шестислойный каменный пол
Пышно украшенного жилья
Чуть не треснул по середине своей,
Восемьдесят восемь
Толстых столбов
Пошатнулись, едва устояв,
Девяносто девять могучих подпор
Чуть не обвалились, дрожа, —
Такой раскатился гром,
Будто огромный утес
Треснул под ударом грозы
И рассыпался, словно камень дресвяк…

Раскололся небесный свод,
Облако разорвалось,
Зевом разъялся Верхний мир.
И вот — из проема небес,
Из пролома западных бурных небес
Ливень со снегом начал хлестать,
Ветер завыл, засвистел;

Свет застилая,
Смерч снеговой поднимая,
Стоголосый вихрь закружил, загудел…
Словно черные волосы, вставшие дыбом,
Прах земной в высоту взвился.
Вопли, крики, неведомо чьи,
Раздавались в сумятице вихревой…
Будто разорванные в клочки
Косматые шкуры огромных зверей,
Клокастые тучи неслись,
Мчались, как черный поток…
Под седой, вихревой каймой
Северных ущербных небес —
Там, где девять мысов вдались
В холодный морской простор,
Бездонный раскрылся провал…
Бедное каменное дитя,
Рожденное на небесах,
Задыхаясь, плача, крича,
Покатилось в темный пролом —
По крутому склону его,
По каменным уступам его;
Цепляясь ручонками кое-как,
Ковыляя на четвереньках, ползком,
Удержаться пытаясь на крутизне,
Обрывалось, падало вниз головой,
Скатывалось кувырком
Все дальше и дальше вниз…
Цепенеющее от страха дитя,
Кубарем пролетев
По горловине подземных глубин,
Попало в схватывающий пищевод,
В заглатывающее жерло
Перевала Хаан Дьалыстыма…
Кровь у подножья его
Черная — запеклась.
Там — на огненном лоне абаасы,

На островершинной скале,
Что бешено кружится всегда,
Подпрыгивая на вертлюге своем,
Три ели железных растут,
Словно три остроги торчат.
На их могучих кривых корнях,
Торчащих из-под земли
Наподобье когтистых лап,
Три железные колыбели судьбы,
Как железные рыбы подземных морей,
Нанизанные на рожон,
Бьются, подпрыгивая и дребезжа.
И вот докатилось дитя
И упало в одну из трех
Колыбелей, гибельно роковых.
И поднялся злобный дух Чёркёчёх,
Злорадно захохотал…

Отвратительная обличьем своим
Подземная ворожея,
В косматых растрепанных волосах, —
Голова, как сарай
Из ветвистых жердей, —
Сырая от кровавой росы,
Крюкастые когти,
Дымный хвост,
С тройным горбом на спине —
Старуха лихая Бёгёлюкээн
Вприскочку подошла,
Покачивать колыбель начала;
Мотая косматою головой,
Дурманя ворожбой,
Песенку завела.

СТИХ 7
ПЕСНЯ ГОРБАТОЙ БЁГЁЛЮКЭЭН

Исиллигим-тасыллыгим!
Башка худа — совсем беда!
Бай-бай, сынок, засыпай!
Бай-бай, богатырем вырастай!
Отращивай побыстрей
Железные крючья когтей!
С восходом солнца вставай,
Кровожадная сила,
Грозная мощь!
Бросающих тень от себя,
Мелькающих убивай!

Ой, горе мое,
Ой, хворь моя!
Исиллигим-тасыллыгим…
Да будут неломкими кости твои,
Неразрубаемым — тело твое,
Непроливающейся вовек
Да будет кровь твоя!
Бессмертную мощь обретя,
Без жалости, играя, шутя,
Губи, круши,
Дави, души,
Всех живых —
И добрых, и злых
Людей улуса айыы
С жалостливым сердцем в груди,
С поводьями за спиной!
Убивай,
Ломай им хребты,
Все их племя прахом развей!

Ох, качанье мое,
Сгибанье мое…
Ноет спина…
Совсем я больна,
Лютым голодом голодна.
Неугомонно лихих,
Резвых и молодых,
Подпоясывающих свой стан
Людей улуса айыы
Подстерегай, убивай,
Кости им сокруши,
Света жизни лиши,
Очаги потуши!
Ох, качанье мое,
Сгибанье мое!

Изворотлив будь,
Оборотлив будь…
На гнездо адьараев
Ногой наступи,
Как лохань, его опрокинь,
Вырывай у них из клеток грудных
Сердца и легкие их,
Выломай челюсти им,
Вырви длинные их языки,
Больше их подбрасывай мне —
Бедной, старенькой няньке твоей,
Чтобы не о чем было мне горевать,
Чтобы весело было мне пировать!
Ох, нежданный мой,
Негаданный мой…
Ой и плохо мне,
Суматоха мне!
В преисподней мире,
В подземной тьме
Адьараев искорени,
Дочиста их перебей!

Жирные их спинные мозги,
Многожильные их сердца,
Клубящиеся их языки
Подавай мне за то,
Что качала тебя,
Хоть с голоду подыхала сама,
А не покидала тебя!
Култыхаюсь я,
Задыхаюсь я…
Где вы, жуки, козявки мои?
Вы кишели кишмя,
Торчали торчмя —
И вывелись, извелись…
Эй, лягушки мои,
Растопырки мои…
Тяжко мне,
Душно мне…
Баю-бай моей пятерне… —

Только песню эту
Пропела она,
Мира Верхнего главари
Услыхали, встревожились,
Заговорили
Матёрые богатыри:

— Наконец, видать,
Народился он —
С беспредельной силою исполин!
Не к добру рожденье его!
Взбудоражит он Верхний мир,
Выворотит затворы его,
Собьет засовы с наших ворот!
Разорит он подземный мир,
Истребит он срединный мир,
Он — дерзкий — вывернет три кольца,
Что держат три мира в одной руке.

Непоправимая будет беда,
Вселенная распадется тогда,
Светопреставленье пойдет!

Уродился, как видно,
Задорный и злой
Удалец, озорник, игрун —
Кулут Туйгун Боотур,
Угрожающий небесам и земле —
Хаан Сабыдал Бухатыыр,
Могущий разрушить мир,
Эсэх Харбыыр,
Эркен Баатыр,
Чье подножье — гибель и смерть…
Что будет он рожден, сотворен —
Древнее предсказанье есть.
Неужто этот ребенок рожден?
Не может иначе быть!
Немедля должны мы решить,
Как его нрав укротить. —

Долго думали мудрецы
И надумали, наконец!..

На железной, высокой, крутой,
Содрогающейся мятежной горе,
Не прикрепленной ничем
К краю слоисто белых небес,
Не опирающейся ничем
На светло-белесый мир земной, —
Лишь клубится мгла у подножья ее, —
Вот на этой железной горе,
Кружащейся, как вихрь,
Держащейся кружением своим,
Чародейной силой своей,
На восьмигранном столбе
Блистает дом золотой,

Белеет обширный двор
Охранительницы небес —
Удаганки Айыы Умсуур,
Нюргун Боотура старшей сестры.
Вот на этот двор,
Под ее надзор,
В каменную несокрушимую клеть
Младенца перенесли,
Чародейным арканом его окрутив
О тридцати девяти узлах.
Каменной клети железную дверь
Поставлен был сторожить
Без умолку говорящий
Идол, красною медью блестящий,
С конскую голову величиной.
Чарами удаганки небес
Погруженное в непробудный сон,
Покоилось в темной клети дитя,
Не зная детских игр и забав,
Вырастая в чудесном сне,
Сил набираясь во сне…

Боялись владыки айыы:
Если с Верхнего мира
Ветер дохнет —
Проснется младенец,
Бед натворит.
Из подземного мира
Потянет сквозняк —
Тоже добра не жди.
Если Среднего мира
Воздух густой
Ветром его обдаст —
Не оберешься хлопот.
И еще к нему приставили трех
Исполинов-богатырей.
Верхнюю сторону должен один

От сквозняка затыкать,
Нижнюю сторону должен другой
От сквозняка затыкать,
Третий должен был с боковой стороны
Ветру путь преграждать.
Если в Верхнем мире
Родится беда,
Если в Нижнем мире
Вспыхнет вражда,
Если в Среднем мире земном
Кровопролитье пойдет —
То, коль скажет Чынгыс Хаан,
Прикажет Дьылга Тойон,
Одун Биис повелит, —
Нюргун Боотура освободят,
Чтобы злую силу он укротил,
Чтобы Средний мир
Сохранил, защитил…

СТИХ 8
ПЕСНЯ ГОРБАТОЙ БЁГЁЛЮКЭЭН

Стали думать старейшины рода айыы,
Кого избрать, поселить,
Кого высокой судьбой одарить
В Среднем мире земном
С восходящим солнцем,
С густою травой,
С зеленеющею листвой.
Кто достоин корнем стать на земле
Рода людей
Уранхай-саха?
Чтоб людей породить на земле,
Из улуса солнца,
Из рода айыы
Был избран Саха Саарын Тойон,
А подругой ему дана
Сабыйа Баай Хотун.
Боги их поселили там,
Где, ниже высоких гор
На восток опускается край
Пешеходно-слоистых небес,
Где, как одежды ровдужной край,
Полосами пестрыми окаймлен,
До земли спускается небосклон;
Там, где влажно-росистый угол земли
Загибается вверх, как концы
Свилевато широких лыж.

В светозарной той стороне
Осьмикрайняя, на восьми ободах,
Белая равнина блестит.
Там неувядающая никогда,
Не знающая изморози ледяной,

Зелень буйная шелестит.
Там высокое солнце горит светло,
Никогда не падает снег,
Никогда не бывает зимы.
Лето благодатное там
Вечное изливает тепло.

Опереньем ярким блестя,
Турухтаны порхают там,
Молодые утки с озер
Табунами взлетают там,
Голуби не умолкают там.
Неиссякаемая благодать
Изобильем вздымается там,
Вечный пир кумысный кипит, бурлит.
Девять длинных веревок волосяных
Между коновязей натянуты там
И поставлен кругами зеленый чэчир
Вокруг цветущих полян,
Словно густоветвистый лес.
Как глубокое озеро, выставлен там
Заповедный кумысный чан.
Там в низинах — творожная топь,
До вертлюгов неукрощенным коням,
Из молочной гущи солончаки
До колен ездовым коням.
Синим маревом кур**и**тся даль,
Жаворонками звенит.
Красуется, светом напоена,
Привольная эта страна.

Посреди земли
Становье-жилье;
Где броды п**о** дну широких рек
Как натянутая тетива,
Где на пастбищах в**о**лнами ходит трава,
В средоточии той страны,

На печени золотой
Осьмикрайней, на восьми ободах,
Гладко широкой,
Ясно высокой
Средней земли матер**о**й,
На медном возвышенном месте ее,
На серебряной середине ее,
Над которою никогда
Не веяла никакая беда,
На блистающем пупе земли,
Где ласков полуденный зной,
На высокой хребтине ее,
На вздымающейся груди земляной,
На вздувающемся загривке ее,
На широком затылке ее
Силою исполинов-творцов
Сотворенно построен был
Тринадцатистенный дом
Из цельного серебра,
Полный всяческого добра;
Сверкая кровлею золотой,
На девяносто сажен в длину
Раскинулся этот дом,
На расстояньи дневного пути
Видимый отовсюду кругом;
Чтобы вольно вливался в него поток
Девяноста лучами дарящего свет
Белого солнца дня,
Девяносто окон больших
Прорублено в доме том,
Равного которому нет.

Избранная волей богов,
Предназначенная стать на земле
Корнем племен уранхай-саха,
Прекрасная молодая чета,
Чарами матери Айыысыт

Чадородья жаждой полна,
Страстью созидания
Одухотворена,
Вошла в уготованный ей
Просторный нарядный дом.

Распахнули дверь в высокий покой —
Мехом белым покрытое ложе там,
Собольих мехов одеяло на нем,
Соболья подушка на нем.

Им желанье покоя не даст,
От него не укрыться им.
Из глубины своих недр
Вожделением загорелись они.
Верхние одежды
Пальцами рук
Сбросили мигом с себя.

Исподние одеянья свои
Тыльными сторонами рук
Разметнули, скинули прочь.
Развязались
Нагрудные украшения их,
Распались
Набедренные украшения их,
Бряцая бисером и серебром.

Развязались
Украшенные шитьем
Натазники в бахроме.

Позарившиеся друг на друга бедняжки,
Не помня себя, обнялись,
Пали на ложе из белых мехов,
На ложе из полосатых мехов.
Пламя богини Айыысыт

Их нестерпимо палит.
Шумно, с посвистом, задыхаясь,
Обнюхивали друг друга они.
Пока не иссякла в них сила-мощь,
Ласкали друг друга они.

У бедной женщины молодой,
Встрепенувшейся от любовных утех,
В святилище утробы ее,
Где, как завязь плода в цветке,
Возникая, растет человек,
Мальчик и девочка — близнецы,
Две жизни и две души,
Величиной с головку ковша,
Словно влитые,
На сокровенном дне
Глухой утробы ее
Забились,
Стали расти.

Сабыйа Баай Хотун,
Прародительница племен,
Забрюхатев,
Стала степенно ходить,
Неторопливо стала ходить,
Горделиво стала ходить.
Быстро бремя ее росло,
Быстро время ее пошло —
За первые сутки
Первый месяц,
За вторые сутки
Второй месяц,
За третьи сутки
Третий месяц,
За четвертые сутки
Четвертый месяц.
На пятые сутки,

Как на пятый месяц,
Округлился ее живот,
На шестые сутки она
Двигалась тяжело,
На седьмые сутки
Поблекла лицом,
На восьмые сутки она
Стала недомогать,
На девятые сутки с трудом
Стала бремя свое подымать.
На десятые сутки ей
Сделалось невмоготу тяжело,
Поясницу будто огнем обожгло,
Принялась она охать, стонать,
Первые схватки у ней начались,
Предродовые потуги пошли.
Содрогалась она,
Металась она…
Наступило время на помощь звать
Айыысыт — великую мать.
Плакала, причитала она…
Наступило время молить
Защитницу Иэйэхсит.

СТИХ 9
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Аай-аайбын! Ыый-ыыйбын!
Облегчите боль хоть на час один!
Нестерпима ужасная боль моя…
Не выживу я…
Не выдержу я…
Черноусый мой муж-тойон,
Муженек-дружок!
Здесь — в просторном доме своем
Со священным пылающим очагом,
Народив потомство тебе,
Надеялась, думала я
На благодатной этой земле,
На изобильных угодьях ее
Счастливой хозяйкой стать,
Без числа на широких лугах
Откармливать тучных коров,
Огораживать загоны для них —
Думала я, надеялась я
Долгую жизнь прожить,
Довольство, счастье вкусить…
Да напрасно, видно, надеялась я!
Погасло белое солнце мое,
Серебряный оторвался кружок
С высокой шапки моей.

Ты останешься — я уйду…
О, какая боль внизу живота…
О, нестерпимая боль
В потных моих пахах,
В нижних ребрах моих!
Чем я эту боль отведу?
Все же предуказано нам,

Божественной силой приказано нам
Обосноваться навек
В восьмиободном мире земном…
Нам исчезнуть не суждено,
Нам — высоким, с немеркнущею судьбой,
Еще будет счастье дано…

Выйди из дому поскорей,
Дорогой мой супруг-тойон,
Прямиком иди на восток.
Там, среди равнины, стоят
Три молочно белых холма;
На одном из них
Березка растет
С трепещущею листвой,
С развилкою двойной.
Вырви с корнем березку
И мне принеси.

Нагадала я,
Увидала во сне:
Приметы есть у меня —
Придет к нам счастье! Придет!

Как принесешь березку сюда,
Сучья, ветки у ней обруби,
Вытеши двухразвилистый кол
И выставь передо мной.
В землю вбей двухразвилистый кол,
Сделай зыбку просторную с желобком,
На развилья зыбку повесь. —

Проворно Саха Саарын Тойон
Исполнил просьбу жены:
Вырвал с корнем березку,
Домой принес,
Споро за работу взялся.

Опору для зыбки вытесал он,
Надежно в землю забил,
Стал потом колыбель мастерить,
Корпеть, мудрить,
Тесать, долбить.

Прародительница племен,
Только боль отпустила ее,
Воссела, раскрыла постель
Из полосатых шкур…
В восемь чоронов больших,
Украшенных узорной резьбой,
Из которых пьют кумыс на пирах,
Желтого масла она налила
И с поклоном поставила их
У изголовий восьми
Оронов вдоль стен жилья,
Чтобы защитница Айыысыт,
Радуясь, что ожидают ее,
Что радушно встречают ее,
Благожелательности полна,
Мольбам горячим вняла,
На землю низошла.

Потом прародительница племен
Сабыйа Баай Хотун
Вынесла из кладовой
Свою волочащуюся по земле
Долгополую рысью доху
С оторочкою дорогой,
В которой — пуд серебра.

Нашейные украшения свои,
Драгоценные ожерелья свои,
Подвески, пластинки и филигрань
Бережно разложила она,
Чтобы на солнце сверкали они,

Чтобы радужно заиграли они,
Чтоб улыбались они.
Поклонившись трижды потом на ходу,
Поставила перед собой
Высокую шапку из меха бобра,
Где ость горит
Холодным огнем.
На высокой шапке солнцем блестит
Бляха чеканного серебра;
Радугой переливаясь, на ней
Красуется шитый
Красный узор,
Еще девушкой, в этой шапке она,
Надев ее слегка набекрень,
Ходила — легка, стройна,
Красивую голову свою
Горделиво откинув назад…
Предназначенная в будущем стать
Прародительницей племен,
Стройными десятью
Пальцами белых рук, —
Будто десять горностаев, они
Свисают головками вниз, —
Серебристыми ладонями рук
Поглаживая себя по щекам,
Поглядывая большими глазами
На черные косы свои
В восемь маховых саженей,
Распуская пышные их концы,
Ровными зубами блестя,
Выговаривать слова начала,
Тихо про себя напевать.

СТИХ 10
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Дьээ-бо!
Дьээ-бо!
Дух обступающего меня
Доброго жилья моего,
Под столбом опорным его
Вольно возросший
Дьэдэ Бахсыланы,
Во имя мое, на счастье мое
Плечом толкни,
Широко распахни
Плотно захлопнутую дверь,
Тяжелую дверь свою!..

Осьмиободной, осьмиокружной,
Гладко широкой,
Щедро высокой
Матери изначальной — Земли
Хозяйка с начала времен
С посохом золотым,
Изливающая желтую благодать
Аан Алахчын
Манган Манхалыын,
Заступница дорогая моя,
Бабушка седая моя,
Поспеши придти,
Меня защити!
Прясло тяжелое разбери,
Тугой заплот отвори!..
Если мне суждено
Человеком стать,
Женщиной уранхайской быть,
В радости жить,

Счастье узнать,
То открой передо мной
Крутой перевал,
Где жертвою за меня
Чернеет хвост вороного коня,
Виднеется грива коня!

Обитающая в блаженной стране,
Где блистает невечереющий день,
Где яркое солнце весны,
Как широкого меча полоса,
Где белое солнце зимы,
Как секира-саабылаан
Взлетает, восходя,
Где тихое лето всегда,
Где тучная зелень всегда,
Где растет густой пырей и острец,
Где в неблекнущей высокой траве
Потеряется трехлеток телец,
Где злак луговой
Высотой до бедра
Четырехлетка коня,
Где лужи из крепкого кумыса —
Из перебродившего кумыса
Вскипают, плещут, шипя
Через холку осеннего жеребка —
Бурого стригунка;
Обитающая в высокой стране
Мать Иэйэхсит,
Призываемая женщинами молодыми,
Прославляемая пожилыми,
Защитница Айыысыт,
Помоги!
Настала пора
Расстаться мне с костью моей,
Настала моя пора —
Дитя на свет породить!

Ты до рассвета дня
Скотный мой варок огляди,
Ты до восхода солнца дня
Конный мой загон огляди!
Двухлетнею обернись
Кобылицей небесных полей,
Кобылицей сивенькой обернись
С округлыми мышцами на груди,
Играющими на бегу,
С крепкими бедрами налитыми,
Со стрелками на оплечьях крутых,
С яблоками на широких боках,
С полоской узорчатой на спине,
С отметиной божества
На крепких ребрах твоих,
С крапинами на крыльях ноздрей,
С белой звездой на лбу!
Кобылицей резвою обернись
И ко мне сойди, прибеги
С высокого перевала небес!
Явись,
Покажись наяву!
В виде своем
Войди в мой дом,
Погляди на мою раздольную жизнь,
На обильную благодать!..
Дарующей добро
Дланью меня погладь,
Жизнь принеси,
Защити, спаси!

Склонись надо мной,
Рокочи, заклинай,
Благословляй,
Силу мне дай!

На мягкие колени свои,
На шерстистые колени свои
Положи меня, укачай,
Счастье наворожи!

Сына, горячего нравом,
Грозного богатыря
Дай мне родить!
Дочку-красавицу
Дай мне родить!

В тяжкую пору мою —
Ласково со мной
Человеческой речью заговори!
На ложе моем травяном
В ногах моих посиди,
Угощением не побрезгуй моим,
Благосклонно отведай его!

О, как нестерпимо опять
Схватывает жестокая боль!
Как затрепетала во мне
Крепкая, черная печень моя…
Как сильно забилось в груди
Многожильное сердце мое… —

Так пела, взывала она
К благодатной Айыысыт.
Так причитала, стонала она,
Призывая Иэйэхсит.
Теплый воздух
Повеял с небес,
Закружились клубящиеся облака,
Опустились до самой земли.
И вот, почитаемая везде,
Небесная жизнедарящая мать —
Ньэлэгэлдин Иэйэхсит,

Ньэлбэн Айыысыт,
Белой, как молоко,
Кобылицей оборотясь,
С облака сошла,
Прискакала к урочищу первых людей,
Прянула на дыбы,
Глянула в их золотое жилье,
В их серебряное гнездо.

И поемным лугом она понеслась,
П**о**солонь кр**у**гом она понеслась,
Трижды стойбище обежала кругом,
Трижды фыркнула потом —
Пал на землю стодневный
Палящий зной…
А как трижды звонко
Проржала она —
Выпала н**а** три года окрест
Молочно-белая влага с небес…
Трижды шумно встряхнулась она —
И маревом синим подернулась даль…
На обширном лугу-тюсюльгэ,
Где хозяин готовил пир,
Где молочный омут кипел,
Кобылица небесная, встав на дыбы,
По-журавлиному встав
На задних копытцах своих,
Полморды сунула в полный турсук,
В бурлящий кумысный мех
И большими глотками пить начала,
Булькая и журча.
Потом, глубоко вздохнув,
Подбежала к просторному дому их,
Голову просунув свою
В распахнутое окно.
Трижды фыркнула —
И широкий чан,

Поставленный посреди жилья,
Кумысной влагою
Сам собой
Наполнился до краев.

О протянутую веревку — сэлэ,
К которой привязывают жеребят,
Как будто споткнулась она…
И вдруг — обернулась она
Прекрасной женщиной-госпожой,
Статной нарядной хотун,
В дом горделиво вошла;

Душу мальчика
В виде пернатой стрелы
Скрывая в правой руке,
Душу девочки
В виде ножниц двойных
Скрывая в левой руке,
Поступью неслышной вошла,
По воздуху проплыла
В серебряное людское гнездо,
В просторное золотое гнездо.

Вея миром,
Дыша добром,
К изголовью женщины молодой
Приблизилась она,
Благословение произнесла,
Ворковать, колдовать начала.
Помощь айыы
Призывала она,
Все громче пела, вещала она…
С благословеньем раскрыв
Оборчатые полы одежд
На бедрах Сабыйа Баай Хотун —
Прародительницы племен,

Миротворная Айыысыт
Проворно стянула с нее
Наколенники из рысьих мехов,
Из отборных рысьих мехов,
Раздвинула колени у ней;
Благотворной дланью своей
Стала оглаживать ей живот…
И, кивая в лад головой,
Уранхайской речью людской
Заклинанья петь начала,
Слово тайное произнесла.

СТИХ 11
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Уруй-айхал!
Уруй-мичил!
Ну, так и быть —
Тебе не тужить!..
Счастье сулит вокруг
Сочный зеленый луг…
Эй — это я,
Иэйэхсит,
Защитница твоя —
Крепких детей тебе подарю,
Крепкую радость тебе принесу…
Нарын-наскыл!
Кюэгел-нусхал!

Что ж — так и быть —
В счастьи вам жить!
Это я сама —
Айыысыт
Услыхала тебя,
Пришла,
Удачу тебе принесла.
Погляди вокруг —
Зелен сочный луг…

Вам, дюжим детям моим,
Нарождающимся на свет,
Счастье сулю,
Удачу дарю,
«Уруй-айхал» говорю!
Чтоб тебе на будущие времена
Сильное потомство родить,
Бесчисленно расплодить,

Чтоб на девять веков ты могла
Крепкую к**о**новязь установить,
Чтобы десять грядущих веков
Сыновья твоих сыновей
Вспоминали тебя,
Прославляли тебя, —
Я утробу раскрою твою,
Я колени твои
Снежно-белые распахну,
Плоду твоему
Стезю укажу.
Уух! Дитя мое,
Долгая жизнь тебе!
Уух! Дитя мое!
Уруй-айхал! —

Только молвила эти слова
Добрая Айыысыт,
Бедняжка Сабыйа Баай Хотун,
Вскрикнув, словно степной кулик,
Напряглась из последних сил —
И вдруг из утробы ее,
Из трехслойной матки ее
Выскользнуло дитя,
Дон**е**льзя красивый сын,
С восьмилетнего величиной,
С девятилетнего величиной
Выкормыша богатырской семьи,
С упрямой большой головой
В кудрявых серебряных волосах,
Падающих на лопатки его.
Выскользнул сердитый крикун
Из материнских недр,
Порывисто биться стал,
Руками-ногами сучить,
Кричать, реветь, голосить.
Как большая рыба, зимой

Вытащенная из полыньи,
Прыгает, бьется об лед
Плесом и головой,
Так новорожденное диво-дитя,
Неуемно кувыркаясь и вертясь,
Грохнулось об пол жилья.

Каменные восьмислойные балки
Вздымающегося высоко
Громадного дома их
Содрогнулись,
Треснули по углам;
Восемьдесят опорных столбов
Пошутнулись
И сотряслись;
Толстый серебряный потолок
Подпрыгнул на три вершка,
Пол, на диво сплоченный
В семь слоев,
С гулом осел
На восемь вершков.
А ребенок проворно на ноги встал,
Прямиком к дверям побежал.
Тут Саха Саарын Тойон —
Сотворивший сына такого отец,
Смирно сидевший в углу,
В смятении с места вскочил;
Будто поднятый из берлоги своей
Свирепый лесной медведь,
На дитя навалился он.

Проворно на руку намотав
Волосы вьющиеся его,
Будто бьющегося жеребенка —
Лягающегося жеребенка
За гриву крепко схватив,
Сына к себе притянул;

В цельную шкуру коня
Отбивающегося завернул,
Длинным арканом волосяным
Крепко его скрутил.
— Так и надо! Неужто я
Не могу схватить его,
Удержать?
Да неужто дам убежать
Бедному дитятку моему —

Так Саха Саарын Тойон
В возбуждении радостном говорил,
Глазами вокруг себя
Поводя, как пугливый конь,
Удивляясь, что стал отцом,
Радуясь детищу своему.
Поглядел потом на жену
И увидел диво еще:
Девочка невиданной красоты,
С неуемным нравом крутым,
Подпрыгивая на спине,
Лежит у жены в ногах,
Пронзительно крича,
Дескать — я появилась на свет!
Жить хочу,
Расти, цвести!..

Прародительница племен —
Сабыйа Баай Хотун,
В полуобмороке, посинев,
От мук остолбенев,
Дух облегченно перевела…
Просветлело у ней в глазах;
В цепкие ладони свои,
В крепкие ладони свои
Девочку она приняла,
Схватила, приподняла.

Счастье дарящая Иэйэхсит —
Миротворящая Айыысыт,
Величаво голову подымая,
Радостными очами блистая,
К ложу матери подошла,
Стройными десятью
Пальцами белых рук
Со лба Сабыйа Баай Хотун
Отерла, смахнула пот,
Выступивший у корней волос,
И благословенье свое
На прощанье произнесла.

СТИХ 12
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Ну, так и быть! Так и быть!
Яркая зелень вокруг!
На девять веков
Да будет тебе
Радость и торжество —
Уруй-мичил!

На восемь веков
Текущей рекой
Счастливый удел
Да будет тебе.
Айхал-мичил!

Нескудеющая,
На семь веков —
Слава
Да будет тебе!
Ну — так и быть —
Жить — не тужить!

Счастье я обещаю вам,
Добро нагадаю вам:
Будьте крепким корнем
Большой семьи!
Заселите потомством своим
Весь простор срединной земли!

Пусть во веки веков
Ваш огонь горит!
Пусть незыблемое у вас
Вечное довольство царит!
Пусть могучий Одун Хаан

Вам судьбы невалкие определит!

Если ветер холодный на вас дохнет
С верхней северной стороны,
Богатыри айыы
Заступятся за вас.
Если с нижней погибельной стороны
Леденящий ветер дохнет,
Светлые исполины айыы
Вас оградят, защитят…

Вашему сыну-богатырю
Я такое имя дарю:
Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дьирибинэ Бухатыыр —
Пусть отныне зовется он.

Имя вашей дочери
Я дарю:
С блистающе ясным лицом
Прекрасная Туйаарыма Куо —
Пусть отныне зовется она!

Пусть не встретит ваша нога
Никаких задержек в пути!
Пусть не встретит ваша рука
Никаких помех впереди!
Словно яйца в гнезде золотом,
Покойтесь в доме своем!
Прощайте, дети мои,
Да не забывайте меня! —

А потом небесная Айыысыт
Стремительно подошла
К громоздкой двери жилья.
Тяжелую, грузную дверь,
Которую семьдесят семь человек,

Налегая плечами семь суток подряд,
Не смогли бы и приоткрыть,
Настежь распахнула она,
Откинула, как лепесток.

Через громадный толстый порог,
Схожей с четырехтравным быком,
Развалившимся на боку,
Перешагнув легко,
Вновь обернулась она
Кобылицею молодой,
Масти белой, как молоко;
И, мгновение постояв,
Порывисто фыркая, горячась,
Поскакала — и прянула на бегу
На белое облако,
Невдали
Распластавшееся по земле,
И на облаке этом,
Похожем на шкуру
Чалого стригунка
С сизой дымкою на груди,
С белой дымкою на животе,
В Верхний мир
Величаво взмыла она.

СТИХ 13
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

По велению светлых айыы
Поселенные на земле,
Посланные в срединный мир
Породить тридцать пять племен —
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Новорожденных своих детей
Крепко под мышки держа,
Вынесли на берег реки.
Все нечистое смыли с них
Водою темных пучин,
Начисто вымыли их
Водою синих пучин.

Прекрасная лучистым лицом
Сабыйа Баай Хотун
Две обильно щедрые
Груди свои,
Набрякшие
От переполнявшего их
Сладкого сока Иэйэхсит,
Вынув из прорехи одежд,
Вывалив бережно их,
Правую грудь с золотистым соском
Сыну разгневанному своему
Вложила в кричащий рот,
А левую,
Туго ее обхватив,
Впихнула
Плачущей дочери в рот.
Голодные
Бедные малыши

Сразу начали
Жадно сосать,
Пока не насытились, наконец,
Вдосталь не напились.
Мальчик — дюжий, сердитый —
Так жадно сосал,
Что у матери бедной его
Отхлынула кровь с ланит,
Похолодела спина,
Почернела кожица у ногтей
Сына опрометью
Оттолкнув,
В сторону отца
Отпихнув,
Сабыйа Баай Хотун
Крутонравную дочку свою,
Вспыльчивую дочку свою,
Чтобы к небу в ведреный день
Голову не вскидывала она,
Чтобы солнцу дня
Не было видна,
Чтобы ей от солнца не почернеть,
Чтобы ей от зноя не захиреть, —
Укутала дочку
В куньи меха,
Укрыла в рысьи меха;
Чтобы ни пыль, ни грязь
Не пристали к ней,
Завернула в собольи меха…

А Саха Саарын Тойон,
Ставший корнем племен уранхай-саха,
Сердитого первенца своего
Силой удерживая в руках,
Раскидывая умом,
Мол, скоро он подрастет,
Озорничать, забавляться начнет,

Наскакивать, пожалуй, пойдет
С копьем на Верхний мир, —
В волчью шкуру его завернул,
В матерую волчуру,
С черными полосками на седине
Широких передних лап.
Думал Саха Саарын Тойон:
Мол, скоро сын подрастет,
Топор боевой возьмет,
Взбудоражит подземный мир, —
В шкуру медведицы он
Сына запеленал,
Крепко перевязал
И глубоко усыпил…
После этого —
Трое суток спустя,
Когда на краю небес,
Поблескивая, как широкий меч,
Белое солнце взошло,
Прародительница племен
Сабыйа Баай Хотун,
Убирая ложе свое,
Травяную подстилку сгребла,
На которой лежала она,
Когда рожала детей.

«Если выбросить
На землю ее,
На росу-туман,
На скотный двор, —
Выродятся потомки мои,
Вырастут злыми дети мои.
И когда неприметно старость придет,
И когда, ослабев, упаду ничком,
Не придет мой сын,
Не поднимет меня,
Не поддержит голову мне.

Старость глубокая подойдет,
Устану, навзничь паду —
Не придет ко мне дочь моя,
Не приподымет голову мне,
Поддерживая затылок рукой,
Не поможет мне,
Не вспомнит меня…»

И величавой походкой своей,
Выгнув спину, выпятив грудь,
От жилья далеко отойдя,
Взобравшись на северный горный склон,
Травяную подстилку свою
Положила она на развильи кривом
Березы раскидисто вековой,
А послед, в котором
Сын и дочь
Угнездившись, в утробе ее росли,
Извергнутый после них,
Она, от всякого глаза таясь,
В глиняный скрыла горшок,
Перетянутый тальником,
И от жилья далеко
Закопала в землю его.

Как вольная кобылица-двухлеток,
Вскормленная на тучных лугах,
Легко ступая,
Пустилась она
К озеру светлых вод,
Незамерзающему никогда.
Сбросив одежды свои,
Бросилась в воду она.
Хлюпаясь, нырять принялась,
Словно дикая утка-нырок;
Водою синих пучин

Все нечистое смыла с себя,
Разгоряченное тело в поту
Начисто отмыла она.
Выбежав из воды
На узкий высокий мыс,
На северном берегу
Стройное, крепкое тело свое
Подставила теплому ветерку,
Солнечным благодатным лучам.
И, обсохнув, накинула на себя,
На золотистые плечи свои,
Легкую доху
Из черно-полосатых лап
Отборных лисьих мехов;
Надев, слегка набекрень,
Высокую, с пером,
Шапку из трех соболей,
Довольная — вернулась она
На привольный, широкий двор,
В просторный, богато украшенный дом,
К священному очагу.

«Если на третий день
Благодарностью не воздам,
Радостью не помяну,
Праздником не провожу
Явившуюся на помощь ко мне
Великую Иэйэхсит,
Давшую благословенье мне
Почитаемую Айыысыт —
Обидится,
Огорчится она,
Разгневается она…
И в далекие будущие времена
В доме моем потомкам моим
Скудно придется жить».

Так подумав,
Сабыйа Баай Хотун
Кликнула клич,
Созвала гостей
Из дальних и ближних селений айыы,
Где солнечные живут племена,
Где прежде жила она…
Двенадцать прославленных красотой
Стройных белолицых девиц,
Горделиво ступающих по земле,
Как стерхи — белые журавли,
Откидываясь немного назад,
Отозвались, явились на пир.
Хозяйка, введя гостей
В почетную урасу,
Разожгла священный огонь.
И все, степенно усевшись в круг,
На толстых белых кошмах
За кумысной чашею круговой,
Поставив перед собой
Всякую изобильную снедь
И желтого масла большую бадью,
Чтоб умилилась Иэйэхсит,
Славословие произнеся,
Шумно, радостно веселясь,
Справили праздник они,
Проводили Айыысыт.

СТИХ 14
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Вот так —
Пристанище обретя
В срединном мире земном,
Размножился этот род.
Тридцать пять проворно-резвых племен
Широко расселились по той земле;
Люди — зоркие,
С лицом впереди,
Чей нос продолговат.
Так возник народ
Уранхай-саха.

СТИХ 15
БЛАГОСЛОВЕНИЕ АЙЫЫСЫТ

Миновал положенный срок —
Первенцы первых людей,
Сотворенно-рожденные дети их
Выравнялись, подросли.
В силу вошел их сын —
Владеющий Серо-стальным,
Неутомимо буйным конем,
Кюн Дьирибинэ-богатырь;
Стрелы и лук — дело его,
Стрельба — забава его.
А дочь — любимица их,
Владеющая Гнедым конем,
Блистающая прекрасным лицом
Красавица Туйаарыма Куо
С девятисаженной косой —
И с ножницами в руках,
И в скачке на резвых конях,
И в плясках, и в играх любых
Проворной, ловкой была.

И время еще прошло…
Заматерел их сын удалой,
Вырос так, что его голова
Доставала нижних ветвей
Лиственницы вековой.
Стройный стан его
В перехвате стал
В пять маховых саженей,
Развернулись широкие плечи его
В шесть маховых саженей.
Сделались голени у него,
Как могучие лиственничные стволы,
Вздулись от мышц
Предплечья его,

Как лиственничные комли.
Солнце он заслоняет спиной,
Ладонью — луну.
На радость матери и отцу
Вырос первенец молодцом,
Стал могучим богатырем.

Как серебряные кольца узды,
Сверкают его зрачки,
Смотрит он в упор,
Как шипом язвит,
Наливаются кровью глаза у него,
Грозно он, нахмурясь, глядит.
Он и часа на месте не посидит,
Распирает сила его,
Потягаться — не с кем ему…
Сухожилия в теле его звенят,
Крепкие суставы хрустят,
То и дело он сам про себя говорит:
— Хоть бы кто нагрянул на нас.
Хоть бы дракой потешился я!..

А неужто до сей поры
Адьарайские племена
Не пронюхали обо мне?
Неужель не слыхали они
Высокого имени моего,
Не завидуют славе моей?

Неутолимая страсть у меня
С нечистью в бой вступить.
Ах, как бы я мечом рассекал
Толстые кожи их!
Я заставил бы корчиться их,
Я бы крепко их обуздал.
Пусть попробуют, нападут —
Я бы их ничком повалил,

Я бы их отхлестал,
Я бы спины им ободрал,
Я, как струны, вытянул бы, шутя,
Становые жилы из тела их!

Верхнего мира абаасы —
Издревле наши враги,
Нижнего мира абаасы —
Шестизубые остроги,
Когда же они
Сюда налетят,
Толстую кожу мою разорвут,
Прольют мою черную кровь,
Ярость мою укротят?! —
Так он вызов на бой посылал
Безмолвствующим небесам,
Буйно шумел, кричал
Бездонным трем пропастям,
Вражду будил,
Беду наклика**а**л…

Трое суток прошло,
Только солнце всходить начал**о**
Только нижняя грань
Слоистых небес
Заиграла
Росыпью золотой,
Вдруг свирепый вихрь налетел,
Все вокруг
Неистово закружив,
Леденящий ветер подул,
Могущий силой своей
Медвежью шкуру в клочки разорвать.

Забушевал ураган,
Заклубил летящую пыль…
Стабунились

Белые облака,
Взгромоздились
Черные облака,
Сбились в огромную тучу одну,
Заслонили блестящий небесный свод,
Затмили солнце дня…

Словно дух раздора
Илбис Кыыса
Неистово крича, визжа,
Словно ворон брани
Осол Уола,
Свирепо вопя, кружа,
Сильный западный ветер завыл,
Закрутил,
Сгустил гудящую тьму…

То ли треснуло днище
Подземных бездн,
То ли с треском сломался опорный столб
Девяти небес,
То ли трещиной раздалась
Твердыня средней земли —
Оглушительно раскатился гром,
Молния полоснула во тьме,
День омрачился
Тенью грозы…

В беспечально светлой стране —
На изначальной земле,
Не видавшей инея, снега и льда,
Не знавшей зимы никогда,
Где теплое лето было всегда —
Стужею дохнула метель,
Снеговой буран налетел,
Ледяною крупою
Кипя и свистя,

Ледяными иглами шелестя…
Пополам со снегом буря несла
Гальку речную, красный песок,
Подымая вихри мелких камней,
Подымая вихри крупных камней,
Пастбища завалила она
Грядами брякающих камней…

Осьмикрайняя, о восьми ободах,
Гладко широкая,
Ясно высокая
Изначальная мать-земля
Закачалась на опорах своих,
Заплескалась, словно вода
В берестяном ковше.

Шум, и свист, и гром такие пошли,
Словно треснули, скрежеща,
Железные опоры земли,
Раскололся небесный свод.

Казалось — рушится, грохоча,
Гранитный купол подземных бездн.
Такой был грохот и шум,
Что страх людей охватил.
Кто труслив —
Забился в коровий хлев,
Кто посмелее —
Укрылся в чулан…

Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь —
Он-то страха не знал,
Усмехнулся, сказал:
— Нагрянули, вижу я,
Долгожданные гости мои,
Норовящие нам в зятья!

Узнали они, видать,
Высокое имя мое,
Услыхали они, видать,
О доброй славе моей…
С неба ль налетели они
Или вылезли из-под земли?
Позабавимся,
Поиграем теперь,
Повертим, покружим друг друга теперь…
Попыхтят теперь они у меня!
Любого к земле пригну!

Прямо в поле
Прянул из дому он,
Во все стороны поглядел,
Пасмурный озирая простор.

И увидел —
У края средней земли
Под гранью слоистых небес,
У подножья западных гор,
На арангасе большом,
На лабазе, поставленном высоко
На восемьдесят восемь подпор,
Богатырь-исполин лежит на боку.
В восемь сажен, примерно, ростом он,
Шестислойная кольчуга на нем —
Из сплошного железа броня.
Долгополая шуба его
Из облезлых шкур двадцати волов,
Павших от шатуна.
Длинная шея богатыря
Львиной шкурой затянута по кадыку,
На каменной крепкой макушке его
Расплющенная железная шапка,
Как гнездо хотоя-орла,
А поверх ее нахлобучен шлык

Из шкур околевших телят…
Надменно разлегся он на боку.
Безобразная харя его
Стала морщиться, дергаться,
Плюща нос,
Будто силился улыбнуться он.
Из глазницы, узкой, как щель горы,
Красными веками окружен,
Его единственный глаз
Землисто-мутно глядел…
Как подземного мира
Бездонный провал,
Разинув широкий рот,
Высунул он раздвоенный свой
Зелено-синий язык,
Как змею в семь сажен длиной,
Облизнул могучую шею свою,
Выгнутую шею свою…
Огромную голову опустив,
Как пригорюнившийся человек,
Начал без умолку он болтать,
Невнятно, хлюпая, бормотать,
Гмыкая и ворча,
Хихикая, хохоча;
Вдруг загудела земля,
От гула дрогнула даль,
Стоголосым эхом откликнулся лес,
Горы отозвались,
Так забасил он, заговорил
Абаасы-исполин.

СТИХ 16, ПЕСНЯ СЫНА АБААСЫ

Аар-дьаалы!
Ай, испугал!
А я-то с миром пришел
В Айыы Хаана улус,
Где спокойно люди живут
С поводьями за спиной!
А я-то сватать пришел
Дочь Саха Саарын Тойона,
Дочь Сабыйа Баай Хотун,
Ставших матерью и отцом
Под солнцем живущих людей,
Ходящих на двух своих шатких ногах,
У кого лицо впереди.

Сестричку богатыря,
Владеющего Серо-стальным
Неудержимо буйным конем,
Кюн Дьирибинэ-удальца,
Скачущую на иноходце Гнедом,
Блистающую белым лицом
Бедненькую Туйаарыму Куо
Я наметил в жены себе,
Когда ей было три года всего.

Долго ждал я, пока она подрастет,
Изнывал, надеялся я,
Думая — прилечу,
Поцелую в белые щечки ее,
Ми… ми… милую
Невесту мою,
Обнюхаю ее, наконец —
Ню… ню… нюхалочку мою!
Предвкушал я, что лягу с ней,

В неге прижмусь
К драгоценному теплому телу ее,
Лучащемуся сквозь меха одежд!
Думал, надеялся я,
Что ждет она — не дождется меня…
Думал я, что от ожиданья у ней
Одеревенела спина,
Что от долгого ожиданья у ней
Затылок окоченел…
Наконец-то я
Притащился к вам…
Я спешил сюда, я летел,
Я боялся, что Верхнего мира боец,
Трехгранной стрелою
Бьющий стрелец —
Быстроногий Бараанчай
Опередит,
Украдет ее…
И придется мне гоняться за ним,
Драться с ним,
Выбиваться из сил.
Потому-то я к вам спешил,
А быть может — уже опоздал?
Ох, досада…
Ох, горе мое!

Поспешал, беспокоился я,
Как бы не похитил ее
Буура Дохсун-исполин!
Раскатистый гром — под седлом его,
Восемь молний, как плеть, в руке у него…
Грозный детина,
Лихой удалец,
Богатырь — другим не чета —
Неужто опередил меня?
Ухватил невесту мою?
Ох, кручина…

Ох, горе мне…

На вихрящемся с запада на восток
Южном небе — средь верхних абаасы,
Не уживщийся в народе своем
Из-за буйства и воровства,
Улуу Тойона грозного сын
И яростной Куохтуйа Хотун
Уот Усуму Тонг Дуурай,
Летающий не на коне,
А на огненном змее своем,
Знаю — зарился
На сестричку твою!
Я боялся, как бы не выхватил он,
Опасался, как бы не выкрал он
Ее из-под рук моих,
Как бы не вынудил он меня
По росе и снегу бродить
Да впустую следов искать.
Потому спешил, торопился я,
Потому летел я, шею сломя…
Может, он уже одурачил меня?

Уродившийся в грозном веке былом,
Угнездившийся на днище самом
Погибельной пропасти Чёркёчёх,
В обители Крови и Трех Теней,
Тимир Дьигистэй, мой братец лихой,
Смотри, чтобы надо мной
Птичка ма-алая пролететь не могла!

Поставленный в начале времен
Властелином над роковым
Провалом Ап-Салбаныкы,
Старший мой брат-исполин
Алып Хара Аат Могойдоон,
Смотри, чтобы подо мной —

Под нижней моей стороной —
Подрыться и прошмыгнуть не могла
Землеройка — серая мышь!

Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Хоть похвальбой раздувался он,
Хоть на бой вызывался он,
Как слыхал я о нем,
Он — еще сосунок,
Тщедушный, хилый с пелен…
Да неужто я не смогу
Подмять его под себя?
А красавицу — сестрицу его —
Беленькую лицом,
Бедненькую Туйаарыму Куо —
Добром отдадут — возьму,
И не отдадут — возьму,
Хыы-хыык!
Гыы-гыык!

Так — издеваясь,
Смехом давясь,
Зияя распяленным ртом,
Как разорванная берестяная лохань,
Огромный абаасы
Возвышался на арангасе своем.

Молча внимал обидным словам
Владеющий Серо-стальным,
Неукротимо буйным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Грозный боец,
Горячий юнец,
Тешащийся отвагой своей…
В теле его закипала кровь,
В темя ему ударяла кровь,

Потемнело от гнева в его глазах.
Как порой осенней
Пороз-олень,
Грузные наклонив рога,
Бросается на врага —
Так у юноши-богатыря,
Словно кривого дерева ствол,
Дюжая изогнулась спина,
Напружилась шея его;
Кудрявые волоса,
На спину падающие волной,
Встали дыбом,
Как дым поднялись,
Задвигались на макушке его;

Вспыхивая серным огнем,
С треском разлетаясь, шипя,
Как из-под кресала с кремня,
Сыпались искры из глаз его,
Будто красного пламени языки
Слетали со скул его…
Страшно он изменился лицом,
Решился на смертный бой.

Так он туго сжал кулаки,
Что затрещали суставы рук,
Как бубен из шкуры коня;
Напряженные сухожилья его
Зазвенели, как десять струн…

Рогатину боевую свою
С широким сверкающим лезвием
Он поставил вверх острием;
Свой длинный тяжелый меч-пальму?
С блестящим, как зеркало, лезвием,
Поставил он вниз острием,
Опираясь на рукоять;

Как высокая земляная гора,
Выгнулся, вздулся он.

Тяжело ногами ступая,
Землю поступью сотрясая,
Прянул он к сыну абаасы,
Прямо под черный носище его,
Под горбатый гнусавый носище его
Сунул кукиш,
Плюнул в лицо;
И соленым, едким словом своим
Стал окатывать, обжигать врага…

СТИХ 17
КЮН ДЬИРИБИНЭ

Буо-буо!
Вот тебе — вот тебе!
Эй, кривая рожа,
Кровавая пасть,
Голень — ярмо,
Черный плут,
Гораздый на воровство!
Эй, ты, адьарайский сын,
Клочок убегающих туч!
Невидимкин сын,
Колдун кочующих туч!
Я взнуздаю тебя,
Оседлаю тебя,
Брошу навзничь,
Брюхо тебе распорю,
Срок даю —
Последнее слово скажи,
Предсмертное слово твое!

Как могу я тебя поминать,
Коль не буду знать,
Кого я убил,
От какой пуповины ты был рожден?
Как прославлю имя твое,
Коль не буду знать,
Чью толстую кожу я разрубил,
Чью пролил черную кровь,
Чьи кости длинные сокрушил?

Иль гнушаешься биться со мной,
Иль не знаешь — кто я такой?
Я — отпрыск от корня первых людей

На обетованной средней земле,
Сын Саха Саарын Тойона я
И Сабыйа Баай Хотун,
Брат родной
Блистающей светлым лицом,
Прекрасной
Туйаарымы Куо,
Владеющий Серо-стальным
Неукротимо-буйным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь
Вот я сам стою пред тобой,
Готовый шкуру содрать
С широченной твоей спины…
Вот я здесь, снаряженный в бой,
Как с тремя желобками стрела,
Окрыленная с трех сторон
Перьями маховыми орла,
Чтобы бить тебя прямо в лоб! —

Так пропел удалец
И сунул кулак
Прямо под нос абаасы.

Исполин подземных глубин,
Испытанный в черных делах,
Отпрянул судорожно от него,
Перекосился весь,
И, подпрыгивая,
По бедрам захлопал себя,
Сотрясая высь,
Завопил, заорал,
Оскалился, ухмыльнулся потом;
Семисаженным своим языком,
Как синим огнем,
Полыхнул, блеснул…
Воя, крича,
Вопя и мыча,

Распалился,
Заговорил, запел…

СТИХ 18
СЫН АБААСЫ

Аар-дьаалы! Аарт-татай!
Ой, смех! Ой, горе мне!
Ой, страсть! Ой, диво мне!
Я речей таких не слыхал
От людей айыы…
С поводьями за спиной —
Спокойно жили они.

Ах, голубчик — деточка мой!
От земли не видно его,
А смотри-ка, храбрый какой!
С адьараем-богатырем
Спорит он, стоит перед ним?!
Да стоит щелчок ему дать,
Да стоит один пинок ему дать —
И рассыплется он, как роса,
Рассеется без следа…

Кто на помощь к нему придет?
Кто широкой спиною его заслонит?
Что упрямится,
Чем хвастает он?

Да ведь, если на то пошло —
Я и сам
Достойным отцом сотворен,
Не простою матерью порожден! —
С хвостом, как железная острога,
С клыками, торчащими изо рта,
Прародитель всех адьарайских племен,
Родившийся в облезлой дохе,
Прославленный Арсан Дуолай,

Матерый старец — мой грозный отец!
Породившая племя абаасы,
Появившаяся на свет
С деревянной колодкою на ногах,
Древняя Ала Буурай,
Кривая голень,
Железный клюв —
Вот какая мать у меня!
Уродившийся в кровавые дни,
Угнездившийся в пропасти Чёркёчёх,
Любимый братец есть у меня
По имени Тимир Дьигистэй;
Сотворенный в бедово-мятежный век,
Поселенный в неведомой глубине
Бездонного зева Ап-Салбаныкы,
Чудовищный исполин
Алып Хара Аат Могойдоон —
Это мой старший брат.

Хвост, как черный дым,
Постель — как метель,
Когтистая лапа,
Нос — пешня,
Девушка-диво Куо Чамчай,
Богатырша Кыыс Кыскыйдаан,
Колдунья подземных бездн —
Это старшая сестрица моя!
Ох, досада моя,
Ох, беда…

А не хочешь ли ты узнать
Собственное имя мое?

Под склоном западных бурных небес
Рожденный в древние времена,
Дух великого моря Муус-Кудулу,
Огнереющего, бездонного моря,

Чье дыхание студен**о**
Чья суровая дума грозна,
Исполин Уот Усутаакы —
Вот кто я такой!
Я нагрянул наверняка!..
Красавицу Туйаарыму Куо
Неужель не уступите в жены мне?
Неужель откажете мне —
Родовитому, знатному жениху?

Как стрелу с желобком,
Оперив —
Снарядив,
Как цветочек,
Украсив
И нарядив,
Как олененочка,
Поживей
Приведите невесту ко мне.

Не мучьте такого, как я, молодца —
Не затевайте ссоры со мной…
Не задерживайте удальца,
Или будет бой…

На тебя, как на шурина, я гляжу,
На тебя обиды я не держу,
Как родственника, почитаю тебя,
Не досадую, не сержусь…
А сестру твою
Отдадите — возьму,
И не отдадите — возьму! —
Так он, скаля зубы, пропел,
Безобразно кривясь лицом…
Кюн Дьирибинэ-богатырь
Кинул слово ему:
— Не отдам!

Темный кровавый вор,
Посмотрим, как ты возьмешь! —
Абаасы повторил:
— Если отдадите — возьму
И не отдадите — возьму!

Медлить больше не стали они,
Друг против друга встали они.
Рогатины боевые подняв,
Будто рогами друг друга разя,
Сшибаются два быка, —
Ринулись друг на друга они,
На рогатинах сразились они.

Кованые наконечники их
Рогатин боевых
Изогнулись,
Свернулись в кольцо…
Рогатины боевые свои
Отбросили они,
Да как взялись за мечи,
Да как принялись мечами махать,
Вскрикивая и вопя,
Как поленья, друг друга щепать…
Несокрушима была их броня,
Искрошились у них мечи
По самую рукоять.

Кюн Дьирибинэ-богатырь
Белым своим кулаком
С голову трехлетка быка,
Словно молотом грузным, хватил
Сына подземной тьмы,
Отскочил, увернулся абаасы
От страшного взмаха того,
В полсилы пришелся удар…
Загребистую лапу свою,

Пятипалую лапу туго сжав,
Черным чудовищным кулаком
Величиной со стегно быка,
Он ударил сына айыы,
Шлепнул, как по мокрой земле.
Три дня — три ночи подряд
Кружились, бились они…
Древняя проснулась вражда,
Довременная брань ожила…

Истоптали
Талую землю они,
Искрошили
Мерзлую землю они,
По колено вязли они,
Проваливались по самый вертлюг.
Заколебалась твердыня земли,
Заплескалась, словно вода в ковше,
Накренилась,
Трещинами пошла…
Небывалый поднялся шум,
Необъятный переполох,
Нежданная налетела беда.

Владеющий Серо-стальным
Неукротимым конем,
Кюн Дьирибинэ-богатырь —
Он семь долгих дней и ночей
Увертывался от врага.
Верхняя сила его
Стала ослабевать;
Нижняя сила его
Слабеть начала, сдавать…

Дух свирепого довременного моря,
Бездонного
Муус-Кудулу,

Исполин Уот Усутаакы
Крикнул, дохнул огнем:
— Ах ты, ничтожная тварь!
Недоносок,
Щенок-сосунок!
Долго ты дурачил меня,
Тень твою ловить заставлял!..
Срок проходит
Женитьбы моей,
Срок рожденья
Первенца моего! —
В землю уткнув
Черный свой нос,
Через голову кувыркнулся он,
Н**а**трое
Разорвался, гремя,
И обернулся вдруг
Огненным змеем о трех головах,
О шести когтистых
Лапах кривых;

На серебряный дом людей,
Сверкающий путникам издалека,
На расстояньи дневного пути,
Трехголовый змей налетел,
Левую сторону дома подмял,
Ударом чудовищного хвоста
Восточную сторону развалил;
Прекрасную Туйаарыму Куо,
Которую до сих пор
Укрывали в собольи меха,
Одевали в рысьи меха,
Чтобы пыль не пристала к ней,
Чтоб от солнца не почернела она,
У которой —
сквозь мех дорогих одежд —
Тело просвечивает, лучась,

Сквозь тело тонкие кости видны,
Сквозь кости переливается мозжечок, —
Несчастную дочь айыы
За восьмисаженные
Косы схватив,
Взмыл в высоту трехголовый змей
С кричащей пленницею своей,
С визжащей добычей своей
И падучей звездой
Промелькнул, пропал
За темной гранью земли…

Посланные породить
Тридцать пять племен
На средней земле,
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Обливаясь ручьями слез,
Рыдая, остались одни.
До верхних небес
Долетел их вопль,
Нижний мир всполошился
От крика их.
Из провала подземных бездн
Отродья старухи Ала Буурай,
Выходцы из поддонной страны
Вырвались в Средний мир,
Разграбили, разорили дотла
Селенья детей айыы-аймага,
С поводьями за спиной,
Двуногих,
С лицом впереди…
Погашены их очаги,
Разрушены их дома.

Адьарайские племена
Попрали веленья владык судьбы,

Решения огненного суда…

Как опустили сверху потом,
Как поселили на средней земле,
Словно звонкую стрелу,
Оперив,
Словно копье,
На бой снарядив,
Чтоб улусы солнечные
Защитить,
Чтоб людей от гибели
Оградить;
Как послали
В Средний бедственный мир
Исполина-богатыря,
Которого три мира зовут
Именем таким:
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур…

Если спросят,
Каков он собой,
Этот избранный богатырь,
Как он — бедный —
С младенчества вырастал,
Как в детстве,
Копье себе мастеря,
Верхнему миру грозил,
Зычно крича, вопя,
Что растопчет его,
Что в обломки его сокрушит;
Как малышом-ползунком,
Еле-еле на четвереньки встав,
Колотушку сделав себе,
Нижнему миру он угрожал,
Что придет, разрушит его,

Обрушит каменный свод;
Как он гулко стучал
О покрышку бездн,
Громом голоса
Оглашая простор
Над перевалами трех дорог,
Мычаньем, как дикий бык,
Наполняя темный подземный мир, —
Обо всем об этом олонхосут
Отдельно песнь поведет.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

СТИХ 19

Рот разомкну —
Всколыхну тишину,
Раскрою уста —
Рассказ начну…
Стану песни вам
Старым ладом слагать,
Вспомню о славном богатыре,
Посланном в Средний мир
От нечисти охранять
Доверчивых
Добросердечных людей
Племен айыы-аймага.

Только он на ноги стал,
Только вкривь и вкось зашагал —
Сел на коня,
Полетел, как вихрь;
С севера, с юга
Объехал он
Огромную Землю-мать,
С восхода, с заката
Объехал он
Прославленный свой алас,
Осмотрелся кругом,
Осмотрел себя,
Крикнул голосом громовым:
— Вот я вырос!
Я в силу вошел! —
И Верхний мир его услыхал,
И Нижний мир его услыхал…

Снова сяду я среди вас,
Долгий начну рассказ;

Тройной замок отопру,
Трехголосым горлом своим запою…

Если из Верхнего мира в ответ
Через трубы гудящие очагов,
Если из Нижнего мира в ответ
Долетит из-под ваших ног
Одобрительный возглас:
«Но-о!» —
Не пугайтесь,
Внимайте мне.

Это было за гранью древних лет,
За хребтом стародавних лет,
Во мгле незапамятных лет…
Под восьмым уступом
Края небес,
Под седьмым уступом
Белых небес,
Откуда голос не долетит,
Чья не измерена высота,
Где парят железные три кольца,
На которых держится мир,
Где летают девять смерчей,
Где играют десять
Крылатых коней,
Оттуда — с заоблачной крутизны —
Всей земли просторы видны,
Широкая открывается даль;
На необъятном просторе том,
На неколебимой основе его,
Что Средним миром зовут,
На могучей твердыне его,
Что ногою не покачнешь,
Рукою не шелохнешь,
Где броды мелеют
В летний зной,

Где увалы курятся голубизной,
Где степь зеленеет весной,
Там красуется и цветет,
Держащееся на восьми ободах
Сокровенное золотое гнездо —
Окруженное громадами гор
Широчайшее благодатное лоно
Изначальной земли матерой.

Там, на теплом, лучшем месте ее,
Возле печени золотой,
В средоточьи светлом ее,
Где белое солнце
Летом встает,
Сверкая, как медный меч,
Где над горбатым хребтом,
Над покатым теменем гор
Белое зимнее солнце встает,
Сверкая, как медный меч,
Вырванный из нож**о**н,
Там — без края и без конца —
Необъятная долина лежит.
Девяносто девять
Могучих рек
Бурливо текут
По долине той;
На обширных аласах ее
Восемьдесят восемь
Кипучих рек
Сливаются в величавый поток;
Там семьдесят семь
Говорливых рек
В зеленеющих берегах,
Словно дети — веселой гурьбой,
За руки схватившись, бегут.

Там бураны

Бывают порой,
Катящие с грохотом
Глыбы камней
С трехлетнюю телку величиной;
Там ураганы бушуют порой,
Катящие камни — величиной
С четырехлетка-быка.
Там обвалы гремят в горах,
Вихри вздымают до облаков
Глинистую белую пыль;
Там россыпи
Красных и желтых песков
Вскипают, клокоча…
Деревья такие огромные там,
Что древняя с них
Спадает кора,
Темные, дремучие там леса,
Заросли непроходимых чащоб…
А далёко — на солнечной стороне —
Высокие сопки стоят,
Каменные горы за облака
Заносят острые скалы свои…
Так необъятен этот простор,
Что птица-журавль
И за девять дней
До края долины не долетит,
Даже быстрая птица-стерх
На блестящих, белых крыльях своих
Эту ширь не в силах перелететь,
Заунывно кричит: — Кы-кыы! —
Сокровенно таится в долине той
Красно-тлеющий камень-сата;
Завывая зловеще, там
Летает, кружится
Дух илбис.

Необозрим кругозор,

Неизмерим простор
Великой долины той —
Широкой равнины той;
Прославленное имя её —
Праматерь Кыладыкы.
Там степная трава зелена,
По траве будто волны бегут;
Там деревья густо цветут;
Крупной дичи там счета нет,
Мелкой дичи там сметы нет.
В изобильной этой стране
Приволье горлицам и сарычам,
Там кукушки звонко поют всегда…

Но до той поры,
Пока с высоты
Белых неколебимых небес
Великий Айынга Сиэр Тойон
Трех своих любимых детей
На облаке не опустил,
Повелев им жить на средней земле, —
До той поры никто из людей
На просторах праматери Кыладыкы,
На изобильной ее груди
Не построил себе жилья —
Ни берестяной урасы,
Ни дома прочного не воздвиг,
Не зажег в очаге священный огонь;
Никто загона не огородил
Для стада своих коров.
Огромная эта страна,
Грозная изобильем своим,
Свирепая безлюдьем своим,
Еще хозяина не нашла;
Сюда богиня Айыысыт
Еще жизни не принесла.
Полчища верхних абаасы

Приходили сюда без помех,
Адьараи, подземные абаасы
Вольно выходили сюда,
Затевали игры свои.

СТИХ 20

Я радостно вам спою, расскажу
О чудесной, великой этой стране,
О таинственной, дикой этой стране.
Далеко на южной ее стороне
Возвышаются девять горбатых гор,
Обрываются девять увалов крутых, —
Будто это девять огромных коней,
Чьи хозяева — Тобурах Баай
И Тогуоруйа Хотун,
Над пустыней гибели и смертей,
Защищая свои табуны,
Друг против друга взвились на дыбы
И застыли, окаменели навек.
Эти девять хребтистых гор,
Будто девять оленей,
Склонивших рога,
Готовых наброситься на врага;
А если к подножию их подойти —
Эти горы, как девять могучих быков,
Увязших в мерзлой земле,
Провалившихся по самый живот,
Наклонив широкие лбы,
Угрожая друг-другу, стоят,
Застывшие навсегда…
Эти девять угрюмых гор,
Словно исполины, лежат —
Простершиеся на боку…
По ущелью обширный лег перевал,
А за перевалом — провал…
Там крутыми уступами горный путь
Опускается в Нижний мир.
Утесы острые там,
Словно зубья гребня, торчат.

По тому обрывистому пути,
По широкому перевалу тому
В древние времена выходил
Прославленный богатырь-адьарай
Алып Хара Аат Могойдоон,
Ездящий на низкорослом быке,
У которого из-под верхней губы
Торчат кривые клыки.
За ним подымались в Средний мир
Полчища абаасы
Грабить добро,
Разорять дома,
Убивать людей
Из рода айыы.
Между этих обрывистых гор
Ветры сильные дуют всегда,
Вихри бушуют всегда,
Каменные обвалы гремят…
Там, бесконечное, пролегло
Ущелье горя и мук —
Урочище Ледяной Хотун,
Как перерезанная гортань,
Там зияет теснина
Хаан Дьарылык,
Там вьется дорога снизу вверх,
Там клубится, дышит
Черный туман.

Если полетим на восток
Великой равнины Кыладыкы,
Где по светлому небосклону бегут
Перистые облака,
Что похожи на пеструю грудь
Тетерева, глухаря,
На востоке откроются нам
Темные глухие леса…
До другого края этих лесов

Никакая птица не долетит.
В том лесу исполины-деревья растут,
Шелестят густою листвой;
С их древних стволов
И толстых ветвей
Сама спадает кора.
Похожи деревья в этом лесу
На шаманок давних времен,
Когда встречали с пляской они,
Буйно прыгая и кружась,
Неистово в бубны гремя,
Идущую к ним наяву
Жизнедарящую Иэйэхсит,
Когда благодатной своей рукой
Поглаживает она
Золотистые щеки свои,
Румяные, как закат и рассвет
На ясном небе весной.

Если на крылатом коне
Дальше полетим на восток,
На открытом просторе увидим мы
Величавое в блеске своем
Озеро с островом среди волн.
В нем вода, как белое молоко,
Желтым маслом сверкает рябь,
Творожные отмели на берегу.
Гоголи с плеском ныряют там,
Турпаны слетаются там…
Еще дальше синее озеро есть;
По белым балкам,
С зеленых гор,
Прыгая по камням, журча,
Сбегают к нему ключи;
Аисты зимуют на нем,
Каменушки-утки зимуют на нем…

И еще чудесное озеро есть, —
Его зеркальная гладь
Не туманится никогда…
Здесь птицы-стерхи поют,
У которых граненый клюв,
Красная кайма на глазах;
Сюда слетаются журавли,
Здесь гагары играют, нырки.
Если дальше еще глядеть
Сквозь утреннюю лучистую мглу —
За тремя озерами, вдалеке
Увидим: с неба до самой земли
Опускается изволоком перевал,
Радугой переливаясь, горя…

Когда ходящий на двух ногах,
У кого лицо впереди,
К Юрюнг Аар Тойону
В Верхний мир
Обращаясь, песню поет —
По уступам небесного склона того
Иэйэхсит нисходит к нему,
Айыысыт одаряет его.
Если быстрый брошу отсюда взгляд
В пасмурный низ,
В бездонную щель
Метели кружащего, колдовского
Северного склона небес, —
Выступят из мглы вихревой
Восемь свирепых горных вершин…
Там великий Куктуйский пролег перевал,
Там вечно лютует буран,
Будто древний колдун-шаман
Днем и ночью кружится,
Снега подымая,
Громко в бубен свой ударяя,
Камлает неистово —

Правит кырар,
Косматыми волосами трясет…
А за горами вдали
Светлый открывается дол;
Березы белые там растут,
Похожие на стада лебедей,
На стройных, как стерхи,
Женщин-хотун,
Когда степенно выходят они
На широкий, ровный алас,
Где праздничные игры идут,
И сами — радуясь и смеясь,
Колыхаясь красиво,
Ровно ступая,
Пляску свою ведут…
Серебряные украшения их
Сверкают, бряцают в лад,
Алым шелком горят у них
Собольих шапок верхи,
Белеют бляхи на лбу.

А за долиной белых берез
Железные горы ввысь поднялись,
Будто красные жеребцы
Яростно взвились на дыбы,
Грызутся между собой;
Словно могучие лоси-самцы,
Ощетинив шерсть на загривках крутых,
Сшиблись и застыли навек —
Так вот, острые горбя хребты,
Эти горы тесно сошлись.
Между гор теснина лежит,
А по той теснине из-под колдовских
Северных, метельных небес
Хоромн**ю** Хаана орда
Выходила на белый свет
Грабить и убивать людей

Солнечного улуса айыы.
Эта теснина и есть —
Великанша Куктуй-Хотун;
Здесь она разевает бездонную пасть,
Здесь — опасные колдовские места.
По этой теснине глухой,
Из бездонно погибельного жерла
Выходили нижние абаасы,
Истребляя все, как огонь,
Разрушая все, что успел собрать,
Что успел создать, взрастить, накопить
Добросердечный народ айыы.

От Сюнг Хаана в былые века,
От племени
Сюнг Дьаасына
Приявший бессмертный дух и судьбу,
Выше этих железных гор
На округло-широких крыльях своих
Носитель смерти парил —
Небесный орел Хотой Хомпорун,
С металлически-звонким клювом своим,
С клекочуще-каменным нёбом своим,
Медные лапы, хвост острогой.
По ночам прокрадывался сюда
На волосатых лапах своих
Невидимка Тимир Дьигистэй —
Старейший средь нижних абаасы.
Трижды мог умереть он
И трижды ожить —
Так предначертано было ему…

СТИХ 21

Далеко, где желтеет склон
Западных холодных небес,
Под грядою клубящихся облаков
Раскинулось широко,
Вздуваясь темной водой,
Разбиваясь о берег пенной волной,
Играет, бушует, гремит
Великое море Араат
Через просторы моря того
Птица не перелетит.
Восемь заливов его
Вторгаются в грудь земли,
За восемь дней пути
Слышно, как грохочет прибой…
Н**а** море волненье всегда,
Леденящим холодом дышит оно,
Не стихают бури на нем никогда,
Не умолкает прибой никогда.
А что лежит за морем Араат?
Там — под нижним краем
Закатных небес —
Подымаются, словно белый дым,
Громоздятся, как облака,
Белые горы в снегу.
На хребте синеющем этих гор
Обрывистые утесы торчат,
Вершины острые их,
Словно копья широкие, поднялись…
Как ступенчатые горловые хрящи,
Громоздятся скаты каменных гор.
Здесь берет начало
Широкий, большой
Перевал Кээхтийэ-Хаан,

Чья хозяйка — свирепый дух;
Здесь лютует она,
Здесь колдует она,
Обвалами грохоча…
По страшному перевалу тому,
По обрывам непроходимым его
Спускаются в Средний мир
Свирепые верхние абаасы,
Самые первые богатыри
Ненасытно буйных небес,
Чей родич — алчный Аан Дархан.

Здесь изрыгает дым и огонь
Таинственное жерл**о**;
Оттуда выходит в ноч**и** на грабеж,
Туда уходит потом,
С награбленным им добром,
Ненавидящий всех людей
Уот Усуму Тонг Дуурай.
На восьминогом огненном змее
Сидя верхом, выезжает он,
Все живое сжигает он
Смертоносным своим огнем.
Это он истребил племена
Кюксэ Хаадыат
И Кюкэ Хахат;
Это он пожрал их стада,
Ближних соседей их перебил,
К дальним их соседям пришел,
Обездолил их и угнал их скот…

На груди праматери Кыладыкы,
В долине ее золотой,
На широком ее хребте,
На лоне, блистающем белизной,
Вырос некогда сам собой,
Вспучился из-под земли

Глинистый высокий курган;
На округлой вершине его
Поднялись еще три холма.
За девять суток пути
Вершина его отовсюду видна;
За восемь дней пути
Седловина его видна.
На вершине кургана того,
Между тремя холмами его,
Посреди седловины крутой
По велению неба
В начале времен —
Раскинув пышные восемь ветвей,
Выросло древо Аар-Лууп.
Так высок**о** оно поднялось,
Так широк**о** разрослись
Могучие ветви его,
Что осенили землю они,
Заслонили солнце они.
У прекрасного древа того
Тонкие ветки из серебра
Звонко поют на ветру;
На могучем его стволе
Темная золотая кора…
Круглый год оно
Зеленеет, цветет.
Как огромные кубки для кумыса,
Как большие чороны
С резной каймой,
Золотые орехи зреют на нем,
Срываются с высоких ветвей,
Разбиваются у корней,
От удара паденья своего
Раскалываются они,
Проливая созревшую в них
Желтую благодать.
Широкие листья его,

Словно конские чепраки
Из шкур молодых кобылиц,
Широко под ветром шумят;
Если ветра нет —
Все равно они,
Как живые,
Колышутся, шелестят…
В древе том обитает
Хозяйка Земли,
Дух великий деревьев и трав,
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Дочь Юрюнг Аар Тойона,
Владыки небес,
Посланная жить на земле,
Одарить щедротами
Средний мир,
Украсить, обогатить
Долину жизни грядущих людей,
Деревом-матерью быть
Племенам уранхай-саха…
Шелестело древо густою листвой,
Будто говорило само с собой:
— Если б вольно я
В высоту росло,
Я д**о** неба
Дорасти бы могло,
Поднялись бы верхние ветви мои
Выше стремительных
Белых небес,
Восемь моих могучих ветвей
Раскинулись бы в высоте,
Как восемь густых лесных островов,
Над становьем,
Где грозный живет
Улуу Суорун Тойон…
Там несметное племя его,

Свирепые верхние абаасы,
Чьи завистливы огневые глаза,
Чьи железные клювы остры,
Отведали бы моих плодов,
Взялись бы хвалить, клевать
Золотые орехи мои,
Стали бы пожирать
Желтую благодать мою,
Стали бы жадно пить
Белую благодать мою;
Привязался б ко мне
Их лютый дух,
Прилипла б ко мне
Их лютая страсть,
Выпила бы соки мои…
И высокие ветви мои
Сохнуть начали бы тогда,
Рухнул бы могучий мой ствол,
Пошатнулось бы счастье средней земли…
Если бы восемьдесят восемь моих
Могучих толстых корней
Прямо вниз росли
В глубину земли,
То проникли бы корни мои
В страшный подземный мир;
Через его дождливую пасть
Высунулись бы корни мои
В середине аласа Алып-Ньахсаат,
Где владыка Нижнего мира живет —
Родившийся в облезлой дохе
Исполин Арсан Дуолай…
Несметное племя его,
Чьи медные клювы остры,
Припали бы к белым моим корням,
Стали б корни мои сосать,
Высосали бы сок из меня,
Высохли бы корни мои;

И без опоры в земле
Рухнуло бы я с высоты
Грузным своим стволом…
Беззащитным остался бы Средний мир,
Перестала бы к людям сходить
Благодатная Айыысыт;
Некому было бы разводить
Тучный молочный скот,
Запустели бы стойбища мирных людей,
Опустели бы их дома
И пришел бы жизни конец!.. —

Вот поэтому, говорят,
Великое древо Аар-Лууп,
Широко раскинув ветви свои,

Не проникает верхушками их
За край ненасытных небес,
А простирает зеленую сень
Над простором средней земли.
Восемьдесят восемь его
Толстых столбов-корней
Не прорастают в Нижний мир,
А распластываются в толще земли;
До далекого острова Сихта они
Тянутся под землей…
Густые ветви его
Куполом высятся над землей
На семьдесят дней пути,
Изгибаются плавно вниз,
Достигая моря с одной стороны,
А с другой до Татты-реки…
Пышно красуется и цветет
Исполинское древо-мать;
Счастье белое падает на него
С трехъярусных белых небес,
Тяжелые золотые плоды,
Как чороны огромные для кумыса,
Срываются с отягченных ветвей,
Раскалываются пополам,
Ударяясь о корни свои,
А могучие корни,
Взрастившие их,
Впитывают все соки земли.
Верхняя древа часть
Орошает долину
Млечной росой,
Нижняя древа часть
Источает щедро вокруг себя
Божественно желтую влагу свою.

Вот какой прекрасной была
Долина Кыладыкы;

Широкие луговины ее —
По триста верст длиной,
Зеленые поймы ее —
По двести верст шириной…
Но не мог там себе построить жилья
Немощным рождающийся человек,
Ходящий на двух ногах;
Только реял там воющий дух илбис,
Только тлел там
Красным огнем
Волшебный камень-сата.

Обступали долину горы вокруг,
Огромные скалы, словно бойцы,
Воплями оглашая даль,
Колотушками боевыми, чомпо
По макушкам друг друга тузя,
Обвалы обрушивали с крутизны…

Была благодатная эта страна
Предназначена в древние времена
Для такого могучего богатыря,
На которого никто на земле
Не смог бы надеть ярма;
А пока налетали сюда
С северных, метельных небес
Сонмища свирепых племен,
У которых рты на груди,
Чей отец был Улуу Тойон,
А мать — грохочущая в высоте,
Неистовая Куохтуйа Хотун.
Огненными глазами они
Оглядывали равнинную ширь;
Им по нраву пришлось
По долине той
Прыгать, скакать, играть;
А от их тяжелых прыжков,

От свирепой игры и возни
Трещинами раскололась земля,
Буераками расползлась,
Раскололась оврагами вдоль и вширь.
Из-под купола вихревых небес
Заваленной тучами стороны
Набегали сюда племена
Подземных абаасы,
Чей отец — Арсан Дуолай,
А мать — старуха Ала Буурай,
Властители страшных
Подземных бездн.
Медными глазами они
Разглядывали равнинную ширь,
Им по нраву долина пришлась.
И вот исполины-абаасы,
Как огромные ели, зимой
Покрытые грузным снегом и льдом,
Играли, прыгали тяжело,
Лишь метались темные тени их.
И от их тяжелых прыжков,
От чудовищной их игры
Балками раскололась земля,
Оврагами разорвалась…

Народившиеся от первых людей
Три племени уранхай-саха,
Четыре рода айыы-аймага
Сильных вырастили сыновей,
Отважных богатырей,
Не жалеющих головы своей.
Вставали отважные удальцы,
Выходили давать отпор
Налетавшим сверху врагам,
Нападавшим снизу врагам.
Кистенями размахивая, крича,
Шумно устремлялись они

В погибельный Нижний мир;
С копьями наперевес,
Толпами подымались они
По склону бурных небес
В грохочущий Верхний мир.
От полчищ верхних богатырей
Поражение терпели они;
От полчищ подземных богатырей
Терпели они урон;
А в Среднем мире своем
Укрытья не было им…

СТИХ 22

И вот — рожденные в пору бед,
Взращенные в горестях и нужде,
Закаленные в жестокой борьбе
С чудовищами подземных бездн,
Уцелевшие в неравных боях
С исполинами абаасы
Непримиримо бурных небес,
Самые первые удальцы,
Прославленные богатыри,
Старейшины-главари
Племен айыы-аймага
Сошлись наконец —
Собрались на совет,
Стали вместе гадать, размышлять,
Как им быть,
Как им дальше жить…
Ветер далек**о** относил
Горестные возгласы их,
Эхо гулко вторило их голосам:

— Аарт-татай!
Ах, братья-друзья!
Ах, какая досада нам…
Ах, какая обида нам!
Ведь богатейшая эта земля,
Долина Кыладыкы
Была завещана племенам
Добросердечных потомков айыы!
Щедрую тучность этой земли —
Желтое изобилье ее —
Неистовые разрушают враги,
Твердыню нетронутую ее
В пустыню хотят превратить

Завистливые враги!
На широких просторах этой земли,
Теряющихся в голубой дали,
Где краснеет, алеет, горит
Россыпями камень-сата,
Где воинственные илбисы кричат,
На великой равнине этой страны,
На могучей хребтине ее,
Что ногой толкнешь и не колыхнешь,
На ее широкой груди,
Вздымающейся высоко,
Чтобы здесь могла жилье основать
Добрая мать Иэйэхсит,
Чтобы дом изобильный смогла обжить
Великая Айыысыт,
Поселить должны
Владыки айыы
Такого богатыря,
Который был бы сильнее всех
В трех сопредельных мирах,
Чтобы он и ростом был выше всех,
И душою отважнее всех,
Чтобы в теле могучем был у него
Несокрушимый костяк,
Чтоб шумела в широких жилах его
Непроливающаяся кровь,
Чтобы вечным дыханием он владел,
Бессмертие получил в удел;
Чтобы он защитником был
Людям айыы-аймага,
Ходящим на двух ногах,
С поводьями за спиной.
Только нет такого богатыря,
Нет такой защиты у нас…
Люди лучшие трех племен саха
Перебиты, истреблены…
Потомки всех четырех племен

На гибель обречены!
Прокляты мы, видно, судьбой,
Пропащая, видно, участь у нас —
Разорение, гибель, смерть…
Самый лучший,
Самый обширный алас
Средней ярко-пятнистой земли
Отняли у людей
Отродья абаасы!
Не осталось нам ни пастбищ, ни вод,
Ни обильных дичью лесов…
Потомки славных наших родов
Обездолены, побеждены,
Повалены вниз лицом.
Видно, приходит последний час
Племен уранхай-саха…
Выгонят нас из наших домов,
Развеют пепел родных очагов…

Так неужто, братья-богатыри,
Обитающий на хребте небес,
Восседающий в облаках
На беломолочном камне своем,
Благодатный, древний, седой,
Чье дыхание — нежный зной,
Прародитель наш
Юрюнг Аар Тойон
Своим нескользящим,
Толстым щитом
Нас не укроет,
Не защитит,
От гибели не спасет?
О, если бы наша Аан Алахчын —
Материнского древа душа,
Посланная охранять
Изобилие золотых щедрот
Изначальной средней земли,

Наяву перед нами представ,
Причитая и плача, сказала бы нам,
Что больше надежды нет,
Мы не стали бы дольше терпеть!
Мы бы сами убили себя,
Бросясь на острия
Сверкающих копий своих! —
Так роптали богатыри
Племен айыы-аймага,
Так в отчаяньи восклицали они…

Громкие восклицания их,
Ропот неумолкающий их
Превратился в шестиязыкий огонь,
Воплотился в серный
Синий огонь.
Семь илбисов неистовых
В том огне
Яростно воя, взвились,
Понесли и бросили этот огонь
На восьмиветвистое древо Аар-Лууп.
Охватило пламя могучий ствол,
Потрескивая, побежало вверх,
Коснулось нижних ветвей,
Дымом застлало
Лиственный свод.
Вихрь налетел, зашумел,
Грозно зашелестел
Широколапой густой листвой,
Раскачал огромные восемь ветвей,
С треском ломая сучья на них;
Тяжелые золотые плоды
Стали падать с нижних ветвей,
Посыпались с верхних ветвей;
Словно рыбьи серебряные хвосты,
Захлопала, затрепетала листва…
Завыл илбис, затянул

Воинственную песню свою.
Птицы тучей слетели с ветвей,
Захлопали крыльями,
Прочь понеслись;
Звери, прятавшиеся в тени
Древа жизни Аар-Лууп,
Жалобно в испуге крича,
Кинулись убегать…
Исполинский свод серебристой листвы,
Куда прилетала порой отдыхать
Благодатная Иэйэхсит,
Где обитала всегда
Сама Аан Алахчын,
Весь огромный купол густой листвы
Покрылся дымом седым;
С треском шатался могучий ствол,
Ветви раскачивались все сильней;
Красный камень —
Опора толстых корней —
Раскалывался,
Дробясь, как дресва…

Предназначенная охранять
Желтую благодать земли
В долине Кыладыкы,
Вышла из шумной листвы
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын,
Надела на плечи свои
Ниспадающие спереди и позади
Подвески чеканного серебра,
Накинула на себя
Длинную одежду свою
Из драгоценных мехов.
Вспыхнула благородная кровь
В сердце Аан Алахчын,
Во весь свой высокий рост

Выпрямилась она;
Блеснувшие на ее глазах
Смахнула слезы она
Золотыми ладонями рук.
Где упали слезы ее,
Два озера, шумя, разлились —
И четыре гоголя с высоты
Опустились н**а** воду их,
Хлопать крыльями стали, нырять…

Аан Алахчын, Манган Манхалыын
Выпрямилась во весь свой рост,
Высотою с дерево стала она;
Косы длинные до земли опустив,
Глаза блистающие подняв
К трехъярусным небесам,
Протяжно петь начала…
Звучным голосом пела она,
Взывая к сидящему в высоте
Юрюнг Аар Тойону —
Отцу своему
В шапке из трех соболей,
Чье дыханье — нежный зной,
Чья белеет, как снег, седина.

СТИХ 23
ПЕСНЬ ААН АЛАХЧЫН

Видишь мен**я** Слышишь меня?
Видишь горе мое,
Мой ярый гнев,
Отец мой Юрюнг Аар Тойон,
Отец живого всего,
Отец сотворенных тобой
Добросердечных людей
Солнечного рода айыы
С поводьями звонкими за спиной,
Натянутыми твоею рукой!

Подними три раза над головой
Высокую мягкую шапку свою
Из трех дорогих соболей,
Трижды голову обнажи,
Солнечные уши свои
Трижды открой предо мной,
Прислушайся к речи моей,
Слова не проронi!

Стужей подуло из Нижнего мира,
Вихрь налетел из Верхнего мира…
В Среднем мире, на щедрой земле,
Где п**о** небу солнце идет высоко,
Где простор зеленеет травой,
Где леса шелестят листвой,
Где вы — владыки айыы —
На вершине минувших лет,
На хребте стародавних лет
Поселили первых людей,
Опустили их с высоты,
Повеление дали им,

Чтобы избранные тобой
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун
Породили девятерых сыновей,
Породили десятерых дочерей,
Дали жизнь двадцати родам,
Дали жизнь тридцати пяти племенам,
Заселили потомством своим
Средний мир,
Завещанный им.
Нерушимое счастье тобой
Было обещано им!

Но из темных, подземных бездн
Адьараи н**а** землю поднялись;
Из Верхнего мира
С бурных небес
Неистово начали налетать
Воинственные племена…
И теперь погляди, отец,
Что творится здесь на земле:
Дети племен уранхай-саха,
Ходящие на двух ногах,
Глядящие прямо перед собой,
Наполовину истреблены…
Их дома изобильные разорены,
Перевелся их тучный скот;
Опора крепкая жизни их
Рухнула!
Негде укрыться им,
Не на что надеяться им!

Чтоб от обид народ защитить,
Чтоб от гибели оградить
Добросердечных детей
Улуса айыы-аймага
С отзывчивою душой,

С поводьями за спиной,
Надо вам средь небесных богатырей
Лучшего избрать поскорей
И в Средний мир отпустить,
Чтобы он хозяином стал на земле,
Чтобы он жилье основал
На равнине Кыладыкы,
Где раздолье, где необъятный простор,
Где долины без края цветут,
Где широкие зеленеют луга,
Где россыпью красной горит
Драгоценный камень-сата…

Пошлите могучего богатыря,
Которому равного нет!
Пошлите великого богатыря,
Чтобы мог он дорогу закрыть
Дующим сверху ветрам? ледяным,
Чтобы мог он пути запереть
Стуже, веющей из-под земли!
Нужен на земле богатырь,
У которого не проливалась бы кровь,
Не рушился бы могучий костяк,
Чтобы он дыханием вечным дышал,
Чтобы он бессмертной душой обладал.
Вот такого богатыря
Прикажи, отец,
Поскорей найти
И не медля в Средний мир отпусти!

Если вы, могучие, предрекли
Долгую широкую жизнь
Ходящим на двух ногах,
У кого лицо впереди,
Потомкам рода айыы,
О, имеющие великую власть,
Добрые сердцем владыки небес,

Внемлите моим словам,
Пошлите н**а** землю поскорей
Крепкую защиту свою,
Долговечную силу свою!
Обращаюсь к вам с горячей мольбой,
Кланяюсь низко вам,
Поклоняюсь трем
Вашим темным теням! —
Так молила владык айыы,
Говорила Аан Алахчын.

СТИХ 24
ПЕСНЬ ААН АЛАХЧЫН

Высокий белый
Небесный свод
Всколыхнулся в зените своем,
Изначальная мать-земля,
Как в деревянной чаше вода,
Дрогнула,
Заколебалась вдруг…
Громкое слово
Аан Алахчын
Полетело ввысь,
Потрясло,
Всколебало воздух
Над всей землей.
Туча темная наплыла,
Стало сумрачно,
Пала широкая тень…

Рассекаемая могучей мольбой
Матери Аан Алахчын,
Зашумела воздушная высь,
Загудел, заклубился вихрь,
Захрустел, зазвенел
Летящий песок…
Не успел бы ты сказать:
«Ааарт-татай!»,
Треснул оглушительный гром,
Молнии, трепеща,
Посыпались с высоты;
В треске и свисте
Железных крыл,
В блеске пляшущих красных огней,
С клекотом гневным,

С воем илбис
К темному небу взмыл.

А те — блистающие в высоте,
Обитающие на хребте
Трехъярусных белых небес,
Судьбами трех великих миров
Правящие по воле своей,
Встревожились, собрались,
Разговор такой повели:
— Из пределов Среднего мира,
С обитаемой беспокойной земли,
Где свил гнездо
Кровавый раздор,
Кто-то с воем и клекотом
К нам летит,
Хочет мир небес возмутить;
Там беда, как видно, стряслась,
Только нам теперь не до них! —

Взяли огромный железный шест,
С тремя наконечниками острогу
И закрыли со скрежетом
Огненный вход
На белое небо —
Обитель владык
Великого рода айыы,
Дали стражам небесным
Грозный наказ:
— Пусть-ка сунется кто-нибудь —
Двиньте по глупой башке острогой,
Чтобы дерзкий незваный гость
Н**а** землю кувырком полетел!

На высоком, белом небесном хребте,
На раздолье безбрежном его,
На беспредельном просторе его,

На трехъярусном своде,
Где облака
Гуще белого каймака,
Могущественные стражу несли —
Славные в сонме айыы,
Державные богатыри,
До которых на крыльях не долетишь,
До которых на брюхе не доползешь.

Готовы на бой всегда,
Готовы любой удар отразить,
Заслоняли спинами солнце они.
Словно горы, мускулы их
Перекатывались на широких плечах.
Сокрушительны силой своей,
Ослепительны видом своим,
Смерти не знали они,
Никто их не мог победить,
Ярмо им на шеи надеть.
Трое было их — богатырей,
Трое стражей белых небес.

Если спросишь их имена —
Громкие на все времена,
Какая им сила дана,
Какая власть им дана,
То вот кто были они:
Первый, самый могучий из трех,
Схожий с заоблачною горой,
Чье дыханье — густая мгла,
Чей каждый выдох —
Белый туман
С огромное облако величиной,
Был исполин Буксаат Хара.
А второй —
Бесстрашный боец,
Бесконечно коварный

Ловкий хитрец —
Был Ала Дьаргыстай-богатырь.
Третий был
Прекрасный собой,
Беспредельно добрый душой,
С белым юношеским лицом,
Блистающим красотой —
Кюн Эрбийэ-богатырь.

Первый средь них,
Сильнейший средь них,
Чей выдох — белый туман
С облако величиной,
Богатырь Буксаат Хара
Неподвижно на месте сидел,
Нерасторжимо соединив
Опорные три кольца,
На которых держится мир,
Руки могучие в кольца продев,
Не размыкая рук никогда;
Левым красным глазом своим,
Мерцающим, как звезда
В осенние холода,
За небесами он наблюдал,
Огненным правым глазом своим
Пристально вниз глядел.
Так он всегда неподвижно сидел,
Три кольца небесных держал.
А страшился он одного:
Если бы в руках у него
Хоть одно покачнулось кольцо,
Дрогнул бы трехъярусный небосвод.
Всколыхнулись бы девять
Белых небес.
Если бы в руках у него
Повернулось огненное кольцо,
На котором держится вся земля,

То обитаемый Средний мир
Всем бескрайним простором своим,
Всей непомерною толщей своей
Поставленный на воде,
Закачался бы, как лохань,
Затопили б его края
Воды мертвые довременного моря…
Изобилье и счастье земли
Смыты были бы,
Сметены
Яростью ледяной волны;
В страшном Нижнем мире тогда
Заклятые в древние времена
Засовы Алып-Чарай
Отодвинуться вдруг могли
И открыть глубины
Удушливых недр,
Бездонных подземных недр…
Наступила бы гибель земли,
Распался бы,
Разрушился мир

Этому богатырю,
Что держит опоры трех миров,
Раз в три года
Белую пищу несли,
Гущу небесного молока.
Как бездонный провал,
Как ущелье в горах,
Он широкий рот открывал,
И прямо в открытый рот,
В глубокий отверстый зев
Опрокидывали ему
Белой сладкой пищи котел;
Это малое проглатывал он
Огромным одним глотком…
Нет на свете лучше богатыря!

Румянцем густым цветет
Лица его смуглота;
Как из стали кованы —
Мышцы его
Усталости не испытали вовек;
Огромный,
Как горный кряж,
Опора вселенной — он.

А второй из богатырей —
Ловкий боец,
Коварный хитрец,
Удалой Ала Дьаргыстай;
Мясом грузным он не оброс,
От жира не лоснится он,
Кости неломкие у него,
Тело железное у него,
Не боится он ничего.

Воскликнув:
— Ну что ж!
Такова
Предначертанная Одун Хааном судьба! —
Этот стремительный богатырь,
Ухватив свой грузный железный шест —
С тремя наконечниками острогу —
Уже размахнулся оружьем своим,
Чтобы ударить прямо в кадык
Того, кто дерзко снизу хотел
Проникнуть в Верхний мир.
Так он прежде на землю
Сбрасывал всех
Рвавшихся на небеса…
В этом служба его была,
За это хвалу воздавали ему
В трех мирах,
На трех языках;

Он хранил нерушимый строй,
Установленный в начале времен.
В сверкающем доспехе своем
Был он схож с боевым копьем
О восьми лезвиях,
О трех остриях —
Так о нем предания говорят…

Третий из богатырей —
Белого неба гонец.
О чем бы ни попросили его,
За чем бы ни посылали его,
Дух не успеешь перевести,
А он, как молния, улетев, —
Уже воротился, гремя, как гром;
Все узнал, все увидел,
Принес ответ…
Смеется он,
Будто сено горит,
Хохочет он,
Будто гром гремит;
Когда, как молния, он летит —
Не видно тени его,
Вот какой он,
Кюн Эрбийэ-молодец —
Гонец небесных айыы.
Могучий голос его, как гром,
Раскатывается в высоте;
Словом одним богатырь
Злобного угомонит;
Так остер его разговор,
Что заслушиваются его.
В трех небесных рядах
На кумысных пирах
Он на главном месте сидит…

Копье занесенное увидав

У небесного стража в руках,
Он — смеясь,
Как сухое сено, горя,
Хохоча, как гром, грохоча,
В молнию превратясь,
Вниз полетел, как стрела,
И мгновенно кверху взвился,
Ослепительно ярко блеснув,
И прославленному богатырю
Ала Дьаргыстаю сказал:
— Открой скорее
Огненный вход!
Летит сюда крылатой стрелой
Голос Аан Алахчын самой,
Дух ее челюсти и языка! —

Только молвить успел он эти слова,
Могучий Ала Дьаргыстай
В сторону быстро отвел
Трехзубую свою острогу,
Восьмилезвийный свой
Железный шест,
Что был заколдован и заговорен
Чарами восьмидесяти восьми
Пролетающих облаков,
Девяносто и девятью
Коварствами бога битв;
Подержал на весу свою острогу,
Приоткрыл на мгновенье огненный вход
На торжествующую высоту
Трехъярусных белых небес.

Из пределов широкой земли,
Окруженной хребтами гор,
Рассекая воздух звонкой стрелой,
На небо, сверкая, взлетел
Голос Аан Алахчын,

Дух ее челюсти и языка;
И в кукушку малую превратясь,
Крылышками блестя,
Покружился над кровлею золотой
Обширно прекрасного дома-дворца,
Где обитает Юрюнг Аар Тойон,
Неба хозяин седой,
В высокой шапке из трех соболей,
Чье дыханье — нежный зной,
Попирающий ногой облака
Гуще белого каймака.
Над золотым небесным жильем
Простирая широкую сень,
Восьмиветвистое дерево там
Густолиственное росло;
Кукушка села на ветке его,
Радужным опереньем блестя,
Открывая граненый клюв,
Звонким щелкая языком,
Выпуская громкую речь;
Будто снежинки в бурю, слова
Вылетали из клюва ее.

Здесь, на вершине белых небес,
Величавое солнце светит всегда,
Вечный день сиянием напоен,
Вечер не приходит сюда;
На прекрасных густых деревах
Не облетает листва никогда,
На зеленых небесных лугах
Не увядает трава;
Заморозков не бывает здесь,
Никогда не падает снег,
Вечная, молодая весна,
Благоухая, цветет.

Здесь, на широком хребте

Трехъярусных белых небес,
В огромном веселом доме своем,
В летней, золотой урасе,
Возле трех молочных озер,
Сладостным, теплым дыханьем дыша,
Восседает белый, седой
Старец Юрюнг Аар Тойон.
Он высокую шапку из трех соболей
Приподнял, уши открыл,
Услышал кукушку —
Проведал все.
Неторопливо потом
Голосом тихим, спокойным своим
Молвил такие слова.

СТИХ 25
ЮРЮНГ ААР ТОЙОН

Дьэ-бо-о!
Дьэ-бо-о!
Я давно отсюда гляжу
На подножье высоких небес,
Потонувшее в дыхании бед,
В ледяном дыхании бурь…
Я давно отсюда сверху гляжу
На обитаемый Средний мир,
На окруженный горами простор
Восьмикрайней,
Восьмиободной земли,
Необозримой, прекрасной земли, —
Давно ли она
Богато цвела!
А потом превратилась она
В поле раздора,
Лютой вражды…
Видел я, как отчаянные удальцы —
Небесные абаасы
Растоптали поверхность ее…
Видел я, как воинственные пришельцы —
Исполины подземных бездн,
В неуемном своем озорстве,
Истребили, пожрали, сожгли
Изобилье средней земли…

Великий Улуу Суорун Тойон
Спит теперь, говорят,
Непробудным сном.
Только если копьем
Ему бок пронзить,
Лишь тогда, говорят, всполошась,

Хлопая по бедрам себя,
Рассерженный, просыпается он,
А его многочисленные племена,
Бесчисленные потомки его
Растоптали подошвами торбас**о**в
Предопределенье верховных владык,
Решение огненного суда,
Веление великой судьбы…

В трех мирах проклинаемые племена,
Которые расплодил
Родившийся в облезлой дохе,
С железною острогой,
Старый, страшный Арсан Дуолай,
Вылезли из своих пропастей
И растоптали, глумясь,
Великую, древнюю клятву свою.
На средней земле,
Где солнце встает по утрам,
Где редеют леса,
Убывает вода,
Люди кроткие уранхай-саха,
Одолеваемые бедой,
Раздорами и нуждой,
Скудно, трудно теперь живут
У гибели на краю…
Порожденные в нашей семье,
Посланные жить на земле,
Чтобы корнем рода людского стать,
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун
Много вынесли горьких обид
От подземных абаасы,
Потерпели великий урон
От верхних абаасы…
Разрушен их изобильный дом,
Потушен священный огонь в очаге,

Похищены дети их,
Нищими стали они,
В бедствиях, в муках живут.

В обитающей с начала времен
На вершине белых небес
Светлой семье айыы,
От бессмертной нашей крови рожден,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Как предначертала ему судьба,
Будет он
На средней земле поселен.
Племенам уранхай-саха
Будет защитой он.

Когда еще младенцем он был,
Этого богатыря,
Которому равных по силе нет,
Мы решили до времени сохранить,
Усыпив его властью чар
Шаманки Айыы Умсуур,
Вечно юной старшей его сестры,
Врачевательницы девяти небес,
Заклинательницы восьми небес.

Этот юноша-богатырь
Непробудно спит на нижнем краю
Западных желтых отлогих небес.
Там закаты сквозь хмурые облака
Озаряют красным светом своим
Вершину железной горы.
На той вершине крутой,
Усыпленная колдовством,
Потаенная — вкушает покой

Душа материнская богатыря;
Силою восьмидесяти восьми
Заклятий оплетена,
Спокойно до времени спит
Душа отцовская богатыря…
Этого исполина айыы,
Который в долгом сне вырастал,
Который во сне набирался сил,
Надо немедленно разбудить!
И пока я воздух вдохну,
И пока его выдохну, не спеша,
Надо этого богатыря
На землю опустить —
В Средний обитаемый мир,
Где раздор идет и война.
Передайте ему веленье судьбы,
Что должен он защитником стать
Племен айыы-аймага,
Людей с отзывчивою душой,
С поводьями звонкими за спиной!
Да будет заступником он
Солнечного рода айыы,
Поселенного на земле!
Пусть на долгие времена
Останется он на земле,
Пусть продлит он жизнь племенам
Подвластных нам уранхай-саха!
Побыстрей посылайте за ним…

Нерушима будет его судьба,
Его имя будет греметь,
Как угроза, в мире подземной тьмы;
В Среднем мире прославится имя его,
В Верхнем мире,
На склоне бурных небес,
Будет имя его блистать,
Победоносно, как грозный меч.

Великой будет его судьба,
Счастливой будет долгая жизнь!
Так волю свою изъявили мы.
Эта наша воля
Давным-давно
На каменном восьмигранном столбе
Письменами запечатлена,
Там записана кровью она.

На просторах праматери Кыладыкы,
Где, пронзительно воя,
Летает илбис,
Где, рассыпаясь красным огнем,
Пылает камень-сата,
На воинственных просторах земли,
Не обретших до сей поры
Хозяина сильного своего,
На просторе белом земли,
Которой счастье еще не пришло,
Постройте ему изобильный дом,
Разведите священный огонь,
Опустите на землю его
Вместе с младшей его сестрой,
Красавицей Айталыын Куо,
У которой косы длиной
В восемь маховых саженей —
Пусть хозяйкою в доме будет она.
Этого богатыря-молодца
Поселяйте немедленно там! —
Так сказал
Носящий на голове
Высокую шапку из трех соболей
Владыка неба Юрюнг Аар Тойон,
Так защиту назначил он
Племенам айыы-аймага,
Людям с отзывчивой душой,

С поводьями солнечными за спиной.

СТИХ 26
ЮРЮНГ ААР ТОЙОН

Слово скажешь,
Словно дохнешь,
Не успеешь дух перевесть,
Не успеет вернуться к тебе
Эхо голоса твоего,
«Ээх!» ответит он
И далеко улетит,
И вернется тут же назад,
Пропадет и вернется —
Тут, как тут.

Неуловим на лету
Не имеющий тени
Быстрый гонец —
Вестник небесного Дьэсегея,
Сверкающий кольчугой своей,
Летающий молний быстрей
Кюн Эрбийэ-богатырь.

Он летел,
Оставляя огненный след,
Вихрь гудел за ним…
Он летел
Падучей звездой,
Только воздух свистел за ним.
Он летел стрелой
За предел
Западных желтых небес,
К нижнему крутосклону
Нависающих над бездной небес.
Он летел в высоте —
Только гром гремел…

Синий огонь
За ним полыхал,
Белый огонь
Вослед бушевал,
Красные искры
Роем вились,
Зарево вспыхивало в облаках…

Во мгновенье ока
Он пересек
Огромный небесный свод,
Стукнулся серебром копыт
В звонкое железо ворот,
На высокой горе,
На широком дворе
Блеснул, полыхнул огнем;
Повеленье веющего добром,
Юрюнг Аар Тойона —
Владыки небес
Голосом звучным пересказал,
Как жеребенок, звонко проржал,
Передал, слова не пропустив,
Радостно-горячо
Защитнице девяти
Чистейших белых небес,
Заклинательнице восьми
Нерушимо святых небес
Удаганке Айыы Умсуур,
Волю Юрюнг Аар Тойона
Слово в слово ей повторил.

Находящая брод
В напасти любой,
Выводящая из любой беды,
Приносящая мыслью добро,
Защитница девяти небес
Шаманка Айыы Умсуур,

Вечно юной блистающая красотой,
Из чертогов своих золотых,
Из покоев просторных своих
Вышла на белый мощеный двор,
В белоснежной одежде своей
Красуясь, как птица-стерх;
Как золотой червонец, звеня,
Темными играя глазами,
Белыми сверкая зубами,
Алыми улыбаясь губами,
Заговорила она…

СТИХ 27
АЙЫЫ УМСУУР

Глядите! Внемлите!
Видите вы?
Слышите в**ы**..
Владеющего Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Нюргун Боотура-богатыря
От чародейных пут
Разрешите!
Колдовские колодки на нем
Расколите!
Развяжите!
Освободите!

Если таким, как он есть,
Мы отпустим на землю его,
К Верхнему миру он
Может копьем взлететь,
Может Нижний мир
Острогой пронзить…
Девять белых небес тогда
Расплещутся, как вода
В посуде берестяной,
Страшный Нижний подземный мир
Опрокинется, как лохань,
Обуянный раздорами Средний мир
Расколется по середине своей,
И пойдет бесконечная
Распря тогда,
Безысходная
Будет беда…

Когда народился он —
Младший мой брат Нюргун,
Дрогнуло небо во всю свою ширь.
Загремел, всколебался подземный мир,
Потрясся Средний мир,
Треснул всей твердыней своей,
Трещинами пошел…
А когда он в силу войдет,
Когда бедра и руки его
Дюжими мускулами обрастут —
Как начнет он силой играть,
Как пойдет летать
До счастливых высот
Стремительно бурных небес,
Как пойдет он копьем разить
Адьараев свирепый род,
Если он —
Богатырь-исполин —
Равного себе не найдет
И по великой силе своей
Ошибку в чем-нибудь совершит, —
Вершители судеб земных
За промах,
За всякий огрех
Пусть его не винят потом! —
Так взволнованно говорила она,
Так владык айыы
Просила она —
Заклинательница девяти небес,
Шаманка Айыы Умсуур.

Такое заклятье произнеся,
К каменной клети глухой,
Стоявшей посередине двора,
Как огромный черный курган,
Быстро она подошла,
Живо толкнула

Железную дверь;
Блестящая гладкая дверь,
Гулко заскрежетав,
Звонко захохотав,
«Прочь отойдите все!» —
Пропела на ржавых петлях
И распахнулась во весь проем…

Как необъезженный дикий конь,
Между трясущихся черных столбов,
Волшебных железных столбов,
Бьющийся на цепях,
С колодками на ногах,
Задыхаясь в аркане волосяном,
Не знавший детских забав,
Не видавший солнца вовек,
Выраставший в рабстве, во тьме,
Напряженный в гневе всегда,
Омраченный черною думой всегда,
С недобрым нравом крутым,
Лежащий в путах ничком,
Охваченный заколдованным сном,
Бредящий войной и копьем,
Предназначенный
Защитником стать
Добросердечных племен айыы
С поводьями за спиной,
Призванный избавителем стать
Солнцерожденных людей
С отзывчивою душой,
Выраставший великим богатырем
Подросток отчаянный, удалой,
Путы рвал порой на себе,
Вскакивал и кричал:
— Аарт-татай!
Адьараи вышли из-под земли,
Уничтожают, теснят,

Истребляют народ айыы…
Алаата, друзья!
Да неужто я
От колодок не освобожусь,
Из темницы не выйду своей,
С адьараями не повстречаюсь в бою,
Навзничь не повалю
Исполинов абаасы,
Топчущих человеческий род?
Неужто не заарканю их,
Не взнуздаю железной уздой,
Не заставлю их каяться и вопить
Да пощады себе молить? —
Но только, бывало, Нюргун
Путы свои разрывал,
В той клети опорный столб колдовской,
Словно бык свирепый, мыча,
Еще туже стягивал на богатыре
Огневой неразрывный аркан…

Защитница девяти
Блестящих, светлых небес,
Заклинательница восьми
Гремящих белых небес,
Шаманка Айыы Умсуур
Сзади к богатырю подошла,
Колдовские путы на теле его
О тридцати девяти узлах
Мгновенно разорвала
И в сторону отскочила сама.

Юноша-богатырь удалой
Об землю грянулся головой,
Перевернулся и сел,
Крикнул: — Ага, друзья!
Наконец-то расстался я
С веревкою огневой,

С колодкою колдовской!
Наконец-то я опущусь
На извечную землю-мать,
Копьем туда полечу,
Рогатиной буду
Врага поражать!

Нижний страшный мир,
Словно воду в ковше, расплещу,
Своды каменные сокрушу,
По провалам пропасти Чёркёчёх
Кровавые реки пущу,
Ох, как весело будет мне!
Словно воду в плетенке берестяной,
Расплещу
Торжествующую высоту
Бурно-ненасытных небес,
Грозовой обители абаасы!
Подымусь по блестящей гладкой горе,
Ворвусь в отверстую пасть
Завихряющихся южных небес,
До самого верха промчусь напролом,
Потрясу восьмиярусный свод
Восьмизубою острогой…
Вот будет потеха,
Вот будет беда! —
Так сказал он,
Захохотал,
На четвереньки встал,
Выкатился из дверей кувырком,
Высвободился из колодок и пут
И на широком белом дворе
Прыгать, скакать принялся.

Каменная темничная клеть
Растрескалась,
Рухнула, грохоча,

Железная заколебалась гора;
И впрямь началась беда.

Тут старшая Нюргуна сестра,
Стоявшая за спиною его,
Наблюдавшая зорко за ним,
Крикнула: — Слава!
Уруй-айхал! —
Закинула далеко
Сверкающий камень-сата,
Темную грузную тучу с грозой
К себе притянула она…

Гром оглушительно загремел,
Огромный вихрь загудел,
Молнии засверкали кругом…
Вечной блистающая красотой,
Могучая,
Славная в трех мирах,
Защитница девяти небес,
Заклинательница восьми небес,
Айыы Умсуур Удаган
Огненный метнула аркан,
Запетлила, с ног повалила,
В миг единый скрутила
Разыгравшегося молодца
И, на черную тучу бросив его,
Заставив тучу обнять,
Не дав ему глаз раскрыть,
Крепко его держа,
На туче тяжелой той
С ним сама устремилась вниз
В Средний обитаемый мир,
В гнездо раздора и зла.

Светлого Дьэсегея гонец,
В серебряной блестящей броне

Крылатый Кюн Эрбийэ,
Тень свою обгоняющий на лету,
Видел сам,
Как Айыы Умсуур
Брата младшего своего,
Бедняжку-богатыря
На облаке грозовом
В обитаемый мир унесла
И с ним сама уплыла.
Крылатый Кюн Эрбийэ
По тучам
Падучей звездой
Стремительно полетел,
Очутился мгновенно он
На вершине белых небес.

Как приказано было ему,
Он Айынга Сиэр Тойону сказал,
Подал весть Небесной Хотун:
— Как Одун Хаан приказал,
Как Чынгыс Хаан повелел,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Предназначенный
Защитником стать
Солнцерожденных племен айыы,
Жить отправился, наконец,
В необжитый,
Безлюдный простор
Долины-праматери Кыладыкы,
Где играет красным огнем
Драгоценный камень-сата.
Там он дом устроит себе,
Зажжет в очаге
Священный огонь…

Великий, чье имя нельзя
Впустую произносить,
Отец, покровитель всех
Многострадальных детей айыы,
Дышащий благодатным теплом,
Носящий шапку из трех соболей,
Древний Юрюнг Аар Тойон
Велел, чтоб немедля вы
Отправили в Средний мир
Младшую Нюргуна сестру,
Красавицу Айталыын Куо
С волнистой черной косой
В восемь маховых саженей,
Чтобы дом Нюргуна она вела,
Чтоб хозяйкою в доме была! —
Так вот, быстро и горячо,
Громко, отчетливо произнес
Слово свое
Кюн Эрбийэ,
Удалой небесный гонец.

СТИХ 28
АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН

Если так решили
Владыки судьбы,
Посмеем ли мы
Противиться им?
Мой сын — исполин
Нюргун Боотур
Рано был взят у меня…
Разве я не жалел его?
Разве искоса я поглядел на него?
Разве я обидел его хоть раз?
А младшая дочь моя —
Милая Айталыын Куо
С восьмисаженной косой,
Маленькая дочурка моя,
Не она ли — самая главная часть
Сердца могучего моего?
Мне расстаться с ней,
Как расстаться с печенью черной моей!
Боюсь я одну посылать
Бедняжку — младшую дочь мою —
В Средний, объятый смутою мир!
Тяжело мне,
Тревожно мне…
Норовом буен
Нюргун Боотур;
С первых младенческих лет
Он привык вверх ногами ходить,
Он привык в недетские игры играть,
Он как воин воспитан был;
Копья, рогатины снятся ему…
Разве на месте он усидит,
Разве на битву не полетит,

Разве он
Ребенка, сестру, сохранит?

Коль отдавать,
Так все отдавать!
Пусть исполнится воля судьбы,
Пусть я сразу двоих любимцев лишусь!
К Нюргун Боотуру
В Средний мир,
Вместе с сестрой Айталыын Куо,
Пошлю я младшего брата его —
Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолана-богатыря!
Их двоих посылаю на землю я;
Они — зеницы двух моих глаз,
Десны моих зубов…

У поселенного на земле,
Как повелел Одун Хаан,
Нюргун Боотура-богатыря, —
Неломающийся костяк,
Непроливающаяся кровь.
Твердое тело его
Разрубить нельзя,
Толстую кожу его
Распороть нельзя;
Нрав у него крутой,
Рвется он в драку, в бой;
Голова в висках
У него узка,
Он бесстрашен и прям душой.
П**о**верху, п**о**низу он
Копьем пролетит,
П**о** пояс по крови пройдет,
По клокочущим кровавым потокам,
Где потонет высокая ель,

Ринется в Нижний мир,
Подымется на вершину небес…
Он возьмется врагов разить
Восьмизубою острогой;
Равного в трех мирах
Ратоборца не встретит он.
По ошибке он может бед натворить,
Поневоле — грех совершить…
Пусть тогда не падет на него вина!
Пусть племена айыы
Вступятся за него!
Весь улус небесных богатырей
Пусть обороняет его! —
Такие слова говорил,
Такие заветные речи сказал,
Горюя, бедный старик.

Девять юношей —
Девять журавлей
Провожать пришли.
Восемь девушек —
Восемь лебедей
Одевать, украшать пришли
Бедную Айталыын Куо —
Красавицу с восьмисаженной косой.

Старуха Айыы Нуоралдьын Хотун
Бегала, хлопотала вокруг,
Поворачивала дочку свою,
Прикидывала — что бы надеть…

Будто белоснежного олененка,
Украсили, наконец,
Красавицу Айталыын Куо.
Праздничное убранство ее
Зазвякало серебром,
Золотое убранство ее

Заиграло желтым огнем;
Чеканная тусахта,
Как солнце, на лбу горит,
Пуговицы, как звезды, блестят.
Прекрасная Айталыын Куо,
Белая, как горностай,
В одеянии драгоценном своем
Засверкала огнем девяти лучей.
Улыбаются алые губы ее,
Белеют зубы ее,
Брови, как два
Камчатских бобра,
Изгибаются темной дугой;
Черные играют глаза,
Пламенеют живым огнем;
Румянец у ней
Земляники нежней
На золотых щеках.
О таких красавицах в старину
Пели, бывало, певцы:
— Сквозь меха драгоценных одежд
Несравненные очертанья видны
Нежного тела ее;
Светятся сквозь нежную плоть
Стройные кости ее;
Видно сквозь тонкие кости ее,
Как из сустава в сустав
Переливается мозг… —
Так прославляли ее красоту
Древние олонхосуты-певцы
В солнечных трех мирах.

Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолана-богатыря
Той порой
В дорогу старик обряжал —

Словно радугу,
Он украсил его,
Придал вид ему
Трехжалой стрелы,
Оперенной трижды
Летящей стрелы
И, напутствуя, говорил:
— Смотри — будь примером людям во всем,
Будь прямым, как стрела
О трех остриях!
Будь прославленным, смелым бойцом,
Как острога о восьми остриях!

Что еще оставалось им?
Увы, предстояло им
Прощание навсегда
С чадами дорогими своими…
Час настал —
Отправить их навсегда
В обитаемый Средний мир,
Где раздоры свили гнездо.
По трехсводному небу
Во все концы
Быстроногие скороходы-гонцы
Побежали скликать
На прощальный пир
Огромную всю родню,
Родичей кровных рода айыы,
Лучших небесных людей,
Солнечных богатырей.

Пир кумысный устроили для гостей,
Чэчир из тонких берез
Поставили на небесном лугу.
Чашу первую старикам поднесли,
Благословение произнесли,
Обняли на прощанье детей,

Шестикратно поцеловали их
В нижнюю губу,
Троекратно обнюхали у них
Верхнюю губу,
Так что из нижних губ
Просочилось шесть ложек крови у них,
Так что из верхних губ
Просочилось три ложки крови у них.

Прославленный доблестями богатырь,
Все пространство
Трехъярусных белых небес
Охраняющий исполин,
Одаренный неколебимой судьбой,
Брат их старший —
Могучий Мюльдюн Бёгё
Руку длинную вдаль протянул,
Тучу проплывающую ухватил,
Притянул ее, подтащил;
На тучу, огромную, как гора,
Парня и девушку посадил,
Сам с ними рядом сел,
Оттолкнулся
И плавно поплыл, полетел
В Средний обитаемый мир,
В заповедный земной предел…

Громом напутственные слова
П**о** небу прокатились вослед:
— Уруй-айхал!
Нарын-наскыл!
Да будет зелень!
Да будет мир!
Радость и счастье — вам!
Пусть неугасимо горит
Священный огонь у вас в очаге,
Пусть наполнится ваш изобильный дом

Неистощимым добром,
Пусть триста лет богатство растет,
Пусть четыреста лет изобилье цветет,
Пусть девять веков ваше счастье стоит,
Пусть не пройдет оно никогда!
Утвердите богатый дом,
Разведите молочный скот,
Породите отважный род,
Пусть потомство ваше
Вечно живет!
Пусть от Верхнего
Ураганного мира
Буря на вас не дохнет!
Пусть из бездны Нижнего мира
Стужа на вас не пахнет!
Пусть вашего счастья цвет
Не облетает вовек!
Слава! Счастье!
Уруй-айхал!
Пусть отрадою одаряет вас
Благодатная Иэйэхсит!
Пусть радуется, глядя на вас,
Щедрая Айыысыт!
На долгие, долгие годы
Прощайте!
Уруй-уруй! —
Так говорили айыы,
Жители белых небес —
И, брызжа кумысною пеной густой
Детям улетевшим вослед,
Девять дней продолжали пир.

СТИХ 29
АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН

Там, где солнце встает по утрам
Из-за горы золотой,
Где деревья редеют, шумя
Падающей листвой,
На обитаемой щедрой земле,
На бескрайнем просторе ее,
В блистающем средоточии ее,
На высоком, крутом холме,
За тучами дыма и мглы
Могучий Баалтааны-кузнец
В кузнице исполинской своей
Молотом неустанно бьет,
День и ночь грохочет, кует,
Железом скрежещет,
Сталью звенит.
Там кузнец Куэттээни,
Двигая дюжей, черной рукой
Глубоко вздыхающие мехи
Из сорока жеребячьих шкур,
Раздувает в горне
Жаркий огонь,
Там такая работа идет,
Что за три дня верховой езды
Солнца белого не видать;
От кузни такой поднимается дым,
Что за шесть дней верховой езды
Вся земля окутана мглой,
За девять дней пути
Грохот слышен,
Скрежет и звон.
В горне грозно пышет огонь,
Громко молот огромный стучит,

Сталь о сталь
Неустанно гремит,
Окалина трещит, шипит,
Во все стороны жарко летит.
А под горой,
В чащобе лесной
Стучит тяжелый топор,
Рушатся вековые стволы,
Слышен звон широкой пилы,
Тешет доски тесл**о**
Долото долбит,
Неустанная работа кипит.
Что же совершается там,
Что же созидается там,
Под покровом дыма,
За темной мглой,
Посреди равнины земной?
Созидается там гнездо,
Воздвигается прочный дом
На долгие времена.
Основа счастья земного здесь
Устанавливается на века.

Посреди долины Кыладыкы,
Где доныне не жил никто,
Где ветер кружил, поднимая песок,
Едва разлетелся кузнечный дым
И рассеялась непроглядная мгла,
Виден стал во всей своей красоте
Построенный неустанным трудом,
Огромный, богатый дом,
Сверкающий золотом и серебром.
Толстый дым от его очага —
От гудящего его камелька
За восемь дней верховой езды
Занавесил землю окрест
Белым туманом густым,

За шесть дней верховой езды
Расплылся черною мглой;
На расстоянии трех дней пути
Видно, как поднимается дым,
Расширяясь кверху грибом.

Перед домом тем,
На широком дворе,
В ожидании дальних гостей,
Когда прискачут они,
Первый белый снежок примяв,
Девять гор высоких перевалив,
Восемь перевалов преодолев,
Когда приедут из дальних краев
Отважные, как львы, удальцы,
Величайшие богатыри
Туманных безвестных стран,
Самые кряжистые богатыри
Из мглистых неведомых стран,
Услыхавшие про эти края,
Воспевавшие в песнях эти края, —
В ожидании, когда приедут они,
Перед домом поставил кузнец
Восьмигранные,
Красной меди
Коновязи-столбы.
Здесь приезжие развяжут ремни
Дорожных своих мешков,
Здесь привяжут своих коней,
Здесь они со своих торбасов
Отряхнут косматый снежок.

На первом, самом высоком столбе,
Где по меди — чеканный узор,
Сидит волшебная птица Бар
Курлыкает, клекочет она.
На среднем медном столбе,

По которому вьется узор,
Где знаки читаются и письмена,
Сидит огромный орел,
Крылья распахивая порой,
Пронзительно крича,
Грозно клекоча…
На третьей коновязи, на ее
Медном, узорном столбе
Вещая кукушка сидит…

Если эти три птицы
Желали добра
Приезжающему издали,
Если сами чуяли в нем добро,
То за три перехода дневных
Гостя радовали они
Восклицаньем:
— Три жизни живи! —
А если чуяли зло,
А если желали беды
Врагу, подходившему к ним,
Так они заклинали его:
— Дерево мертвое обними!
В дупло войди!
Сгинь, пропади! —

Трех этих вещих птиц
Строитель на коновязи посадил,
Чтобы дом охраняли они,
Чтобы недруга узнавали они.

Если дом огромный
Кругом обойдем,
Посмотрим зорко
Со всех сторон —
Мы увидим глубокий
Дверной проем

И тяжелую, несокрушимую дверь,
Которую семьдесят семь человек,
Напирая плечами семь дней и ночей,
Растопырив ноги, кряхтя,
Не смогли бы приотворить.

Чтобы белого солнца свет
В глубину жилья проникал,
Девяносто девять окон больших
Было пробито в стене,
А в окнах блестит золотой переплет,
Прозрачным затянутый пузырем.
Чтобы с бурного неба
Холодный вихрь
Стужи в просторный дом не надул,
На кровле его
Устроен накат
В три вековых бревна толщиной.
Чтобы снизу, со стороны
Подземных бездн ледяных,
Мороз жилище не прохватил,
Уложены в основанье его
Плиты гранитные в шесть слоев.
Чтобы с боков,
С четырех сторон
Бурями обуянной земли
Ветер не просквозил —
Вековые лиственницы вокруг
Поставлены в девять рядов.
Чтобы не покривился дом,
Чтоб не садился вовек,
Ни одним не кренился углом,
Под основание дома всего
Были забиты в земную глубь
Мудрым строителем-кузнецом
Девяносто девять самых больших
Лиственничных стволов.

Если в дом войдем,
Поглядим,
Как устроен он изнутри,
Чем такой богатый дом снаряжен, —
Первое, что увидим мы,
Главное, что удивило бы нас —
Это, словно шкуры трехлетка-коня,
Большие блюда вдоль стен,
Которые сами собой
Вертясь, подлетают к столу;
Золотые трехзубые вилки там
Для трапез были припасены;
Когда надо, сами они
Прыгали, сверкая, на стол;
Пузатые миски там
Сами двигались вперевалку, бочком,
Сами варили снедь,
Сами на стол несли;
Стройные кубки в узорной резьбе,
В которые наливают кумыс,
Сами шествовали навстречу гостям.
Деревянные кади там,
В которых масло, кумыс и каймак,
Сами двигались важно к столу,
Едва посмотришь на них.
Здесь топор был,
Который сам прибегал,
Сам колол, рубил и тесал;
Рядом с вилками блестели ножи,
Сами резали мясо они;
Из сплава чудесного тридцати
Металлов выковал их
Кузнец Куэттээни.
Средь покоя трапезного
Стол стоял
С таежное озеро величиной;

Этот круглый стол-сандалы?
Сам, куда ему скажут, шагал
На шести высоких ножках своих.

Здесь не было
Пестрых, красивых вещей,
Здесь не было
Нежных и хрупких вещей;
Здесь так обставляли дом,
Чтобы все было прочно в нем,
Чтобы в убранстве дома того
Не ломалось,
Не трескалось ничего.
Посуда была
На диво прочна,
Чтобы долго людям служила она;
Ведь снаряжался весь этот дом
Для могучих богатырей…
Много было посуды в нем, —
Чаши берестяные, в ряд
Поставленные, чистотою блестят;
Деревянные кубки и черпаки,
Кожаные турсуки
Были там в изобилии припасены,
На любую пору годны…
Первыми в этот прекрасный дом
Вступили старший брат и сестра —
Богатырь небесный Мюльдюн Бёгё
И заклинательница небес,
Шаманка Айыы Умсуур.
Сперва приветствовали они
Громадную печь-камелек
О тридцати стальных обручах;
Будто цельную каменную скалу
Поставили вместо печи сюда,
Так огромен был
Просторный очаг.

Могучий Мюльдюн Бёгё
Сухостоя костер
В лесу наломал,
Гору лиственниц нарубил,
Вековыми стволами набил камелек.
Радостно загудел, запылал
Девятиголовый огонь;
Не поленья горели в печи,
А деревья пылали, треща.
Шумно воя, взвивался
Священный огонь,
Пламя красное высоко поднялось,
Искры посыпались к облакам.
Заклубился, раскручиваясь в высоте,
Потянулся по небу дым
Сквозь широкую каменную трубу…

Так священный огонь
В очаге разложив,
Озарив, обогрев жилье
Для младших братьев своих и сестры,
Устроив гнездо для детей,
Айыы Умсуур
И Мюльдюн Бёгё
Попрощаться с ними были должны.
К младшим братьям своим и сестре,
Словно к детям, они подошли
С солнечной стороны
И вдвоем пропели они,
Стройно два голоса согласовав,
Благословенье свое.

СТИХ 30
АЙЫЫ УМСУУР И МЮЛЬДЮН БЁГЁ

Если мы прежде кому-нибудь
Провозглашали:
«Уруй-уруй!» —
Тот счастливо и долго жил.
Если мы говорили:
«Айхал-айхал!» —
Тот, кто наше благословенье слыхал,
Желанного достигал.
На груди праматери Кыладыкы,
Где блещет красный камень-сата,
Где пронзительно воет, кружась над землей,
Дух кровопролитья илбис,
Где жестокие битвы кипят,
Где ходящий на двух ногах
Дома построить не мог —
Как повелел Одун Хаан,
Вы поселиться должны.
Вы должны теперь защитить
Добросердечные племена
Солнцерожденных людей айыы
С поводьями за спиной…
Вы заступниками будете им,
Теснимым извечной враждой.

Ты, избранный среди нас
Могучий брат-исполин,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Наше заклятие, наш завет
Запомни прежде всего:

Защити людей уранхай-саха,
Добросердечных, с открытым лицом!
Пусть оружие будет у них,
Пусть отважны будут они!
А ты, не имеющий равных себе,
Никогда их не обижай,
Никогда им горя не причиняй!
Если ты людям зло принесешь,
Далеко отзовется оно,
На потомство твое
Позором падет,
Укором для правнуков будет твоих,
Бедой обернется им…

Брата младшего и сестру
Блюди, сбереги, воспитай!
Предназначено им судьбой
Эту землю обжить, заселить.

Пусть глазами огненными абаасы
Не посмеют на них взглянуть…
Ты сумеешь родных отстоять.
Так смотри же — зорко их стереги,
Чтоб не налетели враги,
Не похитили у тебя
Брата младшего и сестру!

Ну, а если все ж нападут
С южных ураганных небес,
С западных туманных небес
Потомки лютых отцов;
Если все-таки налетят
С северных метельных небес
Свирепые абаасы;
Если из темных подземных бездн
Невидимки-воры придут,
Ты в Верхнем мире достань копье,

Ты в Нижнем мире
Оружье добудь,
Железной своей ногой
Логово их растопчи,
Опрокинь, как берестяное ведро,
Истреби их, выжги дотла,
Громко смеясь,
Пепел развей!

Пока ты живешь,
Не страшись никого
Угрожающего оружьем тебе!
Колдовское слово,
Острый язык
Бессильны зло тебе причинить!
Огненный глаз дурной
Не может тебе повредить!..
Проживи со славой век тройной
И да сопутствуют вечно тебе
Удача и торжество!

Заклинаем вас от всякого зла,
Младшие брат и сестра!
Да не спрячется враг
За спиной у вас,
Да не рухнет оплот
Под ногой у вас!
Пусть обилием ваш дом одарит
Щедрая Иэйэхсит!
Пусть вам навстречу летит
Светлая Айыысыт!
Счастье вам, слава!
Уруй-айхал! —

Так благословенье произнесли
Старшие брат и сестра.
Улыбаясь, к младшим они подошли

С солнечной стороны,
По три раза поцеловали их
В верхнюю губу,
Обнюхали шестикратно у них
Нижнюю губу,
Так что каплями просочилась кровь
На юношеских губах.

Дивная старшая их сестра
Шаманка Айыы Умсуур
Повернулась,
Перекувыркнулась вдруг
И обернулась на их глазах
В белокрылого журавля;
С клювом граненым,
С каменной ножкой,
Птицей-стерхом
Стала она,
Крылья раскрыла,
Ввысь поднялась,
И улетела
Белой стрелой…

Старший брат их —
Могучий Мюльдюн Бёгё
Так глуб**о**ко воздух в себя вдохнул,
Что вихрь зашумел над землей…
Вдохом могучим своим
Притянул к земле исполин
Пролетавшую в высоте
Тучу темную о семи головах
И на той огромной туче густой
Поднялс**я** с земли,
Улетел…

Летающий над землей
На Мотыльково-белом коне

Юноша Юрюнг Уолан
И красавица Айталыын Куо,
С весельем на лицах,
С печалью в сердцах
Проводили старших своих.

А владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Слушая слова похвалы,
Радости не явил,
Прощаясь,
Печали не показал;
Молча в руки взял он копье,
Молча поднялся он
На кручу плоской горы,
Где широкая площадь была
Для богатырских игр.
Опираясь
На ратовище копья,
Он прыжками огромными
Прыгать стал
По двенадцати раз
На одной ноге,
Как ведется в игре кылыы.
Так испытывать начал он
Быстроту и силу свою…
Через голову, в воздухе, на бегу
Перевертывался богатырь;
А как с разбега на землю сел,
Как ударился задом
Об землю он,
Раскололась каменная гора,
Трещинами раздалась.
А потом
Повалился на спину он,

С боку на бок
Кататься стал.
Как железо, были его бока,
Сам он грузен был, как гора…
От игры его,
От катанья того
Разваливаться начала,
Рассыпаться дресвой пошла
Каменная скала.

В неволе выращенный исполин,
Воле радуясь, как дитя,
Всей широченною пятерней,
Тяжеленной ладонью своей
Так зашлепал увесисто по земле,
Что **о**тгулом заухала даль…

Бурно мчались мысли его,
Не помещались, видать, в голове.
И такие он
Бормотал слова:
— Если Верхнего мира
Несчетная рать,
Если Нижнего мира
Несметная тьма,
Если все проклинаемые племена
Адьараев и абаасы
Нагрянут сюда ко мне,
Всем им
Толстые черепа раздроблю,
Всем им
Шеи рогатиной проколю,
Клетки грудные
У них раздеру,
Многожильные вырву сердца,
Толстые горловые хрящи
Исторгну из глоток их! —

Так он зычно кричал,
Хохотал…
А потом
В несколько прыжков поднялся
На высокий
Горный хребет;
Острые скалы
Гребня его,
Отвесные утесы вершин
Ударом ноги
Откалывал он,
Обвалы обрушивал вниз.

И совершилось чудо, друзья!
От колодок свободные ноги его
Легче ветра стали,
Вихря быстрей…
От веревок свободные руки его
Силой ухватистой налились.
Как по камню он
Кулаком ударял —
Камень трескался,
Загорался огнем;
Как босой ногою
Утесы пинал —
Рассыпались утесы дресвой…
Взволновалась, словно вода
В берестяном турсуке,
Изначальная мать-земля,
Содрогнулась всею твердыней своей,
Изогнулась по середине своей…
Долина великая Кыладыкы
Пронзительно выть начала,
Красным пламенем занялась…
От Нюргуновых богатырских забав
Ураган вихревой поднялся —
Такой жестокий ветер подул,

Что по воздуху камни несло
С двухлетнюю телку величиной;
Тучей взлетел над долиной песок…
Так вот — силою богатырь,
А разуменьем — еще дитя,
Тридцать дней и ночей подряд
С криком, гиком играл
Нюргун Боотур…

В богатырской этой игре
Ожесточился норов его,
Шея выпрямилась,
Большие глаза
Разумом могучим зажглись,
Силой грозною налились.
Как кувалдой кузнечною,
Кулаком
Бил себя он
В гулкую грудь;
Вспоминая Нижний бедственный мир,
Проклиная железную колыбель,
Адьараям расправой грозя,
Он пятой богатырской
В землю стучал;
Запрокинув голову высоко,
Он грозил небесным абаасы,
Ругательства выкликал…
Хоть не видел он никого
В пробегающих облаках,
Для острастки
Огромным своим кулаком
Западным угрожал небесам,
Поворачивался спиной,
Задницу показывал небесам.

А потом Нюргун Боотур
На том самом месте, где он играл,

Повалился спать,
Уморился, видать,
От игры богатырской своей.
Груда мелких камней
Мягким ложем ему была;
Черная каменная скала
Под голову подушкой легла.
Тридцать дней и ночей подряд
Без пр**о**сыпа он проспал.

Как могучий кузнечный мех
Кузнеца Куэттээни,
Шумно дышала его спина;
Храп его летел далеко,
Будто грохотала река,
Крушащая толстый лед,
Выходящая из берегов;
Храп его далеко летел,
Будто гром вдалеке гремел…
От шумного дыханья его
Качались высокие дерева,
Шелестела в лесах листва,
Вихрями завивалась пыль,
С хрустом, свистом взлетал песок,
Залетал в открытые ноздри его,
Клокотал в гортани его.
Кто видал, как спит Нюргун Боотур,
Наверняка подумал бы тот,
Что так безмятежно способен спать
Только рожденный стать
Великим богатырем…

Как минуло тридцать дней и ночей,
Проснулся Нюргун Боотур,
Резво на ноги поднялс**я**;
Сильно проголодался он,
В ближний лес пустился бегом.

Он летел, как быстрый огонь,
Только пятки босые богатыря
Мелькали в густой траве.
Был он гол, необут, неодет,
Глубоко в чащобу лесную зайдя,
Начал громко он заклинать,
Начал благословлять
Байаная — хозяина темных лесов,
Хозяина четвероногих зверей;
Помощи просил у него…

СТИХ 31
НЮРГУН БООТУР

Уо-уо!
Уруй-айхал!
Пущи темной дух
Со щедрой рукой,
С гривой густой,
Со счастливой судьбой,
Несметно богатый
Дед Байанай,
Обернись ко мне,
Улыбнись!

С дивной силой
Во внутренних мышцах своих,
Со стальным сухожилием в пальце большом,
С грозной мощью
В наружных мышцах своих,
С не знающей промаха пятерней,
Скрытый за черной
Чащобой лесной
Хаан Хандыган-исполин,
Живущий в дремучей тайге,
Зовущий могучей глоткой своей
Дородный Алып Сэгэйэн,
Сверху взгляни на меня,
Зверя гони на меня.

Твой широкий алас —
Высокий лес,
Твой скотный двор —
Дремучий бор,
Твой коровий варок —
Обгоревший лог,

Дверь твоя —
Лесной бурелом,
Твой богатый дом —
Вся тайга кругом,
Летняя твоя ураса —
Лиственные леса.
Березы, влажные от росы —
Белое ложе твое,
Поваленный ствол —
Подголовье твое,
Буреломный завал —
Одеяло твое;
Могучий дух
Дремучих лесов,
Круглые мерцающие зрачки,
Звериный пастух
Эрбэс Боотур!
Крупных зверей,
Мелких зверей,
Черных и белых
Пушистых зверей,
Которых не счесть у тебя,
С верховий речных,
Из урочищ глухих,
Гони ко мне,
Гони ко мне!
Охотничью мне
Удачу пошли!
Дай мне столько дичи набить,
Сколько н**а** плечи подниму,
Сколько д**о** дому донесу —
Лишнего не прошу.
Эгей! Торжествуй,
Эндэлюкю Бекенэй!
Помогай мне,
Элип Хандыгай!
Призываю тебя,

Называю имя твое
Голосом зычным своим!
Отголосками по перевалам глухим
Я прославляю тебя,
Благословляю тебя!
А за помощь отблагодарю,
Щедро я тебя отдарю! —

Только песню эту пропел богатырь,
Не успел он дыханье перевести,
Как в ответ
За стеной чащобы лесной
Чье-то стенание пронеслось,
Будто распахнулась, шумя,
Непролазная гуща тайги, —
Чей-то голос
Густо запел,
Зычный голос
Захохотал, загудел…

СТИХ 32
ГОЛОС БАЙАНАЯ

А-аа! Хаа-хаа!
А-аа! Хаа-хаа!
А можешь ты в беге тягаться со мной?
А можешь в прыжках состязаться со мной?
Ох, помолчи!
Ох, не смеши!..
Чей младенец сюда забрел?
Чего он наговорил?
Обещает отблагодарить,
Обещает он отдарить —
Кого?
Меня самого?
Это кто прокричал
На весь перевал
Громкое, славное имя мое?
Ну что ж,
Ну что ж!
Может быть, я стрелой полечу,
Скачками огромными поскачу
В потаенные чащи мои,
Может быть,
Всполошу, взгоношу
Отдаленные пущи мои,
С верховий речных,
Из урочищ лесных —
Захочу — подыму, пригоню
И мелкую дичь,
И крупную дичь…

Знай, это сам я —
Баай Байанай —
Беспримерную удачу дарю,

Кого захочу, того одарю.
А-аа! Хаа-хаа!
А-аа! Хаа-хаа!
Ну вот —
Сколько дичи — смотри!
Иди — добычу бери…
Столько дам тебе,
Сколько ты в силах поднять,
Сколько д**о** дому донесешь…
А ты мне подарки сулил,
Насмешил меня,
Развеселил! —
Так хвастливо ответил
Смешливый старик
Эндэлюкю Бекенэй,
Веселый хозяин лесной,
Прославленный Баай Байанай;
И ушел,
Перепрыгнув дремучий урман,
Только выше хвойных вершин
Промелькнула шапка его…

Осмотрелся вокруг
Нюргун Боотур
И видит — огромный лось,
Выйдя из чащи,
Встал перед ним,
Глазами землистыми поглядел,
Переносицей горбатой повел,
Фыркая и сердясь,
Грузные наклоняя рога;
Дыбом на холке его
Волосы поднялись.
Понял Нюргун Боотур —
Зверь его вызывает на бой;
Взревел богатырь,
Как свирепый бык,

Прямо на лося
Прянул он,
Ударил зверя по голове,
Ударил со всею силой своей
Каменным кулаком.
Череп лося,
Как гриб-дождевик,
Рассыпался под ударом его;
От размаха могучего своего
Поскользнулся сам Нюргун Боотур,
Без опоры оставшись, упал
На огромную каменную скалу,
Где вековые деревья росли.
Деревья в паденьи своем сломал,
Скалу, как дресву, раздавил…
Сильно перепугался он,
На ноги быстро поднялся он,
Огляделся вокруг себя —
Лось невиданной величины
Недвижимо лежал на земле,
Не было у него головы,
Голову снес богатырь кулаком.

Видя первую победу свою —
Силы своей торжество,
Радостно юноша закричал,
За ноги задние лося схватил,
Волоком за собой потащил.
Быстро с добычей вернулся он
К жилью своему —
На обширный двор,
К дому серебряному своему,
К дымному очагу…

Темную тяжелую дверь,
Которую семьдесят семь человек,
Напирая плечами семь дней и ночей,
Растопырив ноги, кряхтя,
Не смогли бы приотворить,

Чтобы палку в щель пропихнуть,
Эту грузную тяжкую дверь
Настежь Нюргун распахнул;
Дверь открылась, весело хохоча,
Доска, на которой он
Добычу хотел рубить,
Пробренчала: — Иду, иду! —
И, плавно кружась, прилетела сама.
Порожденный илбисом самим,
Подпрыгивая на топорище своем,
Широкий топор прибежал,
Кованный из тридцати слоев
Чародейных сплавов стальных;
Маленький острый нож
Сам, подпрыгивая, прискакал,
Шкуру начал с лося сдирать.

Стремительный Нюргун Боотур
Посмотрел на свою сестру,
Оглядел ее с головы до ног, —
Одета красиво была она
В драгоценные собольи меха;
Столько было на ней куниц,
Сколько выдержать бедра могли,
Столько сверкающих серебром
Камчатских морских бобров,
Сколько подымала спина.
Поглядел на брата младшего он —
Тот сидел, сверкая белой броней
Из трех пластов серебра;
Ровдужная одежда на нем
Была соболями опушена,
Красной кожи его сапоги
Были шиты узором цветным.
А потом на себя поглядел Нюргун —
И стало стыдно ему:
— Ох, и трудно же будет мне

Нагишом по далеким странам ходить! —

Одеться он захотел,
Шкуру с лося проворно снял;
Еще мокрую, шкуру добычи своей
На колени себе расстелил;
Шкуру передних ног
На руки себе натянул;
Шкуру, снятую с задних ног,
На ноги напялил себе
И порадовался — он решил,
Что одежда его хороша.

Огромную, о трех обручах,
Корчагу он в руки взял.
Так была корчага та велика,
Что едва входили ее бока
В устье широкого камелька.
От изобильной влаги земной
Чистой водой ключевой
Наполнил корчагу он,
Гору мяса в нее навалил,
На огонь поставил варить.
Только варева духом густым
Наполнился трапезный покой,
За шестиногий стол-сандалы
Сел проворно Нюргун Боотур,
Руки по столу распластал.

Деревянная миска, с полки слетев,
Подпрыгивая и кружась,
Сама примчалась на стол.
Широкое блюдо само собой
Явилось за мискою вслед;
Наполненный кумысом чорон,
Не расплескиваясь, пришел;
Деревянные ложки, сами собой

По воздуху прилетев,
Стукнулись о доску стола,
На месте смирно легли.
Острый ножичек, тонко звеня,
И золотые вилки за ним
Явились на стол.
Вилка сама из корчаги большой
Мясо вытащила
На широкий поднос…
Трое сели за шестиногий стол,
Но, как будто триста было гостей,
Перебрасываясь словами, они
Стали весело пировать,
Пить кумыс, смеяться, шутить.
Старший брат Нюргун Боотур
Мяса толстые ломти брал;
Он руками горячее мясо брал,
Проворно его пожирал.
Клал он в рот огромные мяса куски,
Величиною с кошму,
Он глотал огромные мяса куски,
Шириною в конский потник,
В рот он горячее мясо кидал
С правого края губ,
Кости выплевывал изо рта
С левого края губ.
Насытился, взял высокий чорон,
Весело поднял его
И в свою разверстую пасть,
В широкое горло свое
Опрокинул пенный кумыс.
Много съел, много выпил он,
Встал из-за стола своего,
Дверь широкую распахнул, —
Раскрываясь,
Громко смеялась дверь…

Вышел из дому Нюргун Боотур,
Стал посреди двора,
Зорко, внимательно все вокруг
Глазами круглыми оглядел, —
Что же увидел он?
Обещанный от рожденья ему,
Вещий Вороной его,
На грани белых небес
Стоя рожденный конь,
Привязанный за ременный чембур
К медному коновязи столбу,
На котором сидел орел,
Нюргун Боотуру предстал.

Так привязали коня,
Что кверху голову он задирал,
Сердито фыркал и ржал,
Копытами каменными четырьмя
В нетерпеньи о землю бил;
Косматая грива коня
Взлохматилась на ветру;
Хвост, как лодка,
Летящая в быстрине,
Пластался во всю длину,
Сыпал синими искрами
Черный хвост;
Конь то ногами перебирал,
То на дыбы вставал.

Волосы на загривке его,
В три маховых сажени длиной,
Копьями поднялись;
Смоляная грива его,
Длиной в семь размахов рук,
Играла серным огнем;
Черный волос на крупе коня,
Растущий в три ряда,

Взъерошился
И шипел
Вспышками голубого огня;
Широкие белые уши его,
Похожие на носки
Походных тунгусских лыж,
Настороженно торчали вверх,
Как боевые ножи.
Крупные, круглые мышцы коня
Перекатывались
Под кожей тугой.
Зубчатая белая полоса
Тянулась вдоль хребта,
Будто вырвал когтями
Небесный орел
Эту полосу у него.
Гулко трескучие ноздри коня
Трепетали…
Бронзовые удила
Сверкали, как солнечный луч;
В золоте оголовье коня,
Шелковые поводья на нем
Девятисаженной длины;
Словно облако, под седлом, потн**и**к,
А бока широкого чепрака,
Как закатные облака;
Плотно сидит на спине
Ладное крутое седло;
Перистой тучей поверх потника
Летучий брошен ковер;
Как двенадцать радуг,
Двенадцать подпруг
Пестрым шитьем горят;
Чеканные, по бокам
Стремена стальные висят.
Так рвался конь,
Что тугая узда

Едва удерживала его.
Боками широкими поводя,
Огненным оком кося,
У коновязи бился, дрожал
Кюн Дьэсегея
Конь дорогой…
Обрадовался богатырь,
Видя такого коня,
Долго им любовался он;
Потом подошел,
От столба отвязал,
Поводья шелковые ухватил;
Как орел небесный,
Прянул в седло,
Заскрипевшее звучно под ним,
Крепко сел
На широком седле.
Жаждой пространств
Обуянный конь,
У коновязи
Застоявшийся конь
Продолжительно,
Звонко заржал;
Как поющая на лету стрела,
Спущенная с тетивы,
С места рванулся,
Вдаль поскакал.

Словно крылья гоголя по весне,
Ветер в ушах Нюргуна свистел.
Дивный конь
Широкой грудью своей,
Твердой, бронзовой грудью своей
Рассекал налетающий вихрь.
От ударов его копыт
Искры сыпались из кремня,
Грива черная на ветру
Клубилась тучею грозовой,
Кромсаемой молниями в высоте,
Пласталась, как темный дым;
Хвост, как длинная лодка
В быстрой реке,
Метался, бился, шипел,
Вспыхивая серным огнем,

Рассыпая синие искры окрест.

Этот конь,
Воспеваемый в олонхо,
Прославляемый далеко,
Поистине был могуч.
На грани летящих белых небес
Стоя рожденный
Конь Вороной
С юношей седоком на спине
В бескрайнюю ширь,
В непомерную высь
Торжествующего неба взлетев,
Ровно тридцать три
Ревущих дня,
Тридцать три
Вопящих ночи подряд,
Не отдыхая, скакал.

Мчался ввысь,
Устремлялся вниз —
На вершине плешивых гор;
Напрягая мышцы свои,
Ударяя копытами о скалу,
Опять в высоту взлетал;
По беспредельным степям
Широким наметом шел,
По перевалам крутым
Тропотой пробегал,
Топотал.
То он в высоту поднимался, кружа,
Тонко от нетерпения ржа,
То, словно четыре грома с небес,
С грохотом на землю ниспадал,
П**о**верху, п**о**низу он летел,
Днем и ночью неутомимо скакал.

Слетая с колен коня,
Восемь вихрей клубилось, гудя;
Хватаясь за гриву коня,
Семь безумных илбисов
Билось, вопя,
Под чугунной грудью коня
Серные мелькали огни…

Мерзлые деревья по следу его,
Поваленные скоком его,
Как шаманы тунгусские, под горой
Камлавшие, волосы растрепав,
Крутились по девять дней и ночей;
Сухие деревья в тайге,
Обрушенные копытом коня,
Прыгали и крутились за ним
Шесть дней и ночей подряд,
Словно Илбис Кыыса,
Хлопая в ладоши, вопя,
Прыгающая
В помраченьи ума…

Древние дерева,
Рухнувшие в тайге
От ударов его копыт,
Толпой голосящих старух
Выли, вопили вослед.
Конь летел могучей стрелой,
Пламенел
Падучей звездой;
Лишь на тридцать четвертый день
Понемногу сбавляя бег,
Стал среди равнины степной;
Всей глубокой утробой своей
Громко, радостно он заржал,
Горой в долине нагромоздил
Горячий, железный кал,

Широкую балку меж двух холмов
Потоком мочи затопил;
По воле всадника своего
Иноходью пошел не спеша,
Ровно, легко дыша.
А юноша Нюргун Боотур —
Как сел он,
Так и сидел в седле.
Только, — после скачки такой,
Не жужжал, не гудел
Осол Уола;
Над макушкой его головы
Не вопила в уши ему
Неистовая Илбис Кыыса,
Не били ему в лицо
Восемь гремящих вихрей степных,
Семь спутников безумных ее…
Семь илбисов — утихли,
Прочь отошли.
Юноша Нюргун Боотур,
Горделиво сидя в седле,
Сдвинул брови,
Прищурил глаза,
Осмотрелся по сторонам,
Сам на себя поглядел
И в удивленьи увидел он,
Что от шкуры лося,
Убитого им,
От самодельной одежды его
Не осталось на нем ни клочка;
Все сорвано ветром
В скачке лихой,
Остался он голым, как был…

Вот и вспомнил Нюргун Боотур
Обычай древних времен:
Прежде исполин-богатырь,

Вступив на грань трех миров,
Трех своих родичей-кузнецов
Просил изготовить ему
Несокрушимый трехслойный щит,
Четырехслойную
Кольчугу-броню,
Чтоб от вражеских топоров
Крепкая защита была.
Охваченный мыслью своей,
Подъехал Нюргун Боотур
К дому обширному своему,
К коновязи с медным столбом,
Где сидел, клекотал
Небесный орел.
Вошел он —
Старший брат-тойон —
С восьмихвостым
Священным ремнем в руке
В широкую дверь,
В просторный покой;
Младшему брату,
Младшей сестре
Сказал такие слова.

СТИХ 33
НЮРГУН БООТУР

Ну вот!
Ну вот!
Вы — зеницы моих очей,
Вы — десны белых моих зубов,
Златогрудые жаворонки мои!

Братец мой младший
Юрюнг Уолан,
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне!
И ты, сестричка моя,
Младшенькая
Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой,
Желтое сокровище
Белых небес.
Жаворонок дорогой
Жарких весенних небес!
Слушайте парой своих
Растопыренно чутких ушей
Твердое слово мое:

Вспомнил я,
Что послан сюда
В необжитый Средний мир,
В долину дикой земли,
Властелина не знавшую до сих пор,
Для того, чтобы дать отпор
Налетающим сверху врагам,
Набегающим снизу врагам,
Истребляющим род уранхай-саха.
Я послан сюда

Защитить, оберечь
Добросердечные племена
Солнцерожденных детей
С поводьями за спиной.
А чем же сражаться мне?
Нет у меня
Ни меча, ни щита!
Не во что здесь на земле
Одеться, обуться мне!..

Мне завещано в древние времена
Небывалые подвиги совершить,
Славой зычною прогреметь
В трех сопредельных мирах.
Позавидуют славе толстой моей,
Позарятся на душу мою
Небесные лютые абаасы,
Железные люди подземных бездн…
Налетят на меня —
Захотят погубить
Чудовища бурных небес,
Отборные богатыри,
Чьи огненные убивают глаза,
Чьи длинные клювы остры;
Нападут невидимки поддонной тьмы,
Оборотни адьарайских племен;
Преследуя меня, полетят
По горячим моим следам,
Рыская, побегут
По остывшим моим следам…
С пустыми руками тогда
Трудно придется мне!
Как я грудью дам им отпор
Без оружия, без брони?
Чем сокрушу
Макушки врагов
Без колотушки во сто пудов?

Как я — голый — пойду на бой?

Здесь, где ныне
Мы с вами стоим —
Средь великой равнины
Кыладыкы,
Выковали искусной рукой,
Выстроили для нас
На незыблемых опорах стальных
Тридцатихоромный
Серебряный дом
Под кровлею золотой;
Коновязью поставили нам
Три восьмигранных медных столба.
Слыхал я такую весть:
Ковал жилище для нас
Ковач великий Баалтааны
И подручные молотобойцы его.
Я этого кузнеца
По свету искать пойду, —
По далеким следам пойду,
По широким следам пойду…
Не вернусь, пока не найду.

Пусть над вами
Птица не пролетит,
Пусть под вами
Подземная мышь
Хода сквозного не прогрызет,
Пока я буду в пути!
Прощайте надолго,
Ждите меня! —
Сказал Нюргун Боотур.

Не успели бедняжки
Брат и сестра
Выбежать на широкий двор,

Брата старшего проводить,
В дорогу благословить,
Как его уж и след простыл…

Богатырь великий —
Старший их брат
В сторону перевала Куктуй,
Как длинный дым, улетел.
Только вихрем пыль
Заклубилась за ним,
Только молнии за горой
Вспыхивали по следу его,
Только гром вдалеке
Громыхнул и затих…
Над хребтами могучих гор,
Над грядами бегущих туч,
Стремительный Нюргун Боотур
Без дороги скакал наугад,
Говоря: «Наверно, сюда!»,
Веря чутью
Коня своего.

Под нависающий
Бурный край
Северных угрюмых небес
Проскакал он вдоль
По реке Куктуй,
Через множество притоков ее,
Где водопады шумят,
Перекаты каменные гремят,
Неприкаянно чайки кричат.
Только ветер
Протяжно свистел в ушах,
Только девять вихрей
Летело вослед
Да клубилась белая пыль
На расстояньи трех дней пути.

Долину светлую он миновал,
Семь перевалов перевалил,
Восемь перевалов перескочил.
Желтые аласы-поля
Оставил давно за спиной.
По дикой тундре
Скакал его конь,
По каменистым балкам речным,
По редколесью бежал…
Железной грудью разбрызгал конь
Заповедное озеро Чоохурутта,
Где водяные сигают жуки
С подтелка величиной.
С размаху разбрызгал конь
Озеро Бадылытта,
Где лягушки —
С лошадь величиной;
С разбега выплеснул из берегов
Глубокое озеро Тынгалытта,
Где огромные ящерицы живут
С пестрым хвостом,
Как столетняя ель.
Он широко расплескал
Озеро Суналытта,
Хоть вопило,
Просило пощады оно,
Хоть скалы выли на берегу,
Хоть орали
Кругом леса…
Там скрывает землю
Серый туман,
Там пасмурно брезжит день,
Там свирепо играет
Осол Уола,
Там безумно камлает
Илбис Кыыса…

Пить хотят они черную кровь,
Мыться в горячей крови,
Толстые кости колоть,
Длинные кости грызть…

Миновал это место Нюргун;
Тут небесный его скакун
От северных угрюмых небес,
От скудной тундровой стороны,
По отрогам ржавых,
Железных гор
К западу повернул…
От удара каменных
Конских копыт,
Словно от громовой стрелы,
Толстые деревьев стволы
Раскалывались на куски,
Разлетались крупной щепой;
Большие обломки стволов,
Как дородные тойоны-князья,
Стоя, беседовали меж собой;
Обломки густых ветвей,
Как степенные женщины-госпожи,
Бедрами покачивая на ходу,
Важно шагали вслед;
Осколки сучьев сухих
Голодной стаей волков
Протяжно выли вдали…
Вывороченные корни дерев,
Медведями встав на дыбы,
Ревели в чаще лесной…

Скоро всадник,
Споро скакал,
Рассыпая искры из-под копыт;
Пролетел свой путь
Падучей звездой,

Быстро он предела достиг,
Где стремительно мчится
Нижняя грань
Небосвода, нависшего над землей,
Где три мира сошлись,
Где семь рек обнялись,
Где восемь рек шумливо слились,
Где девять бурных рек,
Друг друга за руки взяв,
В русле одном понеслись.

Там увидел Нюргун Боотур
Просторный, железный
Гремящий дом;
Содрогались тридцать его боковух,
Грохот летел изнутри…
Осадил коня богатырь,
Пристально осмотрел
Дом огромный
И дол окрест.
Черные там деревья росли
На черной от сажи земле;
Взрытые глубок**о**
Недра зияли кругом
Рудных, опрокинутых гор.

В доме том
Неумолчно гремел
Молот великого ковача,
Исполина Баалтааны;
Там кроваво рдел,
Пламенел, шипел
Сумеречный огонь,
Тяжело вздыхали мехи
Чародея Куэттээни,
Чад вздымался,
Синий огонь трепетал;

Здесь плакал протяжно
Напильник стальной,
То громко визжал,
То пел и журчал…
Там в железных опилках
Каменный пол
Ржавчиною взбухал;
Из-под молота разлетались кругом
Окалины раскаленной куски,
Ярко горел
Камень-сата,
Покрытая пеплом
Сухая земля
Вздыхала, просила: — Пить! —

В этом доме, оказывается, была
Кузница, где обитал,
Железом полосовым грохоча,
Заклинания бормоча
На неведомом языке,
Мудрец седой,
Кузнец-чародей
Кытай Бахсылааны.

СТИХ 34
НЮРГУН БООТУР

А когда скакал Нюргун Боотур,
Услыхали стук тяжелых копыт,
Ощутил земную дрожь
Домочадцы древнего кузнеца.
Через толстые кости
Лопаток их
Гул копыт им в сердце проник,
Нарастающий топот приснился им…
Стали бредить они,
Метаться во сне,
Начали тяжко стонать,
Слова непонятные говорить,
Спросонья протяжно петь.
Переполох поднялся
От приезда богатыря.

Первая очнулась от сна
Удалая старуха,
Жена кузнеца
Уот Кындыалана.
От шумно горящего в горне огня
Через каменный дымоход
Синее пламя взлетело столбом,
Когда голову она подняла,
Когда воздух выдохнула она
И голосом громовым
Причитать, стонать начала…
Далеко разносились кругом
Оханья и вопли ее.

СТИХ 35
ГОЛОС СТАРУХИ УОТ КЫНДЫАЛАНА

Ой, жарко мне!
Ой, тяжко мне!
Ох, тошно! Ох, душно мне!
Грузный топот конских копыт
Разбудил меня,
Встревожил во сне…
От грузного гула копыт
У меня затылок трещит,
Сильно ломит кости мои,
Утроба моя
Огнем горит…
Ой, жарко,
Ой, тошно мне!
Наливаются кровью мои глаза,
Выскочить хотят из глазниц,
Сердце щемит,
Шея гудит,
Кожа горит, зудит…
Не болевшее никогда,
Брюхо мое болит!
Проснись, подымись поскорей,
Заклинательница моя,
Камлательница моя,
Гусыня, мотающая головой,
Доченька лихая моя —
Куогалдьыма Куо!
Ты надень-ка на шею скорей
Удаганские украшенья свои,
Сделанные из костей девяти
Шаманов древних времен:
Ожерелья надень из костей
Шамана великого Хоккулл**а**;

Колдовские запястья надень,
Сделанные из позвонков.
Что оставил шаман Курбалдьын!
Ворох золы наскреби,
Проворно выйди во двор,
Кто бы там ни явился к нам,
Кто бы ни был он, имеющий тень,
Горстью золы ты в него метни,
Гостя заживо похорони,
Чтоб не ныли кости мои!
Ой, жарко!
Ой, тяжко мне!
Ой, тошно! Ой, душно мне! —
Так старуха, жена кузнеца
Причитала, громко вопя.
Далеко был слышен
Голос ее…

Крутящаяся, как вихрь,
Заклинательница ее,
Лихая камлательница ее,
Гусыня, мотающая головой,
Ожерельями костяными гремя,
Украшеньями колдовскими бренча,
В лад кружению своему
Пристукивая ногой,
Наклонилась, но вместо золы
Пыли железной горсть наскребла.
Вылетела, крутясь, из дверей,
Выбежала на широкий двор,
Да споткнулась, видать,
О высокий порог,
Рассыпала железную пыль;
Разъярилась она,
Раскрутилась она,
Как вихрь, шелестеть пошла,
Узкими щелками глаз

Ничего разглядеть не могла.

Широкую, как лопата, ладонь
Приставила к**о** лбу она,
Смотрела на облака,
На вершины железных
Трясущихся гор,
Повернулась потом на восток,
Вытянув длинную шею свою,
Голову, как ворона, склонив;
Толстое в скулах лицо
Поворачивала на север она;
Неуклюже согнувшись, потом
Повертывалась на запад,
На юг…
Сколько ни глядела вокруг,
Никого разглядеть не могла.

Стремительный Нюргун Боотур
Развеселился, смотря на нее;
А потом по задымленному столбу
Коновязи
Кулаком постучал, —
Затрещала коновязь кузнеца,
Трещинами пошла…
И такие слова Нюргун
Голосом звучным пропел.

СТИХ 36
НЮРГУН БООТУР

Выйди скорей
Ко мне из дверей,
Раздувающий синий огонь,
Изрыгающий бурю
Мехом своим,
Играющий молотом
Древний кузнец,
Славный Куэттээни,
Исполин, чьи могучие
Мышцы черны,
Богатырь со смуглым лицом,
Отбрасывающий зыбкую тень,
Знаменитый Баалтааны,
Чья почтенная зовется жена
Уот Кындыалана!
Эй, корень богатырей-силачей,
Отец прославленных ковачей,
Поседевший у наковальни своей,
Старец Кытай Бахсылааны!
Имени громкому твоему,
Зычной великой
Славе твоей
Низкий мой поклон и привет!

Если хочешь узнать, кто я,
Прискакавший издалека,
Ожидающий перед домом твоим,
Называющий имя твое,
Поющий тебе хвалу,
Из какой я вышел страны,
На каком аласе рожден,
От какого корня возрос,

То узнай:
На вершине белых небес
Мой великий отец живет —
Верхнего мира тойон;
Равная отцу моему,
Есть на небе мать у меня,
На верхней части они живут
Высоких, вечных небес.

А меня самого зовут —
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур.
Вот я сам стою
Перед домом твоим,
Я пришел по воле своей.
Поклоняюсь трем твоим темным теням,
Помощи у тебя прошу!
Если из Нижнего мира придут
Исполины-богатыри,
Если из Верхнего мира придут
Свирепые удальцы
Состязаться в силе со мной,
Если с угрозой они посягнут
На громкое имя мое,
На добрую славу мою,
Должен встретить достойно я
Этих грозных богатырей.
А для долгих битв,
Для упорной борьбы,
Оружие нужно мне —
Рогатина,
Меч-пальма?
Топор боевой чомпо!
Мне в таком оружьи нужда,
Которое ты ковал

На колдовском огне;
Чтобы с визгом оружье
В битву рвалось,
Чтобы жаждало крови врага,
Чтоб не тупилось оно!
Вот чего я жду от тебя,
Вот зачем приехал к тебе…

Если удальцы трех миров
Тучею на меня налетят,
Захотят пролить мою кровь,
Жизни меня лишить,
Копья станут в меня метать,
Острыми мечами разить, —
Для защиты дыхания моего
Преграду надежную мне изготовь,
Неразрубаемую броню,
Непробиваемый щит;
Из восьми слоев железа броню,
Из трех слоев булатный щит,
Сверкающий, как серебро!
Жду, кузнец, что наденешь ты
Такую броню на плечи мои,
Такое оружье мне дашь!
Коль исполнишь просьбу мою,
Обрадуешь ты меня!
В долгие годы жизни моей
Благодарить не устану тебя;
Щедро тебя отдарю
Табунами коней верховых,
Тучным рогатым скотом!

Пока не исполнишь просьбу мою,
Пока не дашь того, что прошу —
Добром не уеду я,
Миром от вас не уйду…
Прославленный мой сосед,

Великий старец-мудрец,
Могучий, жду от тебя
Громкого слова: «Бери!»
Быстрей это слово скажи! —
Вот так Нюргун Боотур
Взволнованно, горячо
Высказал просьбу свою.

Бряцающая украшением своим,
Колдующая ожерельем своим
Из костей шаманов былых времен,
Заклинательница железных дверей,
Камлательница кузницы той,
Дурнушка, дочь кузнеца,
Куогалдьыма Куо,
Могучего богатыря увидав,
Громовый голос его услыхав,
Резво плечиками повела,
На железную кровлю вспрыгнула вмиг;
Проломилась ржавая кровля под ней,
В кузницу полетела она,
Опрокинула полку, где клал кузнец
Напильники и зубила свои,
Села на чувал камелька
Перед матерью старой своей —
И, суетясь, беспрерывно вертясь,
Запела отрывисто, торопясь…

СТИХ 37
КУОГАЛДЬЫМА КУО

Ой, беда мне!
Ой, радость мне!
Ох, как пойду я
Шуметь, греметь…
Ох ты, лихо мое!
Любопытство мое!
Такой красавец
Приехал к нам,
Что даже во сне
Не снился мне.
Солнце плечами
Он заслонил,
Небо спиною
Загородил,
В землю проваливаются
По колено
Дюжие ноги его,
В камне вязнут
Босые ноги его!

Из дальних стран
Явился к нам
Достойный меня
Дружок-женишок!
Спать он будет со мной
В постели одной!
Прискакал за мной,
Прилетел стрелой
Сам Нюргун Боотур,
Богатырь удалой…
Знать, молва обо мне
До него дошла,

Страсть ко мне
Его привела…
Он там, у дверей,
Белоногий — стоит,
Увидал меня —
Задрожал…
Ох, радость мне!
Ох, праздник мне!
Кричу, шумлю!
Молчу, терплю!
Истосковалась я по нему —
По суженому моему!
Замирает сердце мое,
Распирает печень во мне!
Принесите
Сорок отборных шкур,
На которых
Правлю кырар,
Принесите сорок облезлых шкур,
Заскорузлых за девять веков,
Разверните их,
Расстелите их!
Мой суженый,
Мой красавец-жених
Лечь на ложе
Хочет со мной…
Если лопнет терпенье его,
Если рассердится он —
Всем вам тогда
Будет беда…
Эх, сестрицы,
Братцы мои!
Есть теперь у меня
И свой муженек…
Буду вдоволь беременеть я,
Ежегодно стану рожать
По восьми плешивых детей,

Через год я стану рожать
По семи паршивых детей!
В клочье ложе кожаное изорву,
Шкуры, содранные
С околевших быков,
В лоскуты от радости раздеру!
Ух ты! Держись у меня!.. —
Так — девушка бедная —
Пела она
В диком исступленьи своем.

Вдруг раздался
Хлесткий удар
По плоскому затылку ее…
Пронзительно закричала она;
Чей-то еще щелкнул удар,
Потом железный,
Острый крюк
Поддел ее под ребро,
Поднял к черному потолку;
Сорвалась оттуда она,
Упала на пол у камелька,
Отчаянно начала кричать,
Руками, ногами стучать…
Вдруг чей-то голос, как гром,
Раскатился из-под земли:
— Замолчи!
Убирайся прочь!
Не беснуйся,
А то — запру!
Дома нашего не порочь!
Люди добрые нас начнут хулить,
Будет нам стыд и позор! —
Тут в железном доме
Утихло все.
А потом
Под настилом каменных плит,

В подполье глубоком своем,
Зычный старческий голос
Протяжно пропел,
Такие слова произнес.

СТИХ 38
ГОЛОС СТАРИКА

Сам собрался, приехал к нам
Сын-исполин
Великой семьи.
Он ни с чем
Добром не уйдет,
Грозное оружье возьмет.
Богатырем его назовем,
С топором сравним,
С боевым мечом;
Он по важному делу к нам
Пожаловал издалека, —
П**о**пусту такой богатырь
П**о** свету не станет скакать.
Наконец, в наш дом он пришел —
Долгожданный,
Достойный гость!
От ожиданья приезда его
Затылки одеревенели у нас,
От ожиданья прихода его
Хребтины окоченели у нас.
В тот день, как он
Родился на свет, —
Необъятный ревущий
Небесный свод
Дрогнул,
Закачался волной…
Средний мир
По средине вздулся дугой,
Как трясина,
Весь всколебался он…
Страшный подземный мир
Расплескивался,

Как вода в турсуке…
И тогда молва
Прокатилась о нем:
«Родился, видать,
Исполин-богатырь,
Невиданный в трех мирах!»

Доставайте из погребов,
Подымайте на белый свет
Грозное оружье боев,
Грозную стальную броню!
С древних лет я оружье ковал,
Для мести ожесточал,
Великими чарами заколдовал,
Так и рвется на битву оно…

Положите горой перед ним
Оружье, что изготовили мы,
Выносите
Сверкающий серебром
Стальной, трехслойный
Щит боевой!
По плечу примеряйте
Кольчугу ему,
Облачите его
В боевую броню! —
Так вот, голосом громовым,
Под землей
Говорил великий кузнец…

СТИХ 39
ГОЛОС СТАРИКА

Если слово узлом вязать,
Если все доподлинно рассказать —
Вышло много высоких черных людей,
Выше лиственниц,
Черней их теней.
Люди-тени пришли,
Из тьмы принесли
Оружье и доспех боевой;
Хватило бы оружья того
На долгую тревожную жизнь
Трех мощных богатырей.
Пред Нюргун Боотуром они
Положили доспехи горой,
Говоря: — Выбирай!
Все испробуй и осмотри,
Что по нраву, то и бери!
Все примерь,
Наилучший из всех
По плечу избери доспех;
Все кольчуги перетряси,
Ту, что выберешь, и носи! —

Богатырь не мог
В седле усидеть,
Прянул он с коня,
Ухватил рукою один доспех,
Мол, не годен ли для меня?
Только на ноги доспех натянул,
Только ноги в коленях согнул —
Разлетелся доспех на куски,
Рассыпался по земле.
Стал второй доспех примерять,

Руки вдел в кольчужные рукава;
Только голову всунул в шейный прорез,
Только на плечи натянул,
Да плечами повел —
Весь доспех железный
Треснул по швам,
Посыпался к богатырским ногам.

Третий доспех
Лежал, как гора;
Он с надеждой его схватил,
Проворно надел на себя
Просторный грузный доспех.
Будто латы кузнец для него ковал,
Будто швом стальным для него сшивал,
Ладно стан исполину
Доспех облек.
Потянулся Нюргун, сколько мог,
Выгнул спину,
Плечами повел.
Трехслойная кольчуга на нем
Не треснула, не разошлась;
Ни единая бляха с него
Булатная не сорвалась.
Чем круче он спину сгибал,
Тем крепче ратный доспех
Тело ему облегал.
Упругая, при повороте любом
Кольчуга растягивалась на нем
И стягивалась опять.
Не тесня, красовался на богатыре,
Как литой,
Доспех боевой.
Видно, он обрел, наконец,
Непробиваемую броню,
Боевую сбрую свою.

Меч он выбрал —
Длинный, прямой,
Наилучший среди мечей.
Было меча лезвие
Чарами напоено
Восьмидесяти восьми грозовых
Мчащихся облаков.
У девяноста и девяти
Клювастых илбисов
Отбив
Железных клювов концы,
Сбили их в одно лезвие
Заклинатели-кузнецы.
Сваривали лезвие меча
На крови из печени льва,
Потом закалили его
Желчью зубастых рыб.
Стал таким блестящим булат меча,
Что за три перехода дневных
Видеть зоркий юноша мог,
Словно в зеркале, в этом мече
Отраженье губ своих и зубов.
Было сорок четыре
Чары в клинке,
Тридцать девять
Коварств колдовских…
Жажда мести
К нему приросла,
Смерть сама
В булате жила.
Илбисы — духи войны
Клубились вокруг него,
Садились на жало его.
Кровь горячая
Пищей мечу была.
Переливался кровавый закал
На широком его лезвие.

Он, как вызов на бой, сверкал —
Грозен и горделив.

Выбрал Нюргун Боотур копье
С разукрашенным дре**е**вком цветным.
На рогатине длинной его,
На блестящем его острие,
Как огонь, метался,
Бился илбис.
Кровью черной питалось копье;
Глядя на его лезвие,
Брови и ресницы свои
Девушка могла б издали,
Словно в зеркале, увидать.

Красной крови горячей просило копье;
Вкруг рогатины роем илбисы вились,
Вопили, в битву рвались.
Выбрал Нюргун Боотур
Для охот и утех боевых
Исполинский лук костяной,
Непомерно тугой на сгиб.
Этот лук в необъятный простор
Стрелы гремящие,
Стрелы разящие
Без промаха посылал.
Этот лук был велик,
Словно длинный изогнутый мыс,
Опоясывающий широкий алас,
Этот лук был велик,
Как излука большой реки.
Были склеены пластины его
Черной желчью
Зубастых рыб,
Красной кровью
Из печени льва.
Выточена основа его

Из ядра свилевых берез
Дальних туманных стран,
Из ядра железных дерев
Дальних неведомых стран.
Из сухожилий и жил,
Вытянутых из брюха льва,
Скручена была тетива.
Силой свирепого духа войны
Был этот лук наделен.
Внедрился в его рога
Непобедимый илбис.
Обтянут берестой тугой
Заоблачных синих стран,
Грозным оружьем был этот лук.
Были стрелы для лука припасены
Огромные, бьющие наповал,
Острые, словно рыбья кость;
Были стрелы оперены
Маховыми перьями
Из крыла
Хотоя Айыы орла,
Чей отец — Хомпорун Сюнг Хаан,
Орла, разящего клювом кривым.
Оглашающего простор
Клекотом громовым.
Наконечники стрел пылали огнем;
Было так много стрел,
Что в колчане рядами торчали они,
Как могучий кедровый лес.
С пронзительным воем любая стрела,
Пущенная с тетивы,
Долететь мгновенно могла
До верхних бурных небес.
Колотушки-палица там была
Из цельного дерева
С толстым комлем
В девяносто девять пудов.

Этой палицей
Было сподручно разить
По макушкам свирепых абаасы,
Адьараев толстые черепа,
Железные скулы их
Вдребезги разбивать.
Выбрал Нюргун Боотур
Эту палицу,
Этот лук.
Любуясь, поднял Нюргун
Боевой закаленный меч,
Воющий при взмахе, как вихрь,
Пылающий синим огнем,
Самый грозный из всех мечей.
По руке ему пришлась рукоять,
Сам просился огромный меч
Доспехи тяжелые рассекать,
Бить врага,
Как прорубь рубить,
Ратоборцев грозных разить,
В обе стороны
Пришлых косить.

Поглядим — каков был собою он,
Кто для подвигов был рожден
На верху высоких небес,
Прославленный в трех мирах
С высоким именем исполин,
О ком далеко молва разнеслась, —
Славнейший среди людей
Светлого рода айыы —
Добрых сердцем,
С поводьями на хребте,
Самый отважный среди людей
Солнечных племен
С жалостливой душой,
С поводьями за спиной.

Если снизу вверх поглядеть
На этого богатыря —
Огромен он, как утес,
Грозен лик у него,
Выпуклый лоб его
Крут и упрям;
Толстые жилы его
Выступают по телу всему;
Бьются, вздуваются жилы его —
Это кровь по жилам бежит.
Впалые у него виски,
Чутко вздрагивают
Нервы его
Под кожею золотой.
Нос его продолговат,
Нрав у него крутой.
Выпрямился его стан,
Будто еще негодует он,
Вспоминая недавний плен;
Кровь у него горяча,
Щеки впалые у него,
Скулы круты,
Губы остры.
Глаза у него горят,
Как два блестящих луча.
Вот каким он стал — богатырь,
Защитник людей уранхай-саха.

Лес из лиственниц молодых
До пояса не доходит ему,
А темя его головы
Касается верхних ветвей
Могучих лиственниц вековых.
Телом кр**я**жист,
В плечах непомерно широк,
Наконец он в силу вошел,
Этот лучший среди людей.

Крепкие, мощные мышцы его,
Словно корни лиственниц вековых.
Голени прямые его,
Как два толстых длинных бревна
Из очищенных лиственниц молодых.
Локоть согнутый, как рычаг,
Как средний могучий сук
Изогнутой кедровой сосны.
Широкие ладони его,
Как две деревянных лопаты больших,
Вытесанные из цельных колод.
Остры, зорки его глаза,
Черные неподвижны зрачки.
А вокруг зрачков сверкают белки,
Как в уздечке серебряных два кольца,
Так они круглы и светлы.
Черные длинные брови его
У переносья сошлись,
Будто сшиблись рогами
Два черных быка.
Вид величественный у него —
Богатырская стать,
Исполинский рост;
Непомерная сила в нем.
Схожа верхняя часть его
С мечом иль рогатиной боевой.
Схожа нижняя часть его
С многозубою острогой.
Строен станом, словно копье,
Стремителен, как стрела,
Был он лучшим среди людей,
Сильнейшим среди людей,
Красивейшим среди людей,
Храбрейшим среди людей.
Не было равных ему
В мире богатырей.
Если на небо он глядел,

Небо загораживал он;
Если плечи приподымал,
Солнце и луну закрывал.
Вот каков он был — аарт-татай!

Наконец-то день наступил,
Наконец исполнился срок,
Когда величайший из богатырей
Трех изначальных миров,
Этот воин, взращенный, чтоб защитить
Обитаемый Средний мир,
Этот богатырь удалой,
Этот выкормыш озорной
Небесной Айыы Умсуур,
Стремительный Нюргун Боотур
Боевые доспехи надел,
Боевое оружие взял…
Ловко, быстро сел он в седло —
С гиком, будто птицею был,
Будто буйным небесным соколом был.
Так вот сел он плотно верхом
На своем — у края бурных небес
Стоя рожденном коне,
На летающем, как громовая стрела,
Вороном коне.

СТИХ 40
ГОЛОС СТАРИКА

В это время
Подручные кузнеца —
Дюжие, жилистые сыновья,
Долговязые внуки его,
Поддерживая с трех сторон,
Подняли грозного
С крепкой судьбой, —
Из подземной кузни,
Где пламень пылал,
Выбраться наверх помогли —
Привели
Прославленного ковача?
Чье имя Куэх Эллемэй,
А иначе — Баалтааны,
А еще — Кытай Бахсылааны.
У него за тысячу лет
От жара металла,
От жара огня
Обгорели железные волоски
Густых ресниц и бровей,
Он глядел
Глазами цвета золы,
Слезы были на веках его;
На могучих руках,
На широкой груди
Белели ожогов следы.
Было в морщинах лицо кузнеца,
Как старое кожаное ведро;
Болталась, тряслась его голова,
Будто собрали ее
Из множества говорливых голов
Черных уток,

Озерных гусей…
К старости Баалтааны
Стал, как гагара, болтлив,
Пел он все, про что вспоминал,
Песни днем и ночью слагал.
Но теперь
Прервал он пенье свое,
Древние заклинанья свои,
Заповедные стал слова говорить,
Завещанье свое объявил.
Раскрыл он темный, глубокий рот,
Распахнул широкую пасть;
То раскрывал он рот во всю ширь,
То закрывал, пока говорил;
Железные ржавые зубы его,
Черные кривые клыки,
Похожие на сошники,
То и дело мелькали во рту.
Раскатистая громовая речь
Великого кузнеца
Ревела, как буря в горах,
Гудела, как ураган.

СТИХ 41
КЫТАЙ БАХСЫЛААНЫ

Буйаа-буйаа!!!
Буйака!!! Дайака!!!
Да будет тебе добро на века!
Да не прогнется толща земли
Под громадой благословений моих!
Эй, владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Парой чутких своих ушей
Внимай моим вещим словам,
Вникай в их тайную суть,
Протяжное пенье мое пойми!

Вот я сам
Пред тобой предстал —
В подлинном обличье своем.
Это я — кузнец Баалтааны,
Это я — старик Барык Буурай…
Это мой — в дыму и огне —
Неумолчно молот стучит!
Это я — кузнец Куэттээни,
Оружейник древний — Куэх Эллемэй…
Глубоко вздыхают мехи
В грохочущей кузне моей.
Это я — главарь ковачей,
Богатырь Кытатай Бэргэн,
Кытай Бахсылааны!
В красном зареве горна всегда
У меня наковальня звенит.
Сбрую ратную,
Бранный доспех

Ты избрал теперь для себя;
Я их для илбиса предназначал,
Для кровавой битвы ковал.
Трехслойную кольчугу ты взял,
Непробиваемую броню,
Сверкающую серебром;
Лучшую ты рогатину взял,
Лучший меч
Из моих мечей.
Оружие, избранное тобой,
Я для мести грозной ковал,
Неотрывно стоя на месте одном
Перед наковальней своей,
В теченье жизни тройной
Трех долголетних людей…
Как зеница ока —
Мне этот булат,
Как десны моих зубов,
Я поил его кровавой слезой
Глаза левого моего,
Я поил его жаркой слезой
Глаза правого моего!
Я в своем поту булат закалил,
Закалял его,
Чарами заговорил!

Средь великой долины Кыладыкы,
Где, воя, кружится
Крылатый илбис,
Где, пылая красным огнем,
Рассыпается камень-сата,
Где прежде не жил никто из людей,
Там построил я для тебя
Огромный прекрасный дом
О тридцати покоях больших,
Чтобы ты поселился в нем!

Вот поэтому должен ты
Благодарностью нам воздать
За долгий упорный труд,
За изделья добротные
Наших рук,
За множество наших услуг…

Вспомни о нас,
Как вернешься домой!
В жертву за нас принеси
Лучших коней из своих табунов,
Чтобы удаганки камлали там,
Призывали милость для нас.

В день седьмой —
По седьмой луне —
Ты пошли нам
Стадо коров,
Ты пошли нам
Коричнево-черных быков,
С белым пятном
Посредине лба!
Если долго заставишь нас
Добрых твоих даров ожидать,
Может нас постигнуть беда…
Коль в ладони черные наших рук,
Заскорузлые от труда,
Ничего не положишь ты,
По локоть руки
Отсохнут у нас,
В крючья согнутся
Пальцы у нас…
Наши ногти вопьются
В ладони нам,
Мы не сможем молот держать…
Наши зубы, как черные сошники,
Отрастут,

Торча изо рта,
И загнутся потом,
И вонзятся нам
В черные скулы широких лиц.
Рта открыть нам будет нельзя,
И тогда мы все пропадем,
От голода отощаем,
Умрем.

Если замедлишь
С ответом ты,
Если забудешь нас,
Бедные наши глаза,
В обгорелых ресницах
Наши глаза,
Глядящие на дорогу твою,
Ждущие даров от тебя,
От жаркого раскаленного горна
Воспаленные наши глаза
По векам нарастами обрастут,
Закроются,
Слепнуть начнут,
Будем мы в слепоте умирать…

Вот для чего,
Сынок мой тойон,
О благодарности не забудь,
Заплати за наши труды поскорей,
Не подвергай страданиям нас!

Да будет жирной удачей тебе
Благословенье мое!
Восемь жизней живи,
Девять жизней живи!
И за весь безмерно долгий твой век,
Кто бы оружьем тебе ни грозил,
Ты не страшись никого!

Сокруши врагов
И смерти не знай,
Пусть тебя стрела не сразит,
Пусть тебя копье не пронзит!
По отточенным остриям,
По рогатинам, по острогам
Невредимо всюду пройди,
Растягиваясь, не рвись,
В хребте не переломись!
Так живи, чтоб за долгий век
Упрека не заслужить,
Чтоб от равных тебе
Хулы не нажить,
Чтобы людям обиды не причинить,
Чтобы все восхваляли тебя,
Чтоб не порицали тебя…

Да будет обилен молочный скот
В обширных загонах твоих,
Да будут счастливы потомки твои
В изобильном доме твоем!
Пусть твой род
Счастливо и долго живет! —

Так Нюргун Боотура великий кузнец
Прощаясь, благословил.
Широко дышала могучая грудь,
Протяжная смолкла песнь.

СТИХ 42
КЫТАЙ БАХСЫЛААНЫ

Простился Нюргун с кузнецом,
Пустился в обратный путь;
От края огненного жерла?
Открытой пасти подземных бездн
Оторвался он…
Миновал
Сумеречную страну.
Проскакал по зыбучей земле,
Расплескал трясину мертвой воды…

Богатырский конь стрелою взлетел
На восьмиутесистый перевал,
Девяносто вихрей подняв.
Семь ветвистых молний,
Высь бороздя,
Брызнули из-под копыт…
Быстро Нюргун Боотур поднялся
На покрытую тучами высоту,
На могучее темя средней земли,
На вспученную печень ее.
Тут осадил он коня,
Остановился на высоте,
Взглядом обвел необъятный простор,
В дымке тонущий кругозор
Восьмикрайней
Восьмиободной земли.
Будто весь мир хотел охватить,
Руки широко распростер,
Грозное поднял копье
К торжествующим небесам,
Блистающий меч занес
К вихревым, бушующим небесам,

Как птица-беркут, крича,
Как небесный орел, клекоча,
Как тигр, издавая рев,
Как лев свирепый, рыча,
Он взывал к сильнейшим богатырям
Трех изначальных миров,
Он их вызывал на бой,
Голосом громовым своим
Пел он песню илбиса —
Духа войны…

СТИХ 43
НЮРГУН БООТУР

Эй вы,
Эгей!
Иль не долетела до вас
Зычная слава моя,
Что ревела, как дикий бык,
На перевалах горных дорог?
Или толком не докатилась еще
Толстая, гулкая слава моя
До темных ваших дорог?
Вот я сам — отовсюду видимый вам,
На высочайшей горе,
На темени мира стою,
Древнюю песнь илбиса пою,
О времени будущем говорю,
О жребии великом своем!
Грозные бои предстоят,
Небывалые грозы идут…
Выходите! Я вызываю вас
На единоборство со мной!
Эй, перевала горного дух,
Владыка обвалов, лавин,
Коварный Хаадыат Могол
Эй, хозяйка крутых девяти
Идущих по льду дорог,
Ведущих в пропасть дорог,
Где на гибель путники обречены,
Свирепая Буомча Хотун!
Боитесь, видать,
На меня нападать,
Бурей в лицо дохнуть,
Стужей оледенить?..

Где он — исполин
Бесноватых высот,
Кривых, вихревых небес,
Кровожадный Уот Усуму?
Что ко мне не спускается он
По кровавой дороге своей,
По перевалу Кээхтийэ?
Где ж он, исполин
Подземных глубин,
Вертящийся против солнца вихрь,
Эсэх Харбыыр,
Тимир Дьигистэй?
Что же он бурей не налетит,
Рогатиной шею мою не пронзит?
Знать, не может он заарканить меня,
Силу мою сокрушить?

А где же он — великий главарь
Рода Ап-Салбаныкы,
Оборотень, прославленный вор
Алып Хара,
Аат Могойдоон?
Железные зубы и когти его
Вовсе притупились, видать,
Оттого, что грызет он железных рыб
Из подземных своих болот?
Давным-давно я слыхал,
Что на западном желтом склоне небес,
На нижнем его морозном краю,
Родился у вас богатырь,
Который живет в глубине
Бездонного моря Муус-Кудулу.
Говорят, выходит он по ночам,
Подкрадываясь, как вор,
На обросших шерстью подошвах своих…
Говорят, что у оборотня того
Восемьдесят восемь личин,

Девяносто девять еще
Уловок есть у него;
Слыхал я: имя его —
Уот Усутаакы.
Говорят, он могуч и свиреп,
Где же он, почему не выходит он?
Давно родилось желанье во мне
Через отверстье его очага
Заглянуть в потаенную глубину
Железного жилища его.
Я пойду по его горячим следам,
Я пойду по его холодным следам,
Выслежу его!

Эй, зачинщик смертных боев,
Сбоку умеющий налетать,
Ловкач по темени бить,
Череп крушить,
Челюсть ломать,
Стремительный, как степная пурга,
С тремя тенями
Старший мой брат,
Страшный Нерюйэ Харбас,
Оглянись на меня,
Улыбнись
Зубастой пастью своей,
Свирепый Осол Уола!

И ты, сосущая соску свою,
Огромную, как сосна,
Летающая на черных крылах,
Терзающая врага
Крючьями железных когтей, —
Убийства дух
Илбис Кыыса,
Ты — налетающая, визжа,
Ытык Кыймылыын,

Тиил Тиллинньэх,
Ты — затевающая раздор,
Хлопающая в ладони свои,
Грозная Холбонной Куо,
Черная сила, кровавая пасть,
Страшная наша сестра!
Оглянись на меня,
Улыбнись!
С бурного неба
Зову беду,
Из Нижнего мира
Зову вражду!
Кричу об этом,
Мычу, как бык…
Слышали, поняли вы меня?
Помогите мне,
Чтобы голос мой
Далеко летел,
Бубном гудел,
Бубенцом гремел!
Пусть в моих жестоких руках
Поселится грозный илбис!
Пусть огромная, черная
Слава придет,
Пусть над землей прогремит
Слава и торжество! —

Так он Верхнему миру кричал,
Так он Нижнему миру ревел,
Вражду вызывал,
Врагов подымал.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

СТИХ 44

Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Великого кузнеца
Щедро вознаградил
За оружие и броню
И воротился домой.

Только трудно было богатырю
С братом, с сестрой
Праздно сидеть
Перед горящим огнем
Священного очага
В теплом гнезде обжитом.
Пить он и есть перестал,
Часто начал из дому выходить,
Прислушиваться,
Присматриваться —
Не дохнет ли бурею
Верхний мир,
Не пахнет ли стужею
Нижний мир.
Ходит он, бывало, и ждет —
Не блеснет ли молния в высоте,
Не громыхнет ли гром…
Ждет — не появится ли перед ним
Рожденный в годы вражды
Оборотень о трех тенях,
Невидимка — подземный вор,
Вертящийся против солнца вихрь,
Эсэх Харбыыр —
Тимир Дьигистэй?

Обуянный думой своей,
Стоял Нюргун Боотур,
К медному столбу прислонясь,
На котором сидел орел.
Три дня и три ночи Нюргун
У коновязи стоял,
На хмурый северный небосклон,
Как острие копья,
Пристальный взгляд устремив.

А сестра его
Айталыын Куо —
Красавица с восьмисаженной косой,
Ласковое дитя,
Жаворонок золотой,
Медногрудная синичка небес,
Отрада улуса айыы,
На брата старшего робко глядя,
Стала думать и горевать:

— Или плохо я мясо варю,
Или конские ребра у нас не жирны,
Иль не крепок выдержанный кумыс,
Что он не ест и не пьет,
Что дома он не сидит?
Почему он угрюм,
На что он сердит?
Что он места себе не найдет? —
Так думала Айталыын Куо,
Не ведая — чем ему угодить,
А сама робела спросить.

На исходе третьего дня
Богатырь Юрюнг Уолан,
Надев серебряный свой доспех,
Опираясь на свой сверкающий меч,

Что ковал кузнец Таканаан,
Закалял кузнец Кэкэнээн,
Выправлял кузнец Кэнэгэ,
Отточил кузнец Аалыс Луо,
Бранным красуясь
Убранством своим,
Прекраснейший юноша в роде айыы,
Брат Нюргуна-богатыря
Вышел из дому на широкий двор,
К брату старшему подошел,
Блистающий небесным огнем
Взгляд на него устремил
И такое слово
Молвил ему.

СТИХ 45
ЮРЮНГ УОЛАН

Если братом тебя называть,
Ты мне — старший брат,
Если отцом величать,
Ты мне — второй отец!
Если гневаешься —
Укроти свой гнев,
Погляди на нашу сестру:
Нашего ока зеница она,
Наших зубов десна…
Жаворонок звонкоголосый наш,
Пташечка золотогрудая наша,
Дитя Айталыын Куо,
Видя угрюмость твою,
От печали стала больна!

В трех мирах найдется ли кто-нибудь,
Кто осмелился бы
На таких, как мы,
Великих богатырей —
Не то что руку поднять,
Не то что оружьем грозить,
Кто осмелился бы перед нами стать,
Прямо нам в глаза посмотреть?
Отчего же встревожен ты,
А, быть может, предчувствуешь ты
Угрозу неведомую для нас?
Открой нам думы свои.
Третий день ты совсем не заходишь в дом,
Чуждаешься наших бесед,
Не садишься с нами за стол… —
Так он тихо, сердечно сказал
Прочувствованные слова.

Богатырь великий Нюргун Боотур
Не сдвинулся с места в ответ,
Взгляда, устремленного вдаль,
В сторону не отвел,
Лишь наклонился чуть-чуть головой
К брату младшему своему
И такое слово сказал.

СТИХ 46
НЮРГУН БООТУР

Ничего ты не знаешь,
Милый мой брат…
Близится грозный час,
Когда враг налетит на нас,
Нагрянет со всех сторон!
Позавидует нашей удали он,
Позарится на наше гнездо,
За то, что посланы мы,
По воле вечных владык,
Охранять племена айыы,
Поддерживаемые с высоты
Поводьями солнечными за спиной.

За это возненавидят нас,
Налетят, нападут на нас
Верхнего мира абаасы,
Кровожадные, алчные богатыри,
Злые духи о трех остриях;
Из подземных бедовых бездн
Знаменитые адьараи придут,
Чудовища о шести остриях.

На вороном своем скакуне
По вершине мира я проезжал,
Громко я вызывал на бой
Всех ненавидящих нас,
С которыми спора не избежать!
Вызывал я врага,
Выкликал на брань.
Ведь окрепли руки мои,
Ведь могучи стали плечи мои,
Я могу великую битву принять,

Которой не миновать.
Сон приснился мне третьего дня:
Сеющая раздор
Свирепая Илбис Кыыса
И с нею — дух вражды,
Смерть несущий Осол Уола,
Пронзительно вопя и крича,
Кружились над головою моей;
Ликовали буйно они,
Подавали грозную весть:
— Чтобы славу громкую растоптать,
Имя высокое истребить
Нюргуна-богатыря,
Подымается из подземных бездн
Рожденный в погибельные времена
Ночной разбойник о трех тенях,
Исполин Эсэх Харбыыр,
Богатырь Тимир Дьигистэй!.. —
Так рассказывал сон Нюргун Боотур:
— После этого, с западной стороны
Поставленной на железных столбах
Твердыни средней земли,
Из-под желтого склона закатных небес
Прилетела на звучных крыльях своих
Белоснежная птица-стерх —
Красные ножки,
Граненый клюв,
Черная кайма на глазах;
Покружилась она над нашим жильем,
И, паря над моей головой,
Голосом звонким своим
Пропела такую песнь:

— Посланные судьбой
Постоять за народ айыы-аймага,
Погибающий в неравной борьбе
С племенами абаасы!

С доброй славой богатыри,
С высоким именем удальцы,
О помощи вас молю —
Опорою станьте мне,
Защитите светлую душу мою,
Продлите черную нить
Мучительной жизни моей!
Коль хотите знать,
Кто это поет,
Человеческим голосом говорит,
Я отвечу вам:
Я — слезинка, выплаканная бедой,
Я — стон, рожденный тоской,
Превращенная в птицу душа
Лучезарной
Туйаарымы Куо,
Чей отец — Саха Саарын Тойон,
Чья мать — Сабыйа Баай Хотун…

Похищенная давно,
Брошенная в подземную тьму,
Я раз в три года вольна
Превращаться в белого журавля
И, пролетев над средней землей,
Напоминать о себе,
О помощи взывать…
Да некому меня защитить,
Из плена освободить!

О, если бы мне хоть раз
На прекрасного юношу поглядеть,
Нареченного быть супругом моим,
Юрюнг Уолана-богатыря,
Обещанного мне
Божественным Дьэсегеем самим
И матерью Айыысыт!
Если бы мне хоть раз

Увидать его —
Жениха моего,
Летающего высоко
На Мотыльково-белом коне,
Сч**а**стливой бы себя я сочла,
Спокойно бы умерла! —
Так пропела мне птица-стерх
И пропала…
Проснулся я.

Недостойно тебя,
Дорогой мой брат,
Спокойно дома сидеть!
Опери себя,
Как стрела-кустук,
Наберись отваги и сил,
Попробуй пробить свой широкий путь
О девяти изгибах крутых,
Попробуй открыть дорогу свою
По восьми перевалам неведомых гор!

Коль настигнет беда в пути,
Коль наступит черный твой день,
Коль померкнет живое солнце твое,
Позови тогда
На помощь меня,
Назови высокое имя мое…
Будь я тогда на хребте небес —
Копьем разящих к тебе устремлюсь,
Будь я в Нижнем мире, в подземной тьме —
Рогатиной из-под земли подымусь.
Коль Эсэх Харбыыр нападет,
Кольцами меня обовьет,
Коль придется мне долго
Возиться с ним —
Ты терпи, держись,
Укрепись,

Я приду к тебе через год;
Через год не успею —
Три года жди;
Если я три года спустя не приду —
То не жди,
Сам решай, как быть! —
Так сказал Нюргун Боотур,
С места своего не сходя,
Взглядом не поведя.
Грозный видом, он неподвижно стоял,
То медно сверкающим багрецом,
То бледно синеющим серебром
Отливало его лицо.
Услыхав от Нюргуна такие слова,
Юрюнг Уолан-богатырь
Будет ли дома сидеть?
Стал готовиться он в поход,
Чтоб излучистый путь пробить,
Дорогу белую протоптать
По девяти поворотам крутым,
По восьми перевалам седым.
Жилья своего тяжелую дверь,
Которую семьдесят семь
Здоровенных парней-силачей,
Налегая семь суток,
Пыхтя и кряхтя,
Не сумели бы приоткрыть,
Рванул Юрюнг Уолан,
Распахнул непомерно грузную дверь
Так, что, ахнув, расхохоталась она…
Перешагнул высокий порог,
Вошел в просторный свой дом,
Снял с головы серебряный шлем,
Поднял полный чорон кумыса —
И, перед горящим огнем очага
Колено правое преклонив,
Поклонившись трижды огню,

Молящим голосом произнес
Прощальное заклятье свое…

СТИХ 47
ЮРЮНГ УОЛАН

Смотри, внемли!
Мой путь озари!
Отвагой мой дух одари.
Срок настал
Далеко уйти,
Державный путь проложить
По девяти поворотам крутым,
Дорогу белую протоптать
По восьми перевалам
Горным, глухим!
Срок настал надолго расстаться мне
С восьмиободной землей,
С прекрасной моей страной —
С праматерью золотой…

Великий хозяин, дух
Священного очага,
Хранитель жилья моего!
Жаркие угли — ложе твое,
Пламя — одеяло твое,
Играющий синий огонь —
Сверкающие глаза твои,
Старый, добрый Аан Уххан!
Угли тлеющие — подножье твое,
Алый жар — подголовье твое,
Седоголовый
Веселый, багровый
Старец-игрун
Бодьунгуй Боотур!
Рассыпающий искры во тьме,
Бросающийся четырьмя
Яростными столбами огня,

Старец Тенюл Бэгэ!
Могучий хранитель-дух
Дыма черного моего,
Грозный Хаан Чагаан,
Страшный Сат**а** Буурай,
Свирепый лихач,
Трескучий смехач
Хатан Тэмиэрийэ,
Пылай, мой путь освещай!
На долгие годы — прощай!

Пусть не подует
В твою трубу
Холод враждебных небес,
Пусть из п**о**дполу
Не дохнет на тебя
Стужа подземных бездн,
Добрый хозяин-дух
Дома теплого моего,
Старец Дьэдэ Бахсыыла,
С серебряной плеткой в руке!
Охраняй мой дом,
Не давай обрасти
Высоким его углам
Толстыми сосульками льда!
Гляди, чтобы не ослабли нигде
Крепкие засовы дверей!
Пусть останется прочным,
Как было при мне,
Все, что здесь оставляю я!

Великая хозяйка-хотун
Долины Кыладыкы,
С лугами, зеленеющими весной,
С песками, взлетающими, хрустя,
С ветрами, поднимающими, свистя,
Вихри до облаков,

Священного древа душа
С горделиво закинутой головой,
В красивых серебряных волосах,
Создательница деревьев и трав,
Питательница силы моей,
Чьи огромные груди полны молока,
Как два кумысных больших турсука,
Защитница коновязи моей
О трех высоких столбах,
Светлоликая, в чьих руках
Махалка из свежих ветвей,
Чье подножье — широкое тюсюльгэ,
Где готовят кумысный пир,
Нарядная, в легкой дохе
Из драгоценных мехов
Аан Алахчын,
Манган Манхалыын!
Охраняй мой благословенный алас
От подземных враждебных сил,
Чтоб не осквернили они
Светлое надворье мое.
Благослови меня в путь!
На долгие годы прощай!

Добрый хозяин-дух
Скотных моих дворов,
Конных моих варков,
Направляющий на стада
Белый дым дымокуров моих,
Привязывающий моих
Разбегающихся жеребят,
Хатан Дьарылык Тойон,
И ты, хозяйка-хотун
Хотона коровьего моего,
Матушка Ньаадьы Ньанханы,
Присматривайте без меня
Сбивающихся в табуны,

Пасущихся на отгонном лугу
Однокопытных моих,
Чтобы не спотыкались они!

Охраняйте здесь без меня
Собирающихся в стада
Парнокопытных моих,
Чтоб не погибали они!
Резвый бегун,
Могучий прыгун,
Хозяин дремучих лесов,
Ростом выше елей больших,
Дюжий, широченный в плечах,
Щедрый Барыылаах,
Дедушка мой,
Баай Байанай!
Зорко охраняй без меня
Драгоценных зверей пушных,
Чтоб не пропадали они,
Сберегай быстроногих оленей лесных,
Чтоб не убегали они!

Щедрый дух-хозяин воды,
Вершу таскающий на плече,
У которой обруч большой —
В десять с**а**женей шириной,
Дюжий старик Эдюгэт Боотур,
С баловницей дочкой своей
Зеленоволосой Мангы Куогай,
Пугающей стаи рыб,
Охраняй затоны мои,
Не давай мельчать и тощать
Сереброчешуйным стадам,
Не давай в числе убывать
Перепончатолапым твоим
Длинношейным, крылатым стадам!

Добрые духи деревьев и трав
Средней моей страны,
Ярко убранные цветами
Юноши Ньылахсыны,
Пестрыми сверкающими лепестками
Девушки Кырбадысын,
На долгие годы
Прощайте и вы,
Уруй-айхал,
Говорю! —

Так, поклонившись трижды огню,
Богатырь Юрюнг Уолан
Полный кумысом чорон
Выплеснул на священный очаг
В жаркую пасть огня.
Обрадовался угощенью огонь —
Шипящим паром клубясь,
Засмеялся трескучим смехом своим,
Пламенем синим взмахнул,
Красные искры взметнул.

Летающий над землей
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан удалой
Тяжелую дверь
Широко распахнул,
К коновязи подошел,
От медного столба отвязал
Белого коня своего,
Друга вещего своего,
С которым теперь предстояло ему
Далекий путь протоптать
По восьми перевалам седым,
Дальнюю дорогу пробить
По девяти изгибам крутым.

Ведя в поводу коня,
Пошел Юрюнг Уолан
К славному кургану тому,
Где величаво росло
Подымавшее к небесам
Восемь толстых своих ветвей
Древо жизни — Аар-Лууп.

Треснуло древо могучим стволом,
Осыпая куски золотой коры,
Зашумело широкой листвой…
Белая, как куропатка зимой,
С откинутой назад головой,
С горделивым светлым челом,
Перед Юрюнг Уоланом сама
Появилась Аан Алахчын;
Из священного древа Аар-Лууп,
Из развилья могучих ветвей
П**о** пояс высунулась она;
Трижды крикнув:
— На счастье тебе! —
Трижды бросила в высоту
Жребием гадальный черпак,
Пестрый черпак — хамыйах.
Трижды взлетал черпак в высоту,
Как тетеря-пеструха вертясь
В багровой небесной мгле,
Трижды падал на землю он
Вниз открытою стороной,
Угрожал приметой дурной.

Огорчилась добрая
Древа душа —
Аан Алахчын
Манган Манхалыын,
Блеснули слезы у ней на глазах.
Тихий звучный голос ее,

Как серебряный колокольчик, запел,
Зазвенел в тишине.

СТИХ 48
ААН АЛАХЧЫН

О-о! Дитя дорогое мое!
Горек жребий твой…
Бедами угрожает судьба
На неведомом, дальнем пути…
После долгих скитаний твоих,
После тягостных испытаний твоих,
Будешь ты
Погибать, пропадать…
Трижды жребий метала я,
Трижды опрокинулся он.
Но ты не страшись,
Душою крепись!
Трижды ты умрешь,
Трижды оживешь.
На далеком трудном пути
Доброй славою прогреми,
Одержи победу в бою,
Притеснителям отомсти!
Пусть удача сопровождает тебя,
Как чернопегий бык!
Из плена освободи
Светлоликую Туйаарыму Куо,
Ездящую на иноходце Гнедом
Прекрасную невесту твою,
Чей отец — Саха Саарын Тойон,
Чья мать — Сабыйа Баай Хотун,
Чей прославленный брат родной —
Скачущий на Серо-стальном коне
Кюн Дьирибинэ-богатырь!
В жены возьми Туйаарыму Куо,
Потомство сильное породи,
Просторный обильный дом утверди,

Великие табуны коней,
Тучные стада разведи!
Пусть изобилье в доме твоем
Не истощится за восемь веков,
Пусть удача и счастье твое
Не убудет за девять веков!
Пусть впереди на дальнем пути
Препятствий не будет тебе,
Пусть на обратном пути
Помех не будет тебе!
Пусть богиня Айыысыт
Везде охраняет тебя,
Пусть богиня Иэйэхсит
Громко прославляет тебя! —

Когда Аан Алахчын
Звучно произнесла
Напутственное благословенье свое,
Богатырь Юрюнг Уолан
Перед ней на колени пал,
У корней священного древа он
Поклонился трижды ей до земли.
Тут Аан Алахчын Хотун,
Драгоценную одежду свою приоткрыв,
Руками обеими обхватив
Похожую на кумысный бурдюк
Огромную левую грудь,
В которой кипел божественный сок,
Небесная благодать,
Влага, дарящая силу и жизнь,
Протянула к**о** рту богатыря
Большой золотой сосок.
Принялся он жадно пить и глотать
Белый божественный сок;
Так он жадно, с такою силой глотал,
Что побледнела Аан Алахчын,
Лицом побелела, как серебро;

Кровь отхлынула от ее ланит;
Оттолкнула она его,
Упершись рукою в лоб.
Отшатнулся Юрюнг Уолан
От сильного толчка,
Опомнился,
Вспомнил, что надо спешить,
Встал, осмотрелся он —
Священное древо Аар-Лууп
Стояло, как прежде, пред ним;
Тихо покачивались в высоте
Могучие ветви его,
Утренний луч играл
На серебряной широкой листве,
Шелестела, шумела без ветра она…

Дух могучий,
Хозяйка средней земли,
Защитница заповедной страны,
Аан Алахчын Хотун
Невидима стала ему;
Так и не понял он —
Наяву ли явилась она
Иль приснилась ему во сне?

К белому коню своему
Подошел он,
Прянул в седло
И поскакал, полетел,
Только ветер в ушах засвистел,
Только грянуло восемь громов,
Только девять вихрей взвилось,
Да ветвистые молнии, трепеща,
Брызнули из-под конских копыт.
На прощанье решил богатырь
Свой обширный алас обежать,
Всю объехать долину Кыладыкы

На крылатом своем коне…

СТИХ 49
ААН АЛАХЧЫН

Проскакав по равнине степной —
С песками, взлетающими на ветру,
С облаками, рдеющими под зарей,
С холмами, синеющими вдали,
С горами, обступающими кругозор,
С травяными лугами в цвету,
Чей беспределен простор,
Юрюнг Уолан-удалец,
Скачущий на Белом коне
Выше изгороди столбовой,
К дому приблизился своему,
Где ждали брат и сестра.
Трижды приподнял он
Трехслойный серебряный шлем
И, слегка придержав коня,
Заговорил, запел…

СТИХ 50
ЮРЮНГ УОЛАН

Кэр-буу! Кэр-буу!
Крепкий силою богатырь,
Посланный охранять
Добросердечных людей
Солнечного улуса айыы
С поводьями за спиной,
Предназначенный могучей судьбой
Защитить племена
Уранхай-саха
С чембуром солнечным на хребте,
С чуткой жалостливой душой,
Ты — скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Старший брат мой родной!
Коль удача мне суждена —
Я через три года вернусь;
Если ж под ударом врагов
Спотыкаться начну,
Хвататься пойду
За дерево, за траву
И, поверженный,
Ничком упаду,
Поспешай тогда,
Выручай меня!
Грозно с высоты прилети
Трехгранною острогой,
Из-под земли взлети
Шестигранною острогой!
Трижды мне выпал
Жребий дурной…

Видно, сам указал
Одун Хаан —
Трижды мне умереть
И трижды ожить,
Прежде чем совершенным
Воином стать…
Да исполнится
Веленье судьбы!
Жребий брошен,
Мне отступленья нет…

Я пущу стрелу
В широкий торец
Матицы головной
Нашего серебряного жилья.
Если буду я жив, невредим,
То спустя девяносто дней
Пущенная мною стрела,
Торчащая в матице головной,
Пухом серебряным обрастет,
Каплями жира капать начнет.
Если я за этот срок пропаду,
Если вниз лицом упаду,
То спустя девяносто дней
Пересохнет моя стрела,
Переломится в середине своей,
Капли крови
Закапают с нее…
И тогда ищите меня
По моим остывшим следам,
Помогите мне, отыщите меня
По моим горячим следам.

Желтогрудая синица моя,
Жаворонок золотой
Жаркого летнего дня,
Айталыын Куо, сестрица моя,

Красавица с восьмисаженной косой!
Спокойно живи,
Тревоги не знай,
Сердце не сокрушай!
Если даже сверху буря дохнет,
Если стужей снизу пахнет,
Защита надежная у тебя —
Старший брат Нюргун Боотур.
Прощайте на долгие годы теперь,
Не забывайте меня! —

Брату старшему и сестре
Поклонился трижды Юрюнг Уолан,
Поднял проворно
Упругий лук,
Чья основа — железной березы ядро
Из страны Кимээн-Имээн,
Обмотанная берестой тугой
Из страны Томоон-Имээн,
Лук, чьи тугие рога
Склеены из роговых пластин
Кровью пестрых железных рыб,
Обтянуты жильной струной
Из львиного живота;
Медью этот лук оковал
Грозный кузнец Таканаан,
Выточил крутые рога
Оружейник небес
Аалыс Луо,
Жильную скручивал тетиву
Сильный Кэнэгэ.
Лучшую из колчана стрелу
Достал Юрюнг Уолан,
Прицелился на скаку,
Стрелу с тетивы пустил.
Упругая черная тетива
Щелкнула, будто гром прогремел;

Молнией полетела стрела,
Рассекая воздух, гудя,
Опереньем грозным свистя,
Ударила, как небесный орел,
И впилась торчком
В широкий торец
Кровельной матицы головной.

Ускакал Юрюнг Уолан,
Расстался с домом родным,
Растаяла пыль на следу.

Срок миновал —
Ни велик, ни мал.
С западной стороны
Внезапно ветер подул,
Тучи нагнал,
Завыл, засвистел,
Заклубил летящий песок…
С дикой северной стороны,
С великого перевала Куктуй
Леденящий, буйный вихрь налетел,
Буря черная поднялась,
Снеговая забушевала пурга…

Как взывающий к небу великий шаман,
Камлающий десять суток подряд,
В непрерывном круженьи своем
Длинные волосы разметав,
Яростно в бубен стуча,
Под бурей качался лес,
Ломающимися деревами треща…
Срывались обвалы в горах,
Содрогалась, гудела земля.
Силлиэмэ — долина ветров
Не помнила бури такой.
Ураган налетал,

Могущий сорвать
Голову с дюжих плеч
Болдонгоя — могучего колдуна,
Заклинателя древних времен…
Вся долина Кыладыкы
Скрылась в летящей пыли,
Забурлила — взболтанная, как вода
В берестяной бадье…
Пороша густо пошла,
По брюхо коню снег**а** намела,
Град ледяной загремел,
Порывистая завыла пурга,
Скручивая коровьи рога…
Девять ярусов
Светлых небес
Заходили зыбью, словно вода
В круглой посудине берестяной.
Каменные закачались устои
Бедственных нижних бездн,
На продольных балках стальных
Проселись толстые потолки
Трех преисподних бездн…
Кони на пастбищах и лугах
Падая, сбивались в табун;
С жалобным ревом рогатый скот
Под бурей валился с ног…
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Воспрянул, видя разгул пурги,
Грозным духом возликовал;
Вспыхнула в нем горячая кровь,
Жаром гнева его обдала;
Железные мышцы его напряглись,
Звездой полярной
В морозную ночь

Левый глаз его засверкал
И, налившись кровью,
Скосился вниз;
Правый глаз,
Словно огненная звезда,
Стоящая в зените небес,
К правому скосился виску;
Словно темная туча покрыла лицо,
Видом он страшен стал.
Густые черные кудри его,
Рассыпанные по плечам,
Встали дыбом,
Как грива коня,
На темени поднялись.
Синим, серным огнем
Вспыхивало лицо у него,
Искрящийся трескучий огонь
Метали его глаза:
— Наконец-то дождался я!
Наконец-то
Нагрянули гости ко мне
Из адьарайских бездн…
Позарились, как видно, они
На зычную славу мою!
Бури такой
Я вовек не видал,
Непогоды такой
Вовек не знавал…
Наконец-то удача выпала мне,
Наконец-то удастся мне
Грудь о грудь столкнуться
С достойным врагом,
Померяться силой с ним,
Потешиться в поединке с ним,
Подмять его под себя! —
Так думал Нюргун Боотур,
Разминая плечи свои,

Распрямляя руки свои,
Напрягая крепкие мышцы свои,
Звонкие сухожилья свои…

Зашатался вдруг,
Задрожал
Крепкий, просторный
Серебряный дом;
Заклубилась пыль,
Закружился вихрь,
Треснул оглушительный гром,
Сотрясая кровлю жилья;
Раскатились четыре грома подряд
Прямо над головой.
Нечто черное с высоты,
Взлохмаченное, словно шкура медвежья,
С широкими лапами и головой,
Рухнуло на широком дворе,
Грузное, как скала,
И взорвалось,
Разлетелось в пыль…
Стремительный Нюргун Боотур,
Средней земли исполин,
Левым глазом искоса поглядел
И на западной стороне
Аласа прославленного своего,
Чей необозрим кругозор,
Увидал, когда рассеялась пыль:
Нижнего мира
Чудовищный зверь,
Восьминогий Кэй-Уорук
Вдруг появился пред ним —
И породил,
Изверг из себя
Нечто мерзостное,
Безобразную глыбу,
Шевелящуюся в оболочке тройной…

Тут же в воздух взв**и**лся
Кэй-Уорук
И умчался, в тучах мелькнул,
Быстрее падучей звезды
Скатился за край земли,
За грань полночных небес…
В изумленьи Нюргун Боотур
Глядел, что будет теперь.
Порожденье чудовища в этот миг
Трехслойную оболочку свою
С треском разорвало;
Мелькнул расплющенный шлем,
Подобный гнезду орла,
Заброшенному столетье назад;
Безобразное выглянуло лицо,
Выпученные глаза,
Пораженные, как будто бельмом;
Раскрылась черная пасть,
Железные блеснули клыки…
Рук чудовища не разглядел Нюргун,
Лишь взметнулись, как две лопаты больших,
Черные ладони его.
Три тени длинные пронеслись,
Изогнутая показалась спина,
Затрещал серебряный дом,
Прозвучал отчаянный, звонкий крик,
Огромная шарахнулась тень
И пропала в кромешной мгле…

СТИХ 51
ЮРЮНГ УОЛАН

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Услышал отчаянный вопль,
Смертельного ужаса полный крик
Сестры своей
Айталыын Куо.
Не успев дыхание перевести,
Проворно бросился он
Просторный осматривать дом, —
Обшарил все тридцать покоев его,
Сестры нигде не нашел…

Северное крыло
Серебряного жилья
Разрушено, снесено;
Зовет сестру —
Исчезла она,
Запустело место ее.

Ахнул Нюргун Боотур,
Ударил по бедрам себя,
В ужасе завопил:
— Беда мне!
Куда мне скакать?
Где мне сестру искать?
Сам я накл**и**кал горе свое!
Нагрянул к нам
Кровожадный вор,
Рожденный в мстительный век,
Разбойник о трех тенях,

Темной пропасти злобный дух —
Эсэх Харбыыр,
Тимир Дьигистэй!..
А — злодей,
Нашел на кого напасть!

Но я выслежу,
Я настигну тебя!
Повалю тебя в грязь лицом,
Обуздаю железной уздой,
Распорю утробу твою,
Становую жилу твою разорву!
Поскачу по твоим горячим следам,
Весь материнский твой род истреблю,
Отродье отчее искореню!
В преисподней тебя догоню,
Черные своды жилья твоего,
Чертово подземелье твое
Сокрушу, хохоча,
Потушу твой священный очаг,
По ветру пепел пущу! —

Вихрем Нюргун Боотур
Устремился к коню своему,
Прянул на крутое седло,
Подобное седловине горы,
И прямо на север погнал,
Как визжащая стрела, полетел,
Только ветер в ушах завыл…
Мчался конь падучей звездой,
Рассыпая искры огня,
Рассекая воздух густой.
От богатырского скока его
Закачался высокий небесный свод,
Задрожала толща земли,
Отгулом грянул подземный мир,
Расплескиваясь, как вода

В плетенке берестяной…

Скакал Нюргун Боотур,
Взвивался вихрь по следу его;
В отчаяньи, в гневе мчался он,
Без прощанья оставив дом
И родную землю свою.
В блистающей выси небес
Стоя рожденный конь Вороной —
Когда касался земли
Четверкой стальных копыт,
Градом взлетали за ним
Грузные глыбы камней,
Тучей летели за ним
Тысячи мелких камней.
Семисаженная грива коня
Распластывалась на лету,
Черный, волнистый хвост,
Словно длинная лодка
В быстрой реке,
Со свистом ныряя, летел;
Вспыхивали синим огнем
Вспененные бока скакуна…
Белый пар дыханья коня
Облаком клубился за ним
На расстояньи трех дней пути;
С грозными воплями
Слева летел
Свирепый Осол Уола,
Справа мчалась
Визжа, хохоча,
Воинственная Илбис Кыыса.
Конь прямиком,
Без дороги скакал;
Чаща лесная встречалась ему —
Чащобу ломал,
Как траву топтал…

Вот отдалились
Всадник и конь
От восьмиободной земли;
Солнечного улуса простор
Оставили позади,
Миновали поля, леса,
Сумрачную тундру прошли,
Проехали ледяной перевал
Великой Куктуй-Хотун,
Промчались по алчному зеву ее,
По черной утробе ее.
С громом, с молнией пролетели они
Грозный, студеный путь,
С бурей, с грозой пронеслись
По дороге лютых смертей;
Где отроги гор ревут и вопят,
Где людоеды-деревья стоят,
Простирая железные лапы свои.
Промчались всадник и конь
Над пропастью, где извилась, как змея,
Топь Уот-Чоохурутта,
Где жуки с теленка величиной;
Пронеслись над болотом Бадылытта,
Где жабы с корову величиной;
Над пыхтящей трясиной Тынгалытта,
Где огромные ящерицы кишат,
Волоча по тине хвосты
Величиною в столетнюю ель;
Пронеслись над туманной
Муналыкы,
Которой ни края нет, ни конца…
Миновали темную Чуоналыкы,
Неуемную Чугдаарыкы,
Догоняемые с левой руки
Духом кровавых битв,
Орущим, вопящим Осол Уола,

Провожаемые с правой руки
Визжащей дочерью духа войны,
Неистовой Илбис Кыыса…

Вот перед всадником и конем
Отверзлась бездонная пасть,
Стужей подземной дохнул
Темный зияющий зев,
Дорога, ведущая по крутизне
В безвыходный Нижний мир.
Это был провал
Куохтуй-Хотун,
Где чайки кричат,
Где гагары галдят.
Стор**о**жкой поступью конь,
Ступая боком, спускаться стал
По кроваво-скользкой той крутизне —
Ступенчатой, словно горло быка.
Страшно было вниз поглядеть —
Там чернела бездонная глубина…
Это — горловина была,
Ведущая в Нижний мир;
Трупным духом дышала она,
Готовая поглотить
Все, что ни попало в нее.

Чем ниже спускался Нюргун Боотур,
Тем зорче разглядывал он
Туманом окутанную страну,
Странный, подземный мир,
Похожий на страшный сон.
Призраки реяли там,
Чары веяли там;
Гул откуда-то снизу летел,
Будто прибой шумел,
Будто ветер зловеще выл.
Валялись грудами на пути

Кости раздробленные богатырей,
Человеческие черепа
На дорогу выкатывались, как шары…
Человеческие **о**стовы там,
Превращенные колдовством
В шаманские чучела,
Прыгали, позвонками скрипя,
Плясали, ребрами дребезжа.
Увидал под собой богатырь
Область подземную Кынкыйатту;
Оттуда стоны неслись,
Оттуда зловонье ползло,
Смрадный клубился дым…

Там небо — черный каменный свод,
Ущербный месяц на нем
Корчится, как немой,
Который силится заговорить
И не может ни слова сказать.
Рябое, щербатое солнце там
Судорожно искривилось, как рот
Глухонемого, который мычит,
А не может заговорить.
Тут Вороной богатырский конь
Звонкой пернатой стрелой,
Быстрой падучей звездой
За единый миг слетел с высоты
И твердо всеми копытами стал
На каменном берегу
Огнереющего, огнемутного моря —
Вечно бушующего Кудулу…
Ни обхода, ни брода нет у него,
Ни края нет, ни конца.

Стремительный Нюргун Боотур,
Средней земли исполин,
Очутясь на крутом морском берегу,

В отблеске мутно-огненных волн,
Зорко осмотрелся окрест
И невдалеке увидал
Ненавистного врага своего.

Порожденный в воинственный век,
Вскормленный кровью
Бесчисленных жертв,
Бесчестный вор Эсэх Харбыыр,
Исполин о трех огромных тенях,
Ночной разбойник Тимир Дьигистэй
Ехал на огненном змее верхом.
Змей трехголовый Кэй-Уорук
Быстро бежал на восьми ногах;
Сам же всадник невидим был —
Так вертелся, клубился он;
Только дребезжал, мельтешил —
Там, где быть должна его голова, —
Ржавый расплющенный шлем,
Схожий с гнездом орла,
Брошенным в давние времена,
Да мелькнула трижды
Черная пасть,
Да блеснули железною синевой
Кривые клыки его.
Ехал он, горланил, орал,
Эхом гулким подземный мир наполнял;
В горловине отгул гремел,
Д**о** неба долетал…
Хвастался безудержно он,
Радостно во все горло пел…

СТИХ 52
ЭСЭХ ХАРБЫЫР

Буйа-буйа-буйакам!!!
Буйаката-буйака!!!
Дайа-дайа-дайакам!!!
Дайаката-дайака!!!
Эх ты, злобная мать моя,
Хохочущая пропасть моя,
Черная лютая Чёркёчёх!
Я с такой добычей еду к тебе,
Какой не видала ты;
Я награбил столько добра,
Что обрадуются три бездны мои;
Орать и плясать пойдут
Адьарайские племена!
Байанаю деревянному моему
Благодарностью воздаю!
Медному идолу моему
С глыбу навозную величиной
Славою воздаю!
Духу трех нюкэнов моих,
Содрогающихся от хохота пропастей,
Нечистому Тюктюйэ
Истово кланяюсь я,
Зычно возглашаю — уруй!

Вот какой я у вас молодец!
У владеющего Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
У прославленного самого
Нюргун Боотура-богатыря
Любимую украл я сестру —
Красавицу Айталыын Куо

С восьмисаженной косой!
Уволок я сестричку его,
Которую он охранял,
Как зеницу ока берег,
Как десну своих белых зубов.

Здесь она — за пазухой у меня,
Здесь она — в объятьях моих!
Буду я теперь ее целовать,
Нюхать буду — нюхалочку мою,
Медногрудую птичку мою,
Златогрудую синичку мою!
Чарами ее окую,
Чистую душу ее превращу
В злобного духа тьмы…
Моей женою станет она,
Согреет она, наконец,
Ледяное, кровавое ложе мое…
Ох, как будет мне хорошо,
Ох, как я придумал хитро,
Хыы-ха-ха-хаа!!!
Хыы-ха-ха-хаа!!!

Эй ты — выращенный на дне
Погибельной Чёркёчёх,
В непроглядной тьме,
В смрадной глубине
Трех хохочущих пропастей,
Трехголовый змей
С раздвоённым хвостом,
Веселей беги, торопись
На своей восьмиветвистой ноге,
С дорогой добычей меня
Поскорее домой домчи!

Давным-давно,
Как дым, я взлетел

Из подземного логова моего,
Из твердыни темной моей
На простор синеющий —
В Средний мир…
Не бывал я дома давно,
Не опоздал ли я?
Покамест я объезжал
Просторы средней земли —
Горы и долины ее,
В пору долгих странствий моих,
Может быть, мой достойный отец,
Подземелий погибельных властелин,
Старец Арсан Дуолай —
Исполин в облезлой дохе,
Выдох последний свой испустил,
Околел — один, без меня…
Ведь опухоль в глотке была у него
Величиною с кулак.
Прародительница адьарайских племен,
Старуха Ала Буурай,
С деревянною колодкою на ногах,
Достойная мать моя
Издохла, поди, без мен**я**!
Охала старушка давно,
Плохо было с печенью у нее,
Пища ей в тук не шла…
Ох, родители дорогие мои!
Жаль мне вас…
Как жить мне без вас?

А старший мой брат-зубодер,
Что железные зубы кует
И вместо сломанных продает
Всей несметной нашей родне, —
Тимир Долонунгс**а** — чародей
Женился, поди, без меня,
Невесту знатную взял — по себе,

Да откладывает свадебный пир,
Пока не приеду я;
Видно, очень сердится он…

Тут сестрица еще
Есть у меня —
Быстроногая, вихря быстрей,
С плечами, железных ножниц острей,
Руки скрюченные, словно клещи…
Дымится длинный хвост у нее,
Клубится вокруг ее ног
Кружащийся вихрем подол,
В кровавой пене
Черная пасть,
Кособокая,
Девка-бой,
Ненасытная, с глоткой пустой,
Прославленная красотой
Шаманка Уот Кутаалай…

Давненько сватается за нее
Почтенный сосед-колдун,
Ытык Кыйбырдаан-богатырь,
С кривой воровской рукой,
С ненасытным оскаленным ртом,
Проворно ездящий, как на коне,
На двугорбом верблюде своем…
Ждут они, не дождутся меня,
Откладывают свадебный пир.
Догадываются ли они,
Что рядом я, что вернулся я?
Ох, горе мое!
Ох, радость моя! —
Так Эсэх Харбыыр
Во все горло орал,
Миру подземному он
Весть о себе подавал.

Услыхали зычный голос его
Жители подземной страны —
Адьараи-абаасы;
От радости рукоплескали они,
Орали, плясали они;
Через дымоходы железных жилищ
Слышен был их говор и шум;
И, вместе с невнятным говором их,
Ужасающее зловонье, клубясь,
Подымалось черным дымом из труб,
Трупным духом все наполняя окрест.

СТИХ 53
ЭСЭХ ХАРБЫЫР

На хребте минувших давно
Бранных тревожных лет,
На вершине древних
Воинственных лет,
Когда у людей уранхай-саха
Сверхчуткая плоть была,
Издалека чувствующая врага,
Когда у солнцерождённых людей
Были провидящие глаза,
Могущие видеть
Грядущий день,
В те незапамятные времена
Повелел Дьэсегей — создатель коней,
Чтобы близ человека конь вырастал,
Чтобы другом он человеку стал…
Говорят — в те далекие времена
Со своим хозяином конь
Человеческим голосом говорил,
Мудрые советы дарил,
Дивно всаднику помогал,
Когда наступала нужда,
Когда постигала беда.

Когда опустились всадник и конь
В темный подземный мир,
Когда очутились на берегу
Моря огненного Кудулу,
Четырьмя ногами в скалу упершись,
Как столбами каменными утвердясь,
Отфыркался конь,
Заржал — и вдруг
Человеческой речью заговорил…

В изумленьи Нюргун Боотур
Слушал речь коня своего.

СТИХ 54
ВОРОНОЙ КОНЬ

Анньаса! Анньаса!
Одна у нас дорога с тобой,
Друг, назначенный мне судьбой,
Всадник мой,
Повелитель-тойон,
Гордость высокой холки моей!
Трудное время пришло,
Наше солнце железное может упасть,
Кюнгэсэ блестящее — отлететь…
Если чудовищный исполин,
Тимир Дьигистэй-богатырь
Скроется в твердыне своей,
То без крови не обойдется борьба,
Бедствия страшные произойдут,
Последствия гибельные придут…
Смотри, осторожен будь,
Не кори, что не остерег тебя!
Крепче держись,
Придется нам
Через море перелететь.
Коль встретим врага на том берегу,
Пока не укрылся он,
Тогда будет равный бой
С противником, достойным тебя! —

Молвив это,
Конь полетел,
Свистя певучей стрелой,
Блестя падучей звездой…
В воздухе дугу описав,
Вора подземного обогнав,
С высоты опускался конь,

Только в ушах у богатыря
Будто птица-гоголь на быстром лету
Острыми крыльями просвистел,
Только щеки будто огнем обожгло,
Только будто гибкий тальник
По лицу листвою хлестал…
Словно стерлядь, взлетающая высоко,
Словно падающая звезда,
Пролетели всадник и конь
Над кроваво-дымным огнем
Грозного моря Уот-Кудулу,
Над которым не пролетал никто,
По которому не проплывал никто…
Яростно бушевали валы,
Огнемутной пеной плеща,
Высоко вздымались морские валы,
Захлестнуть пытались коня.
Каменный свод грохотал,
Из преисподней, с черного дна,
Из заколдованной глубины
Страшные проклятья неслись,
Пронзительный визг летел…

Море перелетевший конь
На твердую опустился скалу;
Трехголовому змею путь преградил
Удалой Нюргун Боотур.
В ужас пришел дракон,
Судорожно у него
Спутались, в кучу сплелись
Восемь когтистых ног,
Длинными шеями переплелись
Три огнедышащих головы,
А могучий Нюргун Боотур
Размахнулся жадным до крови мечом,
Снес одним ударом
Все три головы;
Прыгая, покатились они,

Лязгая челюстями, скрежеща.
Хлынула бурно черная кровь,
Рухнул замертво змей.

Рожденный в погибельный век,
Кровожадный разбойник о трех тенях,
Богатырь Тимир Дьигистэй
Сразу не понял,
Не разглядел,
Не разобрался — откуда беда.
Тяжело, с разбега
Обрушился он
С широкой змеиной спины,
На камни грохнулся животом;
Черная печень его сотряслась
В чреве могучем его;
Охнул он, простонал:
— Ох! Отлетели,
Оторвались
Девять журавлиных голов! —

Сел потом, ощупал свои бока.
В этот миг
Богатырь Нюргун
Выхватил из-под его ноги,
Из-под когтистой лапы его
Айталыын Куо — сестричку свою;
Покатал ее в ладонях своих,
Заклинанья произнеся,
В нечто маленькое ее превратил,
Как бы в комочек волосяной,
И всунул в ухо коня.
Тут коня повернул Нюргун
В сторону Средней земли и сказал:
— Добрый конь мой,
Посланный мне судьбой,
Когда позову тебя,

Где бы ты ни был,
Тут же вернись ко мне! —
Ласково, всей пятерней,
Хлопнул Нюргун коня
По крутой спине;
И умчался конь…

Порожденное в смутные времена
Чудовище поддонной тьмы,
Вор-невидимка,
Разбойник ночной,
Тимир Дьигистэй-исполин
Разглядел противника, наконец
Побагр**о**вел он,
Почернел;
Безобразное адьарая лицо
То краснело, как железная ржа,
То бледнело до синевы.
Из выпученных бельмастых глаз,
Выкаченных на черный лоб,
С треском сыпались
Искры огня.
Растопырились пальцы его,
Выпуская десять
Острых когтей,
Словно косы-горбуши, кривых…
А рук самих не видать,
Темного лица не видать,
Только чернела огромная пасть,
Как обрывистый глубокий овраг,
Кустарником обросший густым;
Синий, семисаженный язык,
Раздвоенный, как у змеи,
Обвивался вкруг шеи
Дюжей его,
Что была обвязана по кадыку
Ветхою шкурой льва.

Поднялся исполин,
Огромный, как тень,
Икая и бормоча,
Ударил по бедрам себя,
Разъял свою черную пасть,
Железные оскалил клыки,
Похожие на сошники,
Будто улыбнуться хотел;
Искривился весь,
Да как заорал,
Так что зычный голос его
Слышен стал за три дня пути;
Многоголосое эхо вдали
Оглушительно отозвалось,
Загремел, потрясся
Подземный мир,
Гоготанье в бездне пошло.

СТИХ 55
ЭСЭХ ХАРБЫЫР

Уо, бабат!
Я тебе говорю!
Уо, тасат!
Я тебе скажу!
Ох, проклятье!
Ох ты, потеря моя!
Как же это я упустил из рук
Ненаглядную подругу мою,
Драгоценную добычу мою,
Красавицу крохотную мою,
Зеницу очей моих,
Десну железных зубов моих!
Как же я упустил из рук
Жаворонка моего!..

Аар-дьаалы!
Аарт-татай!
А, проклятый мой враг!
А какой огонь в глазах у него,
Как лучом, меня он
Взглядом прожег…
Нипочем ему было сюда прилететь!
Мечом блестит его верхняя часть,
Копьем в гранит уперлась
Нижняя богатырская часть!..
Но ты предо мною не заносись,
Недоносок, пестрый щенок!

Ты знаешь ли, кто пред тобой?
Я — ратоборец, достойный тебя!
За похищенную невесту мою
Жизнью заплатишь ты…

Я толстую кожу твою разорву,
Я ничком тебя повалю;
Не обижайся, смотри, на меня,
Когда я когтистую руку свою
П**о** — локоть погружу
Вглубь твоей клетки грудной,
Становую жилу твою ухвачу…
Всю твою горячую кровь
Выпью, высосу из тебя,
Мимо ни капли не уроню!
Я дюжее тело твое разорву,
Длинные кости твои раздроблю,
Пасть твоим нежным мясом набью,
Всего тебя, до последней крохи,
Радостно съем, сожру.
Любит лакомства нёбо мое,
Любят крепкие зубы мои
Кости длинные грызть, глодать…
Мозг я выколочу из твоих костей,
Буду с ладони глотать!

Девяносто девять есть у меня
Неуловимых чар…
На перепутье восьми дорог,
На кресте девяти дорог
Колдовством опутаю я тебя!
Ты пришел, так знай —
Ты во власти моей,
Я с тобою сделаю, что захочу,
Я с тобою так поступлю,
Как всегда поступал с врагом.
Не говори, что не остерег,
В оба смотри теперь,
Бери оружье свое! —

От таких обидных, поносных слов
У Нюргуна-богатыря

Вскипела горячая кровь;
Как кренюжное дерево, он
Изогнулся дюжим телом своим;
Как древесина железных берез,
Жилы его напряглись…
Прекрасное Нюргуна лицо
Вспыхивало серным огнем,
Безобразным стало оно,
Исказилось от гнева оно.
Кверху скосился левый глаз,
Книзу скосился правый глаз;
Черные кудри его,
Падавшие до плеч,
Дыбом на темени поднялись,
Вихрем взвились,
Как хвост жеребца;
Искры потрескивали в волосах,
Вспыхивал синий огонь…
Исполин Нюргун Боотур
Перед адьараем предстал,
Блистая, как боевое копье —
Восьмигранное, о трех остриях.
Плюнул чудовищу он в лицо
И такие слова пропел.

СТИХ 56
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Видите вы,
Слышите вы,
Какие слова
Изрыгает он —
Это чудовище,
Этот вор,
Подлый разбойник ночной,
Исторгнутый из подземелий своих?

Ты нашел на кого нападать,
У кого добро воровать,
Кого безнаказанно оскорблять?!
Я узнал тебя,
Я догнал тебя,
Обрушился н**а** голову твою…
Брюхо я тебе распорю,
Железной уздой обуздаю тебя,
Ничком тебя повалю,
Толстые кости
Твои сокрушу!
Черную кровь твою
Пусть пьет Осол Уола —
Свирепый дух войны,
Горячую кровь твою
Пусть пьет Илбис Кыыса —
Неистовая моя сестра!

Равные — из разных миров
Ратоборцы —
Здесь мы сошлись,
Из непримиримых

Враждебных стран
Встретились богатыри…
Пока тебя замертво не повалю,
Ни на пядь я не отступлю!
Ты накликал беду на себя,
Ты привел за собой
Такого врага,
С которым к согласию не придешь,
От которого не уйдешь!

Высокий жребий назначил мне
Одун Хаан-властелин.
Исполинская сила моя
Равна половине тяги земли;
Богатырская мощь моя
Равна половине мощи земли,
Великое богатство мое
Равно половине богатства земли!
Так неужто мне
Отступать пред тобой? —
Тут Нюргун Боотур взмахнул
Смертоносным мечом-пальм**о**й
И с грозным криком
Нанес удар
Адьараю по голове,
По ржавому шлему его…

Прославленный абаасы
Увернулся —
Мимо удар скользнул,
Не причинил адьараю вреда…
И тут — отколь ни возьмись —
У отродья подземной тьмы
Появился в левой руке
Заколдованный меч
Хап-диэрэнкэй;
Со свистом обрушился меч

На темя Нюргуна-богатыря…

Средней земли исполин
Увернулся,
Из-под меча ускользнул,
Вражий удар его не задел,
Вреда не нанес ему…
Отбросили ратоборцы мечи.
Как две огромных скалы,
С оглушительным воплем
Сшиблись они,
Спину друг другу
Пытаясь сломать,
Становой хребет сокрушить…
Друг от друга
Вдруг отступали они,
Друг на друга опять
Налетали они;
Будто гром под землей грохотал,
Так друг друга в бока
Ударяли они
Кулаками величиною в стегно
Шестилетнего лесного быка;
Кулаками тяжелыми не могли
Друг другу кости они сокрушить,
Кожу толстую разорвать,
Черную кровь пролить…
Это была слепая вражда,
Дикая распря,
Жестокий бой,
Неслыханная беда…
Высоко над их головами кружа,
Раздора кровавого дух —
Осол Уола
Вопил, орал;
Хохотала, визжала,
Вторя ему,

Неистовая Илбис Кыыса;
Радовались брани они,
Ликовали, видя раздор…

Ногами грузными богатыри
Растоптали в подземной тьме
Восемь голых каменных гор;
Землю мерзлую,
Твердую, как гранит,
В м**е**сиво измяли они,
До колен в земле увязали они,
Прибрежную каменную гряду
Раздавили в сыпучий песок,
Обрушили скалы в прибой…

Из-под ног у богатырей,
Из-под растоптанной ими земли
Мертвая выступила вода,
Хлынула, Нижний мир залила;
Поединок вели они
П**о** — пояс в мертвой воде…
В поднятой ими густой пыли
Щербатое солнце той страны,
Горбатый месяц той земли
Тусклым светом своим
Перестали светить,
Беспросветная наступила тьма.

Бедственный Нижний мир
Расплескался,
Словно вода
В посудине берестяной;
Глубочайшее древнее дно
Пропасти подземной тройной
Дрогнуло, сотряслось.
Средний солнечный мир
Заколебался толщей своей;

Небесный девятиярусный свод
Зыбью пошел, как вода
В большом деревянном ковше;
Незыблемые опоры земли —
Устои подземных глубин
Пошатнулись на основаньях своих…

Рожденный в бедственный век,
Кровожадный — о трех тенях —
Ночной разбойник
Тимир Дьигистэй,
Воинственный богатырь-адьарай
Выбивался из сил,
Задыхаться стал,
Черный воздух глотала
Широкая пасть,
Щелкали оскаленные клыки,
Мелькали огромные руки его,
Когтями хватая тьму.
Ни клочка не осталось на нем
От нарядных его одежд;
Шейную повязку из шкуры льва
Давно адьарай потерял;
Кафтан из шкур околевших быков
В клочья растрепался на нем;
Лохмотьями летела с него
Облезлая доха,
Кожаная рубаха его,
На которой огненный змей
Был красиво изображен,
Свалилась с широких плеч…
Тридцать дней и ночей подряд
Колотушками в девяносто пудов
Колотили друг друга они
По макушкам и по бокам,
Только звон да гул
Далеко летел.

Это была
Жестокая брань,
Это был
Небывалый бой
Девять вихрей, воя, взвились
От взмаха широкого
Их дубин;
Девять вихрей, клубясь в высоте,
Сбили подземные облака,
Загрохотала гроза…
Тридцать дней и ночей подряд
Не смолкали грохот и гул,
Грозная, тягостная топотня
Весь подземный мир потрясла,
В бездонную глубину
Тревогу великую принесла.

СТИХ 57
НЮРГУН БООТУР

В отчаянье впали,
От сна пробудясь,
Величайшие колдуны,
Чародеи подземных бездн.
Прародитель абаасы,
Родившийся в облезлой дохе
Прославленный Арсан Дуолай,
Чья нижняя челюсть, как острога,
Клыки, как железные сошники, —
И достойная супруга его
С деревянной колодкою на ногах,
Старуха Ала Буурай —
Даже они
В твердыне своей,
Неприступной ни для кого,
Выносливые исполины тьмы,
Ожесточенные в злобе своей,
Закаленные лютой враждой,
Даже они перенесть не могли
Грузного топота над головой,
Грохота над собой…
Все нутро содрогалось у них,
Их злые, бешеные языки
Укоротились,
Втянулись в гортань,
Дара слова лишились они…

Как глухонемые, мыча,
Не в силах сердцебиенье унять,
Трясением в руках и ногах,
Кружением головы
Равновесия лишены,

Задыхаясь, валялись они
В пропасти под крышкой стальной…

Толща мира
Стонет, дрожит
Под пятами богатырей;
А у старухи и старика —
У прародителей абаасы —
Корчи жестокие начались,
От судорог им все жилы свело.
Взвыли, завопили они…
Топот наверху оглушает их,
В темени отдается, как гром;
От жестокой боли в висках
Глаза их выкатились из орбит,
Кровавая пена бьет изо рта,
Будто смерть заглянула сама
В глубокий их дымоход.

В стране адьараев настала беда,
Падеж напал на скот,
Коровы их и кобылы их
Выкидывали недоношенный плод.
Беременные женщины их
До времени стали рожать,
Выкидыши пошли…
Людей и скотину
Постигла беда,
Завтрашний день
Безнадежным стал.
И вот — прародитель абаасы,
Нижнего мира тойон,
Родившийся в облезлой дохе
Луогайар Луо Хаан,
Владыка трех преисподних бездн,
Исполин Арсан Дуолай
Последние силы собрал;

Судорогой стянутую свою
Широкую пасть
С трудом раскрыл,
Оскалив синие зубы свои,
Чинно, важно, по-стариковски хотел
Величавую речь начать;
Вначале пошевелил, повертел
Торчащим, как кол, языком
В пересохшей глотке своей,
И потом протяжно запел.
То не песнь была,
То был вой и вопль,
Глухой, болезненный стон…

СТИХ 58
АРСАН ДУОЛАЙ

Ох, тошно!
Ох, плохо мне!
Ох, как топают они наверху,
Ох, какие тяжелые ноги у них!
Трясется,
Крошится свод надо мной,
Трясется печень во мне,
Сердце стучит,
Затылок болит,
Вылезают глаза из орбит!

В те года,
Когда я моложе был,
Ух, как я донимал
Племена айыы,
Сам на них нападал, налетал,
По ночам выходил,
Похищал, убивал…
Да не ослабевала сила у них,
Не убывала мощь!
Когда был я молод, силен,
Горем не умудрен,
Ох, какие обиды я наносил
Солнцерожденным людям айыы,
Но крепкую их судьбу
Опрокинуть я не сумел,
Славу их не смог растоптать…

И вот, мы —
Нижние абаасы,
Рожденные в облезлой дохе,
С деревянными колодками на ногах,

Обреченные во тьме пребывать,
По девять суток не пить и не есть,
Копотью покрытые сверху —
Сажей — пяди в три толщиной,
Плесенью обросшие снизу —
Гнилью — пядей в семь толщиной,
Влачащие проклятую жизнь,
Спящие на льду,
Сидящие на крови?
Растерзанных нами жертв,
Совсем пропадаем теперь…
Вот какая
Наша судьба,
Вот какой у нас неуют!

Восемь суток подряд я сам
Уговаривал,
Угрожал, умолял
Детище лихое мое,
Сына отчаянного моего,
Рожденного в бранный век,
Чародея о трех тенях,
Разбойника, вора
Эсэх Харбыыра,
Любимого сынка, удальца…
Я стращал его,
Заклинал его
Щербатым солнцем,
Горбатой луной,
Жертвенной скотиной своей,
Чтобы в Средний мир,
К племенам айыы
Из подземелий не смел выходить.
Я тогда ему говорил,
Что небесные богатыри
Ударами по голове
Загонят в пропасть его…

Я тогда еще остерегал его,
Что в сияющей вышине
Верхнего мира
Нам на беду
Появился невиданный исполин,
Стремительный Нюргун Боотур,
Что от рождения он обучен
Чародейству трех великих миров,
Что Одун Хааном самим
От рожденья он одарен
Половиной мощи
Всей средней земли,
Половинной силы
Мира всего!

Ведь я говорил тогда
Чудовищу — сынку своему,
Что этот Нюргун-богатырь
Так велик и тяжел, что под ним
Прогибается толща средней земли,
Что он богатырь
О трех остриях,
Оборотень
О восьми лезвиях…
И вот, спустился он к нам —
Великие беды принес,
Разрушением Нижнему миру грозит…

Взываю к владыкам судьбы,
К повелителям высоких небес!
Пусть они
Трех небесных стражей пошлют,
Чтобы двух дерущихся богатырей
Связать и отправить туда,
Где нежится молодая луна
За серебряной священной горой,

Где играет солнце-дитя
За золотой горой…
Пусть Нюргун Боотур
И упрямый мой сын
Там продолжают бой,
Пусть дерутся, если хотят,
Далеко в стороне от нас!

Одержимые
Непримиримой враждой —
Не разойдутся миром они,
Покамест один из них
Противнику не распорет грудь,
Покамест не победит один,
Другой не будет убит…
Если отсюда их не убрать,
Если лютую драку их не прервать,
Растопчут они
Подземный мир,
Опоры вселенной всей
Сокрушат,
Обрушат каменный свод,
Да так, что за три столетья потом
Каменных опор не поднять,
Сводов обрушенных не сомкнуть.
Истребится наш
Материнский род,
Пропадет наш
Отеческий род…

Ох, тошно,
Ох, больно мне!
Ходуном под их ногами пошел
Каменный купол
Твердыни моей…
Гром от их ударов такой,
Что все трясется вокруг меня…

Содрогается утроба моя,
Ноет в брюхе,
Ломит в висках!..
Неужели срок наступил,
Неужель оторвется и упадет
Железное солнце мо**е** —

Так степенный старик
Стонал и вопил…
Слыша заклятья его,
Шаманы подземных бездн,
Шаманки черные трех пропастей
Подымались из бездонных глубин,
Глядели на битву богатырей.

Острые осколки камней,
Вылетая из-под богатырских ног,
Ударяли прямо в глаза,
Ослепляли шаманов абаасы…
С воплем падали навзничь они,
Страшными голосами они
Выкликали заклятья свои:
— Через год в эту пору
Уйметесь вы,
Лопнут ваши злые глаза,
Будете вы тогда
Глазницами пустыми смотреть,
Словно дырами в столбах городьбы!
Пусть языки отсохнут у вас,
Пусть шеи свернутся у вас,
Пусть оцепенеет дыханье в груди! —
Так заклинали они
Заклятьями трех пропастей
Дерущихся богатырей,
Прогоняли их
В Верхний мир…

Исполин айыы
Нюргун Боотур
Адьараю могучему, наконец,
Глубокие раны нанес;
На восьмые сутки борьбы —
Открытые раны нанес;
На девятые сутки борьбы —
Сквозные раны нанес;
Словно проруби в толстом льду,
Страшные раны зияли насквозь
В теле адьарая-богатыря.
На десятые сутки,
Казалось, настал
Исход поединка их.

Туго Нюргун Боотур
Туловище адьарая сдавил,
Как железом полосовым, оковал
Тяжеленную тушу врага;
Оторвал чудовище от земли,
Перекинул через бедро
И о камни грянул его.
А оборотень-адьарай,
Превратись в три тени, пропал;
На три ст**о**роны разлетелись, как дым,
Три черных тени абаасы,
И с новой силою, невредим,
Налетел Эсэх Харбыыр
На Нюргуна-богатыря…
С утроенным пылом они,
С учетверенной силой они
Сшиблись, как две огромных скалы,
С громом, с треском,
В искрах огня…

Вдруг, схватившихся намертво, их
Сила некая подняла,

По воздуху понесла,
Только ветер завыл в ушах.
И хоть быстро летели они,
Но не прекращали борьбу.
Крепко, поперек поясниц
Дюжими руками схватясь,
Плевали друг другу в лицо…
Долго ли летели они —
Не у кого спросить.
Сила, которая их несла,
Опустила на землю их
На серебряном склоне горы святой,
Где месяц рождается молодой,
На седловине горы золотой,
Откуда солнце встает.

С новой яростью
Ратоборцы взялись
Друг другу хребты ломать,
С десятикратной силой взялись
Друг другу ребра давить,
Так что хрустели мышцы у них,
Так что звенели жилы у них,
Так что трещали суставы их.
Видя, что свирепеет борьба,
Видя, что лютеет вражда —
Смерть пришла,
Бушевать начала…
Расплескались воды
Рек и озер,
Вздулись темные воды
Морских глубин,
Затапливая берега.
Седловину священных гор,
Где рождается солнце-тойон,
Растоптали как творог, богатыри,
Сравняли с темной землей.

Огорчилось солнце-тойон,
Отвратилось от мира совсем
Светлой своей стороной,
Повернулось к миру оно
Черной своей стороной;
И на четверо суток
По всей земле
Беспросветная тьма легла.
А бедняжка луна-хотун,
О серебряной жалея горе,
Светлое скрыла лицо,
Совсем затмилась она…

Девятиярусные небеса
От яростной битвы богатырей
Расплескивались, подобно воде
В круглом деревянном ведре.
Бедственный Нижний мир
Переливаться стал через край,
Как опрокинутая лохань.
Средний, серо-пятнистый мир
Всей огромной толщей своей
Содрогнулся и затрещал…
Налетела, завыла пурга,
Черная буря пыль понесла,
Зашумела, загрохотала гроза;
Беременные женщины на земле
До времени стали рожать,
Недозрелый выкидывать плод;
Кобылицы жеребые на лугах
Недоношенных выкинули жеребят…
Коровы стельные, жалко мыча,
Выкинули телят…
Великий урон настал,
Повсеместное несчастье пришло.
Где б ни горел священный огонь,
Где б ни жила семья,

Всюду громкий слышался плач,
Всюду в дверь стучалась беда…
Было н**е** у кого защиты просить,
Было н**е**откуда
Помощи ждать…
Обезумев, вопя, голося,
От кровожадности трепеща,
Грозные илбисы неслись.
Лютые д**у**хи войны;
Хохотали, визжали
Дочери их;
Чмокая ненасытным ртом,
Губы вытягивали свои,
Крови просили они…
Ужас настал,
Беда без границ.
Верхний мир
Колебался, гремел;
Средний мир,
Шатаясь толщей своей,
Трещинами разрываться пошел…
Нижний бедственный мир,
Рухнуть готовый, дрожал;
А если бы обрушился он,
Распалась бы вселенная вся
Вопли и стенанья неслись
Отовсюду, из трех миров:
— Разрушается мир!
Прекратите бой!
Уберите их,
Отправьте их
Далеко, за предел земли! —
Эти вопли,
Общие эти мольбы
Были услышаны наконец
Дьылга Тойоном самим,
Чынгыс Хааном самим.

И, рассудив, решили они —
Великие владыки судьбы —
И непреложную волю свою
Утвердили
И так изрекли…

СТИХ 59
ДЬЫЛГА ТОЙОН

Кэр-бу! Кэр-бу! Кэр-бу!!!
Твердыня белых
Гремящих небес,
Реющая во мгле голубой,
Колеблется и дрожит!
Горные, заоблачные хребты,
Просторы степных равнин
Устойчивой средней земли,
С восходяще-взлетающим солнцем своим,
Где деревья падают, умирая,
Где зеленеют луга, расцветая,
Этот незыблемый прежде мир
Содрогается всею толщей своей,
Прогибается хребтиной своей…
Бедственный Нижний мир,
Ввергнутый во тьму,
Еле держится на восьми
Шатающихся опорах своих,
Переливается через край,
Как опрокинутая лохань…
Теперь и жизнь и судьба
Трех племен
В трех великих мирах
Разбушевалась, как океан,
Расплескивается, как вода…
Достойные друг друга, видать,
Ратоборцы из двух
Враждебных миров
На единоборство сошлись,
Не одолевает
Ни тот, ни другой.

Несоизмерима, видать,
Сила этих богатырей
С твердыней трех
Сопредельных миров.
Примирить их надо!
Пускай
Добром разойдутся они!
А если мириться не захотят,
Силой их надо перенести
Через море огненное Кудулу,
Над бушующей бездной его,
На остров,
Скрепленный тремя
Перехватами
Из нерушимого сплава,
На остров, заваленный льдом,
То подымающийся из волн,
То опускающийся в глубину —
Остров г**о**ря,
Крови и слез…

Этот остров
Вращается среди волн
На неколебимой оси;
Он зовется
Огнеполосой горой
Шаманки
Уот Кюкюрюйдээн,
Владычицы черных чар
Злобствующей глубины…
Этот остров закл**я**т навек,
Это — мира край и конец.
Неведомо, где опора его,
Неведома связь и укрепа его,
Сам по себе вращается он…
Вот на этот остров скорей
Отправьте обоих богатырей! —

Так сказал престарелый Дьылга Тойон
Голосом зычным своим
Трем служителям —
Исполинам небес…

Не успел он слово сказать —
Три служителя
В тот же миг,
Серебром доспехов блестя,
Полетели быстрее падучих звезд
С высоты небес на восток.
Примчались на грань
Сопредельных миров,
Где серебряная сверкает гора,
Где золотая блистает гора,
Где рождается солнце-тойон,
Где рождается молодая луна.
Там увидали они
Дерущихся богатырей.

Прославленный адьарай,
Исполин Эсэх Харбыыр,
Как в чародействе своем
Ни ухищрялся он —
Был изранен тяжко, избит;
По разорванной коже богатыря
Черная кровь текла…
Но не угасала ярость его,
Не убывала сила его.
То в три тени вдруг
Превращался он,
В три стороны разлетаясь,
То опять, как туча, сгущаясь,
Как воющий вихрь крутясь,
На противника нападал.

И вот Нюргун Боотур,

Защитник средней земли,
Среднюю темную тень ухватил,
Чудовище-адьарая поймал,
Поперек поясницы сдавил,
Как железом полосовым,
И, перекинув через бедро,
Об землю ударил его,
Так что пыль и песок
Столбом поднялись,
Так что задрожала гора,
Так что треснуло бедро у врага,
Переломилась толстая кость.
Хрипло дышал адьарай,
Отнялась от удара того
Половина тела его;
Тяжело подымались его бока,
Он дышал, как огромный мех
Кузнеца Куэттээни.

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур —
Увидев, что победил,
Выхватил свой широкий нож,
Выкованный из девяти
Стальных и железных глыб,
И вонзил его в горло врагу,
Под черный его кадык,
В яремную ямку его.

Рожденный в древние времена
Исполин кровожадный
Подземных бездн
На три части, гремя,
Разлетелся вдруг
И опять явился,

Как прежде был,
Только выросла втрое сила его.
На Нюргуна бросился адьарай.
И снова сшиблись они,
Как две огромных скалы.

Тут огненный небесный аркан
Шеи богатырям захлестнул;
Опомниться не успели они,
Как затянулась на них
Неразрывная огненная петля…
Рухнули навзничь они,
Яростно сопротивляясь, мечась,
Как две щуки,
Попавшие в сеть;
Бились, вырваться не могли
Из огненной волшебной петли.
Три служителя
Грозной судьбы —
Три исполина-богатыря
Едва удержали в руках
Натянутый туго аркан,
Напрягая все силы свои;
Чуть не надорвались посланцы небес,
Чуть не треснули от натуги они,
Как три переполненных турсука.
Дерущихся скрутив, наконец,
Заговорили втроем,
Громовыми голосами они
Промолвили слово свое.

СТИХ 60
НЕБЕСНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ

Опомнитесь! Прекратите бой,
Пока не поздно еще!
По огненному приговору судьбы
Велено вам
Немедленно разойтись!
По веленью пославших нас,
По определенью судьбы,
Мы должны вас перенести
Через море, на гибельную скалу,
На остров, откуда исхода нет!
Как Чынгыс Хаан повелел,
Как Дьылга Тойон утвердил,
Как Одун Биис приказал —
Владыки трех миров —
Мы вам говорим теперь:
Или помиритесь добром,
Или мы вас насильно перенесем,
Отправим за край земли.
Отвечайте нам,
Как решили вы! —

Сын коварный абаасы,
Исполин подземных глубин,
Будто улыбнуться хотел,
Оскалил железные зубы свои;
Искривилась, сморщилась рожа его,
Словно яма, зияла
Бездонная пасть.
Голосом раскатистым, словно гром,
Начал жаловаться исполин
Трем небесным богатырям.
Плакал он, зычно ревел;

От громкого рева его
Потрясся подземный мир,
От громовых воплей его
Содрогнулся срединный мир,
В Верхнем мире **о**тгул загрохотал…

СТИХ 61
ЭСЭХ ХАРБЫЫР

Аарт-татай!
Аа, братцы мои!
Слыхали, видали вы?
Какая досада мне,
Какая обида мне!
Он сам налетел,
Напал на меня,
Отнял жену у меня,
Похитил подругу мою,
Посланную судьбой,
Вырвал зеницу он
Ока ясного моего,
Сокрушил десну моих крепких зубов!
Звонкогрудую пташку мою,
Златогрудого жаворонка моего
Хитростью выкрал он!
И этого еще мало ему —
Он д**о** смерти хочет убить меня,
Толстые кости мои сокрушить,
Грудную клетку мою растерзать,
Становую жилу мою разорвать…
Взгляните, как он изранил меня,
Как он окровавил меня!
Я — жизни своей не враг,
Он бьет меня —
Защищаюсь я…
Заступитесь хоть вы за меня,
Спасите душу мою!
Да спросите вы у него:
Вернет он мне жену
Или нет? —
Так вот, корчась,

Кривясь лицом,
Сутяжничал адьарай.

Тогда защитник средней земли,
Исполин Нюргун Боотур
Поднялс**я** и гневно в ответ
Произнес такие слова…

СТИХ 62
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Посмотрите-ка на него!
Послушайте-ка его!
Как изворачивается он,
Какую ложь изрыгает он!
Пойманный мною вор —
Он же обвиняет меня,
Разбойник, обидчик злой —
Обиженным прикинулся он,
Будто я ограбил его!
Неужели сами не видите вы
Его бессовестной лжи?
Так пусть я ничком упаду,
Если перед ним виноват,
Пусть он ничком упадет,
Если он предо мной виноват…
Я послан могучей судьбой,
Поселен на средней земле,
Чтобы защитить от врагов,
Чтобы от гибели оберечь
Солнцерожденные племена
Людей уранхай-саха.
Неколебима судьба моя,
Неистощима сила моя,
Неуязвимо тело мое,
Мощь не иссякнет моя,
Жребий высокий мой
Вовеки не упадет!
С ним я буду биться до той поры,
Пока победу не одержу
Или не буду сам побежден,
Пока не повергну насмерть врага

Или он не повергнет меня! —

Так говорил Нюргун Боотур.
Страшным огнем у него
Ясные полыхнули глаза;
Грозен был вид его,
Как у рогатины боевой.
Так небесным служителям он отвечал,
Так он перед ними стоял —
Видно было, не покорится он
Даже посланцам небес.

У трех небесных богатырей
Твердые смутились сердца,
Дыбом волосы у них поднялись,
Устрашились невольно они.
Уговаривать они принялись
Нюргуна-богатыря,
Упрашивать, умолять…

СТИХ 63
НЕБЕСНЫЕ СЛУЖИТЕЛИ

Дьээ-буо! Дьээ-буо! Дьээ-буо!
Дело твое, дело твое…
Но, дитя, какие слова
Ужасные ты говоришь!
Трудно нам слушать тебя…
С кем ты споришь? Подумай сам!

И зачем ты затеял
Такую вражду,
Такую непримиримую месть
С разбойниками подземных бездн?
Сам ты их на бой вызывал!
Пусть бы сидели они
В заплесневелых подземельях своих…
Ведь от начала времен
Прокляты навеки они!
Не лучше ль тебе с врагом
По-доброму расстаться теперь,
Прочь от него уйти?
Кто отправлялся за край земли
На остров тот ледяной,
Кружащийся среди пучины морской,
Тот не возвращался живым —
Гибель там свою находил.
Да сбудется все,
Как велит судьба,
Да будет так!..
Что поделаешь, дорогое дитя?
Пусть не опрокинется жребий твой,
Пусть удача тебя осенит,
Пусть великое счастье к тебе придет,
Пусть недосягаемым будет твое

Высокое торжество,
Пусть молва о тебе загремит,
Пусть не молкнет зычная слава твоя,
Мы желаем победы тебе!

Как решил великий
Одун Хаан,
Не ошибающийся никогда,
Не спотыкающийся никогда
В предопределеньи своем,
Пусть расширится твоя голова,
Пусть будет стремителен твой полет,
Чтоб никто не увидел следа твоего,
Чтоб не сглазил тебя никто!..
Летите быстрее падучей звезды,
Мчитесь оба теперь прямиком!
А там —
Будь что будет с вами потом! —

Так небесные богатыри
Заклинание произнесли —
И, как двойную стрелу с тетивы,
Богатырей послали в полет…

Свистя, как стрелы,
Хвостатой звездой
К закату летели они;
По кипучим, взвихренным облакам,
По тучам
Падучей звездой,
Скрученные петлей огневой,
Над пустынею снеговой,
Над пучиною ледяной
Моря Муус-Кюнкюйэ,
Над ревущей пургой
Они пронеслись;
Над пропастью,

Пр**о**клятой навсегда —
Древней Ап-Баадайдаан,
Над логовом старика
Даадар-Дуудэра — ловца,
Забрасывающего далеко
Свой смертоносный аркан,
На вертящийся остров
Примчались они,
Опустились на ледяной курган
Удаганки Уот Кюкюрюйдээн.
Легче пуха гагары,
Легче пера,
Два огромных богатыря
Опустились на остров гибельный тот —
На скользкое темя его,
Окованное сверкающим льдом…
Лед будто ворванью был облит.
На макушке скалы островной,
На трясущемся кургане крутом
Трудно было
Не шевелясь, устоять,
Да не трудно было с него соскользнуть
И обрушиться с крутизны
В бушующий под ногами прибой
Моря огненного Кудулу.

Сажен н**а** десять в высоту
Взлетали гребни кипящих волн.
Вредоносный, удушливый пар
Серным облаком
Над морем вставал,
Пламенем лицо обжигал.
Брызги огненные, шипя,
Взлетали над бездной…
Красный огонь
Клокотал в ее глубине.
Над бушующим простором ее

Никакая птица не пролетит…

Порожденный в погибельные времена,
Кровожадный разбойник
О трех тенях,
Мира подземного исполин,
Свирепый боец
Эсэх Харбыыр
Удушливый воздух вдохнул глубоко,
Выдохнул черный дым,
Выдохнул тучу горящих искр;
Перехваченным голосом,
Густо сипя,
Начал он говорить, ворожить…
В речи его
Ропот звучал,
Жалобы,
Угроза, мольба…

СТИХ 64
ЭСЭХ ХАРБЫЫР

Буй**а** — буй**а** — буйак**а**м!!!
Буйакат**а** — дайак**а**м!!!
А-а, буян,
Обуянный злобой слепой!
Вот ты какой, удалец
Айыы Хаана
Хваленых племен!

Это вы-то —
Светлый, могучий род?
Это вы-то — избранный род,
С поводьями на хребте?
Это вас-то держит
Сила небес?
Ой, лопну от смеха!
Ой, умру!
Да много ли знаешь ты?
Да много ли понимаешь ты?
Это ты и есть — богатырь
Племен уранхай-саха?
Это ты-то
Защита их?
Ах ты — недоносок,
Нойон-богдо!
Ах ты — молокосос!
Как сперва расхвастался ты!
Расплата здесь тебя ждет!
Негде здесь шевельнуться нам,
Некуда ногою ступить;
Нам обоим
Исхода нет…
Кто виновен,

Кто невиновен из нас —
Некому разбирать!
Негде тут двоим устоять…
Я или ты —
Один из нас
В пучину сейчас полетит!
Пожрет одного из нас,
Поглотит бездонная пасть —
Клокочущая глубина
Моря огненного Кудулу…

О, великое божество,
О, хозяйка-дух
Огнемутных пучин,
Порожденная в начале времен
В бездонной глубине,
Удаганка могучая,
Бабка моя
Уот Кюкюрюйдээн!
Взываю к тебе,
Заклинаю тебя!
Выплыви из глубины,
Вынырни из волны,
Из бездны смерти взлети,
В беде меня защити,
Жребий мой падающий подхвати!
Ты спали своим огненным языком
Исполина средней земли
Нюргуна-богатыря!
Не могу я сам
Управиться с ним…
Опрокинуть его помоги
В море огненное —
В бездонную пасть!

И ты, великая ворожея
Трех преисподних моих,

Заклинательница подземных бездн,
С тройным дыханьем змея,
С шестизмеиной душой!
Ты — убивающая врага
Тысячей неуловимых чар —
Ытык Хахайдаан, сестрица моя,
Хлопающая в ладони во тьме
Бедственных, подземных глубин!
Поторопись,
Поскорей прилети!
Последний мой час настает…
Боюсь — угаснет,
Прервется вот-вот
Густое дыханье мое,
Черное дыханье мое!
Стань теперь защитою мне,
Встань за моей спиной,
Как непролазный железный лес!
Ты клялась
Быть опорой моей,
Если я — счастливый —
В беду попаду,
Неспотыкающийся —
Споткнусь! —

Не успел он заклятье произнести,
Не успел дыханье перевести,
Как на северной стороне
Распахнулся темный провал,
Словно зияющее жерло
Чудовищной дымоходной трубы…
Оттуда вылетела, свистя,
Трехголовая,
С раздвоенным хвостом,
Которым играл безумный илбис,
Взвилась на крыльях железных своих,
Перьями кованными звеня —

Острыми, как лезвия?
Копий отточенных боевых,
С хищно изогнутыми когтями
На медных лапах кривых,
Взмыла птица огромная
Эксэкю…
Медленно опустилась она
На вершину ближней горы,
Где шесть железных деревьев росло;
На корявые их суки?
На ржавые их верхи
Села птица,
Простерлась,
Как черный костер,
Устремила огненные глаза —
Молнией бьющий взгляд
В спину могучего богатыря,
Сына небесных айыы,
Чтобы смертоносным лучом
Дюжее тело его пронзить,
Душу его поразить.

Темный разбойник о трех тенях,
Эсэх Харбыыр,
Потешаясь, захохотал,
На радостях завопил:
— А ну-ка, ты —
Детина, взгляни!
Вот она сама —
Ытык Хахайдаан,
Прилетела сюда
Защитить меня,
Тут конец тебе!
Ну, а где защита твоя,
Где знаменитое племя твое,
Кто покровитель твой?
Видно, защита твоя —

Одни только слезы твои,
Не так ли? Эх ты, удалец! —

Так издевался над богатырем,
Так смеялся над ним адьарай —
Гоготал,
От смеха икал,
Хохотом глотку чесал.

Сыну солнечного улуса айыы
Не до смеха было теперь…
Горько было видеть ему
Торжество врага своего.
Всем простором земным
Он прежде владел,
А теперь стало тесно ему,
Он глуб**о**ко — всей грудью вздохнул,
Взгляд горящий
Ввысь устремил;
Слезы брызнули у него из глаз,
Стиснул зубы он,
Страшное заклятие произнес,
Горячую посылая мольбу
К старшей своей сестре,
Прославленной удаганке небес,
Прекрасной Айыы Умсуур,
У которой мощь,
У которой власть —
Заклинания петь
Восьми небесам,
Ворожить девяти небесам…

СТИХ 65
НЮРГУН БООТУР

Слушай, смотри!
Слушай, смотри!
Солнечный мой улус,
Светлый мой род айыы!
Наступил погибельный срок,
Сила темная угрожает мне
Лицо мое загрязнить,
Позором славу покрыть…
Нет простора мне,
Нет опоры мне…
Мощь иссякает моя,
Дрогнул мой бестрепетный дух…
Грозный срок наступил!

Кровавый вор-адьарай
Коварством верх надо мною берет,
Обманом губит меня…
Оборвется здесь, упадет
В бездну огненной глубины
Железное солнце мое!
Заклинательница восьми небес,
Врачевательница девяти небес,
Дорогая сестра моя,
Удаганка Айыы Умсуур!
Одним отцом мы с тобой,
Матерью одной рождены,
Заклинаю — вспомни меня!
Если ты далеко,
Будь близко теперь!
Поспешай, лети,
Защити
Светлую душу мою,

Стань опорой моей в беде!

И ты, великая мощью своей,
Колдунья, хозяйка-дух
Моря огненного Кудулу,
Бессмертная владычица бездн
Уот Кюкюрюйдээн!
Ты не гляди на меня
Убийственным взглядом своим,
Пасти своей жерло
Не распахивай предо мной!
Я преследовал по горячим следам
Злого обидчика своего,
Рожденного в бранный век
Оборотня о трех тенях,
Эсэх Харбыыра-богатыря,
Вышедшего на разбой
Из преисподней зловонной своей,
Укравшего нашу сестру —
Красавицу Айталыын Куо
С восьмисаженной косой!
Я первый обиду ему не нанес,
Нет вины на мне!
Я его не ограбил, не обокрал,
Нет греха на мне!

Пусть в бездонной
Пасти твоей пропадет,
Пусть в огненной пучине сгорит
Тот, кто несет
Вину на себе,
Тот, кого черный грех тяготит! —

Не успел Нюргун Боотур
Заклинанье произнести,
Не успел дыханье перевести,
Блеснула молния,

Грянул гром;
Такой раскатился треск,
Будто раскалывалась гора…
Дрогнула на опорах своих
Заколдованная страна,
Всплеснула волны свои высоко
Моря огненного глубина…
В разрыве туч,
С высоты небес
Брызнул ослепительный свет;
Словно падающая звезда,
Рассыпая искристый след,
Рассекая воздух острым крылом,
Опустился небесный орел —
Бар Дьагыл,
С серебряным
Восьмиветвистым хвостом,
Подобным восьми полосам
Раскинутого широко
Монгольского большого шатра;
Летел небесный орел
На огромных, серебряных крыльях своих,
Подобных берестяным полосам
Со стены большой урасы;
Белые звенящие перья орла
Блестели, как боевые мечи.

С головой, как кумысный чан,
Молнии глазами меча,
Выпустив блестящие когти свои,
Как десять кос-горбуш,
Опустился с шумом орел
На темя крутой скалы,
На девять лиственниц вековых,
Сел на верхушки их,
Когтями их под себя подмяв;
Сел, похожий на белый костер,

И устремил свои
Немигающие глаза
На оборотня подземных глубин,
Исполина о трех тенях —
Эсэх Харбыыра-богатыря.
Адьарая сын
Искривился черным лицом,
Распялил широкую пасть,
Оскалил кривые клыки,
Из-под ладони взглянул
На серебряного орла
И, хохоча, промычал:
— Ча-а-чаа!
Что за чудо явилось тут?
Что за птичка порхает тут?
Какая женщина-госпожа
Примчалась ко мне сама! —

А кругом клокотал, бушевал
Огнереющего моря простор,
Подымались мутные волны ввысь,
Открывалась черная глубина,
Готовая поглотить
Того, кто в нее упадет…

Не серебряный небесный орел,
А звенящая серебром
Колдовских подвесок своих,
Сверкающая драгоценным шитьем,
В одежде с шелковой бахромой,
С мерцающим на груди
Золотым эмэгэтом своим,
Солнцем железным блестя,
Бубенчиками звеня,
Заклинательница восьми небес,
Врачевательница девяти небес,
Удаганка Айыы Умсуур,

Голосом звенящим своим
Запела заветную песнь,
Заклятие говорить начала…

СТИХ 66
АЙЫЫ УМСУУР

Слушай, смотри!
Слушай, смотри!
Душу твою укреплю,
Силу удесятерю!
Это я заклинаю,
Это я обладаю
Непобедимыми чарами слов…
Удаганским тайнам обучена я
Могучей старшей моей сестрой —
Айыысыт Хаан…
Одежду, сверкающую огнем,
Тревожно взывающий бубен мой
С таежное озеро величиной,
С брякунцами на крестовине своей,
С бубенцами серебряными кругом,
Бубен мой, украшенный конским хвостом
И орлиною головой,
Мне вручили братья мои,
Солнцерожденные богатыри…
Красное, как огонь,
Священное одеянье мое,
Драгоценное облаченье мое,
Сверкающее,
Мелькающее,
В кружении вихревом,
С плавно качающимся кюнгэсэ,
Где солнце горит,
Где луна блестит,
На меня надели
Сестры мои,
Белые удаганки небес…
Весело скачет мой пегий конь;

Белым облаком в высоте
Белокаменная блестит
Двурогая шапка моя;
Непрерывно, гулко гремит
Бубен четырехугольный мой,
В гулкую кожу сама собой
Бьет колотушка моя…
Заклинательница небес,
Заклинаю я!

Дар, который мне
Дал для тебя
Грозный, бессмертный
Уот Дьэсегей,
Сгусток силы,
Солнечный желтый сок,
Заключенный
В утиное яйцо,
Кину я тебе!
Ты его налету
Поймай,
Проглоти,
Не пропусти мимо рта!
И тогда мы с тобой
Устоим, победим,
Дорогое мое дитя! —
Пропев заклинанье, она
Бросила богатырю,
Будто утки-гоголя яйцо,
Желтый небесный сок,
Сгусток силы,
Солнечную благодать,
Прямо в рот Нюргуну
Попасть норовя…

Богатырь айыы
Ртом поймал налету

Божественный дар сестры,
Проглотил —
И в теле своем ощутил
Десятикратную мощь.
Новой силой наполнились
Мышцы его,
Усталости как не бывало в них;
Окрепшие сухожилья его
Напряглись, как струны, звеня,
Выступили на шее крутой
Желваки затылочных мышц;
Будто синего огня языки
Слетали с его лица…
Огневым лучом
Засверкали глаза,
Окреп утомленный дух,
Прежняя твердость вернулась к нему;
Воспламенилась в его груди
Воинственная душа;
Увеличился ростом он,
Расширился грозно в плечах…
Устрашилась шаманка подземной тьмы,
Закружилась она,
Завыла она,
Затянула дикую песню свою,
Заклинать,
Колдовать начала…

СТИХ 67
ЫТЫК ХАХАЙДААН

Алаатанг-улаатанг!
Аа, какая напасть,
Аа, какая беда стряслась…
Исилл**и**к, тасылл**ы**к!
Испепели, спали!
Ястребом налети,
Истреби!

Эчийэ-эминэ,
Туомуй-туомуй!
Эх ты, черная прорва моя,
Эх, горе мое!
Это я тебе принесла,
Для тебя припасла,
С трудом добыла
С преисподнего дна
Черной крови
Ком колдовской
Величиной с копну!..
Алаатанг-улаатанг!
А ну-ка, дитя дорогое мое,
Крови ком
Я брошу тебе,
Шире пасть разевай,
Хватай и глотай…
А не удастся поймать,
Страшного не миновать,
Пеняй тогда на себя,
Не упрекай меня!

Тут взмахнула рукой,
Метнула она

Сгусток крови,
Черный зловонный ком.
Адьарай разинул широкую пасть,
Брошенное поймал,
Проглотил,
Силу новую ощутил;
Бельмастые гляделки его
Блеснули серным огнем,
Ростом увеличился он,
Раздался в дюжих плечах,
Выдохнул клубящийся дым
И окрепшим голосом заговорил:

— А ну, парнишка-нойон,
Кто первый из нас начнет? —
Так спросил он,
Распялив широкую пасть,
Оскалив железные зубы свои…

Нюргун Боотур
Ответил ему:
— Ты первый привык нападать,
Грабить и воровать,
И теперь ты первый начни! —

Тут, рожденный в воинственный век,
Эсэх Харбыыр-исполин,
Трижды рявкнув,
Как разъяренный медведь,
Поддел Нюргуна,
Словно крюком,
Меж ног
Железной лапой своей,
Приподнял богатыря
И бросил его головою вниз…

Полетел исполин айыы

В море, в гремящий прибой,
В кипящую глубину;
Вверх ногами летел он,
Вниз головой…
Но мгновенно
Айыы Умсуур —
Великая чародейка небес
Огромный подставила бубен свой;
В бубен упал Нюргун Боотур,
Остался он невредим,
Напрасно расторглась под ним
Кипящая круговерть
Огненной глубины.
Сомкнулась водная пасть,
Вздулась голодной волной,
Отхлынула тяжело…

Грозный воитель
Нюргун Боотур
Грузной поступью поднялся
На сверкающий ледяной курган,
Адьарая-богатыря
Поперек поясницы схватил,
Поднял в воздух
И бросил вниз головой
Прямо в разъятую пасть —
В бушующий водоворот глубины…

Ахнула ЫІтык Хахайдаан,
Ударила ладонь о ладонь,
Подставила бубен свой
С подземное озеро величиной,
Чтобы подхватить налету
Падающего богатыря.
А не тут-то было!
Айыы Умсуур
Дохнула жарким дыханьем своим,
Продула дыханием огневым,
Прожгла она в бубне дыру.

Порожденный в воинственный век,
Богатырь подземной страны
Сквозь прожженный бубен сестры своей
Пролетел

И рухнул в водоворот,
В кипящую глубину,
Сомкнувшуюся над его головой…
Великий воин средней земли,
Увидев гибель врага,
Воскликнул:
— Уруй! Уруй!
Слава и торжество! —

Тут обернулся Нюргун
Белым кречетом — и взлетел
С ледяной вершины
Кургана того;
Над гибельным островом поднялся,
Прочь от пасти
Бушующей глубины…
Вместе с сестрой своей,
Пронзительно крылами шумя,
Подымался все выше он
Над бедственным ледяным путем
К пределам средней земли.

Колдунья подземных бездн,
Дух преисподней —
Ытык Хахайдаан,
Ударяя в ладони свои,
Отчаянно вопя и визжа,
Ринулась в огненную глубину,
Рыбой смерти оборотясь…
Долго ныряла она,
Хоть крупицу кости,
Хоть кожи лоскут
Потонувшего богатыря
Пытаясь в море найти.
Да ничего не нашла…
Из пучины вынырнула она

И великий плач начала…

СТИХ 68
ЫТЫК ХАХАЙДААН

О ужас, о страх, о беда!
О горе мое, о потеря моя!
Рожденный в воинственный век,
Кровожадный разбойник о трех тенях
Эсэх Харбыыр удалой
Доворовался, погиб,
Довоевался, пропал!
Видно, час расплаты настал,
Видно, повстречался ему
Ратоборец, достойный его…
В огненном море он утонул,
Сгорел, навеки пропал…

Пусть погибельный Нижний мир,
Пусть три глубоких бездны его
Плесенью толстою зарастут,
Затянулся ледяною корой,
Застынут на девять веков!
Ты, хозяйка моря огня,
Темная сила
Бездонных глубин,
Уот Кюкюрюйдээн,
Исчезни и пропади,
В бездне своей захлебнись!

Если я сама отныне хоть раз
В сторону рода айыы погляжу,
Если косо на них взгляну —
Пусть я шею себе свихну!
Каюсь я,
Казнюсь, да поздно теперь…
Широких людских путей

Больше не пересеку,
Поперек дороги не встану у них!

Тут взвилась,
Улетела она,
Скрылась, мелькнув, как тень,
В северной стороне.

А Нюргун Боотур
И Айыы Умсуур
Миновали восьмиизвилистый путь,
Из бездны бедственной поднялись,
Достигли средней земли;
Тут остановились они…

Заклинательница восьми небес,
Врачевательница девяти небес,
Айыы Умсуур Удаган,
Огневыми глазами блестя,
Выкормышу своему,
Младшему брату — богатырю
Молвила такие слова…

СТИХ 69
АЙЫЫ УМСУУР

Гляди и внемли!
Как зеница ока ты для меня,
Как десна моих белых зубов,
Трудно мне расстаться с тобой!
Взлелеянное мною дитя,
Великим ты вырос богатырем,
Горжусь, любуюсь тобой!
На зов твой примчалась я,
Бросила место свое
В ту пору, когда —
По воле владык
Трехъярусных белых небес —
Поставлена была охранять
Восьмигранный, прозрачный
Кристальный столб —
Твердыню опорную
Трех миров.
Я поставлена там была
Заклинаньями охранять
Незыблемость опоры миров,
Чтоб не шаталась она,
Чтоб не колебалась она
От качанья подземных глубин,
От грохота непрерывной борьбы…
Это священное место свое
Самовольно бросила я
Для того, чтоб тебя спасти.
Боюсь, на меня за вину мою
Будет гневаться древний Одун Хаан,
Будет под стражей меня держать…
Но если опять,
Дорогое дитя,

В беду попадешь,
Ты меня призови.
Как бы я ни была далеко,
Я услышу и прилечу!
Чем бы я ни была занята,
Все оставлю — примчусь, появлюсь
Быстрее падучей звезды!
Укрою тебя
От любой беды!
Я — такая:
Где появляюсь я —
Неспроста мой приход,
Не зря!
Широк мой шаг,
Глубок мой след,
Высок мой лёт,
Расстояний нет для меня.
Расстанемся, мне пора…
Ступай вперед,
Не бойся преград,
Не знай никаких помех!
Долгий век живи,
Беды не страшись…
Три долгих века живи!
Будь невредим!
Надолго прощай! —

Трижды Айыы Умсуур
Поцеловала его,
Брата младшего своего,
А потом — Нюргун разглядеть не успел,
Как превратилась она
В стерха, белого журавля,
С красными ножками,
С клювом граненым,
С темными дужками на глазах…
Звонким голосом прокричав,

Шумно птица-стерх поднялась,
В высоту стрелой понеслась
И растаяла облачком снеговым
В блистающей синеве.

Племен айыы-аймага
Прославленный богатырь,
Неколебимой земли
Неутомимый боец,
К**о** рту приставив ладони свои,
Начал кликать коня,
На четыре ст**о**роны зов послал
Голосом зычным своим…

СТИХ 70
НЮРГУН БООТУР

Эгей! Эгегей!
Как повелел тебе
Великий Уот Дьэсегей —
Посланный мне служить,
Посланный мне помощником быть,
На крыльях меня носить,
В блистающей высоте
Высоких белых небес,
Стоя рожденный мой
Конь Вороной!
Ко мне! Ко мне!
Победа за мной,
Повержен злодей!
Высоко взлетел
Удачливый жребий мой!
Уруй-айхал!..

Как бы ни был ты далеко —
Прискачи,
Примчись, прилети!
Срок наступил
Дорогу пробить,
Девятиизвилистый путь
Пустынею протоптать!

Не успел он эти слова сказать,
Не умолкли еще вдали
Отголоски зычные
Зова его,
А с восточной, солнечной стороны,
Где блестела утренняя заря,
Сквозь перистые облака,

Подобные пестрине
На груди тетерки лесной,
Показался летящий пернатой стрелой
Крылатый конь вороной…
Сверкающей падучей звездой,
Рассекая с громом
Воздух густой,
Стремительно конь прилетел,
Серебром четырех копыт
Ударился о скалу
Так, что брызнули молнии
Из-под копыт,
Так, что с грохотом
Раскололся гранит…
Резво конь к хозяину подбежал,
Весело, ретиво заржал,
И замер, стал перед ним
Носом к носу,
Лицом к лицу…

Ласково огладил Нюргун
Шею трепетную коня,
Гриву пышную потрепал,
Другу радуясь своему,
В морду поцеловал…
Отгулялся на воле конь,
На три пальца жиром
Покрылся он,
Округлились могучие мышцы его,
Засверкала гладкая шерсть;
Раздувались радостно ноздри коня,
Нетерпеливо переступали
Резвые ноги его.

Тут Нюргун достал из уха коня
Комочек волосяной,
Обернувшийся вмиг перед ним

Красавицей Айталыын Куо,
Милой его сестрой.

Радовался Нюргун Боотур,
Любовался сестрой своей;
Еще краше стала она…
На юных ее щеках
Вечерняя играла заря,
На белом открытом лбу
Блестела утренняя заря;
Черные брови ее —
Камчатские соболя —
В линию вытянуты одну;
На пушистых ее щеках
Румянец вспыхивал огневой,
Напоминающий двух
Огненно-красных лис.
Из-под ее тенистых ресниц
Яркие сверкали глаза,
Робкий, сердечный,
Сладостный взгляд;
Очертанья стройного тела ее
Сквозь дорогую одежду видны,
Сквозь нежное тело
Кости ее
Брезжущий излучают свет,
Видно, как переливается мозг
Сквозь тонкие кости ее —
Так светла, прозрачна она.
Невиданная на земле,
Совершенна ее красота…
О, как поступь ее легка!
О, как радость ее полна!
Счастливая — к брату она подошла,
Низко поклонилась ему,
А брат-богатырь
Несказанно рад,

Что она жива и цела, —
Обхватил руками лицо сестры,
Крепко поцеловал.

И сказал Нюргун Боотур,
Защитник средней земли:
— Я забить, завалить хочу
Проклятый этот провал,
Дорогу в подземный мир,
Чтоб не вырывались оттуда к нам,
Не исторгались уже никогда
Погибель, смерть и беда!
Этот ужасов полный провал,
Этот путь Муус-Кюнкюйэ.
Бездонную эту дыру
Я на девять веков заткну,
Наглухо завалю! —

Молвив это,
Нюргун Боотур
Отколол от ближней горы,
Отвалил огромный утес
И бросил его
В бездонный провал,
В зияющее жерло,
Где спуск был в подземный мир;
Он с такою силой бросил утес,
Что грохот из пропасти долго летел,
Как дальнего грома отгул…

Только грохот в бездне утих,
Только раскатистый отзвук умолк,
Дух дороги бедственной той,
Прятавшийся в кустах,
Черный, чалый
Ворон взлетел;
С пронзительным карканьем он,

Трижды круг в высоте очертив,
Человеческой речью проговорил —
Прокричал такие слова.

СТИХ 71
ЧЕРНЫЙ ЧАЛЫЙ ВОРОН

Алаатанг-улаатанг, богатырь!
Опрокинул ты гору в провал,
Адьараев древний путь заградил,
Ты дорогу в подземный мир завалил,
Ты великий грех совершил…
Этим путем испокон веков
Три племени трех великих миров
Опускаться могли, подыматься могли.

Пусть верхний широкий путь
Не пропустит душу твою,
Не примет трех твоих темных теней!
Пусть нижний страшный путь
Никогда не пропустит тебя!
Жертвой несчастья стань
На девяти поворотах дорог!
Попадай в беду, пропадай
На восьми перекрестках дорог! —

Такое проклятие прокричав,
Все пути зловеще закляв,
Черный, чалый ворон,
Как тень, улетел,
Скрылся на северной стороне
Хмуро нависших небес.

Услышав заклятье его,
Ничего не сказал Нюргун Боотур,
Только вдруг усталость почувствовал он,
Внезапно спать захотел;
Дрему не в силах преодолеть,
Прямо на землю он прилег

И сразу крепко заснул.
Так беспамятно он заснул,
Так он громко во сне храпел,
Что отгул раскатывался вдалеке,
Откликался эхом стократ
По чащобам темных лесов,
По ущельям горных хребтов…
Как мехи кузнеца Куэттээни,
Подымались его бока,
Раздувались ноздри его.
От могучего дыханья его
Шумела степная трава,
Шелестела густая листва,
Раскачивались дерева.
Так в пустыне бедственной той
Тридцать суток проспал Нюргун…

Налетели белые облака,
Навалились черные облака,
Повалил, закружился снег,
Закипел свирепый буран,
Стало холодно на земле…

Ночь прошла,
Пурга улеглась,
Солнце выглянуло,
Блеснув на снегу,
Засвистела пташка в кустах…
Семь оленей пегих в упряжке одной
Вылетели из чащи лесной,
Испугались, шарахнулись вбок
И остановились, дрожа…
Тут на длинных нартах своих
Показался старый тунгус — Сортол,
Выронил он из рук
Погоняльную палку свою.
Пытался палку достать,

Да не мог дотянуться рукой…
Плачущим голосом стал
Жалобно он причитать…

СТИХ 72
ТУНГУС СОРТОЛ

Аарт-татай! А, приятель-сосед!
Ох, старость моя…
Ох, усталость моя!
Что хуже и тяжелей
Долгих дорожных мук,
Боли обмороженных рук?

Я — самый убогий,
Бедный тунгус —
Измучен, простыл до костей,
Изголодавшийся и больной
Еду — еле живой…

Стремительный Нюргун Боотур,
Если бы он не спал,
Пожалел бы меня, старика,
Уж он-то помог бы мне.

Сестрица моя, Айталыын Куо!
Пожалуйста, палку мою подыми!
Нечем без палки мне погонять
Упрямых зверей моих,
Упряжных оленей моих! —
Так Сортол сказал
И кланяться стал,
Лбом о свое колено бия,
Косицей седой тряся…

Красавица Айталыын Куо
Сжалилась над стариком,
Нагнулась, хотела поднять
Погоняльный олений шест,

В этом миг ударило что-то ее,
Потемнело у ней в глазах.
Как опомнилась Айталыын Куо,
Видит она, что лежит
На нартах,
В ногах у тунгуса того;

С гиком гнал упряжку тунгус,
Белым облаком окружен;
Семь быстроногих оленей его,
Словно призраки, не касаясь земли,
Летели, дыша огнем…

СТИХ 73
ГОЛОС ТУНГУСА

Ай, красавица с восьмисаженной косой,
Айталыын Куо, подруга моя!
Как простодушно поверила ты,
Что от голода мог ослабеть,
Что мог до костей простыть
Ардьаман-Дьардьамана сын,
Отважный тунгус-богатырь,
Бохсоголлой Боотур удалой!

Какое сокровище я украл,
Какую редкую дичь поймал!
Хорошо, что будет в жилище моем
Достойная хозяйка-хотун,
Подруга — милая для меня! —
Так говоря, тунгус миновал
Девять перевалов крутых,
Восемь диких горных кряжей…

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СТИХ 74

Коль раскрою свой
Задремавший рот,
Коль развяжу
Продневавший рот, —
Подземный мир
Бездонную пасть
Раскрывать понемногу начнет.

С восьмикрайней, восьмиободной землей,
С холмистым аласом своим,
С долиной простясь родной,
Летающий над землей
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан миновал
Перекресток восьми дорог,
Развилину девяти дорог;
По горам протоптав
Сверкающий путь,
На закат направился он,
В полет скакуна пустил,
Все быстрее, быстрее гоня,
Только п**о** следу закурилась пыль,
Только заклубился туман…

Скакал богатырь,
На привал не вставал.
Он приход зимы
По снегам узнавал,
Наступленье весны
По дождям примечал.
Пределы елани своей
Он оставил давно за спиной,
Дебри лесные проехал он,

Тундру хмурую пересек;
Топи непролазные,
Зыбуны,
Что нечистью всякой полны,
Те — по воздуху перелетел,
Те — разбрызгал,
Конем расплескал…
Края земли
Достиг, наконец.

По дороге — ступенчатой,
Как горловина,
В подземную глубину
Медленно Юрюнг Уолан
Осторожно спускаться стал,
Боком ступать
Заставляя коня.
То рысью,
То шагом
Он проезжал
Неведомые места.
В густеющих сумерках перед ним
По краям дороги крутой
Белели кости богатырей,
Пропавших в древние времена
Людей уранхай-саха;
В вихре, налетающем из глубины,
Кружились высохшие черепа,
Призраки метались во тьме.

Неутомимо Юрюнг Уолан
По крутой дороге спешил,
По великому гибельному пути.

Чьи-то руки тянулись к нему,
Подставляя, как черпаки,
Ладони в черной крови.

Чьи-то клювы кривые
Тянулись к нему,
Щелкая и свистя…

Низко над его головой
Шарахалась в темноте,
Хохоча и визжа,
Илбис Кыыса;
То ли пел над ним,
То ли выл
Вестник смерти
Осол Уола…

И вот, глубоко под землей,
На распутье восьми дорог,
На узле девяти дорог
Увидел Юрюнг Уолан
Невиданное никем до того:
Грозное в величьи своем,
Слышное за девять дней
Шумом прибойных волн,
Ощутимое за шесть дней
Студеным дыханьем своим,
Различимое за три дня
Всплеском вздымающихся валов,
Мутно-реющее
В безбрежьи своем,
Бескрайнее ледовитое море
Муус-Кудулу-Байгал
Раскинулось перед ним…

Опустясь по крутому пути,
Очутился Юрюнг Уолан
На узком выступе береговом,
На обрывистой гранитной гряде
Чародейной северной стороны

Бушующей пучины морской;
Некуда было вперед пойти,
Нельзя воротиться назад.

Тут виднеющийся высоко
Над изгородью столбовой
Мотыльково-белый его скакун,
Широко расставив четыре ноги,
Как четыре белых столба,
В срок, пока закипят на огне
По очереди два больших котла,
Выпустил шумно мочу,
Как бушующий водопад,
Как три разлившиеся реки,
И на языке уранхай-саха
Человеческим голосом заговорил.

СТИХ 75
МОТЫЛЬКОВО-БЕЛЫЙ СКАКУН

Анньаса! Анньаса!
Эй, назначенный мне судьбой,
Хозяин мой удалой,
Чего испугался ты?

В огнях, в громах,
В облаках Дьэсегей
Пролетающий над землей,
С небесных пастбищ меня пригнав,
Такой мне давал наказ:
Если твой
Наездник-тойон
В чужих краях в беду попадет
И страх на него нападет,
Ты ему тогда послужи,
Сокровенное слово скажи…

Теперь этот срок наступил.
Мы в такое место попали с тобой,
Где ни брода нет,
Ни дороги нет…

Льдины тяжелые громоздя,
Прибоем плеща,
Шугой грохоча,
Огнереющее перед нами кипит
Море Муус-Кудулу;
Мы — на северной, вихревой
Чародейной его стороне.
Это плещется,
Словно утка-турпан,
Шумно хлопает,

Словно утка-нырок,
Широкий морской
Залив Лэбийэ…

Если это место нам миновать,
Над пучиной перелететь,
З**а** морем —
На другом берегу
Замелькают по сторонам
Русла речек
В уремах густых,
В зарослях ивняка.
Мы проедем восемь камней,
Что воют,
Словно восемь волков,
Минуем девять пестрых гор,
Что ревут, словно девять свирепых львов,
Вздыбивших гривы свои;
Вступим в сумрачную страну,
Где луга с увядшей травой,
Где завалами в чащах лесных
Бурями поваленный сухостой,
Где песчаные косы лежат,
Как осадки выпитого кумыса,
Где свирепые ветры ревут,
Где летящие вихри свистят,
С треском ломая стволы
Лиственниц вековых;
Где землю жестокий бьет градобой,
Где любая градина камнем летит
С голову подтелка величиной…

Мы проедем болотистую страну,
Где огромные лягушки живут
С кобылицу отгульную величиной,
Где копаются муравьи
С теленка двухтравного величиной,

Где рогатые выбегают жуки
С быка-трехлетка величиной…
Солнце сумрачно,
Месяц щербат
На далеком другом берегу
Моря льдистого
Муус-Кудулу…

Там выбрасывает прибой
Убитых богатырей,
Там на отмель выносит волна
Растерзанных женщин тела,
Там качает зыбь, как шугу,
Мертвых девушек молодых,
Там на глыбах валяются ледяных
Трупы юношей удалых…

А потом опять на нашем пути
Речки бурные побегут
С берегами, обросшими ивняком…
Долина откроется нам,
На долине той —
Золотое жилье;
Оттуда три девушки выйдут к тебе,
Три оборотня абаасы,
Похожие на дочерей айыы;
Выйдут они навстречу тебе,
Приветливо с трех сторон подойдут,
Примутся тебя угощать,
Кумыс тебе поднесут.
Ты из рук у них ничего не бери,
Ничего не пей и не ешь,
В их усадьбу не заходи,
Дверь их дома не открывай,
Седла крутого не покидай,
Мимо них во весь опор проезжай!
Если этот мой

Нарушишь запрет —
Провалишься в яму
Смертельных мук,
В провал безысходных бед.
Крепко запомни слово мое,
В кровь и плоть свою
Это слово впитай!

Чтобы мог я море перескочить,
Как стрела пернатая, перелететь,
Чтобы мог ты на мне усидеть,
Делай то, что тебе скажу:
Спешивайся скорей,
Из уха правого моего —
Из уха серебряного моего
Вытащишь ты
Орленка-птенца;
Крепко за шею его ухватив,
Ты его чембуром хлещи,
Три дня и три ночи бей…
Разбухать он начнет, расти,
Вырастет с гору величиной,
Широко раскроет свой клюв,
Как пещеру, зев распахнет…

Смело прыгай в открытый клюв,
В широко распахнутый зев!
Там дорогу увидишь перед собой —
Солнечную беспредельную степь,
Подобную долине родной,
Где зеленые травы цветут,
Где быстрые реки бегут,
Где на отмелях — желтая благодать…

Там — через день пути,
В мареве голубом
Предстанут перед тобой

Две коновязи,
Два медных столба
Матери Иэйэхсит;
На верхушке столба одного,
Где небесный орел сидит,
Ты найдешь,
Ты рукой возьмешь,
Будто утки-гоголя яйцо,
Сгусток силы — желтую благодать;
Ты ее возьми, проглоти!
Если ты проглотишь ее,
Восьмикратно сила твоя возрастет,
Восемь лет не будешь голода знать,
Восемь лет не будешь усталости знать.

На верхушке другого столба,
Что на восточной стоит стороне,
Сочная зеленеет трава —
Восьмиветвистый чудесный злак.
Ты эту траву сорви
И в обратный путь поспешай,
Этой травой меня накорми.
Удесятерится тогда
Сила мышц коня твоего,
Тогда-то я прыгнуть смогу,
Прыжком единым перескочу,
Стрелою перелечу
Морской залив Лэбийэ,
Что плещется, словно утка-турпан,
Шумно хлопает,
Словно утка-нырок! —
Вот так, человеческим языком
Говорил Мотыльково-белый конь
С хозяином-богатырем.

СТИХ 76
МОТЫЛЬКОВО-БЕЛЫЙ СКАКУН

Обрадовался Юрюнг Уолан
Добрым словам своего коня;
Прянул н**а** земь
С крутого седла;
Из серебряного уха коня,
Из уха с отметинкой вихревой
Вытащил орленка-птенца;
Крепко за толстую шею схватив
Бьющегося черного орленка того,
Начал его чембуром хлестать…

Тут пошел орленок
Расти, разбухать,
Сделался, как большая гора,
Широко раскрыл свой каменный клюв,
Как пещеру, зев распахнул.
Храбрый юноша
Юрюнг Уолан
Прянул стрелой в разинутый клюв,
Прямо в горловину влетел…

Огляделся — и видит он:
В солнечном просторе степном,
В мареве голубом,
Над сверкающей синей рекой,
Над ярко-зеленою осок**о**й
Стоят, как два брата родных,
Две к**о**новязи — два медных столба
Богини Иэйэхсит.

На верхушке столба одного
Пестрый орел сидел;

Между могучих орлиных лап
Лежал, как солнце светясь,
Сгусток силы —
Желтый небесный дар,
Словно утки-гоголя яйцо;
Взял его богатырь, проглотил.

На верхушке коновязи второй,
На восточном ее столбе,
Высокая вырастала трава,
Восьмиветвистый злак зеленел.
Взял траву богатырь,
Забрал ее в горсть,
Вырвал с корнями, с землей,
Стремглав побежал обратным путем,
Вернулся к коню своему,
Траву эту ему скормил.

Выросшего с гору величиной
Горного орленка-птенца
За крылышки ухватив,
Начал он чембуром хлестать.
Уменьшаться орленок стал,
Сделался, наконец,
В рукавичку малую величиной;
Снова спрятал его богатырь
В серебряное ухо коня.
Вскидывал гривой скакун,
Нетерпеливо переступал;
Прянул Юрюнг Уолан
На крутое седло с высокой лук**о**й;
Прыгнул его скакун
И полетел над пучиной морской,
Над заливом пасмурным Лэбийэ,
Что плещется, словно турпан,
Шумно хлопает,
Словно утка-нырок…

По воздуху всадник летел,
Только ветер в ушах
Гудел и свистел…
А куда он летит — не видал,
Туман глаза застилал.

Как опомнился Юрюнг Уолан,
Видит — он на другом берегу
Моря шумного Лэбийэ;
Конь его быстро бежит,
Броскою рысью идет
По дебрям, глухим,
По травам сухим,
По широким распадкам речным,
Мимо воющих девяти камней,
Мимо восьми желтопегих гор.
Не разбирая дороги, летел,
Мчался его скакун,
Только буря гудела следом за ним;
Семьдесят вихрей шальных
Сопровождали его,
Восемьдесят восемь смерч**е**й
Спутниками стали ему,
Девяносто девять столбов вихревых
Друзьями стали ему…
Наконец-то всадник и конь
Пустыню дикую всю прошли.
Солнечная травяная степь
Приветливо засинела вдали.
Посреди равнины степной
Красовалось коновязью резной,
Окруженное рядами берез
В украшеньях из конских грив,
Летнее золотое жилье,
Просторный желтый шатер,
Богатая ураса.

Три красивые девушки из шатра
Вышли навстречу богатырю,
Три милых дочери рода айыы
В праздничных ярких нарядах своих,
В островерхих шапках своих
Из сверкающих соболей дорогих.
Ласково улыбаясь, они
К богатырю подошли,
Поднося кумысный чорон,
Песню приветственную завели.

СТИХ 77
ПЕСНЯ ТРЕХ ДОЧЕРЕЙ АЙЫЫ

Добро! Добро, дорогой наш гость!
Дорогой счастливой ты прибыл к нам!
Довелось нам тебя увидать,
Племени солнца
Возлюбленный сын,
Плетеный повод в руке держа,
Скачущий на Мотыльковом коне,
Дядя наш — Юрюнг Уолан!
Постой, внимательно выслушай нас
Парой чутких своих ушей…

Ты с дороги,
Может быть, не устал,
Может быть — не голоден ты,
Но сойди ненадолго с коня,
В наш дом загляни,
В тени отдохни!

Белое играющее молоко
Трехтравных наших степных кобылиц —
Крепко выбродившийся кумыс
Мы преподносим тебе,
Мы пригубить просим тебя
Из чорона хотя бы один глоток,
Дорогой наш дядя-тойон!
Ты попробуй нашей пищи слегка,
Ты отведай нашего каймака,
Ты беседой нас удостой!
И тогда — счастливый, прямой
Путь откроется пред тобой… —

Так умильно упрашивали богатыря

Три девушки рода айыы,
Подходя к нему с солнечной стороны,
И вот уже, повод взяв,
Сплетенный из золотых лучей,
Уже взяв коня за узду,
Кованную из солнечного огня,
С радостными возгласами, они
Сняли Юрюнг Уолана с седла,
На шести своих белых руках
На землю опустили его.

И вот — Юрюнг Уолан,
Юноша-богатырь,
Он как будто спать захотел,
Дремой затуманился взгляд,
Истомой наполнилось тело его,
Заныли суставы его,
Забыл он слово коня своего…

Он подумал: «Если проеду я,
Яства почетного не коснусь,
Не пригублю крепкого кумыса,
Приготовленного для меня
Прекрасными дочерьми
Солнечного рода айыы,
Поневоле обижу их,
И поблекнет имя мое,
И померкнет слава моя!»

И беспечно он в их усадьбу вошел,
С величавой осанкой вступил
В золоченое их жилье;
Покровом устланное дорогим,
Увидал широкое ложе-орон
И, как только сел на него,
Провалился орон под ним,
И в пропасть бездонную полетел

Доверчивый сын айыы…

Кувырком он в яму летел,
Ударяясь боками и головой
О выступы каменные в темноте.
Ломило в висках у него,
Грохотало в ушах у него;
Наконец, упал на глубокое дно,
Ударился о промозглое дно
Удалец злосчастный
Юрюнг Уолан…

Голову с трудом приподняв,
Кругом огляделся он, —
Увидел груды длинных костей
Давно погибших людей,
Увидел груды стройных костей
Нашедших здесь могилу себе.
Мертвеца в медвежьей дохе
Он под себя на льду подстелил,
Мертвецом в широкой волчьей дохе,
Как одеялом, укрылся он,
Третьего — в оленьей дохе —
В изголовье себе подбил
И улегся, не в силах рукой шевельнуть.

От удара падения с высоты
Все болело в теле его.
Горько думал Юрюнг Уолан:
— Видно, на погибель свою
Рассудок я потерял,
Предостережением пренебрег,
Слово коня моего забыл,
В безысходную беду я попал!.. —

Слезы из глаз его потекли,
Замерзая на похолодевших щеках,

Застывая сосульками на скул**а**х.
А три **о**боротня-абаасы,
Встретившие недавно его
В виде трех дочерей айыы,
Три серые тени подземной тьмы,
Прикрыв руками клыкастые рты,
Издевались над ним, хохоча:
— Мы плохо ли заколдовали тебя,
Как хотели заколдовать?
Мы врасплох застали тебя!
Да возможно ли,
Чтобы сын айыы
Нашу западню обошел?

Да и как ты избегнуть мог
Восьмидесяти восьми
Изменчивых обманов и чар,
Что рассеял всюду
Хозяин-дух
Ледовитого моря Муус-Кудулу,
Могучий владыка подземных бездн
Уот Усутаак**ы** —
Так в подземелье
Гудел, грохотал
Оглушительный хохот,
Злорадный вой
Адьарайских чудовищных дочерей,
Принявших свой страшный вид;
Громко в ладони били они,
Прикрывая черные пасти свои,
Визжали, вопили они.

Увидя хозяина своего
В обиде такой, в беде,
Юрюнг Уолана-богатыря
Мотыльково-белый скакун,
Виднеющийся высоко
Над изгородью столбовой,
Привязанный к коновязи колдовской,
Трехслойный повод свой,
Словно корень травы быты, разорвав,
Гриву и хвост распластав,
К небесам взлетел,
Заржал в высоте,
Взывая к старшей сестре
Всадника своего,
Заклинательнице восьми небес,

Врачевательнице девяти небес
Удаганке Айыы Умсуур.
Такие слова Мотыльковый конь
Жалобно спел, проржал.

СТИХ 78
МОТЫЛЬКОВО-БЕЛЫЙ КОНЬ

Ыый-ыыйбын!!! Аай-аайбын!!!
Ты, мой плач, далеко лети,
Ты, жалоба моя, превратись
В одержимого крикуна,
В двухлетнего малыша-крикуна,
Чтобы зов отчаянный твой
Не умолкая, звучал
В солнечных чутких ушах
Небесной тетки моей
Удаганки Айыы Умсуур!

Слушай меня, Айыы Умсуур!
Владеющий Мотыльково-белым конем,
Виднеющимся высоко
Над высокой изгородью столбовой,
Где тройные засовы крепки,
Младший твой брат — Юрюнг Уолан,
Души твоей возлюбленный сын,
Наважденьем обманутый колдовским
Восьмидесяти восьми,
Словно облако, набегающих чар,
Далеко — на другом берегу
Моря бездонного Лэбийэ,
Что плещется, словно утка-турпан,
Шумно хлопает, словно утка-нырок,
К адьараям попал в западню
И упал в бездонный провал,
В погибельную подземную тьму…

Ты не медли теперь, не сиди!
К Айынга Сиэр Тойону пойди,
Породившему хозяина моего,

Говорившему в прежние времена:
«Трех моих лучших детей
Мне дороже Юрюнг Уолан, —
Пусть он век тройной проживет!»
Так в ту пору он говорил;
В знак обещанья своего
Он на макушке своей отрастил
Три длинных волоса золотых.
Ты волос один попроси у него,
Ты проворно вырви его,
Этим волосом золотым
Светлое дыхание спаси
Брата младшего своего! —

Плачущее ржанье коня,
Звонкое визжанье коня
Достигло вершины
Волшебной горы,
Прозвучало в чутких,
Как месяц, ушах
Удаганки Айыы Умсуур…

Едва услыхала голос коня —
Восхваляемая на восьми небесах,
Прославляемая
На девяти небесах,
Вечной блистающая красотой,
Величественная Айыы Умсуур,
Не мешкая, поднялась,

Немедля в путь собралась.
Надела на плечи свои
Подобную играющему огню
Красную одежду-броню,
Восемь колдующих бубенцов,
Как ноздри восьми жеребцов,
Девять бряцающих шаргунцов,

Как затылки девяти жеребцов.
Как таежное озеро величиной,
Как зеленый омут лесной,
В руки она взяла
Гулкий, звучно-тугой,
Четырехгранный бубен свой
В пышно свисающих
Пестрых кистях,
Бубен, полный глубоких чар,
Пробуждающихся в колдовском
Кружении вихревом…

Вот так, торжественно облачась,
В обиталище матери и отца
Она мгновенно перенеслась.
Двор большой миновала она,
В просторные сени вошла,
По имени тойона-отца
Почтительно назвала,
Петь начала,
Просить начала…

СТИХ 79
АЙЫЫ УМСУУР

Властный, великий,
Создавший меня,
Седовласый отец-тойон!
Качавшая мою колыбель
Величавая мать-хотун!
Вы — указывающие с высоты,
Предсказывающие судьбы людей,
Говоря:
«Пусть он тридцать племен породит,
Пусть он сорок племен породит!»,
Опустили в бедственный Средний мир,
Поселили в долине земли,
Одарили Мотыльково-белым конем
Юрюнг Уолана-богатыря —
Сына младшего своего.

Была предназначена в жены ему
Белоликая Туйаарыма Куо…
Говорят — за нею отправился он
По горячим ее следам,
Пустился ее спасать
По остывшим ее следам,
Да по дороге попал в западню,
Провалился в колодец —
В подземный мир,
На ледяное гиблое дно…

Говорят — он снизу теперь
На шесть пальцев от слякоти
В бездне промок,
Говорят — он сверху теперь
Плесенью на три пальца оброс…

Дабы выручить я сумела его,
Вырви, отец, и дай мне один
Из выросших на твоей голове
Трех золотых волосков!
В том волосе — век его,
В том волосе — жизнь его,
Сына младшего твоего,
Коль пожертвуешь одним волоском,
Удесятерится твой век,
Увеличится радость твоя,
Умножится слава твоя…
Дашь, или не дашь —
Сейчас отвечай!
Если дашь — возьму,
И не дашь — возьму! —

Услыхав дочернюю речь —
Твердо сказанные слова,
Белый старец, владыка небес,
На любимую дочь свою
С изумлением поглядел,
Разгневанно отвечал…

СТИХ 80
АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН

Ух, как слово твое горчит!
Угорела ты?
Прибежала — кричит!
Одурела ты?
Пусть ты восемь небес вольна заклинать,
На девяти небесах колдовать,
Ты осмелилась мне угрожать?
Уж не силой ли собираешься ты
Вырвать волос мой золотой,
Выросший на макушке моей?

Ах ты, бесстыдница с бледным лицом!
Ах ты, дерзкая!
Как осмелилась ты
Так говорить с отцом?
Мне дороже жизни троих детей
Эти три моих волоска…
Ни одного не отдам!
Твой Юрюнг Уолан по своей вине
Очутился теперь в западне…

Пусть он трижды умрет… Ну, что ж,
Видно судьба его такова,
Ты меня не тронь, не тревожь!
Ты к Дьылга Тойону пойди,
Ты к Чынгыс Хаану пойди,
Ты их проси!
Они захотят — спасут. —

Так почтенный старец на дочь кричал,
Так сердито он отвечал,
Крытую шкурами трех соболей

Островерхую шапку свою
Крепко под бородой завязал
И умолк,
О каменный пол —
О лучисто молочные плиты его
Посохом постукивая костяным…

Тут хозяйка блистающего жилья,
Айыы Нуоральдьын Хотун —
Мать небесных богатырей —
Завыла, заголосила навзрыд,
Ладонями серебряными смахнув
Слезы крупные, хлынувшие из глаз;
И по каменному полу дворца
Горстью дорогих жемчугов
Прыгая, раскатились они…

Расторопно хозяйка белых небес
Накинула легкую шубу свою,
Надела бобровый колпак;
Величавая, в пышном наряде своем,
Подвесками солнечными блестя,
На угрюмого старика своего
Надменный взгляд подняла,
Горем терзаясь,
Гневом горя,
Воплями перемежая слова,
Оглашая рыданьями небосвод,
Петь, говорить начала…

СТИХ 81
АЙЫЫ НУОРАЛДЬЫН ХОТУН

О, старик! Старик!
О, как больно было мне услыхать
О том, что мой милый сын
Оказался в беде,
Остался один,
А ты не хочешь помочь!
Доли этой я не снесу,
Долго не проживу…

В мир подземный теперь я пойду,
Мертвого сына найду,
В могиле останусь с ним…
Ты — мужчина, не мучишься ты
Мукой своих детей;
Сын тебе, как чужак…

Я — женщина,
Я дитя свое
В**ы**носила в утробе своей,
В мучениях породила его,
Хилого — вскормила его
Грудью материнской своей…
Изнемогает сердце мое,
Рвется из тела смятенный дух,
Разрывается черная печень моя!
О, если бы мне хоть раз увидать
Сына милого моего,
Зеницу моих очей,
Десну моих крепких зубов —
Я бы с радостью умерла,
Не почуяла бы, как смерть
Душу мою взяла!

Я весь мир обойду,
Я могилу его найду,
В тело его жизнь я вдохну,
Белое дыханье его
На три дня продлю! —
Так, ропща,
Причитая, крича,
Бросилась горемычная мать
К выходу, к широким дверям.

Растерялся старец, вскочил
С сиденья высокого своего,
За полу старушку схватил,
За руки взял,
Обратно повел,
Рядом с собой усадил;
Нарядную — из трех соболей —
Островерхую шапку свою
Развязал, приподнял над головой,
Темя высокое почесал.

СТИХ 82
АЙЫНГА СИЭР ТОЙОН

Ну-ну… успокойся! Постой!
Тоже, время нашла
Бежать, искать
Верзилу-богатыря…
Сила немалая у него,
Сумеет сам за себя постоять!
Ох, какой ты крик подняла…

А куда бы ты побрела?
Где бы ты отыскала его
В беспредельном мире земном,
В бездонной подземной тьме?
По дороге без сил упала бы ты,
Добычей стала бы ты
В**о**ронов и вор**о**н…

Все я сделаю сам,
Что нужно — отдам!
Эй, дочери, где вы там?
Ваша мать собралась умирать…
Подите ко мне скорей,
Один из трех золотых волосков,
Который поменьше других,
Выдерните из макушки моей! —
Три небесных девушки, зов услыхав,
Вышли из боковухи своей,
Где заквашивается кумыс,
Где взбухает густой каймак;
Три девушки, три сестры —
Дочь Солнца, и дочь Луны,
И дочь Голубой звезды
К старику-отцу подошли,

Самый лучший волос его золотой,
Длинный, крепкий, словно аркан,
На шесть рук своих намотав,
В каменный край сиденья отца
Ногами дюжими упершись,
Рванули, что было силы у них;
И сверкающий золотой волосок
Вырвали из темени старика,
Вырвали с мясом — с живым куском
В детскую голову величиной.
Безжалостно рванули они…

Взвыл от боли старец небес,
Громовым голосом завопил:
— Абытаай!!! Абытаай!!!
Адьарайские дочери! Вот я вас!
Ай, что сделали вы со мной!
Лучший вырвали мой волосок! —
Тут почтенный старец вскочил,
Посохом замахнулся на них,
Да где их ему догнать?
Гнев обрушил он на старшую дочь:
— Бесстыдница! Убирайся прочь!
Да попробуй еще раз приди,
Попробуй надоедать
Несуразной своей болтовней,
Несообразной просьбой такой,
Костылем я побью тебя!
Попомню проделки твои! —

Вняв угрозам отца своего,
Взяв чудесный волос его золотой,
Врачевательница девяти небес,
Заклинательница восьми небес,
Удаганка Айыы Умсуур
Отвечала низким поклоном отцу
И умчалась на гулком бубне своем…

Во мгновенье ока перелетев
На грозный берег другой
Ледовитого моря Муус-Кудулу,
Через бурный его залив,
Сушу затопляющий Лэбийэ,
Что плещется, словно утка-турпан,
Шумно хлопает, как нырок,
Перелетев через устья рек,
Через восемь каменных
Горных хребтов,
Подобных огромным ревущим львам,
Вздыбившим гривы свои,
Опустилась Айыы Умсуур
В пустынных местах на краю земли.

Закружилась, завихрив подол одежд,
Мелькая шелком кистей,
Бубенчиками колдовскими звеня;
Прозрачною каменной колотушкой
В четырехугольный бубен свой
Ударяя гулко — дор-дор,
Запела она — дом-дом,
Над провалом в подземный мир
Высоко взлетать начала…

СТИХ 83
АЙЫЫ УМСУУР

Доом-эрэ-доом!!! Доом-эрэ-доом!!!
Он наступил —
Долгожданный день
Пенья заклятий моих,
Исполненья велений моих…

На колени словом одним
Подымала, бывало, я
Мертвецов, пролежавших
По девять лет,
Чьи в могиле сверху тела
На три пальца плесенью обросли,
Чьи на шесть пальцев снизу тела
Промокли, гнилью пошли…
На ноги подымала я
Пролежавших семь лет под землей…
На призыв мой убитые богатыри,
По три года лежавшие под землей,
С кликом подымались на бой…

Время твое пришло —
Окоченевшим телом своим,
Костями застывшими пошевелись,
Бездыханный — вздохни,
От сна пробудись!

От Аар Тойона —
Отца твоего,
Сняв с высокой его головы
Священный волос живой,
Дарующий три века тебе,
Втрое свив его,

Как сверкающий золотой аркан,
Я опускаю тебе
В пропасть, на глубокое дно…

Этим волосом золотым,
Этим арканом волосяным
Пятикратно ты обвяжись,
Опояшься надежно им,
Руками з**а** волос ухватись,
Крепче держись…
Да будет благословенье с тобой!
Уруй-уруй!
Уруй-айхал!

Дымом пусть отлетит от тебя
Дыханье подземных бездн,
Пусть отхлынет, отринется от тебя
Наваждение адьарайских чар.
Плесень белая, выросшая на тебе,
Пусть осыплется без следа!
Плесень желтая, выросшая под тобой,
Пусть отвалится от тебя!
Доом-эрэ-доом!
Громче, песня моя, звучи,
Звонче, бубен, греми!

Так, все звучней и звучней
Колотушкой прозрачной своей
В бубен тугой
«Дор-дор» стуча,
«Дом-дом» крича,
Все быстрей и быстрей кружась,
Бубенцами бряцая,
Кистями мелькая,
Изгибаясь станом своим,
Из волоса золотого она
Сверкающий длинный аркан свила;

Золотую
Звонко звенящую нить
В провал опускать начала…

Звонкая нить золотая,
Ярко сверкая, мелькая,
Молнией ниспадая,
Пала на глубокое дно,
Прямо на широкую грудь
Всадника-удальца,
Скачущего на Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолана-богатыря.
Ожило сердце застывшее в нем,
Белая плесень
На теле его
Облетела, осыпалась без следа;
Плесень желтая,
Что на нем наросла,
Отвалилась от дюжей спины,
Отринулась от тела его;
Одеревеневшие мышцы его,
Застывшие до костей,
Отогрелись, движение обрели,
Начали под кожей играть,
Подергиваться пошли…

Золотого волоса звон услыхав,
Блеск его в темноте увидав,
Юрюнг Уолан его ухватил;
С боку на бок повертываясь тяжело,
Волосом отца золотым
Пятикратно перепоясался он
Поперек поясницы своей;
Грузно хлопнуло преисподней дно,
Когда оторвался Юрюнг Уолан
От невылазной трясины его…

Всколебалась подземная глубина.
Тут, появившись из темноты,
Н**а** пять пальцев повыше богатыря,
Пядей н**а** пять в обхвате
Потолще его,
Из железа выкованный человек
Двумя руками обнял его,
Двумя ногами его обхватил,
Голосом громовым
Гулко заговорил.

СТИХ 84
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Буй-а, буй-а, буйака!!!
Буй-а, дай-а, дайака!!!
С поводьями солнечными за спиной
Добросердечный сын
Рода исполинов айыы,
Порожденный на небесах,
Летающий на Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан — дядя мой,
Выбраться мне на свет помоги,
Вынеси отсюда меня —
Родича младшего твоего!
Девятый год миновал,
Как упал я в этот провал;
Насквозь меня здесь
Мороз прохватил,
Оброс я плесенью за девять лет,
От ржавчины кровавой зардел…

Непрерывное дыханье мое
В безотзывной тьме
Прерывалось порой,
В безмерной муке, в тоске,
Бессмертное дыханье мое
Замирало и оживало вновь…
Смерть голодную
В песню я превратил,
Погибель студеную я воспел…

Отслужу тебе службой любой,
Сильным буду твоим слугой;
Сена гору з**а** лето накошу
Всем рогатым коровам твоим,

Гору дров в лесу припасу,
Чтоб огонь не гас в твоем очаге!
Дозорным буду твоим
Пастухом — стада твои охранять,
Проворным табунщиком буду твоим
Коней в косяки сбивать,
Жеребят двухлетних
В вар**о**к загонять,
На телят намородники надевать…
Просторные хлевы твои
Буду в чистоте я держать;
Не найдешь работника лучше меня —
Я сильнее вола,
Я быстрее коня.
Только выбраться мне помоги,
Выкарабкаться на свет,
Вытяни меня, подыми
Из погибельной глубины! —

Так грохочущим голосом говорил,
Тяжело повиснув на богатыре,
Железный тот человек.

И подумал Юрюнг Уолан:
«Пожалуй, если его оттолкну, —
Поди, мол, прочь от меня! —
Если по-доброму не приму
Складно обузданные его,
Ладно оседланные слова,
Если отвергну разумную речь,
Может быть, лучшего из людей,
Поклявшегося мне верно служить,
Просящего помощи у меня,
Если я оторву его от себя,
Брошу его в беде,
Позор падет на меня,
Поносить будут имя мое

Три племени в трех великих мирах…»

Так подумал Юрюнг Уолан
И железному человеку сказал:
— Если хочешь выйти со мной, выходи! —

Долго ль, скоро ли подымались они,
Выкарабкались, наконец,
Вышли на поверхность земли;
Взглянул Юрюнг Уолан
На спутника своего,
Видит — кованый, звонкий пред ним,
Как трехзубая острога,
Адьарай железный стоит,
Раскатисто говорит.

СТИХ 85
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК

А-а, дорогой!
Аарт-татай!
Адьарайского сына выручил ты —
Отблагодарю за добро!
За то, что не бросил меня в беде,
Втройне тебе отплачу…

Кто предскажет из нас
Свой бедственный час?
Если в неравном бою
Трудно придется тебе,
Тут же меня позови,
Такое слово скажи:
«Скорый в делах,
На сильных крылах,
Сын небес,
Орлом прилетай!
Звонкокопытный бегун,
Конем скачи, выручай,
Быстроногий Бараанчай!
Коль ты наверху —
Копьем ниспади,
Коль ты внизу —
Стрелою взмой,
Где бы ни был ты,
Стань рядом со мной!»

Если ты в беду попадешь,
Если это слово произнесешь,
Где бы ни был я —
В тот же миг примчусь,
Всем, чем могу — помогу…

А теперь — прощай,
Мне лететь пора! —

Тут, быстрей, чем успеешь вздохнуть,
Железный тот человек,
В небесного ворона превратясь,
Могучими крыльями шумно взмахнув,
Улетел,
За тучей исчез…

Заклинательница
Девяти небес,
Врачевательница
Восьми небес,
Умудренная тайнами трех миров
Удаганка Айыы Умсуур,
Старшая заботливая сестра
Богатырей айыы,
Спасенного из подземных глубин,
Вытащенного на волоске
Брата младшего своего
Радостно обняла,
Троекратно поцеловала его
В верхнюю губу,
Шестикратно обнюхала у него
Нижнюю губу,
Так что на нежных его губах
Выступила алая кровь;
Насмотревшись на братика своего,
Нарадовавшись, что он жив и здоров,
Она, обращаясь к нему,
Красивые разомкнула уста,
Открыла сверкающие белизной
Ровно растущие зубы свои
И сказала такие слова…

СТИХ 86
АЙЫЫ УМСУУР

Золотое дитя мое!
За тобою следом летя,
Из-за того я болею душой,
Что труд непосильный тебе предстоит;
Боюсь, не выстоишь ты
В бою с исполином-богатырем,
Духом моря Муус-Кудулу…

Не теперь падет
Соперник твой
Могучий Уот Усутаакы,
Не побежденный никем…
Путь его длинный не преградишь,
В путы железные не закуешь
Страшную силу его!
Ты на верную гибель идешь…

Так не лучше ли, мой родной,
Воротиться тебе домой?

Чтоб спасти Туйаарыму Куо,
Блистающую лицом,
Как утренняя заря,
Чтоб ее из неволи освободить,
Чтоб ее из подземной тьмы
Вывести в солнечный мир,
Шли бесчисленные богатыри
И погибли все — один за другим,
Шли самые доблестные богатыри
И все костьмы полегли…

Вызволить Туйаарыму Куо,

Вывести из подземных глубин,
Победить исполина абаасы
Лишь один способен
Нюргун Боотур.

Золотой мой младшенький брат!
Замертво ты лежал
В глубине провала,
На гибельном дне…
Пошатнулись, я вижу,
Силы твои,
Не устоишь ты перед врагом,
Не выдержишь и одного
Тяжкого удара его…

Ради спокойствия моего —
Братец мой,
Обратно вернись! —

Так умоляла Айыы Умсуур
Юрюнг Уолана-богатыря.
Юноша — брат ее
Ответно уста раскрыл,
Белыми зубами блестя,
Звучно, мужественно заговорил.

СТИХ 87
ЮРЮНГ УОЛАН

Слышите, богатыри!
Видите или нет?
Какой же толк мне идти назад,
Такой великий путь проторив?
Смеяться будете вы надо мной,
Что я врага в лицо не видал,
Только имя врага услыхал, —
Испугался и побежал…

Я с дороги моей не сверну,
Я навстречу врагу пойду,
Я не дрогну, не отступлю,
Я не брошу в неволе, в беде
Ввергнутую в злодейскую пасть,
Сотворенную для меня,
Предназначенную для меня
Прекрасную Туйаарыму Куо!
Я вырву из плена ее,
Выведу на светлую землю ее,
Обещанную подругу мою,
Предопределенную мне…
Если же судьбой суждено,
Пусть череп мой скатится с плеч,
Пусть на грозном лоне
Подземной страны
Вниз лицом паду,
Пищей стану
Хищных абаасы…
Если я сказал — не вернусь,
Так и знай, сестра, — не вернусь! —
Смолк Юрюнг Уолан.

Словно лиственницы могучей ствол,
Выпрямился богатырский стан,
Весь, как будто из стали литой,
Он стоял перед старшей сестрой,
Грозно блистали его глаза…
Как у дитяти, не знавшего бед,
Не ведающего ничего,
Настоянный на крови густой,
Утвердился в безумном решеньи своем
Упрямый разум его;
Прежней кротости как не бывало в нем,
Он как будто весь клокотал,
Воинственным воспламенясь огнем…

Мудрая поняла сестра —
Уговоров ее не послушает он.
И, вздохнув, сказала она:
— Благословляю тебя!
Поезжай дорогой своей…
Пусть передняя твоя сторона
Не испытает дрожи в бою,
Пусть могучий твой становой хребет
Под любой невзгодою устоит!
Пусть ничье копье тебя не пронзит,
Пусть мимо тебя
Стрела пролетит!
Пусть тебя не сглазит огненный взгляд,
Пусть тебе чары не повредят,
Пусть никто злоязычный тебя
Не посмеет оклеветать,
Пусть — по высокой твоей судьбе —
Счастье будет тебе!

Вызволи из плена, спаси
Нареченную подругу твою
Светлоликую Туйаарыму Куо.
С милой подругой

В мире земном
Устрой изобильный дом,
Стада богатые разведи,
Сыновей породи,
На коней посади! —

Так, на прощанье благословив
Брата младшего, богатыря,
Любовно сестра его обняла,
Трижды поцеловала его;
А потом обернулась она
Птицей-стерхом
В блестящем белом пере,
С темным ободком на глазах;
Белоснежная птица-стерх —
Красные ножки,
Граненый клюв —
Раскрыла крылья свои
И кругами широкими в высоту
Медленно поднялась,
Бросив звонкий, прощальный крик.

Славный Юрюнг Уолан
Перевернулся на ровной земле
И обернулся вдруг
Быстрым соколом
С бубенцом на хвосте,
С белой обнизью на груди;
И полетел высоко,
Над погибельно-мутным огнем,
Над пучиной моря
Муус-Кудулу…

Словно стерлядь, черной стрелой
Рассекающая быстрину,
Соколом он
Выс**о**ко взлетел;

На неподвижных крыльях паря,
Над морскою бездной перенесясь,
Стремительно опускаться стал
И увидел с высоты
На дальнем другом берегу,
На плоском темени черной скалы,
На стесанной столовой горе,
На гладкой вершине ее,
На опоре Нижнего мира всего
Ржавый, огромный
Железный дом,
С кровлею, как высокий курган,
С тридцатью пристройками по бокам.

Близ железного дома того
Дремал восьминогий змей;
Дымилась черная пасть
Дыханием огневым…
На утесе, остром, словно копье,
Медная идолица Эмэгэт
С дитятю двухлетнего величиной,
На спине крутясь,
Одержимо вертясь,
Вскрикивая,
Подпрыгивая,
Как сверчок, звенеть начала.

СТИХ 88
ГОЛОС МЕДНОЙ ИДОЛИЦЫ

Алаатанг!!! Улаатанг!!!
Ай, боюсь…
Чего-то страшусь!
К чему бы — с ночи весь день
Буйно шумит, плещет, гремит,
Будто вещает беду,
Бездна пучины морской!

Эй, дядя Усутаакы, очнись,
Спишь — проснись,
Лежишь — подымись!
Слышу крыльев звон,
Слышу перьев шум…

Алаатанг!!! Улаатанг!!!
Жарко мне,
Голова горит…
Не драка ли к нам летит,
Не битва ли нам грозит?
Чья же кровь теперь
Ручьем побежит?

Абытай-халахай!!!
Айакка-дьойокко!!!
Чья толстая кожа теперь
Распорота будет в бою?
Чье живое сердце теперь
Вырвано будет из клетки грудной?
Чей затылочный позвонок
Рассечет широкий клинок?
Чьи глаза закроются навсегда?
Летит вражда,

Шумит беда!.. —

Тут идолица, вертясь,
С вершины скалы сорвалась
И упала вниз головой
Восьминогому змею в пасть…

Вытянул шею
Чудовищный змей,
Выдохнул черный дым и огонь,
У сокола с бубенцом на хвосте
Перышки опалил…

Обескрылел сокол,
Камнем упал,

Ударился о железный дом,
Подпрыгнул — и, еле живой,
Покатился под гору кувырком…

Избороздив косогор,
О камни бока ободрав,
Н**а** ноги кое-как поднялся
В человеческом виде своем
Владеющий Мотыльково-белым конем
Бедняга Юрюнг Уолан,
П**о**пусту силы свои потеряв,
Понапрасну мощь свою истощив.

И подумал Юрюнг Уолан:
«Пропаду я здесь,
Попаду адьараю в пасть,
Снедью стану врагу…»

В гневе он зубами заскрежетал,
К небу глаза воздел,
Красный рот широко раскрыл,
Громко заговорил…

СТИХ 89
ЮРЮНГ УОЛАН

Кэр-кэр-бу!
Посмотри — я прибыл сюда,
Я пришел за тобой,
Выходи на бой!
Ты — истребивший лучших людей,
Ты — перебивший богатырей
Солнечного рода айыы,
Подкрадывающийся, как вор,
На косматых своих ступнях,
Ты — хозяин моря Муус-Кудулу,
Исполин Уот Усутаакы!

Где ты прячешься?
Коли жив — отвечай!
Лежишь — вставай!

Если только, струсив,
Ты не удрал,
В подземной пропасти не засел,
То знай — из далекой страны
Твой ровня пришел — богатырь,
Из высокой светлой страны
Жестокий воитель пришел
Потягаться силой с тобой,
Потаскать за пояс тебя!

Я отсюда добром не уйду,
Я повсюду тебя найду,
Ничком тебя повалю,
Кости твои сокрушу,
Труп твой испепелю!
Где ты кроешься,

Кривоногий урод,
Земляная харя,
Кровавая пасть,
Невидимка,
Разбойник ночной?

Я тебя ударом одним повалю,
Я мечом утробу твою рассеку,
Становую жилу рукой разорву
В могучем теле твоем!
По свежим твоим следам,
По мерзлым твоим путям,
Выследил я тебя…

Ты украл у меня
Подругу мою
Прекрасную Туйаарыму Куо.
Нет у тебя пути
От мести моей уйти…

Если белым туманом
Рассеешься ты
По долинам трех великих миров,
Если росой ночной
По земле рассыплешься ты,
Все равно я тебя найду,
За толстый загривок тебя ухвачу,
Голову чудовищную твою
От туловища откручу!
Покамест не опрокинулся мир
От тяжести преступлений твоих,
Явись предо мной,
Выходи на бой! —

Так Юрюнг Уолан
Гневливо кричал,
Хвастливо врага вызывал,

Бранил его, поносил…
И когда умолк, наконец,
Не успел дыханье перевести,
Вдруг пронесся шум,
Прокатился гул,
И — отколь ни возьмись —
Восьминогий змей,
Медное туловище изогнув,
Юношу-богатыря
Толстыми кольцами обхватил,
Туго его стянул
От пяток до шейного позвонка,
Как курительной трубки чубук
Обтягивают ремешком;
Так юношу кольцами змей оковал,
Что не мог рукою пошевелить,
Не мог бедняга вздохнуть…
Как могучий конь,
Вожак табуна
В жаркий полдень пьет из ручья,
Бочаг осушая до дна,
Так змей, свое жало вонзив
В горло юноши-богатыря,
Выпил кровь из жилы его боевой —
И облизываясь, рыча,
Раскатисто хохоча,
Зычно заговорил.

СТИХ 90
МЕДНЫЙ ЗМЕЙ

Аарт-татай!!! Ыарт-татай!!!
Ах, как вы
На словах сильны,
Айыы Хаана сыны!
Ах, как вы
В похвальбе здоров**ы**!
Жгучей соли много
В клюве у вас,
Злобы много
В зобу у вас,
Горечи в горле,
Хоть отбавляй…

Эх, бедняги хилые вы!
Хоть поводья крепки у вас на хребтах,
Плохо держитесь вы на ногах,
Падаете от одного
Пинка моего!
На кого надеетесь вы?
Никого, видно, нет у вас,
Способного выстоять против меня…

Ой, умора! Ой, смех какой!
От бездонной дури
Раздулись вы,
От безмерного хвастовства,
Словно бремя, выросло
Брюхо у вас!..

Видно, от великой силы своей,
Видно, от большого ума,
Думая — авось устоим,

Думая — авось победим,
Эти двуногие бедняки,
Эти бледные червяки?
Выступили, — против кого
Против рода железного моего!
Задумали победить
Адьараев-богатырей?
Видно, забыли они
Девяносто девять моих
Неуловимых чар,
Восемьдесят восемь моих
Уловок и хитростей колдовских?
На кого налетели они —
На меня самого!
Тронуть вздумали — а кого?
Да меня самого!

И адьарай-исполин
Злорадно захохотал…

А у юноши-удальца
Юрюнг Уолана — в беде такой
Белое солнце
Померкло в глазах,
Сузилась у него спина.
Понял он — настала пора
Пропадать иль на помощь звать.

СТИХ 91
ЮРЮНГ УОЛАН

О-о! Что со мной?!
Проворный вершитель дел,
Подобный падучей звезде,
Сын небес,
Скорей прилетай,
Звонкокопытный бегун,
Потрясающий головой,
Быстроногий Бараанчай!
Коль ты наверху —
Копьем примчись,
Коль ты под землей —
Острог**о**й взлети! —
Солнце мое вот-вот
Сорвется и упадет! —

Едва сказал он эти слова,
Воздуху в грудь
Не успел вдохнуть,
Как с грозового хребта
Западных бурных небес,
Черная, как смола,
Налетела туча,
Густо клубясь,
Девятью смерчами шумя…

Огромный, о двух головах,
Вылетел из тучи орел,
Громко крича,
Грозно клекоча;
Как две наковальни звенели,
Как два медных чана гудели
Кованые клювы его.

Раскалывая небосвод,
Раскатывался голос орла.

СТИХ 92
ГОЛОС ОРЛА

Бай-даа!!! Бай-даа!!!
Погляди на меня,
Разбойник ночной,
Одноглазый вор,
Проклинаемый в трех мирах,
Уот Усутаакы!
Ты высокое небо
Заставил взреветь,
Ты подземные бездны
Заставил стонать,
Я тебя, как щенка, проучу!
Я тебя, как раба, скручу…
Я — твой тойон — прилетел! —

Клювами коваными орел,
Когтями, острыми, как ножи,
Змея медного полоснул;
Захрипел, содрогнулся змей,
Распустил тугие кольца свои,
Растопырил восемь когтистых лап,
Выпустил богатыря,
Кинулся на орла,
Голову одну заглотил,
Длинную толстую шею его
Зубами железными перекусил,
Стал когтями его терзать,
Крылья рвать ему,
Перья ломать…

С треском, с грохотом
Небесный орел
Разлетелся вихрем огненных искр,
Превратился в облачный дым
И п**о** ветру улетел,
Только голос его
Прозвучал в высоте…

СТИХ 93
ГОЛОС ОРЛА

Бай-даа!!! Бай-даа!!!
Постой, злодей,
Одноглазый разбойник ночной,
Не надейся, что ты победил,
Не думай, что одолел!
Ты в такой зажим попадешь,
В такой петле задыхаться начнешь,
Что все, чем утробу свою набил,
Что сожрал за девять веков,
Будешь извергнуть рад!
Я к долинам Среднего мира лечу,
Исполина я на тебя подыму,
Сокрушит он силу твою,
Истребит он душу твою;
Он рогатиной с высоты налетит,
Острогой под тобою
Землю пронзит;
Жир твой толстый
Живо сгонит с тебя,
Черные мышцы
Мощи лишит,
Переломит твой хребет становой,
В осколки кости твои превратит!

Юный друг мой,
Юрюнг Уолан!
С силами соберись,
Сколько можешь — держись,
Терпи, крепись!
Скоро я в твой край прилечу…
Скачущего на Вороном коне,
Стоя рожденном

На грани небес,
Нюргун Боотура сюда пошлю,
Грозную силу его подыму,
Громко славу тебе пропою,
За добро тебе
Добром уплачу! —

По подземным трем пропастям
Прокатился голос орла — и умолк…
После этого долгий срок миновал
Иль короткий — не ведомо нам,
Только юношу-богатыря,
Летающего на Мотыльково-белом коне,
Огненному змею тому
Было долго ли одолеть?

Юрюнг Уолана он смял, сдавил,
Об землю бросил его,
Так, что скала раскололась под ним,
Рассыпалась, как дресва,
Так, что мерзлая, словно камень, земля
Пылью взлетела из-под него…

Как немалое время прошло,
За которое сварятся чередом
Мяса полные три котла,
Лишь тогда бедняга
Юрюнг Уолан
Опомнился, огляделся вокруг.
А ему — ни шею не повернуть,
А ему — ни рукою не шевельнуть,
Словно трубка, стянутая ремешком,
Туго скрученный арканом тугим
От лодыжек до шейного позвонка,
Крепко обмотанный, он лежал
Беспомощный — на ледяной земле.

В девятислойной кольчуге своей,
В трехслойной железной броне,
Возвышаясь над ним,
Как густая тень,
Как огромная вековая ель,
Железный стоял человек,
Дух великого моря Муус-Кудулу,
Уот Усутаакы-исполин.

Как опилки медные,
Он зеленел,
Как опилки серебряные, синел,
Как железо, ржавчиною краснел.
Безобразное,
Все в буграх,
Несуразное великана лицо,
Как обвалившийся берег реки,
Топорщилось, ухмылкой кривясь.

Его единственный глаз
Цвета неостывшей золы,
В бородавчатых веках
Вертелся, мигал;
Зияющий, как провал,
Криво разорванный рот
Раскрылся,
Оскаля восемь клыков,
Будто восемь заржавленных сошников;
Черный его
Крючковатый нос,
Ноздри разорванные раздувая,
Морщился,
Как у разъяренного пса…

Скаля кривые зубы свои,
Как медведь в берлоге рыча,
То гукая, то урча,

Три подземных бездны в ответ
Заставляя реветь, хохотать,
Заговорил,
Загугнявил он,
Толстым голосом загудел…

СТИХ 94
УОТ УСУТААКЫ

Бай-даа-бай!!! Бай-даа-бай!!!
Буйката-буйака!!!
Будет с тебя, хвастун,
Богатырем себя называть,
Ах ты, слабенький сын земли
С рассычатою душой!
Весело красовался ты
На своем Мотыльково-белом коне,
Бедный Юрюнг Уолан…

Вижу я — слабосильный калека ты,
Вижу я — не под силу тебе
У зайчика шею свернуть,
У рябчика косточку переломить.
Откуда прыть у тебя взялась?
От глупости, видать, родилась
Отпяченная решимость твоя —
По горячим моим следам,
По морозным моим путям,
Преследовать такого, как я,
Исполина-богатыря!

Неужели надеялся ты, глупец,
Выкрасть хитростью у меня,
Вырвать силой из рук моих
Ту, которую сам я отнял у вас,
Золотую мою
Туйаарыму Ку**о**
Посильнее были богатыри,
Приходившие до тебя,
Пытавшиеся ограбить меня,
Похитить ее — подругу мою.

Я длинные кости их раскрошил,
Я пролил их черную кровь…

Ах ты, недоносок — нойон-богдо!
Может быть, ты будешь горазд
Опояску на женщине распускать,
Может быть, ты будешь горазд
Натазники с девки снимать?
Я заставлю тебя — раба
Развязывать ремешки
Драгоценных исподних одежд
На священном теле моей жены,
Я заставлю тебя
Открывать для меня
Лучезарную ее наготу!
Чтоб от солнца не посмуглела она,
Чтоб от ветра
Не почернела она,
Таровато отец и мать
Укрывали ее в соболий мех,
Одевали в песцовый мех,
В холе воспитали ее…
Ослепительно красива она!
Сквозь одежды лучится
Светлая плоть,
Сквозь нежное тело
Кости видны,
Видно, как сквозь тонкие
Кости ее
Переливается мозг…

Как на первом белом снегу
Алеет свежая кровь
Жертвенного двухлетка-коня,
Так, серебряной круглой
Пластиной блестя,
Красною макушкой своей

Красуется шапка на ней…
Ярко алеет
Красивый рот
На белом ее лице;
Сладко смотрят,
Искрясь, горят
Темные большие глаза;
Как восходящее солнце дня,
Блистает ее лицо,
Как заходящее солнце дня,
Рдеет румянец ее.

Я в трех великих
Мирах не видал
И не чаю встретить опять
Прелести несказанной такой,
Красоты светозарной такой,
Как моя Туйаарыма Куо…

Трехгранных, задиристых удальцов
Тревожных бурных небес
Я разгромил, разбил;
Восьмигранных отчаянных молодцов,
Нижнего мира красу,
Ничком я всех уложил;
Первых уранхайских бойцов
Под себя подмял, раздавил…

Я — победитель богатырей,
Я — бессмертный,
Не знающий равных себе,
Я первенство свое утвердил!
Только я один и могу
В жены взять улыбчивую мою
И счастливо с нею жить!

Эй ты, парнишка — нойон-богдо,

Я тебя за прыть награжу,
Я тебя ступенькою положу
Перед ложем моей жены,
На тебя я буду ногой наступать,
Когда пожелаю возлечь
С подругой моей золотой,
Когда буду взбираться я
На высокое лоно ее!
Ты будешь в опочивальне моей,
Как пес визжа,
Как раб дрожа,
Ожидать приказаний моих;
Будешь ты, как пестренький пес, лизать
Железные мои торбаса…

А если посмеешь ты
Вожделение испытать
При виде блистающей красоты
Благородной моей хотун,
Если я узнаю, что ты, глупец,
В мыслях тайных посмел посягнуть
На то, что принадлежит
Только мне — повелителю твоему,
Выколю тебе я глаза,
Выпью светлую воду их,
Кольцо железное
Вдену в твой нос,
В ярмо тебя я впрягу,
В вола тебя превращу,
Я заставлю тебя убирать
Нечистоты после себя! —
Так сказал исполин-адьарай
И широкой, как лопата, рукой
Пасть прикрывая, захохотал…

Поверженный свирепым врагом,
Племени светлого сын,

Думая, как отрешиться от пут,
Как хитростью выбраться из западни,
Как изворотливостью одолеть
Сильнейшего абаасы,
Как развеять чары его, —
Сам наполнился
Силою колдовства,
Вспомнил о восьмидесяти восьми
Чародействах древних времен,
О девяносто и девяти
Наваждениях колдовских —
И, проворно в памяти перебирая,
Все, что знал о своем враге,
Раскрывая горящий рот,
Сверкая белых зубов серебром,
Так он заговорил…

СТИХ 95
ЮРЮНГ УОЛАН

О-о… Беда мне! Беда!
Кто увидит теперь,
Кто услышит теперь,
Что со мною сделал этот злодей,
Этот ублюдок подземной тьмы,
Этот подлый плут,
Этот черный вор?!
Нестерпимы обиды его,
Что из пасти своей изрыгает он!
Нестерпимо зловонье его,
Что изнутри испускает он!
Кто ему за все отомстит?
Иль возмездия нет на него?
Иль безвестно я здесь пропаду?

Хоть ты и сильнейший из богатырей,
Но, продевши кольцо в мой нос,
Надев на меня ярмо,
Ты не склонишь мой дух,
Не сломишь вражду…

Чтобы месть великую не разбудить,
Чтобы ненависть общую не распалить,
Чтобы горе не возросло,
Чтобы морем не разлилось,
Давай-ка миром поговорим…

Вспомни сам —
Я от славного корня рожден,
Я могучих соседей сын,
Не забывающих ничего,
Не уступающих своего…

Пока не нагрянул сюда
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Старший мой брат
Нюргун Боотур,
Попробуем — договоримся с тобой!
Если к доброму решенью придем,
То и он — мой брат и тойон,
Первый, лучший в народе айыы —
Не порушит мира у нас.
По правде сказать — ты и сам
Потомок достойных отцов,
Порожден от знатного корня ты
Подземных исконных владык…

Я слыхал, что есть у тебя
Прославленная в вашем роду
Младшая девка-сестра,
Молодая
Куо Чамчай,
Воинственная
Кыскыйдаан Куо,
Славная участь обещана ей,
Высокая у нее судьба…
Говорят — хоть я сам не видал —
Красавица она у тебя.
Крутится вихрем ее подол,
Хвост ее клубится, как дым,
Как угли, сверкают во лбу у ней
Красные выпученные глаза
В ресницах, шильев железных острей…

Хоть бедовая грязнуха она,
Хоть страшная потаскуха она,
Но, спору нет — хороша!
Плечи, что ножницы у нее,

Словно косы-горбуши,
Когти ее,
Ручищи, словно клещи;
Из кожи, содранной с ведьм,
Прозрачный ее сарафан,
Из заразных шкур
Околевших телят
Дырявые шаровары ее…

Брякают бусы на ней
Из шейных позвонков девяти
Шаманов древних времен;
Стучат, бренчат подвески на ней
Из челюстей восьми колдунов;
Ликом черна,
Видом грозна —
Вихрем кружится она…

Дабы бесчестие не легло
На честное имя твое,
Ты, вместо невесты моей,
Сестру
Мне в жены отдай!
Праздник свадебный затевай,
Поскорей гостей созывай,
Для пира — на мясо
Коней убивай,
Чтобы громкая слава пошла
О гостеприимстве твоем,
Чтоб достойные гости твои
Толстым, шейным салом
Твоих кобылиц
Поиграли, как в городки,
Чтоб толстым жиром брюшным
Перебрасывались за игрой! —

Так светлый сын айыы

Свирепому абаасы
Слова примирительные говорил —
Стану, мол, зятем твоим,
Стану другом, братом твоим.
Адьарайского племени исполин
От радости зычно взревел,
Потрясая огромною головой,
Подпрыгнул на месте он,
По бедру ладонью ударил себя,
На нечеловеческом языке
Начал говорить, голосить…

СТИХ 96
УОТ УСУТААКЫ

Аарт-татай!!!
А-**а** Что скажете, богатыри?
Ай, как ты придумал умно,
Ай, как ловко ты повернул!
Оказывается, и в народе айыы
Рождаются не одни глупцы,
Появляются и мудрецы…

Ну, парнище — нойон-богдо,
Порадовал ты меня,
Прав ты был, возвеличиваясь предо мной,
Прекрасный, как видно, ты человек;
Удивлен я,
Без меры я восхищен,
Веское ты слово сказал!

А ведь если правильно рассудить,
Если прямо правду сказать,
Куда бы нас
Вражда завела —
Неизвестно…

Не верится мне,
Что, нагрянув, как гром, на меня
На небесном своем коне,
Стремительный Нюргун Боотур
Сокрушил бы мою богатырскую мощь,
Милую Туйаарыму Куо
Вырвал бы из-под власти моей,
Вывел бы в солнечный мир…

Попал бы он в пасть мою —

И пропал.
А ты — мудрец,
Ты умом победил,
Ты дорогу бедствиям преградил…
Семикратно радостней
Свадьбы справлять,
Стократно вольготнее пировать,
Чем драться да враждовать!
А сестра моя —
Остра,
Пестра —
Диво-девка она,
Осчастливит тебя.
Я тебе потихоньку скажу:
Я ее, пучеглазую, припугну, —
Захочет или не захочет она,
А замуж пойдет за тебя. —

Тут Уот Усутаакы
Огневой аркан развязал,
От веревок юношу освободил;
Улыбнуться силясь,
Харей кривясь,
Юрюнг Уолана поднял с земли,
Твердо на ноги поставил его.
Солнцерожденный сын айыы
Всей грудною клеткой вздохнул,
Свой застывший стан распрямил,
Богатырские плечи размял.
Глазами пламя метнув,
Зубами в улыбке блеснув,
Красный свой рот открыл,
Радостно заговорил…

СТИХ 97
ЮРЮНГ УОЛАН

Ну-ка, шурин будущий мой,
Покажи-ка мне поскорей
Золотую, обещанную тобой,
Дорогую невесту мою!
Порадей ты ради моей души —
Со свадьбою поспеши…

Пожалуй, пустился в путь
По девяти изгибам дорог,
По восьми перевалам крутым
Поспешает, скачет сюда
Страшный в гневе
Старший мой брат Нюргун…

Как налетит он на нас —
Не пощадит ни тебя, ни меня,
Распорет нам животы,
Растопчет в ярости нас,
Опозорит, повалит ничком,
Обуздает железной уздой,
Обездолит нас!

Великого рода сын,
Воинственный выкормыш грозной семьи,
Не приезжающий по добру,
Не отъезжающий по добру,
Лютый воин спешит сюда! —

Так Юрюнг Уолан говорил,
Так адьарая он торопил,
Будто впрямь со свадьбой спешил…

Дух великого моря
Муус-Кудулу,
Мира подземного исполин
Уот Усутаакы,
Руки раскидывая широко,
Против хода солнца стремглав
Закрутился, завихрился, топоча,
Заклятия бормоча,
Заржавленной кольчугой бренча,
Широко разинув зубастую пасть,
Высунув длинный язык,
Вспыхивающий синим огнем,
Шлепающий его на лету
По шее и по плечам…

Как ревет могучий трехтравный бык,
Когда его холостят,
Так Уот Усутаакы,
Обращая к северу страшный лик,
Зычно заревел, завопил…

СТИХ 98
УОТ УСУТААКЫ

Ыарт-татай! Ыар-дьаалы!!!
Эй ты, яростная сестрица моя,
В трехъярусной бездне подземного мира
Выросшая, среди гадов гнездясь,
Хлопающая ладонь о ладонь,
Хохочущая во тьме,
Чмокающая нёбом своим,
Щелкающая языком огневым!
Эй, щербатая сестрица моя,
Чернолобая в половину лба,
Белолобая в половину лба,
С носом длинным, словно железный лом,
Заостренным, словно пешня,
Игриво изгибающая налету?
Семисаженную шею свою,
Быстроногая, вихря быстрей,
С плечами, железных ножниц острей —
Крутящимся подолом свистя,
Дымным хвостом крутя,
Болтливая, где летаешь ты,
Блудливая, где пропадаешь ты,
Огневая девка
Куо Чамчай,
Кровожадная
Кыскыйдаан Куо,
Половина — там,
Половина — здесь,
До половины явись, покажись!

Эй, пучеглазая, с глоткой пустой,
Плененный доброй славой твоей,
Привлеченный именем громким твоим,

Приехал жених за тобой,
Прекрасный, достойный сын
Солнечного рода айыы!
На его лопатках поводья небес,
Он Верхнего мира тойон,
Он на высокой елани рожден,
Удостоил тебя сватовством!
В ожиданьи тебя
Померк его блеск,
Он как месяц ущербный стал.

Эй, черная девка,
Червивый бок,
Рваные щеки,
Кровавая пасть,
Где б ни летали три тени твои,
Я тебя повсюду найду,
Не придешь — силком приведу.
Если замуж добром не пойдешь
За такого детину-богатыря,
Я тебе хребтину переломлю!
Волей — отдам
И неволей — отдам! —

Только выкрикнул такие слова,
Только на место встал
Уот Усутаакы,
Тут же с северной стороны,
Где тучами завалена даль,
Оттуда, где буйствует
Лютый илбис,
Будто смерть дохнула —
Огонь полыхнул.

Из бездонной погибельной глубины
Клубящийся вихрь взлетел,
Будто шумные вздохнули мехи?

Кузнеца Куэттээни,
Вылетел из непроглядной мглы,
Крыльями порождая шум,
Чернопегий ворон зловещих небес.
Глазами огненными блеснув,
В полнеба пламенем полыхнув,
Птица огромная с высоты
Опустилась,
Раздался гром,
Будто с грохотом каменная скала
Разлеталась вдребезги
Щебнем, дресвой…

Такой был грохот и гром,
Что лопнула бы от него
Шкура на лапах и на голове
Медведицы матер**о**й.
А как дым улетел,
Как пыль улеглась,
Увидел Юрюнг Уолан
Удивительную адьарайскую дочь…

Порожденье бездны,
Исчадие тьмы,
Страшная ведьма подземных глубин,
Скособочиваясь боком одним,
Подолом крутя вихревым,
Хвостом клубя дымовым,
Плечи острые подымая,
Пальцы когтистые простирая,
Кривыми коленьями перебирая,
Приоткрывая железный клюв,
Поворачивала туда и сюда
Черное задымленное лицо.
Свирепая девка лихая,
Кровожадная
Кыскыйдаан Куо,

Щеголихой у племени абаасы
Прослывшая за три тысячи лет,
То изгибала игриво она,
То вытягивала горделиво она
Семисаженную шею свою;
Чтобы по нраву прийтись жениху,
Она подтянула, подобрала
Свой оттопыренный зад;
Так и этак старалась она
Выпрямить искривленный хребет,
Выпячивая живот,
Чтобы выглядеть важной хотун.
Бойко вихлялась, вертелась она;
Брякая, болтались на ней
Ожерелья из позвонков
Девяти шаманов древних времен;
Бренчали на поясе у нее
Подвески из челюстей десяти
Шаманов седых времен;
Постукивали бусы ее
Из коленных чашечек и кистей
Семи шаманок былых времен,
Восьми шаманок иных времен…

Распахивался, вихрем свистя,
Радужный ее сарафан,
Сшитый из кожи,
Содранной с ведьм…
Взлетали полы шубы ее
Из содранных с падали шкур,
Клочья кожи гнилой
Летели кругом,
Подымалась густая пыль…

Целоваться, видать,
С женихом захотев,
Звонко чмокала

Клювом железным она,
Воздух всасывая
Со свистом в себя,
Синим щелкая языком;
Обниматься, видать,
С женихом захотев,
Руки с хрустом
Протягивала она,
Растопыривая когти свои,
Как десять кривых
Верхоянских кос.

Пригибаясь низко к земле,
Пристально из-под ладони она
Высматривала жениха,
Да никак разглядеть не могла.
Трижды взглядом скользнула она
По макушке высокой горы
И опять разглядеть не могла,
Знать, не метко взгляд навела…

Тут сердиться она начала,
Запылали гневным огнем
Страшные гляделки ее,
Выкатились из-под черного лба
Выпущенные белки…

Летающий высоко над землей
На Мотыльково-белом коне
Юноша Юрюнг Уолан
Улыбкою просиял,
Лицом смеющимся просветлел,
Взбесившейся дочери абаасы,
Взъярившейся не на шутку вдруг,
Чудовищной девке той
Приветливо навстречу шагнул,
Как подобает сыну айыы

В беседе с любезной своей,
Белеющими зубами блеснув,
Алеющие губы открыв,
Ласково заговорил,
Голосом нежным пропел…

СТИХ 99
ЮРЮНГ УОЛАН

Взгляни-взгляни!
Посмотри!
Наконец-то встретился я
С ненаглядной невестой моей…
То вытягиваясь в длину,
То расплющиваясь в ширину,
Как мила моя будущая жена!
Как мосластыми костями стройна!
Столько прелести вижу я в ней,
Что вот-вот разорвется печень моя…

И нарядна ты,
И лицом хороша!
Твои щечки — прозеленевшая медь,
Твой румянец — железная ржа…

О, девушка-адьарай!
Поглядел на тебя я —
И облюбовал!
Так по нраву ты мне пришлась,
Что колени мои дрожат
И в груди, как молот, стучит
Круглое, властное сердце мое.
Длинным станом играющая своим,
Дивной ты кажешься мне,
Будет жена в дому у меня
На загляденье всем,
Будет хозяйка в усадьбе моей
На удивленье всем.
Хоть растрепана и грязна,
Но добротна ты, ловк**а** и ладн**а**…

Правда, горб твой великоват,
Но зато ведь шея длинна!
В самом деле — лучшей мне не найти
Среди девушек молодых.
Я красавицы, подобной тебе,
В трех великих мирах не встречал!

Из чужой страны
Привезу я жену,
Чтобы ложе согрела мое…
Из далекой страны
Подругу возьму,
Чтоб лежала в объятьях моих.
Я по нраву невесту себе нашел,
Сразу ты
Полюбилась мне…

Отвечай — по сердцу ли я тебе?
Не огорчай отказом меня,
Не отвергай, не гони,
Чтоб по белым моим щекам
Пятна красные не пошли,
Чтоб на доброе имя мое
Пятна черные не легли…

Поклоняюсь трем твоим темным теням,
Умоляю — стань моею женой!
Согласна ли? Говори! —

Звучным голосом эти слова произнес
Могучий Юрюнг Уолан.
А старший невесты брат,
Уот Усутаакы, великан,
Пяля в ухмылке черную пасть,
Скаля ржавые зубы, твердил:
— Пусть-ка попробует отказать,
Красавца такого забраковать!

Я тогда ее — дуру
Мокрой рукой
За нерв спинной ухвачу,
Тянуть ее буду, трясти!.. —

И тогда адьарайская дочь,
Отдать готовая все
За такого завидного жениха,
Подолом крутящая вихревым,
Похотью пылающая огневой,
Хищница о девяти когтях,
Чародейка блудливая,
Девка-бой,
Лютая Кыскыйдаан Куо,
Бугристый свой оттопыренный зад
Быстро подобрала,
Прихорашиваться начала,
От радости в раж вошла,
Приплясывать, скакать принялась.

СТИХ 100
КЫСКЫЙДААН КУО

Алаатанг!!! Улаатанг!!!
Ай, беда, ай, радость моя!
Ай, неужто ты сам
Пожаловал к нам,
Айыы Хаана любезный сын?

Ох, торговля мала,
Да велик оборот!
Ох ты — горе невпроворот!..

Я тебя одного, красавец, ждала,
Я отказ моим женихам дала,
Я пинками сватов гнала…

Понапрасну меня прождал,
Стужу лютую зря терпел,
Скулы отморозил себе
Богатырь Бэкийэ Суорун,
Рожденный Кэкэ Суоруном-отцом
За провалом проклятых
Нижних небес,
От гремящей черной Нюэрэлдин,
В шею я его прогнала.
Буор Мангалая свирепого сын,
Старухой Суналыкы
Рожденный в бычьем ярме,
Мычащий силач
Мэчюйэр Эртюк
Ни с чем ушел от меня.
Потому я его прогнала,
Что тебя одного ждала.

Рожденный пр**о**клятой высотой,
Грозный Кырбыйа Боотур
Отступился, рыча, от меня…

Рожденный бушующей глубиной
Хаан Чабыргай-исполин
Ни с чем ушел от меня.
Тот, что на бедственном небе рожден,
Эсюктэй Суодуйа
Ни с чем ушел.

Я отвергла богатырей,
Чтобы стать женою твоей!

Как услышала я,
Что родился ты —
Белокожий, невиданной красоты,
Кровь и желчь вскипели во мне,
Я ночей с тех пор не спала,
В драку лезть готова была…

Лежа одна
На ложе пустом,
От ярости билась я,
Такие корчи гнули меня,
Что моя девическая постель
Закрутилась вихрем,
Словно метель…

О, мой милый,
Как долго томилась я,
Ожидая, пока ты придешь!
Блуждая по диким горам,
Прыгая по высоким холмам,
О, как долго тебя я звала!
От горя
Вырос горб у меня,

Почернела, высохла я…

Ой, беда мне!
Ой, радость мне,
Ой, напасть мне!
Ой, счастье мне!

Ты вглядись, возлюбленный мой,
Приглядись, как я хороша,
Видишь тело мое? Оно
Для объятий твоих рождено,
Для любви к тебе создана
В этом теле мятущаяся душа!
Не найдешь ты женщины лучше меня,
Обомрешь ты от ласк моих.
Как сольешься в любви со мной,
Обеспамятаешь от страсти моей!..

Я заботливой буду хозяйкой-хотун
В угодье богатом твоем.
Наловчилась я с малых лет
Ухаживать за скотом;
Пятнистые телята мои,
Не дожив до девятого дня,
Замерзают перед кормушкой своей,
Околевают у ясель своих.
Сразу н**а** год я мясо коровье варю,
А пока на стол
Притащу котел —
Скиснет, заплесневеет еда,
Оттого она и вкусна!

Я выгнала тысячи женихов,
Потому что ты краше всех…
Ох, по нраву ты мне!
Ох, по сердцу ты мне!

От любви к тебе жилы мои гудят,
Трясутся колени мои,
Трепещет печень моя!
Дай я поцелую тебя
В красные губы твои,
Ведь пора, наконец, перестать
Моей крови бешеной клокотать!
Ох страсть, ох беда…

Полюби, красавец, меня!
И рожу я тебе тогда
Одышливых восьмерых
Плешивеньких сыновей,
Золотушных девятерых
Паршивеньких дочерей! —
Так сказала крутящаяся, как вихрь,
Клубящая, как дымокур,
Черным своим хвостом,
Чародейка девка-абаасы
И затопала, захохотала она,
Захлопала по бедрам себя,
То вправо, то влево мечась,
Прихорашиваясь, вертясь,
Длинным клювом чмокая и свистя,
Воздух всасывая со свистом в себя,
Щелкая языком — чуп-чуп…

А хозяин моря Муус-Кудулу,
Исполин Уот Усутаакы,
Стоявший невдалеке,
Открыв свою пасть во всю ширь,
Грохочущим хохотом
Захохотал…

СТИХ 101
УОТ УСУТААКЫ

Ха-ха-хаа!
Ну и смех разбирает меня!
Ха-ха-хаа!
Ну и диво увидел я…

Ай, кривое колено,
Ай, черный клюв,
Ай, чертова девка, сестрица моя!
Как взгляну на тебя — ну и ну!
Смотри же — не упусти женишка,
Зеницу лба твоего,
Зубов твоих острых десну! —

Умилился Уот Усутаакы,
Подземной тьмы богатырь,
Первый средь абаасы,
Обнял за острые плечи сестру
И прикоснулся черной щекой
К ржавой ее щеке.

Когтистая Кыскыйдаан Куо,
Неистовая Куо Чамчай
Визгливо захохотала в ответ
И, в сторону отскочив,
Сказала такие слова…

СТИХ 102
КЫСКЫЙДААН КУО

Он только тогда убежит от меня,
Если погаснет вдруг
Видящая зеница моя,
Если иссякнет вдруг
Клокочущий мой желчный пузырь…

Да не будет этого никогда!
Он только тогда от меня отойдет,
Хотя б на длину ступни,
Когда затупятся когти мои,
Железные, острые когти мои!
От женщины прекрасной такой,
От меня отвернется он лишь тогда,
Если черный мой длинный нос,
Схожий с заостренной пешней,
Перегниет в седловине своей
И от лица моего отлетит!
Да и тогда никуда
От меня — могучей — он не уйдет! —

Кончила она говорить —
И огонь ее страшных глаз
Полосою пламени полыхнул,
Полоснул, как молния, в темноте
Грозовой мгновенной стрелой,
Блеснул, пролетел, промелькнул…

А угрюмый Уот Усутаакы
Тяжелодумной своей головой,
Всей широкой своей спиной,
Всей утробой черной своей,
Думал, соображал:

— Лихая будет у парня жена…
Такая спуску не даст,
Не упустит его из рук…
Ну и пусть! И ладно ему! —

Но сомнение все ж оставалось в нем,
Опасение было в нем;
Несуразное он поднял лицо,
Безобразное — в провалах, в буграх,
Переносицу сморщил, как злобный пес,
Перекосил широкую пасть,
Железные оскалил клыки;
Словно ящерица,
Семисаженный язык
Высунулся из пасти его,
Толстую шею
Обвил, как змея,
Скользнул по двум широченным плечам;
И, чавкая и мыча,
Порявкивая,
Медведем рыча,
Уот Усутаакы,
Как волк, протяжно завыл,
Зычно заголосил,
Три хохочущих пропасти под землей
Криком будорожа своим…

СТИХ 103
УОТ УСУТААКЫ

Ишь ты — важность какая!
Ишь ты — беда!..
Ты — с поводьями на загривке своем
Исподволь подольстившийся к нам,
Искристого солнца дитя,
Если ты решил убежать,
Обмануть задумал меня,
Умыкнуть невесту мою,
Если честью не дорожишь,
Ты от мести моей не уйдешь,
Пропадешь,
В могилу сойдешь!

Ты запомни, мой
Зятек дорогой,
Неразумной своей головой,
Ты запомни
Горячим сердцем своим,
Не переносящим обид,
Подобное смерти слово мое
В память свою впитай:
Если нарушишь наш уговор,
То не скроешься нигде от меня!
Спереди и сзади в тебя
Стрелы гибельные полетят…

Я приду послушать твой смертный хрип,
Посмотрю, как в твой смертный час
Вырвется три раза подряд
Белое дыханье твое!
И пожру я нежное тело твое,
Обнажу я белые кости твои,

Обгложу я дочиста их,
Выпью красную кровь твою,
Ни на камень, ни на песок
Ни капли не уроню…

И пеняй тогда на себя
И меня ни в чем не вини!

Ну, смотри ты, девка,
Сестрица моя,
Ржавая харя,
Жадная пасть,
Коль пропустишь слова мои мимо ушей,
Коль упустишь его из рук,
Я, проклятая, кровью с тебя взыщу!

Я заклятье древнее развяжу,
Выпущу я из тебя
Уймищу белых червей,
Тысячи лягушек и жаб,
Тысячи тысяч гудящих жуков,
Чтобы ползали, прыгали по тебе,
Чтобы терзали тебя…

Если юноша, славный твой женишок —
Юрюнг Уолан удалой
Вздумает от тебя убежать,
Если он высоко полетит
На своем Мотыльково-белом коне,
Волшебством ты его обведи,
Колдовством его догони,
Втягивая воздух в себя,
Как пушинку его притяни,
Клювом железным своим
Грудь ему растерзай,
Вырви сердце бьющееся его,
Выпей живую кровь!

Если скроется он под землей,
Ты рукой когтистой своей,
Ты рукой ветвистой своей
Вытащи оттуда его,
Вырви твердое горло его
И журчащим, свистящим клювом своим
Черную печень его расклюй!

Если только он от нас убежит,
Настанут погибельные времена,
Навсегда омрачатся тогда
Наши славные имена…

Предсказано было мне,
Что скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Залетит в подземный провал,
Заглянет через трубу
В заветное наше жилье.

Если он нападет на нас —
Неуемный в гневе своем,
Не гостящий мирно в доме чужом,
Не уходящий добром,
Мира Среднего исполин,
Великих соседей сын,
Он шейные нам позвонки рассечет,
Вырвет кровавой рукой
Живые наши сердца,
Ничком он повалит нас,
Никому пощады не даст…

А покамест я на охоту пойду,
Нелегка охота будет моя,

Далека дорога моя.

Чтоб в изобильи пищи добыть,
Чтобы много дичи набить,
Чтобы свежего мяса запас
Для пира свадебного притащить,
Принужден я сперва истребить
Тридцать шесть коварных племен,
Корень вырвать скорби моей.
Ближних соседей моих
Я заставлю вопить и рыдать,
Дальних соседей моих —
Я заставлю выть и стонать.
Я выкурю их из улусов родных,
Не выходивших на мой призыв,
Не делившихся со мной подобру
Ни скотом, ни другим добром, —
Ух, как я им носы утру!

Сколько толстых чугунных голов
Слетит с широченных плеч
Дорогих моих земляков,
Много крови придется пролить
Родственникам моим!

Хоть и жалко мне их, дорогих,
Но пускай узнают они,
Что последний их отпрыск,
Правнучек их,
Заброшенное дитятко их,
Возмужал, окреп,
Стал свирепым быком,
Умыкнул Туйаарыму Куо,
Красавицу в жены взял.

Ну, мой молодой зятек,
Названный мой золотой сынок,

Мы две свадьбы справим —
Твою и мою!
Гору дичи для пира я притащу,
До отвала я угощу
Всех твоих худородных друзей,
Всех твоих отощалых гостей…

Жиру нет и на палец на брюхе у них,
В жилах бледная кровь у них,
Железы иссохли у них.
А для достойной сестрицы моей —
Для пустой утробы ее —
Столько мяса я припасу,
Ей такую гору еды навалю,
Чтобы брюхо до тошноты
Пищею набила она,
Чтобы высохший свой пищевод
Желтым жиром смягчила она,
Чтоб трещали кости у ней на зубах,
Чтобы чавкала, грызла,
Смоктала всласть! —

Молвив такие слова,
Уот Усутаакы,
Пасть прикрывая рукой,
Раскатисто захохотал…

Тут с пронзительным криком он
Закружился, гудя, как вихрь,
Обернулся змеем о трех головах —
И, полыхнув огнем,
Шумно к темным тучам взвился,
Шипя, улетел, пропал…

СТИХ 104
УОТ УСУТААКЫ

На Мотыльково-белом коне
Летающий высоко над землей,
Блистающий красотой
Юноша удалой,
Юрюнг Уолан-богатырь,
Уразумев, что погибель его
Далеко теперь отошла,
Глубоко, облегченно вздохнул
И, обратив лицо
К страшной невесте своей,
Крутящей подолом,
Дымящей хвостом,
Грозящей железным носом-пешней,
К потаскухе подземных трех пропастей,
К молодухе трех тысяч отроду лет,
Когтистой девке-абаасы,
Неистовой Кыскыйдаан Куо,
Заглянул ей прямо в глаза,
Заговорил горячо.

СТИХ 105
ЮРЮНГ УОЛАН

Кэр-даа-бу!!! Кэр-даа-бу!!!
Красавица ты моя,
Свет очей моих,
Сила крыльев моих,
Милая Кыскыйдаан Куо!

Перестань подолом беспечно крутить,
Перестань хвостищем дымить,
Погодим ликовать и шутить,
Подумаем, как нам быть…

Томит меня страх,
Тревожит меня,
Что задумал грозный твой брат —
Уот Усутаакы.

Он задумал нас погубить,
Он задумал нас в рабов превратить,
Воловье ярмо нам на шеи надеть,
В колодки наши ноги забить,
Чтобы мы всю черную грязь его,
Чудовищные изверженья его
Убирали покорно за ним,
Заметали его следы…
Он — жестокий — не даст нам уйти
На высокий зеленый хребет,
На свободный светлый простор
Восьмиободной средней земли,
На благословенное лоно моей
Несравненной, цветущей страны!

Если пустимся мы в побег,

Я боюсь — он успеет нам
Все пути из пропасти загородить,
Все выходы завалить…

Если в Среднем мире земном
Мне с тобой не жить,
Детей не родить, —
Чем вечные здесь обиды терпеть,
Чем видеть тебя — дорогую мою,
Любимую хозяйку-хотун
Рабыней, доящей чужих коров
В вонючем сыром хлеву,
Чтоб тебя будили пинком поутру,
Нет! Лучше мне умереть!

Покамест радость встречи с тобой
Ничем не омрачена,
Сам я брошусь на меч,
Сталью грудь себе распорю!

Нареченно-обещанная моя,
Обречен я расстаться с тобой…
Умираю!
Прощай навсегда! —

Так говоря, Юрюнг Уолан,
Будто впрямь умереть решил,
Отпрянул назад,
Обнажил свой меч,
Рукоять его в землю упер,
Собираясь броситься на острие,
Сердце свое пронзить…

Прыгая на разветвленной ноге,
Пронзительно закричав,
Хвост дымовой,
Подол вихревой,

Плечи-ножницы,
Пальцы-клещи,
Черный огнепышущий нос,
Чертова дочь
Кыскыйдаан Куо
Пинком отбросила меч,
Приблизила ржавую харю свою
В упор к лицу жениха
И, пристально глядя ему в глаза,
Петь, голосить начала…

СТИХ 106
КЫСКЫЙДААН КУО

Алаатанг! Улаатанг!
Золотой мой,
Что вздумал т**ы**!
Пока мои огненные глаза
Палящим взглядом разят,
Не ляжешь в могилу ты!
Пока железные когти мои,
Как отточенные косы, остры,
Пока не вырваны у меня
Выгнутые когти мои,
Нечего страшиться тебе!

Пока мой длинный железный нос,
Мой огнепышущий клюв
Торчит на моем лице,
Нечего страшиться тебе!
Ох, горе мое!
Ох, диво мое!
Ох, как сердита я!
Еще он выхваляется передо мной,
Еще величается передо мной!..
Знаю я — знаю его,
Братца проклятого моего…
Вот он какой злодей,
Уот Усутаакы!
В правом его паху
Рана открытая есть,
Не зарастающая никогда…
Я заклятую кольчугу его
Когтистой рукой разорву,
Рану разбережу,
Кровь его гнилую пролью,

Ох, как печень моя горит!
Ох, как ярость моя кипит!

Тропы тайные выслежу я,
Где бродит зверь его Кэй-Тубут;
В теле этого зверя живет
Материнская
Воинственная душа
Брата лютого моего.
Заколдованный этот зверь
Был порожден и взращен
На бурном северном
Склоне небес.

Если этого зверя поймать,
Если, вырвав заживо
Сердце его,
Сжечь в огне, —
Истребится тогда
Материнская, злая его душа,
Прервется тогда навек
Длинное дыханье его,
Брата старшего моего
Уот Усутаакы-хвастуна!

Не огорчайся, мой друг дорогой!
Не омрачай свою радость ничем.
Как весной ручеек, журча,
Как широкий поток, плеща
Хлынет черная кровь его.
Ты увидишь сам,
Ты услышишь сам,
Как прерывисто, хрипло дыша,
Наполняя зловонием Нижний мир,
Околеет он — твой злодей! —

Тут адьарайская дочь

Тучей заклубила
Свой дымный хвост,
Вихрем закрутила подол,
Загудела огнем,
Завертелась волчком.

Услыхав ее речь,
Юрюнг Уолан,
Будто обрадовался, повеселел,
Сказал такие слова…

СТИХ 107
ЮРЮНГ УОЛАН

Ну, добро! Ну, добро!
Медногрудый жавороночек мой,
Златогрудая пташка моя,
Подруга моя, супруга моя,
В час, когда мы проп**а**сть могли,
Счастье неумирающее твое
Повернулось к нам,
Улыбнулось нам!

Над пропастью ты меня провела,
Брод в глубокой реке нашла!
Радуюсь толковым твоим,
Крепким, как опора, словам…
Влечет мое сердце к тебе,
Горячо кипит моя кровь!
Хочу я любви твоей.
Ох, как я крепко тебя обниму,
О, как тесно к тебе прижмусь,
Хоть на острый, железный твой нос
Пусть я до смерти напорюсь…

Пусть в исступленьи любви,
Отточенные когти твои
На клочья меня раздерут!
А в объятьях твоих умереть
Будет только приятно мне… —

Так говоря,
Юрюнг Уолан
То с одной, то с другой стороны заходил,
Будто пытался поцеловать,
Да приладиться не умел

К длинному черному носу ее,
Торчащему, как железный лом,
К острому клюву ее,
Пышущему огнем.
Блудливая адьарайская дочь,
Когтистая Кыскыйдаан Куо,
Застенчиво лицо отводя,
Смущенно гнула к земле
Семисаженную шею свою
И, лязгая железом когтей,
Трогала огромный свой нос
И толстые губы свои…

СТИХ 108
КЫСКЫЙДААН КУО

Ай, беда мне! Алаатыгар!!!
Ай, какие длинные отросли!
Как с носом таким целоваться мне?
Как с когтями, острее железных кос,
Буду я тебя обнимать,
К телу своему прижимать?
Когда я за жизнь дралась,
Когти служили мне хорошо,
Когда я в битву рвалась,
Врага мой железный нос,
Как рогатина, бил наповал…

А теперь — на что мне они?
Ай, беда! Ай, горе мое! —
Так в отчаяньи причитала она.

А скачущий на Мотыльково-белом коне
Славный Юрюнг Уолан,
Опечаленным притворясь,
Осматривая невесту свою,
Покачивая головой,
Вздыхая, ей отвечал.

СТИХ 109
ЮРЮНГ УОЛАН

В день, когда я тебя привезу,
Обещанная подруга моя,
В восьмиободный мой
Средний мир,
Где долы весной цветут,
Где д**о** неба горы встают,
Где воды играющие бегут,
Где золотом даль горит,
Говорить мои родные начнут:
«Славный, скажут, был богатырь
Бедняга Юрюнг Уолан…

А зачем он страшилище в жены взял
С десятью когтями на черных руках,
С носом длинным, словно пешн**я**…
Этим носом проруби можно рубить,
Да ведь как ему с нею жить?..»
Как пойдут такие речи про нас,
И начнут нас чуждаться все,
Отвернется родня от меня…

Ах, как это обидно мне… —
Так унылым голосом говорил
Юноша Юрюнг Уолан…

Дочь лихая абаасы —
Хвост дымовой,
Подол вихревой,
Захохотала в ответ,
Расставя ножищи свои,
Мотая звенящею головой.

СТИХ 110
КЫСКЫЙДААН КУО

Нечего унывать, молодец,
Не о чем горевать!
От будущей семейки моей
Не будет упреков тебе
За то, что привел такую жену,
За то, что когти мои остры,
За то, что страшен мой нос…

Да пусть мои когти совсем пропадут!
Да пусть их черт поберет!
Не нужен мне мой железный нос!
Для мужа милого моего —
Чтобы мне целоваться с ним,
Чтобы мне обниматься с ним,
От десяти своих черных когтей,
От клюва острого моего
Избавиться я хочу! —

И на глыбу каменную она
Длинные когти свои положив,
Сказала ему:
— Отруби! —
Прекрасный юноша — сын айыы —
Притворяясь, что испугался он,
Подался назад,
Сказал:
— Невеста возлюбленная моя,
Если я, ударив мечом, промахнусь,
Если кровь твою ненароком пролью,
Если я тебя погублю —
Я места от горя себе не найду,
Бесчестие будет мне! —

Свирепая Кыскыйдаан Куо
Ответила богатырю:
— Не робей, мой друг!
Поскорей руби!
Если кровь мою случайно прольешь,
Если даже меня убьешь,
Ты живой водою меня спасешь,
Которую похитила я
У коновода бурных небес
Кюн Дьэсегея — давным-давно…

На северной стороне,
За крепостью ледяной,
Под железной лиственницей вековой,
У толстых ее корней,
Темную ты увидишь нору —
Тайный звериный ход.
В горностая оборотись,
По той норе в подземелье спустись.

Там — в одном углу пред тобой
В чашке соболя черепной,
Ярко блеснет
Живая вода;
А в другом подземелья углу,
В черепе медвежьем, перед тобой,
В затылочной чаше его,
Синим светом тускло блеснет,
Мертвая забрезжит вода…
Полный рот живой воды набери
И обратно скорей беги.

Если вспрыснешь меня живою водой,
Бросишь капли три на раны мои,
То, если я буду мертва,
Тут же пред тобой оживу,

На ноги резво вскочу
Такая же, как была! —

Только выболтала
Тайну она,
Тут же Юрюнг Уолан
Ухватил двумя руками свой меч
И взмолился в сердце своем:
— Сестра моя Илбис Кыыса,
Силу в руки мои вложи!
Грозный Осол Уола,
Правильно меч мой направь!
Время мое пришло,
Бестрепетно должен я
Когти длинные отрубить,
Клюв железный укоротить
У любимой жены моей! —

Так воскликнув,
Юрюнг Уолан
Блестящим взмахнул мечом
И ударом одним
У Кыыс Кыскыйдаан
Десять железных ее когтей
Вместе с пальцами отрубил.
Огнеглазая адьараев дочь,
Оборотень подземных бездн,
Отчаянно вскрикнула:
— Ох, беда,
Ох, умираю я!.. —

И рухнула, в корчах крутясь,
В судорогах колотясь
Всем грузным телом своим.
Отпрянул Юрюнг Уолан,
Испуганным прикинулся он,
В отчаяньи руками всплеснул,

Громко запричитал:
— О, горе мне!
О, позор!
Я убил неверным ударом своим,
Погубил невесту мою!
Преданную подругу мою
Предал смерти своей рукой!
Проклянут меня в трех мирах,
Отвернутся все от меня…

Тяжек на душе моей грех!
Скажут: он убийца жены…

И прогонят меня,
Как поганого пса,
Пинком отшвырнут,
Как пегого пса!
Чем такую муку терпеть,
Лучше самому умереть!

И рогатины острие
Он направил в сердце свое.

Увидала горе его
Кыскыйдаан Куо,
На ноги резво вскочив,
Рогатину с расписным древком
Пинком ветвистой ноги отшвырнув,
Захохотала она
И сказала богатырю;
— Ха! Чего испугался ты?
Как бы ты спас меня,
Если бы умер сам?
Разве так оживляют мертвых, глупец?
Разве так исцеляют раны, дитя? —

И смеясь,

Кыскыйдаан Куо
Облизала синим своим языком
Обрубленные пальцы свои.
Исцелились мгновенно раны ее;
Словно у комолой коровы комли,
Пальцы короткие отросли.
— Погляди! — сказала она, —
Какие красивые у меня
Пальчики без когтей…
А теперь, желанный мой друг,
Отруби железный мой клюв! —
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне,
Глубоко вздохнув, отвечал
Могучий Юрюнг Уолан:
— Не мучай! Не принуждай!
Не обучен владеть я мечом,
Не могу твой клюв отрубить…

А Кыскыйдаан Куо
Залопотала в ответ:
— Алаата, богатырь!
Отказываться поздно теперь!
Будь мужчиной,
Бери свой меч
И руби смелее мой клюв,
Укороти железный мой нос,
Маленький — на моем лице —
Красивый носик оставь! —

И семисаженную шею нагнув,
Плотно прижала она
К плоскому камню
Сопящий свой клюв,
Журчащий «чуур-чаар».

И сказал Юрюнг Уолан:

— Ты сама вынуждаешь меня
Делать то, что я не могу…
Если вред причиню, исцелит тебя
Дьэсегея живая вода! —
Тут взмахнул он блестящим мечом-пальм**о**й,
Ударил невесту свою
По шее длинной ее,
Голову ей отсек.

Дух ее челюсти и языка
Вылетел из пасти ее,
Завертелся, в ящерицу превратясь,
И пропал, свистя и смеясь…

Потухшие закатив глаза,
Отрубленная голова
Простонала, зубами скрипя,
Мертвою пастью своей
Проклятье провыла она…

СТИХ 111
ГОЛОВА КЫСКЫЙДААН КУО

Алаатанг-улаатанг!!!
О, тяжко, о, больно мне!!!
Милосердного племени сын
С поводьями солнечными за спиной,
Ты ненавистен мне!

Заманил меня в западню,
Обманул меня и убил…
Ты обрек теперь на гибель себя,
Ты проклят теперь навек…
Три светлых твоих души
Рассеются без следа…

О, как билось могучее сердце мое!
О, как влюбилась я
В белую плоть твою!
О, как жаждала я тебя,
Предалась тебе всей душой…

Предательством черным ответил ты!
Я погублена коварством твоим,
Отрублена моя голова…
Заклятьем последним своим
Заклинаю, убийца, тебя:
Чтоб вовек тебе женщины не обнимать,
Чтоб тебе с женою не спать,
Чтоб жене твоей не рожать,
Не носить детей, не качать!

Ну, а если ты
Детей породишь —
В дни, когда

Твой сынок подрастет,
Лук и стрелы впервые
В руки возьмет,
Когда под кровом твоим
Красавица-дочь подрастет,
Ножницы в руки возьмет
Нежной прелестью расцветет,
Я проскочу в твой дом
Сквозь трубу очага твоего,
Я отомщу тебе!
Если не с тебя самого,
То с твоих рысенят взыщу!

В вечных муках отныне живи!
Никогда, ни в чем
Отрады не знай,
Час рождения своего проклинай! —
Умолкла мертвая голова,
Унеслись проклятья ее…

Тут богатырь Юрюнг Уолан
Труд тяжелый свой завершил:
Труп чудовищный
Дочери абаасы
С крутого обрыва он
Бросил в море Муус-Кудулу,
В огнереющую волну,
В бушующую глубину.
Ухватив за длинный железный клюв,
Голову чудовища он
Далек**о** в пучину швырнул.
Вырвав с корнями, с землей
Мерзлую огромную ель,
Три дня и три ночи Юрюнг Уолан
Деревом пучину крутил,
Темные глубины мутил.
Закипел, закружился водоворот

И останки страшной невесты его
Бесследно в бездну унес…

Богатырь Юрюнг Уолан,
Горностаем оборотясь,
Тайную пору отыскал,
В темное подземелье проник,
Сверкающую в темноте
Живую воду он увидал
В чашке соболя черепной,
Выпил глоток ее,
Выбежал из норы,
Принял свой прежний вид.
Удесятерилась в теле его
Дивная богатырская мощь
От глотка небесной воды…

Выпрямился горделиво он,
Расправил плечи свои;
Воспрянул отважный дух,
Засверкали ярко глаза,
Заалели губы его,
Заблестели белые зубы его,
Начал грозные он слова выкликать,
На бой врага вызывать…

СТИХ 112
ЮРЮНГ УОЛАН

Смотрите, богатыри,
Вы, с поводьями за спиной
Светлые сыновья
Солнечного рода айыы;
Вы, бедные дочери и сыновья
Человеческих разоренных племен,
В черной неволе, в плену
Томящиеся с давних времен,
Угнетенные тяжело,
Утесненные злобным врагом,
Счастье наше опять
Улыбается нам!

В себе я дивную мощь разбудил
Дьэсегея живой водой!
Я проклятый этот алас,
Я подземный сумрачный мир
Опрокину и расплещу,
Переверну вверх дном,
Как берестян**о**е ведро!
Я заплесневелый этот край растопчу,
Я железный дом сокрушу,
Где томится невеста моя,
Обещанная подруга моя,
Милая Туйаарыма Куо!
Я спасу из плена ее,
Я унесу ее
Из бездонной подземной тьмы
На зеленое лоно
Средней земли,
Озаренное светом небес!
Хитрость твоя не поможет тебе,

Похититель, разбойник ночной,
Уот Усутаакы…
Я все племя твое перебью,
Я колени им раздроблю,
Длинные кости их сокрушу,
Короткие кости
Шугою пущу! —

А пока Юрюнг Уолан
Врагам расправою угрожал,
Пока собирался он
Растоптать весь подземный мир,
Раскатился вдруг оглушительный гром,
Ужасающий свист и шум…
Явился — отколь ни возьмись —
Восьминогий, чудовищный
Медный змей;
Юрюнг Уолана-богатыря
Толстыми кольцами он оковал,
В грудь ему жало вонзил,
Начал жадно пить
Его алую кровь
И, отвалившись от жертвы своей,
Буйно выкрикивать стал…

СТИХ 113
ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Аар-дьаалы! Аарт-татай!
А-а, вы — отродья рода айыы,
Вот вы, оказывается, каковы,
Обузданные с хребта,
С жалостливой душой
Дети солнечной высоты…
Я-то думал: вы — удальцы,
Я-то думал: вы — хитрецы,
На всякие выдумки мудрецы,
А выходит, вы — хвастуны,
Толстоголовые дураки,
Бестолковые
Ротозеи, глупцы!
Жиром тело питаете вы,
Жажду молоком утоляете вы,
Оттого вы дюжи в плечах,
Оттого вы дерзки в речах.
Ох, как возгордились вы предо мной,
Ох, как вознеслись надо мной!
А ведь стоит мне рукою махнуть —
Вам не устоять на ногах…
Стоит руку мне протянуть,
Я любого из вас возьму,
Шевельнуться не дам ему…

Вы, глупцы, позабыли, видать,
Что нет среди вас никого,
По силе равного мне?
Я могучий, бессмертный дух
Бездонного моря Муус-Кудулу,
Уот Усутаакы-исполин!
И ты у меня —

Средь белого дня,
Из дома железного моего,
Из крепости неприступной моей
Выкрасть решил
Туйаарыму Куо,
Милую подругу мою?!
Видно, мало тебе
Щелчка моего?
Видно, ты захотел
Кулака моего! —
И раскатистым хохотом громовым
Захохотал исполин…

А для солнцерожденного сына айыы
Солнечный свет померк,
Смерть свою почувствовал он,
Посинело его лицо,
С трудом дыхание переведя,
В судороге трепеща,
Тихо он простонал…

СТИХ 114
ЮРЮНГ УОЛАН

О, горе, о горе мне!
Огонь моей жизни угас…
О, где ты теперь,
Нюргун Боотур,
Могучий, старший мой брат?
Морозный мой темный путь
Грозной поступью протопчи,
По холодным моим следам проскачи,
По горячим моим следам примчись.

Коль ты наверху —
Копьем ударь!
Коль ты подо мной —
Взлети острогой!
Из пасти кровавой меня
Спасти поспеши!
В смеющемся мареве золотом,
В сверкающем воздухе голубом,
С расцветающею травой
На просторе вольном степном,
На восьмидесяти
Неколебимых столбах,
На восьми незыблемых ободах,
Прекрасный мой Средний мир,
Прощай теперь навсегда!
Серебряный высокий мой дом,
Светлый огонь в моем очаге,
Прощайте и вы навсегда!
Седовласый отец мой тойон,
Сотворивший меня,
Породивший меня,
Милосердная мать моя,

Подарившая мне солнечный мир,
Сестричка младшенькая моя,
Синичка рода айыы,
Жаворонок высоких небес, —
Жалко мне расставаться с тобой,
Милая Айталыын Куо!
Все вы, все
Прощайте навек!

Прославленная в трех мирах,
Прекрасная Туйаарыма Куо,
Предназначенная подруга моя,
Протоптал я твой дальний след,
Прискакал я на твой призыв
И полег в неравном бою
У порога темницы твоей…
Навсегда, навеки прощай!
Сказал я последнее слово свое,
Завещал я волю свою…

Ну а ты, мой враг адьарай,
Если хочешь убить —
Убивай,
Терзай меня,
Кончай со мной! —

Так, простертый в пропасти, на земле
Перед пастью абаасы
Произнес Юрюнг Уолан
Последнее слово свое.

СТИХ 115
ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Не страшен ты вместе с ним —
Со старшим братом твоим!
Пропал один,
Пропадет и другой…

Прекрасная Туйаарыма Куо
Предназначена мне одному!
Никому ее не отдам!
Какой великий тойон пришел,
А корчится, как червяк,
Раздавленный ногою моей!
И последнее слово еще говорит,
Завещает волю свою?
Ах ты, пащенок! Ах, сосунок! —

Так, издеваясь над жертвой своей,
Адьарай-исполин орал,
Во всю ширь разевая пасть,
Оглушительно хохоча.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

СТИХ 116

Свист быстрых лыж,
Хрипящий дых
Тревожат тишь
Трущоб лесных…
Буран шумит,
Беда вокруг…
Илбис летит —
Убийства дух…

Когда сын
Ардьаман-Дьардьамана-шамана,
Редкозубого богатыря,
Вскарябавшего земной простор,
Взгромоздившего на ровной земле
Восемь зубчатых горных хребтов,
Когда удалой его сын
Бохсоголлой Боотур,
Подымающий снеговой ураган,
Пролетая на лыжах своих,
Тот, кого никто не сумел обуздать,
На кого никто не надел ярма,
Ухватил загребистой лапой своей,
Умыкнул, умчал воровски
Красавицу Айталыын Куо,
Когда он в чащобе лесной исчез, —
Нюргун Боотура небесный конь
Восемь дней и ночей подряд
Ржал над ухом хозяина своего
И не мог его разбудить.
Отчаялся верный конь,
Отскочил, попятился он,
Копытами задних ног
Спящего прямо в темя лягнул;

Так лягнул, что искры из глаз
Посыпались у того.
Вскочил Нюргун Боотур,
Протер глаза, огляделся вокруг,
Видит — нет Айталыын Куо,
Сестры его дорогой,
Красавицы с восьмисаженной, косой,
Только длинных саней следы,
Только оленьих копыт следы
Там и сям видны
На талом снегу,
На камне и на земле…
Понял тут исполин айыы —
Пока он спал заколдованным сном,
Удача врага не спала…
Удалой Нюргун Боотур
Ударил по бедрам себя,
Зубами заскрежетал,
Сказал такие слова…

СТИХ 117
НЮРГУН БООТУР

А-а! Какая обида мне!
Ардьаман-Дьардьамана выродок-сын
Обнаглел, видать, осмелел!
Затаенный в таежной тьме
Звереныш заматерел,
Из логова вырвался волк,
Из берлоги вылез медведь!
По следам на талой земле,
По следам на мерзлой земле
Хищника я прослежу,
Хитрого разбойника догоню,
Отыщу дорогую мою сестру,
Отомщу за обиду свою!
Все гнездо воровское
Врасплох захвачу…
Ух, как погоняю вас!
Уж пеняйте тогда на себя. —
Прянул в седло Нюргун Боотур,
Прямо на юг поскакал,
По урочищам, по дремучим холмам,
По широким оленьим следам…
Так скакал Нюргун Боотур,
Так летел богатырский конь,
Что девять ревущих вихрей взвились,
Что вскипели тучи следом за ним,
Клубясь над простором земным
Н**а** восемь дней пути,
Градом ледяным грохоча,
Громом весенним гремя,
Ветвистыми молниями блестя.

Как огромная летящая тень,

Как призрак, всадник и конь
Были видимы за семь суток пути;
От грузного топота скакуна
Дрожала, гудела земля
За шесть суток пути.
Белыми столбами огня
Било дыханье из ноздрей
Бешено мчащегося коня.
Взлетая птицею в высоту
Блистающе гулких небес,
Пробегая восьмихолмистый путь,
Пробивая семиизвилистый путь,
То над горной крутизной,
То над облачною грядой
Черной стрелой проносился конь,
Только ветер свистел в ушах…

Восьмикрайняя, о восьми ободах
Изначальная мать-земля
Глубок**о** внизу утонула во мгле…
Зубчатые каменные хребты
За плечами богатыря
Исчезли в синем дыму,
За черту окоема ушли.

Вот, обнимая весь кругозор,
Водным простором кипя,
В**о**лнами вечно гремя,
Полыхая мутным огнем,
Опаляя крылья гагар,
Прибоем яростно грохоча,
Седою пеной плеща,
Открылся грозный сумрачный лик
Моря огненного Нюдулу.
Суток з**а** девять верховой езды
Слышен был шум его,
Суток з**а** восемь быстрой езды

Стужею несло от него,
Суток з**а** семь пути
Взлетало над ним,
Реяло над простором морским
Сумрачное пламя его…

От просторов пылающих моря того
В ту сторону Нюргун повернул,
Где тянулся неведомый лес —
Дремучая подымалась тайга.
А в трущобе той,
В чащобе лесной,
Из-под замшелого древнего пня,
Из-под корявых его корней
Языками алый огонь вылетал,
Клубящийся дым валил…
Остановился Нюргун Боотур,
Увидя такое диво в лесу —
Откуда, мол, дым валит;
И услыхал под землей,
Под подошвами ног своих
Человеческие голоса.

СТИХ 118
ГОЛОС СТАРУХИ

О, старик, старик!
От начала времен
Орлиной кровью,
Орлиным пером
На каменных плитах писать
Наказано было тебе,
Проникая в будущие века,
Предрекая удел миров,
Предсказывать судьбы людей…
О, седобородый мудрец,
О, добрый советчик мой,
Острый на слух
Сээркээн Сэсэн,
Скажи мне, что знаешь ты?
О чем размышляешь ты,
Гадающий на крови?
Куда еще вражда заведет
Людей, обитающих на земле?
Лютей их участи нет…
А что я, бедная, сделать могу?
Чем я им, покинутым, помогу?
Тяжело мне видеть страданья людей,
Т**о**мно на сердце у меня…
В темную, трехсонную ночь
Трижды приснились мне
Три одинаковых сна:
Ардьаман-Дьардьамана-шамана сын,
Облаченный в продымленную доху,
В добротную р**о**вдугу
В пестром шитье,
Владелец несметных оленьих стад,
Большелобый хозяин тайги,

Удалой медвежатник и зверолов
Бохсоголлой Боотур
Загребистой лапой своей ухватил,
Украл, уволок в становье свое,
Укрыл под землей в тайнике
Небесных родителей младшую дочь,
Прекрасную Айталыын Куо,
Красавицу с восьмисаженной косой.
Эту весть
В оба уха мои,
Задыхаясь, хрипя, на лету
Прокричала Илбис Кыыса…
О, старик, о мудрый старик,
Об этом слыхал ли ты? —

В ответ на старухину речь
С грохотом под землей
Распахнулась книга каменных плит;
Волшебное маховое перо
Из крыла Хотоя-орла
Шумно строчить пошло;
Старческий голос потом
Раскатисто прозвучал,
Как отдаленный гром…

СТИХ 119
ГОЛОС СТАРИКА

Полно, старая, голосить,
Прежде времени горевать!
На сверкающих каменных плитах своих
Я, словно киноварью, записал
Ярко алой кровью орла,
Что летающий, как стрела,
На небесном коне своем Вороном
Стремительный Нюргун Боотур
Снарядился на битву,
Вышел в поход,
Взбаламутил и расплескал,
Словно воду в посудине берестяной,
Бедственный Нижний мир…

Вот уже третий год
Я по приметам своим узнаю,
В пророческих вижу снах,
Что скоро Нюргун Боотур
Из неволи страшной освободит
Несчастную Туйаарыму Куо,
Красавицу с девятисаженной косой,
Предназначенную породить на земле
Тридцать племен айыы-аймага,
Сорок племен уранхай-саха…

Обладатель несметных оленьих стад,
Ардьаман-Дьардьамана сын,
Удалой разбойник лесной
Бохсоголлой Боотур,
Чрезмерно силой своей возгордясь,
Черную накликал беду —
На горе себе украл он сестру

Нюргуна-богатыря.
О бугор ударит его Нюргун,
Распорет толстую кожу его,
Сокрушит его дюжий костяк,
Отомстит за дерзкое воровство!
Что свежие вора следы
Прослежены богатырем,
Сиплым ревом Илбис Кыыса
Проголосила мне…
Что остывший след воровской
Отыскан богатырем,
Провыл, пролетая,
Осол Уола…

Говорят, шаман
Ардьаман-Дьардьаман
У грозного Дьэсегея с небес
Горсть воды бессмертья украл.
Видно, веря в неуязвимость свою,
Надеясь на силу живой воды,
Решился Бохсоголлой-удалец
Совершить беспримерный грабеж,
Но ничто не поможет ему —
Не уйти от возмездья ему… —

Заветные эти слова,
Сказанные ведуном-стариком,
Гулким эхом из-под земли донеслись
До слуха богатыря…

Услыхав слова старика,
Поскакал Нюргун Боотур,
Миновал перевалы восьми хребтов,
Над тучами перелетел
Излучины девяти хребтов,
На красивом склоне пестрой горы
Скакуна черногривого

Остановил
И силой заклятья, в единый миг,
Он превратил коня
В березу о трех ветвях
С серебряною корой;
А сам Нюргун Боотур
Покатился кубарем по земле;
Оборотился он
Горностаем — белым, как снег,
С чутким нюхом,
С черным хвостом.

Неуловимые для людей
Слыша запахи на земле,
Он на след семи оленей напал,
Резво, весело побежал,
Рощу темную миновал.
На опушке леса,
На взлобке горы
Осмотрелся,
На задних лапках присел
И прямо перед собой
Стойбище увидал…

Среди стойбища, снег топча,
Семь оленей пегих —
Рога о рога —
Звучно сшибаясь, дрались,
Бодались, жарко дыша.

По**о**даль, на суковатом стволе
Висели на крепких ремнях
Девять шкурой лосиной подбитых пар
Деревянных волшебных лыж,
На которых, как ветер, летал,
Подымая буран за собой,
Бохсоголлой Боотур удалой;

Девять пар высоко подвешенных лыж,
Сыпя искрами,
Полыхая огнем,
Раскачивались сами собой,
Друг о друга хлопались на весу…

К дереву сухому тому
Смело горностай подбежал,
Живо вскарабкался по стволу,
Перегрыз ремни деревянных лыж.
На землю упали они,
Силу потеряли свою…

Проворно кругом горностай обежал
Просторную урасу.
Принюхался, отыскал нору,
Юркнул в нее и попал
В каменный глубокий подвал.
В том подвале,
Привязанная к столбу,
Обливаясь ручьями слез,
Томилась его сестра,
Милая Айталыын Куо,
Жаворонок золотой
Милосердного рода айыы.

Принял Нюргун Боотур
Прежний человеческий вид,
Проворно освободил сестру,
Трижды поцеловал ее
В трепетную верхнюю губу,
Шестикратно обнюхал ее
Нижнюю розовую губу,
Нежно погладив ее, покатал
Между ладоней своих,
В шерстяной комочек ее превратил,
В боковую сумочку положил,

И превратился опять
В горностая, сверкающего белизной,
С черным кончиком на хвосте.
Пробежал по узкой норе,
Пролез в просторную урасу,
На задних лапках привстал,
Огляделся и увидал:
Посредине дымного чума-жилья
Прямехонько перед ним,
На оленьих шкурах, близ очага,
На коленях, сутулясь, сидел
Исполин Бохсоголлой Боотур.
Как широкая деревянная чашка,
Толстый затылок его,
Лоб его на колено похож;
Плоское вытягивая лицо,
Шею в круглые плечи втянув,
Напряженно руку держа
На рукояти меча,
Покачиваясь туловом в полусне,
То всхрапывал богатырь,
То вздрагивал, тараща глаза:
— О-о, татат!
Ох, что за напасть?!
Что-то кожа дергается у меня!..
Ох, похоже — проведал о деле моем,
Ох, похоже — едет сюда,
С шумом, громом скачет сюда,
Грозовою стрелой летит
На Вороном своем,
Стоя рожденном коне,
Стремительный Нюргун Боотур!
Доброе имя мое растоптать,
Громкую славу мою
Опрокинуть задумал он…
Ох, нагрянет скоро сюда
Грозных, надменных соседей сын,

Не приходящий добром,
Не уходящий добром!
Но пока моя голова цела,
Пока в яремную ямку мою,
Пока в богатырскую шею мою
Рогатину враг не всадил,
Миром я никому не отдам
Милую синичку мою,
Бесценную добычу мою,
Несравненную Айталыын Куо! —

Так от тревожного сна
Пробуждаясь, зычно он голосил,
Подбадривал сам себя…
А горностай, подходя бочком,
Блистая белою шерсткой своей,
Сверкая глазками в темноте,
Прямо перед хозяином встал,
Заговорил, запищал.

СТИХ 120
ГОРНОСТАЙ

Ну-ка, я погляжу на тебя!
Ну-ка, ты, верзила Сортол,
Ты на толстой постели своей
Из пихтовых смолистых ветвей,
Ты на оленьей подстилке своей
Спишь ли с хозяйкой-женой,
С красавицей Айталыын Куо?
Спокойно ли, радостно ли тебе
На ложе нежиться с ней,
На нежном лоне ее,
На выпуклой высокой груди?
Отведал ли ты с нею любви?
Заповедал ли ты подруге своей,
Чтоб она потомка тебе принесла,
Сынка тебе родила?

СТИХ 121
БОХСОГОЛЛОЙ БООТУР

Потомка породы моей
Породить, создать я могу…

СТИХ 122
ГОРНОСТАЙ

А тоскливо, поди, тебе
Красивую хозяйку иметь
И не спать с ней, ласки ее не знать?

СТИХ 123
БОХСОГОЛЛОЙ БООТУР

Это кто еще там пищит?
Постой! Попадешься мне!
Как вздену тебя на рожон… —

Выругался богатырь,
Вытаращил гляделки свои,
Зверюшку малую увидал —
И опять задремывать стал.

СТИХ 124
ГОРНОСТАЙ

Вот ужо я тебя! Ты мне говоришь,
На рожон меня вздеть грозишь?
Но увы, твой черный день наступил,
С тетивы слетела стрела.
В мерзлую землю уткнешься ты
Голым своим, как колено, лбом,
Треснешься о камень лицом,
Смертным сном навеки уснешь!
Красавицу Айталыын Куо,
Которую ты украл,
Отняли у тебя, увезли…
Она теперь далеко! —

Так попискивая весело из угла,
Передними лапками горностай
Показывал кукиш ему,
Подпрыгивал и дразнил.
Огромный детина Сортол-тунгус,
Разъяренный — с места вскочил,
— Вот я тебя! — заорал,
Да как махнул своим длинным мечом
И половину жилья своего
Единым махом разворотил,
В обломки, в щепки разнес…

А храбрый маленький горностай,
Сверкая белым бочком,
В сторону отскочил,
С грохотом разорвался он,
И вот — в трехслойной железной броне,
Величайший в трех мирах исполин,
Явился Нюргун Боотур,

Возник в ужасающем виде своем,
Заслоняя полмира собой,
На полмира бросая тень;
Солнце ли выс**о**ко стоит,
Солнце на небе затмевает он;
Месяц ли высоко стоит,
Месяц спиной заслоняет он.
Величайший из исполинов айыы,
Перед Бохсоголлоем представ,
Глаза приблизив к его глазам,
Плюнул ему в лицо.
— Это что еще за напасть?! —
Завопил тунгус-богатырь,
Ударил по бедрам себя,
Раздулся от гнева,
Раздался вширь…
Как медвежья рогатина он,
Как трехзубая острога,
Во весь свой рост поднялся,
Грозно изготовился в бой.

СТИХ 125
НЮРГУН БООТУР

Глядите, богатыри!
Видите в**ы** Слышите вы?
Владельца несметных оленьих стад
Ардьаман-Дьардьамана сын
На семи оленях пегих своих,
На упряжке бешеной их
Летая, кружась, как буран снеговой,
Пролетая на длинных лыжах своих,
Подымая бушующий ураган,
Не знающий ни узды, ни ярма,
Бохсоголлой Боотур
Ограбил меня, обокрал!
Разве в прежние времена
Я вставал поперек дороги его?
А теперь ты сам говорил,
Что гостя ждешь — чужака,
Который добром не гостит,
Который миром прочь не уйдет!
Мою силу ты поднял сам на себя.
Сына грозных соседей ты оскорбил!
Я подобру теперь не уйду,
Я скрючу спину твою,
Разобью твои шейные позвонки,
Крепко обуздаю тебя,
Арканом тебя скручу;
Длинные, толстые кости твои
В осколки я раздроблю!
Миром я теперь не уйду…
Слова последней мольбы,
Что даже отцу своему
Ты вовек не посмел бы сказать,
Вымолвить я заставлю тебя!

Заветные просьбы твои,
Не сказанные тобой
Даже матери сердобольной твоей,
Я заставлю тебя изречь!
Я, смеясь, твое тулово растопчу,
Я в туман твой прах превращу,
По тундре его рассыплю росой,
Развею над ширью морской! —

Закипала словесная брань,
Отзывалась отгулом тайга,
Эхом перебрасывались вдалеке
Ущелья горных хребтов.
Взгорбился от ярости Бохсоголлой,
Голосом зычным он
Гостю грозному отвечал.

СТИХ 126
БОХСОГОЛЛОЙ БООТУР

Аарт-татай! Одурел, своячок?
А-а, чтобы провалиться тебе!
Я твой зять —
С меня нечего взять.
Норов горячий свой укроти,
Вором напрасно меня не зови!
Красавицу Айталыын Куо
С восьмисаженной косой
По праву я в жены взял, —
По нраву она мне пришлась,
Преступления в этом нет!
Говорю тебе раз навсегда —
Добром отдаешь сестру,
Добром ее в жены беру,
А не отдаешь —
Все равно не верну.
Покамест драка не началась
И кровь еще не пролилась,
По дороге той,
По которой пришел,
Убирайся прочь, дорогой своячок!
То, что я взял — никому не отдам,
А уж я за себя постою!
Посмотрю, как распорешь ты
Толстую кожу мою…
Правду молвить — кожа твоя
Уязвима, как и моя.
Ведь не только мощные кости мои,
Бедненькие, толстые кости мои
В осколки можно разбить…
Долго не о чем нам говорить,
Добра от меня не жди.

Пока я стройные кости твои
Играя не переломал,
Пока твой прекрасный румяный лик
От ужаса не побледнел,
Говорю тебе — убирайся прочь!
Поворачивай отсюда живей,
Не оборачивайся назад! —

Словно житель дикий лесной,
Не пускающий на ночлег никого,
Грубо гостя он гнал своего…

Будто н**а** землю пал удар громовой,
Будто н**а** гору налетела гора,
В рукопашную схватились они.
Талую землю измяли они,
Скалы растоптали они,
Заходила земля ходуном…
Изначальный срединный мир
Закачался на древних опорах своих,
Погибельный Нижний мир
Взбаламутился, как вода
В посудине берестяной…
Всколебались высокие небеса,
Девять пестрых горных хребтов
В щебень растоптали они,
Восемь зубчатых горных хребтов
Опрокинули богатыри.
Удалой Бохсоголлой Боотур
Увертываясь, крутился, как вихрь,
Не давал себя ухватить,
Вправо, влево отскакивал он…
И подумал Нюргун Боотур:
«Много дней в поединке пройдет,
Мне удачи не будет с ним.
Хоть три месяца буду гоняться за ним,
Добра я не наживу;

Играючи, ускользает он…
А я попробую, притворюсь,
Будто иссякли силы мои,
Будто ослабли мышцы мои…
Отступлю —
Пережду, посмотрю…»

Тут прикинулся Нюргун Боотур,
Что изнурился он,
Отступил три шага назад,
Опустил могучие руки свои.

А Бохсоголлой Боотур
Решил, что он впрямь устал,
Лишился последних сил.
«Ну — думает — настала пора
Напасть на него, подмять, растоптать.
Этот человечище-исполин,
Видно, только с виду могуч,
Видно, силы он расточил…
Как морской прибой,
Гремел похвальбой,
Оказался пеной пустой…»

Тут Бохсоголлой Боотур
С громовым воплем напал
На Нюргуна-богатыря,
Будто на скалу налетел.
Ухватил его Нюргун Боотур,
Железной хваткой сдавил,
Поднял трепещущего в высоту,
Вверх ногами, вниз головой;
Теменем грянул его о скалу,
Выхватил быстро свой нож,
Выкованный из тридцати
Черных железных глыб,
По вздувшемуся горлу хватил

Поверженного врага.
Шумно хлынула, как черный поток,
Бохсоголлоя пенная кровь…

Длинные кости врага
Раздробил в осколки Нюргун Боотур,
Короткие кости врага
В мелкую шугу превратил.
На части тело его разорвал,
Во имя Солнца, во имя Луны —
Пир устроил
Для в**о**ронов и ворон.
Все его имущество и шатры
Предал огню Нюргун Боотур,
Пепел в синее море смел.
Остатки становья прибой подхватил,
В темную пучину умчал…

Выручив из неволи сестру,
Из неприютных пределов чужих
Пустился в обратный путь
Исполин Нюргун Боотур.
Выше кучевых облаков
Летел ликующий клич его;
В трех подземных
Хохочущих пропастях
Отдавался топот его коня.

Перевалы горные перевалив,
Миновал он великий путь.
На своем Вороном коне
Прискакал, наконец, Нюргун Боотур
На счастливое лоно средней земли,
На высокий загривок ее,
На благословенный простор,
Где красовался серебряный дом,
Блистающий за семь дней пути.

С любимой своей сестрой
Приблизился Нюргун Боотур
К брошенному жилью своему,
Быстрым взглядом все осмотрел
И сразу увидел он
Огромную боевую стрелу,
Торчащую в матице главной жилья,
Что выстрелом прощальным вогнал
Брат его Юрюнг Уолан,
Отправляясь в далекий путь
На своем Мотыльково-белом коне,
Уезжая в подземный мир
Спасать Туйаарыму Куо.

Перистое древко стрелы
Расщепилось, высохло до белизны;
А там, где вонзилась стрела
В матицу головную жилья,
Густая кровь запеклась,
Капала свежая кровь,
Звучно падая у основанья стены…
Понял все Нюргун Боотур,
Понял он, что Юрюнг Уолан
Пропадает, быть может, сейчас,
Погибает в подземной тьме.
На каменный высокий порог
Сверкающего жилья своего
Сел Нюргун Боотур,
Сетуя и ропща.

Огромный, словно гора,
Грозно вздымался он,
Горевал, сокрушался он,
А где его брат — не знал.

Не буря, громом гремя,

Не буран, завирухою шелестя,
Не бушующий вихрь степной,
К небу поднимающий пыль, —
С западной стороны,
С заболоченного края небес
Послышался крыльев могучих шум,
Послышался перьев железных звон…
Сверкая, как падающая звезда,
Полыхая столбом огня,
Растопырив десять черных когтей,
Как десять кривых верхоянских кос,
Опустился медленно из облаков
На вершину древа Аар-Лууп
Полосатый небесный орел.
Склонив железный кованый клюв,
Схожий с десятипудовым кайлом,
Трижды, четырежды распластав
Исполинские крылья свои,
Всем огромным телом он сел
На звонкой макушке ствола
Священного древа земли;
Словно кто-то билом забил
В медный, гулко звенящий чан,
Медным нёбом заклекотал,
Заговорил небесный орел.

СТИХ 127
ПОЛОСАТЫЙ НЕБЕСНЫЙ ОРЕЛ

Аарт-татай!
Отыскал я тебя, Нюргун!
Изнурен я долгим путем…
Я кружил над миром земным,
Пролетал над домом твоим;
Пустым он был —
Золотой твой дом…
Да не пропал мой труд —
Увидал я тебя самого!

Летающий, как грозовая стрела,
На Вороном своем
Стоя рожденном коне,
Стремительный Нюргун Боотур,
Непреклонный в бедствиях
Друг-человек,
Поклон мой низкий тебе!
Если спросишь — кто я такой,
Непрошенный, к тебе прилетел,
Тревожить тебя посмел, —
Прямо отвечу тебе:
Я тоже неба высокого сын,
Резвый бегун,
Проворный прыгун,
Быстроногий Бараанчай.
Могучие крылья меня
От участи лютой спасли…
Хоть погибели я избег,
Да покинул друга в беде…
Летающего высоко над землей
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолана-богатыря

Выручить я хотел,
Вырвать из вражьих когтей,
Да и сам едва не погиб
И теперь за тобой прилетел.

В провале бездонном,
К кровавой земле
Придавленный лапой врага,
Остался Юрюнг Уолан.
Рыдая, меня он просил
Тебя отыскать, тебе передать:
«Если брат мой на небе или на земле, —
Пусть рогатиной устремится вниз,
Коль под землей мой брат,
Пусть острогой взлетит,
Пусть он черное дыхание мое
От погибели защитит,
Пусть он белое дыхание мое
В бедствии отстоит!»
Так меня умолял Юрюнг Уолан…
Зеницу своих блистающих глаз,
Десну своих крепких зубов
Попытайся от смерти спасти,
Поспешай, Нюргун Боотур!

Выручил Юрюнг Уолан,
Вытащил он меня
На волоске золотом
Властителя неба — отца своего,
Выволок меня он на свет
Из провала подземных глубин,
Где пропал бы я без него…

Чтоб за добро ему отплатить,
Чтобы в пропасти его защитить,
Бросился я на бой
С Уот Усутаакы самим,

Великим духом
Бездонных глубин
Ледовитого моря Муус-Кудулу…
Чуть не пропал я
В пасти его.
Еле-еле из грозной схватки унес
Белое дыханье свое.

Тому, кто в боях потерпел урон,
Тому, кто трудом изнурен,
Грозным представляешься ты,
Горой возвышаешься ты!
Кто перед тобой устоит?
Вовеки не стану я
Поперек дороги твоей.
Наперерез тебе не пойду!
От высокой твоей стези
За сорок суток пути
В сторону отойду!
А теперь — надолго прощай… —

Сказал такие слова
И с грохотом разлетелся орел,
Облаком дыма стал,
По ветру улетел,
Растаял на южном краю небес,
Рассеялся в синей мгле…

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Летающий, как громовая стрела,
Стремительный Нюргун Боотур —
Не промедлил ни часа он;

Не дав насмотреться сестре
На дали в мареве голубом,
Не дав нарадоваться сестре

На дом изобильный свой,
Не дав надышаться ей
Воздухом долины родной,
Взял ее в руки Нюргун Боотур,
В широких ладонях своих покатал,
Шепотом заклятие произнес,
В шерстяной клубочек ее —
В шарик маленький превратил,
В боковую сумочку положил,
Чтобы дорогая сестра
П**о**д боком была у него,
Не осталась дома одна,
Не стала добычей воров.
Стремительный Нюргун Боотур
Прянул на крутое седло,
Повод скрученный натянул,
Послушного коня своего
В сторону западную повернул.
Крикнул, гикнул —
Всклубился прах,
Воздух зашумел, загудел
От полета в его ушах.
Словно лодка, летящая в быстрине,
Длинный огненный хвост коня
Со свистом распластывался в вышине,
В семь маховых саженей
Черная грива коня,
Будто семь илбисов клубились в ней,
Черным вихрем летела, шипя
Вспышками серных огней;
Черная челка коня,
Летящая, как копье,
Задевала небесный свод.
Всколебалось лоно земли,
Взбаламутился Верхний мир,
Зашумела вьюга, ударил град.
Черный западный край небес

С громом, кружась,
Опустился к земле.
Девять вихрей неистово завились,
Завыли во тьме грозовой.
Обезумевшая Илбис Кыыса,
В дикой радости рукоплеща,
В яростной пляске кружась,
Отстала от полета коня.
Ревущий Осол Уола,
Разевая железный клюв,
Отстал от полета коня.
Так отчаянно мчался конь,
Что взбаламутился Нижний мир,
Так бешено мчался конь,
Что взревел грохочущий Верхний мир.
На семидневном пути
Ливень с крупным градом хлестал,
На восьмидневном пути
Ветер яростно налетал,
На девятидневном пути
Зашумела, завыла пурга,
Понесла седые снега,
Тучи призраков понесла.
Вот зловещую песню свою
Затянули духи войны;
Отозвалась песня в костном мозгу,
Дух несчастья заголосил…
Словно туча, вскипел туман,
Полетели сонмы теней.
Головы девяти журавлей
Оторвались от серых шей,
Отломились длинные их носы…

Тут Среднего мира боец
С матерью изначальной землей
Расставаться, прощаться стал,
В дебри дикие въехал он;

От солнечных улусов своих
Во тьму удаляться стал.
Светлые поляны его,
Как пластины из серебра
На шапке из трех соболей,
Перед ним блеснули в последний раз.
Он туманы тундровые всклубил,
По владениям смерти
Погнал коня.
Там, где край земли,
На крутой перевал,
На высокий горный хребет
Проворно поднялся он.
И увидел с той высоты
Море мглистое Лэбийэ,
На далёко вдающийся мыс
С крутизны опустился он…

Пена моря
Плещется, как турпан,
Прыгает, как нырок;
Кружится водоворот,
Рушится море в провал.
Поглядел Нюргун Боотур
И сказал:
— Это — в логово смерти вход!
Это там он вырос и заматерел,
Это там привольно живет
Повелитель подземных сил,
Дух-владыка бездонного моря,
Огнереющего Муус-Кудулу…
Там — Уот Усутаакы
Стоит железный дворец
С тридцатью западнями его!
Там его и застану я.
Только он, проклятый, не спит,
Он ждет;

Он уверен, что мне глаза отведет
Черное его колдовство.
Если я в своем виде туда войду —
Обреку себя на беду,
Сам к нему в западню попаду.
И поэтому должен я
Восемьюдесятью восемью
Чарами обладать,
Девяносто девять личин
Во мгновенье ока менять. —

Так решил
И сошел с коня, —
С верного соратника своего,
Предназначенного от начала времен
Вещего скакуна.
Нюргун Боотур удалой,
Защитник средней земли,
Коня своего повернул
В сторону владений айыы,
Хлопнул по крутому бедру,
К Верхнему миру направил коня,
Как пушинку, сдунул его.

Грянулся об земь Нюргун Боотур,
Кубарем покатился он —
В трехгранное
Стальное копье
Вмиг превратился он;
И сверкая, блистая,
Звеня,
Полетел в бездонный провал.

СТИХ 128
ПОЛОСАТЫЙ НЕБЕСНЫЙ ОРЕЛ

Ощетинился огнедышащий змей,
Ощутив внезапный удар,
Когда в широкую спину его,
В кованый медный щит
Трехгранное стальное копье
Грянуло с высоты.
Увернулся проворно змей,
Оскалился, зарычав;
Мимо скользнуло копье
По медной толстой броне.
Победное громовое копье
Стоймя глубоко впилось
В стонущее свирепое лоно
Кровавой долины той
Гибельного преисподнего дна.
И отпрянуло вверх копье,
И ринулось неотвратимо опять
Прямо в грудь
Огнедышащего адьарая
О восьми ветвистых ногах.
Заревел меднотелый змей,
Судорогой нервов спинных
Скрученный, завопил.
С оглушительным треском взорвался он.

А трехгранное
Стальное копье
Ударило в каменный столб,
Что опорою был
Трех свирепо хохочущих
Нижних миров.
Половину толщи
Утеса столба,
Как корневище травы-быты,
Удар копья отколол,
В осколки мелкие раздробил.
И в бугристую печень
Долины бед,
В трехслойное лоно ее,
В гранитную глыбу ее,
Сверкая, блестя, звеня

Ударилось копье
И с грохотом взорвалось.
Искры огненные разлетелись кругом…
И в подземном мире возник
Стремительный Нюргун Боотур.

Так внезапно там появился он,
Так возвысился грозно он,
Будто в мерзлую землю долины бед
Лиственничный заостренный ствол
Яростно был водружен.

Бурно кровь заходила в нем,
Распрямились плечи богатыря
В шесть маховых саженей,
Вздула жилы гордая кровь.
Вспучился загривок его,
Будто земляная гора;
Будто молот кузнечный бил —
Загудела тяжелая кровь,
Забилось на темени богатыря
Сплетение толстых жил.
Будто могучий кузнечный мех
Дух его раздувал;
Вихрем из глаз его
Сыпались искры огня,
На широких его висках
Пламя серное
Запылало, шипя;
Перекосилось его лицо,
Исказилось его лицо,
Правый глаз
Оттянулся вниз,
Левый глаз
Поднялся под бровь;
Волосы кудрявые богатыря,
Волнами вороной синевы

Падавшие на плечи его,
Теперь, будто грива коня,
Дыбом встали,
Взметнулись черным смерчом;
Упругие сухожилья его
Напружились, напряглись;
Толстые жилы его
Зазвенели, словно хомус,
Невидимкою кровожадный илбис
С криком летал над ним.
Суставы пальцев богатыря
На неукротимых руках
Затрещали, как боевой барабан.
Будто громовую стрелу
Грозный Улуу Тойон
Бросил в Подземный мир,
Стремительный Нюргун Боотур
Встал в пределах абаасы
Во весь исполинский рост.
Будто яркая молния,
Мрак разорвав,
Ударила с высоты,
Ослепляя белым огнем, —
Так скачущий на Вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур
Перед врагом возник,
Опираясь на длинный меч
С остро отточенным лезвием,
С жадно вонзающимся острием.
Был этот меч закален
На крови из печени льва
И на черной желчи густой
Свирепых зубастых рыб.
Блистал этот меч стальной
Зеркальною белизной,
Был заколдован его булат
Заклятьями сорока четырех

Ратных, небесных слав.
Тридцать девять чар впитало в себя
Жадное его лезвие.
Высоко поднял Нюргун Боотур
Воинственное копье
С древком, выкрашенным пестро,
С грозной рогатиной на конце.
На стальной рогатине той
Кровожадный бился илбис.

Потрясая мечом боевым,
По долине смерти и бед
Пошел Нюргун Боотур,
Погрязая до бедер
В кровавой топи,
Протаптывая тропу,
Трижды он обошел вокруг
Бездыханного богатыря,
Брата младшего своего,
Красовавшегося в недавние дни
Над высокой изгородью столбовой
На Мотыльково-белом коне.
Над убитым Нюргун Боотур
Горько сетуя, говорил.
Мира солнечного богатырь,
В преисподнюю проложивший путь,
Не дал он себе отдохнуть.
Громко он в задушевных словах
Горькую печаль изливал,
Колдовал,
Врага заклинал.

СТИХ 129
НЮРГУН БООТУР

Эй, поглядите! Эй, поглядите,
Эй, видите в**ы** Иль не видите вы?
Эти исчадия тьмы,
Невидимые людям земным,
Светлого солнца детей
В пропасть подземную увели,
В уголь, в золу сожгли!
Светлых детей айыы
С поводьями за спиной,
Солнечных богатырей
Адьараи закабалили,
Сокрушили
Длинные кости их!
Эй ты, выродок,
Злобный дух
Бездонного огнемутного моря —
Ледовитого Муус-Кудулу,
Эй, проклятый,
Несчастный ты,
Уот Усутаакы,
Чем безмерно так возгордился ты?
Что неуличенный ты вор,
Не пойманный до сих пор,
За поводья крепко не взят?
Грозы над собою не знаешь ты,
Давно утесняешь ты
Солнечное племя айыы!
Из далекой, высокой страны,
Ратоборец равный тебе,
По свежим твоим следам
Я, как молния, прилетел!
Из прославленной великой страны,

По мерзлой, мертвой дороге твоей
Я пролетел, проскакал,
Я тебя, злодея, застал!
Брата младшего моего,
Над высокой тройной городьбой
Красовавшегося на белом коне,
Дитятю моей души,
Десну моих белых зубов,
Юрюнг Уолана ты погубил,
Длинные кости его раздробил,
Короткие кости его
В ледяную шугу превратил,
Толстую кожу его распорол,
Пролил его драгоценную кровь!
За великие преступленья твои
Я, как прорубь широкую
В толстом льду,
Дыру в твоем темени продолблю,
Как отверстье в столбе ворот,
Рогатиной шею твою пропорю,
Шейный твой позвонок рассеку!
Я из клетки твоей грудной
Вырву черную печень твою,
Вор**о**тную вену твою разорву
Окровавленной рукой!
Многожильное сердце твое,
Непомерно жестокое сердце твое
Исторгну я из тебя!
Я до локтя мокрой своей рукой
Залезу в утробу твою,
Железный твой нерв спинной,
Как струну,
Медленно буду тянуть…
Те слова,
Что ты матери не сказал,
Я заставлю тебя сказать!
Те слова,

Что вовеки ты не сказал
Арсан Дуолаю,
Отцу твоему, —
Те слова сокровенные из тебя
Я вырву
В твой смертный час!

Я твой Нижний гибельный мир,
Бездну трех нюкэнов твоих,
Словно воду в лохани берестяной,
Взбаламучу и расплещу!
Железный твой заповедный дом
Искорежу и сокрушу!
Я разрушу твой дымный очаг,
Я, смеясь, твой алый огонь
Затопчу, навек потушу!
Светлолицую Туйаарыму Куо
С девятисаженной косой
Из темницы железной освобожу,
Выведу на солнечный свет,
На изначальную землю-мать,
В золотое гнездо,
В заповедный дом
Светлой богини Айыысыт
Невредимую возвращу!

Ах, обманщик,
Ах, невидимка ты!
Черная харя,
Кровавая пасть,
Ну-ка я погляжу на тебя,
На глиняную морду твою,
На кривые колени твои!
Выходи на битву, злодей!
А боишься — так не взыщи,
Силою притащу! —

Покамест Нюргун Боотур говорил,
Покамест от ярости боевой
Взбухали его бока,
Вдруг невесть откуда взялся
Трехголовый
Огнедышащий змей.

Как курительной трубки чубук
Обтягивают ремешком,
Он Нюргуна обвил, обкрутил
От лодыжек кряжистых ног
До гордого яблока горла его,
До вздувающейся шеи его.

Будто железом полосовым,
Со скрежетом огненный змей
Толстыми кольцами оковал
Тело богатыря;
Раздвоенными языками,
Семисаженными языками,
Как бичами, щелкая, зарычал,
Так, что подземный каменный лес
Отгулом загрохотал,
Так, что недрами трех
Преисподних бездн
Дрогнул Нижний гибельный мир…
Оглушительно-зычно
Змей заревел.

СТИХ 130
ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

А-а! Недоносок, нойон-богдо!
А-а, красавец! А-а, дурачок!
Ах, как тут бахвалился ты!
Я все туже буду сжимать
Дюжее туловище твое!
Пищу, проглоченную вчера,
Изрыгнуть заставлю тебя
Из горла широкого твоего!
Пищу, проглоченную позавчера,
Извергнуть заставлю тебя
Из прохода заднего твоего!
Попробуй, двинься, пошевелись!
Посмотрим — силен ли ты? —

Тут железными кольцами змей
Так туго его сдавил,
Что у богатыря послабей, чем Нюргун,
Помутился бы свет в глазах,
Поднялся бы трезвон в ушах,
Хрустнули бы позвонки,
Треснул бы хребет становой!

СТИХ 131
НЮРГУН БООТУР

Эй ты, крадущийся по ночам
На кривых косматых ступнях,
Выходец из подземной тьмы!
Ты хитер на всякий обман,
Выродок адьарайских бездн.
Ты в будущие времена
Не будешь меня укорять,
Что тебя не предупредил,
Что врасплох на тебя напал! —
Так Нюргун Боотур
Хитрил, говорил,
Дыханье переводя.

Мира подземного исполин
Захохотал в ответ,
От хохота корчился он,
Вдоль огромного туловища его
Зеленые вспыхивали огни.
Тремя головами тряся,
Три пасти разинул он,
И железные кривые клыки,
Словно ржавые сошники,
Оскалились в шесть рядов.
Раздвоенный огненный хвост
Распластывался в длину,
Раскатисто смех гремел.

СТИХ 132
ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Ой, лопну от смеха!
Ой, умру!
Ох, горе мне! Ох, позор!
Богатырем ты себя возомнил!
Болтаешь мне всякий вздор?

Эх, бедняк!
Ты попал мне в пасть,
И пропал, как червяк!
А еще предупреждаешь меня —
Что, мол — иду на тебя!
А еще пугаешь меня!
Сколько слов мне страшных наговорил!
Ах ты, пестренький мой щенок,
Ах ты, выкидыш!
Верхнего мира боец!

Теперь, как сел на тебя верхом
Такой, как я, богатырь —
Откуда ты силу возьмешь,
Откуда чары возьмешь
Освободиться, спастись?
Ну, что ж ты, бедняга, стоишь? —

Так извивался и хохотал,
Так издевался змей.

СТИХ 133
ОГНЕННЫЙ ЗМЕЙ

Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Громовый клич испустил,
Всю свою мощь собрав,
Трижды натужился он,
Мускулы до звона напряг,
Вспучился, как гора,
Так, что чуть не лопнул
Чудовищный змей,
Только треснула шкура его на спине,
Только жилы в теле его
С треском, словно лыко, рвались…

Зубы стиснул от боли
Нюргун Боотур,
Зычно, громко он закричал
И грянулся о гранитное дно,
О гулкое трехслойное дно
Погибельной нижней земли;
Громом загрохотал,
Молнией засверкал
И в черную каменную скалу,
Словно в черную печень
Лежащей коровы,
На три сажени врезался он,
Словно топор громовой;
В осколки скалу расколол,
Змея, душившего в кольцах его,
О твердый гранит ободрал.
Разорвался, гремя,

Трехголовый змей,
Испепелился, пропал…

Но у грозного невидимки-врага,
У оборотня подземных сил
Уот Усутаакы
Были нерушимо сильны
Девяносто девять чар колдовских,
Восемьдесят восемь
Обманных чар.
Только искрами
Рассыпался он,
Вмиг могучее сердце его,
Вместилище жизни его,
Полыхнуло мутным огнем,
Улетело, как синий дым.

Исполин, прославленный в трех мирах,
Владыка подземных бездн,
Дух бездонного, огнемутного моря —
Ледовитого
Муус-Кудулу,
В непомерной мощи своей
Не укрощенный никем,
Повелитель абаасы
Уот Усутаакы
В ужасающем обличье своем,
В истинном виде предстал.

Черной пеной
Из пасти плюясь,
Изрыгая брань и хулу,
Словно ель вековая в снегу,
Словно выкованный
Целиком из железа,
Несуразно огромный он
Вдруг перед Нюргуном предстал

В подлинном величье своем.

У него безалаберное лицо,
Как обвалившийся косогор,
В семи провалах гнилых,
Черное,
Обросшее сплошь
Бородавками и паршой;
Едкий, как щелочь,
Единственный глаз
Словно из ущелья глядит
Из прищура бугристых век;
Его единственная нога
Раздвоилась в колене кривом,
Разрослась она вкривь и вкось;
Его единственная рука
Разветвилась у локтя на две руки,
На две стороны бьют наповал
Дюжие кулаки;
На широкое темя его
Нахлобучена набекрень
Проржавленная железная шапка,
Схожая с орлиным гнездом,
Развалившимся за девять веков.
Тридцатипудовые на ногах
Железные торбаса-сапоги;
Из железа кованная на нем
В девять слоев броня;
Из шкуры дохлых телят
Шлык на его башке.
На длинной шее
Шкура льва,
Облезлая доха на плечах
Из заразных,
Содранных с падали шкур.
Осклабился
Адьарайский главарь

Огромным своим,
Вислогубым ртом,
Оскалил зубы, смеясь,
Огненный столб вихревой
Выдохнул из себя.
То ли гнев клокотал
У него в груди,
То ли смех его распирал, —
То хватался он за бока,
То лопатами рук ударял себя
По единственному бедру.
Кривыми ногами
Подрыгивал он,
Приплясывал он,
Подпрыгивал он,
То заклятья невнятные бормоча,
То по-медвежьи рыча,
То выпью лесной крича,
То заливисто хохоча,
То по-волчьи воя —
Тоскливо, уныло,
Вопил он —
Голос свой подавал.

СТИХ 134
УОТ УСУТААКЫ

Аар-дьаалы!!! ЫЈарт-татай!!!
Услыхал гремящее имя мое
На семи великих путях,
Услыхал раскаты славы моей
На восьми великих путях,
Прискакал, видать, из высокой страны
Гость отважный, подобный мне,
Прилетел, видать, из далекой страны
Друг — по удали равный мне!
Высоко занося чело,
Вот он — сам пожаловал к нам!
А-а, буйа-буйа-буйакам!
А-а, буйа-дайа-дайакам!

На каком лугу травяном
Сливками дюжей коровы вспоен —
Дородным выросший богатырем,
В каком краю,
У какой
Выпуклогрудой хозяйки-хотун,
Просторные недра ее растворив,
Расторгнув лоно ее,
Рожденный ногами вперед,
Вскормленный несякнущим родником
Прекрасных ее сосцов,
Непомерно сильный,
Неломкий в кости,
С грозными мускулами исполин,
Грузной поступью колеблющий мир,
Кто он — первый в роду уранхай-саха,
Играющий головою своей,
Бесстрашный — пришел сюда?

В стародавние времена,
В незапамятные года
Голос глухой вещал,
Что владыки Верхнего мира,
Великие духи небес,
В Средний многострадальный мир,
Словно стрелу оперив,
Острием стальным одарив,
Выкормыша своего пошлют —
Девятилетнего удальца,
Владеющего Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Нюргун Боотура-богатыря,
Выраставшего взаперти,
В темноте,
Воспитанного в цепях
На верху волшебной горы,
В золотом дому
Удаганки небес —
Бессмертной Айыы Умсуур,
Чье счастье вечно цветет,
Чья не иссякнет мощь,
Чья не споткнется судьба.
Великим чарам научена,
От крови заговорена,
Готовая к смутам трех миров,
Издревле стала она
Врачевательницей девяти небес,
Заклинательницей восьми небес.

Думал я —
Недоносок, выкидыш ты.
А увидел —
Ты силен, закален;
Думал я,
Что бессилен ты,

А великой мощью
Ты наделен,
Исполински широк в плечах.
Ты, оказывается, стал
Защитником средней земли?
Ну, детина,
Хоть строен ты и хорош,
Хоть собой ты — ух как! — пригож,
Я играючи
Изломаю тебя,
На части разорву,
Длинные кости твои сокрушу,
Короткие кости
В шугу раздроблю,
Насмерть тебя уложу,
Брюхо твое распорю!

Поперек широкой дороги твоей
Не вставал я, не брал на себя греха.
Длинного твоего пути
Я не пересекал,
Не брал на себя вины.
Что же ты, — ни с того, ни с сего,
Прилетел, угрожаешь мне
Средь владения моего?
На Мотыльково-белом коне
Летающий высоко,
Юрюнг Уолан-богатырь
Широкую дорогу мою
Дерзко переступил,
Длинную дорогу мою преградил
И за это пал от моей руки.
Пеплом станет он и золой.
Кровавую клятву нарушил он
И пролил кровь свою,
Глаза навеки закрыл.

И неужель врага своего
В трех мирах ища,
Отыскали вы
Одного меня?
Почему взялись
Обижать, утеснять
Одного меня?
И теперь меня ты не упрекай,
Что тебя не предупредил,
Берегись, за оружье берись! —

Тут — невесть откуда взялся в руках
Уот Усутаакы
Сверкающий меч-пальма,
Ударил по шлему высокому он
Богатыря айыы,
Так что искры взлетели ввысь
На девять саженей.
Увернулся Нюргун Боотур,
По шлему скользнул удар,
Не ранил его, не задел.

Тут защитник
Двуногих племен саха
Обрушил удар своего меча
На широкое темя —
На ржавый шлем
Сына подземной тьмы.
Богатырь адьарай
Увильнул, отскочил.
Мимо пришелся удар.
Меч исполина айыы
На девять маховых саженей
В долину смерти вошел.
Вдребезги, мелкой дресвой
Разлетелся твердый гранит.
Гром по трем

Преисподним загрохотал,
Молнией полыхнул.

Как два зверя, зычно крича,
Как два льва, свирепо рыча,
Друг у друга мечом норовя
Черную печень рассечь —
Будто сшиблись гора с горой,
Бить взялись друг друга они.
Незыблемое преисподней дно
Задрожало, заколебалось…
Всколыхнулось лоно само
Бедственных нижних бездн.
Боевой их громовый клич
Долетел до верхних небес,
Гулом наполнился Средний мир.
Ударяли друг друга они
По шейным позвонкам,
В сердце друг друга били они
Остриями копий своих.
Гнулись, как гибкие тальники,
Длинные их мечи;
О трехслойную ударяясь броню,
Притупились рогатины их.
С сожаленьем богатыри
Бросили оружье свое.

Тут они
Пятипалою силою всей,
Десятипалою силою всей,
Палицами в девяносто пудов
Колотить друг друга взялись,
Черепа норовя проломить.

Как сырая глина, в руках
Расплющились палицы их.
Железными — в пятьдесят пудов

Ядрами на тяжелых цепях
По бронзовым скулам
Друг друга они
Начали ударять.
Вдребезги, как сырые грибы,
Разбились железные ядра их.

Не знали, как дальше быть,
Не знали, чем дальше бить.

Ладони широкие их,
Как лопаты гребущие снег,
Дюжие пальцы их
Сжимались в кулаки.

Величиною с тушу быка,
Кулаками тяжелыми богатыри
По бокам друг друга взялись,
Словно молотами, ударять.

Устояли они в кулачном бою,
Не покачнулся ни тот, ни другой.
С криком, гиканьем богатыри,
Словно вздетые на рожон караси,
Навалясь друг на друга,
Бороться взялись,
Принялись хребты друг другу ломать.
Будто дерево,
Гнули друг друга они,
Будто гибкий тальник,
Сплелись, завились.
Лоно гранитное
Нижнего мира
Сапогами железными истоптав,
В щебень раздробили они;

Вязли до бедер в нем,
Утопали в нем до колен.
Растоптали — с низиной
Вровень — они
Возвышенные места,
А низины
Вздыбились в высоту,
Косогорами поднялись.
Гребни острые
Густокровавых гор
Ударами сокрушив,
Торбасами железными искрошив,
В яростном кружении борьбы
Вихрями закрутив,
Будто смерч
Пылающих искр и углей
Низринули в Ледовитое море,
В бездонное море Муус-Кудулу…

С бедственных полуночных небес,
С белого свода,
Полного чар,
С широких, грозящих бедой
Дорог Куохтуйа Хотун,
Со студеных просторов ее —
Сорвался буйный огненный вихрь;
Сверху вниз кружась, налетел
Отрывающий голову чайки морской
Бешеный ураган.
Тучей взметая
Летучую пыль,
Буря завыла, визжа.
Содрогнулось
Нижнего мира дно,
Трех преисподних дрогнула твердь.
С западного края небес
Черная вьюга примчалась, кружась,

Молния распорола мрак,
Гром раскатами загремел.
Суматоха, смута, раздор
В трех великих мирах пошли,
Умножились, разлились
Без края и без конца,
Будто гибель слепая пришла,
Будто смерть плясала, кружась…

Нескончаемо длился бой,
Гул его тяжелый и гром
Слышен был глубоко под землей.
Буря лютая не стихала,
Будто рушился мир земной.
Необъятных бедствий разгул
Человеческие сердца
Ужасом захолонул.

Восходящие по утрам,
Заходящие по вечерам,
Тусклый серп ущербной луны
И темное солнце подземной тьмы
Повернули круг своего кольца,
Справа налево пошли.
Сумрачный Нижний мир
Закружился,
Кребиться стал.
Захлестал из трещин его огонь,
Тьма сгустилась —
Черная, как смола.
Ратоборцам
До бедер из-под земли
Мертвая вода поднялась,
Хлынула,
Разлилась.

СТИХ 135
УОТ УСУТААКЫ

Два непобедимых богатыря,
Два исполина-богатыря,
Один — айыы,
Другой — адьарай, —
Трижды набрасывались друг на друга,
Три ночи бились, три дня.
Восемьдесят восемь
Обманных чар,
Девяносто девять
Гибельных чар
Никому победы не принесли.

Как древесные корни, руки сплетая,
Как быки лесные, мыча,
Тридцать орущих
Дней и ночей
Боролись богатыри.
Поперек поясниц ухватясь,
Всей давящей силой могучих рук,
Со стоном и ревом они
Принялись друг друга ломать,
Подымать,
Об землю бросать.
Кружилась над ними, визжа и вопя,
Кровожаждущая Илбис Кыыса.
Свистя крылами,
Реял вокруг,
Ревел свирепый Осол Уола.
Сухожилия в теле бойцов
Звенели, как бранная песнь;
Хрустели суставы их,
Будто бубен конской кожи гудел.

Ледовитое огнемутное море,
Бездонное море Муус-Кудулу
Зардело кровавою глубиной,
Зарыдало, черным прибоем гремя.
Три долгих ночи, три дня,
Вздувая бушующие валы,
Из погибельной бездны моря того
Мертвая подымалась вода,
Поднялась, по берегу разлилась.
Выплыли из глубины
Моря Муус-Кудулу
Зубастые чудовища-рыбы
В железной чешуе.
Выброшены тяжелой волной,
Плавниками цепляясь, повисли они
На скалах и на кустах
Страшного мира того.
Судорожно пасти разъяв,
Околевали они.
Высохли их глаза
В провалах глазниц костяных…

Нижнего мира
Огромные звери,
Остроклыкие
Быстроногие звери,
Бурые, как болотная топь,
Стада низкорослых коров,
Спасая морды свои и глаза
От воющего урагана,
Несущего глыбы камней
С двухлетнюю телку величиной,
Спасаясь от той песчаной пурги,
Несущей обломки скал
С корову трехлетнюю величиной,
Ринулись в глубину
Моря Муус-Кудулу,

Чтобы длинные кости их
Не сокрушила пурга,
Чтоб короткие кости их
Не рассыпались, как шуга.

Лишь через тридцать дней и ночей
Стихла битва богатырей.
Опьяненье борьбы улеглось,
Ослабела мускулов мощь.
Опомнились исполины-борцы,
Осматривать стали себя.
Толстая кожа на дюжих телах
Не треснула, не порвалась,
Не просочилась черная кровь;
Трехслойные брони на них
Не разрублены,
Не пробиты нигде;
Не убавилась верхняя сила их,
Не шатнулась нижняя сила их;
Лишь по краю густых волос,
Словно масло, стекая,
Лоснился пот,
Да на туловищах
У могучих борцов,
Как смола на стволах дремучих дерев,
Пена вспучилась,
Словно кипень густой.
Будто два упрямых быка,
Не осиливших тяжкий груз,
Потупясь,
Понуро стояли они,
Тяжело подымались у них бока,
Широкие спины их
Шумно дышали, словно мехи
Кузнеца-чародея
Куэттэни.

Хоть отважны были они,
А стояли — будто пристыжены.
Хоть бесстрашны были они,
А стояли — будто устрашены.
В рукопашной схватке они
Одинаково были сильны.
Знать — друг другу
За долгий срок
Д**о** смерти надоели они
Равнодушно — глаза в глаза —
Тускло посмотрели они.

Богатырь адьарайских сил
Во всю ширь распялил в улыбке пасть,
Будто облако гари из живота
Выдохнул, дух перевел,
Ударил себя по бедру
И все то,
Чем был восхищен,
И все то,
Чем был удивлен,
В заповедное слово
Оборотил,
Толково заговорил.

СТИХ 136
УОТ УСУТААКЫ

Аарт-татай! Алаатыгар!
А разве я думал, гадал,
А разве я раньше ждал,
Что встречу такого богатыря
Из рода айыы-аймага
С поводьями за спиной,
Чьих сухожилий не рвутся узлы?

Разве ждал, встречу богатыря,
Чью тягу не держит земля?
Вот когда я, бедняжка, тебя повстречал!
Из солнечной далекой страны
Сошел ты — равный силою мне,
Из соседней высокой страны
Прилетел ратоборец,
Подобный мне.
Я удивлен
Величием твоим,
Я изумлен,
Исполин!
Ты силен
И непобедим.
Но, однако, у нас
Не окончен спор;
Покамест один из нас не падет,
Покамест верх другой не возьмет —
Ни один отсель не уйдет.
Не расходящиеся добром
Друзья, как видно, сошлись.
Мира не знающие сыновья
Враждующих двух миров
Вздыбились, поднялись…

Породивший в недрах своих
Полыхающее мутным огнем
Ледовитое море Муус-Кудулу,
В незапамятные времена
Муус Солуоньай,
Мудрый старик,
Мне такие слова говорил:
«Уж очень ты осмелел:
Лучших людей айыы
Повалил на арангас!
Уж очень ты обнаглел!
Племена уранхай-саха
Истребить совсем захотел!
Слушай же — за преступленья свои
Кровью заплатишь ты!
За плоть и кость
Истребленных тобой
Плотью и костью
Заплатишь ты…
Остерегись возмездья, нойон!
Все вины сочтутся твои.
Отыщется богатырь,
Который вихрем закрутит тебя,
Он сокрушит позвонки
Непокорной шеи твоей.
Улуса враждебного сын
Подымется, как волна.
Одному прославиться выше всех,
Одному на весь мир греметь —
Это корень бед,
Это грех!
Даже лучший Айыы Тойона сын —
Прославленный богатырь
Стражами трех племен
В Верхнем и Нижнем мирах
Обуздан был, укрощен;

Крови взявший Эркэн Баатыр,
Опиравшийся на гибель ногой,
Трехлетнее дитя,
Угрожавшее времени самому,
Кулан Игрун,
Кулут Туйгун
Не был пощажен;
Неслыханный исполин,
Хаан Сабыдал Бухатыыр,
Преждевременно рожденный на свет,
Ибо не в силах была его мать
Носить ребенка положенный срок,
Который, в силу войдя,
Небо и землю мог сокрушить, —
Страшным заклятием был заклят,
Закован и заточен».

Так прародитель мне говорил,
Предотвратить мою гибель хотел,
Когда собирался я
В бедственный Средний мир,
Чтобы взять оттуда жену.

А ну, парнишка, нойон-богдо,
Очень прыток был ты сперва…
Видно, туго тебе пришлось?
Ты о чем гадая стоишь?
Ну скажи
Заветное слово свое,
Ответное слово свое! —

Такие слова адьарай
Хвастливые говорил,
Он словом
Словно хлестал…
В ответ на такую речь
Светлого рода айыы великан,

Средней земли богатырь
Промолвил, проговорил,
Прославленному адьараю
Заветное слово сказал.

СТИХ 137
НЮРГУН БООТУР

Добро! Ну добро!
Равный мне в борьбе,
Разумно, толково сказал!
Давай-ка теперь, молодец,
Давай-ка совет держать —
Как дальше нам быть с тобой,
Как дальше бой продолжать,
По шеям друг друга рубить,
По темени глушить…
Но, видно, нашей игре
Не будет вовсе конца!
Когда-то еще
Друг у друга мы
Кожу толстую разорвем,
Когда-то еще
Друг у друга мы
Становые хребты сокрушим.
Грудь о грудь
В поединок вступили мы,
Друг другу не уступили мы,
Одинаковыми в борьбе
Оказались по силе мы.
Мы — враги,
Двух далеких миров сыновья,
Говорим теперь, как друзья.
Не пора ли нам уговор положить,
Мыслей своих не тая?
Если мы,
Такие богатыри,
Что нашу тяжесть
Не держит земля,
Будем бой теперь продолжать,

То срединного
Изначального мира
Свод содрогнется и затрещит.
Если мы на время
Бой не прервем —
То Нижний мир,
Чей сумрак похож
На недоваренную уху,
Обрушится, упадет…

И страна твоя, как вода
В берестяном турсуке,
Всколыхнется, расплещется вся…
Три хохочущих свода
Трех твоих бездн
Обвалятся навсегда!
Так давай-ка, брат,
Тридцать дней подряд
Спать, отдыхать!
А потом
Подымемся, станем драться опять…
Становые хребты друг другу ломать
Мы будем до той поры,
Пока верх один из нас не возьмет,
Пока в прах другой не падет.

Если один из нас воровски
Спящего убьет,
Вечный стыд и позор тому!
Псы смеяться будут над ним.
Поэтому руки свои до локтей
В эту черную вдавим скалу
И громко произнесем
Не произносимые никогда
Грозные имена
Духов подземной тьмы.
Их именами друг другу мы

Кровавую клятву дадим.
Согласен ты или нет,
Подумай, дай мне ответ. —

Такие слова сказал
Защитник племен саха.

Богатырь Уот Усутаакы
Голову нагнул,
В сторону лицо отвернул,
Оскалил в улыбке зубы свои.
С тем, что сказал Нюргун,
Соглашался, видимо, он.
Поднял он свой темный
Задымленный лик,
Железные зубы его
Блеснули синевой.

СТИХ 138
УОТ УСУТААКЫ

Дельно придумал ты,
Дельное слово сказал.
Только ты сперва поклянись,
Как это делается — покажи.
Я со дня рождения своего
Клятв никаких не давал,
Клятв никаких не знавал.
Коль по нраву придется мне клятва твоя,
Конечно, и я с тобой соглашусь.
Словами, известными мне одному,
И я тогда поклянусь! —

Так сказал адьарай и умолк;
Будто ржавчиной железной покрылось,
Застыло
Его ужасающее лицо.
А прославленный сын
С загривка обузданного
Рода айыы-аймага
С поводьями солнечными за спиной,
Поддерживаемый высшею силой,
В глыбу черного камня,
Как в печень коровы,
Левую руку свою
До самого локтя вдавил,
А правой рукою
Двуострый меч
Высоко над головою подняв,
Пронизывающим взглядом своим
Глядя в высоту, в темноту,
Колена преклонив,
Великой клятвы слова

Звучно, раздельно пропел.

СТИХ 139
КЛЯТВА НЮРГУН БООТУРА

Э-гей! Ээ-ге-гей!
Пусть прославленный пляшущий истукан,
Медная баба
Дьэс Эмэгэт,
В навозную глыбу величиной,
Дух обмана, руки простерши свои,
Убийственно на меня поглядит!
Пусть трех преисподних хохочущих бездн
Червивое божество
В середину темени моего
Пронзительно поглядит!
Пусть Уот Кюкюрюйдээн сама —
Шаманка погибельных бездн,
Духа смерти подняв с подземного дна,
Огненным взглядом своим
Через пяты моих ног
Н**а**смерть меня поразит!
Породивший в древние времена
Огнереющее безбрежное море,
Ледовитое Муус-Кудулу,
Тот, чье имя до сей поры
Было страшно произносить,
Муус Солуоньай, вещий мудрец,
Пусть он смертоносным взглядом своим
Сквозь ребра
Печень мою пронзит!

Пусть жертвенного дерева дух,
Пустынный Кулан Дьалык
Коленные чашки мои сокрушит!

Слушай! Смотри!

Вот я —
Солнечного племени сын
С поводьями за спиной,
Поддерживаемый высшею силой
Племени милосердного сын,
На просторах великой земли
Не встретивший никого,
Кто бы мог меня впрячь в ярмо,
Владеющий Вороным конем,
Молнией летающим в высоте,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Явно, видимо — сам
Я здесь, пред тобой,
Левую руку в скалу погрузив,
Правую руку к небу подняв,
Священную клятву даю,
Великою клятвой клянусь,
Что Уот Усутаакы-исполина,
Когда он крепко уснет,
Украдкою не убью!
И если клятву нарушу свою,
По-разбойничьи нападу на него,
Пусть вечным посмешищем буду я
Белопегих лаек-собак,
Пусть игралищем буду я
Для чернопегих собак!

Если я ударю рукой,
Если я ударю ногой
Противника спящего моего,
Пусть обе руки мои
По локоть отгниют,
Отпадут,
Пусть обе ноги мои
До колен сгниют,

Отпадут!
Пусть блистающие
Зеницы мои
Из глубоких впадин глазных
Выпьет свирепый дух Чээкэй,
Как в потоке, промерзшем до дна,
Проруби — опустошит!..
Пусть незрячими будут мои глаза,
Как отверстия в городьбе,
Если клятву нарушу свою!
Нерушимо слово мое,
Неколебима воля моя. —

Так поклялся Нюргун Боотур,
Так он клятву свою произнес.

Обросшая шерстью кривая ступня,
Бродящая в темноте,
Разбойник и вор ночной,
Трех нюкэнов лихой кознодей,
Трех хохочущих пропастей
Прославленный властелин
Клятвой Нюргуна был поражен,
Понравилось это ему.
Будто опилками красной меди
Осыпанный, стал багровым он.
Как бездонную яму, рот
Адьарай раскрыл во всю ширь,
И как будто гром загремел,
Заговорил он —
Запел.

СТИХ 140
КЛЯТВА УОТ УСУТААКЫ

Аар-дьаалы! Аарт-татай!
А ну — несуразно и я теперь
Попробую — поклянусь!
Если я украдкою, воровски
Задумаю убить
Спящего крепким сном
Нюргун Боотура-богатыря,
То пусть меня взглядом
Прежде убьет
Сотворенный в начале времен
Великий владыка, отец
Мутноогненного
Гремящего моря,
Грозно кипящего моря —
Ледовитого Муус-Кудулу
Древний Муус Суорун,
Уот Солуоньай-старик!
Если спящего я ударю рукой —
Пусть владычица духов зла
Гибельной нижней страны
Уот Кюкюрэйдээн Удаган
Огненным своим языком
Руки мои проклянет,
Пусть по локоть они отпадут!
Если спящего я ударю ногой —
Пусть владычица
Червивой темницы
Трех моих хохочущих бездн —
Медная Дьэс Эмэгэт
Ноги мои проклянет,
Чтобы сгнили ноги мои,
Отвалились бы до колен!

Пусть обманчивый мой истукан
В мерзлую глыбу навоза
Величиной
Взглядом смерти меня поразит!
Пусть дерево жертвенное мое,
Увешанное коленными чашками
Девяти шаманов былых времен,
Увешанное языками и челюстями
Восьми шаманок
Седых времен,
Опору черепа моего
Чарами сокрушит!
Пусть лопнет
Мой единственный глаз,
Пусть, как яма, вырытая для столба,
Станет не видящей ничего
Глубокая глазница моя,
Как прорубь в ручье,
Промерзшем до дна!..
Если теперь мой язык
Ложь произнес,
То пусть он до половины своей
Отгниет во рту, отпадет!
Пусть корень языка моего
Затвердев, как древесный сук,
Сквозь нёбо мое прорастет,
Немотой меня поразит!
Много слов — нет добра!
Одно слово — добро!
Неколебимо слово мое,
Нерушима клятва моя! —

Так прославленный адьарай
Клятву свою произнес,
В глыбу камня,
Как в черную печень коровы,
Руку по локоть погрузив…

Как закончил слово клятвы своей,
Закружился на месте абаасы,
Ветви рук широко распластав,
Грянулся на спину он,
Вверх лицом упал и уснул.
Шум дыханья его ноздрей
Неистово зашелестел.
Раскатистый храп его,
Как подземный гром, загремел…

И сказал Нюргун Боотур:
— Если я сейчас
Его истреблю —
Беспомощного, погруженного в сон,
Беззащитного передо мной;
Если я сейчас у него —
Обладателя восьмидесяти восьми
Убегающих чар,
Семидесяти семи
Ускользающих чар,
Насылающего напасть
На сияющий Средний мир,
Нападающего по ночам
На солнечные улусы айыы,
Если я у него во сне
Раздеру кровавую пасть,
Если толстую голень его ноги,
Топчущей солнечный мир,
Я, как ярмо, сокрушу,
Если утробу его
Сталью меча распорю
И своею мокрой рукой
Становую жилу ему разорву,
Если черную печень его
Пополам рассеку,
Если вырву из клетки грудной

Многожильное сердце его,
На съедение брошу хищным зверям
Самовластное сердце его,
О, тогда, я знаю! — тогда
Люди лучшие в трех мирах
Мое имя проклятию предадут.
Буду облаян я
Стаями лаек-собак,
Буду посмешищем я
Бешеных пегих собак…
Этому не бывать вовек!
Не для бесчестья на свет
Рождается человек.
Жеребенок дикий в степи
Для лучшей доли рожден.
Не дано нам — живущим знать,
Где нам жить
И где пропадать.
Вот когда пройдет
Условленный срок,
Вновь я с ним
Поединок начну.
Снова крепко схватимся мы,
Спины будем
Друг другу ломать,
Друг у друга на дюжих боках
Кожу толстую разрывать;
Иль себя я не пощажу,
Или насмерть его уложу.
Друг у друга
Длинные кости мы
В осколки превратим,
Друг у друга
Короткие кости мы
В мелкую шугу сокрушим.
Кажется, он и сам,
Как человек живой,

Кожу носит на теле своем,
Которую можно пронзить…
Кровь по жилам его течет,
Которую можно пролить…
Убивающей воинственный дух
Усталости, как у людей,
Подвержены мышцы его,
Железные мышцы его.
Пока один из нас
Не окажется наверху.
Пока другой из нас
Не окажется внизу,
Прикован смертью к земле, —
До тех пор мы будем бой продолжать,
До тех пор я не отступлю.
И пусть — если мне суждено —
Сокрушится шея моя,
Разорвется сердце мое…
Это — твердое слово мое,
Это крепкая мысль моя! —
Так подумал Нюргун Боотур
И двинулся вверх —
По кровле крутой
Покрытого толстым льдом
Дома Уот Усутаакы,
Кого никто еще не уличил
В разбое и воровстве,
Чье своеволье и злобный дух
Никто еще не укротил.
На кровле дома
Нюргун Боотур,
Как прорубь во льду вековом,
Отверстие увидал.
В темном отверстии том,
В той горловине крутой
Лестница кованая вилась;
Кровь на лестнице запеклась.

Это вход был
В проклятый дом.

Прославленный богатырь,
К провалу лестницы ухо склоня,
Прислушиваться стал.
И вот — из глубины ледяной —
Послышался ропот ему,
Послышался плач и стон,
Печальный, тихий напев,
Голос пленницы абаасы,
Дочери улусов земных.

Этот голос, как молния, пронизал
До костного мозга тело его;
Этот придушенный плач
Душу его потряс.
Сжалось сердце богатыря,
Жалость его обожгла.
Прислушиваться к песне он стал
И такие слова различил.

СТИХ 141
ПЕСНЯ ЖЕНЩИНЫ

Ыый-ыыйбын! Аай-аайбын!
Прежде не знавшая слез,
Плачу и плачу я…
И откуда такая беда?
И откуда такая напасть?
А когда я на свет родилась,
А когда я росла без забот
Среди солнечного народа айыы
С поводьями за спиной,
Поддерживаемая
Силой небес
В радостной щедрой отчей стране,
Не думала я тогда,
Что буду разлучена
С ясным, белым солнцем моим,
С матерью изначальной землей,
С домом моим родным!
О! Горько,
Обидно мне,
Что я в жертву обречена
Чудовищу-абаасы,
Что насильно унесена
В бедственный Нижний мир!
Родичи солнечные мои,
Видите ли меня?
Слышите ли меня?

Не гадала я в те года —
Когда в холе, в счастье росла,
В радости, в веселье цвела,
Средь свободного народа айыы,
Что похищена буду я

С лучистого лона
Отчей страны,
С зеленеющих луговин,
С золотистых ее долин,
Где в мареве синем
Тонет простор
Бескрайней средней земли!
Не думала я тогда,
Что буду заточена
В эту гнилью пропахшую тьму
Хохочущих трех преисподних бездн
И — в тяжелую ржавую цепь
Закованная —
В железный чулан
Брошена буду я!

Лучше мне б совсем
Не рождаться на свет
От матери среброволосой моей,
Чем такое горе терпеть!
Лучше мне б не являться на свет
От златоволосого
Отца моего,
Чем такие муки терпеть!
О-о! О-о!

Видно, сильные владыки судьбы
Мне могильный, вживе, удел предрекли,
Чтобы в цепях коченела я,
Чтобы мученья терпела я,
Оторванная от родной земли!
О скоро ли, скоро ли он, —
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Могучий Нюргун Боотур,
Скоро ли он придет,

Теплое дыханье мое защитит,
Белое дыханье мое отстоит
И подымет из бездны меня
К белому солнцу дня,
К блеску его девяти лучей,
Чтобы в Среднем мире,
На милой земле,
На четырех могучих столбах
Изобильный свой я устроила дом
И зажгла священный очаг!

Эй, владеющий
Серо-стальным конем,
Кюн Дьирибинэ,
Старший мой брат!
Ты к чему прислушиваешься, дорогой?
Почему так тяжко вздыхаешь ты?

А у меня
Приметы дурны…
Не к добру
Мои страшные сны.
Знаешь, что сегодня приснилось мне?
Будто летающий над землей
Выше изгороди столбовой
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан,
Возлюбленный мой
Убит…
Длинные кости его
В осколки сокрушены…
Проснулась — и плачу я,
Плачу без конца…
Видно, больше я никогда
Не увижу его лица.

Неужель для того

Такой красотой
Мать-земля одарила меня,
Чтобы гибли из-за моей красоты
Лучшие люди айыы?
Неужель моя красота
Для того была создана,
Чтобы в прах превратились из-за нее
Племена уранхай-саха.
О горе! О горе мне! —

Словно песня белого журавля,
В подземелье голос
Звучно звенел:
Это плакала в заточеньи своем
Светозарная
Туйаарыма Куо.
Могучий Нюргун Боотур
Голос ее узнал.
Этот голос сквозь поры тела его
Болью в сердце ему проникал.

СТИХ 142
ГОЛОС КЮН ДЬИРИБИНЭ

Успокойся, голубка моя,
Не плачь!
Ты для того создана,
Чтобы род прославить людской,
Ты для того рождена,
Чтобы размножился род
Уранхай-саха!
О том, что спустился
В подземный мир
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Сам Стремительный
Нюргун Боотур,
Что он, пробежав
По свежим следам
Вора Уот Усутаакы,
Вверх лицом его повалив,
Может быть, в этот час
Булатным мечом
Брюхо распарывает ему —
Вот об этом
Илбис Кыыса,
Свирепая тетка моя,
Кружась над моей головой,
Пронзительно пела мне.

О том, что Нюргун Боотур,
Мерзлую тропу протоптав,
Настиг Уот Усутаакы
И крепко его схватил
За шелковую узду —

Об этом Осол Уола,
Воинственный дядя мой,
Над моей головою
Вопил, орал
Тридцать суток тому назад…

Это правда,
Этому верь!
Как вода в лохани берестяной,
Всколебался весь Нижний мир;
Из-за толстого свода его
Слышался гул и гром,
Оттого, что в самом
Средоточьи своем
Зашатался и задрожал
Бедственный Средний мир…

Видно, где-то там, вдалеке,
Тридцать ревущих дней,
Тридцать грохочущих дней
Великая битва шла,
Великим пылала огнем.
Этот гул и гром,
Что шатал весь дом,
Как свирепой бури разгул,
Недаром до нас долетал;
Неспроста это все,
Неспроста!

Летающий над землей
Выше изгороди столбовой
На Мотыльково-белом коне
Юноша Юрюнг Уолан —
Возлюбленный твой,
Если даже погиб,
Он не умер —
Он крепко спит…

В изумленьи однажды проснется он,
Воспрянет — снова живой.

Жаворонок среброгрудый мой,
Златогрудая синичка моя,
Не убивайся, не плачь!
От тяжелых вздохов и слез
Тяжелым станет дыханье твое…
Из-за стонов твоих и слез
Изверится в тебе
Изливающая благодать,
Сияющая Иэйэхсит! —

Так успокаивающие слова,
Утешающие слова,
Как серебряного колокольчика звон,
У пленницы прозвенели в ушах
И замерли в тишине.
Вскормленная духом тьмы,
Что для трех преисподних
Хохочущих бездн
Тяжелые засовы ковал
Из семидесяти железных полос,
Дородная, как дитя,
Рожденное в богатырской семье,
Медная баба
Дьэс Эмэгэт,
Отбрасывая за щеколдой щеколду
Трех гремящих от хохота пропастей,
Разбрасывая синий огонь,
Подпрыгивая,
Вертясь,
Мельтеша,
Песню свою завела.

СТИХ 143
ДЬЭС ЭМЭГЭТ

Эхээ! Эхээ!
Это я сама!
Ух, как хорошо
Раскружилась я,
Ух, как здорово
Всполошилась я!
Все засовы с толстых дверей
Трех грохочущих пропастей
С треском, лязгом сбросила я,
Распахнула за дверью дверь,
И теперь —
Хэхэкаю,
Бэбэкаю.
Вернусь, кружусь,
Пляшу, мельтешу,
Песню пою,
Просеваю слова…
Ух! Бедовая, медная голова!
Ух! Победная моя голова!
Эхээ! Эхээ!
Эхээ! Эхээ!
Слух прошел, что сам
Припожаловал к нам,
Провалился к нам
В преисподний мир
Прославленный богатырь,
С поводьями за спиной,
Словно бык, до сих пор
Не впряженный в ярмо,
Стремительный Нюргун Боотур.

Как дошел до моих ушей

Грузный топот его ступней,
Гул тяжелый его шагов,
Дрогнуло медное сердце мое,
Помутились мысли мои…
Эх, пропала моя душа!
Ни покупки, ни барыша!

Тетушка беленькая моя,
Тетерочка
Туйаарыма Куо,
Чтоб не выйти тебе вовек,
Чтоб не вырваться никогда
Из пропасти,
Из бездонной мглы,
Из-под нёба, что поглотило тебя,
Из утробы трех пропастей!
Чтоб вовек тебе детей не рожать,
Чтоб вовек тебе счастья не знать!
Юрюнг Уолана
Тебе не видать!
Тут в чулане тебе
Сидеть, пропадать!

Девять пестрокрылых моих журавлей,
Девять милых моих журавлей
В темный нюкэн,
В бездонный нюкэн,
Курлычат — летят,
Крылами свистят!
Восемь белозобых моих гагар,
Восемь большеголовых гагар
«Кюллюр-халлыр» кричат,
В подземный мир
Спешат, летят!.. —

Так напевая,
Вихрем мелькая,

Медная баба
Дьэс Эмэгэт,
Треща сверчком,
Крутясь волчком,
Искры синие рассыпая,
То раскатисто хохоча,
То по-медвежьи ворча,
Уменьшаясь, тускнея, вдруг
Покатилась в темень,
В глухой уголок
И погасла, как уголек.

Слыша такие слова, богатырь
Средней земли
Медлить не мог.
По кровавой кованой лестнице вниз,
В горловину
Ринулся он.
Заржавленные ступени
С грохотом пересчитал,
Пережабину поворотов крутых
Опрометью миновал.
А когда до самого низа дошел,
Осмотрелся и увидал
Темное в глубине
Огромное дома нутро,
Где просторно вихрю летать,
Где привольно ветру гулять.

Посредине
Сумрачного, как пещера,
О тридцати боковухах жилья,
В средоточии пространном его
Высился огромный утес.
Вырублена была
В том утесе
Просторная печь,

А в печи бушевал огонь,
Деревья горели, треща.

По левую сторону
В том жилье,
Дверью на ржавых петлях скрипя,
Провалом зиял железный чулан,
Что спальней хозяина был.
К косякам чулана того
Прикованные на цепях,
В колодках заклепанных,
В кандалах
Стояли Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Владеющий Серо-стальным конем,
И, как солнце, блистающая лицом,
Прекрасная Туйаарыма Куо.
Тут посмотрел Нюргун,
Думая, какова же она?
Посмотрел на блистающую лицом,
Трепетную звонкой душой,
Как жаворонок в небесах,
Посмотрел на прекрасную дочь
Источника солнцерожденных племен —
Милосердного рода айыы-аймага
С поводьями за спиной;
Посмотрел
На прославленную в трех мирах
Синичку златогрудую ту,
Дорогую доченьку
Рода айыы,
Что живет с поводьями на хребте,
Поддерживаемый силой небес.
И увидел Нюргун Боотур
Невиданную красоту,
Неслыханную красоту,
Несказанную красоту.

Золотые ланиты ее
Рдеют, как заходящее солнце
На вечерней тихой заре.
Белеет ее лицо,
Как белое восходящее солнце
На утренней заре.
Просвечивает сквозь меха одежд
Лучистое тело ее;
Сквозь нежное тело ее
Стройные кости видны;
Видно сквозь тонкие кости ее,
Как играет, переливается в них
Желтый мозг золотой.
Черные, длинные брови ее,
Будто черные с серебром
Камчатские соболя.
Как из ости соболя-одинца
Подобранные,
Ресницы ее —
Синие — блестят.
Черные, сверкающие глаза
Прищуривает она.
Светлая улыбка ее,
Как весенняя степь в цвету…
А порой
Глаза округлив,
Как пламенем блеснет;
Белая шея у ней стройна;
Гордо, как белый стерх,
Голову держит она;
Как у лебедя на весенней воде,
Пл**а**вны все движенья ее.
Поступь у ней легка,
Тихая речь сладка;
Слово ее, словно песня, звучит.
Красивые губы ее
Красны, как ягодный сок.

Слово молвит,
Чуть приоткроет рот —
Ровными зубами блеснет.
Румянец на нежных ее щеках
Огненно-красных лисиц красней.
Черная волнистая коса у ней
В девять маховых саженей.
Такова она —
В трех мирах
Прославленная красотой.

Во всех краях,
На всех путях,
Все, чье сердце бьется в груди,
Услыхав о такой красоте,
Поневоле стремились к ней.
Величайшие богатыри
Населяющих мир племен
Подымались и шли в поход —
Состязаться из-за нее.
Вот как Нюргун предстала та
Несказанная красота —
Светлая духом,
Смелая сердцем,
Лучшая девушка
В трех мирах.
Словно рассвет
Весеннего дня,
Блистая, стояла она;
Словно ясный свет
Осеннего дня,
Все вокруг озаряя,
Стояла она.

Когда богатырь
Срединной земли,
Играющий головою своей, —

В правой руке держа
Прямой сверкающий меч,
Чье пойло — черная кровь,
В левой руке держа
Рогатину боевую свою, —
Когда он вошел
С открытым лицом,
Что вспыхивало серным огнем,
С глазами, из-под густых бровей
Сыплющими
Синим огнем,
Не сидеть же им было,
Не горевать.

Кожу лба от страха
В складки собрав,
Всем телом трепеща,
Разом вскочили они,
Оковами загремев;
Пред Нюргуном Боотуром
Встали они,
Поклонились
Трем его темным теням,
Славному богатырю
Радостно сказали они.

СТИХ 144
БРАТ И СЕСТРА

Великому исполину айыы,
Защитнику средней земли, —
Уруй-айхал!
Уруй-айхал!
Призванный защитить
Рожденных с поводьями на хребте
Людей айыы-аймага,
Посланный оградить
От напастей
Солнечный род
С поводьями на спине,
Наконец, ты явился к нам,
Владеющий Вороным конем,
Стоя рожденным
На грани небес,
Стремительный
Нюргун Боотур,
Старший наш
Прославленный брат!
Высокому имени твоему,
Высокой славе твоей,
Трем твоим темным теням,
Сгибая свой
Хребет становой,
Кланяемся мы!

Дух-владыка
Немерянной глубины
Ледовитого моря
Муус-Кудулу,
Своевольный
Уот Усутаакы,

Безнаказанно до сих пор
Верхнего мира
Лучших людей,
Величайших богатырей
Хватал, похищал,
Во прах обращал.
Огневым арканом своим
Он захлестывал их —
Одного за другим.
В бездонную темницу свою,
Где, лязгая и гремя,
Защелкиваются затворы дверей,
Бросал одного за другим.

Знать, владыки судьбы
В небесах предрекли,
Чтоб человеческие племена
Стерты были
С лица земли…
Знать, родились мы для того,
Чтоб из племени уранхай-саха
Не осталось никого.

Не надеялись больше мы
К белому солнцу глаза поднять!
Изобильную
Желтую благодать
Среднего мира —
Цветущей земли
Мы не надеялись увидать!
Так в печаль глубокую впали мы,
Так вот плакали,
Горевали мы…

А теперь,
Когда ты явился к нам,
Будто с неба

Свалился к нам,
Нам легко,
Просторно дышать!
Мы оба полны надеждой живой
Снова жить на земле родной!
Мы оба перед тобой
Колени рады склонить!
Восемьдесят и восемь раз
Ускользающий лиходей,
Девяносто и девять раз —
Оборотень,
Чародей,
Исполин-адьарай,
Исполненный сил,
Видно, непобедим.
Никому не даст он свернуть в бою
Закомелистую шею свою!

Если мы все сообща
Навалимся на него,
Если возьмемся все сообща
Закручивать шею его —
Может быть, тогда
Одолеем мы
Одноглазого сына тьмы…

Если ты не сломишь его,
Кто же к нам придет?
Кто из пропасти выведет нас,
Чтобы снова солнце увидели мы,
Чтобы снова ожили мы?
Ты сможешь ли
На нем раздробить
Восьмислойную стальную броню?
Ты сможешь ли
Мечом разрубить
Девятислойную литую броню?

Ты силен ли — десницей своей
У чудовища в дюжей спине
Становую жилу его,
Боевую жилу его разорвать?
Неоткуда нам помощи ждать!
Не от кого пощады ждать!

Ты получше с силами соберись,
Освободи от цепей
Сорок и четырех
Пленных богатырей.
Как подымемся мы,
Да как поднапрем…
Или вместе
С честью умрем,
Иль железный этот дом разнесем,
Заколдованные двери его,
Гулкие затворы его
Вдребезги разобьем.
Или все тогда мы выйдем на свет,
Или вместе все пропадем! —
Так у Нюргуна совета прося,
Владеющий Серо-стальным конем
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Кланяясь, говорил.

Видно — не по нраву пришлись,
Видно — до сердца не дошли
Нюргун Боотуру эти слова.
Словно лиственница,
Распрямился он
Во весь исполинский рост.
Голосом громовым своим
Он ответное слово сказал,
Словно песню, в ответ пропел.

СТИХ 145
НЮРГУН БООТУР

Посмотрите-ка на него!
Послушайте-ка его,
Что придумал он, что он сказал?
Я пришел в погибельный Нижний мир,
Чтоб из плена освободить,
Чтобы вывести к жизни
На свет
Светоносных людей
Айыы-аймага!
Я пришел сюда,
Чтобы защитить
Всех живущих в мире людей!
И поэтому —
Пусть один я умру!
Пусть один я паду в бою!
Лучше уж мне одному пропасть,
Чем напрасно губить людей,
Томящихся в темноте
Трех гремящих
От хохота пропастей,
В заколдованной западне
Трех бездонных Нижних миров!
Лучше погибнуть мне одному,
Чем погубить остальных —
Несчастных
Не видящих света людей,
У которых и так
Прервется вот-вот
Слабый последний вздох…
Одинокий птенец
Проклюется, иль нет?
Одному и смерть не страшна!

Или всех вас отсюда
На свет уведу,
Или пусть
Один — за всех пропаду!

Ты — избранная в роду
Солнцерожденных людей
С поводьями за спиной,
Жаворонок заревой,
Синичка с грудкою золотой;
Светлая мыслью,
Смелая духом
Светозарная Туйаарыма Куо,
Выращенная в неге, в любви
Благородными матерью и отцом,
Говорившими о тебе:
Зеница нашего ока — она!
Белых наших зубов она —
Розовая десна!
Чтобы копоть с чистых небес
Не омрачила твою красоту,
Они в собольи меха
Укутывали тебя;
Чтобы пыль с лучезарных небес
Не запылила твою красоту,
Мехом рыси
Они укрывали тебя…

И расцвела, и прославилась ты,
Единственной наречена
Среди тридцати шести
Племен уранхай-саха.

Услыхав о твоей красоте,
Со склонов гремящих Верхнего мира
На лоно средней земли
Гурьбою двинулись богатыри

И страшные бедствия произошли…
А из пропасти Нижнего мира
Вышли сонмища богатырей;
И горе на Средний мир
Обрушилось, как гора…
Разгулялась, как буря,
Беда по земле…
Длинные, толстые кости
Лучших богатырей
Переломаны, сокрушены,
Их короткие тонкие кости,
Как ледяная шуга,
В осколки превращены.
А когда из мира исчезла ты,
По свежим твоим следам,
В нелюдимой пустыне
По мерзлым следам —
Помчался тебя спасать
Летающий над землей
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан — младший мой брат,
Дорогое дитя мое.
Залетел он в пропасть сюда,
И попал в беду,
И пропал.
Высокое темя его
Проломлено… разбиты виски.
Изранено мощное тело его,
Разорвана толстая кожа его,
Черная кровь его пролита,
Могучие, длинные кости его
Сломаны, сокрушены,
Короткие, тонкие кости его
В осколки превращены.

Из высокой страны,
Из далекой страны,

С песнею боевой,
Словно перьями маховыми орла
Оперенная трижды стрела,
Я прилетел сюда.

Не знавший усталости никогда,
Неужель теперь я устал?
Тридцать дней и ночей
Боролся я
В поединке с Уот Усутаакы,
Но могучего не победил,
Исполина железного не сломил.
Даже не почувствовал я,
Что противник мой ослабел.
Он мне верхнею силой
Не уступил,
Дух свирепый его не померк.
В преисподнем мире
В чужой стороне,
Встретился, наконец,
Ратоборец, равный силою мне.
Мы в бою с ним насмерть сошлись,
И ничто нас не разведет,
Покамест один из нас
Гибель свою не найдет.
Ты, красавица
Туйаарыма Куо,
Если впрямь тебе суждено
Воротиться в солнечный Средний мир,
Поселиться на милой земле,
Где долины в дымке синеют,
Где луговины весь год зеленеют,
Где каймак белеет,
Как солончак,
По колена коню-бегуну,
Где земля изобильем желтым полна
По колена коню-скакуну;

Если впрямь твой удел, сестра,
Воротиться в средний солнечный мир,
Женщиной-матерью стать —
Вот тогда-то я одолею его,
Вот тогда-то я повалю
Великого богатыря —
Уот Усутаакы!
Могучую клетку грудную его
Стальным мечом разрублю,
Становую жилу ему разорву
И мокрой от крови рукой,
Железной своей рукой
Вырву черную печень его,
Многожильное сердце его!

Слушай, девушка —
Туйаарыма Куо,
Как только увидишь ты
Похитителя своего,
Ты скажи ему обо мне,
Ты пожалуйся ему на меня:
Что, мол, Нюргун Боотур
Приходил,
Расправою угрожал…
«За то, что ты погубил
Брата возлюбленного его,
Бывшего жениха моего,
Юрюнг Уолана-богатыря,
За то, что будто бы я сама
Заманила его в западню,
Угрожал он в рабыню меня превратить,
Чтобы я убирала за ним
Чудовищные изверженья его!
А тебя,
Властелина подземных сил,
Он так позорил,
Так поносил!

Говорил:
Как по темени тресну я
Вора Уот Усутаакы, —
Расколется у него голова!
Говорил, что руки и ноги твои
От тела он оторвет,
Что вытянет жилы он из тебя,
Отрежет уши твои,
В раба тебя превратит…
Называл тебя шелудивым псом,
Насмехался Нюргун над тобой;
Да еще напоследок сказал,
Что тебя оседлает он,
Будет тебя гонять, как коня,
На излучине девяти дорог,
Что сделает он тебя
Подъяремным своим волом…»

Так, жалуясь на меня,
Ты его
До красного каления доведи,
Криком и плачем своим
Ты его
До белого каления доведи.
Но когда здесь бой начнется у нас,
Ты в углу где-нибудь затаись,
Чтоб тебя ненароком я
Не задел оружьем своим! —

Дочь прекрасная
Серопятнистой земли,
Светлая Туйаарыма Куо
Поклонилась радостно богатырю,
Позабыв мученья свои,
И пропела ему в ответ.

СТИХ 146
ТУЙААРЫМА КУО

В пропасти обуянные тьмой,
Просветлели думы мои.
Всем разумом я согласна с тобой,
Всем сердцем согласна с тобой!
Пусть на могучих плечах твоих
Победа к нам прилетит!
Пусть над головою твоей
Солнце нам заблестит!
Но неужель я разлучена —
Навеки — с избранным другом моим,
От века назначенным для меня
Матерью Иэйэхсит?
Иль я в чем грешна?
Иль на мне вина,
Что из-за моей красоты
Пали в боях,
Растоптаны в прах
Лучшие богатыри
Трех племен уранхай-саха?
Неужель за это меня обвинил,
Неужели определил
Грозный Дьылга Тойон —
Вечно мне о друге тужить,
Вечно в этой пропасти жить? —
Так говоря,
Горевала она —
Светозарная Туйаарыма Куо.
По серебряным ланитам ее
Из темных, мерцающих глаз,
С длинных ее ресниц
Слезы побежали, блестя,

Словно русские жемчуга.

СТИХ 147
НЮРГУН БООТУР

Не плачь, дорогая сестра!
Плачем не оживишь,
Слезами к жизни не возвратишь
Умерших, чей свет померк…
Но все ж почудилось мне,
Что у брата милого моего —
Юрюнг Уолана,
Погибшего здесь,
Подымается медленно грудь,
Будто медленно дышит он.
И еще показалось мне —
Дрогнули ресницы его,
Будто в смертном глубоком сне
Хочет он глаза разомкнуть.

Если в бою врага повалю,
Если я его истреблю,
Мы сумеем мертвого оживить,
Спящего разбудить!
Ну, а ты, дорогая сестра,
Горлинка Туйаарыма Куо,
Когда придет сюда адьарай
В силе восьмидесяти восьми
Несокрушимых чар,
Девяноста и девяти
Неуловимых чар,
Когда прилетит сюда
Уот Усутаакы —
Ты плачь, вопи,
Рыдай, кричи,
Чтобы дрогнули все суставы его,
Чтобы сердце его потряслось

Жалостью,
Состраданьем к тебе,
Желаньем твоей любви…
Чтобы он смягчился душой,
Чтобы он предстал пред тобой
В истинном виде своем.
Тогда бы я расправился с ним!
Я развеял бы,
Словно воздух густой,
Восемьдесят восемь обманов его,
Девяносто девять
Чар колдовских!

Если б насмерть его
Я сумел уложить,
Ты вернулась бы в Средний мир,
В золотое свое гнездо,
Родила бы детей
Со счастливой судьбой,
Стала бы хозяйкой-хотун
В изобильном светлом дому! —

Так промолвив,
Нюргун Боотур
Закружился как вихрь,
Рассыпался в прах,
Заклубился, как синий дым,
Превратился в туман, в росу,
И растаял, как не бывал…
Белолицая Туйаарыма Куо
Не ведала до сих пор,
Не ведала она никогда
Среди окружавших людей
Умения так колдовать,
Неведомо куда исчезать…

Кюн Дьирибинэ-богатырь,

Несказанною радостью обуян,
Трижды поклонился вослед
Исполину средней земли,
Превратившемуся в туман.

СТИХ 148
КЮН ДЬИРИБИНЭ

Уруй-уруй!!!
Уруй-уруй!!!
Пусть яростная тетка твоя —
Свирепая Илбис Кыыса,
Исступленно запляшет, вопя,
Закружится над тобой!
Пусть грозный Осол Уола,
Рея над головою твоей,
Заревет,
Затянет песню войны!
Пусть вырастет
Твое торжество!
Пусть возвысится
Счастье твое
Над поверженным
Ненавистным врагом!
Имя саха
Не запятнай!
Род уранхай
Вовек прославляй!

Горлинка дорогая моя,
Светозарная
Туйаарыма Куо!
Говорили в прежние времена,
Что великий наш богатырь
С малолетства обучен был
Старшею сестрою своей,
Шаманкой Айыы Умсуур,
Всем восьмидесяти восьми
Чарованиям колдовским,
Девяноста и девяти

Заклинаниям
Трех великих миров!

Радостью великой
Радуюсь я!
Он пришел —
Избавитель наш!
Он пришел,
Чтобы племя саха
Горя не знало впредь,
Чтобы народ уранхай-саха
Не выродился, не пропал!
Предуказанный нам,
Предназначенный нам
Айыы Тойоном самим,
Средней земли богатырь,
Жертвующий за нас головой —
Вот каков Нюргун Боотур,
Как солнце, блистающий человек!
Только он и может один
Грудь о грудь
Сразиться с могучим врагом.
Исполин Нюргун Боотур —
Трехконечный,
Трехгранный он,
Как разящая острога,
Страха не знающий человек!
Я скажу: шестигранный он,
Блистающий человек!
Пышут синие языки огня
От грозного лика его.
Искры сыплются,
Как из кремня,
От суровых его бровей.
Вот какой он —
Наш дорогой Нюргун! —

Так рассказывал радостно,
Так говорил
Кюн Дьирибинэ-богатырь.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

СТИХ 149

Эх, разгулялись
Смех да игра!
Ссор и драк
Настала пора…
Суодалба удрал,
Суордаайы улетел.
Хара-Мангастайа
Кровавые слезы лил…

Через тридцать грозных
Дней и ночей,
Незыблемая под ударом любым,
Несодрогаемая толчком,
Несокрушимая ничем,
Необозримая ширь
Бедственного Нижнего мира,
Трижды прогрохотав,
Содрогнулась…
И все кругом
Потряс оглушительный взрыв,
Будто рушилась каменная гора;
Четырьмя раскатами —
Тяжело
Четырежды грянул
Подземный гром.
Хлестнул, как молния,
Огненный бич,
Ослепительно синий блеск…
И в головах железного ложа
Властелина Уот Усутаакы
Огненный появился змей.
Шею длинную изогнув,
По сторонам огляделся он

И, вытягиваясь,
Извиваясь,
Выдохнул пламя,
Искры и дым.
А потом —
Пронзительным посвистом
Засвистал,
Покивал головой
И пропал…

Опять прокатился
Грохот и гул…
И вот —
Из-под каменного орона
Вылез
Огненно-красный медведь,
Огляделся по сторонам,
Храпом повел,
Понюхал углы —
И, глухо рыча,
Исчез.
В третий раз прокатился
Оглушительный треск,
Будто рухнула с высоты
Огромная каменная скала,
И посредине железного дома
Уот Усутаакы
Вспыхнул и закрутился огонь,
Сыпля искрами
В темную высоту,
К пещерному, черному
Своду жилья.

А красавица
Туйаарыма Куо,
С волнистой
Девятисаженной косой,

Прикинуться сумела она,
Что вся от испуга дрожит,
Горько зарыдала она,
Громко закричала она…

СТИХ 150
ТУЙААРЫМА КУО

Аай-аайбын!
Ыай-ыайбын!
Ай, страшно мне!
Ай, жутко мне!
От страха похолодела спина,
От ужаса я дрожу…
Ох ты, проклятый дух
Моря Муус-Кудулу,
Ах ты, мой жених удалой —
Уот Усутаакы!
Сколько раз я просила тебя,
Сколько раз молила тебя!
Покажи, дорогой,
Открой предо мной
Курносую образину свою!
А ты еще смеешь пугать меня?
Оборотнем являешься мне!
Я в бездне, в плену, в беде…
Но я вижу, вижу — и здесь
Покоя и счастья мне не видать!
Хоть суждено мне стать
Суженою твоей,
Никогда не зажгу я
Священный огонь
В богатом доме твоем,
Никогда не рожу от тебя
Детей со счастливой судьбой!

Хоть и зовешься ты мужем моим,
Но ты пришел ли хоть раз
С приветом и лаской ко мне?
Вместо поцелуев и ласк

Ты, чудовище, пугаешь меня,
Страхом убиваешь меня!
О как нежно тебя обнимала бы я!
О как нежно целовала бы я
Опухлые щеки твои,
Обвислые губы твои!
Только — ты не любишь меня…

Чем в таком унижении жить,
Чем одинокой тужить,
Лучше я умру,
Лучше грудь свою
Ножом распорю!
Нет отсюда спасенья мне…
Принеси избавленье мне,
Прекрати мученье мое,
Смертоносное острие! —
Так говоря, Туйаарыма Куо
Вырвала из рукава
Узкий, короткий булат
С отточенным лезвием,
И, откинувшись телом назад,
К сердцу приставила острие.

Владеющий
Серо-стальным конем,
Отважный Кюн Дьирибинэ
От неожиданности такой
Оторопел и сел.
А у страшного самог**о**
Уот Усутаакы
Заходило сердце в груди ходуном,
Дрогнули все суставы его;
Оглушительно он завопил,
Принял свой настоящий вид,
За руку девушку резким рывком
Схватил, кинжал отвел;

Как пещеру, ощерил пасть,
Полную ржавых железных зубов,
Искривился в улыбке черным лицом,
Всем туловищем своим
Неуклюже качаясь, заковылял,
На кривых приседая ногах.

СТИХ 151
УОТ УСУТААКЫ

Аарт-татай!!! Алаатыгар!!!
Ах ты — желтогрудая,
Медная птичка моя!
Золотогрудая,
Бедная синичка моя!
Ты досаду свою
Утеши, усмири!
На меня —
Поласковее посмотри!
Да и как не сердиться тебе —
Дорогой подруге моей?
Да и как не гневиться тебе —
Золотой супруге моей?
Я и сам нетерпеньем горел,
Я спешил к тебе,
Я скакал, я летел…
Думал я, что ты заждалась,
Да в пути задержаться пришлось.

Нюкэн Буурая отродья —
Сынки,
У которых на макушке глаза,
Выродки Хапса Буурая —
Щенки,
У которых под глотками рты,
Отдавать не хотели добром
Того, что требовал я.
И пришлось мне их погонять,
И пришлось мне их в пот вогнать,
Разбивать им шейные позвонки…
Потому задержался я,
Потому запоздал к тебе,

Золотая пташка моя!

А когда сюда я спешил, скакал,
По дороге я увидал
Юрюнг Уолана, мальца-удальца,
Летавшего над землей
На Мотыльково-белом коне
Выше изгороди столбовой.
Он, играючи, меня обманул,
В жены взять он пообещал
Любимую сестрицу мою,
Красавицу Кыскыйдаан Куо,
Девушку с дымно-черным хвостом,
С когтями, острее кос-горбуш.
Он коварно ее
Обольстил — и убил…
Я за это его скрутил,
Я ударил обземь его —
Оскорбителя моего.
Я услышал, как он испустил
Три выдоха последних своих,
Три выдоха белых своих.

Да нагрянул вдруг,
Налетел
Воин из далекой страны,
Силою равный мне,
Воин из высокой страны,
Ратоборец, достойный меня.
Он рогатиной боевой
С неба на меня налетел,
Он трехзубою острогой
Землю под мною пронзил.
Без передышки сражались мы
Тридцать
Гулко воющих дней и ночей,
Силой равные — мы сошлись…

Истомили мы плечи в бою
И положили такой уговор —
Тридцать суток
Спать, отдыхать,
А потом — сражаться опять,
П**а**лицами черепа разбивать.
В том великою клятвой мы
Поклялись на черной скале.
Раскололась от клятвы нашей скала.
Разошлись мы, спать улеглись.

СТИХ 152
ТУЙААРЫМА КУО

Ох, страшилище! Ох, злодей!
Чуть не д**о** смерти
Ты меня испугал!
Когда появился огненный змей —
Ужас меня обуял…
Как медведем ты обернулся вдруг —
От страха я смерти ждала…
А как пламенем ты запылал —
Ой, друг! —
Дыбом волосы встали мои,
Душа моя обмерла!

СТИХ 153
УОТ УСУТААКЫ

Не бойся меня, дорогая моя!
Успокойся, золотая моя!
Ты — великих богинь любимая дочь —
Испугалась впрямь…
Ты прости мое озорство!
Я в шутку хотел тебя попугать,
Я хотел тебя получше узнать,
Я хотел тебя испытать.

СТИХ 154
ТУЙААРЫМА КУО

Хоть прославлен ты и велик
В бедственной этой стране,
Ты по глупости своей пропадешь!
Ты почему не убил его —
Нюргун Боотура, врага твоего?
Вольно скачет,
Весело ржет его конь,
Словно черная молния, конь,
Стоя рожденный на грани небес.
Жив он — Нюргун Боотур!
Выросла доблесть его,
Возвысилась удача его!

Он сюда недавно сам приходил.
Ох, как он поносил тебя и меня!
Он облаял меня,
Словно пестрый пес,
Он рычал на нас,
Словно бурый пес;
Угрожал в рабыню меня превратить,
Чтобы я всю грязь убирала за ним.
А уж как над тобою глумился он,
Что, мол, если тебя он хлопнет рукой,
Проломит темя твое!
Что если тебя он в зажим возьмет,
Треснет твой
Хребет становой!
Говорил, что он дал тебе
Передышку на тридцать дней,
Потому что выбился ты из сил.
А потом еще пригрозил:
«Буду медленно мучить его,

До смертного конца!
Жилы вытяну из него —
Вора и подлеца!»

СТИХ 155
УОТ УСУТААКЫ

Ах, он дрянь, ах он рвань!
Ах, ползучая тварь!
Летал, скакал,
Отыскал, наконец,
Над кем издеваться,
Над кем надругаться!
Надо мной!
Ах, он — мелюзга!
Чем он хвалится?
Чем отличился он?

СТИХ 156
ТУЙААРЫМА КУО

Еще говорил Нюргун,
Что не выдержит Нижний мир
Поступи богатырской его.
Говорил, что тебя самого
Сперва оседлает он, как коня,
Плеткой будет тебя хлестать
На распутье восьми дорог;
Что тебя заарканит он, как быка,
На кресте девяти дорог,
Что загривок твой разобьет,
Уши у тебя оторвет,
Превратит тебя в батрака,
В корноухого раба своего,
Чтобы ты убирал за ним
Чудовищные изверженья его.
Каково это было слышать мне,
Нареченной твоей жене?
Лучше бы сквозь землю тогда
Провалилась я от стыда!

СТИХ 157
УОТ УСУТААКЫ

Ах, злодей! Ах, вор! Ну и ну!
Ох ты, лапушка дорогая моя!
Пташечка золотая моя!
За меня ты и впрямь болеешь душой?
Заступаешься за меня?
Недоносок этот Нюргун —
Неуемный бродяга, шатун,
Непоседа и озорник, —
Никогда нам покоя не даст,
Пока я на шею ему
Тяжелое не надену ярмо…
Я один — такой богатырь,
Что устоит перед ним,
Не попятится ни на пядь.
Будем драться, покамест один из нас
В яму не угодит…
А как будет победа моя,
За поношенье такое, за глум,
Я его, как п**о**роза, охолощу!
Я его в раба превращу,
Распускающего ремешки
Набедренников твоих…
Я его в презренного раба превращу,
Развязывающего шнурки
Ровдужных натазников дорогих
На священном теле моей жены,
Каждый раз —
Как настанет радостный час
Моего слиянья с тобой —
С благородной моей хотун.

Я его в последнего раба превращу,

Чтоб распластывался перед ложем моим,
Чтобы стал он подножьем моим,
Когда буду я возвращаться к тебе,
Когда буду взбираться я
На высокое лоно твое.
Будет он, как послушный раб,
Развязывать на тебе для меня
Натазники твои
Из лосиной р**о**вдуги дорогой,
Поверху прошитые швом.
Будет он снимать с тебя для меня
Исподнее одеянье твое,
Швом прошитое вдоль пахов! —

Так сказал
И расхохотался злодей,
Прикрывая клыкастую пасть
Широченной лапой своей.

СТИХ 158
ТУЙААРЫМА КУО

Я сказала:
Был бы хозяин в дому,
Научил бы тебя уму!

СТИХ 159
УОТ УСУТААКЫ

Ах, ты светик ясненький мой!
Ах, как верно молвила ты!
Был бы дома в ту пору я,
Не посмел бы он угрожать!

СТИХ 160
ТУЙААРЫМА КУО

Когда же кончится смута и бой?
Когда же мы будем с тобой
Жить, как муж с любимой женой?
Когда заведем изобильный дом,
Огонь священный зажжем?
Великая чадородия мать
Мне велела детей для тебя рожать…
От ожидания у меня
Окоченела спина,
От желания у меня
Затылок одеревенел.

СТИХ 161
УОТ УСУТААКЫ

Аарт-татай!!! Вот не ждал, не гадал!!!
Я-то думал — я гадок тебе,
А ты скучала тут без меня?
Ах ты, медногрудая пташка моя,
А ты тосковала тут без мен**я**..
Ах, ты жаворонок златогрудый мой!
Ну-ка, дай — поцелую тебя
В личико беленькое твое!
Ну-ка, дай — приласкаю тебя!
Ну-ка, дай — обнюхаю я тебя —
Медногрудую птичку мою,
Златогрудую синичку мою! —

Всполошился Уот Усутаакы,
Заколотилось сердце его,
Задрожали кривые колени его.
Расстегнул он пояс железный свой,
Девятислойную распахнул
Кованую броню,
Защиту своей
Свирепой души.

Только он успел оголить
Черное тело свое,
Как очутился пред ним,
Откуда ни возьмись,
Богатырь великий средней земли,
Буйно-резвый Нюргун Боотур.
Обнаженный свой длинный меч
Он в живот адьараю всадил.
Удалого Уот Усутаакы,
Словно туес берестяной,

Ударом своим пронзил,
Черную печень его пропорол,
Многожильное сильное сердце его
Смертельным клинком поразил;
Боевую спинную жилу его,
Полнокровную
Становую жилу его
Пополам рассек.

Преисподних нюкэнов
Дух-властелин,
Прославленный адьарай
Содрогнулся и простонал:
— О-ох! Татат! Татат-халахай!
О-ох, головушки девяти журавлей! —

И упал он, всхлипывая и хрипя,
Затрепетал, как рыба-гольян,
Насаженная на рожон,
Дрожью предсмертною задрожал…

Всем огромным телом забился он,
Выломил стену жилья,
Выкатился на простор
Вымощенного двора,
Заливая камни кровью своей.

СТИХ 162
НЮРГУН БООТУР

Смотрите, богатыри!
Вот он — повержен лежит —
Вор, на косматых ступнях
Выход**и**вший
Разбойничать по ночам
Из подземелий своих!

Кривоногая тварь,
Кровавая пасть,
Не ты ли, злодей, разорял
Золотые угодья айыы-аймага
Колдовством восьмидесяти восьми
Пролетающих облаков?
Не ты ли, злодей, похищал
Солнцерожденных людей
С поводьями за спиной?
Не ты ль воровством,
Грабежом истреблял,
Напуская девяносто девять своих
Заклятий, обманных мар,
Золотых людей Кюн Эркэн
С чембурами за спиной?
Я на шее твоей затянул аркан,
Я железной уздой тебя обуздал
За все преступленья твои!
Злодеяний твоих бадья
Переполнилась через край!
Срок настал —
За все расплатиться тебе.
Навзничь я опрокинул тебя,
Брюхо твое распорол.

Прощайся с гиблой своей страной,
Прощайся с ущербной своей луной,
Со щербатым солнцем своим,
Пока не заставил тебя я сказать
Слов, что ты матери не говорил,
Пока я не вытянул из тебя
Тайн заповедных твоих,
Которые ты не успел передать
Даже отцу своему!
Настала пора —
На ч**а**сти тебя,
Проклятого, распластать…
Спеши, прощайся теперь
С железным своим жильем,
С пылающим очагом!
Прощайся с болваном медным твоим
С навозную глыбу величиной,
Который
Издревле тебе помогал! —

Голос Нюргуна гремел, как гром.
А Уот Усутаакы
Бился огромным телом своим
В судорогах предсмертных мук,
Изрыгая из пасти огонь.
Трудно было ему умирать…

Кровью захлебываясь, хрипя,
Зубами железными скрежеща,
Испуская рев из глубин
Чрева чудовищного своего,
Кровью харкая,
Сукровицей плюясь,
Он заговорил, зашипел,
Будто в кузне плеснули водой
На раскаленный железный брус.

СТИХ 163
УОТ УСУТААКЫ

Больно мне! Тошно мне!
Жжет, горит!..
Тяжко погибать,
Страшно умирать!
Тяжело, нестерпимо мне!
Победил ты, перехитрил!
Ох, постыдно мне!
Одолел ты меня, свалил…
Ох, обидно мне!
Грозной я поражен рукой,
Поздно мне тягаться с тобой.
У тебя, победитель мой,
Слава д**о** неба возрастет,
У тебя, погубитель мой,
Счастье бурное расцветет.

Белокожая! По твоим следам
Я ходил — и себя сгубил,
И могилу вырыл себе…

Кожей бледной твоей обольщен,
Кости дюжие свои сокрушил.
И рассыплется мой могучий костяк,
И забудется слава моя!

Я, как видно, разум свой потерял,
Я коварства вашего не разглядел —
И убит за то,
И погиб!..

Эй ты, девка, Туйаарыма Куо!
Проклинаю твою красоту!

Проклинаю имя твое!
Пусть обрушится на тебя
Неотступная беда,
Неизбывная беда —
Навсегда!

Пусть ты будешь хозяйкой-хотун
В изобильном, богатом дому —
Да не будешь ты никогда
На коленях своих золотых
Кровных деток
Нянчить, качать!
Да не будешь ты никогда
В серебряных ладонях литых
Ползунков-малюток своих подымать!
За то, что ты своей красотой
Великим трем племенам
Бедствие принесла —
Пусть за это дети твои,
Пусть все родные твои
Стерты будут с лица земли!
Пусть мертвыми головами их
Играет морской прибой!
Пусть безголовые их тела
Пропадают в бездне глухой.
Прощай, мой пр**а**отец-исполин,
Муус Суорун — Нетающий Лед,
Уот Солуоньай —
Тающий Лед,
Что был до начала времен сотворен
Дабы породить
Бездонное море,
Огнереющее Муус-Кудулу!

Эй, мой сумрачный Нижний мир,
Темная отчизна моя,
Где щербато солнце,

Где месяц щербат!
Эй, владыка заклятий и чар,
Заговоренный на остром клинке,
Зарубленный на посошке!
Эй, сородичи лихие мои,
Страшные Хапса Буурай,
Сидящие на крови
Растерзанных вами жертв!
Эй, сородичи удалые мои,
Свирепые Нюкэн Буурай,
Живущие в трех преисподних мирах!
Эй, ты, идол жертвенный мой —
С глыбу навозную величиной!
Все прощайте,
Все — навсегда,
На долгие времена,
На вечные времена!
Пусть ваших туловищ
Верхняя часть
Сузится, отощав,
Покроется белым льдом!
Пусть ваших туловищ нижняя часть
Вспучится, обрастет
Сосульками застарелого льда!
Пусть покроет вас плесень и гниль!

Ох, как рана моя болит…
Все нутро мне огнем палит…

Слушай, Нюргун,
Благородный муж!
Умоляю тебя,
Заклинаю тебя,
Поклоняюсь трем твоим темным теням, —
Если есть еще сила в деснице твоей,
Ты еще удар нанеси,
Поскорее меня добей!

Жизнь мою укороти,
Муки мои прекрати! —
Так прошамкал пастью своей адьарай
И захрипел, заикал,
В судорогах мечась…

СТИХ 164
НЮРГУН БООТУР

Смотрите, богатыри!
Невидимкин сын, исчадие тьмы,
Черная харя,
Кривая нога,
Вот он — повержен лежит, —
Уот Усутаакы!
Еле жив — а грозит,
Словом язвит,
Пастью смердит!
Я тебя, злодея, сейчас
Мечом разрублю,
Копьем проколю! —

Речь такую молвив, Нюргун Боотур
Меч свой обнаженный занес.
Светозарная Туйаарыма Куо,
Красавица с девятисаженной косой —
С визгом вскочила она,
Бросилась — бедняжка — к нему.

СТИХ 165
ТУЙААРЫМА КУО

Погоди, мой старший брат-тойон!
Постой, удержи
Второй свой удар!
От второго удара меча
Оборотень-адьарай
От ран исцеляется, говорят,
Подымается, говорят,
Полный несокрушимых сил.
И тогда настанет беда —
Не спасемся мы никогда! —

Так закричала Туйаарыма Куо,
За руку Нюргуна схватив;
Дыбом от ужаса на голове
Волосы у неё поднялись.

— Ну, спасибо, сестра!
Отвела напасть… —
Ответил Нюргун Боотур.
И невольно попятился он,
Солнечной срединной земли
Неистовый исполин.

СТИХ 166
УОТ УСУТААКЫ

О-о, мука моя!
О-о, гибель моя!
Если б ты ударил меня,
Встал бы я,
Поборолся с тобой!
Видно, этому не бывать…
Видно — жить тебе,
А мне — умирать! —
Так молвил коснеющим языком
Уот Усутаакы
И со стоном дух испустил.

И тогда победитель его,
Исполненный сил
Исполин-богатырь —
Вывернул прямо с комлем
Толстую шею врага,
Тяжелый камень его головы
От тулова открутил;
Вырвал руками черную печень
Из отверстой утробы его,
Исторг из клетки грудной
Многососудистое сердце его,
Могучее властное сердце его
В девяносто девять пудов.

Разорвал становую жилу его,
Боевую спинную жилу его,
Пестросиний мужской его срам,
В пустотелую колодину величиной,
Из тела чудовища вырвал он.

Тяжелые ядра его,
Которые впору таскать
Вьючной лошади на спине,
С мошонкою оторвал Нюргун;
И воздел на блистающее острие
Рогатиной боевой
Жертвенную добычу свою.

Кровавую жертву свою
Поднял он на высоком копье
И голосом громовым
Песнь воинственную запел.

СТИХ 167
ВОИНСТВЕННАЯ ПЕСНЬ НЮРГУН БООТУРА

Смотри! Смотри! Смотри!
Свирепая дочь
Своенравных небес!
Черные злодеянья твои,
Как шатер сосны вековой
В куржавине снеговой!

Где грохочет бой,
Где ревет вражда,
Где льется кровь,
Ты рвешься туда,
Шейными позвонками бренча,
Деревянными черпаками стуча!..
Дробно хохочущая в тишине,
Ветвесыпучая тьма,
Лиственнопятая жуть,
Черная сила,
Кровавая пасть,
Тетка моя Куо Холбонной!
Выше взметай, подымай
Снеговые заносы твои
На восьми перевалах
Заоблачных гор!

Эй, летящий о трех тенях,
Сын беды —
Осол Уола!
Эй ты, Нерюйэ Харбас,
Гнездящийся на девяти
Жертвенных деревах,
Чей колчан — пузырь мочевой

Женщины, умершей в родах!
Посмотри на добычу мою,
Прилетай на веселый пир!

Эй, у конного отнимающий кнут,
У пешего — посох его,
С живого — кровавый мяса кусок
Рвущий на ужин себе,
Дух кричащего чайками
Склона Куктуй,
Ты, чьею силою колдовской
Снеговые вихри ревут
На перевале Муус-Кюнкюйэ,
Эй ты, радующийся слезам,
Пляшущий при мучении чужом,
Оборотень Тюптэ Буурай,
Прилетай на пир!

Беломордые Уот Буураи,
Блистающие огнями глаз,
Прилетайте сюда, сюда!
На рогатине длинной своей
Я богатые вам
Поднимаю дары,
Угощенье обильное подношу,
Чтоб набили досыта вы
Ненасытные глотки свои!
Не померкло солнце мое,
Я поверг своего врага,
Возвысилась удача моя,
Выросло счастье мое!
Кровного врага своего,
Грозного духа бездонных глубин
Я убил, ничком повалил…
Владыку моря Муус-Кудулу,
Чей великий мглистый простор
Птица не перелетит,

Исполина Уот Усутаакы
Поразил я своим мечом,
Сокрушил я длинные кости его!
Я кровавую жертву вам приношу,
Я, великие, потчую вас
Вырванным из пасти врага
Толстым его языком,
Печенью черной его,
Сердцем могучим его,
Всем, чем он славен был и силен!
Громко приветствую вас!
Вашим прославленным именам
Почести воздаю!
Пусть ваша радость живет!
Пусть ваше счастье вовек не умрет!
Уруй-айхал! —

Так, трижды
Голосом звучным своим
Приветствие возгласил,
Преклонив колено, Нюргун Боотур,
Прославленный сын айыы,
Подымая жертвенные дары
На рогатине боевой.

Только он восхваление произнес,
Тут же — с северной стороны
Послышался крыльев свист,
Перьев железных звон;
Ярко вспыхнула в темноте
Огненно-кровавая пасть
Черно-лысого ворона белых небес…
Громко крикнул он на лету,
Звонкие, железные перья его
Блеснули, словно мечи,
Клюв его был подобен кайлу,
Когти подобны железным крюкам.

Налетел он,
Жертву схватил…
Хищно хряпнула глотка его,
Гукнула горловина его.

СТИХ 168
ПЕСНЬ ИЛБИСА

Алаатанг! Улаатанг!
Я восемь суток не ел,
А ты позаботился обо мне,
А ты меня накормил…
Чтобы счастья тебе не видать
Порожденных тобою детей!
Чтоб тебе невесту не обнимать,
Чтоб тебе с женою не спать!
Долгий век, богатырь, живи!
Окунайся во вражьей крови,
Пораженья в бою не знай,
Противников убивай!
Черной плотной печенью их
Щедро меня корми!
Пусть ничье копье
Тебя не сразит,
Пусть ничья стрела
Тебя не пронзит!
Убивай, богатырь, врагов,
Вырывай у них
Из клеток грудных
Многожильные их сердца,
Богатые жертвы мне приноси!
Пусть ничей завистливый
Огненный глаз
Нигде не сглазит тебя!
В брод по вражьей крови ходи,
До старости битвы веди,
Всегда, везде побеждай!
Пусть великая боевая страсть
Будет подножьем твоим,
Пусть победа сопровождает тебя,

Пусть погибнут твои враги! —

Так прокаркал ему,
Так заклял невпопад
Белоголовый ворон илбис…
Непреодолимо звучал,
Неотвратимо звучал
Удаляющийся голос его.

А средней земли исполин
Не содрогнулся твердой душой,
Не удивился тому,
Что накаркал ворон ему…

СТИХ 169
ПЕСНЬ ИЛБИСА

Неистовый Нюргун Боотур
В яростной радости растоптал
Безголовое,
Опустошенное тулово
Изворотливого,
Непокорного вора
Уот Усутаакы —
Покоренного, наконец,
Истребленного, наконец.
Бросил клочья трупа его
В прибой
Бездонного моря Муус-Кудулу.
Вырвал с корнем
Огромную мерзлую ель;
Этой елью Нюргун Боотур
Растоптанные останки врага
Перемешал с шугой ледяной,
Пока не исчезли они
В бездонной морской глубине…
После этого богатырь
Через голову перевернулся
И вмиг
Превратился в серую мышь —
В остроносую трехсуставную мышь
С рыжей шерсткою на спине
И шмыгнул в чуть заметную щель
В левой перегородке жилья…

Долго ли он пропадал
Под землей, — неведомо нам.
Наконец появился
Нюргун Боотур,

Череп соболий неся
Со сверкающей
Живою водой.
Принял образ он
Прежний свой
И на колени стал
Пред Юрюнг Уоланом-богатырем,
Бездыханным братом своим,
Чей Мотыльково-белый конь
Летает над землей
Выше изгороди столбовой.

Живой водой Нюргун Боотур
Голову убитого оросил,
Обрызгал могучее тело его,
Две-три капли
В рот ему влил.

СТИХ 170
НЮРГУН БООТУР

Светлый защитник
Жизни земной,
Сын светозарный рода айыы,
С поводьями за спиной!
Если ты спишь —
Встрепенись, проснись!
Если умер —
К жизни вернись,
Подымись!
Пусть откроются зеницы твои,
Пусть твой взгляд блеснет!
Пусть затрепещет кожа твоя,
Пусть дыханье вернется к тебе,
Пусть твоя плоть оживет!
Уруй-уруй!
Уруй-айхал! —

Только это промолвил Нюргун,
Только брата хотел приподнять —
Тот сам, как разбуженный ото сна,
Испуганно вскочил,
Шумно вздохнул
И на камень сел,
Удивленно оглядываясь вокруг,
Протирая рукой глаза.

СТИХ 171
ЮРЮНГ УОЛАН

Что за диво, богатыри!
То ль я долго спал,
То ль — мертвый лежал?
Если мертв я был,
То — как будто во сне…
Если спал я —
Смерть, видно, снилась мне… —

Тут опомнился он
И на ноги встал,
К брату старшему своему,
Величайшему из богатырей —
Бросился он на грудь.
Стали друг друга они обнимать,
Обнюхивать,
Целовать.
Будто н**а** век расстались они
И опять друг друга нашли,
Друг от друга не отрывались они,
Друг другом любовались они,
Нарадоваться не могли.

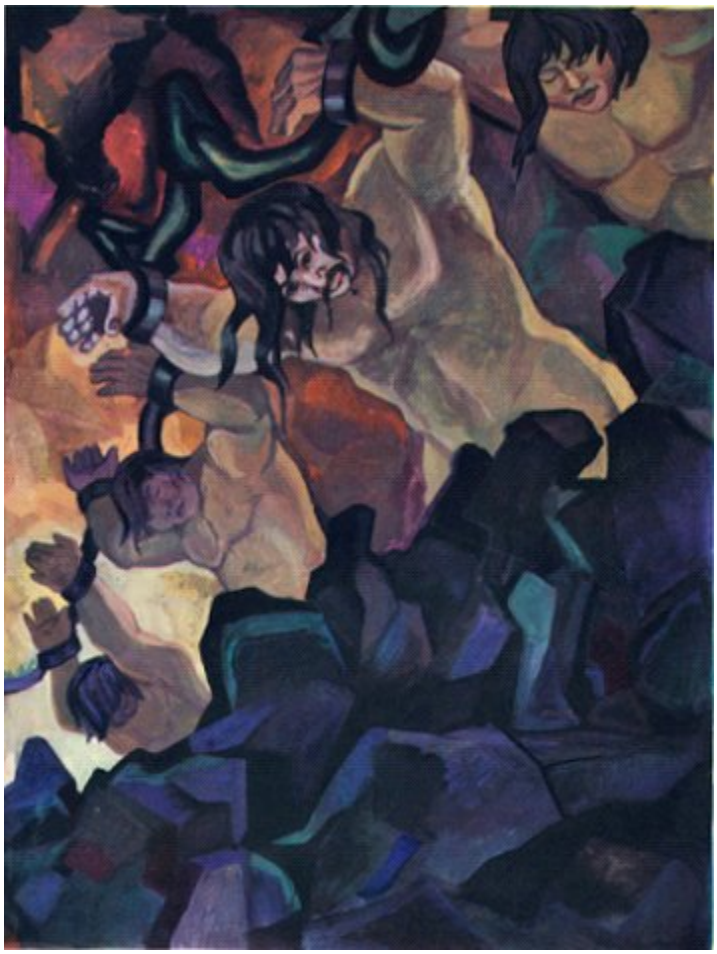
Взявшись за руку крепко,
Два брата родных —
Два радостных, молодых,
Оружием бранным блистая,
Доспехами громыхая,
Стремительно подошли
К истомившейся в железных цепях
Светозарной Туйаарыме Куо
И к могучему богатырю,
Скачущему на Серо-стальном коне,

Отважному Кюн Дьирибинэ.
Сняли с них окровавленные кандалы,
Сорвали ржавые цепи с них;
Как сухая береста, железные цепи
Рассыпались в богатырских руках.
Так несчастных освободили они…

У каждого троекратно
Верхнюю целовали губу,
У каждого шестикратно
Нижнюю обнюхивали губу.

А потом
Нюргун Боотур
Задел, поведя плечом,
Как будто невзначай,
Железную перегородку жилья.
Рухнула перегородка, гремя.
Поглядел в пролом богатырь
И увидел: там —
В подземелье — стоят
Сорок четыре богатыря,
Пропавшие
В прежние времена,
Нанизанные на огневой аркан
О девяноста и девяти крюках,
О восьмидесяти восьми замках.

Иссохшие, как скелеты, стоят
Исполины-богатыри,
Чуть дыша,
Чуть ресницами шевеля.



А Нюргун Боотур —
Он медлить не стал,
Он по гулким ступеням сбежал
В подземелье,
В поганый провал,
Поднатужась, с криком,
Трижды рванул
Заколдованный огневой тот аркан,
Прикованный к стене
Девяносто и девятью крюками,
Восемьюдесятью восемью замками.
Он с такою силой рванул,
Что бедственный Нижний мир
Содрогнулся в смятении,
Всколыхнулся,

Всплеснулся, словно вода
В берестян**о**м турсуке.

Но огненный волшебный аркан,
Рассыпая искры огня,
Растянулся, визжа и звеня,
Как жильная струна,
И стянулся — туже, чем прежде был,
И рванулся на прежнее место опять.
Не поддался богатырю.

«Вырву его, как быту,
Выдерну, как корневище кэйгэс…» —
Подумал Нюргун Боотур;
Но все ж устыдился он,
Жаром зарделось лицо,
Что не хватило силы его
Рывком разорвать аркан.
Вскрикнул, перекувыркнулся он
И превратился вмиг
Юноша, блистающий красотой,
В кривоногого абаасы;
Приседая в коленях, заковылял;
Голосом Уот Усутаакы
Запричитал он,
Забормотал:

— Аарт-татай!!! Алаатыгар!!!
Айыы Хаана великий сын,
Ограждаемый силой небес,
Прославляемый в племени Кюн Эркэн
С поводьями за спиной,
Удалой Нюргун Боотур,
Которого ждет,
По которому ржет,
Тоскует конь Вороной,
Стоя рожденный

На грани небес,
Сильный Нюргун Боотур
Сломил меня,
Скрутил меня,
Обуздал меня!
Затвердевшие поводья мои
Донельзя он затянул!
Толстую кожу мою разорвал,
Пролил черную кровь мою!

Эй, сверкающая,
Мелькающая,
Медная девка
Дьэс Эмэгэт,
Дух высокого свода
Трех моих бездн,
Трех грохочущих от хохота бездн!
Трещит, колеблется
Каменный свод,
Трепещут затворы ворот!..

Прилети скорей,
Защити
Глубокое дыханье мое,
Светло-облачное дыханье мое!
Выйди! Спаси мою жизнь!
Выдерни поскорей
Колдовской подвижн**о**й засов,
Что держит в скале
Огневой аркан
О девяноста и девяти крюках,
О восьмидесяти восьми замках!

Ой, горе мне!
Ой, мука мне!
Ой, Нюргун Боотур Тойон!
Потише меня гоняй!

Полегче плетью стегай!..
Повелитель, старший мой брат,
Пощади,
Хоть до смерти не убивай! —

Только молвить он это успел,
В то же мгновение
В толще скалы
Кто-то гукнул:
— Сказал — не сказал! —
Раскололся каменный столб,
На котором держался свод
Трех хохочущих пропастей,
И сорвался натянутый туго аркан
С чародейных своих укреп,
И рассыпался,
И пропал
В пропасти бездонной глухой.

Тут сорок четыре богатыря,
Нанизанные на аркан
Сквозь проколы меж двух костей
Иссохших предплечий своих,
Освобожденные, наконец —
Выбежали из подземной тюрьмы
И с четырех окружили сторон
Избавителя своего.
Средь зал**и**той кровью
Долины смертей
Закричали громко:
— Уруй! Уруй! —
Нюргуна благодаря.

СТИХ 172
БОГАТЫРИ

Дьээ, дьэ-э-боо!
Дьээ-боо!
Слава тебе! Слава тебе!
Скачущий на Вороном,
Стоя рожденном коне,
Уруй-айхал тебе,
Удалой Нюргун Боотур!

Мы — знаменитые богатыри,
Пред тобою склоняем спины свои,
Поклоняемся трем твоим
Темным теням!

Слухи об имени славном твоем,
О духе высоком твоем
Доходили до нас
В былые года,
В те давно позабытые дни,
Когда мы, бедняги, чтили себя
Несравненными в трех мирах,
Чтили каждого среди нас
Равным силою пятерым силачам,
Семерым могучим богатырям.

Ты теперь нас от плена спас!
Ты — первый теперь среди нас!
Предрекали великую славу тебе,
Прославляли недаром тебя,
Называли первым среди айыы
В древние времена!
Несокрушима твоя судьба,
Предначертанная Одуном самим!

Неисчерпна сила твоя,
Равная половине сил
Среднего Мира всего!

Утренним солнцем блистаешь ты,
Утомленья не знаешь ты.
За то, что ты выпустил нас
Из подземной смрадной тюрьмы,
Где затворы глухо стучат,
Из непроглядной тьмы,
Откуда выхода нет,
За то, что освободил ты нас,
Нанизанных на аркан
О девяноста и девяти крюках,
О восьмидесяти восьми замках,
За то, что ты истребил
Злодея Уот Усутаакы,
Мы гремящую славу твою пронесем
По трем великим мирам!
Слава твоя дойдет до ушей
Недосягаемого для нас,
Чье имя вслух
Нельзя произнесть!
Мы скажем владыкам извечных сил,
Что в Среднем мире земном
Появился великий
Муж-исполин,
Чтоб они не решались переходить
Твоих широких путей,
Чтоб они не мешали тебе
На далеких дорогах твоих.

Пусть на три века
Продлится твой век!
Пусть изобилье твое
Не расточится за девять веков!
Неомрачаемым счастьем сияй,

Ни в чем ущерба не знай!
Многочаден да будет твой дом,
Всяческим наполнен добром!
Да расплодятся твои
Бесчисленные стада!
Да не коснутся твоих детей
Нужда, болезни, беда!
За то, что ты нас
От гибели спас,
Мы в трудный час
Отплатим тебе,
А если не будет нужды —
Отплатим рыси твоей.

Счастья тебе!
Удачи тебе!
Уруй! Уруй-айхал! —
Прокричали богатыри,
Трижды поклонились они
Трем его темным теням,
Троекратно поцеловали они
Верхнюю Нюргуна губу,
Шестикратно понюхали чередом
Нижнюю Нюргуна губу.

Иные богатыри
Белыми кречетами обернулись,
Широкие распахнули хвосты,
Высоко взвились,
Унеслись.

Другие богатыри
В пестрокрылых орлов превратились,
Шумно в высоту поднялись,
Солнце закрыли,
Небо затмили,
В незнаемой скрылись дали…

Туча темная подплыла,
Многолапая,
С лохматой гривой…

И смотри —
Остальные богатыри
В глубину этой тучи вошли.
И умчались, развеялись дымом,
Растаяли, как туман,
Без следа…

СТИХ 173
БОГАТЫРИ

Среднего мира богатыри
К свету солнечному поднялись,
Вышли на поверхность земли,
Вынесли Туйаарыму Куо.
Хорош показался им Средний мир…
— Хор**о** — хор**о**! — закричали они.
Скоро на их призыв
Конский топот послышался вдалеке;
Пыль взметая до облаков,
Прискакали четыре коня;
Остановились, шеи склоня —
Нюргун Боотура
Конь Вороной,
Стоя рожденный
На грани небес;
Белый, как мотылек,
Юрюнг Уолана скакун;
Конь сивогрудый, Серо-стальной
Кюн Дьирибинэ-удальца
И золотисто-карий бегун,
На котором в былые года
Ездила Туйаарыма Куо…

На воле кони айыы
Нагуляли жир на боках,
Округлились мускулы их,
Обросли они шерстью густой;
Звонко всхрапывали они,
Весело играли они,
Нетерпеливо ржали они.

Сели на резвых коней

Светлые дети айыы…
Шумно, как черный глухарь,
Прянул Нюргун Боотур
На круто выгнутое седло,
Блистающее, как солнце небес,
И к спутникам повернув лицо,
Кюн Дьирибинэ-удальцу
Сказал такие слова…

СТИХ 174
НЮРГУН БООТУР

Дьээ-буо!!! Дьээ-буо!!!
Конем владеющий Серо-стальным,
Кюн Дьирибинэ удалой,
Ко мне свой слух обрати
Парой больших своих чутких ушей,
Подобных полной луне,
Внимательно слушай меня:
Светозарная, как солнечный день,
Сестра твоя
Туйаарыма Куо,
Красавица с девятисаженной косой,
Тоскуя по матери и отцу,
По священному очагу своему,
Так исчахла, в неволе томясь,
Так отощала она,
Что осталась лишь половина ее…

Пусть она три года дома живет;
А когда три года пройдет,
Сватать я приеду ее
За брата младшего моего —
Юрюнг Уолана-богатыря.
Я его снаряжу и к вам привезу,
Чтобы он женою своей назвал
Младшую сестричку твою,
Светозарную Туйаарыму Куо.

Возвращайтесь домой,
Созывайте гостей,
Затевайте великий пир,
Чтобы радость не умолкала у вас,
Чтобы празднество не убывало у вас,

Чтоб весельем кипел ваш дом!
А когда три года пройдет,
Семь богатых устройте сэлэ,
В шесть рядов поставьте чэчир,
Торжественно дожидайтесь тогда
Зятя будущего своего!
Он от солнечной пуповины рожден,
От высокого корня айыы.

Слыхал я в прежние времена,
Что на склоне бурных небес
Обитает Сюнг Дьаасына сын,
Облетающий мир
На Громе-коне,
Бьющий молнией вместо бича,
Буура Дохсун-исполин;
Так он грозен и так велик,
Что над ним и пуночка не пролетит,
Что под ним и мышка не пробежит…

Попробуйте, позовите его, —
Пусть и он на свадебный праздник придет,
Пусть коня своего приведет!
Халлаан-Хара-Мангастайа —
Славного кличут коня;
Словно утренние морозные звезды,
Горят глаза у него;
Как звонкая закаленная сталь,
Звенят копыта его…

У великого Улуу Тойона,
Что в неистово-грозном гневе порой
Пробуждается ото сна,
И у свирепой супруги его —
Яростной Куохтуйа Хотун
Есть прославленный сын-исполин,
Из-за буйства чудовищного своего

И разврата неслыханного своего
Не уживший среди буйных племен
Ураганных южных небес;
Уот Усуму Тонг Дуурай —
Имя этого богатыря;
Позовите в гости его!

В Нижнем мире есть еще богатырь —
Алып Хара Аат Могойдоон,
Приносящий беду чародей,
Чье имя опасно произносить…
И все-таки — вы почтите его —
На торжество пригласите его!

Есть еще один богатырь,
Чей отец — Уорда Могол Тойон,
Чья славная мать
Кус Хангыл Хотун,
Чья младшая великанша-сестра —
Кырыытынай Тыкаарай,
Красавица Кыыс Нюргун,
Скачущая на Красно-буланом коне,
В поединках разящая богатырей
Своим смертоносным копьем;
Это — прославленный исполин,
Знаменитый в роде айыы
Справедливым духом своим,
Ретивым нравом лихим,
Благородный Хаан Дьаргыстай;
Обязательно пригласите его!

Богатырей из далеких стран,
Соперников, достойных меня,
Теперь я назвал имена;
Постарайтесь их не забыть,
Попробуйте всех пригласить,
А то ведь обида пойдет,

Смута великая закипит. —

Так поучал Нюргун Боотур
Друга благородного своего,
Кюн Дьирибинэ-удальца.

Белым блистающая лицом,
Бедная Туйаарыма Куо,
Трижды сперва поклонясь
Трем Нюргуна темным теням,
Красные губы открыв,
Белыми зубами блеснув,
Избавителю своему
Молвила такие слова…

СТИХ 175
ТУЙААРЫМА КУО

Дьээ-буо!!! Дьээ-буо!!!
Избавитель мой! Ты назвал имена
Самых лютых наших врагов,
Кем славится Нижний мир…
Ты назвал заклятых наших врагов,
Живущих на склоне бурных небес!..

Если нагрянут они,
Не миновать беды,
Несчастья не избежать.
От одной лишь мысли о них
Мои волосы дыбом встают,
Ужас наполняет меня!

Нагрянут они —
Нарушится мир,
На гибель они обрекут
Народ уранхай-саха,
Великая вспыхнет война,
Вымрут люди на средней земле…
Ну, а если их не позвать —
Кто посмеет нас порицать?!
И какая в этом наша вина?
Я страшусь… Я смятенья полна… —

Так возволнованно говорила ему,
Избавителю своему,
Светлая дочь айыы.

СТИХ 176
НЮРГУН БООТУР

Не пугайся, дитя мое,
Не содрогайся душой…

Пойми, что задумал я! —
Если их сейчас не созвать,
Да за удила не поймать,
Да ничком по очереди не повалить,
Если теперь их не истребить,
То потом истребят они
Все потомство племен уранхай-саха!
Потом не будет защиты от них,
Ни в чем не будет опоры для вас…

Девяносто девять хитростей их,
Восемьдесят восемь коварств колдовских
Запутают ваши пути,
И тогда спасенья вам не найти!
Разрушат они ваш кров,
Потушат священный огонь в очагах,
Растопчут ваше добро,
Разорят вас, выжгут дотла,
Развеют пепел, смеясь…

Потому и решил я их вместе созвать,
Чтоб избавиться сразу от них! —
Молвив слово такое, Нюргун Боотур
Трижды поклонился
Тройным их теням —
И, коня повернув на юг,
С Юрюнг Уоланом, братом своим,
Умчался в свой заповедный предел…

А Кюн Дьирибинэ-богатырь
И прекрасная Туйаарыма Куо
Поспешили к родным местам,
Где не были столько лет…

СТИХ 177
НЮРГУН БООТУР

Исполины-богатыри
Племен уранхай-саха,
Чада солнечного рода айыы
Сч**а**стливо стали жить,
Радовались втроем
Радостью трехсот человек
В обители первозданной своей,
В обиталище своем золотом;
В изобилии, беззаботно живя,
Укрепляя силу пищей мясной,
Утоляя жажду лучшим питьем,
Богатырскими играми на лугу
Упражняя мышцы свои…

Первейшие из людей,
Прекрасные молодостью своей,
Полные бодрых сил,
Так в ту пору жили они,
Что белая пуночка не могла
Над головами их пролететь,
Что под ними хода прорыть не могла
Серая остроносая мышь…

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Надел свою тройную броню,
Сверкающую серебром,
Препоясался боевым мечом,
Вздел на плечо огромный свой лук
И пернатыми стрелами полный колчан,
Крепкого дома тяжелую дверь,

Которую за семь дней и ночей
Семьдесят семь здоровенных детин,
Напирая плечами во всю свою мочь,
Растопырив ноги, кряхтя,
Натуживаясь изо всех своих сил,
Не сумели бы приоткрыть,
Настежь Нюргун Боотур распахнул,
Вышел **и**з дому на просторный двор.
Там, к узорной коновязи прислонясь,
Правой рукой подбочась,
Не мигая, глаза устремив на восток,
Напрягая могучую мысль,
Думая о каком-то одном
Сокровенном деле своем,
Девять суток он простоял,
Бровью не пошевелил,
Ресницами не моргнул…

Когда на рассвете десятого дня
Край небосвода блеснул,
Как булатный широкий меч,
Послышался крыльев свист,
Прозвенел журавлиный крик…

Белая птица-стерх,
Медленно в высоте кружа,
Сверкая крыльями на лету,
Прокурлыкала богатырю,
Пропела такую песнь…

СТИХ 178
ПЕСНЯ СТЕРХА

Посмотрите, богатыри!
Посланный защитить от врагов
Светлое племя айыы
С поводьями за спиной,
Скачущий на Вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур
Стоит у коновязи своей
Неподвижно девять дней и ночей!

Что он видит?
Что знает он?
Я, бедняжечка, не затем
Прилетела сюда — окликаю тебя,
Чтоб широкий твой путь пресечь,
Чтобы спутать
Длинный твой путь.
Я привычным своим путем
Пролетаю к себе домой…

Саха Саарын Тойон,
Сабыйа Баай Хотун,
Прародители уранхайских племен
Наказали тебе сказать,
Что, послушные воле твоей,
Созвали они гостей —
И от этого страшное зло началось,
Великое разоренье пошло.

Сюнг Дьаасына сын —
Буура Дохсун-исполин,
Скачущий по облакам
На раскатистом Громе-коне,

Молнией, словно кнутом, хлеща,
Зеленые леса опалил,
Пастбища опустошил!
А другой, под стать ему, гость —
Уот Усуму Тонг Дуурай,
Гоняющий пред собой
Огненный шар колдовской,
Летающий на зм**е**е-коне,
Бесчинствует,
Убивает людей!
И никто ему отпора не даст,
И удержу нет ему…

Ты три года назначил им срок
И три года дома сидишь,
Три года ешь, да пьешь, да спишь…

Ох, как ты прожорлив,
Ох, как сонлив,
Ох, как ты на подъем ленив!

Говорят, чародей Алып Хара,
Аат Могойдоон-исполин,
Породивший страшного колдуна,
Проклятого Ап-Салбаныкы,
Заманил обманом,
С дороги сбил,
В непролазные топи завел,
Топит в огненных зыбунах
Отважного удальца,
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Чей славный отец — Уорда Могол,
Чья мать благородная —
Кус Хангыл…

И теперь Аат Могойдоон
Смертный бой

С великаншей-девой ведет —
Хаан Дьаргыстая сестрой,
Кырыытынай Тыкаарай,
Красавицей Кыыс Нюргун,
Скачущей на Красно-буланом коне,
Бьющейся смертоносным копьем;
Уж от нее-то он
Жив не уйдет!
А ты и видом того не видал,
А ты и слыхом того не слыхал…
Пусть-ка будет лучше иной
Наша новая встреча с тобой! —

Так пропела белая птица стерх
И улетела путем своим.

Великий защитник средней земли
Стремительно воротился домой.
Широко распахнув тяжелую дверь,
Шагнул в блистающее жилье;
Словно лиственница вековая, он
Распрямил свой могучий стан;
Закинув голову высоко,
Распрямился во весь свой огромный рост,
Грозен видом,
Темен лицом,
Брату своему он сказал.

СТИХ 179
НЮРГУН БООТУР

Дорогой ты мой младший брат,
Дитя мое, Юрюнг Уолан!
Пролетела сейчас надо мной
В виде белого журавля,
Порочила имя мое
Прославленная Кыыс Нюргун,
Седлающая для кровавых боев
Красно-буланого скакуна,
Налетающая молнией на врага
Со своим смертоносным копьем,
Не знающая поражений в боях,
Наводящая ужас на богатырей,
Прославленная в трех мирах.

Да повстречался ей
Алып Хара-чародей;
Видно, он ей в драке не уступил,
Видно, он ей могучую шею намял,
Видно, истомились в бою
Верхние силы ее,
Видно, изнурились в бою
Нижние силы ее.
Потому, видать, и решила она
По дороге драки не затевать,
Домой прямиком лететь…

Но каким превосходством дышит она,
Каким благородством дышит она!
Какой насмешливостью полна!
Посмеялась и улетела она,
Будто не пересекла
Широкого пути моего,

Не спутала дальних моих следов…

Засиделись мы дома с тобой,
От безделья совсем обленились мы!
Родичи невесты твоей
Ждут не дождутся нас…
В путь собирайся,
Пришла пора!
А приедем, посмотрим
Кто мы, кто — они… —

Тут, надев боевой доспех,
Не мешкая, братья в путь собрались.
Священному очагу поклонясь,
Благословив обжит**о**й свой дом,
С долиной родной простясь,
В поход изготовились богатыри.

Старший брат Нюргун Боотур
Бедняжечку Айталыын Куо
В благотворных ладонях своих покатал,
В клубок шерстяной превратил
И надежно спрятал ее
В чуткое ухо коня своего.

Поскакали богатыри;
Услыхали их зычный крик
В Верхнем мире,
На гребне белых небес…

Гулкий топот их скакунов
Отгулом наполнил подземный мир…
Наступленье ранней зимы
По инею узнавали они,
Первое дыханье весны
По дождю узнавали они;
На привал не вставали они,

День и ночь скакали они,
Вихри д**о** неба подымали они,
Высоко взлетали они,
Рассекая белые облака,
Разрывая черные облака…

Долины широкие миновав,
По тундрам сумрачным проскакав,
Горы по воздуху перелетев,
Необъятный земной простор
За полгода они прошли;
И свободно раскинувшуюся вдали,
Утопающую в мареве голубом,
Сверкающую росистой травой,
Не увядающую никогда

Увидали долину перед собой…

Неизмерим был привольный алас,
Необозрим кругозор
Великой долины той,
Объятой небесною синевой…

Семьдесят семь многоводных рек, —
Чьи широк**и** заливные луга,
Чьи высок**и** берега, —
Скоком перемахнув,
Восемьдесят восемь
Играющих рек
Лётом перелетев,
Выехали братья-богатыри
На крестовину восьми путей,
На стык девяти дорог.

Мира Среднего исполин,
Могучий Нюргун Боотур
К брату младшему своему
Обратил такие слова…

СТИХ 180
НЮРГУН БООТУР

Приехали мы, наконец,
Прибыли мы в тот край,
Где в бывалые времена
Обосновали свое гнездо
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
Которым удел был определен —
Корнем стать племен
Уранхай-саха…

Вот оно — становье обильное их,
Долина счастливая Сайдылыкы,
Где никогда не бывает зимы,
Где на пастбищах круглый год
Зеленеет густая трава!
Вот он — цветущий алас,
Где летучий не падает снег,
Где в безмерной щедрости затаена
Сокровенная медная благодать!..

Вот оно — светозарное их жилье,
Вот она — прекраснейшая страна,
Где воркуют горлицы круглый год,
Где зимуют белые журавли,
Где курлыкают серые журавли,
Откуда не улетят кулики!
Это — вечного лета страна,
Необъятная травяная степь,
Теряющаяся в безвестной дали…

Облик здесь мы изменим свой,
Убогий, нищенский примем вид.

Пусть никто не сглазит тебя
Огненным взглядом своим!
Пусть никакой завистник тебе
Едким словом не повредит!
Пусть трехзубая острога
Тело твое не пронзит!
Пусть восьмизубая острога
В пути тебя не сразит!
Три дня пройдет —
Примешь снова ты
Прежнее обличье свое,
Красивым будешь опять,
Горделиво, как прежде, ступать…

А я являюсь не самим собой,
Являюсь я своим слугой
Парнем Суодалбой.
Станет небесный мой конь
Коньком Суордаайы.
Если конные скачки устроят они,
Спросят — есть ли скакун у тебя?
Отвечай им, что есть скакун;
Если спросят — выставишь ли борца?
Отвечай им, что есть борец;
Если спросят ловкого прыгуна,
Отвечай — есть парень-прыгун;
Если спросят резвого бегуна,
Отвечай — есть резвый бегун!

Появишься ты один среди них;
А я — бедняга — в лесу,
За пригорком буду лежать,
Зорко буду высматривать, наблюдать
За сборищем чванных гостей,
Посмотрю, как будут тянуться и красть
Огненно-бойкие пальцы их.
Великие воры здесь сошлись,

Страшные разбойники собрались…

А что будет потом —
Поживем, поглядим. —

Покатился Нюргун Боотур по земле,
Превратился в нищего старичка —
Кургузого, с бельмом на глазу,
В треухе рваном на голове,
В заскорузлых стоптанных торбасах,
В оборванной, облезлой дохе,
Подпоясанной лыковым пояском.

Удалого Юрюнг Уолана он
В такого же старичка превратил.
Произнеся заклинание, Нюргун
Пнул в бедро коня своего,
Превратился могучий конь
В суковатый посох кривой…

Два прославленных богатыря
В виде странников-старичков,
Неприметные никому.
На пригорок лесистый взошли,
А с того пригорка была видна
Необъятно широкая даль
Прекрасной долины Сайдылыкы,
Где ни грязи, ни тлена нет.
Два могучих богатыря,
Два оборванных старичка
Построили шалаш кое-как
Из хвороста и корья;
Три дня и три ночи
Проспали в нем…

А как выспались богатыри,
Как вылезли из шалаша,

Как протерли свои глаза —
Онемели от изумленья они
При виде открывшейся красоты;
Перед ними в сияньи утра лежал
Курящийся голубизной —
Такой широкий простор,
Такая привольная степь,
Что невидимые были вдали
Тонкие очертанья ее…

Там, в низинах, вместо солончака
Белели топи из каймака
До колен верховым коням;
Золотая желтела там благодать
До вертлюгов степным коням.

Там, в богатстве и в вольготе?
На лугах с густою травой,
Где пасутся несметные табуны
Играющих белых коней,
Где несчитанные табуны
Ретивых черных коней,
Где рекой широкой течет
Мычащий рогатый скот,
Где стерхи — белые журавли
Зимой и летом живут,
Где даже осенью, в небесах,
Жаворонки поют,
Где кукушки звонко
Кукуют всегда,
Где не отцветающая весна,
Где лето длится весь год,
В той прекрасной цветущей стране,
На высокой ее груди,
На блистающем лоне ее,
На широком загривке ее,
На выпуклом затылке ее,

Красовалось, видное издалека,
Становье первых людей,
Сверкал под солнцем за день пути
Громадный серебряный дом;
На широком звонком дворе
Белели восемь шатров…

Там смех веселый гремел,
Там пир кумысный кипел,
Там игры шумные шли,
Там самые острые на язык
Пересмешники собрались;
Яркая пестрела толпа…
Самые красивые там
Отовсюду девушки собрались,
Лучшие юноши собрались,
Знатные гости съехались там.

Самые алчные были средь них
Верхнего мира богатыри;
Знаменитые вылезли из-под земли
Нижнего мира богатыри;
Имеющие силу и власть
В несметном множестве
Там сошлись…

Там было натянуто семь рядов
Арканов волосяных,
Там было поставлено восемь рядов
Красивых желтых берез.
Как неисчерпаемый водоем,
Играющим кипя кумысом,
Праздник шел,
Несмолкаемый пир шумел,
Поднимался до неба длинный дым
От богатого очага…

На этом пиру, говорят,
Пел гостям свое олонхо
Прославленный олонхосут,
Любимец людей уранхай-саха,
Мудрый старец Олонхолоон…
Был на том пиру
Чабыргах Чаабый,
Были свои говорил.
Он в своих рассказах перечислял,
Острым словом изображал
Среднего мира богатырей
С чембурами за спиной,
Адьараев-богатырей,
Выходцев из подземной тьмы
И самых прославленных удальцов,
Налетающих с высоты
Задыхающихся бурных небес…
Девушки и юноши в стороне
В хоровод большой собрались,
За руки подростки взялись,
Плясовой напев завели.
Замелькал хоровод, запестрел,
Загудела от пляски земля…
Веселая молодежь
Ножкобитие плясать начала,
Высоко, прыжками взлетать начала.

СТИХ 181
НАПЕВ ХОРОВОДА

Эй-эй! Веселей, друзья!
Как березок стройных семья,
Как кусты можжевельника на лугу,
Как талинки свежие на берегу,
Навстречу солнцу пойдем,
Закружимся колесом.
Легко, высоко взлетим
Над родной землей золотой!

Будто в бархате и шелку,
Сверкающая в цвету —
Родная страна Томоон-Имээн
Чэчиром украшена золотым,
Березками в семь рядов,
Веревками в конских гривах густых…

Пусть не молкнет веселый пир!
Пусть кумысное изобилье кипит!
Блещет лик любимой земли,
Все луга ее расцвели…

Краше светлых солнечных стран
Красота бескрайних полян
Нашей отчей милой земли.

Так давайте же веселее плясать,
Давайте выше взлетать
Над счастливым лоном златым,
Над горделивым загривком крутым
Мира Среднего своего,
Над блистающими степями его,
Утопающими в синеве!

Славьте всем народом, друзья,
Туйаарыму — наше дитя,
Светозарную,
С девятисаженной косой!
Замуж выходит она
За красавца-богатыря.
В дальний край уезжает она,
Сверкающий россыпью золотой…
Пусть великое счастье ее озарит!
Пусть всегда блистает ее краса
Над кипящей чашею кумыса!
Эй, подпрыгнем выше, смелей,
Эй, попляшем, да веселей,
На счастливом лоне родной страны!
Мы ведь молоды и сильны! —

Так пела веселая молодежь,
Беспечно в пляске летя.
А той порой — вдалеке,
С полуденной стороны
Долины Сайдылыкы,
От подножья красных скалистых гор,
С огромного медного арангаса
На восьмидесяти восьми столбах
Загремел пронзительно-грубый крик,
Загрохотал, как обвал,
Грозный голос богатыря.
Это гневался и кричал,
На всю долину орал
Удалой Буура Дохсун,
Чей конь — раскатистый Гром,
В чьей руке — разящая плеть
Из молний блистающих сплетена.
Верхнего мира абаасы,
Могучие богатыри
С воплем кинулись прочь

От крика его;
Адьараи — подземные богатыри
В смятении бросились наутек;
Среднего мира богатыри
Попрятались кто куда…

СТИХ 182
БУУРА ДОХСУН

Аарт-татай!!! Алаатыгар!!!
А кто еще тащится там,
Топает тяжело?
Слышу поступь грузных шагов,
Слышу чей-то тяжелый дых…

Эй вы, парни, годные мне в батраки!
Эй вы, трусливая мелочь, дрянь!
Поглядите-ка — это айыы пришел,
Или это абаасы?
Огонь чьих-то острых глаз
Обжег неприятно меня,
Подкрылья мои пронизал…

Если, белый великий путь одолев,
Перевалы высокие перевалив,
Здесь появился сам
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
То вы, презренная мелюзга,
Вы — мошенники Верхнего мира,
Вы — разбойники Нижнего мира,
Не пытайтесь тягаться с ним!
Здесь поживы не будет вам.
Могучую силу сломить
Этого богатыря
Могу только я один!
Опорочить громкое имя его,
Опрокинуть славу его
Попробую только я один!
Непокорного никому —

Я скручу его, проучу!
Тащите его сюда,
Толкните его ко мне!
Помните, что я сказал:
Полно здесь величаться вам,
Прославленные в облаках!
По домам вам лучше сидеть,
Перед плетью моей дрожать!
И вы — матерые богатыри
Подземных студеных глубин, —
Тенями в потемках вам мельтешить,
Призраками бродить,
А хозяйничать, укрощать,
Устрашать могу только я!
Так и знайте —
Невеста эта — моя! —

Так Буура Дохсун
Голосом гром**о**вым орал,
Так он до смерти перепугал
Грозных именитых гостей…

Прославленные богатыри
Трех великих миров
Бросились пришельца искать,
Облазили всю тайгу,
Обрыскали широкую степь,
Никого они не нашли…
А пока метались они,
Из обиталища бурь,
Из бушующей бездны Одун
Налетел небывалый вихрь.
Черная западная метель
Черною гривою пыль взмела…

Будто небо треснуло пополам,
Будто не было половины его,

Надвинулась туча, гремя,
Затмила солнечный свет…
По воздуху полетели, гудя,
Камни величиною с быка,
В ужасе народ завопил,
Заметались в загонах стада,
Завизжали кони в степи,
Коровы стельные на лугу
Выкинули недоносков-телят,
Кобылицы выкинули жеребят,
Повсюду слышался женский крик,
Отчаянный детский плач…

А когда утих налетевший вихрь,
А когда рассеялась пыль
И туча бесследно ушла,
На круче ближней горы
Возник человек-исполин,
Возвышаясь, как вековая ель.

Это был тот самый
Лихой удалец, —
Огненного змея, как скакуна,
Оседлавший в давние времена, —
Первый в племени верхних абаасы,
С единственною рукой,
Разветвленной в локте на две руки,
Растущей прямо из кости грудной,
С единственной толстой ногой,
Выросшей из хребтины его,
Разветвленной в колене кривом
На две шлепающих ноги,
С толстою нижней губой,
С подбородком, словно обрыв,
С потрескавшимся носом большим,
С чумазым, черным лицом,
В дохе из заразных шкур,

В нашейнике из львиных шкур,
В шапке из драконьей брони,
В девятислойной кольчуге стальной.
Вот каков он собою был,
Богатырь полуденных бурных небес,
Уот Усуму Тонг Дуурай.
Распялил он широченную пасть,
Оскалил восемь железных зубов,
Облизнулся семисаженным своим
Синим огненным языком
И заговорил,
И забормотал,
Заголосил, завыл.

СТИХ 183
УОТ УСУМУ

Ар-дьаалы!!! Аарт-татай!!!
Алаатынга-улаатынга!!!
Буйа-буйа, буйака!!!
Буря какая тут поднялась…
Коль хотите ведать,
Кто я такой,
От какого корня возрос,
От какой пуповины рожден,
Так знайте — я первый из богатырей
Бурно-мятущихся южных небес,
Буйных ураганных небес,
Где в обратную сторону все идет,
Где другой времен оборот,
Где бессменная ночь темна,
Где щербато солнце,
Щербата луна,
Где обманчивые проплывают луга,
Где играет, шумит пурга,
Где мой двор окован зеленым льдом,
Где надворье покрыто сверкающим льдом;
Там железный высится мой,
Непрерывно трясущийся дом.

Там живет моя великая мать —
Дух ураганных небес, —
Могучая Куохтуйа Хотун.
Там — в заклинаемой высоте
Обитает мой грозный отец,
Возвеличивающийся Улуу Тойон;
Там живет мой старший брат-исполин
Уоган Хаан Аан Ухаан;
Старшая там сестра у меня,

Страшная Уот Кутаалай,
Шаманка бурных небес;
Рабом у меня —
Ардьаман-Дьардьаман,
Семь бешеных идолов-плясунов —
Слуги его в колдовстве;
Семь оленей, пышущих белым огнем,
Бегают в упряжке его;
Батраком прислуживает у меня
Колдун-ведун Таллан Бэкийэ.

Я теперь самолично явился к вам —
Богатырь, что своей рукой
Змея огненного оседлал!..

Слух до меня долетел,
Дух занялся во мне…
Весть до меня дошла,
Что пр**о**сите вы меня
Честь великую вам оказать,
Заглянуть в высокую вашу трубу,
В золотое ваше гнездо!

«Первую среди дочерей,
Белую лучезарным лицом,
Милую Туйаарыму Куо
Выдадим за него, —
Пусть он приезжает скорей!» —
Такое слово сказали вы,
Услыхал — и явился я…

Стройную невесту мою —
Еще трех ей не было лет —
Засватывал я у вас.
Ясноглазую невесту мою —
И семи ей не было лет —
Себе предназначил я!

Ее — серебристую рыбку мою —
Оперите, словно стрелу,
Уберите в пышный убор,
Украсьте, как весенний цветок!
И торжественно выводите ко мне
Светлую невесту мою,
Олененочка моего, —
И вручите мне поскорей!

Если тут соперник найдется мне —
Пусть ее победитель возьмет,
А если мы равны будем в борьбе,
То поделим девушку пополам;
Верхнюю белокожую часть
Сопернику я отдам,
А нижнюю часть
Себе я возьму,
Не уступлю никому! —

Так он, махая руками, орал,
Так он истошно вопил…
Тут вспылил Буура Дохсун —
Бурного неба сын удалой,
Молнией ветвистой хлестнул,
Громом раскатистым загрохотал…

СТИХ 184
БУУРА ДОХСУН

Ах он — черная морда,
Кривая нога…
Ух, как он языком солит,
Ух, как он глоткой горчит!
И откуда прыть у него?
Посмотрю я —
Много ли ты возьмешь?!
Посторонись, отойди!
А не то я спину тебе
Молнией перешибу.
Удирай отсюда, покуда цел!
Девушка эта — моя! —

Так орал Буура Дохсун,
И молнии, бьющиеся в руке,
Скрутив слепящим жгутом,
В соперника он метнул…
Уот Усуму Тонг Дуурай
Выдохнул огненный вихрь,
Молнии перехватил на лету,
С грохотом их погасил,
Но от выдыха огненного его
Выгорела в долине трава
На восемь дней пути…

СТИХ 185
УОТ УСУМУ

Эх ты, Буура Дохсун!
Всех-то не испугаешь ты!
Давно угрожаешь ты
Все отнять,
Все забрать себе!
Двуглазые не видали еще,
Двуухие не слыхали еще,
Чтобы отнял ты что-нибудь,
Отобрал у кого-нибудь…
Или ты такой богатырь,
Что мое отберешь у меня?
Неужто я, бедный, лишусь
Невесты белой моей!
Ой, плохо мне,
Ой, от смеха умру! —

Так, скосоротив черную пасть,
Скалился, издевался он
Над соперником разъяренным своим…

Видя, что если распрю начнут
Два чудовища-жениха,
То выгорит все вокруг,
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Скачущий на Серо-стальном коне,
Обратил к соперникам речь,
Образумить их он решил
Горячим словом своим…

СТИХ 186
КЮН ДЬИРИБИНЭ

Смотрите, богатыри,
Рассудите напрасный спор!
А вы, прекратите брань!
Если вы, — прославленные удальцы,
Лиходеи верхних племен, —
В самом деле честью приехали к нам
Сватать мою сестру,
Светозарную дочь айыы,
То не сжигайте наших богатств,
Не истребляйте огнем
Желтую благодать —
Сокровище нашей земли!

Если не остановитесь вы,
Если не успокоитесь вы,
Я такого на вас тойона найду,
Я такого богатыря приведу,
Который сумеет вас укротить…

Сестру мою
Туйаарыму Куо
Только тот женой назовет,
Только тот на ложе свое возьмет,
Кто во всех состязаниях победит,
Чей конь на скачках опередит.

Приведем сначала борцов,
Поглядим — чей сильнее всех,
Потом найдем бегунов,
Поглядим — чей быстрее всех,
Длинноногих выставим прыгунов,
А потом из отгонных лугов

Пригоним коней-скакунов,
Великие скачки начнем,
Поглядим — чей конь победит…

А после веселых игр и борьбы
Будет черед стрельбы,
Кто на четыре куска
Расколет меткой стрелой
Летающий над землей
Заколдованный сыагай золотой,
Тот и в жены себе возьмет
Прекрасную Туйаарыму Куо
И торжественно ее увезет!
Обманом вы не возьмете ее,
Силой — не умыкнете ее! —

Так образумливал буйных гостей,
Так толково и властно им говорил
Сам хозяин становья всего…
А в ответ на речи его
Свирепое детище бурных небес
Лихой Буура Дохсун,
Рукой прикрывая губастый рот,
Громово захохотал.

СТИХ 187
БУУРА ДОХСУН

Хо-хо! У меня есть такой борец,
Что если за руку схватит кого, —
Руку с плечом оторвет.
У меня самый быстрый мальчик-бегун,
У меня самый легкий парень-прыгун.
У меня — знаменитый небесный скакун!
Кто меня одолеет? Никто!
Кто меня посрамит! Никто!
Где вам тягаться со мной?!
Девушка будет моя! —

И запрыгал на месте радостно он,
И захлопал по бедрам себя…
А богатырь беспокойных племен
Обратной сумрачной стороны
Ураганных южных небес,
Прикрывая ручищей пасть, как жерло,
Злорадно захохотал…

СТИХ 188
УОТ УСУМУ

Пусть поборются ваши борцы,
Пусть побегают бегуны,
Пусть поскачут резвые скакуны,
Я на это не посмотрю! —
Я сам буду драться с любым,
Кто драться захочет со мной…
Кто хочет стрелять в сыагай — стреляй!
Где пальцы загребистые победят,
Там не буду я обделен! —

И великан на горе
Нагло, весело захохотал,
Ударив себя по бедру…

Тут бесчисленное сборище все
Всколыхнулось, заволновалось, шумя;
Тут уже мужчина любой
Желанием воспылал
Кого-нибудь в борьбе одолеть,
На игрищах победить;
Будто каждый надеялся впрямь
Выиграть, в жены взять
Светозарную Туйаарыму Куо
И возлечь на супружеском ложе с ней,
И возжечь священный огонь,
И дом изобильный свой завести,
И потомков бесчисленных породить,
И достойно, радостно жить…

Тут песни и смех
Далеко понеслись,
Игры веселые начались,

Бурное веселье пошло;
Все игрой, борьбой занялись,
Стали ребра ломаться у богатырей,
От натуги рваться кишки…

Волновалась, шумела толпа гостей,
Суматоха великая шла в кругу,
Хохот слышался, вопль и вой…

Предопределенные корнем стать
Сорока четырех родов,
Предназначенные от начала времен
Предки уранхайских племен,
Седовласый Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун,
В ожидании, что прискачет к ним
На Вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур
И приведет с собой
Юношу, милого сердцу их,
Юрюнг Уолана-богатыря,
Что летает на Мотыльковом коне
Выше изгороди столбовой;
Что поженят они его
На дочери милой своей,
На красавице Туйаарыме Куо
С девятисаженной волнистой косой,
Что бесценное их дитя, наконец,
Обзаведется домом своим
На поверхности золотой
Незыблемой средней земли,
Народит сыновей, дочерей,
Разведет бесчисленные стада, —
Так мечтая, они заждались,
А дождаться никак не могли,
Начали терпенье терять…

СТИХ 189
САХА САРЫН ТОЙОН

Кэр-буу! Кэр-буу!
Серебряные мои голубки?
Медные пташки мои,
Бедные детушки вы мои,
Держащиеся силой небес
На шести струящихся золотых
Чембурах солнышка самого!
Мы зовемся Айыы Хаану родней
И теряем славу свою…

Мы, приученные от начала дней
Туго натянутыми держать
Поводья трепетные за спиной,
Вожжи звонкие солнца небес,
Мы — сородичи племени Кюн Айыы,
Роняем высокое имя свое…
Меркнет рода нашего блеск,
Глохнет молва, прославлявшая нас!
Наступает горестный час —
Опять нам дочь потерять,
Отдать ее прямо в руки врагу!

Где же он — единственный человек,
Который может нас защитить?
Удалой Нюргун Боотур,
Летающий на Вороном коне,
Подобно черной небесной стреле,
Не приехал к нам
В назначенный срок…

Неужель устрашился он
Тяжелых, страшных наших гостей,

Которых сам он велел позвать,
Для которых пир приказал затевать?
Если не устрашился Нюргун,
Если не скрылся он где-нибудь,
Почему же тогда не приехал он —
Наш могучий сосед-тойон? —
Так, в печали сердечной, старик
В отчаяньи вопрошал
Чад и домочадцев своих.

А прославленная супруга его,
Величавая подруга его,
Хозяйка богатого дома всего,
Прародительница сорока племен
Сабыйа Баай Хотун,
Так она отвечала ему,
Так возражала ему…

СТИХ 190
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

О-о, старик ты мой, муженек!
Не говори недостойных слов.
Тот, кто приехать в срок обещал,
Вот-вот прискачет сюда.
Он-то — знающий,
Он — чародей,
При восьмидесяти восьми
Колдовских уловках своих,
При семидесяти семи
Всяких ухищреньях своих,
Он приехал, наверно, давно!

А мы и не знаем о том,
А мы тут сидим и ждем…

Зорки огненные глаза
Знаменитого богатыря,
Чутки тонкие уши его…
Не роняй же напрасно слов,
Что словами назвать нельзя! —

Так образумливала она
Сердитого старика…

А из-за дверцы берестяной,
В подвесках и брякунцах,
Послышалась полная слез,
Печальная, тихая песнь
Исстрадавшейся в подземном плену
Дочери их Туйаарымы Куо,
Красавицы с девятисаженной косой.

СТИХ 191
ТУЙААРЫМА КУО

Ыый-ыыйбын! Аай-аайбын!
Вы — белые журавли,
Выступающие чередой
На стройных ножках своих,
В красных сап**о**жках своих,
Яркими сверкающие глазами,
Звонкими поющие голосами,
Дорогие сестры мои!
Хоть прекрасно вы нарядили меня,
Украсили, как весенний цветок,
Да напрасно все…

Оплачете вы скоро меня!
Предназначена, видно, я
Удачливому оборотню тому,
Что с обратной сошел стороны
Западных бурных небес…

Но росток благодатного рода айыы,
Изнеженный Среднего мира цветок,
Выросший на лугах травяных,
Вынесет ли дыхание тьмы,
Выстоит ли среди бурь ледяных
Той черной, как деготь, страны?
Не выживу я,
Не выдержу я,
Стужей сломленная — пропаду!

В последний раз наряжайте меня,
В заветный час украшайте меня!
Красные ленты вплетайте
В черные косы мои…

Пусть мне память будет о вас!

О, если бы мне хоть на миг увидать
Юношу, возлюбленного моего
Юрюнг Уолана на белом коне,
То пускай бы я в тот миг умерла.
Не страшна бы мне смерть была!
Старший родич, защитник мой,
Стремительный Нюргун Боотур,
Где мчишься ты, в какой стороне,
Как черная грозовая стрела
На Вороном своем скакуне?

Если ты наверху —
Прилети стрелой!
Если ты под землей —
Взлети острогой!
Не знаешь ты, видно, о нашей беде…
Неоткуда нам помощи ждать,
Некому меня защитить.
О, гибель! О, горе мне! —

Молча слушали старики
Печальный дочерний напев,
Пуще загоревали они…
Поникли головы их.

Данная в давние времена
В приданое хозяйке самой,
Обитающая в глубине двора —
В загоне для бурых коров,
В хотоне для пестрых коров,
Пугающая телячьих чертей,
Деревянной лопатой по спинам худым
Прогоняющая со двора
Всякую скотью хворь,
Стегающая огнем

Любую н**е**жить,
Любую напасть,
Невидимую никому,
В сползающих на колени штанах
Из шкур околевших телят,
В стоптанных торбасах,
Оборки длинные волоча,
Бестолково о чем-то крича,
Разбрасывая золу
Навозной лопатой своей,
Старуха-коровница Симэхсин,
На брюхо падая второпях,
Не попала в дверь впопыхах,
Пролезла в собачий лаз,
Подскочила к горящему камельку,
Поднапыльник печной
Задела плечом,
Опрокинула семь туесов каймаку
И запрыгала, веселясь,
Захлопала в ладони, смеясь,
И задыхаясь, и торопясь,
Бессвязно рассказывать начала…

СТИХ 192
СИМЭХСИН

Алаатанг-улаатанг!
Ах, жарко мне! Ах, душно мне!
Батюшка мой, что слышала я!
Матушка, что видела я!
Слышала я —
Чего не слыхать…
Видела я —
Чего не видать!
Думала я —
Н**а** небе луч,
А это — он,
Да красавец какой!
Думала я —
Звезда из-за туч,
А это — он —
Золотой!..
В пять сажен высотой
Его тонкий стан;
Насторожась,
Он легко летит;
Навострясь,
Он сюда спешит —
Удалой Юрюнг Уолан
На Мотыльково-белом коне,
На белехоньком скакуне…

Ух, как он летит над землей
Выше изгороди столбовой!..

А когда я была
Молода, вольна,
В ту пору гуляла я

С Улуу Тойоном самим!
Ух, как миловалась я с ним!..

Был хорош у меня дружок,
Ну, а этот — лучше его!
Слюбилась я в прежние времена
С Арсан Дуолаем самим,
Поиграла я с ним —
С дружком дорогим,
Ну, а этот — лучше его!..

Открывайте пошире дверь,
Наливайте праздничный кубок айах,
Постилайте свадебную постель,
Чтоб легла я с ним —
Дружочком моим!

Ой, старуха, ой, старичок!
Ой, как сердце бьется мое,
Ой, как жилки мои дрожат!..
Ох, жарко, ох, душно мне!
Ох, больно…
Ох, тяжко мне!
Плесните водички
В мой туесок,
Дайте скорей
Снежку черпачок! —
Тут бедняга старуха
Плясать пошла,
Да зацепилась одной ногой
За оборку своих торбасов
И растянулась на светлом полу.

СТИХ 193
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Это добрая весть!
Это, бабка, речь не твоя,
Это сама гласит
Благосклонная Иэйэхсит!
Ну-ка, белые стерхи мои,
Доченьки вы мои,
Ну-ка, резвые сыновья,
Длинноногие журавли!
Подымите старуху скорей,
Унесите отсюда ее,
Чтобы глаз чужой ее не видал,
Чтобы нас чужой не корил.
Видно, впрямь приехал
Гость дорогой!
Постелите сидение для него,
Распахните дверь,
Бегите встречать,
Стремя держать,
Поводья держать!
Лучшие шкуры коней
Под ноги раскиньте ему,
По двору проводите его,
Под руки приведите ко мне,
Приготовьте кубок большой! —

Так вот, голосом звучным своим,
Властно приказывала она,
Седовласая хозяйка-хотун,
Белая, как куропатка зимой,
Знаменитая праматерь племен,
Становито величественная собой,
С гордо поднятой головой…

Девушки и юноши подошли,
Брезгая коснуться рукой,
Поддели на двенадцать лопат
Старуху бедовую Симэхсин;
Вынесли наружу ее,
Выбросили в коровник ее.

Переломилась она пополам…
Нижняя половина ее,
В теленка с намордником оборотясь,
Ускакала вприпрыжку к стаду коров,
Верхняя половина ее,
В пеструю собаку оборотясь,
Тявкая, побежала к реке…
Вдруг возникли среди двора
Беготня, суетня, толчея,
Шум и говор многих людей.
Открыватель дверей
Алтан Хаакыр
Тяжелую дверь
Широко распахнул,
Шкуру конскую
У входа метнул;
Вихрем выбежал
Тэлэбис Баатыр,
Принял поводья коня;
Энгэс Боотур
У стремени стал,
Помогая сойти с коня;
Олос Боотур
Орон устелил
Пестрой шкурой,
Мехом густым.
Шестеро юношей удалых,
Честь оказывая, с поклоном ввели
В просторный родительский дом

Прославленного сына айыы.

Летающий на Мотыльковом коне,
Блистая серебряною броней,
Ярко, словно солнце, лучась,
Ясноглазый Юрюнг Уолан,
Всех уранхайских богатырей
Ростом выше,
Станом стройней,
Вошел под священный кров.

Трижды почтительно поклонясь
Благородной старой чете —
Прародителям тридцати родов,
Трем их темным теням поклонясь,
К орону почетному он подошел
И грузно сел на него.
Не выдержал прочный орон
Тяжести могучего богатыря,
Прогнулся в середке он,
Угрожающе затрещал…

Смутился Юрюнг Уолан,
Застыдился он, что от груза его
Рушится ложе богатырей.
Сидел, приподнявшись, он,
Поддерживая орон
Икрами дюжих ног.

Долго помешивая сперва,
Из семи просторных мешков, —
Взболтав хорошо сперва,
Из восьми больших турсуков —
Слили шумно бродящий кумыс,
Льдинками звенящий кумыс
В кубок для почетных гостей,
В главный кубок о девяти обручах,

Чтобы горло с дороги он освежил,
Чтобы нутро он прополоскал
Играющим потоком живым
Старого, крепкого кумыс**а**.

Девять юношей богатырей,
Девять стройных, тоненьких журавлей
Стали пред гостем в ряд.
Восемь стерхов, блистающих белизной,
Восемь сестер, подойдя чередой,
Почетный кубок внесли,
Подали гостю его.

Поднял он кубок айах —
Огромный, о девяти обручах, —
Опрокинул кубок в горло свое,
Единым духом его осушил,
— Благодарствую! — произнес.

Кубок приняв у гостя из рук,
Говоря: — Благородный гость
Застенчивый, видать, человек,
Только пригубил его,
Только губы свои омочил…

Мы теперь хмельного хлебнем кумыс**а**!
Вдоволь там осталось и нам! —

Юноши и девушки — один за другим —
Так переговариваясь меж собой,
Заглядывали в кубок большой;
Видят — кубок осушен до дна,
Видят — кубок совсем пустой,
Как посудина на кочевье былом,
Высохшая добел**а**.

— Чем насытится этакий лиходей?!

Досуха выпил все! —
Так братья и сестры шептались тайком…
Но Сабыйа Баай Хотун
Услыхала, голос возвысила свой.

СТИХ 194
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

О чем расшумелись вы?
Как посмели такие слова говорить?
Непривычно, что ли, по-вашему, пить
Величайшему исполину земли
Из посудинки малой такой?
Что вы там щебечете в стороне?
Уходите прочь,
Не з**а**стите мне
Гостя долгожданного моего! —
Тростью постучала она.
Юноши и девушки скрылись вмиг,
Выпорхнули в соседний покой…

А милый Юрюнг Уолан
Поклонился почтительно старикам;
И зачем он приехал к ним,
И зачем великий свой путь совершил —
В сердечных словах
Он поведал им…

СТИХ 195
ЮРЮНГ УОЛАН

Вы, прославленные мать и отец
Племен уранхай-саха,
Призванные заселить
Пределы средней земли,
Саха Саарын Тойон,
Сабыйа Баай Хотун!
Вашим громким именем привлечен,
Вашей славою полонен,
Из далекой страны я к вам прискакал,
Великий белый путь протоптал,
Девять излучин его миновал,
Восемь гор высоких перевалил…

Если спросите у меня —
Кто я родом и чьих кровей,
То знайте, что я рожден и взращен
На высоком аласе другом,
И назначено быть владыкою мне
Другой прекрасной страны.
Старший брат мой Нюргун Боотур,
Летающий молнией в небесах
На Вороном коне,
Среднего мира великий боец…

Есть еще сестра у меня,
Прекрасная Айталыын Куо
С восьмисаженной косой…
А сам я — Юрюнг Уолан,
Скачущий на Мотыльковом коне…

Родители дорогие мои,
Обитающие на высоком хребте

Трехъярусных белых небес,
Вечно там, на небе, живут;
Вечным счастьем, всяким добром
Полон их сияющий дом…
Мой отец — Айынга Сиэр Тойон,
Моя мать — Айыы Нуоралдьын Хотун,
Средний брат мой — могучий Мюльдюн,
Нижних небес богатырь…
Прославленная сестра моя —
Удаганка Айыы Умсуур,
Восхваляемая на восьми небесах,
Призываемая на девяти небесах.

А приехал я сватать к вам
Прекрасную вашу дочь,
Белолицую Туйаарыму Куо
С девятисаженной косой.
Вы отдайте ее за меня,
Чтоб она женой моей милой была,
Радующейся в объятьях моих,
Чтоб она моей доброй подругой была,
Хозяйкой в доме моем!

Предопределила так, говорят,
Предрешила нашу судьбу
Богиня Хоронг Айыы,
Предназначила мне ее
Повелительница Ахтар Айыы.
Говорите же — как решили вы,
Отдадите дочь за меня или нет? —

Так заветные слова произнес
Светлый юноша Юрюнг Уолан…

СТИХ 196
САХА САРЫН ТОЙОН

Ах ты, милый гость, дорогой!
Ах, как ты хорошо сказал!
Если не выдать дочь за тебя,
За кого еще выдавать?!
Ты бери нашу дочь, дорогой,
От всех напастей ее укрой
В необъятных владеньях своих;
Могучей защитой стань для нее,
Неодолимой броней!
Вы спасли ее, нашу дочь,
Вынесли вы ее
К солнечному сиянию дня
Из подземных гулких глубин,
Где нелюдимый берег лежит
Ледовитого моря Муус-Кудулу!
Я заждался тебя, дорогой!
А когда узнал, что приехал ты,
Стал поистине сч**а**стлив я! —

Так приветствовал сына айыы
Престарелый Саха Саарын Тойон,
Раздумывая про себя:
«Разумный приехал, видать,
Достойный, вежливый человек…
Стройная речь его ровно идет,
Как хорошо обузданный конь,
Обдумано каждое слово его,
Толковы мысли его,
Как добротно оседланный конь…»

— Эй, проворные мои сыновья!
Поскорей откройте веки мои!

Посмотреть я хочу на него,
На зятя будущего своего! —
Зычно крикнул
Почтенный старик.

Двое юношей подошли,
Два длинных багра принесли;
Два крюка двух медных багров
Вонзили со звуком «топ»
В толстенные, отвисшие вниз,
Отросшие за долгую жизнь
Веки исполина-отца
И с трудом приподняли их.
Пристально глянул старик
Из-под приподнятых век
На приезжего богатыря,
Внимательно его оглядел
И на сыновей закричал:
— Бездельники! Вот я вас!..
Без б**е**режи крючья всадили вы,
Дернули, что было сил,
Боль причинили мне…
Опустите веки мои!

Отняли багры сыновья —
И толстенные, грузные веки отца
Шлепнулись тяжело
С громким звуком «хал»…
Почтенный старик-богатырь
Поохал,
Потом сказал.

СТИХ 197
САХА САРЫН ТОЙОН

Посмотрел я на будущего зятька,
Полюбовался я на него,
Ну что ж, он собой хорош…
Тонкие усы у него
На узком белом лице,
Могучая шея его высока
С выступающим кадыком;
Видом он неприступно строг,
Важен и величав.
Богатырского сложения он,
Обличья дивного человек,
Статен он,
Видать, быстроног,
Весь — как боевая стрела…
Свежее, прекрасное лицо у него,
Светлый ум блистает в глазах.
Среди славных нынешних богатырей
Равного ему не найти.

Но как молодость я вспомню свою,
Как его с собою сравню,
Я, пожалуй, получше был в старину!
Я на палец повыше был,
Я на пядень пошире был,
Поосанистей, подюжей…
Ну, да он ведь молод еще!
А ни с кем другим его не сравнить…
Он от корня славного порожден
И достоин славы своей;
Владыкой стран он достоин стать,
Необжитые края заселить,
Потомство бесчисленное породить,

Прославиться на земле! —

Так юношу старец почтенный хвалил,
А Сабыйа Баай Хотун
Кликнула своих дочерей:
— Эй, табунок моих журавлей!
Скорей покажите мне
Моего сыночка-зятька! —

Только молвила эти слова
Гордая хозяйка-хотун,
Как два белые журавля —
Две дочери появились ее;
Медными крючьями
Поддели они
Веки матери почтенной своей,
Отросшие длинно за долгий век,
С трудом приподняли их…
Пристально оглядела она
Прекрасного гостя из дальней страны,
Потом закружилась у ней голова,
Заболели от яркого света глаза…
— Отпустите веки скорей! —
Крикнула старуха на дочерей.
Отняли крючья они,
Шлепнулись веки
Со звуком «ньыл»…
И почтенная хозяйка-хотун
Сказала такие слова.

СТИХ 198
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Ох ты, бедный мой муженек,
Одурел ты, видно, на старости лет!
Все ты хвастать не перестаешь!
Посмотрела на гостя я,
Посравнила его с тобой,
На палец он выше тебя,
На пядь он шире тебя.
Он красавец и богатырь,
Нет нигде такого, как он,
Не с кем его равнять! —
Так расхваливала она
Зятя будущего своего.
А старик рассердился и заворчал.

СТИХ 199
САХА СААРЫН ТОЙОН

Что ты унижаешь меня?
Что ты оскорбляешь меня?
Постой, вот я до тебя доберусь! —
И посохом длинным старик
По полу постучал…

А Сабыйа Баай Хотун,
Устыдясь внезапного гнева его,
Строго отвечала ему…

СТИХ 200
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Опомнись-ка, старый ты лиходей!
Перед гостем себя не позорь! —

Крикнула тут хозяйка-хотун
Стоявшим, как белые журавли,
Ослепительным своим дочерям:
— Выведите Туйаарыму Куо,
Пусть увидится с женихом! —

Вот, подвесками зазвенев,
Самоцветами заблестев,
Брякунцами серебряными забряцав,
Испещренная узором цветным,
Украшенная резьбой,
Сокровенных покоев
Открылась дверь;
И вышла — светом даря,
Словно утренняя заря,
Румянцем, как вечер, горя,
Как солнце в полдень,
Ярка и светла,
Лучшая девушка на земле,
Прекраснейшая среди дочерей
Рода исполинов айыы;
Вышла Туйаарыма Куо,
Искристые прищурив глаза,
Приветливо, ласково поглядев
Участливым взглядом своим…
И сильней забились сердца у людей,
И суставы дрогнули у людей…

Почтительно приветствуя жениха,

Трижды поклонилась она
Трем парам темных теней
Отважного сына
Ахтар Айыы,
Богини — радеющей роду саха,
Родящей радость,
Дарящей добро…

СТИХ 201
САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Соседей прославленных сын,
Предопределенный судьбой,
Приехал свататься за тебя.
Сердце свое открой!
Скажешь: «Согласна!..» —
Согласье дадим.
Подтвердите оба желанье свое!
Ты станешь — его,
Он станет твоим.
Вот — гляди, наш гость дорогой:
Светлоликая Туйаарыма Куо,
Любимая наша дочь
Стоит самолично перед тобой!

Ты, зеница моих очей,
Ты, десна моих крепких зубов,
Жаворонок золотогрудый мой,
Светлая дочь моя,
Озаряющая, как солнце, наш дом,
Что ответишь ты,
Что скажешь ты
Преданному твоему,
Приехавшему ради тебя
Из привольной дальней своей страны?

Узнав, что назначена ты ему
Богиней Ахтар Айыы,
Чтоб тебя из беды спасти,
Устремился он в Нижний мир
По замерзшим твоим следам,
Где ради тебя —
В неравном бою

Костьми он — бедняга — полег…

А разбужен был от смертного сна
Нюргуном-богатырем.

Посмотрели мы на него,
Порадовались веленью судьбы!
И собой он красив,
И нравом учтив
Очевидно, тебе суждено
Очаг священный зажечь
В обретенном тобой дому.
Одобрить рады мы выбор твой;
Но теперь ты сама реши:
Пускай судьбу твою определит
Поворот сознания твоего,
Желанье твоей души! —
Так сказала достойная мать…

Молвил приехавший издалека
Молодой Юрюнг Уолан:
— Повторяю просьбу свою,
Прошу согласья невесты моей!
Согласье свое даю. —

Милая Туйаарыма Куо,
С поклоном почтительным обратясь
К достойному тойону-отцу,
К величавой матери-госпоже,
Подарившей ей жизнь и свет,
Молвила такие слова…

СТИХ 202
ТУЙААРЫМА КУО

Дьээ-буо! Дьээ-буо!
К бытию призвавший меня
Батюшка мой тойон!
Солнечный свет подарившая мне,
Благородная мать моя!
Могу ли прочь оттолкнуть
Могучей богиней Ахтар Айыы
Посланного мне,
Преданного защитника моего,
Бросившегося за мной
В пропасть подземной тьмы,
Погибавшего ради меня;
С поганого преисподнего дна
За загривок вытащившего меня
На поверхность родной земли,
На солнечный благодатный простор
Мира Среднего моего!

Нашим именем,
Нашим несметным добром,
Нашей славою привлечено —
Сонмище нечисти собралось…

Буйное сборище их,
Взваленное на спину нам
Непосильно тяжким вьюк**о**м,
На подневольную шею нам
Надетое постыдным ярмом,
Мог бы рассеять, как дым,
Мог бы нас от ига освободить
Только всадник
Вороного коня,

Стоя рожденного на хребте
Блестяще-белых небес,
Стремительный Нюргун Боотур.

Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне,
Сужденный мне друг
Юрюнг Уолан!
Надеясь, что спрятав меня
В прибежище неприступном твоем,
В серебряном доме твоем,
В гнезде твоем золотом,
Ты защитою будешь мне;
Надеясь хозяйкой счастливой быть
В изобильном твоем краю,
Где радость цветет,
Где богатство растет,
Где рогатый множится скот,
Я тебе — прекрасному сыну айыы,
Трем парам твоих теней —
Кланяюсь низко,
Согласье даю! —

Так пропела звонко она,
Как белая птица-стерх,
Тонко высказав
Чувства свои,
Изысканно, в приятных словах
Приветствие произнеся.

Юноша Юрюнг Уолан,
Достойно молвив ответ,
Как принято в семьях айыы,
Прекрасную невесту свою
Троекратно поцеловал.
И великие богатыри
Неколебимой средней земли

Трижды невесте и жениху
Прокричали: — Уруй-айхал!
Да благословит ваш союз
Богиня Хоронг Айыы!
Да счастьем вас одарит
Богиня Ахтар Айыысыт!
Пусть всегда в вашем доме гостит
Благодатная мать
Эдьээн Иэйэхсит! —

Так радостно этот клич,
Так зычно и весело прозвучал,
Что потрясся огромный дом,
Что дрогнул воздух окрест.

Тут прародитель племен
Престарелый Саха Саарын Тойон,
К зятю будущему обратясь,
Летающему на Мотыльковом коне
Выше изгороди столбовой
Юрюнг Уолану-богатырю,
Рожденному на аласе другом,
Хозяину дальних
Полей и долин —
Начал сказывать
Сокровенное слово,
Заветное открывать.

СТИХ 203
САХА СААРЫН ТОЙОН

Видишь, вяхирь мой белый,
Зятек дорогой!
В обиде мы, в страхе живем…
Позавидовали нашей славе,
Позарились на красоту
Дочери нашей Туйаарымы Куо
С девятисаженной, волнистой косой,
И осмелели, сошлись,
В несметном множестве собрались,
Привалили с темного склона небес,
Притащились из-под земли
Порожденья абаасы.
Видимо-невидимо
Нам на беду
Нечисти налетело сюда!

Предвидя, что близок срок,
Когда всадник Вороного коня,
Рожденного стоя на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Великую с нечистью битву начнет,
Побоище и разгром учинит,
Как Одун Хаан порешил,
Как Чынгыс Хаан указал,
Как Дьылга Тойон повелел —
Властью богини Иэйэхсит
Сознанье и душу Туйаарымы Куо
Запаяли мы в золотой сыагай,
Звездою мерцающий в высоте,
Со звоном летающий над землей;
И поднесли золотой сыагай
На волшебном вервии Ап-Чарай

Ниже холки высокой
Бегущих небес.
И решили владыки айыы:
«Если в трехлетний срок
Лучный найдется стрелок,
Что первой стрелой
Сыагай разобьет,
То — без драки и без войны —
Дочь свою за него
Вы отдать должны,
И к себе он ее увезет!»

Так пускай в решительный час,
Как черед стрельбы из лука придет,
Принесет удачу тебе
Зоркость глаза,
Верный прицел,
Сила гремящего, словно гром,
Пальца большого правой руки,
Твердость запястий,
Меткость и мощь
Грохочущих, каменных пальцев твоих!
Да поможет тебе в стрельбе
Могучая Иэйэхсит!
Да зоркость придаст тебе
Благосклонная Айыысыт!

А теперь настала пора
Игры богатырские затевать:
Прыгунов длинноногих звать, —
Кто перепрыгает всех!

Бегунов быстроногих звать, —
Кто обгонит всех!
Помни еще:
Приведен сюда
Прославленный в трех мирах,

С глазами, как звезды в морозную рань,
С копытами звонкими, как булат,
Прекрасный, крылатый скакун
Халлаан-Хара-Мангастайа.
Покамест этого скакуна
Не обскачет Среднего мира конь,
Буйные верхние абаасы,
Бродящие у всех на виду,
Не уступят первенства своего,
Не уберутся от нас подобру,
По-хорошему не уйдут! —

Так вот горестно толковал,
Так, сетуя, говорил
В светлых сединах старик…

А покуда беседовали они, —
Откуда — не видел никто, —
Перед собраньем богатырей
Шестигранный возник адьарай;
Вытянулся несуразно-огромный,
Из железа сплошь, человек.
Заглядывая туда и сюда,
Закоптелым длинным лицом
Высовываясь то справа, то слева
Из-за каменного камелька,
Будто разваливаясь пополам,
Черными губами зашлепал,
Зубоскаля, заговорил…

СТИХ 204
АДЬАРАЙ

Аар-дьаалы!!! Аар-дьаалыбын!!!
Алаатынг!!! Алаатыгарбын!!!
А-а, проказники, вот вы где?
Беломордые! Погляжу я на вас —
Беззаботно живете вы
В просторном доме своем,
В сверкающем доме своем,
А не открываете гостю дверей!
Этакие невежи вы!
Где такие найдутся еще?
В непомерном богатстве тонете вы,
Да, наверно, обычай у вас
Вестника на порог не пускать,
В честь ему
Чашу не подносить!
А знаете вы — кто я?

Я — хозяина Вороного коня,
Стоя рожденного на хребте
Блестяще-белых небес,
Нюргун Боотура-богатыря —
Из коровника парень-батрак,
Первый его приятель и друг,
Посыльный его бегун,
Степной табунщик его,
Прирученный его медведь,
Проворный его слуга,
Пастух его пестрых телят,
На все руки
Подручный его,
Говорящий наречьями
Трех миров

Речистый его толмач!

Меня породила грозная мать
На безумствующих небесах,
Сознанье внедрила в голову мне
На беснующихся небесах.
Черная туча —
Защита моя…
Вот каков я —
Парень Суодалба!
Проворен, как молния, на лету
Вороной конек мой Суордаайы!
Видно, впрямь я сам, —
В обличье своем —
Самолично явился к вам,
Незваный, нежданный
Ввалился в дом…

Коли спросите, зачем я пришел,
То знайте: сам Нюргун Боотур
Послал бороться меня,
Если в поле выйдут борцы,
Бегать послал,
Коль есть бегуны,
В прыжках состязаться,
Коль есть прыгуны,
Выставить на скачках коня,
Коль пойдут скакать скакуны…

Он велел мне в драку вступить,
Чтобы череп любому разбить,
Кто захочет отнять вашу дочь!
Коль меня побьют,
Сам Нюргун придет!
Ну-ка, я погляжу на вас! —
Славный праотец сорока племен,
Саха Саарын Тойон-старина,

Вот он, оказывается, какой!
Праматерь племен саха
Сабыйа Баай Хотун,
Ах, как она собою видна,
Достойная пара — вы…

Да из-за того, что у вас
Очень красивая дочь,
Многим верхним богатырям
На рогатины напороться пришлось,
Многим нижним абаасы —
Погребальный построен был арангас…

Самые толковые среди них
Б**е**столку сходили с ума;
Самые крепкие головой
Безголовым делались дурачьем,
Поглупели начисто мудрецы
И пропали, костьми полегли!
А все же я не могу понять,
Как можно так восхвалять
Девчонку с бледным лицом,
Мочащуюся под себ**я**!
Никакой я не вижу в ней красоты!
Все достоинство у нее —
Только лица белизна,
Хорошего в ней только и есть —
Кожа бледная, как молоко…
А к тому же —
Так мал ее рот,
Что не может она по-нашему есть,
Не справится с настоящей едой…

Пусть мне даром ее отдадут,
Я и даром ее не возьму!
Нет, хаять я не хочу,
Но плоха оказалась она —

Невестка моя хотун!

А ты, Юрюнг Уолан,
Летающий на Мотыльковом коне
Выше изгороди столбовой,
Выйду я теперь
Поглядеть-поглазеть
На этих прославленных богатырей,
Что сюда состязаться пришли!
Ты, хозяин праздника молодой,
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
Ездящий на сивогрудом коне,
Пойдем-ка со мной к гостям,
Потеху пора начинать,
Круг широко развернуть
Неуемного смеха,
Бешеных игр! —
Молвив это,
Мелькнул и пропал
Парень Суодалба…
В тот же миг
Очутился он
На темени знаменитой горы,
Что зовется: Кюн-Тулуур-Хайа,
А еще — Айыы-Тайбыт,
А **и**наче — Кюн Кербют;
Несуразно огромный он,
Сразу видимый всем, на горе,
Подбоченясь, важно стоял,
Надменных разглядывая гостей.
Самую богатую знать,
Самых отчаянных главарей,
Самых башковитых князей,
Неугомонных в злом озорстве,
Ненасытных в зависти и грабеже —
Верхнего мира богатырей
Начал парень Суодалба

Обидной бранью долбить,
Издеваясь, язвить,
Насмехаясь, дразнить;
Никому не давая слова сказать,
Самым знатным гордым гостям
Начал прямо в лица плевать.
Далеко он с горы плевал,
Прямо в цель плевком попадал…
Гости опомниться не могли,
Увертываться не успевали они,
Прямо в морды им,
В выпученные глаза
Летели его плевки.
Начал прыгать Суодалба, скакать,
Стал носиться туда и сюда;
Закоптелая черная морда его
Вытянулась еще больше в длину,
Сажа сыпалась густо со скул…

Громко шлепали,
Брызжа слюной,
Обвислые, толстые губы его,
Черный его, растущий торчком,
Потрескавшийся каменный нос
Там и сям мелькал,
Совался везде,
Там, где не ждали его…

СТИХ 205
СУОДАЛБА

Аар-дьаалы!
Аар-дьаалыбын!!!
Смотри — какие они!
Вижу — первейшие из-под земли
Вылезли попировать,
Разинув голодную пасть,
Сидят, угощенья ждут…

Видно, всех сожрали своих
Пропащих дохлых телят?
Ну и гости у вас, друзья.
А это кт**о** еще тут сидит?
Это ненасытная знать
С вечно голодным брюхом пустым
С бесноватого склона небес
Налетела попировать.
Пропадая от голода,
Ловят они
Тощих больных жеребят,
Друг у друга
Падаль из пасти рвут!
Пожрали всю живность вокруг,
Поживы себе не найдут,
От жадности посходили с ума!

Я — рожденный
На бурно бегущих холмах
Хохочущих, безумных небес,
От матери лютой своей
Мозговитостью наделен,
Воспитанный среди бурь,
На кровопролитных полях

Бешено ревущих небес,
Вот я — всадник лихой
Конька вороного Суордаайы,
Парень Суодалба —
Самолично явился здесь!
Я первый зачинщик,
Заядлый главарь
Всех игр и ссор,
Потех и драк,
Спрашиваю у вас:
Ничтожные! Найдется ль у вас
Такой человек-борец,
Что мог бы выстоять против меня
В такой богатырской борьбе,
Где ребра, ломаясь, трещат,
Где руки оторванные летят?
Есть у вас такой
Легконогий прыгун,
Чтоб меня перепрыгать мог?
Есть у вас быстроногий бегун,
Равный мне резвостью ног?
Где хваленый ваш
Чернолысый конь,
Халлаан-Хара-Мангастай**а**!
Видно, знали вы,
Что я пригоню
Суордаайы — конька своего —
И побоялись, не привели
Небесного скакуна?
Досадно мне…

Да неужто мой конь
Не смог бы его обогнать?!
Если спрятали вы коня,
Я прямо вам говорю —
Миром не отступлю,
Добром вас отсюда не отпущу,

Я затылки ваши буду долбить,
Становые жилы вам буду рвать,
Заставлю коня скакать,
Если согласны вы;
Я заставлю скачки начать,
Если даже и не согласны вы,
Не посмотрю я на то, что вы —
Старейшины бурных небес,
Не уважу того, что вы —
Порождения высших небес…
Если не исполните
Просьбы моей,
Пока я дыханье переведу,
То не обижайтесь тогда,
Дяди мои — господа,
Я вас буду гнать по пятам,
На бегу затылки долбить! —
Так издевался Суодалба,
Так вызывал гостей
На состязанье в играх, в борьбе;
Так он их унижал, дразнил…

Тут шаманка светлых небес,
Удаганка Кыбый Эремех,
Сваха важная среди гостей,
Гневом вспыхнула,
Влево скосясь,
Разъярилась,
Вправо перекосясь;
И затрещал ее длинный язык,
Замелькали зубы ее,
Торчащие вкривь и вкось.

СТИХ 206
КЫБЫЙ ЭРЕМЕХ

Эй, владыки, тойоны, князья!
Где это видано, чтобы вы
Покорно внимали
Поносным речам
Какого-то батрака?
Неуместный в знатном нашем кругу,
Безвестный бродяга-наглец —
Светлые лица высоких особ
Смеет позорить, чернить!

Эй вы, Верхнего мира
Великая знать,
Расколите череп ему,
Перешибите хребет!
Разорвите его пополам! —

Так приказывала она, вереща,
Возвышаясь на месте своем,
Надменная дочь
Священных небес;
Да подслеповата была,
Косоглазая на оба глаза была —
И не видала она,
Как верзила Суодалба налетел,
Опрокинул ее, придавил,
Ткнул ей п**о**д нос шиш,
Так ей кукишем ткнул
Под высокий нос,
Что откинулась ее голова;
И пошел он
Тыкать, толкать, совать
Все п**о**д нос, да п**о**д нос ей

Оплеванным, кровавым шишом
И в глаз, и в ноздрю —
До ушибов и ран,
Да еще приговаривал так.

СТИХ 207
СУОДАЛБА

Видали, богатыри?
Едали вы
Оплеванный шиш,
Как эта важная госпожа?
Хоть недосягаемо высока
В Верхнем мире она,
Да — видать — ух как голодна!
С голодухи гложет
Оплеванный шиш,
Кукиш кусает мой!
Ай, как это ей не к лицу!..
Стыдно!
Противно — до тошноты!..
Если мне жениться придет пора,
Ни за что на ней не женюсь! —

Так приговаривал Суодалба,
Длинную рожу брезгливо кривя,
С отвращением в сторону ворот**я**.

Тут возникли ропот и шум,
Тут великая суматоха пошла,
Страшная сумятица началась.
Неугомонные озорники,
Пересмешники средней земли
Подняли н**а** смех
Кыбый Эремех;
Хохот п**о** полю заходил, загремел…

— Ха-ха-ха! — грохочут окрест. —
Ваша сваха, важная госпожа,
Чтобы с голоду не околеть,

Сидит и кукиш грызет!
Эй, голубушка! Хочешь еще
Оплеванного шиша?
Эй дружочек!
Рвани кусочек еще
Окровавленного шиша! —

Так насмехались над свахой они
Насмешками пестрых собак,
Издевались
Издевкой бурых собак…

А светлая дочь
Священных небес
Кыбый Эремех,
От обиды взвыв,
Перед сборищем буйных гостей
Позорища устыдясь,
С грохотом взорвалась,
Полыхнула огнем,
Превратилась в дым,
По ветру унеслась…

СТИХ 208
ГОЛОС КЫБЫЙ ЭРЕМЕХ

Ой, горе мне! Ой, беда!
Постой же ты, Буура Дохсун,
Это ты во всем виноват!
Меня ты — свахою быть,
Проклятый, уговорил,
Н**а** землю затащил,
Кукишем накормил!..
Мое блистающее лицо
Оплевано, осквернено…
Как с таким лицом
Обратиться мне
К светлому лону
Священных небес?

Пусть треснет моя вертлюжная кость,
Если я на землю вернусь,
Пусть я шейные свихну позвонки,
Если свахой быть соглашусь!..

Тьфу! Плюю на тебя!
Пропадай, Буура Дохсун!
И пускай образина твоя
Опоганится хуже моей!
После пожара, в чащобе лесной
На обгорелой коряге женись!
Пропадом пропади!
Ой горе мне! Ой, беда! —
Так проплакала, провыла она
И пропала за тучкой вдали,
Тонкою чертою мелькнув…
А удалой Буура Дохсун,
Чей конь — Грохочущий Гром,

В чьей руке вместо плети зажат
Трепещущих молний жгут,
Всполошился, бурно вспылил…

СТИХ 209
БУУРА ДОХСУН

Что порочишь, раб,
Что позоришь, батрак,
Блистающих величьем владык,
Обитающих на хребте небес?
Что зазорно чернишь
Лучезарные лица
Светлых чад
Священных высот?

Я тебя —
Неуемного озорника,
Неуместного на дворе,
Побродягу о четырех глазах,
По черепу щелкну раз,
На четыре пласта расколю,
Поперек спины
Пополам рассеку! —

Тут Буура Дохсун
Треххвостой плетью взмахнул,
Три молнии хлестких метнул,
Четыре грома пустил,
Жаром п**ы**хнул,
Пожар запалил,
Переполох учинил…
Подземного мира богатыри
Попадали вниз лицом;
Долговязые верхние богатыри
Подпрыгнули до облаков;
Среднего мира богатыри
Пригнулись, от ужаса оцепенев…
А парень Суодалба —

Всадник Вороного коня,
Как нагрянули на него
Четыре грома
С четырех сторон,
Как хлестнули молнии, полоща, —
Он оскалился во всю свою пасть,
Раскатисто захохотал,
Разлетелся с грохотом,
Полыхнул
Шестью языками ветвистых огней,
Молнии перехватил,
Разорвал их на шесть частей…
Сверкающих молний жгуты,
Подгоняемые четырьмя
Ударами грома,
Погасли вдруг,
Осыпались огневою росой,
Потухая искорками на лету…

Гром умолк,
Пролетела гроза;
А парень Суодалба
Невредим, как прежде, стоял.
Подбоченясь, как перед боем,
Скосив
Налитые кровью глаза,
Огромный, темный
Высился он;
Серный огонь слетал
С черных желваков его скул.
Железные оскалив клыки,
Свирепо он заворчал, зарычал…

СТИХ 210
СУОДАЛБА

Аар-дьаалы!!! Аарт-татай!!!
Аа! Чтобы провалиться тебе!
Ты думал — я тебя устрашусь?
Ты думал — я тебе покорюсь?
С четырех сторон ты меня
Четырьмя громами хотел раздавить,
Молниями спалить?
Разве я из таких?
Разве могут меня испугать
Вспышки, треск и плевки
Пробегающих облачков,
Немудреные хитрости, пустячки
Облачных летящих клочков?
Из-за кукиша ты
Заводишь вражду —
Затеваешь свару
Себе на беду?
Ах ты, дрянь! Ах, рвань!
Неуместный в доме честном,
Неуемный бродяга-буян!
Ты обидеть меня захотел?
Знать, не видел прежде меня?
Ну так я не промах и сам:
И в ссорах я верх беру,
И в драках я не дурак…

Ну, а здесь — из немногих
Немногих побьют,
А из многих —
Многих побьют! —
Стал готовиться к бою Суодалба.
Тут всадник Серо-стального коня,

Кюн Дьирибинэ-богатырь
К спорящим подошел
И по-хозяйски твердо сказал
Властное слово свое…

СТИХ 211
КЮН ДЬИРИБИНЭ

Кэр-бу! Кэр-бу!
Теперь буду я говорить.
Слово всадника, слово бойца,
Сидящего на узорном седле,
Держащего шелковый повод в руке,
Благородного богатыря
Из племени Кюн Айыы,
С чембурами солнечными за спиной.
Вы, буйные смельчаки,
Из Верхнего мира пришедшие к нам,
Внимательно выслушайте сейчас,
Чутко насторожив
Круглые уши свои!
Просьбы сынов айыы
Значительны бывают всегда;
Дети Ахтар Айыы
Редко просят о чем-нибудь…

Чынгыс Хаан указал,
Дьылга Тойон утвердил,
Одун Хаан повелел —
Миром решить стародавний спор,
Свадьбу устроить
Без драк и ссор!
Вместо драки, вместо войны,
Состязаться вы мирно вольны…
Время — игрища затевать,
Мускулы поразмять,
Праздник праздновать
Вольно от всей души,
Забавляться и ликовать! —

Так притворно-ласковой речью своей
Буйных спорщиков он примирить хотел…
Всадник вороного конька —
Лихого Суордаайы,
Детина Суодалба
Распялил в улыбке широкий рот,
Оскалил редкие зубы свои…

СТИХ 212
СУОДАЛБА

Я ссоры люблю,
Я драки люблю,
А игры, потехи
Пуще того!
Попрыгать не терпится мне, —
Кто в прыжках поспорит со мной?
Побороться хочется мне, —
Кто бороться хочет со мной?
Состязаться в беге хочу, —
Выходите-ка, бегуны!
Есть еще прекрасный конь у меня…

Пусть побегают вслед
За моим Вороным
Ваши прославленные скакуны! —

Так, озираясь, вызов бросал
Веселый Суодалба…
А исполин Буура Дохсун,
Сюнг Дьаасына грозного сын,
Чей конь — Грохочущий Гром,
А хлесткая молния, —
Плетка в руке,
От изумления онемел,
Небывало он был удивлен,
Что детина Суодалба
Перехватил, шутя, налету,
Играючи разорвал,
Рассыпал искрами, погасил
Молний сверкающий жгут,
Подгоняемый четырьмя
Ударами грома — в единый миг…

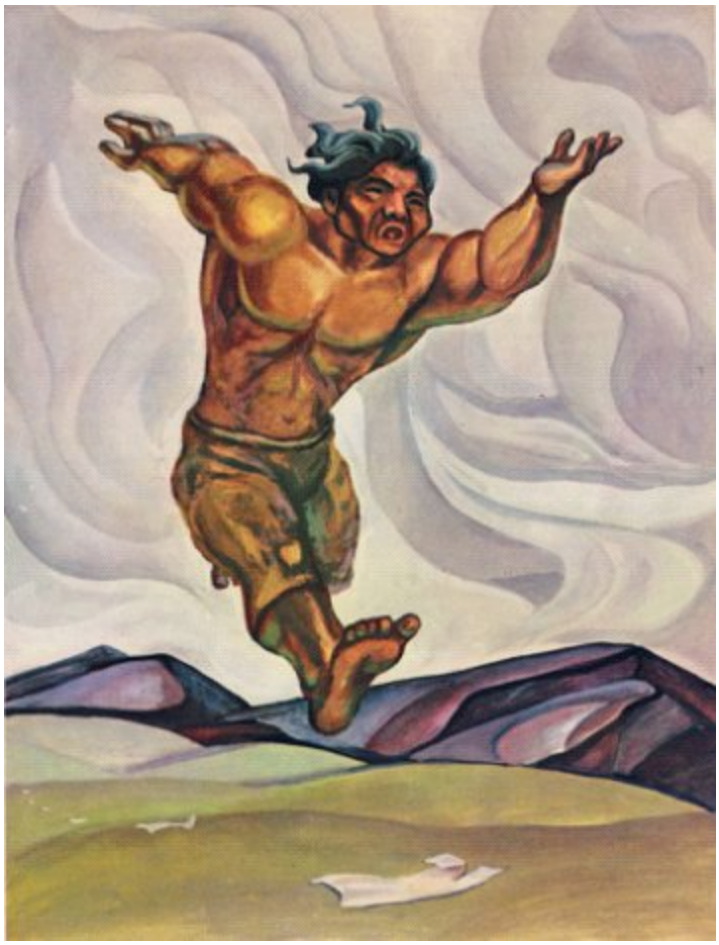
Утихла ярость абаасы,
Гнев его присмирел:
Сборища буйных гостей
Вдруг застыдился он…
Стал просить прыгуна
Кылыс Лэбийэ
Выйти прыгать вместо него.

А верхние и нижние абаасы,
Сидя кучами на окрестных холмах,
Сильно перепугались они,
Ахали, изумлялись они:
— Он разящих молний жгуты,
Как пучок травы, разорвал,
Искрами искрошил,
Четырехраскатистый гром укротил…
Мы — все вместе — не сладим с ним,
Обесславимся, пропадем!.. —
Так шептались абаасы,
Так роптали они в толпе.

Проворно тою порой
По долине Сайдылыкы,
Где ни тлена, ни грязи нет,
Чьи в тонком тумане
Тонут края,
Поставили для прыгунов
Двенадцать березовых вех.

Тут удалой Кылыс Лэбийэ,
Лучший прыгун-кылыысыт,
Жаждой состязания запылал,
Всеми суставами затрепетал,
Зубами заскрежетал,
Напряг железные мышцы свои,
Звенящие сухожилья свои,

Разбежался, взлетая легко в высоту,
Всем видом своим говоря:
«Найдется ль в привольной вашей стране
Прыгун легконогий,
Подобный мн**е**»
Разбежался следом Суодалба,
Чалым вороном прокричал,
Высоко взлетел, далеко;
Тремя прыжками догнал
Удальца Кылыс Лэбийэ;
Взмахом левой руки набегу
Невзначай пополам рассек
Мчащегося впереди,
Как секирой, широкой ладонью своей,
Ударив по поясу, разрубил
Знаменитого прыгуна.
А сам все отметины перескочил,
Все двенадцать березовых вех
Перепрыгнул Суодалба…



Рассекая с шумом воздух густой,
Перевертываясь налету,
Задом наперед доскакал
До края долины Сайдылыкы,
До западной грани ее
И огляделся, и завопил;
— Победи-ил меня! Победил! —
Увидав соперника своего,
Разрубленного пополам,
Прикинулся, что испугался он,
Хлопнул по бедрам себя,
Громко заголосил:
— Ах ты, горе! Ах ты, беда!
По пояс высунулся — бедняк!..
А ноги-то где у него?
По дороге, что ль, растерял? —

Поднял плечи Суодалба,
Руки в недоуменьи развел,
Скорчил рожу,
Щеки надул,
Вытаращил глаза…

Неугомонные озорники,
Неуемные весельчаки,
Отчаянные шутники
Отчей средней земли
Хохотом загрохотали в ответ,
Восторженно закричали в ответ:
— Уруй!!! Уруй-айхал!!!
Разве может такой удалец,
Как парень Суодалба,
Посрамить высокую честь
Среднего мира богатырей? —

А исполин Буура Дохсун
Завор**о**чался, заворчал
Грозно, как отдаленный гром;
Как опилки меди, взъерошился он,
Как опилки серебряные, посинел…

СТИХ 213
БУУРА ДОХСУН

Расторопный в делах,
По дороге любой
Пролетающий без следа,
Не знающий ни помех, ни преград,
Звонконогий вестник-бегун,
Быстроногий Бараанчай!
Если ты высок**о** над землей,
Прилетай живей!
Если ты под землей,
Взлетай смелей!
Если ты далеко сейчас,
Рядом со мной очутись,
Н**а** поле становись,
С силою соберись,
С нашим врагом
Н**а** смерть схватись!
Вогнутой ладонью своей,
Загребистой пятерней
Бродягу этого ухвати,
Ноги с бедрами
Вырви из тела его,
Руки с лопатками оторви,
Сломай хребтину ему,
Пустую спину его проломи! —

Так рычал Буура Дохсун,
Бараанчая на помощь звал,
Принуждая борьбу начать…

СТИХ 214
БЫСТРОНОГИЙ БАРААНЧАЙ

Аар-дьаалы!!! Аарт-татай!!!
А ты, я вижу, хитер…
Да только не удастся тебе
Опорочить славу мою,
Причины нет у меня
Перепутывать чужие следы,
Дорогу перебегать
Славному богатырю,
Скачущему
На Вороном коне!
А схватясь в борьбе
С человеком его,
Человеком не чаю остаться я!
Летающий высоко над землей
На Мотыльково-белом коне,
Удалой Юрюнг Уолан
Благородной услугой своей
Навсегда меня обязал,
Стал он первым другом моим…

Разве буду я помехой ему?
А приехали сюда неспроста
И не просто отсюда уйдут
Племен прославленных богатыри,
Сыновья великих семей…
И пока на мой блистающий лик
Никакая грязь не легла,
И пока светозарный мой лик
От позора не почернел,
Улетаю отсюда я,
Здесь нечего делать мне! —

И в пятнистого орла превратясь,
Быстроногий Бараанчай
Шумно взлетел в высоту;
Рассекая воздух гремящим крылом,
В облаках небесных исчез.

А хитро-догадливый
Хаарылла Мохсогол
И умом непоседливый
Дьэргэс Баатыр,
Боясь, что бороться обяжут их,
Подняли громкий крик —
Коней, мол, пора пригнать,
Ск**а**чки, мол, пора начинать…
И все согласились:
— Пора! —

Тут великая, именитая знать —
Верхнего мира богатыри,
Сбившись кучею в стороне,
Расстегнули на каменных конских боках
Радужные ремни
Трехполосых тугих подпруг,
Сняли с коня седло,
Сделанное целиком
Из камня буйных небес,
Где седельный железный крюк —
Изделье д**ы**бящих небес;
Сняли с коня чепрак
Из донного, слипшегося гнилья
Подземных воющих бездн,
Сбросили поводья, сорвали узду,
Развязали чембуры на нем.
Скрытого за тучею грозовой,
Спрятанного за облачной мглой,
Освободили коня.
Из укрытья выбежал на простор

Звенящий копытом небесный скакун —
Халлаан-Хара-Мангастайа,
Осмотрелся, косясь, вокруг…

Загудела толпа гостей,
Дивного увидев коня.
Словно лыж тунгусских концы,
Поставленные торчком, —
Чуткие уши его;
Будто ровдугой дорогой
Обтянута морда коня;
Раздувающиеся ноздри его,
Словно два кубка больших,
Опрокинутые на пиру
Чьей-то неуклюжей рукой.
Вдоль широкой спины коня
Черная полоса,
Словно кто-то злой
Ударил его
Сыромятным арканом витым.
Словно туча, разорванная на ветру,
С шеи выгнутой ниспадает, клубясь,
Семисаженная грива коня;
Как могучие осетры в быстрине,
Играют мышцы его;
Словно длинная лодка
В пенной волне,
Стелется сверкающий хвост.
Ретив и неукротим
Диво-конь,
Невиданный конь,
Как небесный ястреб,
Весь трепеща,
Шарахаясь, ушами прядя,
Н**а** поле красовался он,
На дыбы подымался он.
Бил о камень сталью копыт,

Всем огромным телом дрожа,
Нетерпеливо ржа,
Ринуться готовый в полет…

Тут проворно Суодалба
Косолапыми прыжками взлетел
На высокий безлесный мыс,
На северной стороне
Необъятной долины Сайдылыкы,
Выдернул из земли
Суковатый посох кривой,
Обернувшийся в тот же миг
Юрким, словно щука
В весенней реке,
Вороным коньком Суордаайы.
Оглаживая шею его,
По трепетной спине потрепав
Друга преданного своего,
Удачливого конька,
Объезженного скакуна,
Так ему Суодалба говорил,
Так напутствовал он его,
Так подбадривал он его…

СТИХ 215
СУОДАЛБА

Алаатанг-улаатанг!
Ах ты, мой конек дорогой,
Настал испытанья великий день,
Настал твоей славы день!
Должен ты напрямик пересечь
Незыблемый Средний мир,
Должен гордо ты проскакать
Через бедственный Нижний мир,
Должен ты высоко взлететь
В алчный, яростный
Верхний мир,
Выше туч грозовых его,
Выше круч обманных его…

Коль нигде не споткнешься ты
На просторах средней земли,
Коль в бездонный провал не сорвешься ты
В пределах подземной тьмы,
Коль, обессилев, не упадешь
На высоких гребнях
Бурных небес,
Наша слава тогда
Далеко прогремит,
Наше счастье тогда
Высоко возрастет!

Пусть будет могуч твой скок,
Неудержим рывок!
Пусть расширится на скаку
Богатырская грудь твоя,
Чтоб легко дышалось тебе! —

Так могучий Нюргун Боотур,
В обличье парня Суодалбы
Скрывавшийся от врагов,
Благословил коня своего;
И повернув его на восток —
В сторону бесноватых небес,
Молвил: «Сат!» —
И послал вперед,
Хлопнув по крутому бедру.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

СТИХ 216

Конь побежден,
Кутерьма поднялась…
Ради невесты
Брань началась.
Колотушкам опять
По макушкам стучать,
Крови черной течь.
Загремела воплями даль,
Зазвенел воинственный меч.

Аарт-татай!
Ах, друзья мои!
Грому железных копыт
Грозно летящих коней
Дробным гулом отозвалась
Дрогнувшая толща земли;
Всколыхнулась
Великая тишина,
Всколебался срединный мир…

Хара-Мангастайа —
Небесный конь,
Чьи глаза, как звезды
В морозную рань,
Резвейший среди коней,
Резко, пронзительно-звонко заржав,
С места рванулся вскачь,
Словно дым на быстром ветру,
Словно черного дыма клок,
Промелькнул стремглав
И пропал из глаз…

А за ним, за ним —

Знаменитым конем —
Зазвенел, загудел
По твердой земле
Величавый топот
Гордых копыт;
И Суордаайы вороной
Могучим рывком взлетел,
Летучей стрелою взмыл,
Заклубился, как дым на ветру,
И в даль умчался
Визжащей стрелой.

А потом — по восточному склону небес,
По безумствующей высоте,
Где перистые облака
Переливаются и пестрят,
Словно тетерева молодого грудь,
По белеющему пути
Сиэг**и** — Маган-Аартык —
Ураганом бешеным пронеслись
Длинные шеи коней,
Гривы распластанные и хвосты.
Только девять вихрей
За ними взвились.

Леденящие ливни,
Густые снега
Обрушились н**а** землю с высоты;
Лютый, валящий с ног,
Черный ветер —
Западный Саапас
Зашумел, завыл,
Заревел…
Зловещие белые облака
Сгрудились с четырех сторон,
Взглыбились тяжело.
Черные облака,

Словно горные
Хребты, громоздясь,
Разрываясь,
Грозно сходясь,
Омрачая день, понеслись…
Четыре грома —
Один за другим —
Ударили, грохоча,
Засверкали молнии,
Трепеща.

Длинными столбами огня
Полыхало дыханье коней…
Непогода взыграла,
Угроза, беда;
Буря взвыла,
Будто от камня сата,
В трех мирах
Отголосками загрохотав.

Окруженную шумом
Прибойных волн,
Тонущую в облаках волшебства
Моря Сюнг
Ревущую пасть
По берегу обежав,
Учащая бешеный скок,
Миновали небесные скакуны;
Кипящее соленой водой,
Грозящее изначальной бедой,
Гнилое море
Кони небес
Оставили за собой,
На другом его берегу
Копытами простучав.

По широкой луке морской,

По круче береговой,
Над кипящей бездной Одун,
Над шумящей пучиной седой,
Петляя с южной ее стороны,
Резво пробежали они…
Студеное море-байгал,
Чей не изведан простор,
На чьи недоступные берега
Ничья не ступала нога,
По тучам, свистя и шумя,
Перелетели они…
Огромный срединный мир
По окраинным ободьям его,
По кругу великому обежав,
С грохотом вокруг облетев,
По выгонам
Старика Даад**а**ра,
Мимо конных его варков
Весело пронеслись
Небесные скакуны.
По угодьям Кэкэримээна —
Выше изгородей его —
Прямиком махнули они…
До продуваемого насквозь
Стужею ледяной
Северного подножья небес,
По мерзлой дороге
Куктуй Хотун,
По струящимся, тесным
Распадкам ее,
Через темную пасть ее,
Рысью они пронеслись,
Скоком насквозь прошли…

Тут — кому обгонять,
Пора настала, видать.
У Хара-Мангастайа-коня,

Чьи копыта звенят
В морозную рань,
Белой пеной
Обильный пот
Выступил на боках,
Отлетая клочьями на лету;
Впереди соперника
Грузно скача,
Путь ему загораживал он.
Рассердился Суордаайы,
Разгневался прославленный конь,
Нетерпеливо зафыркал он,
Красно-синим огнем дохнул,
Пламенем полыхнул,
Так что огненное дыханье его
Хара-Мангастайа-коня
Спину дюжую
Обожгло до костей,
До округлых почек прожгло.

Среднего мира богатыри,
Небесного скакуна
В беде такой увидав,
— Уруй! — закричали,
— Уруй-айхал!
Где ему тягаться
С нашим конем!
Выдохся он,
Не выдержит он! —

Но буйные головы абаасы,
Бурных небес удальцы
Разглядели коня своего
И заликовали, шумя,
И перекликаться пошли:
— Глядите-ка,
Молодец наш конек!

Держится пока впереди!

По владеньям отца
Адьарайских племен,
Владыки подземных бездн,
Грозного нравом
Арсан Дуолая,
Чьи заржавленные клыки,
Как железные сошники,
По синеющему аласу его,
Угрожающему бедой,
По заколдованным ворожбой
Луговинам, где властелин —
Луогайар Луо Хаан,
Невредимо промчав, пробежав
Через урочища
Черной семьи
Чародеев Салбаныкы,
Над огненной трясиною той,
Над нелюдимой страной
Лютых гибелей и смертей,
Над кровавой зыбью ее,
Словно две небесных звезды,
Кони бешено пронеслись.

Над шумящим,
Мрачно седым
Морем огненным Кудулу
Пролетели с шумом они…

Над угодьями рода
Хапса Буурай,
Чья с треском
Захлопывается западня,
Над владеньями рода
Нюкэн Буурай,
Что захлопывают

Со стуком глухим
Берестяную крышку свою,
Весело пролетев,
Урасу старухи
Ала Дыгый
Оставивши позади,
Усадьбу колдуньи
Ап Баадайдаан,
Где реют, клубясь, как дым,
Восемьдесят восемь ее
Неуловимых чар,
Оставивши в стороне,
По стойбищу Дюдэр-Даадара —
Коварного старика,
Обманув уловки его,
Миновав обманы его,
По выгонам рода ангааттар
Вихрем напрямик пробежав,
Над безбрежным Муус-Кудулу,
Над морем тем ледяным,
Над западной пастью его
Благородные скакуны,
Поднявшись в темную высь,
По воздуху полетев,
Вздыбили гривы
Густые свои…

А когда на другом берегу
Моря Муус-Кудулу
Застучали копыта коней,
Суордаайы вороной
Соперника стал обгонять,
Свирепо стал налегать,
Яростно напирать,
Тверже ступать,
Легче взлетать.
Клочьями пот на скаку

С боков его отлетал,
Досуха испарялся на нем.

Широко пластая по ветру хвост,
Глубоко, свободно дыша,
Все шире делая скок,
Все горячее летя,
Все веселей скача,
Не чувствуя устали
В сердце своем,
На выстрел из лука
За сутки пути,
На два выстрела
За двое суток пути
Вырвался он вперед…

А Хара-Мангастайа,
Небесный конь,
Чей скок далеко звенит
В звонкую морозную рань,
Обливаясь черным потом густым,
Содрогаясь гулким нутром,
Развесив уши,
Хвост опустив,
Дон**е**льзя устал,
Далеко отстал…

Потупились огненные глаза,
Померкли, как две звезды.
Где его красота,
Где гордая стать?

Взбухли легкие
В груди у него,
Укоротилось дыханье их;
Трудно он, учащенно дышал…

Буйные головы
Средней земли
Обрадовались, видя в беде
Вражеского коня,
Дружно закричали они:
— Уруй! Уруй-айхал!
Не правда л**и** Вот оно —
Неопрокидываемое никем,
Немеркнущее никогда,
Наше счастье могучее,
Наше Саргы
Начинает торжествовать! —
А Верхнего мира абаасы,
Свирепые богатыри,
Завидев такую беду,
Завистливо, злобно косясь,
Зашептались между собой —
Горе нам, братья! Позор!
Проспорили мы, видать!..
Прославленный наш скакун
На ристалище вдруг отстал,
Славу громкую уронил!
Видно, дышать ему тяжело
Воздухом этим сырым…

Вот как до Верхнего мира дойдет,
Как ветром неба
Его опахнет,
Как воздуха он родного вдохнет
Усталость его пройдет!

Завихряющийся обрыв

Южных беспокойных небес
С непроезжей их стороны обойдя,
Кивающий черепами кукушек
Перевал Кээхтийэ-Хаан,
Ледяную кручу перелетев,
Вскидывая гривы свои,
Стремительно кверху взмыв
По гребню буйных небес,
Ревущую круговерть,
Гибельный водоворот,
Кипень смерти —
Кровавую пасть
По краю бушующему обежав,
В сверкающей высоте
Весело, приплясывая, понеслись
Дивные скакуны.
По угодьям племени Хахсаат,
По белой гальке небес,
Похрустывая железом копыт,
По выгонам Кюнгэдэй Удаган,
Протаранив юрту ее,
Призрачное перепугав
Вертящееся племя ее,
Весело промчались они,
Звонко топоча в высоте,
Распластываясь на скаку.

Суордаайы вороной
Мощными взмахами пересекал
Синий простор высот,
Скакал далеко впереди.

Но Хара-Мангастайа,
Небесный конь,
Чьи копыта звенят
В морозную рань,
Очутясь в родной высоте,

В воздухе, где он рос,
Стал просторно, легко дышать;
Расширились легкие у него,
Удлинилось дыханье его,
Окрепли суставы его,
Слабость его прошла.
Тяжкое недомоганье свое,
Которым томился он
В Нижнем и Среднем мирах,
Небесный скакун избыл,
Стал он тверже
Копытами ударять,
Выше взлетать,
Шире скакать…

Сына бога мести —
Осол Уола,
Духа убийства и зла
Сумрачное жилье,
Страшные владенья его,
Распластываясь на скаку,
Кони стороной обошли.

Ураганных южных небес
Вихревую ревущую пасть,
Где беснующееся живет
Племя Мэнгийэ Чуонах,
Где под защитой чайки живет
Племя Куогай Чуонах,
Миновали проворные скакуны,
Обежали с другой стороны…

Коням бегущим наперерез
Выступил великий шаман
С безобразным длинным лицом
В половину роста его.
Из чертовой кожи

На нем доха?
Шаровары — из жертвенных шкур;
Голова его,
Словно медный котел;
Космы волос торчат,
Как непролазный лес,
Черная с проседью борода
Развевается на ветру…

В левой руке его
Бубен тугой
С круглое озеро величиной
От напряженья гудел.
Правой рукой
Шаман заносил
Волшебную колотушку свою.
Голосом зычным шаман
Говорить пошел, ворожить:
— Если небесному скакуну,
Хара-Мангастайа-коню,
Чьи копыта звенят
В морозную рань,
Соперника своего
В скачке обогнать суждено,
Пусть расширится грудь его,
Пусть окрепнет сила его!
Пусть теперь на счастье ему
Колотушка моя упадет
Кверху лицевой стороной! —
Тут подбросил он в высоту
Чародейную колотушку свою.
Выпала на счастье она
Кверху лицевой стороной.

Ободрился небесный конь,
Окрепли суставы его;
Твердость прежнюю обрели

Звонкие копыта коня.
В воздухе, привычном ему,
В ледяной родной высоте
Привольно он мог дышать,
Без устали мог скакать.
С новой силой
Вперед устремясь,
Соперника он догнал;
Яростно порываясь вперед,
Вплотную к нему подошел,
Вровень с ним
Теперь он скакал.

Там, где высится мыс
Уйусу-Хаан,
Где жертвенные шкуры висят,
Где желтеют ободранные черепа,
Где из крови квасят кумыс,
Вровень, вытянув шеи,
Храп о храп —
Вихрем бок о б**о**к пронеслись
Богатырские скакуны.
Обиталище грозной
Илбис Кыыса,
Рукоплещущей,
Слыша предсмертный хрип,
Подставляющей свой черпак
Там, где льется горячая кровь,
Пляшущей, веселясь,
Когда закипает раздор,
Гнездо свирепой
Куо Холбонной
С правой его стороны
Резвые обошли скакуны.
Мимо юрты
Хаан Кулахай Хотун,
С левой ее стороны,

По урочищу племени Кээкэттэ —
Уродливых абаасы,
Чьи на затылке глаза,
Чьего языка не знает никто,
Чьей речи не понимает никто,
Мимо обители, где живет
Уоган Хаана семья,
У кого на макушке глаза,
Мимо, мимо,
Срезая простор напрямик,
Простучали копыта коней.

По восточному склону потом
Мимо стонущего всегда
Моря Энгсэли-Кулахай,
Словно две звезды, промелькнув,
Святилище Иэрэгэй Удаган —
Дочери движущихся небес,
С запада они обошли;
По северной стороне обежав
Долину старухи Конкурутты,
Прославленной сплетнями в трех мирах,
По усадьбе старухи
Ньахсаат Буурай,
Что бранью встретила их,
По двору, по загону ее
Прямо проскочили они;
Мест**а** где живет
Бэкийэ Суорун
С крикливым родом своим,
Чьи кривые клювы остры,
Где обитает
Суор Тойон,
Урочища рода его
Оставивши позади,
Мимо дома высокого, где живет
Грозный Улуу Тойон,

Просыпающийся с криком от сна,
Подымающийся в гневе своем,
Когда разбудят его,
Чьи брыкливые кони черны,
Чьи бесчисленные табуны,
С левой обойдя стороны;
Завихряющихся южных небес
Суровую крутизну,
Грозно вздымающуюся грудь,
Перевалы, крутые хребты,
Обливаясь п**о**том,
Тяжко дыша,
Пробежали, прошли, наконец,
Измученные скакуны…
А когда пересекли они
Великую эту страну,
Стали кони
Сбавлять свой скок,
Заныли суставы их,
Томила усталость их.

А как выбежали на простор,
А как вышли они на хребет
Трехъярусных белых небес,
Курящихся дымкою голубой,
Тогда-то Суордаайы-Хара,
Черно-полосатый конь,
П**о** ветру хвост распластав,
Все крепче копытами ударяя,
Все легче взлетая,
Все шире скача,
Почуял силу в себе,
Истому свою избыл.
В воздухе, привычном ему,
В стране, где родился он,
Расширились легкие у него,
Удлинилось дыхание его.

Хара-Мангастайа-коня,
Небесного скакуна,
На длину
Двух арканов волосяных
Он одним рывком обогнал.
Грозно играя, звеня
Громким железом копыт,
Он легко вперед уходил,
Далеко позади оставлял
Соперника своего.

Мимо сверкающего дворца,
Где на камне молочном сидит
Белый владыка небес,
Престарелый Юрюнг Аар Тойон
В высокой шапке из трех соболей,
Осененный лучистою сединой,
Чье дыханье — нежный зной,
Прямо п**о** небу — на восток
Правили полет скакуны.

Страну Одун Бииса они
Стремительно всю прошли…
Чынгыс Хаана предел
Под копытами их прогудел.
По великим полям, где живет
Повелитель Дьылга Тойон,
Вихрем пролетели они.

Кюн Дьэсегея привольный край,
Где голубеют луга,
Где не веет стужей зима,
Где не белеют снега,
Резво миновали они.

Область шаманов айыы
Облаком под конями прошла…

Шаманок белых шатры
Забелели на склоне горы.
Разбужен громом копыт,
Сюнг Дьаасын Тойон
Молнией гневно блеснул,
В полнеба загрохотал.
Дочь Солнца —
Кюэгэлдин Удаган,
Взглянув на коней,
Улыбнулась им;
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган
Рукой помахала им,
Прокричала:
— Счастливый путь! —
Дочь Стож**а**ров,
Прекрасная Дьэргэстэй
Прямо навстречу кон**я**м
Прянула со двора,
Подбросила высок**о**
Сверкающий бубен свой,
Бряцающий бубен свой
С круглое озеро величиной;
Туго на бубен тот натянул
Пестро-буланую шкуру коня
Сам Кэхэ Буурай Тойон,
Освятила бубен пот**о**м,
Одарила силой его
Славная Дьылбынса.
Стож**а**ров прекрасная дочь
Всем, кто в руки свои берет
Шаманский бубен тугой,
Наставницей доброй была,
Подругой старшей была…

Лучшая среди всех,
Кто носит наряд огневой

С пестрою бахромой,
Первая среди всех,
Кто колотушкою колдовской
Ударяет в бубен тугой,
Красуясь одеждой своей,
Как сверкающею броней,
Повесив на плечи свои
Девять серебряных бубенцов,
Как затылки девяти жеребцов,
Восемь кованых брякунцов,
Как позвонки восьми жеребцов,
Начала она в бубен бить,
Начала она петь, ворожить,
Чтобы конь айыы победил,
Чтобы первым он прискакал.

А горячие скакуны,
Словно стрелы, к цели устремлены,
Дом Иэйэхсит,
Двор Айыысыт
С южной обежав стороны,
Подножье горы золотой,
Где рождается солнце-тойон,
Обогнули во весь опор,
Серебряную гору потом,
Где месяц рождается молодой,
Стремглав миновали они;
И по крутизне вихревой
Северного склона небес
Бурно в высоту понеслись…
Сумрачную страну,
Где живет орел
Хомпорун Тойон,
Где гнездится в неведомой высоте
Выводок свирепый его,
Бешеным скоком летя,
Оставили за собой.

По западным небесам проскакав,
Мимо аласа того,
Где Айыы Умсуур Удаган
Поставила своего
Медного жертвенного коня,
Приплясывая тропотой,
Резво они прошли…

И, наконец, миновав
Перевал Кээхтийэ-Хаан,
Молнией слетев с крутизны,
На просторах средней земли,
На широких ее полях
Снова очутились они.
Суордаайы вороной,
Копытами радостно топоча,
На расстоянье семи
Вытянутых веревок сэлэ,
К которым привязывают жеребят,
Соперника обогнав,
К хозяину своему подбежал,
Бурно зафыркал,
Звонко заржал.

Увидав победу коня своего,
«Уруй! — закричали, — уруй!» —
Уранхайские удальцы…
Правнуки рода айыы,
Радовались, ликовали они,
Восклицая: — Слава и честь!
Радость великая нам
На вечные времена!
Наша слава теперь
Высоко поднялась,
До нее рукой не достать!
Уруй! Уруй-айхал!
Где им спорить

С нами теперь?
Победили мы,
Победим и впредь!
Одолели их,
Одолеем и впредь! —

Так по долине Сайдылыкы
Крики радости раскатились, гремя,
Долетев до граней земли,
До восьми окоемов ее.
Хара-Мангастайа —
Небесный конь,
Чьи копыта звенят
В морозную рань,
Покидая долину Сайдылыкы,
Подымаясь над средней землей,
Пластаясь п**о** ветру
Гривой густой,
Улетал стрелой в высоту…
Сокрушен пораженьем своим,
Тяжело, неровно дыша,
Крупные слезы роняя из глаз,
Буура Дохсуну-богатырю,
Сыну Сюнг Дьаасына —
Владыки громов,
Обиженно говорил,
Рассерженно, гневно ржал,
Улетая все дальше —
Прочь от земли…

СТИХ 217
ХАРА-МАНГАСТАЙА

Анньаса! Анньаса!
Оторванный от родной высоты,
От небесных привольных полей,
На землю тяжело опустясь,
Громкое имя свое,
Зычную славу свою
Поневоле я
Потерял, посрамил!
Неслыханное стряслось!
Невиданная беда!

На земле, чья тяга
Несносна мне,
Пищей чужой
Поперхнулся я!
От воздуха, непривычного мне,
Расперло брюшину мою,
Легкие сдавило в груди,
Укоротилось на всем скаку
Длинное дыханье мое…
Задыхаясь от сырости
Средней земли,
Изнемогая в подземной тьме,
Обливаясь потом густым,
Растерял я силы,
Духом упал…
На семь веревок волосяных
От соперника я отстал!
Побежден я здесь,
Посрамлен!
Нетерпима обида моя!

Эй, ты, Сюнг Дьаасына сын,
Ездящий на Громе-коне,
Бьющий молнией наповал,
Не побежденный никем исполин,
Неистовый Буура Дохсун!
Это ты сюда прилетел
Состязаться из-за жены!
Это ты заставил
Меня скакать!
Это ты один виноват,
Что померкла
Слава моя
И растоптано имя мое!
Кто ж меня защитит,
Кто за меня отомстит?
Не расплатишься ты вовек
За обиду мою,
За мой позор!
Впору тебе самому
Голову на плечах унести!..
Ах ты, Буура Дохсун,
Глупая голова!

Всадник Суордаайы-скакуна,
Суодалба-богатырь,
Обладатель восьмидесяти восьми
Хитростей колдовских,
Семидесяти семи
Страшных обманных чар,
Оборотень, меняющий вмиг
Девяносто девять личин —
Скоро он
Блестящий твой лоб омрачит,
Лицо твое разобьет!
Не за малым прибыл сюда,
Облик приняв чужой,
Грозный противник твой…

Сокрушит он кости твои,
Разорвет он
Толстую кожу твою,
Прольет он черную кровь твою!

А ты, на грани блестящих небес
Стоя рожденный конь,
Летающий громовой стрелой
Скакун Вороной!
Хоть в чужом обличье
Явился ты,
Хоть в обманном образе ты неказист,
Но тебя я сразу узнал!
Ведь мы когда-то
Вместе с тобой
Паслись, росли
На привольных лугах
Солнечных пределов айыы…

В табунах Дьэсегея,
Бога коней,
В косяке Кюрэ Дьэсегей Хотун —
От Большого Небесного Жеребца,
От прославленной Кобылицы Большой
Мы — близнецы — родились!
Мы выношены утробой одной,
Мы выкормлены одним молоком…
Так неужто
Ты не узнал меня?

Ты зачем огневым
Дыханьем своим
Спину мою
Спалил до костей,
На крестце могучем моем
Толстые мышцы прожег
До округлых

Почек моих?
Ты зачем
С коварством злобным таким
Пустил меня скакать впереди
И, напирая грудью потом,
Гнал меня,
Передышки мне не давал,
Обливаться п**о**том заставил меня?
Перегон для меня
Непосилен был,
Пересохла жидкость
В суставах моих!

Обижен я на тебя!
Не увижусь больше с тобой!
Не прибегу
Скакать и играть
Рядом с тобой
На небесный луг,
А если еще на землю вернусь,
Пусть отломится
Вертлюжная кость
В могучем моем бедре,
Пусть в горделивой
Шее моей
Раскрошится затылочный позвонок! —

Так, негодуя,
Жалобно ржа,
Все дальше небесный конь улетал,
Все выше взвивался он
И скрылся певучей стрелой
В сверкающей синеве.

Тут хозяин Суордаайы-коня,
Суодалба-богатырь
Заулыбался хитр**о**

Засмеялся, оскалив зубастый рот,
И пошел издеваться,
Словами язвить,
И пошел над гостями шутить.

СТИХ 218
СУОДАЛБА

Эй ты, Сюнг Дьаасына сын,
Прославленный Буура Дохсун!
Как привольно ты,
Развалясь, лежишь
На лабазе медном своем!..
Если ты не бегун,
Не прыгун,
Если ты не борец,
Так чего ты ждешь?
Есть в болоте лягушки у нас —
Хорошие против тебя прыгуны…
Скоро прыгать они начнут
По широкому лбу твоему.
Кукишем угостясь,
Улетела сваха твоя,
А теперь этот кукиш — тебе! —

Так издевался Суодалба
Над свирепым гостем средней земли.
Медленно темнея лицом,
Могучий Суодалба
Готовился бой начать.

Тут Буура Дохсун
Тучею поднялся
На лабазе медном своем;
Яростно топнул ногой,
Четырьмя ударами грома он
Раскатисто прогремел,
Молниями блеснул;
За низко летевшее над землей
Облако ухватясь,

Подыматься стремительно
Стал в высоту,
Грохоча, проклиная,
Крича на лету.

СТИХ 219
БУУРА ДОХСУН

Алаата, удальцы!
Улетаю прочь навсегда!
Не пристало мне
Оскорбления сносить,
Дерзкие насмешки терпеть!
Смеяться никто
Не смел надо мной,
Пока не попал я сюда —
На игрища эти,
На званый пир!..
Все видели мой позор,
Невиданный до сих пор!
Был я гостем почетным,
И вот — оскорблен,
Опорочена честь моя.

Бога грома
Достойный сын,
Я на зов старейшин земных прилетел,
Я породниться хотел
С племенем уранхай-саха.
Этим людям великую честь
Собирался я оказать,
Дочь их старшую
В жены взять…
А они не почтили меня,
Они оскорбили меня,
Обидели слуг моих…

Я этого не прощу!
В грядущие времена,
В будущие года,

Никогда сюда не спущусь,
Беспокойной этой земли
Я ногой своей не коснусь!
Если здесь окажусь невзначай,
Пусть бедренный мой сустав
Переломится в вертлюге своем!
Если я лицо сюда поверну,
Если вновь на землю взгляну,
Пусть я шею себе свихну!
Мне и девка их не нужна,
Пусть провалится в пропасть она!
Зачем мне такая жена?
Да пусть пропадет она!
Лучше я не женюсь никогда!
Довольно позора с меня!
Довольно стыда! —

Так, рассказывают старики,
Голос его громыхал в высоте,
Сотрясая небесный свод,
Содрогая толщу земли,
Пока не умолк вдали…

СТИХ 220
БУУРА ДОХСУН

Только утихли
Говор и шум,
Средней земли боец-богатырь,
Летающий высок**о**
На Мотыльково-белом коне,
Юноша Юрюнг Уолан,
Серебром доспехов блестя,
Из высокого дома невесты своей
Вышел на белый двор,
Радостно оглядел простор
Необъятной долины Сайдылыкы
И стремительно зашагал,
Так что загудела земля
От поступи богатырской его
С запада на восток;
Бегом взбежал
На вершину горы,
Что зовется
Айыы-Тайбыт,
А иначе —
Солнечною горой,
А **и**наче — Кюн-Туллуур.
Став на вершине славной горы,
Куда слетаются пировать
Добрые духи айыы,
Стал оглядываться Юрюнг Уолан,
Всматриваться в кругозор,
Вглядываться в синюю даль.
Множество богатырей
Вокруг него собралось,
Толпясь на вершине горы,
Карабкаясь по склонам крутым.

Были Верхнего мира там
Отборные молодцы,
Были Нижнего мира там
Первые удальцы,
Были Среднего мира там
Славные храбрецы.
Все — стрелки из лука были они —
Лучшие в трех мирах;
Все они смотрели туда,
Куда смотрел Юрюнг Уолан;
Напряженно вглядывались они —
Не появится ли вдали
Летающий над землей
Сверкающий золотой сыагай.
До одури вглядывались они
В блестящую синеву
И не видели ничего.
Так упорно вглядывались они,
Что рябило у них в глазах…
То и дело прицеливались они,
Хоть не знали — во что стрелять.
Многие стали средь них
Косоглазыми с этого дня,
Близорукими навсегда…
Но все больше и больше стрелков
Подымалось на темя горы,
Бесчисленное множество их
Теснилось по склонам горы.
Боевые луки в руках у одних,
Самострелы — в руках у других…
Стрелы, пол**о**женные на тетиву,
Поднялись, шевелясь, как лес…
Гудела толпа, шумела толпа.
Бэкийэ Суорун-адьарай
Выстрелил невпопад,
Думал, что попал в сыагай,

А неугомонный шутник,
Насмешник Суодалба,
В растрескавшуюся харю его
Огромной лягушкою запустил.
— Тьфу, гадость! —
Вопил адьарай, —
Здесь лягушки с неба летят! —

Захохотали кругом,
Хватаясь за животы,
Среднего мира богатыри,
Неугомонные шутники,
Неуемные озорники,
Издеваясь над ним,
Как над серым псом,
Потешаясь над ним,
Как над пестрым псом…
— Метко выстрелил! —
Гремели они, —
Славную невесту достал,
Красавицу раздобыл!
Видно, впрямь
Он разбил стрелой сыагай…
Давнее желанье его
Исполнилось, наконец —
На лягушке женится он!
Будет болото ложем ему,
Одеялом — болотная слизь.
Поцелуйся скорей
С лягушкой своей! —
Так издевались над ним,
Так хохотали вокруг.

А Бэкийэ Суорун-адьарай,
Оскалив зубастую пасть,
Выкликая угрозы в ответ,
Что будет он

По ночам приходить,
Людскую кровь проливать,
Из домов детей похищать,
Недоросточков убивать,
Топнул ногой
И в землю ушел,
Пропал без следа,
Как совсем не бывал.

Юноша-богатырь,
Юрюнг Уолан удалой,
Подняв сверкающий меч,
Говор толпы заглушил,
Слово такое сказал.

СТИХ 221
ЮРЮНГ УОЛАН

Буо-буо! Дьээ-буо!
Эй, громкоголосые вы,
Гордые тридцать девять племен
Тревожных буйных небес!
Эй, прославленные
Тридцать пять племен,
Населившие Средний мир!
Бедоносные
Тридцать шесть племен,
Владыки подземных бездн!
Люди лучшие
Адьарайских родов,
Выходцы из трех пропастей,
Знающие для защиты своей
Девяносто девять
Заклятий и чар!
И вы, исполины-богатыри,
Колдуны пролетающих туч,
Владыки восьмидесяти восьми
Великих заклятий и чар,
И вы, отборные богатыри
Бедственной средней земли,
Буйные головы, удальцы!
Слушайте все меня! —

Видеть совсем
Перестали, что ль,
Зоркие ваши глаза?
Обессилели вовсе, что ль,
Мышцы сильные ваших рук,
Иль надежные пять перстов
Вам перестали служить,

Или крепкие десять перстов
Перестали удачей дарить?
Так иль ин**а**че —
С этой горы
Уходите все по добру!
Вы, женихи из Верхнего мира,
Улетайте на небеса!
Выходцы из Нижнего мира,
Проваливайтесь в пропасть свою!

Если спросите про меня —
Откуда, мол, он такой,
От какого корня возрос,
От какой пуповины рожден,
Чем перед нами гордится он,
Что так дерзко он говорит?
Я на это отвечу вам:
Мой отец — Айынга Сиэр Тойон,
Моя мать — Айыы Нуоралдьын Хотун,
Обитающие на хребте
Трехъярусных белых небес;
Моя прославленная сестра —
Айыы Умсуур Удаган,
Заклинательница
Девяти небес,
Волхвовательница
Восьми небес…
Мой прославленный
Средний брат —
Могучий Мюльдюн Бёгё,
Богатырь с незазубривающимся мечом.
Младшая сестрица моя —
Любимая богами айыы,
Небесный жаворонок золотой,
Прославленная Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой…
Старший мой брат — исполин,

Летающий, как стрела,
На Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Величайший в трех мирах богатырь,
Недосягаемый в славе своей…

А сам я —
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне,
Богатырь Юрюнг Уолан,
В подлинном виде явился к вам,
Полный силы — я вам говорю:
Подите отсюда прочь!

Эй, выросший,
Набираясь ума,
На хребте бесноватых небес,
Закаленный на круче
Злобных небес,
Всадник Суордаайы-скакуна,
Суодалба Уол-богатырь!

Ты могучим словом своим наколдуй,
Чтобы над моей головой
Пуночка пролететь не могла!
Ты землю заговори,
Чтобы на далеких восьми
Гулких дорогах моих
Серая землеройка-мышь
Под моей ногой
Прошмыгнуть не могла!
Ты еще смотри, чтоб ничьи
Немигающие, огневые глаза
Не сглазили меня со спины!
Чтоб ничья воровская рука

Не протянулась — помехой мне!.. —

Такое слово сказав,
Золотое слово сказав,
Колдовское слово сказав,
Юноша Юрюнг Уолан
Огромный свой тул открыл,
Достал костяной свой лук,
Изогнутый, как излука реки,
Обогнувшая заливные луга,
Несгибаемый лук тугой,
Чья основа из дерева, что растет
В стране Тумоон-Имээн,
Из железного дерева, что растет
В стране Хамаан-Имээн,
Из кривого дерева, что растет
В стране Кимээн-Имээн.
Львиной кровью
Окрашен лук,
Орлиной желчью покрыт,
Склеены его
Костяные рога
Клеем железных рыб,
Клеем из пузыря
Пестрых подземных рыб,
Звонко гудящая тетива
Грозного лука того
Скручена из сухожилий спинных
Могучего лося-быка.

Из колчана глубокого своего
Достал Юрюнг Уолан
Огромную боевую стрелу,
Воющую, живую стрелу
С наконечником огневым
Из колючих звездных лучей,
С острием, что зовется — ырба,

Пронизывающим жертвы насквозь.
Ревущую боевую стрелу
Крепко схватив рукой,
Положил ее Юрюнг Уолан
На звонкую, жильную тетиву;
На правое колено припал,
Лук до отказа напряг,
Согнул его в полукруг
И, к небу подняв лицо,
Стал оружие заклинать,
Стал владык айыы призывать…

Адьараи-богатыри,
Прикрывая руками рты,
Презрительно косясь на него,

Хлопая по бедрам себя,
Посмеиваться пошли,
Перемигиваясь, говорить:
— Ну и притча!
Ну — чудеса!
Как своим корнем
Хвастался он —
А корень-то и у чирья есть!
Этот парень —
Что чирей величиной!
Такой малорослый он,
Что его и не разглядишь!
А ведь бахвалится как,
Болтовни у него
Непочатый край!
С виду вовсе крошечный он,
Его и в щепотку не заберешь,
А словом-то как солит,
Как языком горчит!
Нашему старшему богатырю
На пять глотков не хватит его,
Едва ли Уот Усуму
Раза два его
Зубами рванет…
Не с такими справлялся наш богатырь,
Не таким он головы открутил!
Ну а этот — вовсе птенец,
А какой на словах молодец…
Грозит, кричит,
Как чечетка трещит! —
Так посмеивались над ним
Великаны-абаасы.

СТИХ 222
ЮРЮНГ УОЛАН

Эй! Глядите вы все!
Я, из солнечного улуса айыы
Явившийся к вам
С поводьями за спиной,
С отзывчивым сердцем,
С доброй душой,
С помыслами — от беды защитить
Потомков рода айыы,
Призываю богиню свою,
Покровительницу
Эдьэн Иэйэхсит!
Прославляю светлую Айыысыт —
Помощи великой прошу —
Пусть придут ко мне,
Пусть помогут мне!
Принимаю жребий,
Выпавший мне,
Целюсь острым глазом моим,
Целюсь меткой моей стрелой
В сверкающий золотой сыагай,
Летающий над землей,
В котором живет душа
Прекрасной невесты моей,
Обещанной супруги моей!
Руки счастья крепкого моего,
Дайте удачу мне!
Ты, палец большой,
На тугой тетиве,
Победу мне принеси!
Уруй-айхал! —

Так, моление совершив,

Дитя айыы увидал,
Что из вихревой глубины,
Из бездонной пасти кривой
Южных ураганных небес
Вылетел золотой сыагай,
Яркою сверкая звездой,
И полетел, звеня и свистя,
Выс**о**ко над головой,
Стремительно несясь на восток.
Юноша Юрюнг Уолан,
Пристальных глаз не сводя
С высоко летящей цели своей,
Пустил стрелу с тетивы.
Зазвенела жильная тетива,
Друг о друга ударясь,
Пальцы его
Грянули, словно гром;
Пронзительно завыла стрела,
Запылала ярким огнем,
Запела, летя в высоту;
С треском наконечник стрелы
Ударился в золотой сыагай,
На четыре осколка
Его расколол.
Три осколка на землю понеслись,
Как три падучих звезды,
А четвертый осколок
К небу взлетел
В туманную синеву…

Среднего мира богатыри
Закричали: — Уруй-айхал!
Наша слава теперь
Высоко возрастет,
Наше имя теперь
Далеко прозвучит,
Наше счастье

Немеркнущее расцветет,
Наша удача
Вовек не умрет!
Прекрасная дочь айыы
Достанется сыну айыы,
Останется жить среди нас —
На солнечной нашей земле! —

Так ликующие голоса
Оглашали долину Сайдылыкы…

А юноша Юрюнг Уолан,
Руку правую протянув,
Ладонь широко раскрыв,
Ловко поймал,
На лету ухватил
Три падающих
Золотых куска,
Три осколка
Расколотого сыагая,
Словно три
Падучих звезды…
Так он ловко их подхватил,
Что трезвон полетел окрест…

А богатырь Уот Усуму,
Лютый хищник и людоед,
Отродье черных небес,
Закружился на месте, как вихрь;
Гремучая, в девять слоев,
Грузная кольчуга его
Синим огнем зажглась;
Густой железный волос его,
Проросший сквозь толстый шлем,
Дыбом на голове поднялся?
Трескучими искрами засверкал…
Огромные ноги его

В железных кованых торбасах
Проворно переступали, гремя…

Закрутился вихрем Уот Усуму,
Вытянулся в высоту
И превратился он
В восьминогого змея —
Алтан Садаг**а**…

Свистя, он к небу взлетел,
Длинным телом
В тучах мелькнул;
Сверкая, летевшую в высоте
Сыагая четвертую часть
Уот Усуму поймал,
На лету ее ухватил;
И большие круги чертя в высоте,
Проворно стал уходить
В простор счастливых небес.

Верхнего мира абаасы,
Буйные удальцы
Заплясали на радостях, гогоча,
Гром**о**выми голосами крича:
— То-то оно и есть!
То ли увидим еще!
Такой детина, как наш старик —
Молодчина Уот Усуму
Не упустит удачи своей,
Не отпустит того, что ухватит он
Десятипалой хваткой своей,
Пятипалой хваткою воровской!
Выс**о**ко летает он,
Выс**о**ко хватает он,
С пустой рукой
Домой не уйдет!
Половину невесты

Выиграл он,
Половину другую
Сам украдет…
Эта девка —
Наша теперь! —

А другие абаасы
Говорили, толпясь позади:
— Нет, не гладко это
Пойдет для нас!
Если сын великой семьи
Исполин Нюргун Боотур
В логово к нам
Вломится сам,
Гость такой
Не за малым придет,
Кости у нас затрещат,
Кровь прольется,
Будет беда!..

Если не уходящий добром
Отпрыск небесных айыы,
Колебля землю
Грузной стопой,
В самом деле прибыл сюда,
Это значит — великая драка пойдет,
Сеча кровавая закипит,
Увечий не миновать…
Он еще у многих из нас
Вышибет единственный глаз,
Руку единственную оторвет,
Ногу единственную оторвет!..

Прочь, пока не поздно, уйдем —
В дупла деревьев,
В щели колод
Спрячемся поскорей.

Поглядим через дырку сучка —
Посмотрим, кто верх возьмет! —

Так сговорились они
И попрятались, кто куда.

Увидя, что атаман
Адьарайских верхних племен,
Отменный ловкач,
Отчаянный плут,
Сыагая осколок
Поймав на лету,
Удаляется от земли,
Всадник Суордаайы-коня —
Суодалба Уол-богатырь,
Громовый клич испустив,
Огромный свой лук схватил,
Тетиву тугую напряг,
Быстро положил на нее
Волшебную Малтаанай — стрелу
С широким медным концом
И, прицелясь, выстрелил вслед
Улетающему Уот Усуму;
Прямо в зад ему —
Прямо в щель
Прицелился Суодалба.

Зазвенела жильная тетива,
Загудел распрямившийся лук,
Загремели, спустив стрелу,
Каменные пальцы богатыря.

Завыла пронзительно на лету,
Молнией проносясь,
Малтаанай — стрела
С медным тупым концом,
Змея Садага догнала

И попала бы прямо в цель,
Если бы не увернулся змей.
Ударила воющая стрела
И, помимо воли стрелка,
Причинила увечье Уот Усуму.
Как секирой, плоским концом
Начисто отсекла стрела
Всю мужскую гордость его,
Которую впору таскать
Вьючной лошади на спине.

Взревел богатырь-адьарай,
Как зарезанный, завизжал,
Закрутился он в высоте…

Отсеченные медной стрелой
Части тела чудовищного своего
Подхватил, поймал на лету
И на четвереньки упал
На западной стороне
Долины Сайдылыкы.
Головой мотая,
Зычно вопя,
Начал он на рану плевать,
Начал сам себя врачевать;
Отсеченные части свои
К телу кое-как прирастил…

А потом Уот Усуму,
Черным лицом своим оборотясь
В сторону сына айыы,
Голосом громовым
Грозно проговорил,
Угрозу великую произнес…

СТИХ 223
УОТ УСУМУ

Буйа-буйа-буйакам!
Буйа-дайа-дайакам!
Будет с меня! Довольно терпеть!
Ты, не встречавший равных себе
На просторах средней земли
Непутевый злой озорник,
Бестолковый темный глупец,
Какого — не то чтобы в знатном роду,
В богатом славном дому,
А на скотном дворе не найти,
Средь последних рабов-батраков,
Ты — скачущий на своем
Коне Вороном,
Стремительный Нюргун Боотур,
Недоносок, жалкий щенок!
Ты стрелять по мне,
Презренный, посмел?
Ты тягаться со мной решил?
Ты ровню себе нашел?
Обезумел ты,
Обнаглел!

За то, что увечье ты мне причинил,
За то, что бесчестье
Ты мне нанес,
Я тебя арканом скручу,
Я тебя ничком повалю,
Жаркой кровью твоей
Жажду свою утолю!

Если я тебя на спину не уложу,
Если не распорю

Дюжее брюхо твое,
Если мокрой от крови рукой
В черной утробе твоей
Становую жилу не разорву,
Пусть оплачет меня
Мэнгийэ Чуонах!
Пусть жестокая Куохтуйа Хотун
Огненным взглядом своим
Насмерть меня поразит,
Пусть грозная дочь ураганных небес
Древняя Иэрэгэй Удаган
Из бушующей глубины
Моря Энгсэли-Кулахай
Подымется — и взглядом своим
Через бедренный мой сустав
Молнией мне печень пронзит,
На месте меня убьет!

Если я многожильное сердце твое,
Трепещущее сердце твое
Не вырву из клетки твоей грудной
И, зубами железными разорвав,
Кусок за куском не пожру,
Пусть тогда хозяйка земли
Лютая Ньахсаат Буурай
В упор меня
Взглядом убьет!

А пока глядит
Мой единственный глаз,
Пока у меня крепка
Единственная рука,
Пока на бегу легка
Единственная нога,
Я не уступлю никому
Обещанную подругу мою,
Завещанную супругу мою,

Золотогрудую пташку мою!
В**ы**спорил я ее,
Выиграл я ее —
И свою добычу возьму!
Пятипалая сила решит,
Десятипалая хватка решит,
Кто из нас ее в жены возьмет,
Кто ее в свой дом уведет…

Я восемь железных
Слитков возьму,
Семь железных
Слитков возьму,
Четыре железных круга возьму,
Три железных круга возьму,
Отдам небесному ковачу,
Увечье свое излечу…
А теперь я тебя проучу,
Берегись,
Беги иль дерись, —
Я оружье в руки беру. —

И тогда Нюргун Боотур —
Средней земли богатырь
Сбросил обличье Суодалбы
И во всем величье своем,
В собственном виде предстал.
Засверкали синим огнем
Грозные зеницы его.
Как гора огромный,
Высился он…
Страшно исказилось
Его лицо.
Словно горы глинистые, поднялись
Мышцы на могучих плечах,
Напряглись на груди и спине;
Жажда битвы вспыхнула в нем,

Запылала бранная страсть;
И подойдя к Уот Усуму,
Он плюнул ему в лицо
И сказал такие слова.

СТИХ 224
НЮРГУН БООТУР

Смотрите, богатыри!
Вот он — вор —
Хоть и пойман и уличен,
А оправдываться горазд,
Ловок отпираться, злодей!
Черная харя,
Кровавая пасть,
Голень-ярмо,
Кривая нога!
Очень ты осмелел,
Чересчур обнаглел,
Лапу когтистую к нам протянул,
Ограбить нас захотел?

Навсегда я покончу с тобой,
Навзничь опрокину тебя,
Толстую кожу твою распорю,
Утробу твою разорву,
Мокрой от крови рукой
Вырву черную печень твою!
Я в огромное сердце твое
Рогатину боевую всажу,
Я заставлю тебя слово сказать,
Что ты и отцу своему не сказал,
Я о том заставлю тебя говорить,
О чем ты матери не говорил! —

Поднял Нюргун Боотур,
Грозно для удара занес
Острогу боевую
О трех остриях,
Прямо в грудь хотел

Врага поразить…
Но скачущий на сером коне
Кюн Дьирибинэ-богатырь,
За руки Нюргуна схватив,
Стал упрашивать
Боя не начинать,
Начал уговаривать, умолять
Славного богатыря
Праздник не омрачать…

СТИХ 225
КЮН ДЬИРИБИНЭ

Послушай меня, Нюргун Боотур!
Ты, посланный волей владык айыы
Племя людей земных защитить,
От бедствия оградить
Людей уранхай-саха
С поводьями за спиной,
Племя айыы-аймага
От нечисти охранить!
Ты, средней земли богатырь,
И ты, свирепых небес исполин!
На перевалах далеких дорог
Ваша зычная слава гремит,
На перекрестках дальних дорог
Громкие ваши звучат имена…
Вы оба — гости мои,
Вы оба — старшие братья мои!
Опомнитесь — я прошу,
Пока не поздно еще!

Парой чутких своих ушей
Выслушайте меня…
Мой достойный отец-тойон
С желтеющей сединой,
Моя благородная мать
С белеющей сединой,
Поклоняясь трем вашим темным теням,
Просят вас, умоляют вас
Брани кровавой не начинать.

Если здесь вы затеете бой,
Светлая долина Сайдылыкы
Не выдержит тяжести ваших ног,

Ярость ударов ее сокрушит!
Благословенной нашей земли
Желтую благодать,
Словно грязь, растопчете вы!..

Беда нагрянет,
Страданье придет,
Горе — что разумом не обнять,
Вот каков будет наш удел!

Если миром не можете разойтись,
Если спор не можете разрешить
Без оружия, без борьбы,
То не лучше ли будет вам
Удалиться в долину
Онолутта?
Там для боя — большой простор,
Там никто не будет мешать
Силой несогласье решать…

В той долине — под вихревым
Склоном ураганных небес
Летает и воет ваш старший брат,
Играет Осол Уола…

Больше там никто не живет.
На всей незыблемой нашей земле
Места лучшего вам не найти!
Там неистовая Илбис Кыыса
Летает, визжа и вопя,
Беснуясь, катается по траве…
Там не дрогнет толща земли,
Там никто помехой не станет вам,
Пока вы не кончите спор.
Или помиритесь теперь,
Или уходите туда!

Если, как равные, вы
Закончите спор добром,
Пусть будет ваша сила и мощь
Толстою защитой для нас! —

Так уговаривал их,
Так заветные речи им говорил
Кюн Дьирибинэ-богатырь…

Прославленный адьарай,
Оскалив кривые клыки,
Прикрывая лапой широкую пасть,
Хозяину отвечал.

СТИХ 226
УОТ УСУМУ

Светлый ты шурин мой,
Святую правду ты говоришь!
Родину отстоять,
Родичей защитить
Золотогрудой птички моей,
Медногрудой синички моей,
Будущей супруги моей
Могу только я один!
Могучей броней я укрою вас!

Да неужто этот болван,
Дурачина этот большой,
Бродяга и озорник,
Непутевый этот шатун,
Опорою станет вам,
Обороной от всяких бед?
Кто первый затеял спор?
Кто первый оружие в руки взял?
Это он хотел
Меня застрелить,
Хотел мою грудь острогой пронзить!
Это он затеял вражду и спор!
В долину Онолутта,
Где один летает
Осол Уола,
Я сам его потащу,
Уж там за обиду взыщу!

Я его вызываю на бой,
А если он не пойдет за мной —
Вот ему! — адьарай сказал
И, задрав дымовой свой хвост,

Нюргуну зад показал;
И с громом и свистом
Взвилс**я** в высоту
И, как вихрь, улетел, пропал
За темной гранью земли.

Тут могучий Нюргун Боотур
Перекувыркнулся вниз головой
И обернулся у всех на виду
Соколом верховым
С колокольчиками на хвосте,
С ожерельем седого пера,
И к тучам взмыл,
И стрелой улетел,
Крыльями тугими звеня.

СТИХ 227
УОТ УСУМУ

В племени светлом айыы-аймага,
В доблестном роде Ахтар Айыы
Прославленный отвагой своей,
Бесстрашием в трех мирах
Громкую пробудивший молву,
Лучший из лука стрелок,
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне
Юноша-богатырь —
Юрюнг Уолан удалой
Стремительно подбежал
К великому скакуну
Брата старшего своего.

Он достал из левого уха коня
Нечто, будто шерсти клубок,
Будто белый пуха комок.
Он в ладонях этот комок покатал,
Против солнца трижды взмахнул;
И тут же — отколь ни возьмись —
Младшая сестричка его,
Прекрасная Айталыын Куо
С восьмисаженной косой,
Блистающая красотой,
Смеясь, предстала пред ним.
Будто после долгого сна
Пробужденная, красовалась она
Прелестью несказанной своей…

После разлуки долгой такой,
Друг друга, как в прежние дни,
Невредимыми видя опять,

Обрадовались брат и сестра;
Крепко они обнялись,
Трижды друг друга поцеловав,
Так что каплями проступила кровь
У них на нежных губах;
И, окруженные шумной, большой
Дружной уранхайской семьей,
Беседуя о недавнем, пошли
К серебряному жилью
Прародителей рода саха.

А Нюргуна ретивый конь,
Прославленный скакун Вороной,
Освобожденный от ноши своей,
Тревожно, звонко заржал
И поскакал, полетел,
И как дым растаял в той стороне,
Где неба восточный склон
П**е**ристыми облаками горит,
Как тетерева пестрая грудь.

Прародители трех племен,
Размножившихся на земле,
Прародители четырех племен,
Населяющих Средний мир —
Саха Саарын Тойон
И Сабыйа Баай Хотун
Велели готовить
Свадебный пир,
Приказали с почетом встречать
Жениха и его сестру;
Приказали кубок большой
С крепким кумысом выносить,
Шкуры по двору расстелить,
Сиденье почетное для гостей
Мехом драгоценным покрыть.

Восемь девушек —
Восемь лебедей,
Девять юношей —
Девять журавлей
Кумыс гостям поднесли,
Окружили радостно их,
С почетом в дом повели.

Элик Баатыр
К ним сам подбежал,
За руки ласково брал,
От коновязи до дверей провожал.
Алтан Хаакыр
На пороге встречал,
Дверь держал,
На орон почетный сажал…

А другие тою порой
С отгонных дальних лугов,
Как белый ржущий поток,
Косяк лошадей пригнав,
В правом углу большого двора
Лучших двухлетков
Пестрых мастей
Опрокидывали на ходу,
Оглушали обухом на скаку;
Отъевшихся на приволье степном
С жирными шеями кобылиц,
На выбор ловя,
Убивали они;
Необъезженных кобылиц,
Нагулявших мясо и толстый жир,
Свежевали проворно они,
Зажигали костры на дворе,
Поднимали котлы на огонь,
Начинали пищу варить.

Огурук Боотур
Аркан метал,
За гривы коней хватал.

Эбегей Боотур
Коней убивал,
Жилы боевые вскрывал,
Живо шкуры снимал, свежевал,
Туши пластал,
Мясо рубил.
Бусуган Боотур
Угощенье варил;
Ырбайбан Малахсын
Из глубоких котлов
Мясо жирное доставал,
Дымящиеся горы еды
На огромных блюдах
Гостям подносил.
Люди на лакомую еду
Весело налегли,
До пресыщенья утробы набив,
Толстым шейным жиром они
Перебрасываться пошли…

Там прославленные едоки
Огромные мяса куски,
Распластанные широко,
Словно конские потники,
Запихивали в зубастые рты,
Лишь трещали кости
У них на зубах…
Там обжоры и шутники
Проворно хватали с блюд
Самые большие куски;
Глыбы жирного мяса
Пихали в рот
С правого края губ,

Кости выплевывали изо рта
С левого края губ…

Сколько ни было там гостей,
Хоть и сильно проголодались они
В прежние беспокойные дни,
Все насытились на пиру,
Все наполнили утробу свою,
Изобильной жирной едой
Укрепили силы свои,
Утолили голод свой, наконец…
Богатырской снедью,
Крепким питьем
Утешались сердца гостей
С утра до вечерней зари.

Полными чоронами
Пили они
Крепкий густой кумыс,
В котором плавали масла куски
С яйцо турпана величиной.
Звенящий льдинками, пили они
Выдержанный кумыс,
Пенящийся пили они
Весенний свежий кумыс,
Освежили грудь,
Ободрили дух
Радующим сердце питьем…

Наконец, настал
Вожделенный час,
Наступил долгожданный срок
Среднего мира богатырю,
Счастливому сыну айыы
К невесте своей войти,
Наконец, распахнулась пред ним
Бряцающая серебром бубенцов,

Украшенная богатой резьбой
Дверь опочивальни ее,
Распахнулась пред ним, наконец,
Раскрылась завеса дверцы ее
И, блистающая лучезарным лицом,
Прекрасная Туйаарыма Куо,
С девятисаженной волнистой косой,
Глазами темными поводя,
Зубами в улыбке блестя,
Румянцем нежным горя,
Стройная, как белоснежный стерх,
Величавая, как лебедь весной,
Трижды поклонилась ему —
Другу, возлюбленному своему,
Супругу обещанному своему,
Летающему высоко над землей
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолану-богатырю…

СТИХ 228
УОТ УСУМУ

…Трое суток длился
Свадебный пир.
Трое суток пробыл
Юрюнг Уолан
С молодой женою своей
В отцовском доме ее,
В материнском ее гнезде.

И к Саха Саарын Тойону придя,
Сабыйа Баай Хотун поклонясь,
Как рассказывают старики,
Удалой Юрюнг Уолан
Желанье свое открыл,
Заветное слово пропел.

СТИХ 229
ЮРЮНГ УОЛАН

Внимайте речи моей,
Ты — белеющая сединой
Матушка моя, госпожа!
Ты — в серебряной седине снеговой,
Величавый тесть мой, тойон!
Я давно ушел из родной страны,
Я давно покинул свой дом.
Тоска по долине родной,
Где сверкает желтая благодать,
Где россыпи золотые горят,
Все сильнее томит меня.
Там наш дом стоит,
Наш очаг горит…

Непреодолимо они
Тянут меня к себе.
Младшая сестричка моя,
Милая Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой,
Истомилась,
Изныла она,
Странствуя повсюду со мной,
Вдали от страны родной!

Бесчисленные богатства мои,
Бегущие, как белый поток,
Моих коней табуны,
Брошенные без присмотра давно,
Без надзора хозяйского моего
Убавились наверняка…

В глухие верховья рек

Забредшие без пастуха
Стада круторогих моих коров,
Присмотра хозяйского лишены,
Уменьшились, может быть.
Хищник терзает их,
Вор угоняет их…

Нам загащиваться нельзя,
Здесь — иноплеменники мы.
Срок настал — вернуться
В родное гнездо,
Брошенный дом обжить,
В очаге погасшем
Зажечь огонь,
Загоны коровьи огородить.
Нам свой дом устроить пора,
Счастье прочное утвердить…

Дочь свою,
Что вы отдали в жены мне,
Светлую супругу мою,
С которою век мне жить,
Как стрелу, в полет оперив,
Как небесную радугу, нарядив,
Как олененочка разубрав,
Соберите в далекий путь
И с пожеланием счастливо жить,
И с напутствием добрым своим
Благословите ее
И отпустите со мной! —

В таких словах, говорят,
Поведал Юрюнг Уолан
Заветные мысли свои.
А тесть и теща —
Отец и мать
Ответили:

— Воля ваша теперь,
Мы неволить не будем вас,
Мы не задержим вас! —
И в дорогу детей собирать
Расторопно они взялись.

Вокруг поляны большой
В два ряда поставив желтый чэчир,
Украсив просторное тюсюльгэ,
Чтобы справить прощальный пир,
Бесчисленную, как кустарник густой,
Словно черный кустарник в долине речной,
Родню свою преданную собрав,
Весь свой род и племя созвав,
Окруженные девятью сыновьями,
Словно девятью журавлями,
Стройными восемью дочерями,
Словно белыми восемью лебедями,
Из дома серебряного своего
Престарелые вышли отец и мать,
Прародители рода саха —
В дорогу детей проводить,
Прощальный кубок им поднести,
Призвать на них
Благодать небес,
На счастье благословить.

Сабыйа Баай Хотун,
Прославленная праматерь племен,
Как матерая, снежная кобылица,
Поступью горделивой идя,
Как равнинная кобылица,
Голову красиво держа,
В ниспадающих н**а** спину и на грудь,
Бряцающих серебром
Подвесках илин-кэлин-кэбисэр,
В накинутой н**а** плечи, нараспах,

Летней шубе буктаах-сон,
Опушенной седым бобром,
В надетой чуть набекрень
Рогатой шапке из лап
Черных камчатских лис,
Праматерь племен саха
В правой руке несла
Ковш священный
Эбир-хамыйах;
В левой руке подымала она
Приготовленный для молений богам,
Для заклинаний небесных владык,
Для заздравного кругового питья,
Узором украшенный по краям
Кубок большой — ымыйа,
Терпким брызжущий кумысом
Из молока седых кобылиц,
Крепким играющим кумысом
Из молока гнедых кобылиц,
Шипящий пьяным густым кумысом
Из молока золотых кобылиц.

Славя солнце,
Славя луну,
Открывая кумысный пир,
Сабыйа Баай Хотун
Светлым владыкам айыы
Моление вознесла…

СТИХ 230
МОЛЕНИЕ САБЫЙА БААЙ ХОТУН

Радость и слава!
Мир и добро!
Радость и счастье!
Жизнь и любовь!
Да будет слава тебе,
Добрая Ахтар Айыысыт!
Крепкое счастье пошли
Детям, Кюрэ Дьэсегей!
Неисчерпную дай благодать,
Щедрая Иэйэхсит!

На радость, великие, вам
Украсили мы тюсюльгэ,
Изобильем кипящее золотым!
В три ряда березки в землю воткнув,
Желтым чэчиром огородив
Обширный этот алас,
Кумысный пир заварили мы!
У коновязи резной,
У священных ее столбов,
Где, по ветру развеваясь, висят
Жертвенные гривы коней,
Моленья горячие вознося,
Кубок сверкающий поднося,
Милости у неба прося,
Нашу доченьку дорогую,
Нашего жаворонка золотого
Отправляем в далекий путь!
Пусть повсюду
Сопровождает ее
Благословенье добрых айыы!
На солнечных поводьях тугих

Пусть поддерживает ее
Надежная их рука!
Пусть благословенье мое
Сопутствует всюду им,
Детям моим дорогим,
Надеждой в пути блестит,
В любой нужде защитит!

Доченька дорогая моя,
Добрая сердцем
Туйаарыма Куо!
Когда ты достигнешь страны,
Где жить тебе суждено,
Когда ты войдешь
В свой новый дом
И зажжешь в очаге
Священный огонь,
Пусть благодатная Иэйэхсит
Встретить тебя прилетит,
Пусть великая Айыысыт
Очаг твой благословит!

В изобильном доме своем
Миром наслаждайся всегда,
На счастливом своем тюсюльгэ
Радостью утешайся всегда!
Что ни год, дитя приноси,
Горя не знай,
Зыбку качай!
Крепких детей
На колени сажай,
С крепкой судьбой
Потомство рожай!
Пусть изобилье,
Счастье во всем
Станет уделом твоим
На восемь веков,

На девять веков!
Пусть уста твои
Не устанут вовек
Благодарить
Подаривших тебе
Мирную, безмятежную жизнь!
Пусть все добрые желанья твои
Превзойдет грядущая слава твоя!
Пусть многодетным
Будет твой дом,
Пусть бесчисленным будет
Потомство твое!
Да умножится твой материнский род,
Да усилится твой отцовский род,
Да прославится на девять веков!
Слава и счастье!
Мир и любовь!
Слава и сила!
Жизнь и добро!

Пусть Кюн Дьэсегей
Навстречу тебе
Сверкающий — побежит!
Пусть Кюрэ Дьэсегей
Навстречу тебе,
Как солнце, улыбкою заблестит!
Пусть густогривых
Твоих коней
Долина широкая не вместит!
Пусть размножится
Твой рогатый скот,
Пусть бесчислен будет
Его приплод!
С глубокое озеро величиной
Неисчерпаемое тюсюльгэ —
Радость вечную обрети!
Свой, поставленный в три ряда,

Золотой чэчир освяти!
Пусть богатство великое принесет
Светлосерая кобылица твоя,
Пусть благоденствием расцветет
Долгая жизнь твоя!
Пеной весеннего кумыса
Гнедых твоих кобылиц,
Игрой шипящего кумыса
Голубых твоих кобылиц,
Славу каждый день воздавай
Матери Айыысыт,
Всегда мольбу возноси
Благодатной Иэйэхсит!

Пусть кумысные твои турсуки,
Кожаная посуда твоя,
Из цельных шкур большие мехи
Будут всегда полны у тебя!
Пусть кубки о девяти обручах
Умножатся у тебя!
Пусть узорные резные ковши
Украшают твое жилье!
Пусть без счета будет любой
Деревянной, шитой, цветной
Посуды берестяной!

Восемь перевалов крутых,
Семь высоких горных хребтов
Одолевшего в далеком пути,
Изнуренного голодом и трудом,
Путника приветливо встреть,
Досыта накорми…
На извилинах девяти дорог
Изнуренного до потери сил,
Падающего — подними,
Бесприютного приведи в свой дом,
У очага своего обогрей!

И да будет за это слава тебе,
И да будет счастье тебе!

Летающий высоко над землей
Выше изгороди столбовой
На Мотыльково-белом коне,
Юрюнг Уолан, сынок дорогой!
Ту, которую мы берегли,
Как зеницу наших очей,
Как десну наших белых зубов,
Ту, которую звали мы
Золотогрудой птичкой своей,
Медногрудой синичкой своей,
Нашу доченьку взяв от нас,
Как только ее привезешь
В восьмикрайнюю долину свою,
На широком дворе своем,
На высоком холме,
Где стоит твой дом,
Ты, восьмиветвистой
Зеленой травой
Руки ее обвязав,
Навстречу солнцу ее проведи
Вокруг резного столба
Коновязи священной твоей,
Чтобы дух-хозяйка твоей земли
Не стала чуждаться вдруг
Нашей доченьки дорогой,
Чтобы как свою приняла ее,
Чтобы молвила про нее:
«Сэлэ с пучками жертвенных грив
Приумножить приехала у меня!»

На широком блестящем дворе,
Где ни пыли, ни грязи нет,
На просторном надворье твоем,
Не знающем ни снега, ни льда,

Ты из тонких березок поставь
Золотой чэчир в два ряда,
Дорогу свежей травой устелив,
На порог траву положив,
По траве введи ее в дом;
К бушующему огнем очагу,
К грозно гудящему камельку
Радостно ее подведи,
И скажи ей, чтобы она
Тремя пучками смолистых лучин
Аан Уххана — духа огня
Угостила из рук своих,
Приветствуя троекратно его!

Тогда лишь хозяин огня —
Дух очага твоего
Примет, как хозяйку свою,
Ненаглядную нашу дочь.
Поймет, что пришла она
Следить за добрым огнем,
Возносить выс**о**ко
Очажный дым…

Детушки золотые мои,
В день отъезда вашего я,
Широко раскрывая дорогу вам,
Благословляю вас!
Пусть восемь крутых дорог
Ровными будут для вас,
Пусть дорога белая — Сиэри
Раскинется широко!
Пусть девять трудных дорог
Легкими будут вам!
Пусть удача, слава-айхал,
В долину широкую величиной,
Сопутствует всюду вам!
Пусть победа, счастье, добро,

Словно степь огромная, шириной,
Везде окружает вас!
Пусть добрые предзнаменованья всегда
Сопровождают вас,
Пусть не будет препятствий
У вас впереди,
Пусть не будет помех позади!

Пусть будет удача вам,
Которую не утащит бык!
Пусть будет счастье у вас,
Которого не обскачет конь!
Уруй-айхал!
Уруй-туску! —

Совершив моленье свое,
Спев благословенье свое,
Сабыйа Баай Хотун
Светлой пеною кумыса
Обрызгала землю вокруг.
И когда широкий ковш хамыйах,
Подброшенный ею, упал
Стороной открытою вверх,
Так обрадовалось собранье гостей
Доброму знаку тому,
Что дрогнула степь кругом;
И дальние горы отозвались
Радостному крику толпы:
— Уруй-айхал! —
— Уруй-туску! —

Тут прощаться начали старики
С дочерью дорогой,
С долгожданным зятем своим.
Крепко обняли родители их,
Троекратно поцеловав,
Шестикратно облобызав.

Снаряженного в дальний путь,
Ладно обузданного,
Крепко оседланного,
Покрытого пестрым, цветным,
Словно облако п**е**ристое, дорогим
Узорчатым чепраком,
Словно красное облако, под седло
Бархатный положив кычым,
В уздечке из золотых лучей,
С поводьями из лунных лучей,
Под серебряным чеканным седлом
О семи подпругах тугих,
Крепко затянутых под животом,
С медными брякунцами на сбруе,
С кольцами серебряными на сбруе,
С колокольчиками на сбруе,
Звонкими, как напев
Матери Иэйэхсит,
Играющего на ходу,
Сверкающего белизной,
Подвели Туйаарыме Куо
Наследственного иноходца ее,
Стройного коня Туналы.

Под ноги, по земле
Пеструю раскинув кошму,
Проворная девка
Энньэ Кулут
Подошла к хозяйке своей молодой —
Помочь ей
Подняться в седло.
Парень Юктэл Кулут,
Поклонившись трижды хозяйке своей,
Наклонился, спину согнул,
Чтобы, на спину став ему,
Молодая хотун могла

На высокое подняться седло.
Опершись о руки служанки своей,
Проворной Энньэ Кулут,
На широкую спину став
Юктэл Кулута, слуги своего,
Ладно уселась
Туйаарыма Куо
На серебряное седло.

С обеих сторон
За поводья взяв
Стройного коня Туналы
С наездницей прекрасной в седле,
Вся семья проводила
Туйаарыму Куо

На расстоянье семи сэлэ,
Где предстояло им
Расставанье на долгий срок,
Где в сияньи утра лежал
Дальний путь ее — на восток.
Милая Туйаарыма Куо,
На белом коне своем,
Краше прежнего
Казалась теперь
Провожавшей ее родне…

Нарядная шубка ее,
Обложенная бобром,
Пышно распушась на ветру,
Ладно облегала
Плечи и стан,
Была ей к лицу, говорят.
Подвески узорного серебра,
Цепочки на шейном кольце,
Тонкие илин-кэлин-кебисэр
Переливались, ярко блестя,
Поигрывали на груди и спине,
Позванивали на ней.
Высокий бобровый верх
Рогатой шапки ее
Будто улыбался
Белому дню;
Круглая чеканная тусахта,
Укрепленная надо лбом,
Радостно на солнце блестя,
Озаряла ее лицо…

Чтобы любимую дочь
Не опечалить ничем, не смутить,
Чтобы зятя милого своего
Честью не обойти,
Чтобы по дальним дорогам их

Добрая молва пронеслась,
Чтобы по дальним землям о них
Громкая летела хвала,
С дочерью отправили старики
Старшего сына с женой.
Старшего сына-богатыря
Снарядили в дорогу они
Тюнгюром — дружкою быть,
А жену его снарядили они
Ходог**о**й, поезжанкой быть.

Стали отец и мать
Приданое дочери выделять
И так спросили ее:
— Доченька наша
Туйаарыма Куо!
Отбирай, что по нраву тебе,
Забирай, что тебе по душе,
Нам для тебя
Ничего не жаль! —
Молвила Туйаарыма Куо:
— Много не надо мне.
Молодняк с собой я возьму,
Малых жеребят и телят! —

И она телячий намордник взяла,
Жеребячий колючий
Нарыльник взяла,
Да ковш хамыйах
С собой забрала.
Тут со всех зеленых долин
И со всех открытых полян
Побежали стада телят,
За намордником своим погнались;
Им вослед
Табуны жеребят,
Выбегая со всех сторон,

За нарыльником своим понеслись.
Вся посуда,
Какая тогда
В стойбище богатом была,
Запрыгала с полок,
Стуча и бренча,
Покатилась, прыгая и тарахтя,
Погналась за большим ковшом,
За хамыйахом главным своим…

Расплодившиеся без числа,
Раздобревшие на привольных лугах,
Стада молочных коров,
Отчаянно, громко мыча,
Набежали со всех сторон,
Кинулись опрометью вослед
Ревущим телятам своим.
Табуны степных кобылиц
Из отгонных дальних лугов
Поскакали, пронзительно ржа,
Жеребятам своим вослед.

Стоявшая на скотном дворе
В почетном летнем хлеву
Праматерь
Коровьих стад
Криворогая Ый-Ыдалыын,
Корова Толстуха-Луна,
Увидав, что все потомство ее
Уходит из мест родных,
Тяжело заметалась,
Тревожно мыча,
Выломала загородку в хлеву.
А прародитель коровьих стад
Старый бык
Тойон-Тойболуун,
Видя, что все подруги его

Уходят невесть куда,
Заметался, мыча,
Неуклюже топчась
У столба — на толстой цепи…

Кобылица Кюн-Кэдэлю,
Первая среди кобылиц,
Стоявшая в стойле почетном своем,
Заржала, затосковав,
Разломала жерди в стойле своем,
Убежала на волю, вослед
Уходящему табуну.

Разве может остаться один
Жеребец Хаан-Дьаралык?
Выскочил из летника он
И за кобылицей Кюн-Кэдэлю
Поскакал табуну вослед.
Все, не считанное никогда,
Не измеренное никем
Богатство несметное и добро,
Как будто себе говоря:
— От части своей
Отстать не хочу! —
Пошло, поплыло
Потоком сплошным
По следам Туйаарымы Куо…

Тут весь добрый люд,
Вся родня поднялась,
Говоря:
— Не терять же нам
Кровного добра своег**о** —
Двинулась дружно вослед
Табунам и стадам своим…

Вся долина широкая Сайдылыкы

Опустела в короткий срок,
Будто и люди не жили здесь,
Будто и стада не паслись.
Разом осиротела страна,
Запустеньем повеяло над землей,
Будто нашествие вражьих сил
Опустошило ее,
Будто язва тут
Моровая прошла,
Только там и сям
Осталось торчать
Брошенное жилье.

В брошенном хотоне себе
Вырывшая нору,
На задворках, на скотном дворе
Прожившая всю свою жизнь
Старуха дремучая Симэхсин
Рассвирепела, жалея скот,
За которым смотрела она,
На ноги старая поднялась,
Подпрыгнула высоко,
Хлопая завязками торбасов,
Серьгами красной меди бренча;
Со дна хотона она
Огромную лопату взяла,
Тлеющего дымокура золу
Из окна кидать начала…

Пылью и пеплом вокруг
Землю заволокло,
Дым заклубился,
Черный, густой,
До неба тучею встал,
Солнечный свет затмил.

Старуха древняя Симэхсин

Тревогу великую подняла,
В ладони забила она,
По-собачьи завыла она,
Подпрыгивая высоко,
Так что завязки ее торбасов
По затылку хлестали ее,
Так что завязки ее шаровар
По щекам хлестали ее.
И кричала, и причитала она…

СТИХ 231
СТАРУХА СИМЭХСИН

Ой, куда же вы?
Ой, беда моя.
Ох, жарко, ох, жутко мне!
Подгибаются колени мои,
Разрывается сердце мое…
Стряслась беда,
Пропали стада!..

Отец твой с ума сошел,
Дом поджег,
Все добро спалил, —
Удавился на матице головной,
На веревке волосяной!..
Матушка старушка твоя,
Как пропали ее табуны,
Как ушли кобылицы ее,
От горя с ума сошла,
Огнем урасу сожгла,
Повесилась на опорном столбе,
На ремне сыромятном висит!
Дыбом встали
Космы мои…
До смерти напугана я…

Доченька ты моя,
Дитятко Туйаарыма Куо,
Вернись поскорей,
Схорони
Доброго отца твоего!
Матушку похорони,
Вырастившую тебя,
А потом уезжай себе!

Дом твой родной,
Где выросла ты,
Потеряв хозяев своих,
Помертвел, поник, запустел…
Дорогое дитя мое,
Ласковая ты моя,
Хоть раз обернись,
На меня оглянись! —

Так причитая,
Громко крича,
Прыгая на месте одном,
Бедная старая Симэхсин
Деревянной лопатой своей
Бить принялась,
Колотить, ломать,
Загородку загона
Грузную дверь.

Услышала Туйаарыма Куо
Отчаянные крики ее.
Жалостью, состраданьем полна,
Тревогой, волненьем полна,
Не выдержала,
Обернулась она.
И едва обернулась она,
От черно-белой ревущей реки,
Мычащей, ржущей реки,
От пестрого,
Хлынувшего за ней
Потока коров и коней,
Трети две отделились вдруг
И пустились обратно вскачь,
На пастбища родные свои;
Радостно ржа и мыча,
Хлынули табуны и стада

На простор долины родной…

С той поры, говорят,
Примета пошла,
Что в чужие края
За мужем своим
Уходящая из дому дочь
Оглядываться не должна
На родной свой дом,
На родной алас,
Как бы ни рвалось от тоски
Сердце в ее груди,
Как бы ни была тяжела
Ей разлука с друзьями девичьих лет,
С матерью и отцом…

СТИХ 232
СТАРУХА СИМЭХСИН

Юрюнг Уолан, Туйаарыма Куо,
Помех не встречая нигде,
Проехали девятидневный путь.
А на десятый день
Преградила дорогу им
Разлившаяся широк**о**
С могучим теченьем река;
Пеною клокоча,
Каменьями грохоча,
Девять бурных речек
Впадали в нее…

Летающий высок**о**
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан сказал:
— Прежде я не встречал,
Проезжая здесь,
Могучей этой реки!..
Откуда она взялась?
Это чертово колдовство,
Это — чары вражеских сил! —

Подъехав к реке,
Юрюнг Уолан,
Волшебным кнутом
О восьми хвостах
Взмахнув широко,
Хлестнул по воде
Со словами:
— Волей айыы,
Вражеского наважденья власть,
Убирайся прочь с моих глаз! —

И заметить никто не успел,
Как исчезла невесть куда
Широкая, в крутых берегах,
С могучим теченьем река, —
Во мгновенье ока
Пропала она…

П**о**суху коварную падь
Путники перешли,
Копыт лошадиных не замочив,
Стадо не напоив.
Долина пред ними легла
Величавая — во сто верст шириной,
В триста верст, примерно, длиной.
В той долине виднелся
З**а** день пути
Прекрасный богатый дом
С кровлею золотой.
И подумал Юрюнг Уолан:
— Как проезжал я по этим местам,
Не встречал я здесь
Никакого жилья,
Дома этого не видал…

Это играют абаасы,
Адьараи колдуют здесь!..

А как подъехали поездом всем
Путешественники к золотому жилью,
Из дверей открытых
Навстречу им
Плавной поступью —
Горделивы, стройны —
Три девушки вышли
В одеждах цветных,
Три милых дочери
Рода айыы.

Кротко глядя в глаза гостей,
Радостно улыбаясь им,
Приветливо они поднесли
Брызжущий кумысом
Праздничный кубок айах,
Пригубить его прося.

СТИХ 233
ТРОЕ ДЕВУШЕК АЙЫЫ

Кэр-бу! Кэр-бу!
Кованый из золотого луча
Конский повод носящие на спине,
Доверчивые душой
Добросердечные дети айыы,
И ты — летающий высоко
На Мотыльковом коне,
Богатырь Юрюнг Уолан,
Мы преклоняем колени свои,
Поклоняясь
Трем твоим темным теням,
Приветствуем прибытие твое!

Докатилась до нас молва,
Что утвердилась удача твоя,
Что возвеличив счастье свое,
Которое коню не поднять,
Что возвысив славу свою,
Которую с места не сдвинуть быку,
Ты супругою взял за себя
Прекрасную Туйаарыму Куо,
Красавицу с волнистой косой
В девять маховых саженей,
И теперь увозишь ее
Домой — на свадебный пир…

Как об этом узнали мы,
Сердечно возликовали мы;
И с полным чороном
Встречаем тебя,
Радостно величаем тебя!

Прекрасный гость-богатырь,
Хоть у нас и проездом ты,
Прими этот кубок,
Пригубь глоток,
Просим, не отвергай
Добрый сердечный дар!
Первый ты этот кубок возьми,
Первый испей из него,
Уваженье нам окажи,
Угощенье наше — на счастье тебе!
Мы благословляем тебя
На долгую жизнь,
На добрую жизнь! —
Так три девушки, став пред ним,
Приветливые говорили слова…

Но прославленный богатырь,
Усмехаясь, ответил им:
— Кто же не знает вас?
Мог ли я вас позабыть —
Дочерей проклятых абаасы,
Погубивших в бездонной яме своей
Многих славных богатырей
В давние годы,
В давние дни! —
Ударив ногой,
Юрюнг Уолан
Выбил у них из рук,
Опрокинул кубок резной,
Пролил шипящий кумыс
И огневым, волшебным кнутом
О свистящих восьми хвостах
Трех красавиц
Прямо по головам
С размаху пошел хлестать.

Три девушки рода айыы

Шарахнулись от него
И бесследно исчезли вмиг,
Как будто и не было их.

Прекрасные дети средней земли
Двинулись дальше в путь,
Протаптывая широкий след
К пристанищу своему.

СТИХ 234
ТРОЕ ДЕВУШЕК АЙЫЫ

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стрелой летающем грозовой,
Стремительный Нюргун Боотур,
Рассекая гулко звеняющую ширь
Беспредельно белых небес,
Разрывая черные облака,
Увлекая вслед за собой
Белые облака,
Взвихривая дыма клочки,
Девять буйных
Обрушив смерчей,
Срывая с туч грозовых
Четырехраскатистый гром,
С высоты опускаться стал…

Оба исполина-врага —
Уот Усуму и Нюргун Боотур —
На расстоянии девяти
Верховых переходов дневных,
Обрушив град ледяной,
Опустились н**а** землю там,
Где никогда не звучал
Приветливый голос,
Радостный зов
Богини Иэйэхсит,
Где дух убийства
Илбис Кыыса
Дикую пляску ведет,
Где богини Айыысыт
Благословение не звучит,
Где один кровожадный Осол Уола

Тешится буйной игрой…

Там исполины-богатыри
Через бурный поток
Реки Энкэли,
Через мглистый провал,
Где, бушуя, бежит
Подмывающий каменную крутизну
Ревущий поток
Куйгуур-Дьагыл,
На берег неведомый перешли…
Покинув неколебимый предел
Срединной твердой земли,
С темени крутого ее,
С берега золотого ее,
На окраину мира ступили они,
Где ненастье дышит всегда,
Где исчадье ветров ледяных
Протягивает свой кровавый черпак;
Где голода лютого дух,
Причмокивая, пищи прося,
Тянется с пустою своей
Чашкой берестяной…

В нелюдимой долине Онолутта,
На темени бранном ее,
На выпуклом загривке ее,
На каменной холке ее
Очутились богатыри,
Там остановились они.

А как там очутились они,
Сама старуха Онолутта,
Хозяйка-дух
Той суровой земли,
Высунула личину свою
Из черных каменных глыб.

Ржавой жижей
Слезы ее текли
По морщинам каменных щек,
Издавая протяжный, икающий звук,
Плакала, всхлипывая, она,
Тревожно ворочаясь в глубине
Темных своих трясин.

Долину бедственной той земли
Истоптали богатыри,
Словно тв**о**рог, измяли дол,
Проваливаясь до колен,
Увязая до бедер
В черной земле,
Ноги вытаскивая с трудом,
До пояса утопая опять..
Найдя скалу опорой себе,
Начали бой они.
Взревел Осол Уола,
Взвыла Илбис Кыыса,
Летая над головами их,
Кликушествуя, хохоча…

Заговоренные духом вражды,
Закаленные в львиной крови,
Напоенные местью и злом,
Длинные мечи обнажив,
Начали рубиться они;
Сшибаясь со скрежетом грудь о грудь,
Начали поединок они.

Не могли друг друга бойцы
Ни мечами острыми поразить,
Ни рогатинами пронзить.
Не могли железом они разрубить
Кованые доспехи свои…
Отбросив рогатины и мечи,

Колотушки тяжелые взяв
В девяносто девять пудов,
По макушкам друг друга они,
По толстым шлемам стальным
С грохотом принялись ударять.
Вреда ратоборцам не причинив,
Расплющились колотушки их…

Оружье отбросили богатыри;
Зубами яростно скрежеща,
Кинулись друг на друга они.
Ухватывая поперек спины,
Железной хваткой давя,
Друг друга душили они,
Становые ломали хребты…

Тридцать воющих дней и ночей
Без передышки боролись они.
С воплем то один, то другой,
В сторону отскакивая, рывком
Пытался противника повалить…

От натуги зычно вопя,
Через силу пытались друг друга они
Перебросить через бедро.
Не осиливал ни тот, ни другой,
Сила не убывала у них,
Ярость не утихала у них.

Топотом тяжких ног
Толща земли потряслась.
Громовый стук
Их железных ног
Сквозь каменное
Толстое темя проник
В бедственный Нижний мир,
Где владыка подземных бездн,

Старик-исполин Арсан Дуолай
И свирепая старуха его,
Страшная Ала Буурай
Метались, места не находя,
Встревоженные гулом борьбы,
Ворочались в логове темном своем.
Плохо им было, невмоготу,
Охали старики,
Тошноту не в силах унять;
От грохота богатырских ног
Оглохли вовсе они.

Вопли разъяренных бойцов,
Громовые раскаты
Ударов их
Услышал спросонья
Улуу Тойон,
Услышала Куохтуйа Хотун,
Восседающие на круче небес.
Встревожились, всполошились они;
Толстые подошвы их ног
Пламенем обожгло,
В почках вздымающихся у них
Колотье жестокое началось;
Будто железным рожном.
Кололи утробу им.
Скорчились, за бока ухватясь,
Впали в обморок старики…

Великий, бранный
Средний мир
Всей непомерной толщей своей
Закачался и задрожал.
Леденящий ливень,
Летящий снег
Обрушились на просторы земли.
Ветер западный — Саапас,

Бешено гудя, налетел,
Черную завихрил метель;
Забушевал ураган,
Подымая д**о** неба пыль,
Застилая солнечный свет,
Закручивая смерчом,
Подымая к тучам груды камней,
Вырывая деревья,
Ломая леса,
С грохотом над землей пронося
По воздуху глыбы скал…
Лютая разыгралась вражда,
Неслыханная настала беда
От великого боя того
Исполинов-богатырей…

Солнце, выглянув,
Повернуло вспять,
Месяц выглянул и пропал,
Непроглядная наступила тьма…

Тут владыки
Алчных небес —
Страшный Улуу Тойон
И свирепая Куохтуйа Хотун
В дохе из облезлых шкур
Безобразным своим сыновьям,
Одноглазым черным парням,
Вертящимся, кривобоким своим,
Крутящимся дочерям
Властно волю свою изрекли:
— Эй вы, дочери, сыновья,
Однорукий наш, одноглазый род!
Бегите живо на край
Погибельно-мутных небес,
Поглядите с обрыва вниз,
Нагнитесь по самые бедра свои,

Разведайте, что стряслось,
Что за бедствие произошло, —
Откуда грохот и шум
На коренной гористой земле,
На основной неказистой земле,
Почему всколебалась
Твердыня е**е** —

В бедственной бездне
Подземной тьмы
Прародитель рода абаасы,
Родившийся в облезлой дохе
Исполин Арсан Дуолай
И страшная старуха его —
Ала Буурай Хотун,
С деревянной колодкою на ногах
Появившаяся на свет,
Крикнули черным своим парням,
Кривоголовым своим сыновьям,
Приказали своим дочерям,
Прокаженным девкам своим:
— Эй вы, парни, девки,
Ступайте скорей,
Выкарабкайтесь наверх,
Высуньтесь из провалов глухих,
Выгляните из пропастей,
Разузнайте, разведайте все —
Что творится там наверху
На глинистой основной земле,
Отчего трясется
Вся толща ее?
Чьи тяжелые ноги там
Грохочут над нашею головой,
Чьи железные топают торбаса,
Колебля каменный свод,
Потрясая весь Нижний мир? —

Так вот, — рассказывали в старину, —
Встревоженные в твердыне своей,
Грозные владыки
Подземных бездн
Голосами гром**о**выми в темноте
Приказывали отродьям своим…

А беда все больше росла.
Колебался бедственный Нижний мир,
Качались опоры его,
Трещали укрепы его;
Взбаламутилась бездна, словно вода
В берестяном ведре.
Средняя бедственная земля
Трещала, качалась, тряслась,
Раскалываться пошла
Трещинами во всю свою ширь…

Ревущая круча бурных небес
Расплескивалась, как вода в турсуке.
Гулко звенящее
Верхнее небо,
Всей блестящей ширью своей
Омрачилось,
Вскоробливаться пошло.
А над мрачной долиной Онолутта,
Из-под грузно топочущих ног
Дерущихся богатырей
Вихрем взлетали глыбы камней
С быка трехлетнего величиной.
Необъятное разумом
Бедствие шло,
Небывалое несчастье стряслось…

Женщины беременные до поры,
Упав на колени,
Стали рожать…

Коровы стельные на лугах
Выкидывали недоносков-телят,
Жеребые кобылицы в степях,
Табунившиеся на речных берегах,
Выкидывали жеребят…

Потомству людей,
Потомству зверей
Всеобщий конец грозил!..
Парни, девки
Верхних абаасы,
Нагнувшись с кручи
Буйных небес,
Ничего не могли разглядеть,
Камни в лица летели им,
Вышибали у них
Единственный глаз,
С воплем, визгом
Кинулись прочь они,
Полетели на гребень
Свирепых небес,
К прародителям страшным своим.
Парни, девки
Нижних абаасы,
Выглянувшие из провалов своих,
С визгом и воем
Бросились вниз,
Спрятались от града камней
В подземную пропасть
На темное дно.

В Верхнем мире — переполох,
Рев стоголосый: — Беда! —
В Нижнем мире — шум, беготня,
Суматоха, крик:
— Абытай-халахай! —
В Среднем мире —

Ужас и плач:
— Где укрыться?
— Куда бежать?
Всем конец, видать!..
Всем нам пропадать! —

Восседающий на хребте
Высоких белых небес
На лучисто-молочном камне своем,
Престарелый Юрюнг Аар Тойон,
В шапке из трех соболей,
Чье дыханье — нежный зной,
Услыхав небывалый переполох,
Стал Дыылга Тойона просить,
Чтобы тот приказал троим
Небесным богатырям
Дерущихся исполинов разнять,
Или обоих скорей прогнать
С глинистой средней земли;
Если мириться не захотят,
Обоих арканом скрутить
И насильно перенести
На склон Золотой горы,
Где солнце рождается поутру,
На серебряный гребень горы,
Где месяц рождается ввечеру, —
Там пускай продолжают бой!..

СТИХ 235
ДЬЫЛГА ТОЙОН

Эй, вы, трое
Верных небесных слуг
С копьями серебряными в руках!
Раскройте чуткие уши свои,
Слушайте веление мое:
На глинистой средней земле
Два исполина сошлись —
Непомерной силы богатыри.
Двое равных сошлись
Из разных сторон;
Друг друга достойные удальцы
Грудь о грудь схватились
В жестокой борьбе
Насмерть, не на живот…
Великаны вступили в бой,
И пока не рухнет один
И на грудь ему
Не наступит другой,
Не разойдутся миром они,
Не уймутся свирепые их сердца.
А если их не смирить —
Три железных опоры
Средней земли
Ударами ног расшатают они,
Проломят каменный свод,
В пропасть обрушат мир!
Намертво заарканьте их
Огненным арканом своим!
И если мириться не захотят,
Возьмите вы этих озорников,
Унесите на склон Золотой горы,
Откуда восходит солнце-тойон,

На серебряный склон
Священной горы,
Откуда восходит
Луна-хотун! —

Так Дьылга Тойон приказал,
Так он властным голосом повелел
Трем небесным богатырям,
Восседая важно
На ложе своем.

Услыхав приказ властелина судьбы,
Три служителя светлых небес
Не остались праздно сидеть.
Копьями серебряными взмахнув,
Словно три падучих звезды,
Ринулись на землю они;
С воздуха, на лету
Огненный метнули аркан,
Намертво захлестнули петлей
Обоих богатырей,
Так что те не могли ни вздохнуть,
Ни рукою пошевелить…

А три исполина —
Слуги небес
Скороговоркой отчетливой им
Отчеканили в неколебимых словах
Веское веленье свое,
Добрую волю свою.

СТИХ 236
ТРИ НЕБЕСНЫХ СЛУЖИТЕЛЯ

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Как повелел нам
Аар Тойон,
Защитник добросердечных людей,
Поддерживающий их
На поводьях струящихся золотых,
Как повелел нам, как приказал
Владыка рода айыы,
Как Чынгыс Хаан указал,
Как Дьылга Тойон утвердил,
Если вы — во мгновенье ока — сейчас
Не прекратите бой,
Не дадите клятву — кончить вражду
И по-мирному разойтись,
Если по-прежнему будете вы
Упорствовать в злобе своей,
То мы, огневым
Арканом своим
Намертво вас обоих скрутив,
Унесем отсюда за грань земли
На склон Золотой горы,
Из-за которой солнце встает,
На темя Святой горы,
Из-за которой месяц встает!
Отвечайте четко, да побыстрей
Всяким твердым словом своим:
Миром согласны
Вы разойтись? —
Так небесные слуги-богатыри
Голосами раскатистыми, как гром,
Прокричали им с высоты.

Бедовый сын
Бесноватых небес,
Обладатель восьмидесяти восьми
Хитростей колдовских,
Девяноста и девяти
Обманов и злобных чар,
Сеющий заразу вокруг себя,
Мечущий огненный мяч
Уот Усуму Тонг Дуурай —
Отчаянный удалец —
От злобы весь посинел,
Как медные опилки позеленел;
Мрачно оскалясь, кривясь
Вертящимся неуловимо своим
Призрачно-черным лицом,
Завыл, завопил,
Заревел в ответ.

СТИХ 237
УОТ УСУМУ

Аар-дьаалы! Аарт-татай!
Ах, какие важные вы!
А когда ж перестанете вы
Племя мое
Гнать, утеснять?
Породы солнечной богатыри,
Привыкли издревле вы
Преследовать всюду нас!
Врасплох налетели вы.
Осмелились
Окрутить меня
Огневым арканом своим?
Я за правду с врагом дерусь,
Я заклятий не устрашусь,
Я проклятий ваших не побоюсь!

Скачущему высоко
На Вороном коне
Нюргун Боотуру-богатырю
Показалось мало ограбить меня,
Обокрасть, обездолить меня;
Он решил меня вовсе убить,
Утробу мою растерзать,
Становую жилу мою разорвать…
Я за жизнь свою в бой вступил,
Душу свою спасал,
Толстую кожу свою
Н**е** дал ему распороть!

Хуже напасти
Я не знавал,
Вора опаснее — не встречал!

Если он добром возвратит
То, что он украл у меня,
Я бы миром отсюда ушел,
Я бы мир такой справедливым счел.
Все бы прошлые обиды забыл,
Из-за прочей мелочи с ним
Препираться бы я не стал…

Вы, священного неба богатыри,
Допросите-ка построже его,
Дурачину этого, озорника,
Нетерпимого и на скотном дворе,
А не то что в честном дому! —

Так, изворачиваясь и хитря,
Оправдывался адьарай.
Великий Средней земли исполин,
Посланный защитить
Племена уранхай-саха,
Стремительный Нюргун Боотур,
Слыша такую бесстыдную ложь,
Яростью запылал,
Страшно исказилось его лицо,
Левый глаз его,
Кверху скосясь,
Засверкал, как звезда
В морозную рань,
Правый глаз его,
Книзу скосясь,
Кровью ярою налился,
Яркою звездой засверкал,
Грозно обострилось его лицо,
Как восьмизубая острога…

При виде гнева богатыря,
Неистово рвущегося на бой,
Трое белых небесных слуг,

Трое исполинов-богатырей,
С копьями серебряными в руках,
Попятились от него.
Страх и ужас их охватил,
Дыбом волосы встали у них…
Так натужился Нюргун Боотур,
Так он дюжими плечами повел,
Что чуть не лопнул
Аркан огневой,
Туго стягивавший его.
Высвободил руку Нюргун Боотур,
Вырвал у небесных богатырей
Белые копья их,
О камень грянул,
В осколки разбил…

СТИХ 238
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
За что такая обида мне?
Почему во второй вы раз,
Налетая с белых небес,
Мне мешаете бой завершить?
Верхнюю силу его
Вот-вот бы я одолел,
А вы схватили меня!
Нижнюю силу его
Вот-вот бы я сокрушил,
А вы скрутили меня!
Не в**о** время вы пришли…
Но если Одун Хаан приказал,
Придется бой отложить…
Но если Чынгыс Хаан повелел,
Придется себя смирить…

А ведь я знаком,
С Золотой горой,
Где восходит солнце-тойон…
А ведь я бывал
За Священной горой,
Где восходит
Луна-хотун…
Уносите меня туда,
Мне по силам эта беда!..

Заклинаю вас, братья-богатыри, —
Ни н**а** слово не верьте ему,
Злобному выродку
Буйных небес!
Всем известна

Повадка его:
Уличат в воровстве —
Отпирается он,
Поймают его —
Отрекается он!
Он украл золотой кусок
Сыагая, подбитого
Меткой стрелой
Юрюнг Уолана-богатыря —
Брата младшего моего.
Наконец я этого вора поймал.
Выпущу ли его —
Живого из рук моих?
Пусть погибну я
За упрямство свое,
А злодея не отпущу! —
Так Нюргун Боотур говорил,
Так он дерзостно отвечал.

Лучезарные лица троих
Могучих небесных слуг,
Светлые, как солнечный луч,
Заливаться стали
Краской густой,
Гневный приняли
Ржавый цвет.

СТИХ 239
ТРИ НЕБЕСНЫХ СЛУЖИТЕЛЯ

Кэр-буу! Кэр-буу!
Испытайте судьбу свою!
Улетайте прочь без следа!
Не успеет ваш полет проследить
Человеческий неповоротливый взгляд!
И пускай не знает никто —
Где вы делись,
Пропали куда!

Пусть в неведомой, бесконечной дали
Затеряетесь вы навсегда!
Не отыщете вы обратных следов,
Не воротитесь никогда!
На склон Золотой горы,
Где восходит
Солнце-тойон,
За гребень серебряный
Той горы,
Где восходит
Луна-хотун,
Улетайте отсюда быстрей,
Чем успеем слово сказать,
Чем успеем дух перевесть!
Чтоб один из вас
Врага повалил,
Чтоб коленом его
К земле придавил,
Заклинаем мы вас
Заклятием таким,
Тяжести которого не снесет
Глинистая земля…

Вместе связанных огненным вервием,
Подымаем вас!
В бескрайнюю даль
Мы кидаем вас!

Ты, владеющий
Вороным конем,
Стоя рожденным на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Хоть строптивость твоя
И противна нам,
Но ты — защитник средней земли —
Стойко держись,
Не шатайся, не гнись!
Пусть подымется удача твоя,
Пусть разрастается счастье твое
Выше плеч могучих твоих,
Пусть вырастет укрепа твоя
Выше колен железных твоих! —

Тут стремительно обоих бойцов
Подняли они в высоту,
Бросили, пустили в полет…
Головами вперед летели они,
Их следы застилала
Седая мгла.
Так летели они,
Что шумело в ушах…
За тучами над землей
Падучей звездой пролетев,
Очутились они
За горой Золотой,
Откуда солнце встает,
Где по утрам играет оно;
Очутились они за той
Серебряною горой,
Где рождается молодая луна,

Где нежится она ввечеру.
Ударились гулко ногами они
О серебряный гребень горы.
Распался на них
Аркан огневой.
Кулаками тяжкими ударять
По бокам друг друга они принялись,
Начали друг друга они
Поперек широкой спины
Дюжими руками хватать,
Гнуть друг друга,
Хребты ломать.

Вершину горы Золотой
Истоптали ногами богатыри,
Будто русло горной реки
Вытоптали по склону горы.
Серебряную гору они
Истоптали, изрыли всю,
Обвалы обрушивая с высоты,
В камне проваливаясь до колен,
Утопая в скале по бедро…

Буря страшная поднялась
За восточной гранью земли.
Девять вихрей
Ринулись сверху вниз,
Четырехраскатистый гром
Тяжко загрохотал,
Молнии засверкали, треща…
Ветер Саапас загудел,
Черные тучи нагнал,
Вздыбился ураган над землей,
Дождь со снегом
Обрушился с высоты.

Завопил, завыл

Осол Уола,
Остервенело крови прося,
Закружилась, яро визжа,
Неистовая Илбис Кыыса…
Тучи пыли
Закрыли солнечный свет,
Великая наступила беда,
Страшное несчастье стряслось…

Равные схватились борцы.
Не уступал ни тот, ни другой…
Бешено в схватке кружась,
Тяжкими ногами стуча,
Со стоном дыханье переводя,
То друг друга вверх подымая, они
Наземь ставили тяжело,
Так, что горы гремели окрест,
Как под молотом наковальня гремит…
Грохот от места боя летел,
Оглушительный гул и шум.

Солнце восходящее
Не взошло.
Месяц из-за края земли
Не выглянул, не блеснул.
Гром летел
По трем великим мирам.

Понемногу у богатырей
Стал свирепый задор утихать,
Стали силы ослабевать.
Утихли порывы буйные их,
Пыл неуемный угас…

Понемногу придя в себя,
Посмотрели друг на друга они —
Не пострадал ни один.

Кожа толстая их была
На телах могучих цела,
Кровь из ран нигде не текла…
Только черный пот
Ручьями бежал
По широким бокам бойцов…

Не знающему устали богатырю,
Сыну бесноватых небес,
Необычным почудилось это все,
Нежданным, негаданным для него.
С удивлением на Нюргуна косясь,
Отворачивая лицо,
Прикрывая лапою пасть,
Оскалился Уот Усуму,
Морщась, заговорил.

СТИХ 240
УОТ УСУМУ

Аар-дьаалыбын!!!
Ыарт-татайбын!!!
А видать, по достоинству ты
Прославлен в роде своем!
Вот так невидаль, ну и ну!
Оказывается — ты один среди них
Достоин был схватиться со мной…
Нет границ восхищению моему,
Нет конца изумлению моему,
Нет предела — я говорю —
Удивлению моему!

На каких лугах,
На каких берегах,
Выкормленный чьим молоком,
Ты — чудовище — вырос и возмужал?
Из чьей утробы, таясь до поры,
Грозный — ты появился на свет?

Я думал сначала,
Что ты невзначай —
По случайности одолел,
А не силою повалил,
В огневое море поверг
Исполина подземных бездн,
Рожденного в древний воинственный век,
Кровожадного сына тьмы,
Эсэх Харбыыра-богатыря…

А когда еще я узнал
О другом, неслыханном деле твоем,
Что убил великого ты

Владыку моря Муус-Кудулу,
Огнереющего беспредельного моря
Исполина-богатыря,
Уот Усутаакы самого,
Проторившего свой широкий путь
Под западным краем небес,
Я решил, что ты одолел его
Обманом и колдовством…

Пропустил я мимо ушей,
Пустяком почел я молву о том,
Что в поединке ты победил,
Что ты ничком повалил
Не имевшего равных себе,
Выраставшего в дремучих лесах,
Возмужавшего на восьми хребтах
Свирепых Северных гор,
Легче ветра летавшего по снегам
На лыжах своих колдовских,
Пробегавшего тундру из края в край
На семи оленях своих
В облаке белой мглы,
Быстрее бурь снеговых,
Умевшего всем глаза отвести
Силой восьмидесяти восьми
Неуловимых чар,
Сына Ардьаман-Дьардьамана,
Самых страшных обманывавшего колдунов
Обаянием ускользающих чар,
Знаменитого Бохсоголлой Боотура —
Сортола-богатыря…
Ратоборца из дальней страны
Равного себе — я нашел!
Поединщика из чуждой страны
Подобного себе повстречал!
Незачем драться нам,
Неведомо чья возьмет…

Пока не поздно, миром с тобой
Покончим нашу вражду!

Блистающую лучезарным лицом
Красавицу Туйаарыму Куо
Мы с тобой
Разделим между собой,
Разрежем ее пополам,
И женимся оба на ней!
Верхнюю половину ее,
Лучшую почетную часть —
Ты, Нюргун, забирай себе!
А нижнюю половину ее —
С ногами и с пахом часть,
Так и быть — я себе возьму;
Эту часть
Никому я не уступлю!
В ту пору, когда она
Лет шести от р**о**ду была
Эту часть я облюбовал,
Эту часть назначил себе.

Но женщину, разрезанную пополам,
Нельзя женою назвать!
Половина женщины — не жена,
Плохо будет,
Печально с ней!
Я слыхал — под западным краем небес,
В славном племени
Верхних абаасы
Диво-женщина родилась.
Это — дочь ревущих высот —
Чудовище Кыймылыын,
Страшилище Куо Чамчалыын.
Мы похитим ее, а потом
Пополам по поясу рассечем,
К половинам нашей жены прирастим!

Каждому без обиды тогда
Будет жена целиком,
Баба с ногами и головой!

Уорда Могол Тойона-отца,
Кус Хангыл Хотун прославленный сын,
Хаан Дьаргыстай-исполин,
Страшный силою великан,
В поединке со мной схватясь,
Ничком не смог
Меня повалить,
Обуздать меня не сумел.
А неспроста ведь хвастался он,
Не напрасно он говорил,
Что если бы три опоры земли,
Три упорных твердыни ее
Были с крепкими дужками наверху,
Он, за дужки рукой ухватись,
Повернул бы Средний незыблемый мир,
Вверх бы дном поставил его!

Если я в ратоборстве с ним уцелел,
Если он — могучий — меня
На землю не повалил
И живот мой не распорол,
Ты и сам гордиться будешь потом,
Что с таким исполином, как я,
В поединке став наравне,
Жестокую брань добром завершил,
Женщину пополам поделил! —

Так вот, величаясь, хвалясь,
Уот Усуму говорил.

У защитника средней земли,
У великого богатыря
От обидных вражеских слов

Пробудился в сердце неистовый гнев,
Ярость клокотала в груди:
«А-а, вижу я —
Адьарайский сын
Выдохся наконец,
Изворачиваться пошел!
Внуки будут
Высмеивать имя мое,
Правнуки
Проклянут меня,
Как начнут рассказывать старики,
Что с врагом я делил пополам
Светлую дочь айыы!

Да лучше бы не родиться мне,
Да легче бы умереть,
Чем такое глумление терпеть…
Неужто я допущу,
Неужто я такое снесу,
Чтоб издевались потом надо мной,
Потешались потом надо мной,
Смеясь, как над серым псом,
Глумясь, как над пестрым псом!»

СТИХ 241
НЮРГУН БООТУР

Вот каков он,
Блудливой тучи обман!
Вот оно каково,
Коварство твое!
Ты посмел предложить
Пополам разделить
Родную по крови мне,
Рожденную от корня айыы
Прекрасную дочь саха?
За бесчестье, что мне ты нанес
Постыдной речью своей,
За неискупимый твой грех,
За то, что ты подумать посмел
Заживо делить пополам
Лучезарную Туйаарыму Куо,
Брошу ничком я тебя,
Брюхо твое распорю,
Длинные кости твои раздроблю,
Короткие кости
В шугу искрошу,
Темя твое проломлю,
Толстую кожу твою разорву,
Тело твое растопчу,
Пролью твою черную кровь!
Вот и вся дележка тебе! —

Так сказав,
Он ткнул кулаком
Адьарая в сморщенный нос,
Так что голову тот
Откинул назад…

Три дня и три ночи они
Кружились в драке,
Н**а**смерть схватясь,
Так друг друга гнули они,
Что трещали спины у них…
Горячей крови прося,
Гоготала, визжала
Илбис Кыыса;
Кровавой добычи прося,
Выл, вопил
Осол Уола,
Клича гибель,
Клювом кривым клекоча…

Из-под ног бойцов,
Из колдобин и ям
Мертвая проступила вода;
Ядовитые от нее
Испаренья поднялись,
Заклубились тучей густой.
Красный огонь
От камня-сата
Люто во тьме зардел.
Вихрь завыл,
Ураган зашумел…
Без устали исполин айыы
Усиливал натиск свой,
Удары ногой
Врагу наносил,
Кулаком по макушке глушил…

С бесноватого неба,
С бегущих туч
Тревожные крики неслись,
Из провалов подземных бездн
Проклятья летели ввысь.
А уже Нюргун Боотур

По буграм, по кручам и по камням
Спотыкаться заставил врага,
Средь глубоких рытвин и ям
На четвереньки его
Падать заставил он.
Трехслойная кованая броня,
Восьмислойная кольчуга абаасы
От ударов Нюргуна Боотура давно,
Лязгая и гремя,
Рассыпалась на куски.
Толстая кожа Уот Усуму
От затрещин богатыря
Треснула, разорвалась.
Черная кровь Уот Усуму
Забила из рваных ран,
Словно конский вздыбленный хвост,
Пенясь и клокоча…

Тут могучий Нюргун Боотур,
Громовый клич испустив,
Бросил ничком Уот Усуму —
Вниз лицом — на черный валун,
На торчащую глыбу скалы…
Придавив его ногою к земле,
Схватив свой нож боевой,
Выкованный из тридцати
Черных железных кругов,
Заколдованный на крови?
Н**а**смерть Нюргун Боотур
Хотел поразить врага…

Но вдруг Уот Усуму,
Брошенный на камень лицом,
Придавленный к земле,
С грохотом разлетелся, как дым,
И превратился в единый миг
В змея огненного Садаг**а**..

Длинное тело его
Шумно взлетело ввысь
И пропало в клочьях густых
Низко бегущих туч…

Покуда Нюргун Боотур
Оглядывался вокруг,
Под нижним сводом глухим
Западных свирепых небес
Послышался, как отдаленный гром,
Голос Уот Усуму,
Отгулом раскатываясь далеко
Над Золотою горой,
Над Серебряною горой.

СТИХ 242
ГОЛОС УОТ УСУМУ

Буйа-буйа-буйака!
Буйа-буйа-дайака!
Подумать только —
Ничтожный червяк,
Позабавиться захотел,
По земле рекою пустил
Драгоценную кровь мою!..

Хоть без меры ты осмелел,
Недоросток презренный
Средней земли,
Ты теперь меня берегись!
Не вздумай перебегать
Широких путей моих,
Не вздумай бродить, плутать,
По длинным следам моим!

Обещанную от рожденья мне,
Блистающую, как солнце, лицом
Красавицу Туйаарыму Куо,
За девятисаженные косы ее
Крепко рукой ухватив,
Длинные косы ее
На руку намотав,
Я украл ее и унес!
Знай: она — добыча моя!
И не вздумай гнаться за мной,
Выслеживая горячий мой след,
Отыскивая остывший мой след!

Уж теперь тебе я не уступлю,
Уж теперь я тебя повалю,

Если встретимся раз еще…

Ух, как я поиграю с тобой,
Ух, как позабавлюсь я над тобой!
Продырявлю я толстое темя твое,
Раздеру грудную клетку твою
На черной равнине, на берегу
Моря Энгсэли-Кулахай,
На вспученной, колдовской
Долине старухи Хонгкурутты,
Чьей речи ты не поймешь,
Чьих слов не осмыслишь ты…

А ведь я — усердно,
На выбор тебе —
Половину женщины предлагал,
Почет хотел тебе оказать!
Почему ж отказался ты?
А теперь, собака, не честь,
А кровавый кукиш
П**о**д нос тебе!
А ну, недоносок нойон-богдо!
Возьми, поймай!
Не догонишь меня!.. —

Оглушительно грохоча,
Отгулом раскатываясь вдали,
Пон**о**сные эти слова
Пролетели по трем мирам…

Исполин, защитник средней земли,
Среднего мира исполин,
В изумленьи услышав голос врага,
Ни мгновения не сидел,
Ни часа больше не ждал.
Через голову перевернувшись, Нюргун
В огромного превратился орла,

Могучего, о трех головах,
Солнце заслоняющего крылом,
Месяц закрывающего плечом,
С когтями, как восемь
Кос-горбуш,
Торчащими вкривь и вкось,
С клювами, словно три пешни,
Словно три тяжелых кайла…
Превратился Нюргун Боотур в орла
В чешуйчатом железном пере,
Похожем на черный лес
Широких длинных мечей,
С крыльями, гудящими на лету,
С длинным раздвоенным хвостом,
С перьями железными, как лезвия
Отточенных на битву мечей.

На орлиных крыльях
Нюргун Боотур
С громким клекотом полетел.
Так выс**о**ко он поднялся
Над широкой средней землей,
Что все было видно ему,
Что все было слышно ему…
От могучего полета его
Заклубились тучи,
Снег повалил,
Град загремел,
Буран зашумел,
Ветер завыл, закружил…
И вот услыхал он издалека,
Из-за бурного склона южных небес
Чей-то отчаянный крик.
Отчетливо Нюргун различил
Голос Туйаарымы Куо:
Словно песня жаворонка, прозвенел
Этот голос в его ушах

И умолк, и замер вдали…

СТИХ 243
ГОЛОС ТУЙААРЫМЫ КУО

Помогите мне!
Отнимите меня!
Ты, летающий высоко
На Мотыльково-белом коне,
Муж мой, Юрюнг Уолан,
На долгие годы прощай,
Навсегда, навеки прощай!

Ты — скачущий
На Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Старший, могучий мой брат,
Где бы ни был ты —
Догоняй, спасай!
Улуу Тойона коварный сын —
Уот Усуму похитил меня!

Обесславился ты, Уот Усуму!
Опозорился ты навек!
Беременную — в последней поре —
Ты украл чужую жену…

Ах, какой ты лихой удалец!
Побоялся ты, парень, видать,
Что не удастся тебе
Девушку достойную взять?
До того ты с горя дошел,
Что похитил чужую жену,
Женщину беременную украл!

Люди лучшие трех великих миров

На смех подымут тебя!
Равные из далеких стран,
Прославленные богатыри,
На позор осудят тебя!
Пестрые псы
Облают тебя,
Серые псы
Растерзают тебя!
Не сжимай так грубо меня
Железной лапой своей!
Потише лети — задыхаюсь я!

СТИХ 244
ГОЛОС УОТ УСУМУ

Нет, мое дорогое дитя,
Нельзя мне медлить сейчас…
Гонится следом
Нюргун Боотур!..
Поскорей я должен
Спрятать тебя
В неприступном доме моем,
В крепости железной моей!

Если кто среди равных мне
Издеваться вздумает надо мной,
Темя толстое
Тому проломлю!
Кто смеяться вздумает надо мной,
У того я разрушу очаг,
Священный огонь
Затопчу, потушу!
Разве кто посмеет поднять на меня
Разящий огненный взгляд?
Наверно, таких
Не осталось в живых…
Ты со мной не страшись никого,
Ты со мной не стыдись ничего! —

Так тяжело громыхая вдали,
Свирепого адьарая слова
Смолкли за тучей глухой,
Стихли за темной горой.

Над чудовищной крутизной,
Кукушками медными
С двух сторон

Увешанной в древние времена,
Над непроезжей, крутой,
Страшным заклятием заклят**о**й
Дорогой смерт**е**й Кээхтийэ-Хаан,
Над струящейся глоткой ее,
Над погибельной горловиной ее,
Над обрушенной тесниной ее
Все выше — могучими взмахами крыл —
Поднимался Нюргун Боотур.

Воздуха ледяного поток
Бешено летел с крутизны,
Обвалами грохоча,
Обломками скал стуча,
Все круша на своем пути,
Все грозя завалить, смести…

Трижды Нюргун прокричал,
По-орлиному клекоча;
Напрягая все силы свои,
Пытался бурю он одолеть,
Пытался перелететь
Неприступный гребень горы.
Но ледяной ураган
Бросал его вниз головой.
Были сильно помяты
В тяжкой борьбе
Два его могучих крыла;
Трудно было ему дышать.
До отказа раздулись в груди
Легкие исполина-орла,
Потемнело в его глазах.
Отчаиваясь высоту одолеть,
Как по чану медному, колотя,
По каменному нёбу стуча
Кованым языком,
Громко заклекотал орел;

И на середине пути,
На вершину скалы
Опустился он
Над грозною крутизной
Дороги Кээхтийэ-Хаан,
Где колдовские одни
Медные кукушки торчат…

Беспокойно крылами маша,
С трудом под бурей держась,
Так он заговорил,
Такое слово сказал.

СТИХ 245
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
На кручу буйных небес
Подымающейся прямиком
Дороги смертей Кээхтийэ-Хаан
Лихая хозяйка-дух,
Старуха Уот Холуонньай Хотун!
Каждый выдох твой огневой,
Больше лиственницы вековой!
Эй ты, черная тень,
Кровавая пасть,
Хвост, как дым,
Постель, что метель!
Тянущаяся длинной губой,
Жаждущая крови живой,
Открой дорогу передо мной,
Грозная Холу**о**нньай Хотун!
Я прежде в жертву тебе приносил
Полные охапки еды,
Приговаривая:
«Подходи и бери!»
Ты из рук моих пищу брала,
Ты со мной радушна была…
Если тяжести ног моих
Не выдержав, занемогала ты,
Я на помощь к тебе приходил,
Я обильно тебя кормил
Охотничьей добычей моей.
Если огненное сознанье твое
Не угасло еще совсем,
Вспомни помощь мою,
Помоги мне сама!
Подыми меня на высокую грань,

На третью вершину твою!
Разве это трудно тебе?
Но если вниз
Ты сбросишь меня,
Если путь не откроешь мне
На кручу буйных небес,
Тогда перестанешь ты получать
Щедрые подарки мои,
Богатую добычу пяти
Угловатых, длинных пальцев моих!

И тогда пересохнет глотка твоя,
Не освеженная кровью жертв,
Перестанет жадная пасть
Печенью наполняться сырой…
Двигающаяся глотка твоя
Высохнет добела…
Твой семисаженный язык
Пересохнет, окостенев,
И острым своим концом
В нёбо твое врастет;
И закатится солнце твое,
И наступит смертный твой час! —

Так орлиный клекот
Гром**о**во звучал,
Будто кто-то о медный чан
Колотушкой звонкой стучал…

Услыхав заклинанья его,
Заохали под землей
Чудовищная хозяйка горы
Уот Холуонньай Хотун.
Перехватило дух у нее,
Тяжести богатырских ног
Не выдержала она,
Рухнула, протяжно хрипя,

На крутящееся ложе свое,
Задыхаясь, икая, навзрыд
Лепетать, бормотать начала.

СТИХ 246
ГОЛОС ДУХА-ХОЗЯЙКИ ДОРОГИ

Алаатанг! Улаатанг!
Абытай-халахай!
Ох, болит!
Ох, палит нутро!..
С незапамятных пор
Не запомню я
Тягости непомерной такой.
Давящей душу мою!
Будто бранного мира всего
Бремя взвалено мне на грудь…

Мое сердце,
Мой мозг спинной
Ты своим ядовитым
Дыханьем спалил,
Око спины моей
Раздавил!
Легкие раздулись во мне,
Удушье томит!.. Задыхаюсь я!
Подбр**ю**шина рвется моя,
Пришла моя смерть, видать!..

Эй, люди рода айыы
С поводьями на спине!
Эй, солнечные богатыри,
На чьем загривке небесный чембур!
Если вы дорожите жизнью его,
Если жалеете вы его,
Уберите отсюда,
Снимите с горы
Нюргун Боотура-богатыря!
Тяжести ног его

Вынести я не могу!
Только обильные жертвы его
Удерживали меня до сих пор…
Пройдет еще миг один,
И в пропасть его — в провал
Сброшу я с крутизны!
Ох, больно,
Ох, душно мне!.. —

Так, зубами железными скрежеща,
Корчась в подземелье своем,
Злобно прокричала она.

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

СТИХ 247

Издревле
Истоки берет —
Далеко
Олонхо течет!
При запеве родившееся дитя
Бегает, кувыркаясь, теперь…
Взвыл Уот Усуму,
Ускользнуть не успел.
Халбас-Хара
Хлестнул, улетел…

Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан удалой
С молодою своей женой,
С поезжанами и родней
Приехал в долину Кыладыкы,
Где простерлась его земля —
О восьми окоемах ширь,
О семи ободьях простор,
Где неистово взлетают пески,
Голосистые задувают ветра…

Под сенью древних дерев,
У синей опушки лесной,
На восточной блистающей стороне,
Где спускается с высоты,
Одаряя щедро своих детей,
Жизнедарящая Иэйэхсит,
Снял Юрюнг Уолан с седла
Светлоликую Туйаарыму Куо,
Прекрасную подругу свою,
И, з**а** руку взяв ее,

Сердечную хвалу вознося
Покровительнице своей,
Могучей матери Айыысыт,
Благодарностью и добром помянув
Благодатную Аан Алахчын,
По тропинке, устланной
Свежей травой —
Восьмиветвистою осок**о**й,
К солнцу лицом обратясь,
Тихой поступью
Супругу свою
По кругу три раза обвел
Вокруг резного столба
Коновязи большой,
Украшенного семью
Пучками жертвенных
Конских грив.

Тут, с отгонных лугов, с берегов
Девяти многоводных рек,
Из урочищ восьми ручьев
Пригнали белый ржущий поток,
Пригнали черный мычащий поток,
Чтоб на славу устроить пир.

Ввел жену Юрюнг Уолан,
Обвив ей руки свежей травой,
В просторный серебряный дом
Под кровлею золотой,
А там домочадцы его
Перед пылающим очагом
Поднесли им высокий чорон,
Пенящийся кумысом.
Вкруг очага Юрюнг Уолан
Обвел молодую жену,
Достойную подругу свою,
Любовно ее усадил

На почетном ороне своем,
На покрове из шкур
Чернобурых лис.

Повалили без счета
Молодых кобылиц,
Зарезали тучных коров,
Поставили котлы на огонь,
Угощенье обильное для гостей
Приготовили, начали пир…

Гости досыта
Угощались там
Жирною едою мясной,
Крепким густым кумысом
Прохладили горло свое,
Взбодрили усталый дух,
Восемь дней пировали подряд…

…После праздника, на девятый день,
Ветер западный налетел,
Внезапно снег повалил,
Белая закипела пурга,
Град загремел,
Ураган зашумел…

Из клубящихся облаков,
Из летящей мути и мглы,
Выдохнув из пасти огонь,
Вылетел огненный змей
И, девятирядную стену жилья
Развалив ударом хвоста,
Ясноликую Туйаарыму Куо
За девятисаженную косу схватив,
Поднял на воздух,
Умчал в высоту,
Кричащую громко унес

В вихрящийся темный провал
Бесноватых южных небес.

Услыхав чей-то грозный рев,
Услыхав пронзительный жалобный крик
Пропавшей своей жены,
Бедняга Юрюнг Уолан
Поглядел растерянно по сторонам,
На ноги проворно вскочил,
Выбежал на широкий двор,
Всю долину Кыладыкы
Вдоль и поперек обежал;
Ища Туйаарыму Куо,
Кричал, призывал ее —
Ответа не услыхал…
Так он сразу все потерял!

Восьмигранную землю-мать
За девять суток обрыскал он —
Ни следа нигде не нашел.
Сокрушился могучий дух,
Помрачился разум его.
Горько плача,
Громко крича,
Обезумевший Юрюнг Уолан
Куда глаза глядят убежал,
Пропал неведомо где…

СТИХ 248

Уот Усуму Тонг Дуурай
Добычу свою — Туйаарыму Куо
По воздуху унося,
Оставляя огненный след,
Все небо, как молния, пересек
И опустился за край земли
На черной, другой стороне
Ненасытно алчных
Южных небес,
На восточном сумрачном берегу
Моря Энгсэли-Кулахай,
На северной стороне
Колдовского поля Хонгкурутта,
Где обитали абаасы,
Лопотавшие, как стая гагар,
На неведомом языке.

Посреди колдовского поля того
Вертелся железный дом;
Кубарем, ни на чем не держась,
В сумраке, лязгая и грохоча,
Вверх подпорками, крышей вниз,
Черное кружилось жилье.
Топнул ногой Уот Усуму, —
Тут же, повинуясь ему,
Перестал вертеться железный дом,
Твердо на лапы встал.
На крыше дома
Открылась дыра.
Через ту дыру
Уот Усуму
Пленницу в дом втащил;
Бросил на железный орон

Подстилку, сшитую кое-как
Из облезлых, содранных с падали шкур
Эти шкуры, снятые с лошадей,
Околевших от шатуна,
Висели в прежние времена
На жертвенных деревах,
Проклинаемые людьми…

Проворно Уот Усуму
С подстилки руками смахнул,
Ладонями раздавил
Нечисть разную —
Вшей и блох,
Как лягушки, попрыгавших по углам,
Разбежавшихся, как жуки.
От нетерпенья дрожа,
Стал Уот Усуму принуждать
Прекрасную Туйаарыму Куо
Лечь на железный орон,
Ложе с ним разделить.

СТИХ 249
ТУЙААРЫМА КУО

Опомнись, хозяин-тойон!
Одумайся, что затеял т**ы**!
Обезумел ты вовсе, видать,
С беременной хочешь спать?
Благородный твой род
Тебя проклянет,
Отпрыски священных небес
Отрекутся навек от тебя,
Брезговать будут тобой,
Коль прикоснешься ты
К телу нечистому моему!
Обитатели высоких небес
Проклятьями так очернят
Твой лучезарный лик,
Что противно будет смотреть на тебя!

А когда священное тело мое
От бремени очистится, наконец,
Тогда не будет греха,
Тогда не будет помех
Нам с тобою
Ложе делить…

А теперь меня касаться нельзя!
Три дня, не больше, пройдет —
Наступят муки мои,
Откроется утроба моя.
Призывая сильную Айыысыт,
Буду я стонать и кричать;
Призывая защитницу Иэйэхсит,
От натуги всем надрываясь нутром,
Разламываясь в костях,

Дитя я стану рожать…

Ты хозяином добрым будь,
Ты поди — мне пищу добудь,
Убоину свежую принеси,
Горячим мясом меня накорми,
Голодом не умори!
Год меня целый корми
Горячей пищей мясной!

А иначе — солнечные племена,
Узнав, что меня ты держишь в нужде,
Серым псам на забаву
Бросят тебя,
Пестрым псам
На посмешище отдадут! —
Так, лукавой речью своей
Обманывая врага,
Приказывала она —
Прекрасная дочь айыы.

Угрюмо слушал
Уот Усуму,
В сторону отвернувшись лицом.
Хлопнув по колену себя,
Прикрывая зубастый рот,
Надумал, вымолвил, наконец.

СТИХ 250
УОТ УСУМУ

Вот напасть какая!
Вот так беда!
Наконец-то я
Залучил тебя,
А прикасаться к тебе не могу…

Покамест не опростаешься ты,
Сторожить я должен тебя!
Да еще удастся ли мне
Дожить до заветного дня?
По следам моим рыщет враг,
Он — того и гляди — налетит,
Толстое темя мое разобьет…

Чем буду тебя кормить?
Червивую падаль — пищу мою
Чистая женщина — ты
Пожалуй, в рот не возьмешь.
Мясо свежее нужно тебе,
А у нас его негде взять.
Только у Куохтуйа Хотун —
У матери достойной моей —
На отгуле кобыла припасена
С красною полосой на спине,
Прожорливая, как целый табун,
Бьющая копытами наповал,
Не дающаяся никому,
Не объезженная никем.
Мать моя кобылу добром не отдаст, —
Мне придется ее украсть
И зарезать, и освежевать для тебя.
Как проведает Куохтуйа Хотун,

Кто заветную кобылу украл,
То навек она проклянет меня
Огненным проклятьем своим… —

Так Уот Усуму говорил,
А втайне раздумывал он:
«Такую женщину взяв,
Такую красавицу раздобыв,
Подожду — пускай рожает она…

Девочку, мальчика ли родит,
Я ребеночка украду,
Заживо — с косточками — сожру!»
Тут Уот Усуму
Посинел, почернел,
Превратился в дым
И пропал.
У прекрасной Туйаарымы Куо —
Два ли, три
Миновало дня —
Кровь от боли к щекам прилила,
По обоим пахам ее
Будто огонь побежал,
Схватки первые начались,
Судороги охватили ее…

Извиваться в муках стала она,
Задыхаться стала она,
Громко, сквозь слезы, звать
Добрую Айыысыт,
Со стоном на помощь
Звать начала
Сострадательную Иэйэхсит.

СТИХ 251
ТУЙААРЫМА КУО

Аай-аайбын! Ыай-ыайбын!
Я — отпрыск небесных айыы —
В страшной неволе обречена
В тяжких мученьях рожать
Первенца моего
С перевернутою судьбой!

Видно, проклято в утробе моей
Еще неродившееся дитя,
Если пропасть ему суждено
В пасти изверга Уот Усуму!
За что такая обида мне?
Слышите ли меня!
Защитница рожениц молодых,
Добрая Иэйэхсит,
Ласково ко мне повернись!
Ты, всесильная Айыысыт,
Тихо ко мне сойди,
Жалостливо на меня погляди!

Счастье наворожившая мне,
Нагадавшая высокий удел
Дитяти бедному моему,
Добрая Айыысыт,
Светлая Иэйэхсит,
Защитите первенца моего
От пасти абаасы!

Придите!
Примите дитя
В нежные ладони свои!
Скройте его,

Спрячьте его,
Унесите отсюда его!
Пусть я лучше умру в родах,
Не увидев дитя свое,
Лишь бы не попало оно
Невидимке лютому в пасть!
К вашей силе
Взываю теперь.

Я сама — творенье айыы,
О помощи вас
Умоляю теперь!
Уруй-айхал!
Усун-туску! —

Так навзрыд пропела она,
Так отчаянно прозвенел в тишине
Словно серебряный бубенец,
Слабеющий голос ее.

Этой песни горестной
Вестник-дух
Далеко, высоко взлетел
И, в бубенчик серебряный превратясь,
Жалобно пропел, прозвенел
Над ухом доброй Иэйэхсит,
Над самою головой
Сильной Айыысыт.

Вздрогнула Иэйэхсит,
Встрепенулась Айыысыт,
Воспрянула, говоря:
— Как жалобно бубенчик поет,
Как отчаянно умоляя, звучит!
Да неужто допустим мы,
Чтоб незыблемую судьбу
Потомка солнечной ветви айыы,

Первенца уранхай-саха
Опрокинул абаас**ы**! —

Встала могучая Айыысыт,
Бросила на священный очаг
Желтого масла кусок.
Только вспыхнул
Синий огонь в очаге,
Она превратилась в дым
И взлетела, клубясь, в высоту;
Прилетела в короткий срок
На дальний пагубный край
Западной стороны,
Что лежит у крайней черты
Восьмигранной средней земли,
Где под крутым обрывом кипит
Соленого моря пасть,
Где подземное море шумит,
Где свирепое море
Прибоем гремит,
Где лютые вьюги ревут…

Там — в разрывах
Толщи земной
Ледяные сверкают швы,
А кругом без края и без конца
Красные залегают пески…

А дальше зеленые травы блестят,
Разрывая белой глины пласты,
Острая осока растет.

А дальше — до облаков
Громоздятся балки
Каменных гор,
Подымаются до желтых небес
Подпоры железных гор,

Высятся до белых небес
Укрепы
Несокрушимых гор…

Торчит
На краю земли
Хитро сколоченный дом,
О тридцати хоромах жилье
Одинокой старухи-абаасы
Тимир Дьэгэликээн…

Увидела Айыысыт,
Что бабка Дьэгэликээн,
Ноги тощие протянув
Поперек хребта полосатой горы,
Валяется возле жилья своего —
От голода еле жива;
Что уже изгрызла она
Набедренники свои,
Сшитые из облезлых шкур
Околевших от язвы коров,
Что заразные проглотила она
Кожаные рукавицы свои,
Что, давясь, дожевывает она
Рваную шапку свою
Из кожи дохлых телят…

Окликнула бабку Айыысыт,
Из облака дымного своего
Голос ей подала.

СТИХ 252
ГОЛОС АЙЫЫСЫТ

Алаатанг! Улаатанг!
Что с тобой?
С голодухи, что ль
У старухи мудрой такой
Не осталось толку в башке?
Чем валяться,
Вытянувшись поперек
Выступа этой славной горы,
Похожей на девятилетка-быка
С белым брюхом,
С пятном на лбу,
Выставившего копья-рога,
Вздыбленного тяжело,
Грозного в пору случки своей;
Чем валяться без дела,
Штаны грызя —
Сшитые из заразных шкур,
Да от голода околевать,
Поглядела бы ты поскорей,
Что делается сейчас
По другую сторону вихревых,
Бесноватых южных небес!
Силою семидесяти семи
Хитростей колдовских,
Силою восьмидесяти восьми
Всяческих уловок своих,
Девяноста и девяти
Чародейных плутней своих,
С помощью ста двадцати
Способов коварных своих,
Увидала бы ты,
Услыхала бы ты,

Как в железном доме Уот Усуму
Похищенная воровски —
Прекрасная Туйаарыма Куо,
Выпрастывая утробу свою,
Криком кричит сейчас,
Рожает богатыря…
Уот-Усуму
Притаился, ждет;
Только она родит,
Тут же он младенца сожрет!

Если бы выкрала ты дитя
И три дня, три ночи подряд,
В трех колыбелях железных твоих
Раскачивая широко,
Баюкала бы его,
Он вырос бы за три дня,
Вышел бы из него богатырь,
Великий охотник и зверолов!
Он стрелял бы озерных птиц,
Позвоночники бы ломал
Рогатым лесным зверям;
Горы дичи он бы тебе приносил,
Досыта кормил бы тебя,
Счастливо бы ты жила…

Коли спросишь —
Кто с тобой говорит,
Я отвечу —
Я вестница духа слов,
Рожденная в западной стороне,
Посланная к тебе,
По имени Чыыбыстаан Куо! —
Так, настоящее имя скрыв,
Звенящим голосом Айыысыт
Пропела песню свою.

Добрую эту весть услыхав,
Бедная старуха-абаасы
Будет ли на месте сидеть?
Выронила из рук
Недогрызенную шапку свою
Старуха Тимир Дьэгэликээн,
Хлопнула по бедрам себя,
На корточки поднялась,
Завертелась на месте волчком;
И кубарем покатясь,
В коршуна превратилась она —
В Кюлюгюр Хардааччы.
Вытянула, изогнув,
Трехсаженную шею свою,
Круглые выпучила глаза,
Как медные два котла;
Железные перья
Дыбом подняв,
Колючие ощетинив шипы,
Черным кованым клювом своим
Пронзительно клекоча,
К небу пасмурному,
Где неслись на ветру
Клочковатые облака,
Крыльями взлохмаченными взмахнув,
Растопырясь, как земляная гора,
Тяжело взлетела она
И в завихряющийся провал
Ревущего южного неба влетев,
Опустилась на поле колдовском
У края долины Хонгкурутта,
У обрывистых берегов
Моря Энгсэли-Кулахай,
У логова Уот Усуму,
У железного дома его;
Просунула голову в дверь,
Разинула черный клюв,

Всей пустой утробой рыча,
Медным щелкая языком,
Раскатисто клекоча.

Прекрасная Туйаарыма Куо,
От страха отчаянно закричав,
Понатужилась,
Напряглась;
И вдруг из утробы ее
Выскочил мальчик
В длинных кудрях,
Рассыпавшихся по плечам;
Как жеребенок дрожа,
Отряхнулся, на ноги стал
И проворно сам побежал
Прямо к старухе Дьэгэликээн.

Увидал ребенка
Уот Усуму.
Погнался было за ним,
Да впопыхах
Запнулся, упал.
Видя, что младенца, схватив,
Огромный коршун унес,
Так Уот Усуму завопил,
Что полнеба
Треснуло, загремев
От страшного крика его.

СТИХ 253
УОТ УСУМУ

Стой, мерзавка!
Вот я тебя ухвачу,
Глотку твою разорву,
Шею тебе сверну,
Покажу тебе,
Как воровать
Из-под носу у меня
Лакомые куски!..
Брюхо я тебе распорю! —

Вскочил Уот Усуму,
За старухою погнался…

А старуха, взлетев
На выступ горы,
Заклинанье пробормотав,
Пробуравила сквозную дыру,
Прорыла своим колдовством
Восемь подземных
Глубоких ходов,
Пробила сквозь толщу земли
Семь проходов в семи местах
И опустилась, гремя,
На крыльях железных своих
В преисподнюю —
В глубокую падь,
Где ядовитый клубится пар
Над озером Улахан-Кудулу,
Где на черных сучьях дерев,
Челюсти ощеря, торчат
Черепа убитых богатырей,
Головы женщин висят,

Косы длинные уронив,
Где вороны в чаще кричат,
Где медведи бродят, рычат,
Где на ветках кровь запеклась…

СТИХ 254
УОТ УСУМУ

Старуха Дьэгэликээн,
Взъерошенные крылья свои
С грохотом распластав,
В глубокое опустилась жерло
Огненной, дымной горы,
Где скрипели три
Колыбели ее,
Дверцами трясучими дребезжа…

Только что хотела она
В колыбель дитя уложить,
Подлетела добрая Айыысыт
И, младенца вырвав у ней,
В ладони крепкие взяв,
В солнечный мир
Его унесла —
На крутой загривок Средней земли,
Где ничто не грозило ему,
Где ничья не ступала нога.
Там — в глиняном домике,
В теплом гнезде
Уложила младенца спать…

Спал малыш,
Вырастал во сне;
Проснулся, есть захотел.
Вышел из дому,
Огляделся вокруг;
Выломал сук,
Согнул себе лук,
Стал озерную птицу стрелять,
Стал охотой дичь добывать.

Счета времени он не знал,
Сколько прожил — не ведал о том…

А подросши,
Раздумывать начал он:
— Кто я?
Откуда я?
Если бы я сверху пришел —
С облачных белых небес —
Был бы сверху на мне
На три пальца снег…
Если бы я снизу пришел —
Из подземной пропасти ледяной —
Был бы снизу лед
На шесть пальцев на мне…
Если бы на привольной земле —
В Среднем мире родился я,
Не был бы я одинок, —
Был бы лысеющий
Отец у меня,
Была бы седеющая
Мать у меня!

На обильных пастбищах
Дальних стран,
В травянистых долинах
Иных земель
Тоже, наверно,
Люди живут,
Похожие на меня,
Бегающие на двух ногах,
Двухглазые,
С открытым лицом!

Должен я
Других людей отыскать,
Должен я обо всем

У них расспросить…
Может быть, расскажут они —
Кто отец мой,
Кто мать моя?
Может быть, укажут они —
Где племя мое живет?

Сколько я вокруг ни гляжу,
Здесь один только я брожу…
А кругом — у зверей, у птиц —
Рождаются, что ни год,
Звереныши и птенцы;
Матерью рождены,
Вырастают в родном гнезде,
Играя, бегают по полям,
Стаями кружатся в высоте…
Или я один на земле
Иначе сотворен? —

Молвив эти слова,
Одинокий малыш
Прямо на восток побежал,
Нагишом, как был,
Босиком полетел…
Он приход весны
По дождям узнавал,
Он приход зимы
По снегам узнавал.

По степям и холмам пробежав,
Пробираясь через лесной бурелом,
По кочкам прыгая через топь,
По болотам черным пройдя,
До холодной тундры дошел;
Долго ль странствовал —
Того и не знал…

До такого места
Добрался он,
Где восточного неба
Крапчатый край
Перистые облака опускал
К поднятому краю земли,
Где земля и небо сошлись,
Прошитые швом двойным,
Где на привольном мысу —
У слиянья трех говорливых рек,
Кипенем клокоча,
Изобилье белое разлилось,
Где, золотом на солнце горя,
Изобилье желтое поднялось,
Где узлом сплетались
Девять дорог,
Где, сбегая с гор
На привольный простор,
Пересекались восемь дорог.
Оглядясь, увидал малыш —
На необозримом просторе том,
На равнине широкой той,
На поле золотом —
Величавый, красный
Глиняный холм;
А на глиняном, высоком холме
Девять могучих елей росли;
А на елях этих густых,
На вековых крестовинах их
Красовалось девять
Сверкающих гнезд.

Остановился малыш,
Присмотрелся и разглядел,
Что в сверкающих этих
Гнездах сидят,
Глядя ласково на него,

Девять прекрасных
Небесных сестер —
Девять девушек рода айыы.
Обрадовался одинокий малыш,
Что живых людей повстречал,
Трижды он поклонился им
И такое слово сказал.

СТИХ 255
ОДИНОКИЙ МАЛЫШ

Кэр-буу! Кэр-буу!
Качающиеся на высоких ветвях,
Красующиеся в гнездах своих
Прекрасные дочери Кюн Айыы,
Прилетевшие с крутого хребта
Блестящих белых небес
Дочери доброго божества,
Тетушки, сестрицы мои!
Вы, наверно, знаете,
Кто я такой?
Кто отец мой, кто моя мать?
Вы скажите — как их зовут,
Укажите — где их найти!

Если бы я сверху сошел,
На плечах моих — кажется мне —
На три пальца снег бы лежал…

Если бы я снизу пришел,
На шесть пальцев был бы
Лед подо мной…
Сколько я ни помню себя,
Я всегда на свете один…

Сколько я вокруг ни гляжу,
Вижу — каждая птица
И каждый зверь
Родятся не сами собой,
Родятся от матери и отца,
Неужель только я один
По-иному как-нибудь сотворен?
Если были отец и мать у меня —

Назовите их имена! —
Так дочерей айыы
Одинокое умоляло дитя.

Тогда-то
Девять небесных сестер
На девяти своих
Чародейных ковшах погадав,
Одинокому малышу
На счастье поворожив,
Так отвечали ему.

СТИХ 256
ДЕВЯТЬ СЕСТЕР АЙЫЫ

Уруй-айхал!
Уруй-туску!
Радуйся, наш дорогой!
Парой чутких своих ушей
Внимательно слушай нас:
Отроду хранимый рукой небес —
Отпрыск ты рода айыы!

С поводьями солнечными за спиной
Твой отец — с высоты небес
Посланный в Средний мир,
Прославленный в трех мирах,
Летающий высоко
На Мотыльково-белом коне
Юрюнг Уолан-богатырь!

А породили отца твоего
Живущие на хребте
Трехъярусных белых небес
Бессмертно блаженные в роде айыы
Родичи самого
Юрюнг Аар Тойона, творца
Всего, что живет на земле,
Айынга Сиэр Тойон
И Айыы Нуоралдьын Хотун.
Вот он — корень твой по отцу!

Ты достойной матерью был рожден,
Прекраснейшей на земле,
Белоликой
Туйаарымой Куо,
Которая родилась

От Саха Саарын Тойона-отца
И от Сабыйа Баай Хотун,
Прародителей сорока племен
Людей уранхай-саха!

Твою несчастную мать
Из дому отца твоего
Украл адьарай
Уот Усуму,
Похитил ее, унес
На черное небо свое.
Там и родился ты —
На самой круче
Буйных небес…

Спасла в ту пору тебя,
Из пасти Уот Усуму
Вырвала, говорят,
Силою хитрости и волшебства
Добрая Айыысыт
И в Средний мир
Унесла тебя,
В заповедный безлюдный край,
Где бы ты напасти не знал,
В безопасности подрастал…

А тебя самого зовут:
Последыш корня айыы,
Последний в роду саха
Родившийся поздно сын,
С единственным жеребенком-конем —
Ого Тулайах,
Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн…

Когда адьарай
Уот Усуму

Похитил твою
Несчастную мать —
Прекрасную Туйаарыму Куо,
По ее горячим следам спеша,
По ее остывшим следам летя,
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Неукротимо свирепый в бою,
Чье имя в трех великих мирах
Страшатся произносить,
Старший брат отца твоего,
Прославленный твой дядя-тойон,
За обиду мстя,
Обитель айыы —
Блестящие небеса раскачал,
Бедствие великое учинил…

Слыхали мы,
Что судили его,
Надумав
Беду прекратить,
Грозные владыки судьбы
И посадили его верхом
На огневое Халбас-Хара,
Вихревое, погибельное вервие…
А что с ним стало —
Неведомо нам.

Твой отец несчастный
Юрюнг Уолан,
От горя сойдя с ума,
Восемь лет, не помня себя,
Бродит неведомо где,
Кружит по средней земле! —

Так, вылетев из говорящих уст

Девяти небесных сестер,
Бубенчиками эти слова
Прозвенели над головой малыша…

Выросший сиротой,
Вышедший в дальний путь
Поискать подобных себе,
Дальше устремился малыш,
В южную сторону побежал;
Словно птенчик, выпавший из гнезда,
Перепархивая с бугра на бугор,
Нагой и босой —
Стрелой полетел…

Долго ли он пробыл в пути —
Толком не заметил и сам.
Трижды выпадали снега,
Трижды наступала зима,
Трижды частые шли дожди,
Трижды зеленела весна…

Видно, три зимы,
Три лета прошло.
А пока в безлюдном краю
Пробивал он дорогу свою,
Никого в пути не встречал…

Только на третий год
Высоко над его головой
Журавлиный послышался крик,
Крылья прошумели, гремя.

Прямиком, вприпрыжку
Бежавший малыш
Приостановился на миг,
Пристально на небо поглядел;
И кружащуюся в высоте,

Прямо над головой, увидал
Прекрасную птицу-стерх.
Вытянув красные лапки свои,
Сверкая белым пером,
Открывая граненый клюв,
Человеческим голосом малышу
Пропела песню она.

СТИХ 257
ГОЛОС БЕЛОГО ЖУРАВЛЯ

Кэр-буу! Кэр-буу!
Видит ли кто-нибудь?
Слышит ли кто-нибудь?
Вот оно — выбиваясь из сил,
Одинокое, больное дитя,
Выросшее сиротой,
С рожденья родителей потеряв,
Ищет их,
Бежит — не зная куда!
По всему видать,
Повстречался мне
Последним в роду саха
Родившийся на земле
С единственным жеребенком-конем
Эр Соготох —
Дитя Сирота,
Эриэдэл Бэргэн!
Вот он бежит,
Рассекая беду
Продолговатым носом своим,
Торопится, одолевая нужду
Костлявым телом своим…

Вы, бесчисленным
Конным скотом
Обогатившие род саха,
Кюн Дьэсегей Тойон,
Кюрё Дьэсегей Хотун!
Не настала ли вам пора
С высоты небесных лугов пригнать,
Опустить на землю, отдать
Одинокому малышу

Подросшего его скакуна,
Одарить оружьем его,
Наделить одеждой его?

Если будет он босиком,
Нагишом ходить по земле,
Не нальются
Мускулы рук его,
Не окрепнут
Мускулы ног его.
На просторах мира,
На гиблых местах
Обессилев, он упадет;
В Верхнем мире,
Крутым путем проходя,
Ненароком сорвется он;
В пропасть черную —
В Нижний мир
Упадет, разобьется он!
Как безоружный,
Пеший, нагой,
Подросши, осилит он
Девятиизвилистый путь?
Как перевалит он
Перевалы заоблачных гор?
Съест его
Болотная мошкара,
Воронье расклюет его!

Послушай меня,
Последний в роду,
Покинутый на земле,
Эр Соготох —
Дитя Сирота,
Эриэдэл Бэргэн!
Западной стороною пройди,
Там найдешь

Отца твоего,
Одинокого — в дремучей тайге…
Бедного отца твоего
Ты возьми с собой,
Домой риведи!
А потом без страха ступай
На темные кручи
Тревожных небес,
По сыпучей горной тропе,
По текучей теснине той,
По дороге бед Кээхтийэ-Хаан,
Где медные кукушки торчат,
Непроезжий путь стерегут…

С заоблачной крутизны
Область горя откроется перед тобой;
На черном поле Хонгкурутта,
Близ моря Энгсэли-Кулахай,
Где невидимки-абаасы,
Как гагары, болтают, кричат
На неведомом языке,
Увидишь ты
Вертящийся дом…

Бедное, дорогое дитя
Добросердечных людей,
Тот железный вертящийся дом
Ты словом останови!
Там томится в плену
Туйаарыма Куо,
Твоя несчастная мать.
Ты выведи оттуда ее,
Вынеси в солнечный мир,
В отчий свой дом верни!

Как найдешь отца своего,
Как вернешь домой свою мать,

Ты защитника средней земли
Отыщи Нюргуна-богатыря,
Родича прославленного своего.
Грозного недруга победив,
На небесном летающем вервие
Над бездною усидев,
Имя свое
Высоко подняв,
Среди бранного поля он,
Пробуравив толщу земли
На девять саженей,
Надолго уснул, говорят…

Как бы он крепко ни спал,
Растолкай его, разбуди.
Если даже пр**и** смерти он,
В горло ты влей ему
Горсть арагас-илгэ —
Желтого сока земли,
Животворного сгустка сил;
И скажи ему,
Чтобы он —
Ради громкого имени моего,
Ради недосягаемой славы моей
В Среднем мире меня отыскал,
В мой высокий дом заглянул,
В обиталище девственное залетел,
В гости нагрянул бы, наконец,
К прекрасной Кыыс Нюргун,
Скачущей по бранным полям
На Красно-чалом коне!

Пока не пересекала я
Путей широких его,
Пока не переступала я
Путей далеких его,
Пускай он сам

Поскачет скорей
По горячим моим следам,
По холодным моим следам! —

Пропев такие слова,
Прекрасная птица-стерх,
Крыльями широко взмахнув,
Курлыкая звонко,
Скрылась вдали.

Выросший сиротой малыш,
Выслушав речь ее,
Вымолвил про себя:
— Значит, мне суждено
Человеком стать,
Если мудреную речь
Прекрасной девицы такой,
Прославленной в трех мирах,
Кажется, понял я,
Каменным теменем уразумел…

Дивную весть
Поведала мне
Небесная птица-стерх,
Чудесная эта хотун:
Повидаться хочет она
С прославленным дядей моим;
Потягаться, видать,
Пожелала в бою
С величайшим богатырем —
Исполином Нюргуном самим…
Богатырка она,
Бой-девка, видать! —

Так Эр Соготох
Сам себе говорил;
Страшно он был удивлен,

Сильно малыш заробел…

СТИХ 258
ГОЛОС БЕЛОГО ЖУРАВЛЯ

Сбросив Нюргун Боотура
В пропасть со своей крутизны,
Дух дороги бед
Кээхтийэ-Хаан,
Где медные кукушки торчат,
Грозная хозяйка горы
Уот Холуонньай сама,
Звеня брякунцами,
Взлетела ввысь;
И там, на высоком хребте
Трехслойных
Молочно-белых небес,
В виде медного идола
Дьэс Эмэгэт
Молча опустилась она…

Подумал, взглянув на нее
Одун Хаан-властелин,
Принял решенье
И повелел,
Чтоб Айыы Умсуур Удаган —
Заклинательница восьми небес,
Защитница девяти небес,
Послала немедля
Подвластных ей
Пятерых небесных сестер —
Помочь Нюргуну в беде…

— Чтобы он на средней земле
Богатырем-человеком стал,
Широкий в будущем путь
Пророчили мы ему!

Чтобы он защитником стал
Племен уранхай-саха,
Прочный, высокий удел
Прочили мы ему!
Подведем ли мы,
Покинем ли мы
Порожденное нами дитя?
В трудную пору его
Тревожного появления на свет
Непосильные испытания послав,
Мы благословили его,
Чтоб над высью
Враждебных небес
Рогатиной он взлетел,
Не пятился ни перед кем…

А что будет с ним,
То знает одна
Незыблемая судьба! —

Так владыки суровые
Трех миров —
Великий Одун Биис,
Чынгыс Хаан
И Дьылга Тойон
Решенье произнесли…

Заклинательница
Девяти небес,
Врачевательница
Восьми небес —
Айыы Умсуур Удаган,
Великих владык
Велению вняв,
Тут же, немедля
В полет подняла
Небесных белых сестер…

Ринулись удаганки небес,
Подымая вихрь,
Порождая шум,
Рассекая крыльями
Синюю мглу,
Разрывая перистые облака;
Стаей куропаток
Вниз понеслись…

На белое облако опустясь,
Как на белую шкуру коня,
Распластанную в высоте,
Взмахнули шаманки небес
Шелковыми кистями одежд,
Свисающими до пят;
Бубенцами серебряными звеня,
Брякунцами бронзовыми гремя,
Колотушками из прозрачного камня
С конскую ногу выличиной
Ударили дружно они
В буланые бубны свои,
Круглые, как озера в тайге…

Речи волшебные говоря,
Вещие напевая слова,
Действующие на восемь лет,
Сбывающиеся за девять лет —
Начали заклинать.
Дочь Солнца
Кюэгелдьин Удаган,
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган,
Дочь Желтой Звезды
Айбалдьын Удаган,
Дочь звезды Чолбон
Нуолур Удаган,

Дочь Полярной Звезды
Сэймэлдьин Удаган
И шестая с ними сама
Айыы Умсуур Удаган,
С шумом слетев
На крутой перевал
Дороги бед
Кээхтийэ-Хаан,
Раскрыли темные чрева туч,
Приказали силой заклятий своих
Теплому пролиться дождю…

От гремящего, проливного дождя
Согрелся воздух высот,
На три года установилась жара;
Ураганный ветер утих,
Грохот обвалов смолк,
Прояснился воздух окрест;
Стала вся дорога
Сестрам видна,
Будто из глаза вдруг
Вынули соринку они.

И увидели удаганки небес
На великой дороге той
Лежащего среди острых скал
Чудовищного орла,
В землю вонзившего глубоко
Восемь железных когтей.
Было три головы у него;
Словно связки мечей,
Издающие звон,
Торчали перья
Железных крыл,
Отливающие синим огнем…

Белые девы небес

Оробели, увидев орла;
Встревоженно лепеча,
Взлетели выше они,
Взметнулись на гребень горы.

Чтобы зло не пристало к ним,
Чтобы зловещая тень не легла
На светлые их тела,
Громко начали
Они заклинать,
Колотушками каменными принялись
В ревущие бубны свои ударять
И потом,
Покой обретя,
Злое и темное отогнав,
Запели они
Заветную песнь.

СТИХ 259
БЕЛЫЕ УДАГАНКИ АЙЫЫ

Доом-эни-доом!!!
Доом-эни-доом!!!
Громко о бубен стучи,
Грозно вещай,
Колотушка моя!
Громче, бубен тугой, взывай,
Неистово грохочи!

Не напрасно летели мы,
Огненно-красной одеждой шумя,
Бряцающими бубенцами звеня,
С блистающей высоты!

Силою власти
Вечных небес,
Силою грозных
Священных небес,
Наши песни
На землю радость несли,
Наши речи
Излечивали от ран!
Мы властны
Разрубленное срастить,
Мы властны
Разрушенное обновить…
Песенной силой
Заклятий своих
Мы освобождаем тебя
От гибельных черных чар,
Вызволяем тебя
Из-под власти зла!
Чистотою небес

Очищаем тебя,
Сбрасываем с тебя
Всякую немочь,
Всякую грязь!
Воспрянь, вставай!
Преград не знай
Впереди себя!
Препон не знай
Позади себя!
Доом-эни-доом!!!
Доом-эни-доом!!!

Убитых в бою
Подымали мы,
Умерших давно
Оживляли мы!
Пусть шевельнутся
Ресницы твои,
Пусть блеснут
Зеницы твои!

Если вовсе не дышишь ты,
Пусть раздуются легкие у тебя,
Воздухом наполняясь легко!
Если ты уснул,
Встрепенись, проснись!
Если умер —
К жизни вернись!
Если в обмороке —
Очнись, подымись!
Доом-эни-доом!!!
Доом-эни-доом!!!

Равных силой
Не знавший досель,
Равного ты нашел,
Достойного врага повстречал…

Хоть по силе ты и могуч,
Но, привычный к солнцу средней земли,
Нежным телом
Не выдержишь ты
Верхнего мира
Ветров ледяных,
Смертной стужи
Подземных бездн…

Твой неуемный враг
Девяносто и девятью
Коварствами околдует тебя,
Восемьюдесятью восемью
Обманами обойдет,
Семьюдесятью семью
Чарами отравит тебя…
Поэтому должен ты,
Питомец наш дорогой,
Младший братец.
Милый сынок,
Полететь на западный край земли,
Где неба ровдужный край
Над Нижним миром повис,
Где, над пропастью громоздясь,
Высятся восемь
Гор ледяных.
У подножия этих гор
Плещется в темноте,
Грузной грохочет шугой
Озеро мертвой воды…

Сотворенный волей
Владык айыы,
Благословляемый силой небес,
Ты смелее в мертвую воду ныряй, —
Ты не утонешь в ней!

Закаленного мертвой водой —
Никакая стрела
Тебя не пронзит,
Никто огнеглазый
Не сглазит тебя!
Исполина Уот Усуму,
Наконец, одолеешь ты,
Избавишь
Мир от него!
Толстая слава твоя
Высоко тогда возрастет,
Доброе имя твое
Далеко тогда прогремит! —

Так пропели
Над богатырем
Белые удаганки небес;
Трижды обрызгали
Сверху они
Нюргуна-богатыря
Животворной белой
Влагой небес,
Обрызгали шестикратно его
Желтой благодатью земли…

Глухо, раскатисто заклекотав,
Крыльями зашевелил,
Ожил исполинский орел,
Радостно произнес:
— Ласковые сестрицы мои,
Вечно буду я помнить вас!
Без помощи не оставьте меня
И в будущие года! —
Распахнул широкие крылья орел,
Как гора, огромный,
Грузно взлетел…
Полетел падучей звездой,

За тучами грохоча,
Подымая воющий вихрь,
Над великой средней землей,
На далекий западный
Край земли…

Долго он летел;
Поплыла под ним
Бессолнечная сторона,
Где всегда лютует зима,
Где гудит, бушует метель,
Где леденящие дуют ветра,
Где седой клубится туман…

За гребнем
Восьми полосатых гор,
За хребтом
Девяти синеющих гор,
За горбом семи
Угрюмых вершин,
Над обрывистой крутизной
Опустился Нюргун Боотур —
Орлиные крылья сложил.
Огромное бурлило внизу
Озеро мертвой воды,
Дымясь в непроглядной тьме…

Глыбу каменную
Отвалив от скалы,
Бросил ее Нюргун Боотур
В кипящую глубину.
Закрутился водоворот,
Глыбу каменную
В песок перетер.
Видя это,
Нюргун Боотур
Несказанно был удивлен,

Молвил он такие слова.

СТИХ 260
НЮРГУН БООТУР

Аар-дьаалы!
Аарт-татай!
Ах, дорогие сестрицы мои,
Оказывается — вот куда
Спровадили вы меня!
Славное место здесь…
Знать, на гибель я
Залетел сюда!
Как величественно внизу
Грозно пенится и бурлит
Пучина страшная
Мертвой воды…

Если я
В эту воду нырну,
Нежный выкормыш
Матери средней земли,
Вынырну ли живым?

Коль в водовороте
Мертвой воды
Сокрушится мой
Могучий костяк,
Разорвутся жилы мои,
Истребится сила моя,
Добудете ли из пропасти вы,
Добрые удаганки небес,
Хоть осколок кости моей,
Хоть кожи моей лоскут?
Но если я
Прилетел сюда —
Отступать не по нраву мне,

Пятиться не по мне.
Я встречал испытания пострашней,
И сейчас — пусть будет,
Что суждено! —

Перевернувшись вниз головой,
Обернулся он на лету
Железной рыбой с тройным хребтом,
Пестрой рыбой
Подземных морей —
С острым рылом,
В колючей броне;
Рыбой в мертвую воду
Ринулся он.
А когда поднялась волна,
Яростно закипев,
Из погибельной глубины
Вылетела рыба стрелой
И врезалась, как острога,
Рогатиной железной впилась
В растрескавшееся темя скалы.

И воскликнул Нюргун Боотур:
— Видно, это правда, что я
Высшей силою сотворен!
В мертвой воде не пропал,
Вырвался невредим!
Я бросился в гибельный водоворот,
Где в прежние времена
Закалялись великие богатыри,
Которым равных на свете нет.
Если вынырнул я живой
Из водоворота мертвой воды,
Не разрубит меч,
Не пронзит стрела
Толстую кожу мою,
Твердое тело мое!

Пора пришла — рассчитаться мне
С проклятым Уот Усуму,
Спесь с него сбить,
Воровскую лапу его
Пятипалую укоротить! —

Огромным орлом
Нюргун Боотур
С нелюдимой кручи взлетел,
В сумрачной высоте
Пронесся над озером мертвой воды,
Над которым пар ядовитый вставал,
Где во тьме водопад грохотал,
Падая в бездонный провал,
Где, восемью кругами кипя,
Водоворот бушевал,
Где, девятью кругами кипя,
Пенилась, клокотала смерть…

Долго летел
Нюргун Боотур,
Достиг, наконец,
Другой стороны
Обуянных буйством
Нижних небес,
Обиталища абаасы.
Там опустился Нюргун Боотур,
На ноги твердо стал
В богатырском виде своем
На черном поле Хонгкурутта,
В чародейном темном краю,
На грохочущем берегу
Бушующего прибоем всегда
Моря Энгсэли-Кулахай,
Где нечистые невидимки живут,
Гагарьим говором лопоча,

Голосами чаек крича…
Там очутился Нюргун Боотур
И прямо перед собой
Увидал Уот Усуму…

Удивился абаасы,
Увидев богатыря;
Исказилось его лицо,
Корявое — в трещинах и буграх,
Как обрывистый берег реки…
Прямо в единственный глаз
Плюнул ему Нюргун Боотур,
Молвил такие слова.

СТИХ 261
НЮРГУН БООТУР

Посмотрите, богатыри!
Привелось мне снова
Встретить его!
Вот он — непойманный вор,
Вот он — неуличенный плут!
Новорожденного малыша —
Несмышленыша догонял,
Сожрать его, видно, хотел,
Да на счастье — догнать не успел,
На гладком месте упал!

Ты теперь
Девяноста и девятью
Хитростями, злодей,
Не пересилишь меня,
Восемьюдесятью восемью
Обманами не обманешь меня,
Семьюдесятью семью
Плутнями не проведешь!

По горячим твоим
Следам я пришел!
Навзничь тебя повалю,
Брюхо твое распорю!
По холодным твоим
Следам я пришел!
Крепко заарканю тебя!
Плутовством прославился ты,
Воровством возвеличился ты…
Все награбленное тобой
Я заставлю тебя вернуть,
Пожранное тобой

Выдавлю из утробы твоей!
Ты такого гостя
К себе заманил,
Который ни с чем не уйдет!
Страшный путник
Нагрянул к тебе,
Грозный ночлежник пришел
В логовище твое!..

Подлый вор,
Кровавая пасть!
Пока еще я
Не прикончил тебя,
Прекрасную
Туйаарыму Куо
Поставь невредимую передо мной! —

Затрясся от гнева,
Зеленым огнем
Вспыхивая, Уот Усуму;
Ногами в заржавленных торбасах
Затопал в ярости он,
Руками длинными замахал,
Заикаясь, плюясь, закричал…

СТИХ 262
УОТ УСУМУ

Ый-ай… Ыарт-татай!
Ыр-ар… Алаатыгар!
Буйа-буйа, буйакам!
А-а, буян! Разбойник!
Злой озорник!

Ты вольно гулять привык
По широкой средней земле,
Убивать и грабить привык
В Нижнем мире,
В бедственной глубине,
Никем не обузданный до сих пор,
Неуемный бродяга — шатун!
За девками весь свой век,
По снегу, по росе,
Впустую гоняешься ты,
Пустая твоя голова!
Хоть ростом велик —
А вовсе дурак!
Хоть в плечах широк —
А скулишь, как пес!
Хоть прикидываешься орлом, —
А дрожишь, как голый птенец!

Ты добычу мою —
Туйаарыму Куо
Требуешь у меня,
Смеешь приказывать мне —
Отдай, мол, ее,
Поставь предо мной!
Так я и послушал тебя,
Так за нею и побежал…

Как расхрабрился ты,
Коли сам решился
К нам залететь, —
Обезумел вовсе, видать?
Уж не думаешь ли, щенок,
Что выпущу я тебя
Живым из пасти своей?
Уж не думаешь ли,
Что удастся тебе
Чем-нибудь поживиться здесь?

Наконец-то попал
Ты в лапы мои…
Я грудную клетку твою разорву,
Выпью горячую кровь твою,
Мимо глотки ни капли не уроню,
Черное мясо твое сожру,
Кости твои сокрушу!
После не жалуйся ты,
Что внезапно я
Напал на тебя!
Предупредил я,
Теперь — берегись… —

Налетел Уот Усуму
На Нюргуна-богатыря,
Громовыми голосами крича,
Оглушительным рыком рыча,
Начали биться они…

Закружилась над головами их,
Завизжала Илбис Кыыса,
Заголосил, завыл
Свирепый Осол Уола…

Суматоха великая поднялась,
Чудовищный переполох…
Колдовскую долину Хонгкурутта,
Каменную твердыню ее
В щебень истоптали они.
От тяжкого топота их
Верхний мир
Тревожно плескаться стал,
Словно белое молоко
В посудине берестяной;
Нижний мир,

Как кумыс в турсуке,
Взбуровился, грузно плещась;
Средний глинисто-каменный мир
Всей непомерной толщей своей,
Всей незыблемой ширью своей,
Как трясина, качаться пошел…

Всесветная
Наступила беда,
Несчастья несметные начались.
Проклятия, вопли, плач
Прокатывались по трем мирам;
Отовсюду страшный слышался рев;
Затрещали укрепы
Вселенной всей,
Зашатались опоры миров…

Сидящая на хребте
Зловещих нижних небес
Свирепая Куохтуйа Хотун,
От грохота богатырской борьбы,
От великой тряски мира всего,
Тошноты унять не могла,
Рвоты удержать не могла.
За сердце хватаясь, она
Заметалась в логове страшном своем,
Задыхаясь, жаловаться начала:
«Ох, сердце болит…
Ох, шею свело…

Темя ломит,
Затылок трещит!
Ой, как страшно дерутся они!
Теплое ложе мое,
Прощай!
Покой, тишина — прощай!»

Так, падая,
Подымаясь, мечась,
Плакала, голосила она.

В гневе просыпающийся ото сна,
Возвеличивающийся на темном хребте
Западных ненасытных небес,
Улуу Суорун Тойон
Почуял спросонья в груди —
Под самой глоткой своей —
Жгучую, нестерпимую боль.
Почувствовал в середине спины
Мучительную жестокую боль,
Почуял, будто ему
По темени кто-то бьет…

Это гул и дрожь
Земли и небес
От грузного топота ног
Дерущихся богатырей
Причинили ему жестокую боль,
Нагнали ему болезнь.
То встанет, то ляжет он,
Стараясь перетерпеть…

Но чем дальше, тем пуще
Драка идет,
Тем хуже чудовищному старику.

Ревмя он ревет,
Невтерпеж ему…
Дух перехватывает у него,
Хрипит несчастный старик.
Вылезли у него из орбит
Налитые кровью белки.
Всем нутром содрогаясь,
Улуу Суорун

Горестно икая, мыча,
Громко начал взывать.

СТИХ 263
УЛУУ СУОРУН ТОЙОН

ЫА… ЫА… ЫАр-татай!!!
Аа… Аа… Алаатыгар!!!
Оглушил меня
Топот тяжелых ног,
Пропади она пропадом,
Силища их!
Будто по темени моему,
Бухают ногами они…
Трещит затылочный мой позвонок,
Спину ломит,
Сердце щемит…
Посохи огневые мои,
Вертящиеся жезлы —
Опора мощи моей —
Вырвались из рук у меня,
Впились в утробу мою…

Абытай-халахай!
Задыхаюсь я!
Срок мой последний настал,
Рухнуло солнце мое!

Я наказывал — не пускать
Бродягу и вора
Уот Усуму
В Средний мир
Умыкать жену.
Прежде, чем накрепко я уснул,
Это настрого я наказал
Тебе — супруге моей…

Ты, видать, нарушила мой запрет,

Ты, видать, подговорила его
Напасть и девку украсть!
Напасть я терплю по вине твоей!
А много ли он приданого взял?
Сколько выкупа тебе притащил?
Честью ли тебя угостил?
Чем до тошноты окормил?

Из-за жадности попавших в беду
По своей вине дураков,
Из-за алчности, ненасытимой ничем,
Бедствие терпящих глупцов,
До гибели вы меня довели…
В три погибели согнуло меня!
Но пока не вылетел из меня
Выдох последний мой,
Самовольную семейку мою
Сам я угомоню!
Жилы я у вас перерву,
В живых не оставлю ни одного…
Посмотрю, как вы будете околевать,
Прежде чем околею сам!

А пока не поздно еще,
Прежде, чем я слово скажу,
Прежде, чем дух я переведу,
Проклятого выродка твоего,
Противящегося воле моей,
Грабителя Уот Усуму
Скрути
И прочь убери;
И пускай он пропадом пропадет!

Скачущий
На Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,

Стремительный Нюргун Боотур,
Нагрянувший сам сюда
На безумствующие небеса,
С пустыми руками от нас не уйдет.
Опустошит он наше гнездо,
Опрокинет он наш очаг,
Затопчет огонь, хохоча,
По ветру развеет золу…

Пусть бы три грозных богатыря,
Три стража смерти пришли,
С края света сюда прилетев,
И неукротимых этих бойцов
Скрутили бы арканом своим
И розняли бы, наконец,
Ожил бы я тогда! —
Такие слова сказал
Улуу Суорун Тойон,
Так он, охая, простонал;
И посохи огненные свои
С трудом руками поймав,
Грузно старец налег
Всей грудью на них,
Исступленно вертя в высоте
Сверкающие острия…

Еланью владеющая ледяной
На крутизне бесноватых высот,
Сидящая с закоптелым лицом
На кровавом ложе своем,
Та, которую не перехитрить
Заклинающим по три дня подряд
Восьмидесяти восьми
Черным шаманам и колдунам,
Простирающая, как тучу, обман,
Не смиряющаяся ни перед кем,
Грозная Куохтуйа Хотун,

Увидав, что владыка ее, супруг,
Улуу Суорун Тойон,
Всем туловищем огромным своим
Содрогаясь,
Вот-вот умрет,
Завопила,
Руками всплеснув.
Страха не знавшая никогда,
Устрашилась даже она;
Решила в уме своем,
Что, мол, пусть виновник беды
Пропадает сам за свою вину,
Погибает сам
За свои грехи…
Всполошилась старуха,
Беснуясь, мечась,
В отчаяньи зычно крича,
Умолять, взывать начала.

СТИХ 264
КУОХТУЙА ХОТУН

Исиллигим-тасыллыгым!!!
Ой, мука мне!
Ой, беда!
Боль такая в утробе моей,
Будто вспарывают железным рожном
Вздувающиеся почки мои…

Трясется без удержу голова,
Судорога шею свела…
Сердце щемит,
Дыханье теснит…
Ох, жарко!
Ох, больно мне!

Вы, сидящие наверху
Трехъярусных, лучезарных небес,
Творящие справедливый суд —
Престарелый Юрюнг Аар Тойон.
Мощный Одун Биис,
Грозный Чынгыс Хаан,
Властный Дьылга Тойон!

Трех стражей смерти
Велите позвать,
Прикажите им
Растащить, унять
Двух исполинов-богатырей,
Ведущих великий бой!
Усмирите вражду,
Уберите их!
Защитите нас!
Нет сил терпеть,

Хоть всем умереть…

Девять высоких небес,
Как вода в посуде берестяной,
Вот-вот — расплескиваться начнут…

Бедствие такое пришло,
Что качается преисподняя вся,
Каменные устои трещат…
Такая драка пошла,
Что всей толщей своей дрожит
Средний незыблемый мир!

Если миром они
Не хотят разойтись,
Драку не хотят прекратить,
Надо их верхом посадить
На вертящийся вихрем
Небесный канат
Смертоносный Халбас-Хара, —
И пусть один из них пропадет,
А другой невредим уйдет!

Убогий старик
Улуу Тойон,
Недавно — могучий
Владыка высот,
За тучами дремавший весь век,
От грохота драки,
От топота ног
Оглох, тяжело занемог…

Пускай мое слово,
Моя мольба,
Медной пластиной звеня,
Великие, до вас долетит!
Взгляните на нас,

Защитите нас!
Ой, жарко… ой, больно мне! —

Так причитала, вопя,
Страшная старуха абаасы…
— Угу!.. Бегу!.. —
Откуда-то позади
Кто-то вымолвил:
— Разумею! Лечу! —
И размером с дородного малыша,
Вскормленного в богатырской семье,
Медная пластина
Возникла, кружась,
И на вершину белых небес
Полетела, блестя и звеня…

Источающие добро,
Посылающие прохладу и зной,
Седовласый Юрюнг Аар Тойон,
Властный Чынгыс Хаан,
Суровый Дьылга Тойон
И грозный Одун Биис,
Друг против друга сев,
Друг другу упершись в лоб,
Думать стали,
Держали совет,
Как вражде конец положить,
Как дерущихся растащить:

— Из враждующих двух миров
Равные ратоборцы сошлись,
Достойные друг друга бойцы,
И не разойдутся они,
Пока друг другу не разобьют
Крепкие шейные позвонки.

Если теперь их

Силой разнять,
В будущем не перестанут они
Друг другу дорогу перебегать,
Драку вновь и вновь затевать.
Из-за этой
Непримиримой вражды
Невозможно будет
Жить на земле,
В трех мирах разруха пойдет…

И придется нам
Посадить верхом
Обоих богатырей
На погибельный, вихревой
Небесный Халбас-Хара,
На огненный волшебный канат,
Натянутый высоко над землей…

И пусть один из богатырей,
Тот, который виною обременен,
Сгинет бесследно,
Совсем пропадет
Со всей своею враждой,
А другой пускай
Остается в живых,
Торжествуя над павшим врагом!

Надо нам
На помощь теперь
Трех Стражей Смерти позвать, —
Пусть они
Огневой петлей
Дерущихся захлестнут,
Растащат их и уймут! —

Так рассудили между собой,
Утвердили волю свою

Верховные владыки судьбы;
Так Одун Биис повелел,
Так Чынгыс Хаан утвердил,
Так Дьылга Тойон приказал…

Кликнули проворно они
Гонца высоких небес,
Крылатого Кюн Эрбийэ
С блестящим копьем в руках;
И велели ему
Немедля лететь
За крайнюю грань
Закатных небес —
Трех Стражей Смерти призвать.

Рассекая молнией высоту,
Громом раскатистым грохоча,
По тучам огненный след чертя,
Могучий Кюн Эрбийэ полетел
Под нижним ярусом ледяным
Западных желтых небес,
Над простором бушующего всегда
Моря Муус-Кудулу.

Огромной падающей звездой
С оглушительным треском летя,
Ослепительно-ярко блестя,
Полыхая белым огнем,
Всполошив растревоженный
Нижний мир,
Оглушив мятущийся
Средний мир,
Заставив вопить, орать
Обезумевший Верхний мир,
Примчался небесный гонец
На крайнюю грань земли
К последнему пределу тому,

Где земля и небо связаны швом,
Где ночь и день
Различить нельзя,
Где не брезжит солнечный свет;
В сумеречную страну
Прилетел, сверкая,
Кюн Эрбийэ…

Там, куда не доходят вовек
Мира Верхнего голоса,
Куда не дохнет никогда
Нижнего мира дух ледяной,
Куда отголосок не долетит
Бедственной средней земли,
За безбрежным простором морским,
За бескрайней пустыней глухой,
На самом краю
Закатных небес
Возникла в сумрачной высоте
Мелькающая, огромная тень,
Послышался грохот и гул
На**о**прокидь от начала времен
Вертящейся Железной горы,
Не опирающейся ни на что,
Ни н**а** небе, ни на земле.

З**а** десять переходов дневных
Стужей повеяло от нее,
За девять переходов дневных
Гром от горы долетел,
За восемь переходов дневных
Сквозняком ледяным понесло…

Гора, к которой
Прикован был
Буйный нравом
Кулут Туйгун удалой;

Гора, где намертво связан был
Храбрый духом
Хаан Сабыдал-богатырь,
Гора, к которой был пригвожден
Трехлетний Эркэн Боотур,
Грозивший время остановить, —
Такая перед небесным гонцом
В клубящихся облаках
Вихрем вертящаяся вознеслась
Чудовищная гора…

Три Стража Смерти
Стояли там
На пути к Железной горе,
Размахивая широко
Огненным арканом своим,
Так, что белая пуночка бы не смогла
Гору перелететь.
С трех сторон
Простирая в длинных руках
Огненные мечи,
Три исполина-богатыря
Всякого, кто приблизится к ним,
Изрубили бы на куски,
Всякого смельчака,
Захотевшего пробиться к горе,
Вмиг бы истребили они…

Услыхав громовые голоса
Трех исполинов-богатырей,
Не знавший трепета никогда,
Невольно от ужаса задрожал
Кюн Эрбийэ,
Приближаясь к ним…
Гулкие окрики богатырей
Раскатывались, грохоча,

Под сумрачным сводом небес…

СТИХ 265
ТРИ СТРАЖА СМЕРТИ

Аарт-татай!!! Алаатыгар!!!
Древних заклятий
Путы на нас
Не разомкнутся никак.
Мы бессменно стоим и стоим
С незапамятных тех времен,
Как великая утихла вражда,
Сотрясавшая над необъятной землей
Гулко-широкую высь.
С той поры никаких вестей
Не дошло оттуда до нас…

Не подуло ли сквозняком
С бесноватых бурных небес,
Не повеяло ли опять
Смертной стужею
Из подземных бездн,
Не дохнуло ли прежней враждой
От несчастной средней земли?

Если бы Нижний мир
Заплескался вновь,
Как вода в турсуке,
Развлеклись бы немного мы!
Если бы Верхний мир,
Всеми ярусами плещась,
Взбултыхался вновь,
Как кумыс в мешке,
Мы, в праздности вечной здесь
Томящиеся мощью своей,
Позабавились бы, поглядев!
Если бы Средний мир

Всей непомерной толщей своей
Закачался бы, затрещав,
То всем своим глубоким нутром
Посвободней вздохнули бы мы! —

Так, перекликаясь между собой,
Замелькали в летящей мгле
Огромные тени богатырей,
Скучающих на краю земли…

У могучего Кюн Эрбийэ,
Величайшего исполина небес,
Нежданно, негаданно для себя
Попавшего в гиблые эти места,
Прежде не испытанный им
В сердце родился страх.
Дрожь свою
Он едва унял;
С расстоянья
Трех дней пути,
Блестящим размахивая копьем,
Стражей Смерти
Окликнул он,
Звонким голосом им пропел.

СТИХ 266
КЮН ЭРБИЙЭ

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Видите ли меня?
Слышите ли меня?
Как Одун Хаан
Великий велел,
Как Чынгыс Хаан пожелал,
Как могучий
Дьылга Тойон приказал,
Прибыл я к вам —
Небесный гонец,
Кюн Эрбийэ-богатырь —
Волю владык объявить!

Нижний бедственный мир,
Как вода в туеске
Расплескивается, говорят;
Девять ярусов
Блестящих небес
Плещутся, как вода в турсуке,
Три опорные балки их
Качаются и трещат;
Средний несчастный мир
Колеблется всею толщей своей,
Вспучивается, дрожит,
Рвутся восемь ободьев его…

Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Величайший средней земли богатырь,
Нескончаемый бой ведет
С таким же отчаянным удальцом,

Сошедшим с вихрастых круч
Южных бесноватых небес.

От не утихающей брани их,
От неслыханной драки их,
От страшного топота
Грузных ног
Бессчетные бедствия произошли
В трех великих мирах…

А все началось с того,
А все стряслось от того,
Что неуемный разбойник и вор,
Неба южного исполин,
Змея огненного, как коня,
Объездивший богатырь,
Уот Усуму Тонг Дуурай,
Прекрасную Туйаарыму Куо
Умыкнул, унес воровски
У племени айыы-аймага.

Поэтому владыки судьбы
Повелели всем вам троим
Поскорее лететь за мной
И дерущихся богатырей,
Заарканив крепко и усмирив,
Посадить верхом
На канат вихревой,
На небесный Халбас-Хара
Над бездною Энгсэли-Кулахай,
Над бешеным водоворотом ее,
Где открывает алчную пасть
Страшная дочь бесноватых небес
Ытык Иэрэгэй Удаган;
И пусть утонет один из них,
А другой останется жив! —
Так выговорил духом одним

Богатырь — небесный гонец.

Три исполина-богатыря,
Три Стража Смерти,
Услышав его,
Всей утробой гулкой своей
Широко, свободно вздохнув,
Испустили радостный вопль;
И по колдовской стороне
Западных буйных небес,
По взвихренной стороне
Клубящихся южных небес,
По горловине
Грозных пространств —
Все трое,
Вслед за гонцом,
С грохотом понеслись…

Не задерживаясь ни на миг,
Не мешкая на пути.
Быстро пересекли они
Необъятную, необозримую даль
И очутились в той стороне,
Где простирается широко
Колдовское поле Хонгкурутта,
Где вечно бушуя, стонет прибой
Моря Энгсэли-Кулахай.

Три Стража Смерти,
На облаке став,
С вихревого свода небес
Крюками своих багров
С треском сорвали
Три балки стальных;
Тут же их растянули в струну,
Скрутили проворно
Аркан колдовской,

Вихрем вертящийся, огневой,
Небесный Халбас-Хара —
И над вздымающимся, кипя,
Морем Энгсэли-Кулахай
Крепко натянули его,
К двум небесным горам
Концы пригвоздив.

Чародейный Халбас-Хара,
Кровью рдея,
Вихрем крутясь,
Синим пламенем вспыхивая в высоте,
Угрожающе заблестел,
Красным загораясь огнем,
Грозно светиться стал,
Вытянулся, страшно шипя,
На расстоянье трех дней пути
Яростно мечась в высоту.
То напрягался,
Туго дрожа,
То растягивался,
Тяжко хлеща.

Не промедлив часа, потом
Не внемлющих уговорам добра,
Не приемлющих мира между собой,
Не помнящих ни о чем,
Кроме неуемной вражды,
Не смыслящих ничего,
Кроме лютой драки своей,
Ввергших в бедствие
Средний мир,
Потрясающих Нижний мир,
Колеблющих Верхний мир,
Двух исполинов-богатырей
Арканами огненными запетлив,
Три Стража Смерти.

Грозно крича,
Растаскивать, разнимать принялись;
Заметались бешено
Все впятером,
Замелькали,
Затопали, суетясь…

Три Стража Смерти
Три дня подряд,
В три глотки зычно вопя,
Напрягая всю свою мощь,
Еле розняли, выбиваясь из сил,
Двух дерущихся богатырей,
С трудом растащили их.

Тут защитник средней земли
Непомерно дюжий Нюргун Боотур,
Трижды во все горло взревев
На трех великанов с края земли,
Напрягши всю свою мощь,
Верхнюю силу их перегнул,
Нижнюю силу перетянул
И на девять перегонов дневных
Протащил троих за собой,
На противника своего устремясь;
Три Стража Смерти тогда,
В три голоса загремев,
Молвили слово ему.

СТИХ 267
ТРИ СТРАЖА СМЕРТИ

Аарт-татай! Алаатыгар!
Оказывается, и в роду айыы
Рождаются богатыри!
Однако, детина,
Хоть ты и силен,
Постой
И выслушай нас!

Из-за того, что ты
Всей непомерной силою мышц
И не рвущихся сухожилий своих
Три великих мира
Начал трясти,
По приказу верхних владык
Прибыли мы сюда.
К**о**ротко говоря,
Три Стража Смерти —
Вот кто мы!

Толку нет от долгих речей,
Только если вы не хотите сейчас
По-мирному разойтись,
Попробуем вас
Посадить верхом
На крутящийся над бездной, как вихрь,
Небесный Халбас-Хара.

Кто высидит на вервии огневом,
Кто вытерпит испытание огнем,
Тот и станет торжествовать.
А кто не выдержит,
Кто упадет,

Тот и гибель свою найдет.
Халбас-Хара вихревой,
Полоснув огнем на лету,
Пополам его рассечет…

Никакая кровная
Ваша родня,
Никакая крепкая связь
Не сумеет вас защитить!
Мы ветру дохнуть
На вас не дадим,
Духам неба
Путь преградим!
Ну вы, чудовища-драчуны,
Поскорей объявите нам
Последнюю волю свою! —
Так раскатисто грянули голоса
Трех Стражей края земли.

Удивились дерущиеся богатыри,
Ударили по бедрам себя;
Дух прерывисто переводя,
Испуганно озирались они…

Не признающийся в воровстве,
Хоть за руку его ухвати,
Отпирающийся от явной вины
Ста очевидцам наперекор,
Прожорливый хищник,
Увертливый вор,
В девяноста и девяти
Уловках не уличен,
В восьмидесяти восьми
Обманах не обличен,
Проворный в плутнях Уот Усуму
Пятиться, изгибаться стал;
Потрескавшиеся губы кривя,

Скаля зубастую пасть,
Дитятей обиженным без вины
Прикидываться пошел;
Рожу черную
Жалобно исказив,
Семисаженный синий язык
Высунув, облизнулся он;
Начал оправдываться, хитрить,
Тихим голосом
Вкрадчиво говорить.

СТИХ 268
УОТ УСУМУ

Вот — напраслина на меня!
Вот беда на голову мне!
Вольно гулявший
По средней земле,
От дому отбившийся своего
Непутевый бродяга,
Злой озорник,
Отъявленный грабитель и вор,
Силой отнять
Решив у меня
Светильник зеницы моей,
Десну моих крепких зубов,
Супругу мою
Туйаарыму Куо,
Начал меня было одолевать,
Насмерть нещадно бить,
Да к счастью, могучие, вы пришли,
Защитили душу мою…

С ложа супружеского моего,
Возлежавшую рядом со мной,
Обещанную судьбой
Достойную супругу мою
Дерзко украв у меня,
Брату он ее подарил;
А тот осквернил,
Обрюхатил ее!
После обиды такой,
Преследуя всюду меня,
В доме моем на меня он напал,
Бить и мучить начал меня…

Ямы из-под столба не нашлось —
Негде было спрятаться мне;
Берестяной бадьи не нашлось,
Ступы худой не нашлось —
Негде было укрыться мне…

Поневоле драться пришлось,
Отстаивать жизнь свою,
Защищать дыхание свое!

Коль отступится он от моей жены,
То зачем еще драться мне?
Ничего хуже драки нет,
Никогда я в драку не лез! —
Промолвив это, абаасы
В сторону взгляд отвел,
Голову покорно склонил,
Будто не было преступления на нем,
Будто без вины пострадал…

Богатырь уранхай-саха,
Слыша такую ложь,
На мгновение онемел…

Закипела в нем
Свирепая кровь,
Загудела в висках
Горячая кровь,
Словно туча, он потемнел.
Слетали с лица его
Серного огня языки,
Искры, как из кремня,
Сыпались из-под ресниц…

Вниз его правый глаз
Судорогой повело,
Левый глаз его

Оттянуло под бровь…
Как упругого дерева ствол,
Выпрямилась хребтина его,
Как скрученного дерева ствол,
Всем туловищем напружился он.
Грозным сделался облик его;
Как разящее лезвие
Рогатины боевой,
Смертоносно взгляд его заблестел.
Как огромная земляная гора,
Стал он вспучиваться,
Расти на глазах…
Не страшащийся ничего,
Не кривящий душой никогда,
Стражам Смерти Нюргун Боотур
Сказал такие слова.

СТИХ 269
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Каково бесстыдство ег**о**!
Какова его черная ложь?!
Как над вами смеется он!

Чем оставить навек в плену
У выродка абаасы
Чистую дочь айыы,
Пусть лучше погибну я,
Посаженный вами верхом
На огненный, вихревой,
Небесный Халбас-Хара!
Пусть один из нас пропадет,
Пусть другой живет,
Как решит судьба!

Я его почти одолел,
Я бы скоро его ничком повалил,
Я бы спесь-то с него посбил,
Близко было мое торжество…
Да, к великой досаде моей,
Вы пришли —
Помешали мне!
Если справедливости суждено
На судилище у вас победить,
Испытанье выдержу я,
Так ли, этак ли —
Одолею его…
Я за правду
Вышел на бой,
Не дали вы мне победить,
Силой остановили меня.

Я от этого сына абаасы
Миром не отстану вовек!
Вот последнее слово мое,
Вот мой нерушимый обет. —

Молвив это, Нюргун Боотур
Так рванулся в петле огневой,
Что три Стража Смерти,
Державших его,
Зашатались, едва устояв на ногах.

Три Стража Смерти в ответ
В три глотки, словно гром, грохоча,
Завопили во всю свою мочь:
— Наши мысли ты угадал,
Правильное слово сказал!
Говорящий умно
Богатырь-удалец
Родился, видать, на земле…
Да и впрямь, —
Так долго борясь,
Так упорно дерясь
За правду свою, —
Не добившись победы,
Бой прекратить
Любому досадно, поди!.. —

И, рассудивши между собой,
Трое богатырей
Изрекли решенье свое.

СТИХ 270
ТРИ СТРАЖА СМЕРТИ

Алаатыгар! Алаата!
Ты — рода айыы
Отважный сын,
Солнечных, добросердечных племен
Доблестное дитя!
Если сам ты решил,
Что за правду свою
К последнему испытанью готов,
Если ты не боишься сесть
На вертящийся вихрем
Халбас-Хара,
То первый ты и садись!
Много слов — претит,
Мало слов — добро.
Нашему благословенью внимай:
Если нет на тебе вины,
Наше доброе слово
Пойдет тебе впрок!
И кто бы ни проклял тебя,
В испытаньи ты победишь…

В бездонной выращенная глубине,
Грозная владычица-дух
Бушующего всегда
Моря Энгсэли-Кулахай,
Ты — свирепая дочь бесноватых небес,
Ытык Иэрэгэй Удаган!
Из бездонной пасти своей,
Из ядовитой глотки своей
Высунь длинный свой,
На ящерицу похожий язык!
Челюсти зубастые распахни,

Шире пасть свою разевай!
Алчущий свой пищевод
К тучному куску приготовь!
Прожорливую утробу свою,
Ненасытный желудок свой,
Бездонную глотку свою,
Как подземный темный провал,
Для кровавой жертвы открой!

По заклятию древних лет,
По обету былых времен,
Осуждена ты была
Всякого заживо пожирать,
Кто бы в пасть твою ни попал,
Даже родичей кровных своих…

Пища готова —
Пасть разевай!
Жирный кус бросаем —
Хватай, глотай!

Думая о сытном куске,
Чмокая неистово, приседай!
Думая о кровавом куске,
Запрокинув голову, ожидай!
Что зубами ухватишь —
Не упусти!
Что заглотишь —
Не возвращай! —
Так три свирепых богатыря
Заклинанье пропели свое…

СТИХ 271
ТРИ СТРАЖА СМЕРТИ

Увидав, что настал
Испытанья час,
Что нельзя отсрочить его,
Устрашился невольно
Нюргун Боотур…
Некогда было ему размышлять,
Некуда было укрыться ему.
Гибель солнца,
Месяца смерть
Вплотную надвинулись, подошли,
На душу ужас нагнав…
Даже ему пришлось
Последнее слово свое,
Прощальное слово сказать…

СТИХ 272
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Кровные вы мои,
Солнечные племена!
Изобилием полная золотым
Изначальная мать-земля!
На долгие времена,
Навсегда расстаемся мы!

Надеюсь я,
Что Одун Хаан
Не обрек на гибель мою судьбу,
Предначертанную на небесном столбе,
На восьмигранном прозрачном столбе.
Крепко надеюсь я,
Что Чынгыс Хаан
И Дьылга Тойон
Справедливо будут судить.
Поэтому без трепета я
Взлечу и сяду сейчас
На проклятый Халбас-Хара,
Испытанье огнем и кровью приму
С крепкой верой,
С твердой душой…

Заклинаю вас, владыки айыы!
Если погибну я,
Вы одну
Не бросайте — в муках, в плену —
Беспомощную, слабую дочь
Племени уранхай-саха,
Прекрасную лучезарным лицом,
Несчастную Туйаарыму Куо!

По холодным ее следам,
По горячим ее следам,
Найдите и защитите ее,
В Средний мир воротите ее!

Словом добра
Заклинаю вас!
Враждебно не думайте обо мне,
Не готовьте зла впереди!
Чтобы до неба слава моя возросла,
Чтобы правое дело
Горой поднялось,
Иду — куда посылаете вы! —

Перекувыркнулся Нюргун Боотур
И обернулся в единый миг
Огромным соколом
В белом пере,
С бубенчиком на хвосте…
Стрелою сокол
К тучам взлетел,
Пал на аркан огневой,
Когтями в него вцепясь;
Сел на летающий, вихревой,
Небесный Халбас-Хара.

Зашипел зловеще
Халбас-Хара,
Красною кровью
Ярко зардел,
Синим огнем блеснул,
Стремительно вверх и вниз
Со свистом качаться стал,
Высоко к завихряющейся стороне
Южного неба
Грозно взлетел…

У бедного сокола
В белом пере,
С бубенчиком на хвосте,
Огневые круги
Поплыли в глазах,
Оглушительный звон
Поднялся в ушах;
Кожу лап
Ему обожгло,
Стало мясо на лапах гореть,
Белые сухожилья его
Обнажались на крепких ногах…

А огненное вервие
Туго натянулось, дрожа,
Снова взлетело вверх;
И резко, с визгом
Метнулось вниз,
Чтобы сокола сбросить
В бурлящую пасть
Моря Энгсэли-Кулахай…

У бедного сокола
В белом пере,
С бубенчиком на хвосте,
Медные расплавились коготки,
Каплями огненными стекли.
Остатками обгорелых лап
Опершись
О жгучее вервие,
Высоко над бездной
Сокол взлетел,
Каменным нёбом своим
Трижды звонко проклекотал,
Трижды радостно прокричал,
О великом своем торжестве,
О победе славной своей.

Скрученный из трех колдовских
Смертных опор
Черных небес,
Огненно-синий канат
Туго напрягся
Со звоном стальным
И, визжа, взлетел в высоту…
Снизу сокола
Хлестнул на лету
И отсек ему кончик хвоста
С бубенчиком золотым.
В пасть клокочущую
Бубенчик упал.
Алчные челюсти
Духа глубин
Впустую ляскнули, упустив
Близкую добычу свою,
Только синий, семисаженный язык
В водовороте мелькнул
И пропал…

Защищенный силой айыы
Солнечного племени сын,
Высоко над бездной взлетев,
Упал на темя горы;
На девять сажен
Землю пробив,
До бедер в камне увяз.
Там лежал он,
Едва дыша,
В человеческом виде своем,
Ударом **о**б землю оглушен,
Еле-еле ресницами шевеля.
Тяжело гудело
Темя его,
Горело его лицо;

Из трещин кожи
Брызгала кровь,
Звон не смолкал в ушах;
Ныли все суставы его,
Но был он жив, невредим.

Три исполина богатыря,
Три Стража Смерти, как гром,
Из трех могучих глоток своих
Испустили радостный крик:
— Чист он, сын небесных айыы,
Ни в чем не повинен, видать!
Этот парень
На всей земле
Равного себе не найдет…

А как только отдышится он,
Да как с духом опять соберется он,
Да если опустится он
В пропасть, в подземный мир,
Где племя гнездится
Ап-Салбаныкы,
Да если без робости он
Потягаться силой решит
С чародеем Алып Хара,
Да если его в бою победит,
То навеки в трех великих мирах
Утвердит он доброе имя свое!
Подымется выше каменных гор
Толстая слава его! —

Так Три Стража,
Между собой рассудив,
Нюргун Боотура кругом оправдав,
Обратились грозно
К Уот Усуму,
Молвили сурово ему:

— Теперь твой черед
Садиться верхом
На Халбас-Хара вихревой,
Очищать себя от грехов! —

Самый отчаянный удалец
В племени абаасы,
Обманщик и клеветник,
Не боящийся ничего,
Хоть и пойманный в воровстве,
Умеющий отпереться всегда,
Самый матерый в злобном роду
Адьараев-богатырей,
Самый лютый среди врагов
Солнечного рода айыы,
Видя, что час испытанья настал,
Попятился невольно назад,
Всем огромным телом своим задрожал
Судорожно у него
Дюжая изогнулась спина;
Как от простуды, заныли вдруг
Толстые кости его…

Мороз от страха
По коже подрал,
Дух его в расстройство пришел,
Ужас его охватил,
Когда со свистом над ним пронеслось
Вихревое увертливое вервие
Огненного Халбас-Хара,
Когда вскипело грозной волной
Бескрайнее перед ним
Море Энгсэли-Кулахай.
Величественно вздымалось, гремя,
Ненасытное лоно его;
Высокой волной взлетал
Кипящий бурный прибой,

Играя вспышками синих огней,
Алея кровавой пеной своей…

Неистово ломится в берега,
Неустанно о скалы бьет,
Яростно крушит крутизну,
Прыжками могучими высоко
Взлетает над береговою грядой
Море Энгсэли-Кулахай…

Нераскаянный вор и злодей,
Всеми проклятый негодяй,
Даже злобной своей родней
Изгнанный Уот Усуму
От ужаса изменился лицом,
Так вспотел, что испарина от него
Облаком поднялась…

Опечалился он, головой поник,
Тяжко начал
Трудно вздыхать,
Начал как перед смертью икать;
Широко разинул
Черную пасть,
Завопил,
Разразился мольбой.

СТИХ 273
УОТ УСУМУ

Аарт-татай! Вот оно!
Посмотрите-ка, богатыри!
Буйа-буйа-буйакам!
Буйа-буйа-дайакам!
Видите или не видите вы,
Какая мучительная предстоит
Тяжкая участь мне?
Я, обиженный родом айыы,
С чистой совестью,
Неповинный ни в чем,
Должен очиститься от греха,
От неведомой мне вины.
Только за то, что оговорен,
Что оклеветан я,
Должен муки великие перенести,
На гибель должен пойти,
Кровью заплатить за вину,
Хоть не знаю вины на себе!

Медногрудую птичку мою,
Златогрудую синичку мою,
Солнцеликую подругу мою,
Бедненькую Туйаарыму Куо
Я в трехлетнем возрасте увидал,
В пятилетнем облюбовал,
В десятилетнем решил,
Что в жены ее возьму…

А непутевый бродяга и вор,
Неуемный злой озорник,
Каких до сей поры не видал
Средний серо-пятнистый мир,

Где солнце пляшущее поутру,
На востоке взлетая, встает,
Где деревья падают сами собой,
Где мелеют потоки вод,
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Великий разбойник,
Отъявленный лжец
Перед тремя мирами меня
Бесстыдно оклеветал,
Бесчестно оговорил!

Я не искал поединка с ним,
Я убегал от него…
А когда он меня ограбить решил,
А когда он меня убить захотел,
Защищал я дом свой от грабежа,
Защищал от гибели
Душу свою…

Нет на мне никакой вины!
Так пускай решает участь мою
Владыка судьбы Одун,
А добром я врагу не отдам,
На глазах своих
Не хочу потерять
Среброгрудого
Жаворонка моего,
Медногрудого
Птенчика моего,
Дорогую супругу мою…

Ты, прославленная сестрица моя,
Уот Кутаалай Удаган,
Бряцающая полыми бубенцами

На дырявом бубне своем,
Заносящая высоко
Щербатую колотушку свою,
Могучим владеющая колдовством,
Не ведомым никому,
Чуткие уши насторожи,
Слушай меня!
Страшная наступила пора,
Надвинулся грозный час!
Вот-вот оборвется мое
Сверкающее кюнгэсэ,
Погибнет солнце мое!
С неожиданной стороны
Налетела беда на меня!..
Где бы ты ни была,
Немедля явись!
Если ты далеко —
Будь близко сейчас!

Дочь бесноватых небес,
Бушующей бездны
Владычица-дух,
Ытык Иэрэгэй Удаган!
Коль сорвусь я с каната
Халбас-Хара,
Ты зубами мимо хвати,
Вервие вихревое
Ты придержи,
Попытайся меня спасти!
Вспомни кровное наше родство!..
В последний мой день,
В погибельный день —
Хоть ты меня пожалей! —

Так тревожно,
Истошно вопя,
Заклинал Уот Усуму…

Через голову перекувыркнулся он,
Черным вороном обернулся он —
Стервятником о трех головах;
Грузно взлетел, как копна,
Тяжело, неуклюже взлетел
К удушливым облакам
Черного свода небес
И, каркая громко, сел
На крутящийся вихрем
Халбас-Хара,
Когтями в него вцепясь.

Грозно летящий аркан вихревой,
Свежею кровью шипя,
Пламенем красным зардел,
Брызнул синим огнем…
С пронзительным звуком — «сырр»,
Будто в кузнице плеснули водой
На раскаленный железный брус,
Резко Халбас-Хара зашипел;
Раскачиваясь широко,
Извиваясь, с запада на восток
С визгом понесся он;
Молнией в высоте полоснув,
С севера на юг улетел
И пропал вдали —
В непроглядной тьме,
Где пасмурные кручи встают
Обратной глухой стороны
Бесновато-буйных небес.
И опять прилетел,
Крутясь, как вихрь,
Небесный Халбас-Хара…

У ворона Уот Усуму
Страшно зашумело в ушах;
Градом сыпались

Искры из глаз у него,
Помутились мысли его;
Горло сдавило ему,
Сперло дыханье в груди;
Ослабели, изнемогли
Верхние силы его,
Изнурились
Нижние силы его,
Обгорели когти
На лапах кривых,
Обуглилось мясо его,
Истлели мускулы на ногах,
Сухожилья остались одни…
Хрипло черный ворон дышал,
Три головы
Бессильно склонив…

Три исполина-богатыря,
Три Стража Смерти
Крикнули враз,
Грянули, как трехраскатистый гром:
— Сбывается! Вот оно —
Стариковское слово-то каково!
Роковым оказалось оно —
Наше слово, сказанное не зря,
Вещим оказалось оно!
У этого богатыря,
Что змея огненного оседлал,
Видно, и впрямь
Вина велика!
Видно, грехи Уот Усуму
Выросли выше глаз его!..
Вздеты они теперь
На безобманный безмен,
До последнего взвешены золотника!

Видно, уж близок час,

Когда Халбас-Хара огневой
Сбросит его
И перешибет,
Как черноголовник-траву! —
Так возглас богатырей прозвучал,
Заглушая шум пучины морской.

Огненный чародейный аркан,
Черный Халбас-Хара
То натягивался, звеня,
То растягивался, крутясь…

Вот он засвистел, загудел,
С бешеной вихревой быстротой
Вращаясь, ринулся вниз,
Неуследимо взлетел в высоту;
И тут же —
От южного неба тьмы,
От проклятых ущелий его,
С бесноватой кручи его,
Со зловещим визгом
Стрелы боевой,
Перенесся Халбас-Хара
Под ущербный гибельный склон
Северных колдовских небес,
Подхватил потерявшего цепкость свою,
Вовсе лишенного сил
Ворона о трех головах,
У которого уж давно
Солнце почернело в глазах;
И туго напрягшись вдруг,
Над бушующей пастью вод
Моря Энгсэли-Кулахай
Ворона рассек пополам,
Посередине его перешиб,
Словно корневище быты,
И сбросил его с высоты

В кипение, в толкотню
Беспредельной зыби морской.
Только брызнула красная кровь,
Только пух полетел, кружась…

Как сорвавшийся с крутизны
Падает обломок скалы,
Так несчастный ворон
Камнем упал, —
Стремглав, словно тень мелькнув, —
Канул в кипящий водоворот,
В распахнутую глубину.

Рожденная вихревой высотой,
Взращенная в древние времена

Владычица-дух
Бездонных глубин
Грозно бушующего всегда
Моря Энгсэли-Кулахай,
Среди чародеек-абаасы
Отменная Иэрэгэй Удаган,
Прославленная обжорством своим,
Пасть раскрыв,
Запрокинув лицо,
Высунув семисаженный язык,
Ворона падающего —
На лету
Подхватила — и проглотила вмиг;
Только хряпнули зубы ее,
Только гукнула глотка ее.

Племени верхних абаасы
Старшая колдунья-сестра
Уот Кутаалай Удаган, —
Та, которую звал с мольбой,
Предчувствуя гибель свою,
Отчаявшийся Уот Усуму,
Величайший воитель южных небес,
Чей отец — горделивый Улуу Тойон,
В гневе просыпающийся ото сна, —
Та, которую звал Уот Усуму,
Перед тем как взлететь и сесть
На черный Халбас-Хара,
Оказалась первой из всех
Ударяющих в бубен тугой,
Власть имеющих заклинать,
Звенящих в кружении колдовском
Железом подвесок своих,
Могущих силою чар
Гибнущего из бездны спасти.

Когда отголоски последней мольбы

Обреченного Уот Усуму —
Жгучая боль изреченных слов,
Слезы высказанных речей,
Превратись в пронзительный звон
Медного колокольца?
В дребезг бубенчиков и шаргунцов,
В неведомую даль понеслись —
И до логова долетев
Уот Кутаалай Удаган,
Опустились, тревожно звеня,
Прямо над ее головой,
Над хрустальной макушкой ее, —
Страшная колдунья абаасы
Тут же, стремительно подхватив
Девяносто девять обманов своих,
Восемьдесят восемь
Чар колдовских,
Отправилась в дальний путь,
Полетела, свистя и гремя…

И когда богатырь Уот Усуму,
Чья удача рухнула навсегда,
Из цепких лап упустив
Наотмашь бьющий аркан
Вихревого Халбас-Хара,
Сорвался и вниз головой полетел
В свирепо ревущую пасть
Моря Энгсэли-Кулахай, —
Уот Кутаалай Удаган,
Облако, словно коня, оседлав,
Пролетала мимо него;
Гибнущего не успев подхватить,
Вдохнула она в себя,
Втянула она, как вихрь,
В темную горловину свою
Предприимчивую душу его,
Дух превращений его;

И умчалась на дальний край
Черного поля Хонгкурутта,
Где слышна невидимок одних
Гагарья крикливая болтовня
Да бродячая песня их…

Уот Кутаалай Удаган
Влетела в свое жилье,
Где, воя, метался огонь;
Как ветер, влетела она
В содрогающийся железный дом,
Вертящийся, не держась ни на чем,
Построенный девять веков назад
На зыбком темени вод,
На толстой броне ледяной,
На щите из несокрушимого льда,
Над стонущим прибоем морским…

Уот Кутаалай Удаган
Выдохнула из себя
Душу Уот Усуму,
Бережно уложила ее
В железную колыбель,
Чьи бока — из кровавых убийств,
Чьи ободья — из черных злодейств;
Повесила колыбель на конец
Средней матицы головной,
Чтоб оживить Уот Усуму,
Чтоб непрерывной силой его
Неумирающей одарить;
Чтобы вырастить из него
Адьарая-богатыря,
Пожирающего людей,
Истребляющего без следа
Всякого, в ком горячая кровь,
Кто дыханием наделен.

Страшная колдунья-абаасы,
Чудовищная
Уот Кутаалай
С грохотом принялась
Железную колыбель качать,
Бормотать пошла, заклинать.

СТИХ 274
УОТ КУТААЛАЙ

Исилликпин-тасыллыкпын!
Иэдээникпин-куудааныкпын!
Душу малютки
Уот Усуму
Духом своим
Похитила я!
Буду холить ее,
Баюкать ее…

Люлька железная,
Лязгай, дрожи,
Радость, удачу
Наворожи!
Темя волосом
Густым прикрывай…
Телом дюжее
Дитя, вырастай…
Бай-баабай!
Медная люлька,
Лязгай, греми!
Сильную душу
К жизни верни!

Иэгэлим-куогалым!
Исилим-тасылым!
Перед рассветом,
Душа, оживи,
Выдь на медведя,
Сломи, разорви!
К вечеру стань
Илбиса лютей,
Кровью людей

Землю залей!
Силою за ночь,
Как был, укрепись,
На смерть с Нюргун Боотуром
Схватись…

Гни ему спину,
Ломай, изнуряй,
Землю костями его
Устилай!
Руки омой
В его черной крови,
Жилу в утробе его
Разорви!

Вырастай на гибель врагам,
Недругам на беду!
Преследующих тебя
Бесследно уничтожай!
Тягающихся с тобой
Глубоко в землю зарой,
Беспечного обмани,
Встречного убивай! —

СТИХ 275
УОТ КУТААЛАЙ

Выросший сиротой
Юноша Ого Тулайах,
Богатырь одинокий
Эр Соготох,
Прекрасный Эриэдэл Бэргэн,
Странствуя в Среднем мире, обрел
Поздно-рожденного своего
Обещанного коня;
Нашел отца своего
Юрюнг Уолана-богатыря
В глубокой печали, в тоске —
Сидящего перед священным огнем
Вместе с младшей его сестрой,
Заботливой Айталыын Куо
В изобильном теплом дому.
Юноша Ого Тулайах
Восемь дней отдыхал,
Набирался сил
В отрадном отчем гнезде.

У отца благословение испросив,
Дорожным запасом суму набив,
Взял он в руки заветный меч
Из окованного медью ребра,
Взял он лук тугой
И полный колчан,
Сел на молодого коня
И двинулся в путь
Из плена спасать
Несчастную мать свою —
Прекрасную Туйаарыму Куо.
Вихрем он полетел,

Восемь перевалов перевалил,
Девятиизвилистый путь миновал.

СТИХ 276
УОТ КУТААЛАЙ

Привольные аласы, луга
Оставил он за спиной.
По кустарникам поскакал,
По сумрачной тундре глухой.
Светлые просторы айыы,
Владенья добросердечных людей,
Синее небо,
Солнечный мир,
Голубея, синея,
За краем земли,
Остались вдали, позади.
Девять чубарых гор
Всадник преодолел.
Рысью гоня
По распадкам крутым,
Восемь ветвистых гор
Юноша миновал.
Задыхаясь, поднялся он
На перевал Кээхтийэ-Хаан,
Где обвалы повисли
На кручах скал,
Где кукованьем вечным своим
Кукушка медная в высоте
Оглашает немой простор.

Среднего мира предел
Смело он перевалил;
По каменной крутизне
Переступать заставляя коня,
Опустился в сумрачную глубину,
Очутился за краем небес.
По темным просторам он

Вскачь бегуна погнал.
Так резво конь полетел,
Что вихрь от него отставал;
Дождь со снегом
По следу хлестал,
Гром за спиной грохотал,
Молниями позади блистал;
Снеговой буран
За ним бушевал.
Всадник скакал, не слыхал…

СТИХ 277
УОТ КУТААЛАЙ

Там, за гранью
Темных метельных небес,
За девять суток пути
Долетает прибоя шум.
За восемь суток пути
Слышен грохот морских валов.
За семь суток пути
Ледяные брызги летят
Вечно шумящего,
Вечно кипящего
Моря Энгсэли-Кулахай.

Бедный юноша Ого Тулайах,
Богатырь одинокий Эр Соготох
Б**е**рега морского достиг.
По взморью поехал он,
Увидал просторный железный дом,
Заклепанный глухо
Со всех сторон, —
Ни окошка, ни двери в нем…

Спрыгнул с коня Ого Тулайах,
Вскарабкался на железный дом,
На крыше отверстие увидал,
Как прорубь темный
Просторный лаз.
Железная лестница там вилась,
Уходя в глубину жилья.

По ржавым ступеням ее,
Похожим на уступы хрящей
Глотки исполина-быка,

Проворно вниз он сбежал
В просторный железный дом —
И диво нежданное увидал:
Горделиво, прямо сидела там
Невиданная нигде,
Ни н**а** небе, ни на земле,
Не являвшаяся и в мыслях ему,
Женщина неслыханной красоты;
Величественна, стройна,
Как белая птица-стерх,
Гордую шею как лебедь подняв,
Белолицая Туйаарыма Куо,
Прекрасная мать его
Возникла там
Перед сыном своим.
Обрадовался Ого Тулайах,
Сердцем возликовал,
Что женщиною такой
Когда-то он был рожден.
До земли поклонился он
Трем ее
Темным теням;
Сдерживая волненье с трудом,
Приветствовал он ее,
Проговорил, пропел…

СТИХ 278
ОГО ТУЛАЙАХ

Слышите ли меня,
Видите ли меня,
Добросердечные богатыри
Солнечного рода айыы?
Вот она — найденная мной
Ваша любимая дочь,
Белолицая Туйаарыма Куо,
Прекрасная мать моя!
Трижды кланяюсь я
Трем твоим темным теням!

Если хочешь увериться ты,
Что я — твой потерянный сын —
Отыскал тебя,
Пришел за тобой,
То узнай приметы мои:
Дед мой — Саха Саарын Тойон,
Моя бабка —
Сабыйа Баай Хотун,
Мать моя,
У которой был отнят я,
Ты сама — Туйаарыма Куо.
Отец мой,
Найденный мной —
Летающий высоко над землей
На Мотыльково-белом коне,
Богатырь Юрюнг Уолан.

А сам я —
Возросший в нужде и беде,
Заброшенный в детстве на край земли,
Ого Тулайах —

Дитя Сирота,
Богатырь одинокий — Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн.
Я — твой сын,
Рожденный тобой!
Я просторы Среднего мира прошел,
Горы высокие перевалил,
По остывшим твоим следам
Отыскивая тебя;
По теплым твоим следам
Поспешал, торопился я
И нашел тебя, увидал тебя…
Я пришел из плена тебя спасти,
Домой тебя увезти! —

Во весь рост поднялась
Перед сыном своим
Прекрасная мать его;
К первенцу своему подошла,
Крепко его обняла.
Трижды поцеловала его
В верхнюю губу,
Шестикратно обнюхала у него
Нижнюю губу
И такие сказала слова:

— В лицо ли тебе взгляну,
Вправо ли, влево ли поверну,
Ты — словно Юрюнг Уолан.
Твой нос, твои губы — как у него,
И рост, и осанка —
Как у него,
И глаза и брови —
Как у него!..

Покровительница матерей молодых —
Владычица Иэйэхсит,

Благодарность моя тебе!
Защитница жен пожилых
Светлая Айыысыт,
Слава, слава тебе! —
Так радостно восклицала она,
Исстрадавшаяся в плену,
Безмерно счастливая мать.

Из железного дома в единый миг
Выбежали они;
И, спеша, устремились туда,
Где едва дыша — Нюргун Боотур,
Упавший на темя горы,
На девять сажен
В землю уйдя,
Лежал — тяжело оглушен,
В память не приходя.

Девять дней и ночей подряд
Мать и сын
Откапывали его.
А выкопали —
Ни поднять не могли,
Ни на пядь подвинуть его не могли.
Медным своим мечом
Челюсти дяди-богатыря —
Стиснутые зубы его
Ого Тулайах
Не мог разомкнуть.
Устыдился невольно он,
Матери смущенно сказал:
— Удивительно мне,
Непостижно мне, —
Какие рождаются богатыри
У племени могучих айыы!..
Если этого исполина поднять,
Да против солнца поставить его —

Он и солнце загород**и**т!
Против месяца поставить его,
Он и месяц загород**и**т!
Вижу — нет ему в трех мирах
Равного богатыря.
Вот почему —
Где я ни бывал —
На всех дорогах земных
Прославляли его одного.
На всех перевалах крутых
Восхваляли его одного!.. —

Так говорил Ого Тулайах,
Удивленный видом богатыря,
Восхищенный величьем его.
И молвила Туйаарыма Куо…

СТИХ 279
ТУЙААРЫМА КУО

О мой сын!
В этом мире, где слышат нас,
Поосторожнее будь,
Похвал непомерных не произноси,
Громко не говори…
Как подымется родич великий твой,
Как огненным оком в упор
Глянет из-под бровей —
Укорот**и**тся твой век!

Если гневным граненым глазом он
Искоса на тебя поглядит —
Мало тебе останется жить! —
Так открыла тайну
Мудрая мать
Сыну милому своему,
Предостерегающе подмигнув.
Прекрасная Туйаарыма Куо
Опустилась на оба колена вдруг,
Наклонилась над богатырем.
Золотыми большими кистями рук
Золотые груди свои,
Налит**ы**е тягостным молоком,
Выпростала из одежд,
Вытащила наружу их
И Нюргун Боотуру в рот
Вложила оба соска,
Заклинание произнося:

«Войну кончай!
Жену найди!
По нраву себе

Подругу возьми,
Женись,
Дитя породи!
С доброй женой
В теплом жилье
Счастливо, мирно жить
Благословляю тебя!»
А как молвила это она,
Приоткрылся рот
У Нюргуна вдруг.
Пальцами на груди нажав,
Прекрасная Туйаарыма Куо
Брызнула струями молока
Прямо в горло богатырю.
Зашевелился зам**е**рший рот,
Задвигались, ожив,
Запекшиеся губы его;
С бульканьем принялась глотать
Взбухающая гортань
Жизнедарящий сок…

Осторожно Ого Тулайах,
Из дорожной сумы достав
Припасенную дома в путь
Желтую благодать,
Округлый сгусток ее
Нюргуну засунул в рот;
Растаяла в глотке богатыря
Желтая благодать.
Нюргун ее проглотил,
Очнулся.
Вздохнул глубок**о**
Родичей увидал,
Молвил: «Кровные, дорогие мои!
Не бросили меня на снегу,
Отыскали меня, спасли!»
На племянника поглядел, сказал:

«Вижу: по росе ледяной
Не напрасно побегал ты, —
Ума и сил накопил!»

Поднялся Нюргун Боотур.
Тут все трое на радостях обнялись,
Троекратно поцеловали они
Верхнюю друг у друга губу,
Шестикратно обнюхивали они
Нижнюю друг у друга губу.
И тогда, познавший нужду и беду
Юноша Ого Тулайах
Долго молчавшие губы свои
Радостно разомкнул,
Сказал такие слова…

СТИХ 280
ОГО ТУЛАЙАХ

Внимайте речи моей,
Выслушайте меня!
Поведаю вам,
Что видел я;
То передам,
Что слышал я.

Когда я спешил, летел,
Так что ветер в ушах гудел,
Закружилась однажды вдруг надо мной
В виде белого журавля
Скачущая по бранным полям
На Красно-буланом коне
Воинственная Кыыс Нюргун,
Прекрасная дочь айыы.
Мне прокричала она,
Мне наказала она
Тебе передать,
Нюргун Боотур,
Что давно собиралась она
Путь широкий твой протоптать,
Путь твой длинный перебежать.
Тебе сказать велела она:
«Пусть, мол, Нюргун Боотур,
Почитая высокое имя мое,
Добрую славу мою,
Не устрашится в мой дом заглянуть,
Под крепкие матицы
Кровли моей!..»

А еще говорила она,
Что н**а** поле боевом,

Над морем Энгсэли-Кулахай,
Н**а** девять сажен в землю уйдя,
Оглушенный, замертво ты лежишь…

Отыскать она велела тебя,
Беспробудно-спящего разбудить,
Благодатью желтой
К жизни вернуть…
Я не знаю —
Впрямь ли я видел ее,
Или наважденье явилось мне —
Пролетающей тучи обман,
Проходящего облака волшебств**о**.. —

Так прекрасный отрок
Ого Тулайах,
Хоть бессвязно о виденном рассказал,
Но высказал самую суть.

Выслушал Нюргун Боотур,
Сурово нахмурился он,
Голову угрюмо склонил;
Возвышаясь, словно гора,
Нависая тучею грозовой,
Такое слово сказал.

СТИХ 281
НЮРГУН БООТУР

Для того я был порожден,
Для того я н**а** землю
Послан был,
Чтобы от гибели защитить
Потомков рода айыы,
Добросердечных людей
С жалостливой душой,
С поводьями за спиной.
Вот зачем на свет
Появился я!

Никогда не обидел я
Никого из детей айыы,
Нет на мне никакой вины.
Никому не дам я топтать
Широкую дорогу мою!
Никому не дам я перебегать
Длинную дорогу мою!

Воительницу, грозящую мне,
По остывшим ее следам,
По горячим ее следам
Непременно я отыщу,
Узнаю, что нужно
Ей от меня…
Девушка ведь она,
А как обидны ее слова,
Как язвительны насмешки ее.
Если не пропаду,
Я ее становье найду,
В дымоход ее загляну,
В дом ее высокий войду…

А ты, племянник мой дорогой,
Познавший беду и нужду.
Поздно-рожденный
Ого Тулайах,
Эр Соготох удалой,
Эриэдэл Бэргэн!
Ты теперь достойную мать свою —
Прекрасную Туйаарыму Куо
С переносицей золотой
На коня своего посади,
Поскорее домой доставь
К дорогому отцу твоему,
К священному очагу.
Пусть в мире и счастье живет,
Пусть полновластно правит она
Изобильным домом своим,
Чтобы множились ваши стада,
Чтоб не рушилась городьба!

А потом садись на коня,
В Нижний мир скачи, поспешай.
Прославилась в мире том
Прекрасная дева одна,
Не выходившая до сих пор
Из-под отчей кровли своей.
Зовут ее Хаачылаан Куо.
Она — невеста твоя,
Обещанная судьбой.
Отец ее — Баай Хаарахаан Тойон,
Мать ее — Баай Кюскэм Хотун,
Славная их семья —
Смелые их сыновья —
Старые наши друзья.

Ты на девушке этой женись,
В Средний мир ее привези!
Один из последних богатырей

Нижних абаасы —
Толстопузый Тимир Дыыбырдан
Вышел, буйствует, — говорят;
Собирается, говорят,
Умыкнуть невесту твою.
Поспешай, обгони его!

Расстаться нам
Настала пора.
Слышу я — далеко
За морской лукой —
Дикий зловещий вой.
Это пестует душу
Уот Усуму,
Колыбельную песню над ним поет,
Колдует, к жизни хочет вернуть
Лютого врага моего
Страшная ведьма абаасы,
Злая Уот Кутаалай.
Должен я
Уничтожить их,
Корень наших бед истребить! —

Так сказал Нюргун Боотур,
В дорогу родичей благословил,
Обнял племянника своего…

Тут грянулся об землю он,
Обернулся в единый миг
Трехголовым
Черно-пестрым орлом.
Железные перья
На крыльях его,
Как рогатины и мечи.
Широкими крыльями он взмахнул,
Шумно взмыл в высоту;
Полетел туда,

Где на кромке льда
Стоял железный вертящийся дом
Лютой ведьмы
Уот Кутаалай.

Налетел черно-пестрый орел
На логово абаасы,
Девять коновязей-столбов
С насаженными на них
Черепами шаманов
Древних времен
Ударом крыла повалил;
Священную к**о**новязь у дверей,
Где висели челюсти девяти
Удаганок давних времен,
По двору разметал.
Как гора он с неба упал,
Так что трещиной
Н**а** девять сажен вглубь
Раскололся двор ледяной…

«Басах-тасах!
Бабат-татат!
Ох, беда!
Отлетели, видать,
Головы девяти журавлей!
Чужое в дверях,
Лихое в глазах!» —

Взметнулась Уот Кутаалай,
Удалая абаасы,
Колдовать она принялась,
Заклятия бормотать.

Четыре железных
Собаки ее
Выбежали, злобно рыча,

Кинулись на орла.
Но черно-пестрый орел,
Тремя головами взмахнув,
Трех собак за шеи схватил,
Задушил,
Швырнул за три дня пути;
Ударом клюва
Четвертого пса
Замертво уложил…

«Куда в**ы** Цыц, проклятые псы!
Кураадай! Хараадай!
Тимирдээй! Тиниктэй!
Жирную добычу мою
Не смейте рвать,
Вот я вас!»

Так, запоздало
На псов крича,
Ожерельями костяными бренча,
Подвесками костяными стуча,
Неистовая абаасы
Выскочила из жилья своего,
Черно-пестрого увидала орла;
Высунув семисаженный язык,
Быстро-быстро она
Заклинать начала.

СТИХ 282
УОТ КУТААЛАЙ

Алаатанг! Улаатанг!
Девять суток я в рот
Ничего не брала,
Девять суток
Утроба моя пуста…

Сама ко мне на обед
Жилистая прибежала еда,
Мясистая прилетела жратва!
Мой черный бог
Меня не забыл,
Нечистый дух
Мне пищу послал!

Эй, вприпляску,
Скорей прибеги сюда,
Доска, на которой
Мясо рублю!

Эй, вприскочку
Бегом ко мне,
Топоры и ножи мои!
Прикатись проворно сюда,
Дырявая
В девяти местах,
Худая в семи местах,
Кровавая сковородка моя!

Эй, скорей
Прилетай сюда,
Острый мой
Железный рожон! —

Так провизжала она,
Причмокивая, свистя,
Щелкая языком.

Приплясывая,
Прибежала сама
Залитая кровью доска,
На которой мясо рубить;
Прискакали,
Звякая и стуча,
Все в крови —
Топоры и ножи;
Прилетел
Изогнутый в трех местах,
Железный, острый рожон;
Прикатилась,
Подпрыгивая и крутясь,
Дырявая в девяти местах,
Худая в семи местах
Кровавая сковорода…

СТИХ 283
ЧЕРНО-ПЕСТРЫЙ ОРЕЛ

Эй ты, вспученный зад,
Изогнутый клюв,
Лихая тетка-хотун!
Хоть и жилист я
И костист,
Да и жирен я,
И мясист…

И зачем трудиться тебе —
На кровавой своей доске
Разрубать меня на куски?
Навзничь я
Лягу перед тобой,
А ты мой живот распори,
Толстый жир брюшной
Разрывай,
Нутряное сало
Глотай! —

Тут черно-пестрый орел,
Крыльями взмахнув,
Кованым клювом своим
У чудовищной бабы-абаасы
Шею с головою отсек,
Вздел ее
На железный кол,
Торчавший среди двора;
Железный дом колдовской
Опрокинул ударом ноги,
Железную колыбель,
Где лягушонок лежал
С дитятю дородного величиной,

Как сухую бересту,
Он раздавил,
Пинком ноги
В обломки разнес;
Все логово абаасы
На три дневных
Перегона вокруг,
Растоптав, разбросал,
Огонь потушил…

Тут защитник средней земли,
Нюргун Боотур-исполин,
Снова став
Собою самим,
Человеком-богатырем

Ростом в огромную ель,
Друга единственного своего —
Удачливого скакуна
Раскатистым зовом
Кликнул к себе.
Тут же резвый конь прибежал,
И с победным криком
Нюргун Боотур,
Как весенний глухарь, взлетел
На сверкающее седло…

СТИХ 284
ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

Отомкнем уста,
Что молчали весь день,
Откроем рот,
Что молчал всю ночь,
Скажем, споем о том,
Как скачущий
На Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур
Собрался в дальний поход.

«Одержимая жаждой битв
Отчаянно храбрая девка-бой,
Сидящая на крови
Убитых ею врагов,
Скачущая по бранным полям
На Красно-чалом коне,
Прекрасная Кыыс-Нюргун
Задумала, говорят,
Преследовать всюду меня
По моим широким следам,
Чтобы, толстую кожу мою разрубив,
Суставы мои сокрушив,
Надеть мне на шею ярмо,
Уши у меня оторвать,
Сделать меня рабом…

Пока не треснули у меня
Крепкие шейные позвонки,
Доблестного племени сын —
С дороги своей не сойду,
Добром не отъеду я.

Чтоб не обесславилось имя мое,
Я — прославленного племени сын,
Собрался, тронулся в путь,
Обратно не поверну…»

Так, задумав думу свою,
Не раздумывая в пути,
Избранник средней земли
Прославленный Нюргун Боотур
Поехал жену добывать…

Тридцать дней и ночей подряд
Волю давая коню
Споро ногами перебирать,
Копытами грохотать,
Девять ревущих смерчей закрутив
Бешеной скачкой своей,
Обрушивая с высоты
Буйный ливень,
Летящий снег,
Тучами до белых небес
Черную пыль клубя,
Песчаную подымая метель,
Каменную взметая пургу,
Заставляя молнии полоскать
Заставляя по следу греметь
Четырехраскатистый гром,
Прямиком летел Нюргун Боотур…
Над вершинами кучевых облаков
Слышался крик его;
Над хребтинами
Грозовых облаков
Раздавался голос его.
Разрывая грудью коня
Черные облака,
Взбаламучивая
Белые облака,

Как проносящийся ураган,
С треском валя
Деревья в тайге,
Голосящие вслед ему,
Хрипящие позади,
Миновал он великий путь,
Пересек необъятный простор
И увидел окраины
Чуждой земли,
На светлое лоно вступил
Неведомой стороны.

Страна Томоон-Имээн
Привольная открылась ему,
Страна Кимээн-Имээн
Засияла в его глазах,
Страна Хамаан-Имээн
Раскинулась широко.

Не знающая ни зимы, ни снегов,
Покрытая, будто шелком цветным,
Бегущей волнами травой,
Ветрам открытая степь,
С бескрайней далью такой,
Что невидимы очертанья ее —
Даже быстрая птица-стерх
Семь дней и ночей подряд
Крыльями в полете свистя,
Эту ширь не перелетит;
Такой безбрежный простор,
Что даже птица-журавль,
Восемь дней и ночей летя,
Не достигнет предела его,
Не опустится на крайнем мысу, —
Вот такая диво-страна,
Сверкающая, в ярком цвету,
Простерлась у ног его…

Будто поставленные на пиру
Круговые кубки для кумыса?
О семи резных поясах,
Грядами заоблачными громоздясь,
Утесы вдали поднялись;
Будто выставленные вокруг
Кумысные кубки на славном пиру,
Узорные — о девяти поясах,
Горы столовые поднялись,
Окружив голубой простор.

Словно жертвенные хвосты
Зарезанных для пира коней,
Словно конская грива, густы,
Темнеют леса окрест —
Крупная густая тайга;
Будто рослые люди-богатыри,
На празднике веселясь,
Приплясывая, стоят
Могучие дерева…
Золотой сверкающей
Почвой лучась,
Серебряным белым
Лоном блестя,
С турухтанами — от синих озер
Не улетающими никогда,
Со стаями голубей,
Не умолкающими никогда,
С кукушками, звонко окрест
Кукующими всегда,
С журавлями белыми в синеве,
Со стадами уток и лебедей,
Не улетающими никогда,
Со стаями синих синиц,
С порхающим множеством
Пестрых птиц,

Изобильная в совершенстве своем,
Лучшая на земле,
Утвердилась и расцвела
Благодатная эта страна,
Средоточье мира всего…

В прекрасной этой стране,
Посреди лучезарной равнины ее,
На блистающем пупе ее,
На возвышенном затылке ее,
На вздувшемся загривке ее,
На высоком лоне ее,
На вздымающейся груди,
Макушку под облака занося,
Восьмиветвистое возросло
Священное древо
Аар-Лууп…
На развильи восьми
Могучих ветвей
Просторное скрыто в тени
Узорчатое гнездо
Величиною со стог сенной,
Вышиною в семь саженей.

Тяжело свисая с ветвей,
В изобильи на дереве том
Золотые шишки растут
С кумысные кубки величиной;
Серебряные листья на нем,
Широкие, как чепраки,
Покачиваясь, шумят…
С верхних ветвей его
Каплет белая, как молоко,
Небесная благодать;
С нижних ветвей его,
Сквозь трещины толстой коры,
Просачиваясь, течет

Желтая благодать…
От этих капель и струй
Вкруг дерева у толстых корней
Возникло на белом солончаке
Девять молочных озер…

Думал сперва
Нюргун Боотур,
Что громадные становья людей,
Населяющих этот край,
За день пути
Заблестят перед ним;
Что прекрасный их главный дом
С длинным дымом,
Стелющимся вдали
Маревом голубым,
С искрами, взлетающими высоко
Из широкого дымохода его,
Радугой переливаясь, блестя,
Покажется, наконец, вдалеке;
Думал, что дома этого дверь
Трудно будет ему открыть,
Семь дней и ночей
Налегая плечом,
Напрягая все силы свои;
Думал, что крепкий
Дверной засов
Девять суток придется ему
Через силу отодвигать…
А поехав дальше,
Он увидал
Средь зеленой равнины той
Огромный курган ледяной,
Сверкающий вдалеке
За девять суток пути.

У огромного кургана того,

У диковинного ледяного жилья
Ни окон не было, ни дверей;
Только на макушке его
Широкий зиял проем.
Каменная лестница там
В глубину кургана вела.
По этой лестнице вниз,
Грузной поступью грохоча
По каменным ступеням ее,
Сбежал Нюргун Боотур,
Видит — дома нет никого,
Никто не встретил,
Никто не спросил —
Кто, мол, явился к нам?
Домочадцами скудный дом,
Просторный жилой покой
Открылся богатырю.
У правой стены жилья,
Широкого, как поляна-алас,
Девять выпуклых оронов стоят —
Девять высоких лож,
Словно мысы возвышенных берегов…
Грузно сел Нюргун Боотур
На почетный первый орон,
На покров из медвежьих шкур
И внимательно огляделся вокруг.
На каменном блестящем полу
Круглый проем зиял,
Железная лестница там
Низвергалась куда-то вниз…

У задней стены жилья
Восемь роскошных лож
В покрывалах из пестрых мехов
Высились чередой.
В левой стене жилья
Виднелась открытая широко

В опочивальню ведущая дверь
В подвесках и брякунцах.

Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На Красно-чалом коне,
С волшебной плетью-копьем,
Прекрасная Кыыс Нюргун
Беспечно, крепко спала
В темной опочивальне своей.
Кто осмелится коснуться ее?
Кто насильно иль воровски
Посягнет на нее,
Когда она спит?

Шестислойную кованую броню
Бросила она у дверей,
Трехслойный серебряный свой доспех
Кинула небрежно в ногах,
Рогатую шапку свою
Из огнистого речного бобра —
С маковкой, алеющей, как огонь,
С чеканной серебряной тусахтой,
Сверкающей надо лбом,
Положила возле себя;
Пышные навески свои,
Сшитые из камчатских лис,
Бросила сбоку она;
Меч ее —
Под левым плечом,
Боевое копье —
Под правым плечом.
Девушка невиданной красоты
Мирно спала
На ложе своем.
Красным отблеском
Заходящего дня

Горел румянец ее;
Белым отблеском
Восходящего дня
Светилось ее лицо.
Словно выложенные в ряд
Шерстинки блестящие из хребта
Отборного соболя-одинца,
Блестели, сквозя,
Ресницы ее.
Словно выложенные в ряд
Огнистые волоски
Черного морского бобра,
Выгнулись
Длинные брови ее.
Как брусники осенней сок,
Губы у ней красны.
Ёкнет сердце в любом,
Кто увидит ее,
Затоскует,
Займется огнем.
Такая —
Невиданная дотоль,
Сверкающая, как день,
Непомерною красотой,
Отменно прекрасная
Дева-краса
Покоилась в боковухе своей,
Сияя, блестя в тени.

Подобная стреле боевой,
С виду резвая и во сне,
Богатырского склада,
Во всем
Соразмерна,
Станом тонка,
В поясу она
В три обхвата была.

Были примерно
Обхватов в пять
Выпуклые бедра ее.
Будто выточены целиком
Из лиственничных стволов
Могучие руки ее…
Вот такая
Сверкающая красотой —
Телом огромна,
Видом грозна,
Беспечно дверь распахнув,
Красавица в боковухе спала,
Раскатистым храпом
Во сне храпя.
«Если, пока она спит,
Лягу с нею по-воровски,
Силой попробую
Сладить с ней,
Разгневается она,
Не даст потом согласия мне;
Поднимет переполох,
По-доброму не поедет со мной,
В мой дом женой не войдет…
Долго пробыл в пути,
Давно я не спал;
Лягу пока, посплю,
Пока не проснется она!»

На большом ороне
Нюргун Боотур
Навзничь раскинулся и захрапел,
Будто кузнечный мех зашумел
Над горном великого кузнеца…
От могучего храпа его
Ходуном заходило жилье
Воинственной Кыыс Нюргун;
Вспучиваться пошел потолок,

Грузно приподыматься стал;
Толстый каменный пол
Тяжело прогибаться стал…

Долго ль спал,
Того он не знал;
Проснулся и видит —
Хозяйка сама
Стоит перед очагом,
Глядит на него и ждет,
Когда-де проснется он —
Дорогое дитя айыы
С поводьями за спиной,
Исполин великий средней земли,
Защитник племен уранхай-саха.

Стоит хозяйка и ждет,
Как перед боем, надев
Шестислойную кованую броню,
Плотно поверх нее натянув
Серебряный трехслойный доспех;
Кушаком боевым
Опоясан стан,
На бедрах кольчуга блестит.
Вверх острием держа
Грозное боевое копье,
Левой рукой она
Опирается на него.
Вниз острием держа
Огромный свой черный меч,
Вспыхивающий красным огнем,
Правой рукой на него опершись,
Надменно грозна лицом,
Сурово ждала она.

Удивился Нюргун Боотур,
С нею себя сравнив:

Великанша ростом — она
Пальца на три, примерно,
Повыше его,
Пальцев на пять
Пошире его.
Не ведавший страха перед врагом
Неистовый исполин
Опасливо глядел на нее,
Оторопел,
Оробел,
Слова не мог сказать.

Такое не снилось
Ему и во сне, —
Невероятной казалась ему
Яркая красота ее.
Дивной была для него
Воинственная внешность ее.
Тонко улыбнувшись ему,
Темные ресницы подняв,
Круглыми глазами в упор
Трехлучистыми поглядев,
Губы красные приоткрыв,
Зубы ровные обнажив,
Голосом звучным она
Молвила такие слова.

СТИХ 285
КЫЫС НЮРГУН

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Кажется, повстречала я,
Кого не чаяла повстречать,
Кажется, увидала я,
Кого не чаяла увидать…
Доброй славой моей привлечен,
Именем высоким моим,
Славный отпрыск
Рода айыы
С поводьями на заплечьях своих,
Исполин могучий
Племен айыы
С чембурами солнечными за спиной,
Скачущий
На Вороном коне,
Стоя рожденном
На грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Восемь перевалов перевалив,
Прибыл, что ли, сюда?
Властелин далекой страны,
Здравствуй, когда ты здесь!
Дальнего аласа тойон,
Слава тебе, коль ты сам пришел!

Скажи теперь,
С чем приехал ты?
Уж не думал ли ты, что я
Побреду по далеким путям твоим,
Что преследовать буду тебя
По широким путям твоим?
Разомкни уста,

Что молчали всю ночь,
Открой свой рот,
Что молчал весь день, —
О цели прибытия своего
Ты, приезжий,
Немедля поведай мне! —
Так вопрошала она
Гостя грозного своего.

Бросающийся из беды в беду,
Великий воин земли,
Защитник племен уранхай-саха
Цель своего приезда открыл,
Такое слово сказал.

СТИХ 286
НЮРГУН БООТУР

Кэр-даа-бу! Кэр-даа-бу!
Кюрэ Дьагыл Уорда Могола дитя,
Кюсэнгэ Дьагыл Кус Хангыл
Прекрасная дочь,
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Скачущего на Вихре-коне,
Прославленная сестра,
Летающая по бранным полям
На Красно-чалом своем скакуне,
С волшебной плетью-копьем,
Прекрасная Кыыс Нюргун!
Имени твоему —
Айхал!
Громкой славе твоей —
Уруй!

Сверстница дорогая моя,
Добрая соседка моя!
Слух дошел до меня:
Наказала ты,
Чтобы я поспешил сюда
Поклониться имени твоему,
Поклониться славе твоей.
Вот поэтому прибыл я,
Вот поэтому тут и сижу…
По-доброму проводишь меня —
По-доброму и уйду.

По зову далекому твоему
Прискакал я гостем сюда!
Потому что сама вспоминала ты
Славное имя мое,

Спешил я, летел к тебе!

Постель из камысов
Постыла мне,
Опротивел мне
Одинокий орон…
Чтобы с милой подругой
Рядом лежать,
Желанную
В объятьях держать,
Достойную в жены взять —
Вот зачем я прибыл сюда…

Будешь ли женою моей?
Согласна иль нет —
Отвечай, да скорей!
Не было между нами вражды,
Незачем биться нам…
Коль не согласна пойти за меня,
То и не о чем говорить.

Человек дорожный —
Поеду я
По делам неотложным своим!
Весь свой век проводя в пути,
Быстро все я решать люблю! —

Так о цели прибытия своего
Прямо поведал он…
Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
Передернулась от обиды такой,
Гневно отвечала ему.

СТИХ 287
КЫЫС НЮРГУН

Приезжавших свататься
Прежде ко мне
По темени била я наповал,
Говорившим, бывало, мне,
Что гожусь я ложе с ними делить,
Я проламывала виски!
Тем, кто осмеливался меня
Равною себе называть,
Достойной быть хозяйкой-женой,
Откручивала голову я!

Все они, с которыми я
Билась, потехи ради дразня:
«Попробуйте-ка, женитесь на мне!» —
Все прославленные богатыри,
Которых я помню по именам:
Ардьаман Дьардьамана сын —
Бохсоголлой Боотур
И взращенный в годы вражды
Эсэх Харбыыр Юс Кюлюк,
Разбойник ночной
Тимир Дьигистэй,
И могучий дух-властелин
Ледовитого моря Муус-Кудулу,
Уот Усутаакы удалой,
И объездивший, как коня,
Змея огненного
Уот Усуму,
Все бесследно пропали они,
Ты один их
На поединках побил.

О подвигах твоих услыхав,
Вызвала я тебя,
Чтобы гостем моим ты был;
Думая, что равен ты мне,
Богатырь из дальней страны,
Что достоин ты будешь меня,
Племени достойного сын,
Захотела я сразиться с тобой,
Померяться силой с тобой!

Попробуем-ка, могучий мой гость,
Испытаем друг друга в борьбе,
Поспорим силою рук
На открытом холодным ветрам
Просторном поле моем,
Вымощенном глыбами валунов!
Если навзничь я тебя повалю,
Спиной тебя к земле придавлю,
Тогда уж — не обессудь…

Покамест тебя
Вылететь в дверь
Не заставила я
Затылком вперед,
Разумей, где дорога твоя,
З**а**годя уходи!
Если р**а**вен ты силой мне,
Будет особый у нас разговор;
Если ты пересилишь меня,
Тоже будет особый
Тогда разговор! —

Тут хозяйка,
Проворно дверь распахнув,
Вихрем выскочила
На широкий двор,
На звонкое надворье свое.

И на привольном поле они,
На поверхности из каменных глыб
С брюховину коровью величиной,
Поперек поясниц схватясь,
Громко вскрикивая, принялись
Друг друга крутить, бросать,
Словно иву гибкую, гнуть.
Три дня и три ночи
Боролись они.
Зычные крики их донеслись
До гребня верхних небес;
В Нижнем мире слышался
Топот их;
Всей непомерной толщей своей
Дрогнул Средний мир…

Поле каменное
Истоптали они,
До колен
Изрыли его,
По самые бедра
Вязли в нем.
Так свирепо топтались они,
Что метелью щебень
Взлетал из-под ног,
Буря брякотливых камней
Бешено грохотала вокруг…

Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
Достойного ратоборца, видать,
Встретила, наконец.
Так и этак пробуя нападать,
Натуживаясь, пыталась она
Противника на воздух поднять
И бросить через себя,
Да и с места сдвинуть его не могла;

Рывком пыталась она
Через бедро его повалить,
Да не дрогнули суставы его,
Даже не шелохнулся он.
Рассердилась Кыыс Нюргун,
Досада ее взяла.
Все свои силы собрав,
Девяносто девять
Вихрей взметнув,
Обретя все семьдесят семь
Неистовых уверток своих,
Восемьдесят восемь
Ухваток своих,
Заставив вопить, орать
Встревоженный Верхний мир,
Всколыхнув по хребтине
Средний мир,
Взбудоражив до днища
Подземный мир,
Свирепо вздыбясь,
Как пороз-бык,
Яростно налетела она
На могучего богатыря,
Чтобы опрокинуть его,
Чтобы об земь ударить его.
Да не упал Нюргун Боотур,
Твердо на ногах устоял.
Тут он по-медвежьи взревел,
По-львиному зарычал,
Вихрем черную пыль взметя,
Крепко Кыыс Нюргун обхватил,
Вскинул в воздух
И об земь ударил ее.

На девять вытянутых сэлэ
По полю покатилась она,
По-журавлиному заковыляв,

И встала, надвое расчеркнув,
С треском пополам расколов
Кончиками пальцев левой руки
Огромный камень-валун.

Прославленная в боях,
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Разъяренная неудачей своей,
Распаленная борьбой,
Белый пот
Смахнула со лба
Тыльной стороною руки,
Вздохнула отрывисто, тяжело,
Взглянула дерзко и озорно,
Повернулась, полами взмахнув,
К Нюргуну в упор подошла,
Будто бросится вот-вот на него,
И говорить, укорять начала.

СТИХ 288
КЫЫС НЮРГУН

Смотрите, богатыри!
Глядите — вот он каков!
Племя нечистых
Привыкший бить,
Род адьараев
Привыкший громить,
Из-за непомерной силы своей
Не уживший на отцовском дворе,
Из-за нрава шалого своего
Не усидевший на месте одном,
Кроваворукий
Черный злодей,
Да разве уважишь ты
Громкое имя мое,
Добрую славу мо**ю**!

Только что собрал**а**сь было я
Отправиться в преисподний мир
Покарать чародея
Алып Хара,
Брата из плена спасти —
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Да некстати ты подоспел,
Обесславил имя мое,
Расплескал удачу мою,
Опрокинул счастье мое!

Вот досада мне,
Вот беда, так беда!
Не о чем толковать…
Разве не сможет
Такой удалец

Девушку уломать,
Женщину слабую одолеть?!
А ну-ка, попробуй,
Меня укроти,
Омой меня кровью моей!
Поглядим — что возьмешь с меня,
Как насильно с собой
Увезешь меня! —

Тут неистово Кыыс Нюргун
Со свистом пустила в него
Грозное боевое копье
И размахнулась
Огромным мечом.
Исполин
Нюргун Боотур,
Ее копье
Своим отразив,
На лету в обломки разбил,
Выбил своим мечом
Меч у нее из рук
И заветное слово
Без гнева сказал.

СТИХ 289
НЮРГУН БООТУР

Ну, добро!
Ну, добро, добро!
Не успели встретиться мы,
И что это вдруг с тобой?
Добрая подруга моя,
Сверстница дорогая моя,
Опамятуйся, постой!
Непонятны мне поступки твои,
Странно гостя встречаешь ты.
Не учили меня обижать
Светлых детей айыы,
Не велели мне притеснять
Родичей далеких своих…
Так забудь вражду,
Усмири свой гнев,
Злобу свою
Прочь прогони!
Думал я —
Если дам побороть себя,
Ты с презреньем прогонишь меня;
Думал — если я упаду,
Ты меня осмеешь,
За меня не пойдешь, —
Поэтому и не упал.

Р**о**вней тебе почитая себя,
Думая,
Что достоин тебя,
Я приехал миром к тебе;
Быть моею женою тебя прошу!
Драться я с тобой не хочу!
Грех великий бы я совершил,

Отягчился бы непомерной виной,
Если бы разгромил, растоптал
Желтую благодать.
Отчины изначальной твоей,
Которую благословляет сама
Великая Иэйэхсит,
Где милость являет сама
Светлая Айыысыт…
Неколебимый дай мне ответ,
Живо скажи —
Согласна иль нет?

Молвив это,
Нюргун Боотур
Протянул ей обе руки,
Десять пальцев подал своих…

Отпрянула Кыыс Нюргун:
— Это ты ли хвастаешь передо мной,
Что мог бы,
Владенья мои растоптав,
Великолепие разгромив
Отчины изначальной моей,
Безнаказанно прочь уйти?
Чем за такого злодея, как ты,
Замуж выйти мне ни с того, ни с сего,
Лучше броситься в воду или в огонь…
Вот тебе
Мой твердый ответ! —

Молвив такие слова,
Удалью прославленная своей
Прекрасная Кыыс Нюргун
По макушке бить принялась,
По темени колотить
Исполина средней земли.

Разразилась
Неслыханная беда,
Сумятица поднялась…
Вспучилась под ногами у них
Истоптанная земля;
Бешеный вихрь
Взлетел, заревел,
Черной тучей
Пыль поднялась…

Ветер западный налетел,
Дождь со снегом
Хлынул, шумя, с высоты,
Буря начала бушевать…

Восходящий месяц
Померк,
Солнечный луч
Пробиться не мог,
Непроглядная на землю
Пала тьма.

Вот налетел,
Завыл, заревел,
Свирепый Осол Уола;
Неистовую песню свою
Затянула Илбис Кыыса,
Заливисто хохоча…

Тридцать дней и ночей они,
Тяжело сшибаясь, дрались;
Тридцать дней и ночей подряд
Не стихала
Неслыханная кутерьма,
Песчаную завируху клубя,
Бешеный подымая буран,
Несущий по воздуху над землей

Камни с теленка величиной,
Вспыхивая синим огнем,
Полыхая красным огнем.

Наконец, Нюргун Боотур
Понемногу сердиться стал;
Неукротимую Кыыс Нюргун
Он крутить пошел,
Словно иву гнуть,
По буграм
Заставляя ее
По-журавлиному ковылять,
Спотыкаясь по буеракам и рвам,
Об землю опираться рукой,
По оврагам
На четвереньки вставать…

Наконец, он противницу ухватил,
Бьющуюся из рук, приподняв,
О могучее ударил бедро;
И бросил ничком ее
С силой такой,
Что выбила яму она в земле
Сажен на девять в глубину
Широкой спиной своей.
Д**о** неба черная пыль
Взлетела из-под нее.

С победным криком
Нюргун Боотур
Навалился, было, на нее.

Но вдруг неуемная
Кыыс Нюргун
С грохотом разорвалась,
Превратилась в неосязаемый дым,
Полетела по ветру вдаль

И пропала в северной стороне.

СТИХ 290
ГОЛОС КЫЫС НЮРГУН

Эй ты, нойон-богдо!
Хоть со слабой девушкой сладил ты,
Хоть бедняжку-женщину повалил,
Поглядим, как догонишь ее!
Покуда не разорвешь
Становую жилу мою,
Я не дам подняться тебе
На высокое лоно свое!
П**о**д землю я уйду,
К исполину Алып Хара,
За спину его запад**у**.
Посмотрю я там, посмеюсь,
Как вытащищь ты оттуда меня,
Как в жены меня возьмешь! —
Так, замирая, вдали
Голос ее прозвучал.

СТИХ 291
ГОЛОС КЫЫС НЮРГУН

Стремительный Нюргун Боотур,
Как с поляны взлетающий
Черный косач,
Махом одним вскочил
На сверкающее седло;
Как орел на заболоченную скалу,
Сел на коня своего
И на север погнал, поскакал,
Разрывая серый туман.

До вершины белых небес
Доносился окрик его;
Отгулом в подземной тьме
Отзывался топот коня,
Заклубились белые облака,
Завертелись черные облака,
Взбаламученные
Полетом его.
Дождь со снегом шумел
По его следам,
Вихрь свистящий
Всадника сопровождал,
Грозовые тучи
Летели за ним,
Били молнии с высоты,
Гром раскатами грохотал…

Над просторами нелюдимых равнин
Развевался хвост
Вороного коня,
Над окраинами срединной земли
Распластывалась грива его,

Над гладью синих озер
Мелькала челка его.
Ретивым скоком
Летел скакун,
Девятиизлучистый
Путь пробил;
О восьми отрогах
Крутой перевал,
Распахнутый широко,
Рассекая копытом скалу,
Рассыпая искры огня,
Стремительно конь миновал…

Удалился Нюргун
От земли айыы,
Опустился в пределы абаасы,
Где скудная поросль ползла
По тундрам среди болот,
Где разная нечисть, киша,
Убегала с дороги его,
Приседая, скакала по сторонам,
Растопыристо прыгала из-под копыт…

Красно-ржавые горы вдали,
Расступаясь, мимо прошли,
Дымно-огненные холмы,
Полыхая, мимо прошли.
Все дальше всадник спешил;
Достиг он сумрачных мест,
Где травы ревут,
Хлеща по ногам,
Где деревья, хрипя,
Тянулись к нему,
Сучьями норовя ухватить.

По ущелью,
Где ошалело летел

Кроваво-черный поток,
Мимо горных зловещих круч,
Пред которыми
Девять шаманов седых,
Неистово вверх и вниз мечась,
Заклинали девять суток подряд;
Мимо осыпей крутизны,
Где восемь шаманок
Вопя, голося,
Восемь суток подряд
Заклинали, буйно кружась;
Мимо сопок,
Где семь разъяренных псов,
Лаяли, злобно мечась, —
Опускался все ниже
Нюргун Боотур
В сумрачный Нижний мир;
По встревоженной темной стране
Мчался он, летел прямиком.

Конь Вороной,
Счастливый скакун,
Друг и советчик его,
Вдруг остановился
На всем скаку,
Замер на крутизне,
На самом краю жерла?
Алчного зева
Подземных бездн.
Огляделся Нюргун Боотур —
В черном густом дыму перед ним
Смоляное море горит,
Затапливая жерло
Пропасти Ап-Салбаныкы,
Не пропускающее никого,
Чье дыханье — белый туман,
Не пропускающее никого,

Чье дыханье —
Волшебно-черный туман,
Не дающее никому —
Ни людям, ни абаасы —
Берега другого достичь.

Синим переливаясь огнем,
Красным пламенем
Вспыхивая широко,
Тяжело вздуваясь, течет
Смоляной кипящий поток.
Бушуя, взлетает огонь
С бурного лона его,
Вихрями рея ввысь,
Полымя полощет над ним,
Проносятся вихри искр…
Мечутся на крутом берегу,
Беснуются, все круша,
Две дочери духа зла,
Воют закатисто голоса
Невидимок,
Оберегающих путь.

СТИХ 292
ГОЛОСА НЕВИДИМОК

Алаатанг! Улаатанг!
Абытай-халахай!
Кровожадные сестры, сюда, сюда!
Пришел ходящий на двух ногах,
Глядящий перед собой,
Человек уранхай-саха…
Молочное дыхание его
Д**о** сердца проняло нас,
В нос ударил нам
Дух его земляной…
Налетайте, **о**боротни, на него,
Раскрывайте пасти свои!
Скоро мы перебрасываться начнем
Толстым жиром его брюшным,
Мясом его
Глотки набьем…

Когда уранхайские молодцы,
Разбухшие телом
От белых яств,
Выросшие на пище мясной,
На густой похлебке тар-юэрэ,
Попадали в ловушку к нам,
Падали вниз головой
В матушку огневую Смолу,
Наши ложки кровавые
Сами на пир
Прилетали, стуча-бренча.
Сами прибегали торчмя
Ржавые наши рожны…

Будем толстые кости

Глодать, смоктать,
Тук нутряной
Хватать, глотать!
Стук-бряк, стук-бряк,
Судьба-ворожба! —

А по берегу смоляного потока
Громоздились, словно плавник,
Длинные кости богатырей,
Плыли, шугой шелестя,
Короткие кости богатырей…
Бедренные кости
Погибших шаманов
Подпрыгивали,
Друг о друга стуча;
Черепа погибших шаманов
Подкатывались,
Бубнами грохоча.

Вот на том проклятом
Крутом берегу
Задержался Нюргун Боотур.
Преданный друг его —
Вороной скакун,
Шумно фыркнув
Парой гремучих ноздрей,
Горячо, протяжно заржав,
Человеческим голосом заговорил,
Уранхайской речью сказал.

СТИХ 293
ВОРОНОЙ КОНЬ

Анньаса! Анньаса!
В небесах назначенный мне,
Судьбой мне посланный друг,
Дорогой хозяин-тойон!
К задушевным речам
Коня своего
Прислушайся ты сейчас
Парой чутких своих ушей!
Через околдованную черту
Провала Ап-Салбаныкы,
Через балку трех
Преисподних бездн,
Какой дорогой,
С какой стороны
Ты хочешь перескочить,
Надеешься перелететь?

Бывало, сестра твоя —
Айыы Умсуур Удаган,
Превратясь в огонь,
Пробегала вмиг
По волнам смоляным
На берег другой;
Оборотни-абаасы
Восьминогими кошками, я слыхал,
П**о** морю горящей смолы
Перебегали не раз;
Расплавлялись на этом пути
Медные когти их…

Если б сумел обернуться ты
Длинным железным копьем

И, вытягиваясь без конца,
Уперся бы острием
О далекий берег другой
И выбрался бы на него,
Наша громкая слава тогда
Еще выше бы поднялась! —

Такие слова
Богатырский конь
Громко сказал-проржал.

Только успел
Это вымолвить конь,
Мигом слетел
Богатырь-исполин
С крутого его хребта,
Скакуна своего повернул
В сторону средней земли,
Хлопнул по крутому бедру
И послал в пределы айыы.

Перекувыркнулся Нюргун Боотур,
Обернулся звонким
Стальным копьем
Длиною в три дня пути,
Перекинулся через поток смоляной,
Звякнув, брякнув,
Уткнулся в берег другой…
Очутясь на том берегу,
Превратился Нюргун в пчелу
Величиною с мешок
Из шкуры оленьей ноги,
В котором скупая старуха подчас
Прячет пожитки свои;
Загудел Нюргун Боотур,
Залетел в глубокий провал,
К подземному логовищу тому

О тридцати просторных нор**а**х,
Где Алып Хара обитал,
Аат Могойдоон-исполин…
Словно прорубь на крыше жилья,
Глубокий зиял проем;
На край его сел Нюргун Боотур,
В логовище заглянул.

Обладатель восьмидесяти восьми
Хитростей колдовских,
Оборотень,
Матерый главарь
Злобных адьарайских племен,
Огромный Алып Хара восседал
Посреди жилья своего…

Несравнимый ни с чем
В безобразьи своем,
О трех, словно щупальцы, головах,
О шести долбежках-ногах,
О шести крутящихся вихрем руках,
Ржавчиной корявой покрыт,
Железный сплошь человек
Важно сидел, развалясь.
На восьми подпорках сиденье его,
Чтоб не подломилось под ним;
На семи укрепах сиденье его,
Чтоб не развалилось под ним;
Вот на крепком стуле каком
Восседал Аат Могойдоон.

Две ручищи его —
Два чомпо-топора,
Две ручищи его —
Два меча боевых,
Две ручищи —
С когтями на пальцах кривых;

Две ноги у него —
Два железных багра,
Две ноги —
С копытами вместо ступни,
Две ноги —
Для опоры ему.

Нижнего мира богатыри —
Матерые главари,
Верхнего мира богатыри —
Отборные удальцы,
Как по горло объевшиеся глухари,
Гордо выпятив груди свои,
Расселись вокруг него.
Шумный, крикливый спор,
Осуждение, брань, хула
Были в разгаре у них…

Дух-владыка провала
Ап-Салбаныкы,
Алып Хара
Аат Могойдоон,
Повелитель верхних и нижних племен,
Восседая внушительно во главе
Буйного сборища абаасы,
Гнева не сдерживая своего,
Поминутно рявкал на них;
А когда он рявкал на них,
От страха у богатырей
Пища, проглоченная вчера,
Изверглась из глоток, свистя и гремя;
С перепугу у богатырей
Пища, проглоченная позавчера,
Вылетала за день пути
Из ровдужных могучих задов.

СТИХ 294
ААТ МОГОЙДООН

Аа, черные плуты,
Кровавые рты!
Если тресну любого из вас,
Разорвется печень в утробе его…
Так не раздражайте меня,
Старейшину своего!
Только правду одну
Говорите мне!
Чертовы дети,
Слышали вы?
Проклятые, поняли в**ы** —
Так орал Аат Могойдоон.

Головами понятливо закивав,
Угодливо отвечали они:
— Поняли, поняли все!
Только спрашивай,
Правду расскажем тебе!
Если хоть н**а** слово
Мы соврем,
Пусть тогда у любого из нас
Лопнет единственный глаз,
Пусть семисаженные языки
Пересохнут в глотках у нас,
У корня перегниют! —
Так адьараи-богатыри
Клялись главарю своему.

СТИХ 295
ААТ МОГОЙДООН

Ты отвечай сперва,
Обитающий на широком хребте,
Словно черного дятла перо
Блистающих черных небес,
Кэкэ Суоруна сын,
Детина свирепых высот
Юс Кюлюк Бэкийэ Суорун!
В прославленном роде твоем,
В племени материнском твоем,
В потомстве, что породил
Косоглазый Кылар Бэргэн,
Появился ли богатырь,
Чьей мощи не одолеть,
Чьей силы не побороть?

СТИХ 296
БЭКИЙЭ СУОРУН

Повелитель мой,
Великий тойон!
О чем вопрошаешь ты?
После того, как родился ты,
Вскормился и в силу вошел,
Кто еще появиться мог?
Кто сильный родиться мог?
Извелась порода богатырей!
Не осталось в нашем роду никого,
Кроме только меня одного! —

Так отвечал Бэкийэ Суорун,
Хлопнув по колену себя,
Выпятив горбатую грудь,
В сторону отворотясь…

Алып Хара-богатырь,
Аат Могойдоон удалой
Удивленно взглянул на него,
Ухмыльнулся, оскалив клыки,
И зычно захохотал.

СТИХ 297
ААТ МОГОЙДООН

А-ай, досада!
А-ай, какая беда!
От женщины прекрасной такой,
От матери достойной такой,
От Харанга Нюэрэлдьин самой,
Уродился такой урод!
Выродился, видать,
Ваш знаменитый род…
А ведь как о себе говорит, —
Никого не осталось, кроме него,
Только он один знаменит!

Ну а ты,
Буор Мангалая сын,
Рожденный с ярмом на шее своей,
Последыш в бесценном роду
Кривобоких выродков-сыновей,
Чудовищных потаскух-дочерей,
Старого Арсан Дуолая
И старой Ала Буурай,
Ты, горластый силач
Мэнгюрюр Бёгё!
В воровато прожорливой вашей семье
Родился ли исполин,
Появился ли богатырь,
Чью силу не одолеть?
Не слыхал ли ты,
Не узнал ли ты?

СТИХ 298, МЭНГЮРЮР БЁГЁ

Повелитель ты мой, тойон!
Странно слышать мне
Твой вопрос!..
Удальцы у нас извелись,
Молодцы у нас
Никуда не годны…
Такая настала пора,
Что могут нас притеснять
Подсолнечные племена,
Что могут нас обижать
Потомки рода айыы.
Худо нам!
Не осталось у нас
Из богатырей никого,
Кроме только меня одного! —

Могучий Алып Хара,
Аат Могойдоон-исполин
Удивленно взглянул,
Откачнулся слегка,
Крякнул, хмыкнул,
Прикрывши рот,
Повернулся к нему спиной,
Хлопнул по колену себя.

СТИХ 299
ААТ МОГОЙДООН

Ай, досада!
Ай, какая беда!
От женщины прекрасной такой,
От матери достойной такой,
От самой Мунаах Суналыкы,
Не давшей узнать никому
Предела мощи своей,
К вырожденью рода, видать,
Уродился ты, несчастный урод!
И врет еще…
Будто он — богатырь,
Будто кроме него
И нет никого!

Ну а вы что скажете мне, —
Ты — Кырбыйа Боотур,
Проклятого неба сын,
Ты — Хаан Чабыргай,
Бурно-студеного неба сын,
Ты — Эсэх Суодуйа,
Кровавого неба сын!
Ну-ка вы, отвечайте живей:
Появился ли где-нибудь в трех мирах
Подлинно исполин-богатырь?
О том не слыхали вы?

СТИХ 300
ТРОЕ АБААСЫ

В Верхнем мире
Не народился никто,
В Нижнем мире
Не появился никто;
Только в Среднем мире, слыхать,
На бескрайней ровной земле,
Скачущий
На Вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур
Славен стал
В недавние времена! —
Так ответили главарю своему
Трое богатырей.

Алып Хара,
Аат Могойдоон,
Раздосадованный,
Отвернулся от них,
Хлопнул по колену себя,
Злобно захохотал.

СТИХ 301
ААТ МОГОЙДООН

Ах вы, нечисть,
Ах вы, червивая дрянь,
Тоже думают меня удивить,
То да се болтают, сидят!
Кто же в трех мирах не слыхал
О Нюргуне-богатыре?
Кому вы рассказываете о нем?
Ничего, видать, не узнали вы,
Ничего не слыхали вы…
Ну так слушайте,
Что я расскажу:
Кто отец ее —
Не ведаю я,
Кто мать ее —
Тоже не знаю я;
Но есть у ней старший брат —
Черный злодей,
Хаан Дьаргыстай;
А звать ее самое —
Прекрасная Кыыс Нюргун.
Отважная девка-бой,
Знается только со мной она,
Лишь со мной выходит на бой;
Раз в три года
По тридцать суток подряд
Дракой с нею
Тешимся мы…

Даже такого, как я,
Дюжего богатыря
Заставляет она порой
Упираться в землю рукой,

Зарываться по уши в грязь!.. —
Так рассказывал
Аат Могойдоон,
Гордо поглядывая на гостей…

Исполины-абаасы,
Дивным рассказом изумлены,
Хлопнули по коленям себя;
И отвернулись прочь от него,
Головами в сомнении покачав…

СТИХ 302
БОГАТЫРИ АБААСЫ

Девка, говоришь?
Ну и ну!..
Да пропади она!
Баба! Ну и дела!
Да провались она!
Да и кто поверит тебе,
Что девка с ног сбивает тебя,
Что баба одолевает теб**я** —
Так отвечали ему,
Ухмыляясь, богатыри.

СТИХ 303
ААТ МОГОЙДООН

Да если я перед вами вру —
Пускай щербатый бубен Хоро
Опрокинет меня ничком!
Пускай неистовый Дьэс Чуонах
Опрокинет навзничь меня!
Правду, правду я говорю! —
Так сидел и клялся
Аат Могойдоон.

Только он это сказал,
Тут же,
Звеня и гремя, с высоты
Прилетело сверкающее копье
И в черную землю
Торчком впилось
Среди логова абаасы.
Раскатился грохот и гром,
Разлетелось дымом копье,
И в собственном виде своем
Прекрасная Кыыс Нюргун
Предстала
Сборищу удалых
Адьараев-богатырей.
Словно крупные
Русские жемчуга,
Градом слезы из глаз ее
Падали, говорят,
По каменным плитам катясь…

Отчаянные удальцы,
Удалые абаасы
Всполошились, увидя ее,

Повалились навзничь, вопя:
— Басах-тасах!
Бабат-татат!
Горе нам!
Отломились, видать,
Головы девяти журавлей! —
Сильно перепугались они,
По логову заметались они.
Разбежались, попрятались, кто куда…

СТИХ 304
КЫЫС НЮРГУН

Смотри, смотри на меня!
Настал последний мой день!
Солнечных айыы богатырь
С поводьями за спиной
Гонит меня, теснит!
Племени айыы исполин
С чембурами на плечах
Налетел, обидел меня,
Опрокинул доброе имя мое,
Растоптал высокую славу мою,
Толстую кожу мою разорвал,
Пролил мою черную кровь,
Свернул мою шею,
Скрутил мой нос!
Где укрыться мне от него?
Я бы спряталась
В яму из-под столба,
В ступу забилась бы я…

В трех мирах не вижу я никого,
Кто бы мне
Защитою толстой был,
Кроме тебя одного,
Алып Хара,
Аат Могойдоон,
Властелин провала
Ап-Салбаныкы!
Укрой, огради меня,
Защити дыханье мое!

Нюргун Боотур ты не давай
Подмять меня под себя!

Если ты не сумеешь
Меня защитить,
Обесславится имя твое,
Полетит повсюду молва,
Что, мол, бедняга Алып Хара,
Перед исполином средней земли
От страха всеми костьми задрожав,
Без боя женщину уступил,
Прибежавшую защиты искать…
Где тогда
Ты скроешься от стыда?
Пестрые псы
Тебя засмеют,
Серые псы
Облают тебя! —

Так вот бойко проговорила она,
Проворно молвила слово свое…
Алып Хара,
Аат Могойдоон,
Чудовище-адьарай
Расхохотался в ответ.

СТИХ 305
ААТ МОГОЙДООН

Покуда три мои головы
Не слетели с могучих плеч,
Покуда шесть моих
Рук и ног
Не оторвались еще
От железного туловища моего,
Я тебя —
Медногрудую пташку мою,
Златогрудого жаворонка моего,
Никакому Нюргуну не уступлю,
Из в**и**ду не упущу! —
Молвив это,
Алып Хара
Шестью ручищами
Обнял ее,
Шестью ножищами обхватил;
Тремя головами
С трех сторон
Нюхать начал с присвистом,
Целовать
Прекрасную Кыыс Нюргун.

Гневом объят
С головы до пят,
Смотрел Нюргун Боотур,
Как в обиталище абаасы
Влетела Кыыс Нюргун,
Защиты прося у врага.
Голову приподняв,
Огляделся Нюргун Боотур,
Увидал болотную черную топь,
Полыхающую огнем.

В черной трясине той,
В засасывающей тине густой
Завязнув по самую грудь,
Тонул богатырь
Хаан Дьаргыстай.
Скрученный по рукам и ногам,
Запутавшись в девяноста петлях
Аркана волшебного Ап-Чарай,
То всплывая,
То погружаясь опять,
Отрывисто он запел…
Парой чутких своих ушей
Вслушиваясь, Нюргун Боотур
Голос его уловил,
Горькую жалобу различил.

СТИХ 306
ХААН ДЬАРГЫСТАЙ

Посмотри, посмотри на меня,
Прославленный сын айыы
С поводьями за спиной,
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур!
Я слыхал,
Что волей владык судьбы
Племена айыы
Послан ты защитить,
От гибели оградить
Людей айыы-аймага…

Ты один лишь
Можешь меня
Из трясины этой спасти…
Поспеши, Нюргун Боотур!
Широкая прежде —
Спина моя
Суживаться начала,
Зоркие зеницы мои
Застилает смертная мгла.
Видно, пора пришла
Оборваться моему кюсэнгэ,
Солнцу моему
Кануть во тьму…
Гнева священного твоего
Не ст**о**ит девчонка,
Чья мысль коротка,
Н**а** ноги мочащееся дитя…
Гибнущему
Помоги!

Тонущего спаси!
Расстающегося с душой
Не бросай в беде,
Выручай! —

Так, увязая
В топи огневой,
Задыхаясь, о помощи умолял
Богатырь Хаан Дьаргыстай.
«Если сына айыы
Покину в беде,
Грех великий приму на себя,
Обесславлю имя свое…
Если я пришел,
Неужель отступлю?
От гибнущего
Неужель отвернусь?
Во имя чего
Юноша смелый
И конь его
Навстречу смерти летят,
Жизнью не дорожат?!
Где не пропадала
Одна голова?
Пусть решает участь мою
Незыблемая судьба!» —
Так подумал Нюргун Боотур
И такие молвил слова.

СТИХ 307
НЮРГУН БООТУР

Посмотри-ка ты, посмотри,
Прославленный сын айыы
С поводьями солнечными за спиной,
Богатырь Хаан Дьаргыстай!
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На Красно-буланом коне,
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Удалая сестра твоя —
По воле своей залетела сама
В логово абаасы,
Убежища просит она
У Алып Хара,
Врага твоего…
Прежде я хотел
Жениться на ней,
А теперь мне
Мерзко глядеть на нее.

Но и все же
Я сам — потомок айыы,
Видя тебя в беде,
Неужто мимо пройду?
Видя гибнущего,
Неужель не спасу?

Как стрела боевая,
В полет устремлюсь,
Как рогатина,
К тебе я метнусь.
А как только я
На куски рассеку

Роковой аркан Ап-Чарай,
Ты со всею силою соберись,
Из горящей топи взметнись,
Руками, ногами взмахни,
Вырваться попробуй
Сильным рывком,
Выпрыгнуть могучим прыжком!
Собери всю ухватку и ловкость свою,
Смотри — не сгуби себя!

Заклинательница
Девяти небес,
Врачевательница
Восьми небес,
Айыы Умсуур Удаган,
Дорогая, старшая
Наша сестра!
Если ты наверху,
Опустись!
Если ты внизу,
Подымись!

В трясину подземную брошусь я,
В тину огненную окунусь,
В бездну черную погружусь,
Откуда не возвращался никто…
Покровительница моя,
Айыы Умсуур Удаган,
На помощь сюда явись!
Брось мне волшебную плеть
О восьми хвостах,
Чтобы восемь ее хвостов
Превратились в восемь мечей,
Чтоб ударом одним
На восемь частей
Сумел я рассечь
Аркан Ап-Чарай,

Чтобы в крошево его превратил!
В подвиге меня поддержи,
В полете силу пошли!
Дай мне удачу!
Уруй-айхал! —

Так воскликнул Нюргун Боотур
И, в белого сокола превратясь,
Взлетел на кручу скалы,
Изготовясь броситься
В черную топь.

Старшая могучая его сестра,
Айыы Умсуур Удаган
Услыхала его призыв;
Обернувшись чудовищной —
В пегом пере —
Огромной птицею Бар Дьагыл,
Прилетела, крыльями грозно шумя,
Села с треском —
Грузная, как гора,
На вершины мерзлые девяти
Древних елей в густом снегу,
Бросила брату
Волшебную плеть —
Звенящую, о восьми хвостах;
Выдохнула густой туман,
Оделась облаком белой мглы,
Чтобы никто ее видеть не мог;
Взгляд ее немигающих глаз,
В две огненные полосы превратясь,
В две сверкающие вожжи?
Протянулся к Нюргуну-богатырю,
Захлестнулся под крыльями у него,
Как поводья тугие, окреп…

Светлых айыы

Прославленный сын,
Стремительно ринулся,
Крылья сложив,
В крутящуюся черную топь,
Где тонет даже
Паук водяной;
Врезался
В гибельную глубину,
Ударом небесной плети рассек
Неразрывный аркан Ап-Чарай,
На куски его разрубил,
В крошево искрошил.
С треском лопнул волшебный аркан;
Вздыбилась бездонная зыбь,
Вспучилась черная топь,
Выбросила из себя
Пленника своего,
Тут освобожденный от пут
Хаан Дьаргыстай-богатырь,
Одним прыжком очутясь
На каменном берегу,
С криком свой меч обнажил
И бросился на Алып Хара,
Как кобыла с мерином, с ним
Крутиться, играть пошел.

Огненная преисподняя топь
Взвыла,
Выдохнула кровавую муть,
Захлестывая с головой
Нюргун Боотура-богатыря;
Концами обрубленными Ап-Чарай
Заарканил ноги его.

Вырвался Нюргун Боотур,
Держась на поводьях тугих
Старшей своей сестры,

По аркану волшебному еще раз
Небесной плетью хлестнул,
Восемь петель его рассек;
И взлетел на берег крутой,
Твердо стал на мерзлой земле.

Чудовище Алып Хара,
Аат Могойдоон-исполин,
Не подпуская к себе
Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Шестью ручищами колотя,
Отпихивался от него,
Шестью ногами
Лягался, пинал,
Подножки ставил ему…
Да неужто Нюргун Боотур
На месте будет стоять,
Не бросится помогать
Светлому сыну айыы
С поводьями за спиной?

Главарю адьарайских сил
Аат Могойдону-богатырю
Напрочь Нюргун
Отсек, изловчась,
Одну извивающуюся башку.
У исполина подземной тьмы
Две могучих руки,
Две дюжих ноги
Повисли,
Бессильно поволоклись,
Словно ровдужные ремни…

Тут оба сына айыы,
Оба славных богатыря,
Накинулись на Алып Хара;
За срок, в который могли бы вскипеть

Три чана,
Один за другим,
С чудовищем абаасы
Справились еле-еле они…

Три его смоляных головы,
От огромного тулова отрубив,
На три жертвенных заостренных столба
На дне жерла?
Подземной страны
Насадили богатыри.
Мигая глазами,
Пасти кривя,
Дергались головы на столбах,
Соскочить норовили, да не могли…

Руки, ноги чудовища отрубив,
Туловище врага растоптав,
Труп его бросили богатыри
В огненную подземную топь.
Просторное логовище его,
О тридцати глубоких нор**а**х,
Со смехом разрушили богатыри,
Растоптали в пыль, хохоча,
Развеяли, как туман на ветру,
Радуясь, как на кумысном пиру
Солнца и Месяца по весне.
Говоря: — Одолели мы
Страшного недруга своего!
Наше счастье нам помогло! —
Двое богатырей айыы
Радостно обнялись,
Верхнюю друг у друга губу
Троекратно поцеловали они,
Так что по три ложки крови у них
Выступило на нежных губах;
Нижнюю друг у друга губу

Обнюхали шестикратно они,
Так что крови по шесть черпаков
Выступило на нежных губах.

СТИХ 308
НЮРГУН БООТУР

Покамест, как брата брат обретя,
Радовались друг другу они,
Вдруг, отколь не возьмись,
Полы заткнув за кушак,
Угрожая копьем,
Сверкая мечом,
Вихрем налетела на них
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На Красно-буланом коне,
Прекрасная Кыыс Нюргун.
С лица ее
Будто слетел огонь,
Вырывалось пламя из глаз.
Казалось, будто великий кузнец,
Раскаленную добела
Железную полосу из огня
Бросив на наковальню свою,
Начал яростно
Молотом бить,
И вихрем искры летят
Из-под молота у него, —
Так вот ненавистью,
Что ничем не смирить,
Пламенела Кыыс Нюргун.
Кажется — хоть убьешь ее,
Не отступится от вражды,
Хоть разрубишь толстую кожу ее
И прольешь ее черную кровь,
Не остынет злоба
В сердце ее.
Грозно, в упор смотри

Нюргун Боотур в глаза,
Гневно закричала она.

СТИХ 309
КЫЫС НЮРГУН

Посмотрите-ка на него!
Вот он —
Бродяга и озорник,
Не уживший в доме своем!
Вот он — непутевый глупец,
Не прижившийся на месте своем!
Мало было тебе уронить
Высокое имя мое,
Мало было тебе очернить
Мое блистающее лицо,
Ты славу мою
Поносишь теперь?
Прежде ты жениться
Хотел на мне,
А теперь тебе
Мерзко глядеть на меня?
А теперь ты
Брезгуешь мной?
Не дитя я,
Чтоб ты надо мной
Посмеяться мог,
Не девчонка, чтоб ты от меня
С презрением отвернуться мог!

Я сейчас
Могучим ударом своим
Девять толстых ребер твоих перебью,
Не дав тебе
Ни на пядь отступить!
Я толстую кожу твою разрублю,
Черную кровь твою
Лужею разолью,

Длинные кости твои сокрушу!

Опозорю
Громкое имя твое,
Опрокину
Зычную славу твою,
Убегать заставлю тебя!
С дюжей твоей спины
Толстую кожу сдеру,
Переломаю кости твои,
Уши твои оторву,
Превращу тебя
В раба своего,
Грязь велю
Убирать за собой!

Чем женою стать
Такого, как ты,
Лучше пусть разорвется
Кожа моя,
Прольется
Черная кровь моя,
Сокрушатся
Длинные кости мои!
Чем такого презренного
Мужем назвать,
Чем позволить взбираться ему
На высокое лоно свое,
Лучше мне
Навеки пр**о**клятой быть,
Лучше девкою век прожить,
Радости материнской не знать,
Дома обильного не заводить,
Крепких сыновей не растить,
Загоны просторные для скота
Городьбою не обносить!..

Кто бы ни встречался с тобой,
Того ты в яму валил,
Кто бы ни дрался с тобой,
Ты всех убивал, —
Такая молва о тебе!
Я не отступлю от тебя,
Пока не разрубишь ты
Толстую кожу мою,
Покамест грудою плавника
Не рухнут кости мои! —

С криком Кыыс Нюргун
Размахнулась длинным
Мечом-пальм**о**й,
Ударить по голове норовя,
Темя Нюргуну рассечь.

Проворно Нюргун Боотур
В сторону отскочил,
Примерно на девять саженей.
Одержимая жаждой битв
Отважная Кыыс Нюргун
Обрушила страшный удар
На черный камень-валун.
Загрохотал, загремел,
Раскололся камень-валун,
Молнии, засверкав,
Брызнули из-под меча,
Загремело гулкое дно
Пропасти Ап-Салбаныкы…

Летающий на Вихре-коне
Хаан Дьаргыстай удалой
Громко вскрикнул,
Крепко схватил сестру
За обе руки ее.
Вспыхнув гневом,

Грозно глазами блестя,
Он заговорил горячо,
Слово твердое произнес;
Веско, как старший брат,
Образумливать начал он
Обезумевшую от гнева сестру.

СТИХ 310
ХААН ДЬАРГЫСТАЙ

Стой ты, девка!
Опомнись, уймись!
Это я говорю —
Твой старший брат!
Прославленного племени сын,
Силой и доблестью
Равный нам,
Только он достоин
Быть мужем твоим,
Только он подходит тебе!
Если не его,
То кого же еще
Выберешь ты в мужья?
Он меня от гибели спас!..
Покуда мир не порушен у нас,
Покуда худом не стало добро,
Замуж за него выходи!
В гнев меня не вводи!

СТИХ 311
КЫЫС НЮРГУН

Пускай ты не в меру телом могуч,
Пустая у тебя голова!
Распирает силища плечи твои,
А разумом ты — глупец!
Гневом своим
Пугаешь меня?
Старшинством попрекаешь меня?
Замуж идти
Заставляешь меня?

Я надеялась, я ждала,
Что если на волю вырвется брат,
Он поддержкою будет мне,
Если навзничь я упаду,
На ноги поднимет меня…
Чтоб тебя из огненной топи спасти,
Я околдовала врага,
Восемьюдесятью восемью
Чарами глаза отвела
Чудовищу Алып Хара,
Аат Могойдоону-богатырю.
Вот почему без помех
Непутевый этот бродяга сумел
Разрубить колдовской
Аркан Ап-Чарай.
Он победу присвоил себе
И пуще прославил имя свое,
И возвеличил славу свою!
Не досадно ли это мне?

Старшим братом моим,
Иль кем хочешь будь,

Гневись или не гневись на меня,
Посмотрю еще, как сладит со мной
Пожелавший жениться на мне.
Если нужен будет мне муж,
Сама я мужа найду;
Это дело — мое, не твое.
Прочь отойди! Не мешай,
Старший мой брат-тойон! —

Так запальчиво крикнула Кыыс Нюргун
И яростно начала
Удары свирепые наносить
Нюргун Боотуру-богатырю…

Успевая едва-едва
Увертываться от ударов ее,
Вспылил наконец
Нюргун Боотур.
Золотыми опилками он
Ощетинился, засверкал,
Железными опилками побагровел,
Медными опилками позеленел.

Как в степи табун лошадей,
Шарахнувшись, кидается вскачь,
Все топча на своем пути,
Так кровавый сгусток гнева его
Яростно вздулся в нем…
Как раскатывается гром
По тучам из края в край,
Бешеный, неукротимый гнев
Раскатился по жилам его…
Вздыбясь, как боевое копье,
Страшен видом,
Темен лицом,
— Не такое я видел — и жив! —
Воскликнул Нюргун Боотур

И ринулся на Кыыс Нюргун.

С треском брызнул
Камень-дресвяк
У дерущихся
Из-под грузных ног.

Черный западный ветер взвыл,
Мокрый снег
Полетел, зашумел,
Днище бездны Ап-Салбаныкы
Закачалось, расплескиваться начало
Как вода в посудине берестяной.
Погибельная подземная топь
Полыхнула тусклым огнем,
Перехлестываясь через край;
Покачнулось,
Сдвинулось лоно ее…

Взвыл, заревел
Осол Уола;
Налетела, неистово хохоча,
Завизжала Илбис Кыыса;
Девять вихрей
Взметнулись, кружа…
Топот, грохот,
И гул, и гром —
Не молкнущие
Ни ночью, ни днем…
Тревога великая поднялась,
Суматоха, переполох…
Взбудоражился воплями
Верхний мир,
Дрогнул ревом
Средний мир,
Всполошился
Подземный мир.

Над бедственным лоном
Средней земли
Вихрем красный песок взлетел,
Мглой багровой в небе повис;
С трехъярусных
Необъятных небес
Градом иглистый лед
С грохотом низвергаться стал,
В Нижнем мире
Промерзшая толща земли,
Растрескавшись,
Разлетаться пошла…

Под бурею на полях
Телята начали умирать,
Коровы начали околевать,
Не стало защиты им…
Стали кони падать
В отгонных лугах,
Стали звери гибнуть в лесах,
Всюду рушиться жизнь начала…
Будущего потомства судьба
Опрокинулась,
Гибель пришла,
Нагрянула роковая беда…
Крики женщин слышались на земле;
Беременные в половине поры,
Корчась, падали на орон,
Выкидывали недоношенный плод…

А великанша и богатырь
Не помня, кроме вражды, ни о чем,
Тридцать дней и ночей подряд
Грозный поединок вели…

СТИХ 312
КЫЫС НЮРГУН

Властелин подземных глубин
Исполин Арсан Дуолай,
Прародитель свирепых абаасы,
Населяющих Нижний мир,
Древний старец
Луогайар Луо Хаан
Глухо, тяжело простонал
В логове дремучем своем.

СТИХ 313, АРСАН ДУОЛАЙ

Ай, беда! Ай, какая жуть!
Ох, больно… Ох, тяжко мне…
Грузный топот тяжелых пят
Сотрясает толщу земли!
Через каменное темя мое
Топот ног
Проникает в мозг,
Отдается болью в висках,
Отдается гулко в спине,
Перехватывает дыханье мое!
Мутит и тошнит меня!

Отчаянные головы средней земли,
Буйные чада айыы
Опять будоражат мир,
Рушат лоно
Трех преисподних бездн!
Было мало им разгромить
Силу адьарайских племен?!
Наших лучших богатырей
В битвах перебили они,
Сокрушили длинные кости их,
Разбросали грудами, как плавник,
По буграм подземных морей!..
Сына любимого моего,
Исполина Уот Усутаакы
Убили они…
Я плачу о нем…
Ох, слезищи — слезы мои!
Рожденного в бранный век
Эсэх Харбыыра-богатыря
Тоже погубили они…
Сгинул мой дорогой сынок!

Горюю о нем, скорблю,
Утешиться не могу…

Светоч ока зрящего моего,
Десну моих крепких зубов,
Сына третьего моего,
Исполина Алып Хара
Безжалостно истребили они!
Отрубили шесть его рук,
Отрубили шесть его ног,
Отс**е**кли три его головы,
Насадили на три шеста!
И качаются, как живые, они
На жертвенных кровавых шестах…
Ох, беда!
Ох, горе мое!

Эти исполины айыы —
Убийцы моих детей
Пусть дадут мне покой,
Пусть уйдут скорей!
Пусть великий Юрюнг Аар Тойон
Милость нам явит свою,
Могучих потомков рода айыы
Отсюда перенесет
На дальний край
Владений своих!
Но если пройдет три дня,
А эти двое
Останутся здесь
Нескончаемый бой продолжать,
Пусть не обижается на меня
Белый владыка небес:
Лопнет тогда терпенье мое!
Я проклятием страшным
Их прокляну!
Скачущего на Вороном коне,

Стоя рожденном на грани небес,
И одержимую жаждой битв
Прекрасную Кыыс Нюргун
Двум илбисам я прикажу
В спины меж лопатками поразить
Двумя рогатинами атара
И бросить их вниз головой
В огненную бездонную топь! —

Так вопил, угрожал
Арсан Дуолай.

Прародитель верхних абаасы,
Восседающий на хребте
Завихряющихся южных небес,
В гневе просыпающийся ото сна
Вспыльчиво грозный Улуу Тойон
Вскинулся на ложе своем,
Встревоженно заговорил.

СТИХ 314
УЛУУ ТОЙОН

Ыарт-татай! Алаатыгар!
Опять тревого, опять беда!..
Ох, когда ж, когда ж
Посветлеет в глазах?
Грохот боя,
Топот тяжелых ног
Сквозь толстые подошвы мои
Прожигает меня огнем,
Отдается колотьем
В хребте спинном…
В пояснице такая резь,
Будто внутри у меня
Вздеваются на острый рожон
Вздувающиеся почки мои!
Эй, сыновья,
Эй, дочки мои,
Поживей взгляните
С облачных круч —
Крутится ли внизу
Мой колдовской аркан?
Вихрится ль над землей
Огненный посох мой?
Для этих озорников
Час расплаты, видать, настал…
Через край переполнилась, вижу я,
Чаша их непомерной вины!
Недостаточно было им
Недругов своих растоптать,
Собственную судьбу
Растаптывают они,
Вселенную разрушить хотят!
Он ведь должен был

Жениться на ней;
А гляди-ка —
Тешится дракой вовсю
С предназначенной подругой своей…
Есть ли что на свете святей,
Чем жениться по воле судьб**ы**!
А он ее лупит, гневом дыша.
Да и девка тоже, видать, хороша!
Вместо того, чтобы замуж идти
За суженого своего,
Тумаками она встречает его,
Пинками угощает его!
Если их разнять, помирить,
Миром не уймутся они.
Если буйных таких поженить,
Норовом не сойдутся они…
Если их теперь не унять,
Всем нам несдобровать.

Этих чудовищ придется нам
Страшным заклятьем заклясть,
На месте окаменить
И к незыблемому черному дну
Бездны Ап-Салбаныкы
Трижды закл**и**ненной острогой
Наглухо пригвоздить,
Чтоб три века с места они
Сдвинуться не могли.
Толково, по-моему, слово мое,
Другого исхода нет! —

Так великий Улуу Тойон,
Выдохнув облако огненной мглы,
Вымолвил решенье свое…
А старейшины-мудрецы
Племен уранхай-саха,
Угнездившихся на широкой груди

Обильной бедами средней земли,
В напастях испытанные старики,
Зашептались между собой:
— За что такое несчастье нам?
За какие наши грех**и**!
Средний мир всей толщей своей
Трескается, дрожит…
Теперь того и гляди —
Рухнут кровли наших домов,
Потухнет огонь в очагах…
Где пристанище мы найдем?
Все погибнем,
Все пропадем…

Исполины-богатыри,
На которых надеялись мы,
Что в беде придут, защитят,
Сами нам беду принесли,
Опрокинули судьбы
Наших детей!
Неуемной своей враждой,
Непомерной тяжестью ног своих
Трех миров опоры поколебав,
Рушат они
Наши дома,
Губят наши бесчисленные стада…
Опрокинули наш удел,
Будто ударом хвоста,
Прихотью злобной своей,
Одержимая жаждой битв,
Скачущая по бранным полям
На Красно-буланом коне
Прекрасная Кыыс Нюргун!

Да неужто
И впрямь она
Думает одолеть

Величайшего в мире богатыря,
Который бросил вниз головой
В огненный водоворот
Эсэх Харбыыра-абаасы,
Великана подземных бездн,
Не знавшего равных себ**е**!
Неужель забыла она,
Что могучий дух-властелин
Ледяного моря Муус-Кудулу
Уот Усутаакы
Нюргуном был побежден?
Неужель не помнит она,
Что им в поединке убит
Ардьаман-Дьардьамана сын,
Удалой Сортол-богатырь,
Бохсоголлой Боотур?

Неужель в своем безумьи она
Надеется одолеть
Нюргуна-богатыря,
Который в недавние дни победил
Уот Усуму самого,
В испытании роковом
Усидев на вервии огневом,
На небесном Халбас-Хара?

Неужель в гордыне своей
Думает она обломать
Исполина, который спас,
Из трясины вытащил огневой
Хаан Дьаргыстая-богатыря?
А ведь сам Хаан Дьаргыстай
Силой невиданной наделен!

На блистающем высоком хребте
Трехъярусных белых небес,
Перед чертогом владыки айыы

Поставлен в древние времена
Восьмигранный прозрачный
Каменный столб;
Тяжесть его равна
Четверти веса
Мира всего.
Бывало, Хаан Дьаргыстай
Этот огромный каменный столб,
Приподняв сперва на бедро,
А потом — на грудь,
А потом — на плечо,
Трижды его обносил
Вокруг серебряного жилья
Юрюнг Аар Тойона,
Владыки небес!
Вот какого богатыря
Из трясины огненной спас
Исполин Нюргун Боотур…

Если б смог Нюргун
Ей шею скрутить,
Если б лютость ее
Сумел укротить,
Если б позабыла вражду,
Очеловечилась бы она,
Добросердечной стала женой,
Вечный бы мир настал на земле,
Не о чем бы стало тужить! —
Так старейшины уранхайских племен
Говорили между собой…

На вздымающейся груди,
На крутом высоком хребте
Трехъярусных
Беломолочных небес,
В белой сияющей седине,
Нежным зноем дыша,

В высокой шапке из трех соболей
Престарелый Юрюнг Аар Тойон
С белкаменного своего
Сиденья сверкающего поднялся,
Поддерживаемый с трех сторон
Тремя служителями айыы,
Медленно ступая
По медным полам,
Из серебряного дворца своего,
Из-под кровли его золотой,
Дверь повелев распахнуть,
Вышел на звонко утоптанный двор,
Окруженный белыми восемью
Удаганками высоких небес,
Сопровождаемый девятью
Богатырями небес;
И, опершись на медный костыль,
На звонкий сверкающий посох свой,
В раздумье недолгий срок простоял
И, выпрямившись, произнес
Заветное слово свое.

СТИХ 315
ЮРЮНГ ААР ТОЙОН

В Нижнем бедственном мире,
Как я слыхал,
Трещит, колеблется жизнь
Тридцати шести адьарайских племен…
Стонет старый Арсан Дуолай,
Охает старуха Ала Буурай.

На обильной бедами средней земле
Увядать пошел
Благодатный цвет,
Опрокидываться начала
Счастливая будущая судьба
Тридцати пяти отважных племен
Рода солнечного
Уранхай-саха.

Разладилась,
Гибнет жизнь
Тридцати девяти племен
Верхних абаасы,
Что расплодили Улуу Тойон
И старуха его
Куохтуйа Хотун,
Угнездившиеся на другой стороне
Бесноватых южных небес…

Уйма верхних абаасы
Убита в прежних боях;
Уйма нижних абаасы
В битвах истреблена…
Теперь бы вот мирно жить!
Да нежданная случилась беда:

Два сильнейших чада средней земли,
Друг у друга
Славу отнять норовя,
Драку затеяли между собой,
Страшный поединок ведут…

Одержимая жаждой битв
Прекрасная Кыыс Нюргун,
Ради пущей славы своей
Небывалый затеяла бой
С другом, предназначенным ей
Матерью Айыысыт,
За которого замуж выйти должна
По воле владык судьбы.
Из-за р**а**спри их
В трех мирах
Может вспыхнуть опять
Огневая брань…

Как Одун Хаан повелел,
Как Чынгыс Хаан утвердил,
Как Дьылга Тойон приказал,
Вы, шесть удаганок айыы,
Поспешите, летите,
Пролейте кровь
Одержимой жаждою битв
Прекрасной Кыыс Нюргун.
Восемьдесят восемь
Уловок ее,
Девяносто девять
Чар колдовских
Сожгите в огне костра,
Очистите кровь ее,
Обновите состав ее
И благословите на долгую жизнь,
И устройте ее судьбу,
Чтоб человеком стала она,

Чтобы счастье свое нашла! —

Так Юрюнг Аар Тойон повелел,
Трижды над головой приподняв
Высокую шапку свою
Из трех огузчатых соболей,
Украшенную пером.

СТИХ 316
ЮРЮНГ ААР ТОЙОН

В глубокой утробе
Нижнего мира,
В желудке подземной тьмы,
В провале Ап-Салбаныкы,
Где, вздуваясь, ухала
Черная топь,
Полыхающая синим огнем,
На каменном своде
Нижнего неба,
Мутном, как недоваренная уха,
Щербатый месяц померк,
Почернел, перестал светить…

Тусклое солнце
Нижнего мира
Позеленело, как медь,
Перестало брезжить светом своим.
Борющихся детей айыы
Обступила плотная тьма,
Окружил непроглядный мрак.
За три дня пути пред собой
Не видели они ничего;
За шесть дней пути
Не слышали они ничего;
На девять дней пути
Бушевала буря вокруг,
Поднятая великой борьбой…
Кулаками бились они;
И когда тяжелый кулак,
Как кувалда великого кузнеца,
Ударял, гремя
О железный доспех,

Пламя синее
Полыхало во тьме,
Искры сыпались
В непроглядный мрак…

У одержимой жаждою битв,
Скачущей по бранным полям
На Красно-буланом коне,
Прекрасной Кыыс Нюргун
Запальчивость улеглась,
Пыл боевой иссяк;
И она в потемках густых
Увертываться начала,
Сквозь зубы плевать,
Словами дразнить…

СТИХ 317
КЫЫС НЮРГУН

Смотрите, богатыри!
Видите иль не видите вы,
Каков у меня жених?!
Приехав свататься за меня,
Преследуя всюду меня,
На поле колдовском
В пропасти Ап-Салбаныкы
Силою норовя разорвать
Толстую кожу мою,
Пролить мою черную кровь,
Пытаясь ничком меня повалить
И накрепко обуздать,
Измучился бедняга, видать,
Выбился горемыка из сил!
На вершине горы золотой,
Где, рождаясь, солнце-тойон
Играет, словно дитя поутру,
На светлом лоне
Священной горы,
Где, рождаясь, луна-хотун
Нежится ввечеру,
Черным потоком я выпущу кровь
Из твоей широкой спины,
Расплещу, смеясь, хохоча,
Разбрызжу ее на пиру
Солнца и Луны молодой;
Длинные кости твои сокрушу,
Челюсть твою с языком
Вырву для ворожбы,
Опрокину
Высокое имя твое,
Распластаю славу твою!

Если там не удастся мне победить,
Все равно не стану твоей женой!
Посмотрю, как женишься ты на мне,
Как ничком повалишь меня,
Как ты обуздаешь меня
На вертящейся горе ледяной
Над кипящей бездной
Уот-Кудулу!
Коль и там не удастся мне победить,
Коль не удастся мне усидеть
На вервии огневом,
На Халбас-Хара вихревом,
То едва ли ты, удалец,
Отважно нырнув на дно
Моря Энгсэли-Кулахай,
Вытащив из глубины
Растерзанное тело мое,
К жизни его вернешь!
Всей могучею силой чар
Белых удаганок айыы
Ты едва ль меня оживишь
И своей женой назовешь,
Сделаешь хозяйкой-хотун
В изобильном доме своем! —

Так — вызовом боевым
Прозвенели ее слова;
И тут же
Тяжелые раздались
Удары ее кулаков,
Дюжих ног
Загремели пинки…

С новой силой
Вспыхнула схватка опять,
Страшная кутерьма началась

В гулкой подземной тьме…
Под тяжестью их исполинских ног
Знаменитые каменные хребты
На лоне Ап-Салбаныкы
Провалились,
Под землю ушли,
Оврагами залегли;
Где кручи стояли —
Ручьи потекли,
Овражистые места
Встопорщились гребнями скал,
Низинные гибельные места
Вздыбились рядами холмов,
Горами столовыми вознеслись…

В эту пору
На недостижимом хребте
Трехъярусных белых небес
Загремели неистово
Шесть колдовских
Колотушек
В руках шести
Белых удаганок-сестер;
Заревели огромные бубны их,
Раскатился грохот и гром
Над простором средней земли,
Три подземных бездны потряс,
Неумолчно гудя,
Устремился вниз.

Увешанный космами жертвенных грив,
Украшенный пышно, пестро,
Белый перевал Сиэги,
По которому ходит сама
Почитаемая Айыысыт,
Перистые облака отогнав,
Раскинулся над землей.

Дочь Солнца
Кюэгелдьин Удаган,
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган,
Дочь звезды Арагас
Айбалдьын Удаган,
Дочь звезды Чолбон
Нуолур Удаган,
Дочь звезды Юргэл
Сэймэлдьин Удаган,
Дочь Сулуса-звезды
Ирбэлдьин Удаган,
Теплый воздух
Неся с собой,
Стаей куропаток
Вниз понеслись;
Белое облако
У них под ногами,
Черное облако — над головами.
Шелковые кисти одежд
Свисают у них до пят,
Серебряные длинные брякунцы,
Словно камышинки
Великих озер,
Позванивают за плечами у них.
Словно круглые озера в тайге,
Огромные бубны их,
Подвесками бронзовыми бренча,
Бубенчиками звеня,
Стозвучно ревут, гремят;
Каменные колотушки их,
С конскую ногу величиной,
Оглушительно грохоча,
В буланые бубны стучат…

Белые удаганки небес,

Плавно с высоты опустясь
На перевал Сиэги,
Ровным гулом бубнов своих,
Чародейной силою слов
На средней земле
Уняли бушующий вихрь,
Разогнали клубящиеся облака…
Тут же
Черный западный ветер утих,
Дождь со снегом
Хлестать перестал,
Вихри неистовые улеглись…

Над захлопывающимся ртом
Пропасти Ап-Салбаныкы,
Над провалом глотки ее,
На вздыбленных девяти мысах,
У подножья восьми
Полосатых скал
Белые удаганки небес
Медный поставили арангас,
Девять костров зажгли.

Дочь звезды Арагас
Затянула песнь,
Дочь звезды Юргэл
Кружиться пошла,
Дочь Сулуса
Длинные косы свои
Причесывать начала;
Дочь Луны,
Ладони чашкой сложив,
Протянула руки свои;
Дочь прекрасной звезды Чолбон
Звонко причмокивать принялась;
Дочь Солнца
Кюэгелдьин Удаган,

Вскинув бубен
С озеро величиной,
Дробно в тягую кожу стуча
Каменной колотушкой своей,
Девять раз поклонясь
Девяти кострам,
На колени став
Посреди огней,
Заклинанья петь начала,
Славословить, благословлять…

СТИХ 318, КЮЭГЕЛДЬИН УДАГАН

Доом-эрэ-доом!
Долгую песнь запоем,
Доброе изречем,
Благословленье произнесем…
Удача и слава!
Уруй-айхал!

СТИХ 319
ВШЕСТЕРОМ

Кюлюм-мичик…
Кюэгэл-нусхал…
Удача и слава!
Уруй-айхал!
Доом-эрэ-доом!

СТИХ 320
КЮЭГЕЛДЬИН УДАГАН

Доом-эрэ-доом!
Разрубаю
Узел вражды,
Разрываю корень беды!
Счастье зову,
Славу, добро!
Удача и слава!
Уруй-айхал!

СТИХ 321
ВШЕСТЕРОМ

Кюлюм-мичик…
Кюэгэл-нусхал…
Удача и слава!
Уруй-айхал!
Доом-эрэ-доом!

СТИХ 322
КЮЭГЕЛДЬИН УДАГАН

Доом-эрэ-доом!
Чтоб тебе
Человеком стать,
Чтобы доброй женщиной быть,
Чтобы счастье тебе добыть,
Тело твое
Огнем обмету!
Черную кровь
Очищу твою! —
Удача и слава!
Уруй-айхал!

СТИХ 323
ВШЕСТЕРОМ

Кюлюм-мичик…
Кюэгэл-нусхал…
Удача и слава!
Уруй-айхал!
Доом-эрэ-доом!

СТИХ 324
КЮЭГЕЛДЬИН УДАГАН

Доом-эрэ-доом!
Летающая по бранным полям
На Красно-буланом коне,
Прекрасная Кыыс Нюргун!
Как Одун Хаан предопределил,
Как Чынгыс Хаан повелел,
Как Дьылга Тойон приказал,
Прилетели мы за тобой,
Властно заклинаем тебя,
Грозно приказываем тебе:
Пусть расширится
Твоя голова!
Пусть мгновенно сузится
Длинный твой хвост!
Не успеешь дохнуть,
Мы втянем тебя,
Не успеешь моргнуть,
Проворно лети!
Уруй-туску!
Уруй-айхал!

СТИХ 325
ВШЕСТЕРОМ

Уруй-туску!
Уруй-айхал!
Чуо-чуо-чууп…
Чуо-чуо-чууп! —

Так воскликнув,
Шесть небесных сестер
Чуть откинулись
Головами назад
И втянули с силой
Воздух в себя…

У прекрасной Кыыс Нюргун
Голова закружилась вдруг,
Зашумело у ней в ушах;
Взметнулись полы ее,
Мелькнули пятки ее,
Сгинула, улетела она…

Ринулся Нюргун Боотур
На противницу удалую свою,
Опрокинуть ее хотел,
Смять, придавить к земле,
Сразу окончить брань;
Но лишь воздух он обхватил,
Обнял черную пустоту;
И сам в потемках упал,
Сажен н**а** девять
Выбил яму в земле
Грузным паденьем своим.

Гневно поднялся он,

Крикнул: — Не уйдешь от меня! —
Обернулся птицею Эксэкю,
Огромной, о трех головах,
С перьями, как стальные мечи,
С грозным клекотом взлетел в высоту,
Крыльями грохоча,
Полетел на огни
Девяти костров,
На голос шести
Небесных сестер.

Услыхала его полет
Айыы Умсуур Удаган,
Метнула она в высоту
Свой аркан о шести петлях,
Захлестнула птицу о трех головах
И бросила ее на лету
На хребет восьми
Острозубых скал.

Раскатился грохот
В подземной тьме,
Брызнул из камня огонь;
И стремительный Нюргун Боотур
В собственном виде своем
Предстал перед старшей сестрой,
Погрузнув до бедер
В мерзлой земле…

Айыы Умсуур Удаган,
Старшая Нюргун Боотур сестра
Крикнула, увидев его:
— О, дитя дорогое мое,
Младший брат мой!
Уйми свой гнев,
Ярость свою укроти!
Посмотри, как сестры твои

Устраивают для тебя
Невалкую будущую судьбу,
Неколебимое счастье твое! —

И увидел Нюргун Боотур:
Дочь звезды Чолбон
Нуолур Удаган,
Девятирогим железным рожном
Кромсая тело Кыыс Нюргун,
Недвижно лежавшее на земле,
Рассекает толстую кожу ее,
Выпуская черную кровь ее
На огонь девяти костров.

Прекрасной Кыыс Нюргун
Порочная злая кровь
Копошащимся множеством
Красных червей
Падала в костёрный огонь…
Могучие мышцы ее,
Словно толстые змеи, клубясь,
Сыпались из-под рожна.

Дочь Юргэл Тойона затем
Рогатиною стальной
Вскрыла клетку грудную
Кыыс Нюргун,
Пронзила могучее сердце ее;
Ящерица, свистя,
Выскочила из него.
Дочь Сулус Тойона-звезды
Сверкающей острогой
Ящерицу пронзив,
Швырнула ее в огонь…

Дочь звезды Арагас,
Заклинанья творя,

Кости белые
Кыыс Нюргун
Сложила на медный лабаз,
Установленный посреди огней
Девяти высоких костров;
Дочь Месяца
Ыйбалдьын Удаган,
Ладонями по костям поводя?
Силой небес
Освятила их;
Дочь Солнца
Кюэгелдьин Удаган
Желтый сок животворный влила
В уста застывшие Кыыс Нюргун,
Серебряные кости ее
Белой благодатью небес
Щедро окропила она;
А потом живою водой,
Оживляющей мертвых,
Очищающей все,
Дарующей силу и мощь —
Наполнила сердце Кыыс Нюргун,
Обрызгала суставы ее,
Оросила лицо ее.

Где было мясо на стройных костях —
Мясо новое наросло,
Где прежде кожа была —
Кожа новая наросла,
Кровь живая
По жилам пошла…

Женщиной невиданной красоты
Сделалась Кыыс Нюргун;
Блистая дивною красотой,
Как живая, лежала она;
Хоть и прежде красива была,

Лучше стала,
Чем прежде была…

Шесть небесных белых сестер,
Ложе ее окружив,
Благословенье произнесли,
Освященья пропели песнь.

СТИХ 326
ШЕСТЬ СЕСТЕР

Доом-эрэ-доом…
Доом-эрэ-доом…
Властные врачевать,
Мощные оживлять,
Волею вечных сил
Будим тебя
От смертного сна…
Уруй-уруй!
Уруй-уруй!

Доом-эрэ-доом…
Доом-эрэ-доом…
Властные дыхание возвращать,
Приказываем тебе —
Всею грудью вздохни,
Всеми жилками встрепенись,
Всеми суставами шевельнись!
Благо да будет тебе!
Благословляем тебя…
Айхал-айхал!
Айхал-айхал!

Доом-эрэ-доом…
Доом-эрэ-доом…
Пусть по жилам кровь побежит!
Пусть дрогнут ресницы твои,
Пусть откроются зеницы твои!
В бубны гремим,
Б**у**дим тебя
Властью своей,
Словом своим!
Кюлюм-мичик!

Кюэгэл-нусхал! —

Только пропели заклятье свое
Белые удаганки небес,
Прекрасная Кыыс Нюргун
Молвив: — Как я крепко спала! —
Поднялась на ложе своем.

Возликовали богатыри
Славного рода айыы,
Громко возгласили: — Уруй! —
Крепко на радостях обнялись,
Трижды поцеловались они.

У прекрасной девы
Кыыс Нюргун
В сердце вражда
Улеглась, видать,
Буйная одержимость прошла,
Страсти к бою
Как будто и не было в ней.

Невиданной на земле красотой
Дивно заблистала она,
Словно ласковый летний день,
Улыбкою засияла она.
Величава, как лебедь,
Как стерх стройна,
Словно солнце полдня светла,
Словно полный месяц ясна,
Родичам славным своим
Ласково улыбнулась она.

Старшая их сестра
Айыы Умсуур Удаган,
Когда настала пора
Ей и сестрам ее улететь,
Оставляя богатырей на земле,
Молвила им
Слово свое.

СТИХ 327
АЙЫЫ УМСУУР

Устроили мы ваш удел —
Уранхаями быть
На средней земле,
Счастье дали вам
Стать людьми-саха!
Пусть добром ваш дом одарит
Добрая Иэйэхсит!
Пусть потомством вас одарит
Богиня Хоронг Айыы!
Пусть ваших детей судьба
Высокая возрастет!
Пусть множится в загородках у вас
Бесчисленный коровий приплод!
Поддерживая огонь в очагах,
В мире живя, утешаться вам,
Радоваться всегда
В изобильных ваших домах!
Будьте, как древо в росту,
Десять веков подряд,
Вырастайте вширь, в высоту
Девять веков подряд,
Стойте, не увядая, в цвету
Восемь веков подряд!

Скачущий на Вороном коне
Стремительный Нюргун Боотур,
Смотри, не забудь мой наказ:
Не огорчай, не смущай никогда
Добрую подругу свою,
Одаренную благодатью живой
Богини Хоронг Айыы,
Косо на нее не гляди,

Не вспоминай никогда,
Что она сражалась с тобой.
Добро, если муж и жена
Дружно, в любви живут,
Тогда лишь Иэйэхсит
Всегда у них будет гостить,
Тогда лишь Айыысыт
Всегда их будет хранить…

Пусть небесная стужа
На вас не дохнет!
Пусть подземный сквозняк
Не продует вас!
Пусть ваша рука
Не встретит помех,
Пусть ваша нога
Не споткнется нигде!
Долгий век вам!
Уруй-айхал!

Скачущий на Вихре-коне
Хаан Дьаргыстай-богатырь,
Дорогое мое дитя!
По воле матери Иэйэхсит
Предназначена стать
Женою твоей,
Подругой твоею быть,
Достойной хозяйкой-хотун
Прекрасная Айталыын Куо,
Красавица с восьмисаженной косой!
Ты на ней женись,
Приехав домой…

Предназначенную подругу твою,
Кроткую Айталыын Куо,
Не обижай ничем, никогда!
А не то отвернется прочь от тебя

Могучая Айыысыт
И опрокинется счастье твое;
Благословенье Иэйэхсит
Рухнет и вспять пойдет…
Без хозяина сиротой
Останется твой изобильный дом,
Ненадежна будет судьба
Порожденных тобою детей…

На десять долгих веков
Теперь породнимся мы,
На девять веков
Мы с вами друзья,
На восемь веков
Мы одна семья…
Будет так, как я говорю!
Да сбудется, вещее слово мое,
Да свершится благословенье мое!
Долгий век вам!
Уруй-айхал! —

Трижды поцеловав
Родичей младших своих,
Айыы Умсуур
И сестры ее —
Обитательницы небес
Улетели в светлую высь;
А посланные жить на земле
Исполины-богатыри
Зычным криком
Призвав, приманив
Крылатых коней своих,
Не задерживаясь ни на час,
Из пропасти поднялись
И тронулись не спеша
В сторону средней земли.

СТИХ 328
АЙЫЫ УМСУУР

Как издр**е**вле идущее говорит
Великое олонхо,
Многоцветным сложенное языком
Поколений былых уранхай-саха,
Претерпевших много невзгод
На обильной бедами
Средней земле,
Под склоном северных вихревых
Клочковато-облачных, белых небес,
Над провалом трех преисподних бездн;
Как сказание древнее говорит, —
Родившийся поздно
В мире земном,
С единственным жеребенком-конем,
Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн
Мать и отца своих отыскал,
Вернул их в покинутый дом родной…

Напутствие матери получив
И благословенье отца,
Священному очагу поклонясь,
Расстался он с домом своим,
Двинулся в дальний путь,
Стал дорогу свою пробивать
По восьми перевалам крутым,
Протаптывать по далеким холмам
Девятиизлучистый путь.

Он края мира достиг,
Где кончались аласы айыы;

Луга зеленеющие миновал,
В пределы тундры вступил.
Сумрачные открылись ему
Дали адьарайской земли…

Вниз по берегу речки
Поехал он;
Между обрывистых круч,
Между утесистых гор,
По глубоким балкам
Долго плутал —
И в такое место попал,
Где отвесная каменная гора
Преградила дорогу ему.
Видит — ни объехать эту скалу,
Ни выбраться из теснины нельзя.
В том ущелье валялись
Груды костей
Погибших богатырей…

И понял Эр Соготох,
Что пути ему нет
Ни вперед, ни назад,
Что вокруг ни просвета нет,
Что заехал он в западню,
Что в ловушке с конем застрял…

Эр Соготох-богатырь
Взял тугой свой
Лук роговой,
Чью основу ковал
Кузнец Таканаан,
Чьи рога выгибал
Кузнец Баканаан,
Чью хватку крепил
Кэнэгэ,
Тетиву изготовил

Аалыс Луо,
А пристреливал
Кылахсын…
Из колчана вынул Эр Соготох
Медную кованую стрелу
Величиной с боевое копье;
И правое колено склонив,
Слово сказал,
Заклятье пропел.

СТИХ 329
ЭР СОГОТОХ

Кэр-бу! Кэр-бу!
Корня солнечного айыы
Поздно рожденный сын,
С поводьями за спиной,
Благословляю тебя —
Великого духа горы,
Колено склонив,
Заклинаю тебя!

На грани средней земли,
Укрепленной балками
Каменных гор,
Окруженной уступами
Глиняных гор,
Великий хозяин-дух
Заоблачной крутизны,
Преградившей дорогу мне,
Стройный станом,
Светлый лицом
Старший мой брат-тойон,
Лочурдаан-богатырь!
Ласково на меня взгляни,
Приветливо улыбнись,
Гору н**а** двое развали,
Восемь перевалов
Открой передо мной,
Девять путей
Для меня пробей!
Я, рожденный поздно
В мире земном,
Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох,

Эриэдэл Бэргэн
Умоляю тебя,
Заклинаю тебя,
Поклоняюсь трем твоим черным теням! —

Молвив это, Эр Соготох
Трижды поклонился горе
И стрелу из лука пустил;
Загремели пальцы его,
Загудела жильная тетива,
Полетела воющая стрела…

Медная кованая стрела,
С копье боевое величиной,
Расколола кручу горы,
Распахнула все перевалы ее.
Дрогнул Средний мир,
Отозвался подземный мир,
Откликнулись гулкие небеса…

Медная пролетела стрела
Над морем бушующим Лэбийэ,
Чей гремящий слышен прибой
За восемь дней пути;
Воя, пролетела стрела
Над западным краем
Моря Араат,
Плещущего, как утка-турпан,
Хлопающего, как взлетающий гусь…

В огненное море
Упала стрела,
Ударила в глубокое дно;
Пламя белое в высоту
Взлетело из глубины,
Как огромный медный котел,
Небо темное озарив…

Прискакал на берег
Эр Соготох,
Проворно с коня сошел,
Правое колено склонил,
Трижды приподнял над головой
Трехрогую шапку свою
И слово сказал,
Заклятье пропел.

СТИХ 330
ЭР СОГОТОХ

Кэр-бу! Кэр-бу!
Взываю к тебе,
Владычица огненной глубины!
Я, поздно рожденный сын
Юрюнг Уолана-богатыря
И великанши Туйаарымы Куо,
Выросший сиротой,
Одинокий Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн
Склоняю перед тобой
Сгибающуюся шею свою,
Преклоняю перед тобой
Гибкое в суставе
Колено свое!

Если не вовсе оглохла ты,
Откупори для меня
Тугие уши свои!
Если не вовсе ослепла ты,
Приветливо на меня погляди!
Не позволявшая никому
Берега другого достичь,
Дух-владычица
Огнемутного моря
Уот Усуутума,
Изрыгающая огонь,
Упрямством прославленная своим!
Если спросишь ты у меня,
Чем за помощь я заплачу,
То знай:
Подарками у меня
Руки полны до локтей,

Полную охапку тебе
Всякого добра я принес…

Богатыря, чей отец —
Опрокинутая гора,
Чья знаменитая мать —
Накренившаяся гора,
Плавающего по морям
На огнедышащей лодке своей,
Веслами хлопающего по волнам,
Того, чья постель —
Ревущий поток,
Чье подножье — бурный поток,
Слугу своего
Дуолаан Хара
Не пошлешь ли ты
Немедля ко мн**е**!
Угощение богатое в торок**а**х
Я тебе за это везу!

Только молвил это Эр Соготох,
Видит —
Сверкающая, в огнях,
Лодка длинная
Подплывает к нему;
Девять выступов у ней кормовых,
Девять выступов — носовых.

Зашумела морская зыбь,
Загремел прибойный буран;
Грузно шлепая веслами по волнам,
Зычно над морем гудя,
Лодка огромная подплыла,
Уперлась в береговую гряду;
И огромный, сутулый,
О трех горбах,
Лодочник Дуодаан Хара,

Из-под ладони смотря?
Оскалив зубастую пасть,
Черной закивал головой,
Человеческим голосом заговорил.

СТИХ 331
ДУОДААН ХАРА

Аарт-татай! Алаатыгар!
Многие приходили сюда,
Ноги имеющие — ходить,
Спорили многие тут со мной,
Чья опора лишь пятки их.
До сих пор еще никого
Через море не переправил я,
Потому что никто мне в дар не принес
Не то, что стегно коня,
А не бросил даже куска
С ладошку величиной!

Здесь я прежде много рыбы ловил,
А теперь обезрыбело
Море мое…
За девять последних лет,
В девять верш моих
Девять всего
Попало костлявых щук!
За последние восемь лет
Только восемь железных рыб
Удалось загарпунить мне!..
Убогую добычу мою
У меня отнимает
Хозяйка сама,
Жадная Уот Усуутума;
Что поймаю я —
Пожирает она…

Горе великое я терплю,
Голодом лютым томлюсь,
Горемыка несчастный я!

Горемыка всегда
Горемыку поймет,
Хоть годами ты молод,
А горе видал.
Думаю — наградишь ты меня,
Досыта угостишь
За услуги мои,
За труды…
Все, что хозяйке моей обещал,
Полностью мне отдай!
А когда твой богатый дар
Очутился в утробе моей,
Переварится в брюхе моем пустом,
Немного с меня возьмет
Ненасытная хозяйка моя,
Будет тогда для меня
Потеря невелика! —
Так ухмылялся, скаля клыки,
Лодочник-великан…

Переправился через морскую ширь
Одинокий Эр Соготох,
Вступив на берег другой,
У молодого конька своего
Вырвал из гривы
Три волоска,
Против солнца
Трижды ими взмахнул,
Заклятье произнес:
— Эй вы, три волоска!
Обернитесь в трех кобылиц! —
И п**о** ветру бросил их.
Тут же, отколь ни возьмись,
Три кобылицы, косясь и дрожа,
Появились на берегу,
Кинулись было прочь они,
Да лодочник, Дуодаан Хара,

Изголодавшийся з**а** девять лет,
Разинул широкую пасть,
От земли до неба рот распахнул,
И три кобылицы
На всем скаку,
Бедненькие, не чуя беды,
Прямо в глотку влетели ему;
Только хряснули кости их
У чудовища на зубах,
Только гукнула
Глотка его…

Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох
Эриэдэл Бэргэн,
Вооруженный мечом-пальмой
Из огромной кости ребра,
На резвом своем коньке,
Радуясь, что беду миновал,
Что преграду преодолел,
Крупной рысью путь продолжал
По неведомой стороне…

На кресте девяти дорог,
На распутье восьми дорог
Огляделся Эр Соготох
И увидел —
Едет навстречу ему
На одышливом
Коротышке-быке,
На длинных восьмипоперечных санях,
Как гора, на боку развалясь,
Вида страшного исполин,
Одноглазый чудовище-адьарай.

Из кожи заразной
Шапка на нем,

Из облезлой шкуры доха;
Девятислойная на теле его,
Заржавленная броня,
Обмотанная цепью тройной,
Чтоб не развалилась на дюжих боках,
Чтоб не треснула невзначай
На толстом брюхе его;
Вот такой исполин-богатырь
Ехал на санях развалясь,
Зычно выкрикивая, ворча,
Буйно, невпопад бормоча…

СТИХ 332
АДЬАРАЙ

Буйа, буй-а, буйакам!
Буйа, дай-а, дайакам!
Горазд я наговорить,
А все на других свалить…
Со мной говорить —
Себя загубить…
Широки улусы мои,
Велики наслеги мои.
Мой славный отец —
Буор Мангалай,
Грозный сам Арсан Дуолай.
Младшая сестрица моя —
Бегающая бочком,
Нападающая врасплох,
Когтистая Кээдэлбэ,
Лютая Сатыылай.

Я, привольно живущий
В утробе земли,
На адьарайском дне,
На бедовом лоне его,
На крутом загривке,
На темном мысу,
Кровавая глотка —
Хаан Харбыла,
Тимир Дыыбырдан — вот кто я,
Еду себе,
На санях развалясь…
Эй ты, мой
Коротышка-бычок,
Веселей беги,
Поскорей скачи,

За день до ночлега домчи!
Слух до меня дошел,
Что поздно рожденный
В мире земном
Бедняга Эр Соготох,
Горемыка Эриэдэл Бэргэн,
В жены собирается взять
Баай Хаарахаана дочь,
Милую Хаачылаан Куо…

А ее — голубку мою,
Трясогузочку дорогую мою,
Ню-ню-нюхалочку мою
Наметил я в жены себе,
Когда ей было три года всего,
Назначил в супруги себе,
Когда шесть лет ей было всего!
Да разве теперь
Ее уступлю?
Саай-саай!
Веселей скачи! —
Так, понукая быка своего,
Ехал, поспешал адьарай…

Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох
Страшно разгневался, услыхав
Хвастливые адьарая слова.
Сгустком огненным
Вздулась ярость его,
Дерзкая, озорная мысль
Голову вскружила ему,
Удалая, храбрая мысль
Ударила в темя ему.

Взмахнул он мечом-пальм**о**й
Из огромной кости ребра,

Железной окованного полосой,
По могучей шее хватил
Свирепого упряжн**о**го быка,
Голову снес ему
И, голос возвысив,
Громко запел,
Грозно заговорил.

СТИХ 333
ЭР СОГОТОХ

Посмотрите, богатыри,
Послушайте, как расхвастался он —
Кровавая пасть,
Невидимкин сын!
Земляная рожа,
Кривая нога!

Вот я сам
Стою пред тобой,
Поздно рожденный
В мире земном,
Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн!

Я утробу твою распорю,
Толстую кожу твою разорву,
Пролью твою черную кровь!
Если не отстанешь добром
От невесты моей
Хаачылаан Куо,
То вот тебе, пес! —

Крикнув это,
Эр Соготох
Прямо п**о**д нос
Кукишем ткнул ему,
Так что вздернул голову адьарай,
Так что брызнула кровь
Из его ноздрей.

Подземной нечисти сын

По-медвежьи зычно взревел,
Вскинулся на дыбы,
Сани свои развалил,
Завопил:
— Ах ты! Отлетели, видать,
Головы девяти журавлей!
Ох, гагары мои,
Ох, горе мое…
Бабат-татат!
Басах-тасах!
Откуда беда?
Дуйда-дайда! —

Тут, поднявшись на ноги, адьарай
Загребистую лапу свою
Козырем приставив ко лбу,
Стал оглядываться вокруг…
А как Эр Соготоха
Он увидал,
Ухмыльнулся,
Оскалился,
Зарычал.

СТИХ 334
ТИМИР ДЫЫБЫРДАН

Баай-даа! Баай-даа!
Ай, прыткий какой!
Как посмотришь — не разглядишь…
Пальцами не ухватишь его —
Маленький, словно птичка-вьюрок,
А как он словом солит,
А как он клювом горчит!

Ой, потеха, богатыри!
Да если я
Тебя ухвачу,
Да двумя лишь пальцами защемлю,
Отщипну с костей твоих
Мяса щипок,
Выпью из жил твоих
Крови глоток,
Больше нечего взять с тебя!

А когда я в жены возьму
Милую Хаачылаан Куо,
Я тебя, парень, охолощу,
Я тебя в раба превращу,
Чтобы ты одежды снимал для меня
Со священного тела моей жены, —
Или пусть
Подземное солнце мое
И месяц щербатый мой
Сорвутся и упадут! —

Тут завопил адьарай
И, со свистом взмахнув
Огромным своим

Медным мечом-пальм**о**й,
Еле-еле н**а** двое не разрубил
Позднего потомка айыы…

Увернулся Эр Соготох,
Размахнулся своим мечом
Из огромной кости-ребра,
По темени адьарая хватил,
Да не смог ему вреда причинить.

Три дня и три ночи
Бились они,
То наскакивая друг на друга,
То отскакивая друг от друга,
Истоптали черную землю кругом,
Искрошили белую землю окрест…
Наконец, богатырь-адьарай
Начал Эр Соготоха теснить,
По буграм спотыкаться
Заставил его,
По оврагам
На четвереньках ползти…
За деревьями прятался
Эр Соготох,
Адьарай деревья ломал,
За гору спрятался Эр Соготох,
Гору адьарай повалил…
Стал бедняга Эр Соготох
Укрываться в темных местах,
К северу убегать,
Убегая, начал
На помощь звать,
Пел, выкликал
Такие слова.

СТИХ 335
ЭР СОГОТОХ

Слушай! Смотри!
Скорей отзовись,
Крепкий отросток
Корня айыы,
С поводьями за спиной,
С добрым сердцем,
С жалостливой душой!
Старший прославленный сын
Баай Хаарахаана-отца
И матери Баай Кюскэм.
Ездящий на черном
Иноходце-коне
В черной собольей дохе
Харыадьа Бэргэн,
Будущий мой шурин-тойон,
На помощь мне поспеши!

Отродье абаасы
Сожрать меня норовит,
Адьарайский сын
Догоняет меня!
Тимир Дыыбырдан-людоед
Вот-вот ухватит меня,
Разорвет мое тело,
Прольет мою кровь…

Если спросишь,
Откуда по крови я,
Чьей пуповиною вскормлен был,
Что смею тебя призывать,
Заклятья заветные произнося,
То знай,

Что прославленный мой отец —
Летающий на Мотыльковом коне
Юрюнг Уолан-богатырь,
А достойная мать моя —
Белолицая Туйаарыма Куо.
Я — поздно рожденный
В мире земном,
Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох,
Эриэдэл Бэргэн
Падаю, погибаю теперь
Ради сестры твоей,
Ради названной невесты моей
Хаачылаан Куо! —

Только молвил это
Эр Соготох,
Всадник появился пред ним
На высоком Черном коне,
Крикнул зычно:
— Держись, крепись!
Вот я — Харыадьа Бэргэн,
Родич твой —
Прилетел на зов! —

Тут как взялся он
Адьарая толкать,
Как пошел его
Глушить, колотить…
Взвыл адьарай,
Взмолился ему.

СТИХ 336
ТИМИР ДЫЫБЫРДАН

Постой, мой шурин-тойон!
Или ты не узнал меня?
Достойной твоей голове
Девять раз — здор**о**во, я говорю!
Расставленным твердо
Ногам твоим
Восемь раз — здор**о**во, я говорю!

Сестру твою Хаачылаан Куо
С трех лет я облюбовал,
С шести лет невестой назвал,
Предназначил в жены себе…
Да поехал со стороны,
Навязался бродяга Эр Соготох,
Норовя невесту отбить у меня,
Встал поперек дороги моей…
Я его по макушке хватил,
Я ему окровавил виски;
А он увертываться пошел,
За деревья прятаться, убегать,
Не дается, чтоб я прихлопнул его…
Ох, как он измучил меня,
Тошно мне гоняться за ним! —
Так стоял и жаловался абаасы,
Низко кланяясь
Всаднику-богатырю.

Да спесивы дети
Сильных семей,
Горды сыновья
Богатырских родов;
Скачущий на Черном коне

Харыадьа Бэргэн
Крикнул: — Вот невеста тебе! —
Палицею взмахнул,
Да как треснул по темени абаасы…

Взвыл, заревел
Осол Уола,
Завизжала, забилась
Илбис Кыыса,
Дождь со снегом,
Крутясь, полетел,
Черный западный ветер забушевал,
Вихрь закружил, завыл…
Ярость противников возросла,
Не на шутку драка пошла.

Хоть крепился
Харыадьа Бэргэн,
Да вскорости адьарай
С ног его стал сшибать —
Сын айыы
Подыматься едва успевал…
Что ни удар —
То валяется он,
Что ни пинок —
То шатается он,
Что ни толчок —
То охает он.

СТИХ 337
ХАРЫАДЬА БЭРГЭН

Эй, скачущий
На Соловом коне,
Чья крутая холка видна
Выше темного леса-колка?
Удалой мой братец
Орой Дохсун!
Живей подымись,
Скорей появись!
Адьарайский сын
Убивает меня,
Невидимкин сын
Догоняет меня! —

Тут пришлось ему
От врага убегать,
Пришлось ему
Укрытья искать.
Только спрячется за деревья он, —
Повалит деревья абаасы,
Только за гору скроется он, —
Опрокинет гору абаасы…

Но тут его младший брат,
Орой Дохсун удалой
На Соловом коне налетел,
Грозный вспыльчивый молодец.
Адьараю он закричал:
— Стой, детина!
Я — твой хозяин-тойон! —
Да как пошел
Адьарая теснить,
Как взялс**я** его

Бить, глушить…

СТИХ 338
ТИМИР ДЫЫБЫРДАН

Постой, мой шурин-тойон!
Погоди-ка ты,
Послушай меня!
Голове твоей кланяюсь
Девять раз,
Ногам твоим кланяюсь
Восемь раз!
Тут бродяга Эр Соготох
Наехал со стороны,
Норовил невесту мою отбить,
Ну я и побил его…
А потом на Черном коне налетел
Харыадьа Бэргэн на меня;
Видно, от великого озорства
Голову он себе проломил,
Видно, с жиру бесясь,
Он где-то избит,
А я не повинен в том! —
Так, оглядываясь по сторонам,
Оправдывался адьарай…

Дети дерзкие
У знатных семей,
Сыновья шальные у богатырей.
— Вот тебе невеста,
Проклятый вор! —
Крикнул Орой Дохсун,
Да как треснул по темени абаасы
П**а**лицей боевой…

Тут великая суматоха пошла,
Страшная сумятица поднялась,

Неслыханная налетела беда;
Не на жизнь, а на смерть
Бой закипел.

Вспыльчиво-бесстрашный юнец,
Орой Дохсун удалой,
В жестокой драке с абаасы
И десяти не выстоял дней;
Спотыкаться он
По ухабам пошел,
То и дело на четвереньки вставать,
По буграм журавлем ковылять,
Отлетая в сторону,
Что ни толчок,
Кувыркаясь,
Что ни пинок,
Говоря: — Ух! Здорово бьет! —
Охая: — Ох, голова моя! —

На ноги Эр Соготох вскочил,
Харыадьа Бэргэн налетел,
Кинулись на адьарая втроем,
С трех сторон его
Колотить взялись;
Трое суток
Дрались они.
Богатырь-адьарай
Троих одолел,
По полю разогнал,
По одиночке бить принялся.

Выросший сиротой
Одинокий Эр Соготох,
От свирепого убегая врага,
То и дело падая вниз лицом,
Поднимаясь едва-едва,
Слезно начал на помощь звать,

Громко начал петь, заклинать.

СТИХ 339
ЭР СОГОТОХ

Посмотри на меня,
Послушай меня!
Посланный защитить
Подсолнечный род айыы
С поводьями за спиной,
Скачущий на Вороном коне,
Стоя рожденном на грани небес,
Стремительный Нюргун Боотур,
Прославленный дядя мой!

Растерзает меня
Адьарайский сын,
Сожрет меня
Невидимкин сын!
Разбита в кровь
Голова моя,
Изранено тело мое,
Разорвана толстая кожа моя,
Пролита моя черная кровь…
От гибели защити
Белое дыхание мое!
От смертного холода огради
Черное дыхание мое!

Если ты н**а** небе —
Опустись!
Если ты под землей —
Поднимись! —

Так, рыдая,
Пел, заклинал
Погибающий сын айыы.

Кому погибнуть не суждено,
Тому и помощь
Впору придет…
Прославленные на земле
Исполины-богатыри —
Непомерно могучий
Хаан Дьаргыстай,
Стремительный Нюргун Боотур
И воительница рода айыы
Прекрасная Кыыс Нюргун
В эту пору ехали невдалеке.
Крик отчаянный услыхав,
Бросились на помощь они;
Налетели, да как взялись колотить
Разбойника-абаасы,
Выходца из подземной тьмы,
Кр**а**дущегося по ночам
На подошвах своих меховых…

— Оказывается, нам суждено
Оградить потомков айыы!
Заступиться нам суждено
За солнечные улусы айыы!
Эй, смелей!
Налетайте, богатыри! —
Воскликнула Кыыс Нюргун
И с плеча хлестать начала
Волшебной плетью-копьем
Исполина-абаасы,
Так, что он опомниться не успел,
Так, что прибегнуть он не сумел
К восьмидесяти восьми
Ускользающим уловкам своим…

— Черная харя,
Кровавая пасть,
Наконец повстречались мы!

Не этими ли ручищами ты
Неокрепших детей хватал и душил?
Не этими ли ножищами ты
У невозмужавших юнцов
Кости тонкие в теле ломал?
Задымленная образина, гляди —
Твой хозяин-тойон пришел! —
Молвив такие слова,
Могучий Нюргун Боотур
Оглушил адьарая ударом своим,
Отбросил на девять дней пути,
Вынудил на четвереньках ползти,
Толстую кожу его разорвал,
Пустил его черную кровь…
Словно конская грива,
Из рваных ран
Кровь его начала хлестать,
Словно конский хвост,
Забила струей…

Взвыл адьарайский сын,
Зычно запричитал,
Вымолвил такие слова,
Которых не говорил
Даже отцу своему,
Открыл такие думы свои,
Которых матери не открывал…

СТИХ 340
ТИМИР ДЫЫБЫРДАН

Буй-а, буй-а, буйакам!
Буй-а, дай-а, дайакам!
Постой, тойон мой брат!
Ох, как ты ударил меня,
Ох, плохо!
Ох, больно мне!

Ты, старшая сестрица моя,
Хозяйка моя хотун,
Пожалей меня, пощади!
Сгибаю шею свою,
Склоняю колени свои,
Трижды поклоняюсь тебе!
Голове твоей кланяюсь
Девять раз!
Ногам твоим кланяюсь
Восемь раз!
Эр Соготох
Налетел на меня,
Захотел у меня невесту отбить,
Я за то и побил его…

Дерзки дети
Сильных семей,
Потому и раск**о**лоты головы их!
Сыновья шальные у богатырей,
Потому и побиты они!

Ладно обузданной,
Крепко оседланной
Речи моей
Не вняли они,

Не захотели слушать меня,
Разумное слово мое
Раздавили, как червяка,
Затеяли драку со мной!..

Ох, потише бей!
Полегче пинай!
Хоть н**а** смерть не убивай!
Коль меня пощадите сейчас,
Рабом я буду у вас!
Буду с пастбища
Коров пригонять,
Буду ваших коней стеречь…

Сноровка отменная у меня
В стаде телят ловить,
Намордники на них надевать.
Хватка отменная у меня
В табуне жеребят ловить,
Нарыльники надевать…
Пощадите, богатыри,
Белое дыхание мое!
Батраком я буду у вас…
Защитите, богатыри,
Черное дыхание мое,
И рабом я буду у вас! —
Так, распластанный на земле,
Пощады молил
Адьарайский сын.

Разве станут слушать его
Распаленные боем богатыри?
Как полено, они
Расщепали его,
Сокрушили его могучий костяк,
Перебили длинные кости его,
Разбросали короткие кости его.

Голову абаасы отрубив,
Словно веху на шест водрузив,
Сердце и печень его
В жертву Осолу они принесли,
Илбису грозному в дар…

Зашумела молва,
Загремела хвала,
Пошло ликованье
По трем мирам.

Выросший сиротой
Юноша Эр Соготох,
Избавителей могучих обняв,
С братьями невесты своей
Отправился в их алас,
К становью славному их,
К прославленным родителям их…

А великие исполины айыы,
Во владенья Нюргун Боотура придя,
В средоточие восьмикрайней Земли,
На медную вершину ее,
В серебряное обжитое жилье,
Милую Айталыын Куо,
Красавицу с восьмисаженной косой,
И Хаан Дьаргыстая-богатыря,
Тойона дальних земель,
Поженили по воле судьбы,
Как Одун Хаан повелел.
Отпраздновали две свадьбы они,
Справили небывалый пир…
Поставили для гостей
Девяносто девять резных
Почетных к**о**новязей-столбов,
Чтобы память о пире том

Простояла девять веков.

Восемьдесят восемь березок воткнув,
Поставили золотой чэчир,
Чтобы радость людей айыы
Не убывала восемь веков.
Натянули семьдесят семь
Гривами увитых сэлэ,
Чтобы счастье цвело
Семь долгих веков…

На блестящей нежной траве,
На благословенной груди,
На высоком лоне средней земли,
На крутом загривке ее,

В сияющем средоточье ее,
Где солнце горячие льет лучи,
Где месяц блещет в ночи,
Устроили для пира они
Многозвучно-шумное — на весь мир —
Глубоко-щедрое тюсюльгэ.
Отъевшихся на весенних лугах
Молодых кобылиц повалив,
Поставив большие котлы на огонь,
Кусками толстыми жир нарубив,
Обильное для гостей
Угощенье готовили там…

Тридцать дней и ночей подряд
Веселые игры шли;
Объедались обжоры
Густой едой,
Тешились борьбой силачи;
Кукушки весело куковали,
Вяхири ворковали…
Парни пляски вели,
Как серые журавли,
Пели девушки,
Как белые журавли…

Омоллоона жизнь
Прославляли там,
Олонхо запевали там:
— Расцвело заповедное лоно земли,
Взошло, теплом и светом даря,
Солнце счастливой судьбы…
Добрый выпал нам жребий —
В радости жить,
Множиться, расцветать,
Горя былого не знать…

Так на благодатной
Средней земле,
На медной равнине ее,
На золотой вершине ее,
На тучном лоне ее,
Изобилием всяческим одарен,
Неколебимой судьбой наделен,
Дружною семьей окружен,
Счастливо жил, говорят,
Защитник народа саха
Богатырь могучий
Нюргун Боотур;
И о нем сложили в былом
Великое олонхо.